NL
56
B42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

XXVIII

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Z K
S6
B42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1968

СПИБ
ОБМЕН. ФОНД

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

З. В. Удальцова (ответственный редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. А. Алпатов*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
Р. А. Наследова (отв секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*

ГОСУД ПУБЛИЧНАЯ
ПОГАШЕНО
1963

1-6 3
31-67(1)

СТАТЬИ

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Весь советский народ и все прогрессивное человечество отметили славный юбилей — пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории нашей планеты. Вместе со всем народом отмечали этот праздник и советские византинисты. С первых лет Советской власти в нашей стране утвердилась замечательная традиция — в знаменательные даты истории нашей социалистической родины подводить итоги успехов за истекший срок и определять ближайшие задачи на будущее. В постановлении Центрального Комитета КПСС от 4 января 1967 г. о подготовке к празднованию 50-летия Октябрьской революции говорится, что лучшим видом празднования годовщины Великого Октября является сосредоточение внимания на нерешенных в предшествующий период задачах [1].

Сложным было становление и развитие марксистского византиноведения в нашей стране в первые десятилетия Советской власти. Эта отрасль медиевистики пользовалась особым покровительством и вниманием идеологов самодержавия. Реакционный лозунг «православие, самодержавие и народность» явно или завуалированно проводился в трудах многих дореволюционных византинистов. Советское византиноведение как марксистская отрасль медиевистики формировалось в особенно трудных условиях, и тем не менее в 30-х годах в Советском Союзе сложилась своя школа византинистов-марксистов. С тех пор советское византиноведение добилось значительных успехов.

Важнейшие этапы развития нашей отрасли науки были освещены в печати вплоть до 1960 г. [2] К этому времени была в основном создана марксистская концепция развития Византии на всем протяжении ее тысячелетней истории, что позволило советским византинистам приступить

[1] «Коммунист», 1967, № 1, стр. 12.

[2] Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения.— Вестник Академии наук. М., 1951, № 5; М. В. Левченко. Византиноведение в СССР.—УЗ Ленинградского госуниверситета. Л., 1949, № 112, серия ист. наук, вып. 14; Н. С. Лебедев. Византиноведение в СССР за 25 лет.— Сб. «25 лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942; В. И. Пичета. Академия наук и византиноведение в советское время.—«Вестник АН», 1945, № 5—6; З. В. Удальцова. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. М., 1955; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы истории Византии.— ВИ, 1958, № 10; Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Основные проблемы византиноведения в советской историографии.— Сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1963; З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. Советское византиноведение в 1955—1960 гг.—ВВ, т. XXII, 1963; З. В. Удальцова. Византиноведение (§ 2 гл. IX. Развитие советской медиевистики).—«Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1961; Н. П. Соколов. Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959.

к работе над обобщающим коллективным трудом «История Византии» в трех томах (100 п. л.), который вышел в свет в юбилейном году.

Вместе с тем работа над этим фундаментальным трудом показала, какие проблемы византийской истории являются еще недостаточно изученными в советском византиноведении, какие вопросы требуют пересмотра на новом этапе развития науки, какие же остались и остаются еще вне поля зрения византинистов-марксистов.

Учитывая накопленный опыт, советские византинисты в год пятидесятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции определили свои задачи на будущее, составив перспективный план развития византиноведения в нашей стране. Эту программу научно-исследовательской работы в области византинистики, выработанную с учетом развития мировой византиноведческой науки на современном этапе, советские византинисты публикуют в юбилейном томе «Византийского временника» для того, чтобы ознакомить со своими планами широкие круги нашей научной общественности и улучшить координацию работы всех советских византинистов.

Центральной, принципиально важной методологической проблемой, вставшей в настоящее время перед византиноведением, является комплексное изучение истории византийского общества во всех его важнейших проявлениях — осмысление истории этого общества как единой развивающейся системы. Усилия византинистов в ближайшие годы должны быть направлены на изучение как общих закономерностей, так и специфических особенностей феодальной формации в Византии, чтобы воссоздать историю империи как единого социального целого, объемлющего и базисные и надстроечные явления. Это означает, что наряду с продолжением разработки основных проблем социально-экономической истории Византии и классовой борьбы в византийском обществе, необходимо обратиться к исследованию кардинальных проблем культуры, идеологии и общественной мысли Византийской империи.

I. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

В течение по крайней мере тридцати последних лет проблемы социально-экономической истории Византии стояли в центре внимания советских византинистов. Именно в этой области византиноведения советские ученые достигли наибольших успехов, которые нашли признание в науке. В марксистской историографии имеются солидные исследования по внутренней истории Византии IV — VI вв. (труды Н. В. Пигулевской, З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова), VIII — первой половины IX в. (книги Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмова), IX—X вв. (работы А. П. Каждана, Р. А. Наследовой, К. А. Осиповой), XI — XII вв. (исследования К. Н. Юзбашяна, Г. Г. Литаврина, М. М. Фрейденберга), XIII —XV вв. (книги Н. П. Соколова, Б. Т. Горянова, К. В. Хвостовой, А. П. Каждана и статьи В. В. Сметанина, М. А. Поляковской).

Социально-экономической истории уделено первостепенное внимание и в трехтомной «Истории Византии». В этой отрасли византиноведения и в настоящее время ведется острая идеологическая борьба между марксистской и буржуазной наукой. Советские византинисты ни в коей мере не могут ослабить внимание к вопросам социально-экономической истории Византийской империи. Эта задача является тем более настоятельной, что общая марксистская концепция социально-экономического развития Византии в некоторых своих частях еще не детализирована. Целые периоды, охватывающие столетия, еще не подверглись внимательному изучению. Между тем буржуазное византиноведение уделяет все большее и большее внимание социально-экономической истории Византии (работы П. Лемерля, Э. Гликаци-Арвейлер, Н. Звороноса, И. Караяннопулоса,

А. Гийу, А. Хольвега, Д. Якоби и др.). Расширяется и источниковедческая база исследования (опубликованы некоторые новые источники, например «Фиванский кадастр», актовый материал для византийской Италии, готовятся новые издания архивов Афона и Лемвиотиссы).

Исследования советских византинистов по социально-экономической истории Византии в будущем будут, видимо, вестись в трех основных аспектах:

1. Изучение новых, ранее еще не ставившихся в науке вопросов или целых малоизученных периодов.

2. Применение новых методов исследования к уже рассматривавшимся периодам (структурный метод, тщательная обработка статистических данных, демографический анализ и т. п.).

3. Обследование новых источников, данные которых могут изменить сложившиеся в науке концепции.

Для дальнейшего расширения круга источников особое значение приобретает еще более интенсивное изучение византийских папирусов, в частности тех, которые хранятся в музеях и архивах СССР, использование данных греческой эпиграфики, всестороннее обследование замечательного собрания византийских свинцовых печатей Государственного Эрмитажа, описание и изучение греческих рукописных сокровищ Советского Союза, привлечение данных нумизматики, археологических изысканий, анализ произведений византийского искусства, в том числе книжной миниатюры как исторического источника, содержащего интересные бытовые реалии.

Из новых проблем внимание византинистов на современном этапе развития науки привлекают следующие вопросы.

1. Взаимоотношения города и деревни. Советские византинисты немало сделали по аграрной истории Византии, несколько меньшие успехи достигнуты в изучении истории византийского города. Систематическому исследованию на локальном материале эта проблема подверглась лишь в работах М. Я. Сюзюмова (город X в., главным образом Константинополь) и Г. Л. Курбатова (Антиохия в IV — VI вв.). Более широко, на общевизантийском материале, эту проблему поставил А. П. Каждан — в основном применительно к IX — X вв. По-прежнему остается одной из наименее изученных проблем история византийского города в эпоху классического средневековья (XI — XII вв.) и особенно в поздневизантийский период. До сих пор в полном объеме еще не поставлена проблема взаимоотношения города и деревни Византии. Правда, некоторые исследователи уже вплотную подошли к этой проблеме, но до ее разрешения еще очень далеко. В зарубежной науке эта проблема вообще не ставилась.

Применительно к истории Византии было бы весьма плодотворным рассматривать возникновение и развитие городов в непосредственной связи с общей эволюцией всех общественных отношений феодальной эпохи. Поставив город в общие рамки развития всего феодального общества, проследив взаимоотношения города и деревни, города и государства, можно было бы обнаружить многообразие путей формирования средневековых городов в различных областях Византийской империи. Город выступил бы как один из важнейших компонентов «византийского» типа феодальных отношений в Европе. Город должен изучаться не только как экономический центр, но и как центр общественной, политической и культурной жизни. Это помогло бы разрешению длительного спора между сторонниками континуитета в развитии городов, с одной стороны, и приверженцев теории «прерывности», с другой.

Только выяснение взаимного влияния социально-экономического развития города и деревни может пролить свет на такую коренную проблему, как разложение античного полиса и формирование феодального города

в Византии. Это особенно важно для византинистов, поскольку Византия в раннее средневековье была государством с развитыми товарно-денежными отношениями и всегда считалась «страной городов».

В настоящее время М. Я. Сюзюмов и Г. Л. Курбатов готовят фундаментальные исследования, посвященные роли городов в процессе генезиса феодализма в Византии.

Необычайно важно проследить роль городов в период классического феодализма, их взаимоотношения с феодальным поместьем, влияние натурализации хозяйственной жизни Византии на перемены в организации ремесла и торговли в городских центрах империи.

До сих пор остается неясным характер эволюции социально-экономического строя византийских городов в последний период существования империи. Без выяснения вопроса о формах ремесленного производства и зарождении мануфактур в городах Византии XIII — XV вв. невозможно уяснить общие процессы разложения феодализма и появление ростков предкапиталистических отношений в поздней Византии.

Отрадно, что эта сложная проблема привлекла внимание нашей молодежи. На основе анализа социально-экономического строя столицы Мореи города Мистры И. П. Медведев (Ленинград) ставит своей задачей установление общих закономерностей развития городов в поздневизантийскую эпоху.

Естественно, что при изучении специфики византийского города необходимо применить сравнительный метод и сопоставить развитие городов Византийской империи с аналогичными процессами в Западной Европе, на Руси, в южнославянских странах и на Востоке.

Разработка проблемы взаимоотношения города и деревни в Византии поможет определить специфические черты византийского варианта феодальных отношений, установить типологию византийского феодализма.

2. Проблема локальных особенностей развития византийских провинций. До сих пор советские византинисты при изучении социально-экономической истории Византии четко выделяли в особые территориальные комплексы, развитие которых отличалось значительной спецификой, лишь Египет, Сирию, Болгарию и византийскую Италию. В отношении остальных византийских провинций имела место тенденция распространять выводы, сделанные на локальном материале, на всю территорию Балкан и Малой Азии. Теперь стали очевидными недостатки этого метода исследования. Ставится вопрос о специфике развития Пелопоннеса, Греции, Эпира, Македонии, Фракии, приморских и центральных районов Малой Азии, Трапезунда. Однако выявление этой специфики остается еще задачей будущих исследований.

3. Вопрос об уровне социально-экономического развития Византии в XI в.— в период перехода от раннего к классическому средневековью в Византии. Слабая изученность истории (особенно внутренней) этого столетия — факт, признанный мировой историографией, что и было отмечено на недавно состоявшемся XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде. В настоящее время к работе над такого рода исследованием приступил Г. Г. Литаврин.

К числу тем, уже рассматривавшихся в науке, но нуждающихся в дальнейших изысканиях с применением новых методов исследования и с учетом вновь открытых источников, следует отнести следующие проблемы:

1. Проблема перехода от античности к средневековью, от рабовладения к феодализму, вопрос о преемственности и качественных изменениях позднеримских общественных институтов, об эволюционных и революционных преобразованиях всего хозяйственного и социального строя Восточной Римской империи в IV — VII вв. Проблема эта еще далека от своего решения, хотя в этой области советскими учеными уже достигнуты изве-

стные успехи (труды Н. В. Пигулевской, Е. М. Штаерман, К. К. Зельина, З. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, А. Р. Корсунского и др.).

В ближайшем будущем продолжать исследования по этой теме в той или иной степени намерены в широком сравнительно-историческом плане на материале стран Ближнего Востока и Византии член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, на основании данных папирусов византийского Египта И. Ф. Фихман (Ленинград), в аспекте сравнения аналогичных процессов в Западной и Восточной империи — А. Р. Корсунский и З. В. Удальцова.

2. Проблема внутренней истории Византии в период латинского владычества, вопрос о степени взаимного влияния западных и византийских институтов, об особенностях развития разных областей бывшей Византийской империи (Пелопоннес, Греция, Эпир, Македония и Фракия, Малая Азия, Трапезунд). В целом социально-экономическая история этого периода лишь затронута в монографии Б. Т. Горянова и в книге Н. П. Соколова.

3. Проблема позднего феодализма в Византии, существом которой является вопрос о том, вызревали ли в недрах византийского общества накануне падения империи элементы нового способа производства, или же хозяйственная и социальная жизнь Византии отличалась в этот период лишь явлениями застоя и упадка. Этот вопрос еще остается спорным.

4. Типология византийского феодализма — проблема, в значительной мере зависящая от решения выше названных вопросов, уже поставленная в советском византиноведении. Эта проблема приобретает особую важность *именно для византинистов, изучающих историю государства, лежавшего* на стыке между Европой и Азией. Успешное решение этой важной проблемы невозможно, однако, без постоянного внимания к глубоким конкретным исследованиям как по социально-экономической истории Византии, так и по истории идеологии византийского общества.

II. ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ВИЗАНТИИ

В последние годы советские византинисты интенсивно работали над проблемами классовой борьбы в Византии и достигли успехов в изучении отдельных народных движений в империи (народные восстания в IV — VI вв., движение павликиан, восстание Фомы Славянина, движения в X—XI вв., классовая борьба в конце XII в., восстание зилотов и др.).

Однако и здесь рассмотрение классовой борьбы в непосредственной связи с различными политическими, этническими и идеологическими явлениями помогло бы дальнейшему выяснению всего многообразия форм социальных столкновений в Византийском государстве. Это дало бы возможность теоретически осмыслить эволюцию классовой борьбы в Византии на разных этапах истории империи.

В области истории классовой борьбы в Византийской империи осталось еще не мало белых пятен. Так, например, ждут своего исследователя народно-еретические движения в ранней Византии. Необходимо выработать новые социологические критерии и методические приемы рассмотрения этой темы. Нас не могут удовлетворить ни применение метода «филиации идей», ни голое социологизирование. Выяснение равнодействующей всей совокупности различных социальных, политических и идейно-религиозных интересов во всей их жизненной многогранности — вот, на наш взгляд, ключ к пониманию сложного характера ранневизантийских ересей. Положив в основу исследования классовый анализ соотношения социальных сил, одновременно необходимо проследить сочетание, порою даже причудливое переплетение в одном и том же еретическом движении

социальных столкновений и философско-религиозных расхождений, этнических противоречий и сепаратистских тенденций.

Настоятельна необходимость, например, в теоретическом осмыслении характера и социальной сущности, политической и философско-религиозной направленности таких еретических учений, как монофиситство, арианство, а также таких народно-еретических движений, как манихейство, несторианство и другие.

Разумеется, выявление своеобразия ранневизантийских ересей возможно лишь при условии их сопоставления с аналогичными еретическими движениями и религиозными учениями на Западе и Востоке.

Так, например, весьма насущной задачей как для византинистов, так и для медиевистов-западников является рассмотрение в широком сравнительно-историческом аспекте такого сложного явления, как арианство. До сих пор остается неясной социальная направленность арианского учения, связи арианства с демократическими течениями, причины распространения его среди многих варварских народов, эволюция арианской церкви. Необходимо рассмотреть распространение арианства в связи с этническими изменениями, происходившими в Европе в период раннего средневековья. Этими проблемами в какой-то степени в будущем намерен заниматься А. Р. Корсунский. Первая попытка социальной характеристики арианства уже сделана М. Я. Сюзюмовым. Разыскания в этой области необходимо продолжать.

Для эпохи классического средневековья небезынтересно приступить к рассмотрению классовой борьбы в греческих государствах и в Латинской империи в XIII в., выяснить связь социальных столкновений с выступлениями народных масс против латинских завоевателей.

По-прежнему остается спорной оценка характера народных движений в поздней Византии. В связи с пересмотром в науке документальной базы истории восстания зилотов в Фессалонике в XIV в. назрела необходимость в новом глубоком исследовании этого крупнейшего народного восстания в Византийской империи. К выполнению этой задачи уже приступил М. Я. Сюзюмов и его ученики.

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ВИЗАНТИИ

В целом эта проблема специально не разрабатывалась в советской историографии. Вопрос о социальной сущности Византийского государства и его эволюции на протяжении тысячелетия в полном объеме еще даже не ставился в советском византиноведении.

Между тем проблема истории Византийского государства пользуется особенно пристальным вниманием в буржуазной византинистике. Развиваемые при этом взгляды носят нередко откровенно реакционный характер (апологетика византийского деспотизма).

Слабо разработаны, лишь поставлены или совсем не исследованы в советском византиноведении, например, такие проблемы:

1. Формирование Византийского государства в переходный период IV — VII вв. Его социальная природа. Причины и характер перемен в структуре государственного аппарата. Государство и церковь. Формирование официальной идеологии. Теоретические основы императорской власти.

2. Социальная структура Византийского государства на разных этапах его развития. Классы, прослойки, сословия.

3. Структура государственного аппарата, центральное и провинциальное управление.

4. Законодательство и юрисдикция. Средства и методы принуждения.

5. Административное устройство Византийского государства.

6. Налоговая система, натуральные повинности населения.

7. Армия. Система обороны границ. Наемные войска. Военные повинности.

8. Этнический состав государства и особенности управления разными провинциями. Место и значение иноплеменной знати.

Крайне желательно в будущем создание специальных монографий, посвященных важнейшим аспектам истории Византийского государства и права на разных этапах существования империи. К изучению важнейших проблем истории византийского права приступила Е. Э. Липшиц.

IV. ВИЗАНТИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Традиционной темой русской и советской византинистики являются международные отношения Византии с ее соседями: с Русью, другими славянскими странами, с народами Кавказа, Ближнего Востока (с сирийцами, арабами), а также с государствами Западной Европы. При достаточной изученности внешней политики Византии в мировой историографии все же и в этой сфере византиноведения остаются некоторые лакуны. Так, требуют самого пристального внимания такие вопросы, как принципы и методы византийской дипломатии и их эволюция на различных этапах истории Византийского государства.

Еще не создана обобщающая история международных отношений средневековья, в которой видное место должно быть отведено именно византийской дипломатии, международным связям Византии с самыми различными народами и самыми отдаленными странами. Только это поможет определить вклад византийской дипломатической мысли в развитие средневековой дипломатии. Для углубления наших представлений о формах и методах византийской внешней политики предстоит еще изучить под этим углом зрения византийские хрисовулы — ярчайшие документы по истории византийской дипломатии.

Требует дальнейших разысканий и история внешнеполитических связей Византии, ее взаимоотношений с сопредельными странами. Наибольшее значение для нас, естественно, имеет проблема русско-византийских экономических, политических и культурных связей.

а) Русско-византийские отношения

Проблема русско-византийских отношений всегда занимала особое место в русской и советской византинистике. Значительный интерес к ней проявляли крупнейшие историки и филологи, русисты Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Н. Н. Воронин, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, а также византиноведы — М. А. Шангин, Е. Ч. Скржинская, П. О. Карышковский, Г. Г. Литаврин, Н. Я. Половой, А. П. Каждан, З. В. Удальцова.

В зарубежной историографии в настоящее время также наблюдается оживление интереса к этой теме (Л. Мюллер, Г. Вернадский, Д. Д. Оболенский, П. Сорлен, А. В. Соловьев, Э. Франчес, И. Дуйчев, В. А. Мошин и др.). Значительное место вопрос о русско-византийских отношениях занял на XIII конгрессе византинистов в Оксфорде.

Некоторые вновь открытые материалы источников, как правило, своевременно становятся достоянием науки (работы В. В. Кропоткина, В. Л. Янина, Г. Г. Литаврина и др.). Однако необходимо постоянное внимание к этой проблеме. Новые археологические открытия, достижения в области сравнительной лингвистики и вспомогательных дисциплин, а также в области истории искусства и культуры, несомненно, приведут в будущем к необходимости дальнейшей углубленной разработки всей этой проблемы на ее современном научном уровне.

В настоящее время Е. Ч. Скржинская завершает работу над монографией «Византия и Русь в международных отношениях XII в.». В будущем она предполагает расширить круг своих исследований в этой области и приступить к работе над новым синтетическим трудом на тему: «Внешняя политика Византии и торговля Константинополя в бассейне Черного моря в XII — XV вв.»

Группа видных ученых, объединенных вокруг Пушкинского дома и возглавляемая Д. С. Лихачевым, изучает русско-византийские связи в идеологическом и культурно-историческом аспекте. Сам Д. С. Лихачев за последние годы создал ценное теоретическое исследование вопроса о влиянии византийской культуры, в частности, литературы, на Русь (этой проблеме был посвящен и его доклад на конгрессе в Оксфорде).

Проблемой русско-византийских связей занимаются и ученики Д. С. Лихачева. Г. М. Прохоров готовит работу на тему «Связи Московской Руси и Византии в XIV в.»; проблеме «Византия после Византии» и особенно византино-русским идейным и культурным связям посвящает свои работы Б. Л. Фонкич (МГУ) и И. Н. Лебедева (Ленинград).

Разработка вопроса о русско-византийских отношениях займет известное место в перспективном плане сектора истории СССР эпохи феодализма Института истории АН СССР.

Неотложной задачей в настоящий момент, на наш взгляд, является подготовка молодых специалистов в этой области. Недостатком работ советских историков по этой теме является то, что эти исследования порой ведутся разобщенно. Этот недостаток должен быть преодолен при подготовке в будущем специалистов по русско-византийским отношениям.

б) Византия и славяне

Эта проблема в последние годы усиленно изучается в советской и зарубежной историографии, особенно в трудах ученых европейских социалистических стран. Особое внимание при этом уделяется вопросу славянской колонизации Византийской империи. В научный оборот введены новые источники, некоторые, уже известные прежде, критически переизданы, проведены археологические раскопки, давшие ученым дополнительный материал.

В советской историографии однако до сих пор нет еще обобщающего монографического исследования, в котором рассматривались бы отношения Византии и славян, поселившихся на ее территории в VI — X вв. Между тем разработка этой проблемы необходима для решения спорного вопроса о роли славян в процессе формирования феодализма в Византии. Необходимо научное переосмысление всей проблемы в целом для преодоления ошибочных националистических теорий, бытующих кое-где и поныне в греческой и американской литературе. Этот пробел в будущем должно восполнить исследование Р. А. Наследовой «Византия и славяне в период генезиса феодализма».

в) Византия и народы Кавказа

Изучение взаимоотношений Византии и народов Кавказа, естественно, составляет научный домен ученых Армении, Грузии и Азербайджана (С. Т. Еремян, Р. М. Бартикян, К. Н. Юзбашян, С. Г. Каухчишвили, Е. П. Метревели, Н. Ю. Ломоури, Р. Гусейнов и др.). Эта проблема останется в центре их внимания на ближайшие годы. Наиболее спорными являются вопросы о характере византийского влияния на народы Кавказа, о роли византийского культурного наследия в формировании культуры этих стран. Политически весьма актуален вопрос об оценке последствий сельджукского завоевания для народов Закавказья. Этот вопрос подвергается особой фальсификации в буржуазной историографии.

V. ИСТОРИЯ ИДЕОЛОГИИ, ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ ВИЗАНТИИ

Сфера изучения византийской идеологии до последнего времени во многом еще оставалась за пределами научных интересов советских византинистов. Между тем, значение этой проблемы ни в коей мере не следует преуменьшать.

Во-первых, подлинный историзм состоит в том, чтобы дать всестороннюю картину общественной жизни. Мы не можем ограничиться характеристикой только социально-экономических отношений, если хотим понять место Византии в истории человечества, но должны рассмотреть во всей совокупности и базисные и надстроечные явления, проследить развитие в Византии общественной мысли, философии, науки, борьбу идейно-политических течений, эволюцию византийской культуры в целом. Необходим новый подход к проблемам идеологии, их комплексное обследование как взаимосвязанных явлений общественной жизни.

Во-вторых, византийское влияние на славян и в том числе на Русь проявлялось не столько в экономической и даже политической сфере, сколько в плане идеологическом. Разумеется, русские книжники средневековья по-своему переосмыслили византийское наследие, но никто не станет отрицать в настоящее время, что значительные элементы русской общественной мысли — как официальной, так и оппозиционной — были почерпнуты из общения с Византией. Изучение византийской идеологии существенно, таким образом, и для отечественной истории.

В-третьих, одна из кардинальных задач, которую способна решить только советская историческая наука, вооруженная марксистским методом, состоит в том, чтобы вскрыть земные, материальные предпосылки богословской мысли средневековья, в частности — византийской теологии, показать реальные социально-экономические и политические интересы, которые стояли за тринитарными, христологическими, иконоборческими или исихастскими спорами.

В-четвертых, одна из актуальнейших научно-политических проблем современности — проблема «Запад — Восток»— связывается в зарубежной историографии с судьбами Византии, в особенности с развитием византийской общественной мысли, будто бы коренным образом отличавшейся от западноевропейской. Советские ученые показали принципиальное сходство византийских общественных учреждений с западными, конечно, при известных типологических различиях, теперь надлежит показать сходство и различие в идеологической жизни Византии и Запада.

Таким образом, проблема истории византийской общественной мысли является актуальной и в научном, и в политическом отношении. Задача ее изучения распадается на ряд конкретных разделов. Необходима большая работа по разысканию новых рукописных материалов. Целесообразно создание ряда индивидуальных монографий о жизни и деятельности выдающихся византийских деятелей культуры, философов, риторов, писателей, поэтов, мыслителей, ученых, историков и т. п. В отличие от античных писателей, византийские авторы изучены очень плохо. Это обусловлено тем фактом, что их сочинения во многих случаях либо не изданы полностью, либо изданы в самое последнее время.

Необходимо сравнительное изучение произведений византийских писателей. До последнего времени в зарубежной литературе господствует метод генетического анализа сочинений византийских авторов, т. е. выяснение их догматической зависимости от предшественников. В результате создавалось ошибочное представление, будто византийская общественная мысль отличалась косностью, не оригинальностью. Советские исследователи в последние годы все энергичнее настаивают на применении иного — структурного — метода, который состоит в том, чтобы изучать

творчество того или иного мыслителя в функциональной зависимости от времени и общественной структуры.

От индивидуальных характеристик — к сопоставлению, но не генетическому, а структурному — таков логический путь развития исследовательской мысли в этой области.

Следующим — наиболее сложным — этапом должно стать выяснение социальной природы тех или иных концепций, сложившихся в Византии. Зарубежное византиноведение до сих пор упорно отказывается ставить вопрос о классовом характере творчества византийских мыслителей. Проблема эта тесно связана с проблемой социальной психологии. К сожалению, разработка проблем социальной психологии византийского общества делает еще только первые шаги. Исследования в этой сфере необходимо всячески стимулировать. Мы не можем относиться к общественным идеям как к продукту лишь индивидуального творчества, как к созданию гения, распространяющего свои идеи в массах. Гений — лишь чуткий инструмент, оптимальным образом улавливающий настроение масс.

Развертывая исследования в области византийской общественной мысли, необходимо избрать в качестве первостепенного объекта критические моменты византийской истории, периоды ломки общественного сознания, когда его особенности и тенденции обнаруживались наиболее остро и ярко.

В соответствии с этим советские византинисты сосредоточивают внимание главным образом на трех периодах истории империи:

1. Период IV — VI вв., когда совершался переход от рабовладельческой социально-экономической формации к феодальной и когда соответственно происходила ломка старых идеологических представлений и формирование новых. Эта борьба, в частности, находила выражение в открытой и скрытой полемике между христианством и язычеством.

Вопросами о связи сирийской литературы с общественными и философскими течениями в византийской общественной мысли в последние годы занимается Н. В. Пигулевская. Идеологической борьбе в Византии IV — VI вв. будет посвящена работа З. В. Удальцовой. Автор предполагает изучить труды историков и хронистов, агиографическую и публицистическую литературу, эпистолографию, произведения риторов раннего периода. Автор ставит целью проследить борьбу нового и старого — как она отразилась в общественной мысли эпохи. При этом будет сделана попытка вскрыть всю сложность этой борьбы, взаимопереплетение противоречивых интересов, наличие прогрессивных и реакционных тенденций среди представителей разных лагерей.

По истории общественной мысли этой же эпохи ведут исследования советские ученые других научных центров. Эти штудии носят более частный характер, однако в своей совокупности они будут содействовать осмыслению сложного процесса идейной ломки в ранней Византии. Так, С. С. Аверинцев (Москва) приступил к исследованию философского и социального содержания латинской и греческой патристики. Сотрудница Института мировой литературы Т. А. Миллер изучает эстетические сдвиги в литературе IV — V вв., отразившиеся в творчестве Василия Кесарийского и Иоанна Златоуста. Т. В. Попова готовит монографию о творчестве крупнейшего языческого полемиста IV в. Юлиана Отступника. В. Д. Неронова (Пермский университет) исследует сочинения современников и сторонников императора Юлиана, историков Аммиана Марцеллина и Ливания.

2. Период XI — XII вв., когда в Византии происходили процессы, аналогичные западноевропейским: формировалась новая интеллигенция, подвергались критике традиционные идейные и эстетические принципы, закладывались основы рационализма. В настоящее время А. П. Каждан готовит книгу на тему «Идейно-политическая борьба в Византии XII в.». В этой работе дается попытка охарактеризовать развитие византийской

идеологии в XII в. в тесной связи с развитием общественных отношений. Исследование основано на изучении всего круга византийских авторов конца XI — XII вв., включая ряд неизданных произведений. Сюда входят исторические, агиографические, риторические, эпистолярные памятники, стихотворения и т. д. Рассматривается развитие философско-богословской мысли, литературы, науки и образованности, эстетических воззрений. В силу состояния источников основное внимание уделено общественной борьбе внутри господствующего класса, но вместе с тем — и социальной психологии и идеологии народных масс, прежде всего — городских.

Грузинская покойная исследовательница Н. Н. Кечакмадзе работала над произведениями византийского мыслителя конца XI в. Иоанна Итала; Я. Н. Любарский (Ленинград) приступил к изучению творчества крупнейшего византийского писателя и философа XI в. Михаила Пселла («Михаил Пселл, личность и мировоззрение»).

3. Особого внимания заслуживает проблема так наз. «византийского гуманизма» и его генетических связей с итальянским гуманизмом. Решение этой трудной проблемы предполагает анализ развития философской и общественно-политической мысли в поздней Византии в целом. Полезно также создание отдельных монографий о наиболее выдающихся византийских мыслителях XIV — XV вв. В настоящий момент К. А. Осипова начала разработку темы «Гуманистические идеи в общественной жизни Византии конца XIII — начала XIV в.». Целью исследования явится выявление социально-политической сущности прогрессивного, гуманистического направления в общественной мысли Византии этой эпохи. В центре внимания автора будет находиться изучение творчества философов, риторов, поэтов, филологов, группировавшихся в так называемом «кружке» Феодора Метохита (Максим Плануд, Мануил Мосхопул, Фома Магистр, Димитрий Триклиний и др.).

Византийская культура острова Кипра и ее связи с русской культурой являются предметом разысканий О. А. Белобровой (Ленинград, Пушкинский дом). Анализом философско-политических взглядов византийского мыслителя XV в. Георгия Гемиста Плифона думает заняться И. П. Медведев.

4. До сих пор еще не создана марксистская история византийской философии и науки. Заслуживает внимания разработка проблемы эволюции в Византии научных знаний, развития естественных наук, космогонических и космографических представлений, что поможет разрешить спорный вопрос о масштабах сохранения античного научного наследия в средневековом византийском государстве.

На наш взгляд, в настоящее время назрела настоятельная необходимость создания серии монографий по истории общественной мысли и культуры Византии. В дальнейшем на основе монографических исследований будет возможно написать обобщающий коллективный труд по узловым проблемам византийской культуры.

Комплексное изучение различных явлений общественной жизни империи поможет нашим советским византинистам полнее осмыслить место Византии во всемирно-историческом процессе.

VI. ИЗУЧЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН И ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Насущной задачей дальнейшего развития византиноведения является усиление внимания к вспомогательным дисциплинам: греческой палеографии, папирологии, кодикологии, нумизматике, сфрагистике, исторической географии, демографии и др. Советские палеографы (Е. Э. Гранстрем, Б. Л. Фонкич, З. Г. Самодурова, И. Н. Лебедева и др.) совместно с Археографической комиссией АН СССР готовят издание сводного каталога

всех греческих рукописей советских собраний. Сотрудница сектора византиноведения З. Г. Самодурова намерена заняться составлением каталога греческих рукописей Библиотеки им. Ленина и ЦГАДА. Необходимо приступить к составлению сводного каталога всех византийских монет в хранилищах СССР (К. В. Голенко, И. В. Соколова и др.), а также к изданию драгоценных собраний византийских печатей Эрмитажа (В. С. Шандровская).

Советским византинистам крайне важно принять участие в создании международного сводного каталога греческих рукописей и в издании корпуса византийских источников, публикуемого Международной ассоциацией византинистов.

Весьма плодотворным является издание серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Серия памятников пользуется большой популярностью и в СССР и за рубежом, все ее тома уже стали библиографической редкостью. В настоящее время готовятся к печати издания следующих источников: 1. Критическое издание с латинским текстом венгерской хроники Яноша Туроци — оно подготовляется совместно с Венгерской Академией наук, в работе с советской стороны участвуют секторы византиноведения и стран народной демократии (В. П. Шушарин, К. А. Осипова, переводчик Д. А. Дрбоглав — МГУ), с венгерской стороны — профессор Э. Маюс и А. Бартэ. 2. «Стратегикон» Кекавмена — новое издание по единственной рукописи ГИМ'а подготовляет Г. Г. Литаврин. 3. «История» Дуки (XV в.), перевод, статья и комментарий готовятся С. К. Красавиной (Казань). 4. «История» Лаоника Халкокондила (XV в.) — подготавливается Е. Б. Веселаго. 5. Труды Михаила Пселла (XII в.) — готовит Я. Н. Любарский. 6. Лев Диакон (X в.) — издают М. М. Копыленко и М. Я. Сюзюмов. В дальнейшем надо шире практиковать издание в данной серии неопубликованных источников по рукописям советских собраний.

В заключение хочется подчеркнуть, что советские византинисты смогут с успехом выполнить стоящие перед ними задачи лишь при условии постоянного плодотворного сотрудничества с медиевистами-западниками, востоковедами, славистами, историками СССР, кавказоведами, а также с византиноведами стран социалистического лагеря и прогрессивными учеными других зарубежных государств.

З. В. Удальцова

М. Я. СЮЗЮМОВ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗИЛОТОВ В 1342—1349 гг.

События в Фессалонике в 1342 — 1349 гг. долгое время мало привлекали внимание историков. Обычно их рассматривали как кровавый эпизод в междоусобице после смерти Андроника III, а чаще не упоминали вовсе.

Первым исследователем, который вплотную занялся историей событий в Фессалонике, был ученик Шарля Диля, румынский историк О. Тафрали [1]. Он начал работать над этой темой в условиях, когда, под влиянием революции 1905 г. и усиления активности рабочего класса в капиталистических странах, повысился интерес к народным восстаниям. Тафрали обрисовал события в Фессалонике так модернистски, что, казалось, фессалоникийские зилоты в своей социальной программе почти предвосхищали коммунаров Парижа 1871 г. Согласно Тафрали, восстание в Фессалонике — не эпизод междоусобной войны, а самостоятельное социальное движение городских низов, причем движение в духе многочисленных выступлений демократии в итальянских городах XIV в., особенно генуэзского восстания под руководством Симона Бокканегро.

Большинство последующих историков приняли в основном с некоторыми вариациями концепцию Тафрали. Ее повторил Ш. Диль [2]. П. Я. Яковенко, считая труд Тафрали ценным вкладом в науку, тем не менее отметил, что румынский ученый неправомерно относит партию зилотов к низам [3]. Ф. И. Успенский поддержал тезис Тафрали о том, что движение в Фессалонике произошло под влиянием итальянских волнений [4], хотя и не решился признать наличие прямой связи с генуэзским восстанием.

В советской историографии движением в Фессалонике занялся А. К. Бергер [5], который, фактически примыкая к Тафрали, квалифицировал выступление в Фессалонике как демократическую революцию, проводимую торгово-промышленными кругами экономически передового города. М. В. Левченко в своей «Истории Византии» считал выступление зилотов попыткой создания на территории Византии торгового государ-

---

[1] O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913.

[2] Ch. Diehl. Les journées révolutionnaires byzantines.—«Le Revue de Paris», 1928, 1 nov., № 21.

[3] П. Я. Яковенко. Рецензия на труд Тафрали.— ВВ, XXI, ч. 2, 1914, стр. 180—191.

[4] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 712.

[5] А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в.—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1930, стр. 447—456.

ства по образцу итальянских городов-республик [6]. И в дальнейшем в советской литературе события в Фессалонике связывались с проблемой кризиса феодализма в Византии. Так, согласно Б. Т. Горянову, «это была подлинная борьба двух антагонистических классов поздневизантийского феодального общества, из которых один стремился сохранить за собой свои привилегии, а другой — сбросить иго феодальной эксплуатации»[7]. В основе этой концепции лежало представление о тех широких социальных реформах, которые якобы были проведены зилотами. А. П. Каждан, в отличие от Б. Т. Горянова, акцентировал положение о принадлежности зилотов к состоятельным кругам населения Фессалоники [8] и совершенно не упоминал о связи их движения с итальянскими городскими восстаниями. Однако в анализе социальных реформ зилотов А. П. Каждан следует также за О. Тафрали.

Греческий византинист Г. Кордатос считает движение зилотов выступлением против феодальных порядков в целом [9]. Г. Острогорский [10] в первых изданиях своего труда называл события в Фессалониках социальной революцией и подчеркивал, что в византийских городах намечалось такое же явление, как и на Западе,— борьба низов против аристократии. Г. Кордатос и Р. Браунинг называли движение в Фессалонике «Фессалоникской коммуной»[11], что и отразилось в оглавлении трудов этих историков.

Отмечалось, что события в Фессалонике были звеном в общеевропейском движении 40-х гг. XIV в.[12] Историки задавались вопросом об идеологической стороне восстания, о связи зилотов с борьбой исихастов и варлаамитов [13], о вождях движения [14]. Во всей литературе не высказывалось сомнений в большом размахе и социальном характере проведенных зилотами реформ.

Однако теория о глубоких преобразованиях, которые стремились провести зилоты, покоилась в основном на отрывках из не изданного в то время трактата Николая Кавасилы: «Слово о тех архонтах, которые беззаконно расхищают церковное имущество» [15]. Тафрали привел в своем труде ряд отрывков из трактата и, опираясь на эти тексты, считал основой социаль-

---

[6] М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, стр. 246—249.

[7] Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962, стр. 345; см. его же. Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.).—«Известия АН СССР», серия истории и философии, III, 1946.

[8] А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII — XIV вв. М., 1952, стр. 189.

[9] Γ. Κ. Κορδάτου Κομμοῦνα τῆς Θεσσαλονίκης. Ἀθῆναι, 1928.

[10] G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940. Дальнейшие издания этого труда вышли на сербо-хорватском, французском, английском языках. Последнее (третье) издание на немецком языке вышло в Мюнхене в 1963 г., в этом издании оценка событий в Фессалонике подверглась пересмотру (см. G. Ostrogorsky. Geschichte... [3], S. 425, Anm. 1).

[11] Р. Браунинг. Комуната на зилотите в Солуни.— ИП, 1950 (VI), № 4/5.

[12] F. Dölger. Politische und geistliche Strömungen in sterbenden Byzanz.— «Jahrb. d. Osterr. byzant. Gesellschaft», II, 1952, S. 9; F. Graus. Die erste Krise des Feudalismus.—«Zeitsch. f. Geschichtswissenschaft», III, 1955, S. 552—592; R. Guilland. La commune zélote de Thessalonique 1342—1349.—«Actes du Congrès International des Études byzantines». Athènes, 1956; G. Ostrogorsky. Geschichte..., 2. Aufl., S. 407f.

[13] См. особенно Э. Вернер. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Фессалонике в 1342—1349 гг.— ВВ, XVII, 1960, стр. 155—202.

[14] P. Lemerle. L'émirat d'Aydin, Byzanz et l'Occident. Recherches sur la Geste d'Umur-Pacha. Paris, 1957, p. 160—162. Наиболее подробная библиография движения зилотов приведена в статье И. Шевченко. I. Ševčenko. The Zealot Revolution and the supposed Genoese Colony in Thessalonica.—«Hellenica», 4 («Προσφορὰ εἰς Στίλπονα Π. Κυριακίδην»). Thessalonica, 1953, p. 603, n. 1.

[15] Рукопись Национальной библиотеки в Париже № 1213. На существование этого источника впервые указал греческий филолог К. Сафа (C. Sathas. Documents inédits, IV. Paris, 1874), который стремился определить выступление зилотов как продолжение борьбы в античных городах Греции между аристократией и демократией

ной политики зилотов конфискацию имущества знати, использование в интересах общества владений и доходов церкви, в частности, монастырей, наложение на богатых контрибуций и поборов [16].

Совершенно новую обстановку в изучении истории фессалоникских событий создала сенсационная публикация в 1957 г. трактата Николая Кавасилы американским историком Игорем Шевченко [17].

К величайшему изумлению историков, давно уже ожидавших публикации этого важного источника, обнаружилось, что трактат вовсе не являлся выступлением против фессалоникских революционеров. Это сочинение оказалось обычным в византийской литературе сетованием церковника по поводу использования светскими властями церковных имуществ и против симонии. Таких выступлений было много в разные времена существования Византии. К тому же в трактате нигде нет и намека на то, что «Слово» обращено к зилотам. В трактате нет даже косвенных данных о мятеже, грабежах, насилии со стороны низов.

«Слово» представляет собой диспут между церковником и светскими властями. Церковник обвиняет, а светские власти («архонты») оправдываются. Они стараются доказать, что нет ничего предосудительного, если из монастырских имуществ берется часть для содержания военных сил. Довод церковника: нельзя имущество, посвященное жертвователями богу, употреблять на посторонние цели, так как этим нарушается воля жертвователей. Ответ архонтов: поскольку из монастырского имущества можно черпать средства для ремонта монастыря, для содержания рабов, для оплаты труда земледельца, строителей, хлебопеков..., то почему же недопустимо тратить средства на содержание солдат, которые защищают свободу и сражаются за святыни [18].

Если некоторую часть имуществ монастыря можно тратить на прокормление бедных, на содержание священников, на украшение храма, то ведь

---

[16] O. T a f r a l i. Op. cit., p. 247 sq. Необходимо отметить, что другие источники вообще не дают материала для признания факта проведения зилотами каких бы то ни было реформ. Главным источником является исторический труд, охватывающий события в Византии с 1320 по 1356 г., написанный экс-императором Иоанном Кантакузином (I o a n n i s C a n t a c u z e n i. Historiarum libri IV, vol. I — III. Bonnae, 1828—1832). Кантакузин уделяет большое внимание положению в Фессалонике. При этом он везде представляет фессалоникских деятелей как мятежников, в самом непривлекательном виде; краски Кантакузином сгущены. Но если говорить о реформах, о которых трактовал Тафрали, то окажется, что Кантакузин вовсе не считал зилотов социальными реформаторами. Он пишет о них мягко и осторожно, не упоминая ни о каких бы то ни было социальных реформах, ни о тех мероприятиях, которые они якобы проводили против монастырей.

Важнейшим источником является и история, написанная знаменитым византийским гуманистом Никифором Григорой (N i c e p h o r i G r e g o r a e. Historiae, vol. I — III. Bonnae, 1829—1835). Он тоже ставил целью дискредитировать движение зилотов, приписывая ему полный беспорядок, хаотическую, беспримерную в истории власть толпы и авантюристов (G r e g., II, p. 674), но о тех реформах, о которых пишет Тафрали, не упоминает и Григора.

Монодия Димитрия Кидониса (PG, t. 109), фессалоникского аристократа-гуманиста, превосходит всех ненавистью к зилотам — он приводит самые ужасные картины расправы зилотов над политическими врагами, хотя сам не был очевидцем событий, так как уехал из города до подавления мятежа Иоанна Апокавка. Но и он в своих письмах ничего не пишет о реформах (D é m é t r i u s C y d o n è s. Correspondance. Vaticano, 1960).

К важнейшим источникам об этом событии нужно отнести также проповеди (гомилии) митрополита Паламы, которые он произнес после прибытия в Фессалонику (PG, t. 150) и в которых обвинял горожан в безумии, мятеже, убийствах, но и он ничего не говорил о реформах, хотя не мог бы умолчать о них, так как, согласно Тафрали, они были направлены и против монастырей.

[17] N i c o l a s C a b a s i l a s. Anti-Zealot Discourse.— DOP, № 11, 1957 (далее — C a b a s i l a s. Discourse).

[18] ... τί γὰρ ἀδικοῦμεν εἰ καθάπερ στέγην ἰάσασθαι καὶ οἰκίαν πίπτουσαν ἀναρθῶσαι καὶ ἀγρῶν καὶ χωρῶν ἐπιμεληθῆναι, τὸν ἴσον τρόπον καὶ τοὺς ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν ἀγωνιζομένους τρέφειν κελεύομεν (C a b a s i l a s. Discourse, 6_{28-30}).

в этом и состоит служение богу, и это отнюдь не считается противоречащим воле жертвователей. Подобным же образом надлежит использовать средства и для содержания войска. Здесь безусловно оправдывается секуляризация церковных имуществ в пользу прониаров. Но здесь нет ни слова ни о каких иных реформах. Речь идет об обычных для монастыря хозяйственных делах и показной благотворительности, а именно эти строки и послужили для Тафрали аргументом для обоснования тезиса о широких социальных реформах зилотов.

Публикация текста «Слова» Николая Кавасилы подорвала всю концепцию о социальных реформах фессалоникских зилотов. Можно ли ныне утверждать, что широкая секуляризация, о которой говорится в трактате Кавасилы, относится к зилотам?

Естественно, появились попытки опровергнуть доводы американского издателя «Слова» и доказать, что этот документ является источником именно для истории фессалоникского движения. Однако эти попытки неубедительны: нет никаких оснований отнести «Слово» ко времени господства зилотов в Фессалонике [19].

Наиболее спорной проблемой, связанной со «Словом» Кавасилы, является вопрос о том, действительно ли в то время проводилась секуляризация, которая являлась, согласно Кавасиле, основным беззаконием, совершенным существовавшей в Фессалонике властью, была ли во время гражданской войны политическая возможность производить секуляризацию монастырских и церковных богатств без риска приобрести могущественного врага — монашество и церковь? Все боровшиеся тогда стороны — «Константинопольское правительство и Кантакузин и Стефан Душан стремились привлечь на свою сторону монастыри предоставлением привилегий и пожалований» [20]. Ни один источник того времени не может подтвердить факта секуляризации, якобы проведенной в Фессалонике, хотя Кантакузин, писавший о кощунстве некоторых зилотов, естественно

---

[19] Э. Вернер (Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Стр. 156—157, прим. 9) стремился показать, что Шевченко не удалось умалить значения этого источника. Вернер правильно заметил, что если Шевченко признает, что источник может относиться к Алексею Апокавку или патриарху Иоанну Калеке, то тем самым он может относиться и к зилотам, поскольку они составляли один лагерь. Но, приводя доводы в доказательство, что «Слово» направлено против зилотов, Э. Вернер ограничивается указанием на знатное происхождение Кавасилы, который, следовательно, должен быть враждебен зилотам. «Семья Кавасилы,— пишет немецкий историк,— конечно, пострадала от зилотов, если вовсе не была изгнана из города». Кавасила «постоянно говорит о митрополите, никогда о патриархе» (там же, стр. 156, прим. 9). В условиях революционной ситуации «секуляризация» могла бы стать «революционной мерой» (там же, стр. 157, прим. 9). Э. Вернер не замечает противоречия: мог ли Кавасила после массовых убийств знати в Фессалонике ничем не намекнуть на насилия и террор зилотов, объясняя все лишь «законными мероприятиями»? Чувствуя эти противоречия, В. Грохова (Прага) в своей рецензии на «Discourse» И. Шевченко (BS, XXI, 1, 1960, p. 91) считает, что трактат Кавасилы относится к зилотам более раннего периода, когда они еще стояли на позициях правительственной партии. Но и ее доводы не дают оснований отнести «Слово» ко времени выступления зилотов. Б. Т. Горянов в своей монографии «Поздневизантийский феодализм» (стр. 310—314) тоже связывает «Слово» с зилотами, но не прибавляет никаких новых доводов. Между тем даже при беглом ознакомлении с источником кажется странным, что в «Слове», если оно действительно относится к событиям в Фессалонике, абсолютно отсутствует колорит острой социальной борьбы. Поражает, что между обвинениями Кавасилы и обвинениями, которые бросил фессалоникийцам по приезде в город в качестве митрополита Палама, нет ничего общего. Трудно, наконец, представить, чтобы Кавасила — молодой великолепно образованный аристократ, которому во время событий в Фессалонике было не больше 22—26 лет и который не был ни монахом, ни даже клириком, мог выступать тогда с такой узко-монастырской позиции, что вполне было бы понятно только в более поздний период его жизни. Ответ И. Шевченко на появившиеся рецензии опубликован в 1962 г. (I. Ševčenko. A Postscriptum on Nicolas Cavasilas Anti-Zealot Discourse.— DOP, 16, 1962, p. 403—408).

[20] М. А. Полякovская. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 203—205.

не преминул бы привести и обвинение о грабеже святых обителей. Секуляризация церковных имуществ со времени Алексея I Комнина не проводилась в Византии, несмотря на ряд острых столкновений государства и церкви за истекшее после этого время. Только при Андронике II и патриархе Анастасии под угрозой турецкого наступления была достигнута договоренность о передаче военным ряда монастырских владений в Малой Азии. Секуляризацию не успели провести. Вплоть до второй половины XIV в. мы уже не встречаем сведений о секуляризации, как о мероприятии государственной политики, хотя и встречаются отдельные факты захвата монастырских земель в пользу прониаров [21].

Остро встал вопрос о секуляризации в 60-х гг. XIV в., когда Византия стояла перед лицом вторгшихся на Балканский полуостров турок. От 1367 г. сохранилась переписка Иоанна V с патриархом Филофеем по вопросу о секуляризации. Патриарх в синодальном постановлении хотя и считал противоканоническим поступок императора, но не протестовал резко, полагая, что император имеет власть поступать так, как он того хочет [22]. В 1371 г. после битвы у Марицы правительство Византии осуществило широкую передачу монастырских земель прониарам [23].

Для вопроса о хронологии «Слова» Кавасилы представляют особую важность сообщения о секуляризации монастырских имуществ в Фессалонике в начале 80-х гг. XIV в., когда фессалоникский митрополит Исидор (1380—1384 и 1386—1396) выступил с резким протестом против секуляризации, проводимой Мануилом II во время его управления Фессаликой [24].

Основным недостатком концепции Тафрали, как буржуазного исследователя, было сведение всей борьбы к противоречиям, проистекавшим от имущественного неравенства, к борьбе между бедными и богатыми. Создавалась упрощенная схема: борьба низов против верхов. В известной мере эта схема в ином обличии свойственна и марксистской историографии. События 1342—1349 гг. в Фессалонике трактуются только как борьба антагонистических классов, причем почти полностью игнорируется борьба разных прослоек господствующего класса, которую они вели между собой в специфических условиях переживаемого тогда Византией этапа феодального развития. Р. Браунинг и Э. Вернер считают особо замечательным то обстоятельство, что коммуна зилотов будто бы отражала более высокую форму социальных противоречий. Она якобы перешагнула рамки внутригородской борьбы за конституцию и превратилась в революционное движение, не останавливаясь перед глубокими преобразованиями [25]. Б. Т. Горянов, сохраняя все основные положения Тафрали о городских реформах зилотов, тем не менее утверждает, что «восстание зилотов не было городским движением, а скорее напоминает тип крестьянской войны, наподобие восстания Ивайла в средневековой феодальной Болгарии» [26]. Иначе говоря, отвлекаясь полностью от анализа борьбы Апокавка и Кантакузина, Б. Т. Горянов расценивает события

---

[21] G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 155; A. Soloviev — V. Mošin. Grčke povelje Srpskich vladara. Beograd, 1936, № 21. (Согласно этому источнику, Стефан Душан возвращал монастырю землю, захваченную не зилотами, а сторонниками Кантакузина.)

[22] MM, I, p. 507—514.

[23] G. Ostrogorsky. Pour l'histoire..., p. 161.

[24] См. G. T. Dennis. The Reign of Manuel II Paleologus in Thessalonica (1382—1387).—«Orientalia Christiana Analecta», 150. Roma, 1960, p. 89, n. 25. Опираясь на приведенные Деннисом материалы о секуляризации в Фессалонике при Мануиле II, И. Шевченко в своей ответной статье (I. Ševčenko. A Postscriptum..., p. 403—408) считает наиболее вероятным датировать трактат Кавасилы второй половиной XIV в. (год смерти Кавасилы неизвестен, но он умер не ранее 1371 и не позднее 1391 г.).

[25] Э. Вернер. Указ. соч., стр. 93; Р. Браунинг. Указ. соч., стр. 524.

[26] Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 339.

1342—1349 гг. только с точки зрения антагонистических противоречий присущих феодальному строю в целом.

Антагонистические противоречия не могут быть отделимы от данного способа производства; они являются, безусловно, *конечной* причиной всякого развития общественного бытия, поскольку народ — созидатель материальных и духовных благ, подлинный творец истории. В конечном счете все крупные движения являлись результатом социальных противоречий; борьба антагонистических классов является основным фоном на котором развертываются противоречия и внутри господствующего класса. Все средневековье представляет собой борьбу масс против эксплуататоров, цеплявшихся за собственность на землю, за влияние на правительство суверенного государства и за частную власть над трудящимся населением своих владений.

Признавая все это, мы не можем тем не менее объяснить всю сложность процессов, происходивших в феодальном мире, прямо и непосредственным наличием антагонистических противоречий.

Для анализа тех или иных исторических процессов, для установления движущих сил в определенных исторических событиях нельзя смешивать, какие противоречия являлись их *конечными*, а какие *конкретными* причинами на данном этапе. Иначе мы не могли бы понять характер и направление развития событий на каждом историческом отрезке времени, иначе мы дали бы упрощенную и совершенно неверную картину общественных явлений в данных конкретных условиях. Нельзя отрывать борьбу масс от той политической, идеологической, экономической борьбы которая происходила тогда в обществе. Те историки, которые изображают события в Фессалонике, прослеживая исключительно лишь перипетии борьбы антагонистических классов, фактически модернизируют историю поскольку прямое и непосредственное проявление антагонистических противоречий свойственно только эпохе капитализма, которая упростила классовые противоречия, расколов общество на два больших лагеря. «Все до сих пор происходившие движения,— сказано в Коммунистическом манифесте,— были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства» [27]. Даже массовые крестьянские выступления которые казались образцом прямого действия антагонистических противоречий, нуждались в руководстве со стороны «меньшинства» и имели прогрессивное значение только в том случае, если направлялись в интересах носителей новых, исторически прогрессивных производственных отношений.

Если в любом случае сводить основные причины и цели выступлений масс только к борьбе антагонистических классов, то всякое движение каков бы ни был его конкретно исторический характер, может быть представлено как социальная революция. Именно поэтому некоторые историки квалифицируют события в Фессалонике как социальную революцию причем более прогрессивную, чем события в итальянских городах, где в то время уже созревали определенные раннекапиталистические элементы и формировался класс буржуазии. Именно поэтому события гражданской войны 1342—1349 гг. представляются Б. Т. Горянову как движение в которое «были втянуты *только* (курсив мой.— *М. С.*) народные массы штурмовавшие не расшатанные еще твердыни византийского феодального общества» [28].

Говорить о борьбе против феодальной системы в целом можно было бы лишь в связи с буржуазной революцией, которая явилась бы следствием общего кризиса феодализма. Что касается Византии, то там не было

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 435.
[28] Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 389.

не только общего кризиса феодальной системы в XIV в., но и сколько-нибудь сильных элементов капиталистического уклада.

В Византии не развились самостоятельные городские государства, подобно тому, как это имело место в Италии. Для дальнейшего развития экономики Византии необходим был переход к новой структуре феодального строя. Но переход от феодальной раздробленности к этапу консолидации национального государства в империи был особенно труден. С одной стороны, в Византии, в центральной Греции, еще господствовали латинские феодалы, которые не имели никаких связей с византийским центральным правительством; был независим Трапезунд; с другой стороны — светские феодалы и монастыри Фракии и византийской Македонии имели огромную власть над населением и в силу иммунитетов были мало связаны с административной системой государства. Даже когда они были формально лояльны центральному правительству, они не оказывали ему фактической помощи. Центральная власть была бессильной.

Правда, в Византии существовала традиционная система податного обложения, периодически производились переписи-ревизии, но налоги, тяжким гнетом лежавшие на населении, не могли в силу иммунитетных прав крупных динатов и монастырей дать значительных средств центральному правительству. Византия фактически не имела возможности содержать регулярную армию и флот и вынуждена была сохранять систему проний, а во время войны прибегать к использованию турецких наемников.

Весьма важно учитывать то обстоятельство, что византийские феодалы жили в городах, что их опорными пунктами были именно города, в которых они имели огромную власть.

Итальянское засилье, вызванное еще политикой Комнинов и Ангелов и латинским завоеванием, превратило Византию из страны, вывозящей предметы высокой культуры, в страну, вывозящую продукты сельского хозяйства. Даже самая оживленная торговля этого вида приносила доходы в первую очередь крупному землевладению и укрепляла в сущности феодальную раздробленность. Не всякое развитие товарных отношений является явлением, способствующим переходу данной страны к капитализму. Создавшееся в Византии положение стимулировало развитие капиталистических отношений в Италии на базе доходов от эксплуатации Византии, но в то же время оно содействовало политической стагнации византийского общества, поскольку крупному землевладельческому классу было выгодно сохранение такой ситуации в торговле империи. Именно поэтому прогрессивным для Византии было бы экономическое и политическое ослабление крупной землевладельческой знати и того феодального патрициата, который держал в руках византийские города. Только при разрешении этой задачи рост товарных отношений мог бы способствовать развитию элементов капитализма в Византии. В конкретных условиях того времени отнюдь не всякие объединительные процессы могли вывести Византию из плачевного состояния: политические реминисценции из истории некогда объединенной и могущественной Византии, естественно, делали популярной идею объединения страны [29]. Однако необходимо

[29] Во второй четверти XIV в. в Византии уже проявилась определенная тенденция к объединению, к ликвидации «внешней» феодальной раздробленности. При Андронике III в этом направлении были достигнуты определенные успехи: Эпир был включен в состав Империи. Насколько популярно было стремление к государственному объединению, видно из того, что когда Никифор, молодой наследник свергнутой Эпирской династии, пытался восстать против Византии, он не нашел поддержки в Эпире, и его предприятие скоро бесславно провалилось.

Была присоединена и Фессалия. Но могущество феодалов — крупных землевладельцев и прониаров внутри самой Византии снижало значение успехов. Во время гражданских войн крупные византийские сеньоры, опираясь на своих вассалов, проводили свою политику, переходили с одной стороны на другую. Так, крупный сеньор

было такое объединение, которое подрывало бы мощь феодальной знати и сопровождалась бы политическим и экономическим усилением городского сословия.

Другими словами, Византия нуждалась в проведении политики, направленной на преодоление политической и экономической силы феодалов, которую проводили, например, Людовик XI и Иван Грозный, Йорки и первый Тюдор.

Но можем ли мы установить, что во время гражданской войны после смерти Андроника III правительством Анны Савойской, Алексея Апокавка и патриарха Иоанна Калеки действительно велась политика ущемления феодальной знати?

Обратимся к источникам. Кантакузин так объясняет политику Апокавка: «Сознавая, что власть его ненавистна благородным (εὐγενεστέροις) и что они могут подготовить против него заговор, он решил всех их уничтожить, считая, что если останутся только люди низкого происхождения (φαύλης τύχης), то они будут охотнее повиноваться ему, и потому в первую очередь решил уничтожить близких Кантакузину лиц, которых он боялся как очень богатых и влиятельных. Затем он (Апокавк) взялся по очереди за других — никого не щадил, соблюдая при этом форму, будто бы это происходит по воле императрицы или по решению синклита, или — особенно — по требованию патриарха, но на самом деле он действовал по личной воле» [30]. Кантакузин писал Апокавку о терроре, проводимом в отношении к феодальной знати: «...ты покрываешь кровью города. Тюрьмы, хотя ты и строишь их в большом количестве, не могут вместить всех арестованных тобою» [31].

Даже принимая в расчет те преувеличения, которые допускает Кантакузин, ясно, что он выражал мнение феодальной знати, которая полагала, что Апокавк желает уничтожить влияние «благородных». И знать поэтому начала яростную борьбу против Апокавка.

Такое представление о целях политики правительства Палеологов проникло и в массы, которые из ненависти к феодалам стали поддерживать Апокавка; этим и объясняется лояльность масс и Палеологам. К тому же, как пишет Григора, константинопольское правительство рассылало по провинциям «кипы посланий» с целью настроить низы против знати [32].

Борьба Апокавка и Кантакузина была, конечно, не борьбой за власть двух честолюбивых магнатов — это была борьба двух прослоек эксплуататоров, представителей двух форм эксплуатации. Лучше всего это показать на фигурах главных действующих лиц византийской трагедии 1342—1349 гг. Контакузин был представителем старинной родовой землевладельческой знати. Род Кантакузинов стал играть крупную роль уже в XII в. со времени правления Комнинов и в XIV в. был настолько богат, что мог на свои средства содержать войско для походов, имея в своем подчинении не только поместья, но и отдельные укрепленные города. Владения такого рода представляли собою подлинное государство в государстве; политическое влияние Кантакузинов особенно выросло во время междоусобных войн в XIV в. Естественно, подобные Кантакузину магнаты были сторонниками феодальной монархии, в которой феодалы формально объединены вокруг императора, но сохраняют свои иммунитетные права и власть над местным населением, т. е. и политически и экономически господствуют.

Сиргиан перешел на сторону сербского царя Стефана Душана, поставив под удар значение всех мероприятий Андроника III и Кантакузина.

[30] Cantac., II, p. 219.

[31] Ibid., p. 279—280.

[32] Greg., II, p. 614: φακέλλους γραμματων διάπεμπον... δημοτικὸν ἐρεθιζοντα κατα τῶν πλουσίων, καὶ τὴν βάναυσον ὄχλον κατὰ τῶν δόξη καὶ γένει προὐχόντων.

Фессалоника, как и все прочие города поздней Византии, была в руках феодальной знати, группировавшейся вокруг городского синклита; трудно было незнатному, хотя и богатому, лицу войти в этот круг высшей местной знати [33]. Всего в Фессалонике насчитывалось не более 60 таких знатных фамилий [34]. Но эти магнаты были окружены своими сторонниками. Когда Синадин был изгнан, за ним последовала тысяча его сторонников [35].

Совсем другую прослойку знати представлял Апокавк. Это выходец из незнатной семьи. Он проявил себя как ловкий делец по сбору налогов, потом добился управления государственными солеварнями [36]. Он был тесно связан с морскими кругами.

По-видимому, Апокавк за время управления государственной монополией на добычу и торговлю солью сильно разбогател. При Андронике III он стал ἐπὶ τῇ διοικήσει τῶν πραγμάτων — управляющим всеми финансовыми делами [37]. Турецкие пираты захватили в то время ряд островов и наносили крупный ущерб византийской морской торговле. Удовлетворяя требованиям морских торговых кругов, Апокавк попросил правительство Андроника III, чтобы его поставили главнокомандующим флотом против турок. Он обещал на свои деньги снарядить флот [38].

Эти действия Апокавка вызвали широкие симпатии среди торговых кругов и моряков. Апокавк одержал у о. Хиоса победу [39], но император, пишет Кантакузин, негодовал, что народ считал это событие патриотической заслугой лично Апокавка (следует, впрочем, думать, что не император, а сам Кантакузин стал бояться популярности Апокавка).

Для успешного решения внешнеполитических проблем в связи с завоеваниями турок важно было ликвидировать феодальную раздробленность. И в среде господствующего класса выделилась прослойка знати, которой была невыгодна внутренняя феодальная раздробленность. Началась гражданская война.

Совершенно понятно, почему Фессалоника стала опорным центром политики Апокавка: именно этот город сохранил относительную самостоятельность в морской торговле, тогда как Константинополь как торговый центр все выгоды своего положения уступил Галате; проникновение итальянского торгового капитала в экономику Константинополя было значительно глубже, чем в Фессалонике.

---

[33] Greg., II, p. 741.

[34] Ibid., p. 608.

[35] Cantac., II, p. 233. После бегства тысячи сторонников Синадина последовало массовое замещение административно-финансовых должностей представителями местного городского населения. Это свидетельствует о том, что среди сторонников Кантакузина было чиновничество. Мы полагаем, что неправ Э. Франчес, который объяснял легитимизм зилотов отчасти интересами чиновной знати, группировавшейся вокруг Палеологов (Э. Франчес. Византиноведение в Румынии в 1956—1961 гг.— ВВ, XXII, 1963, стр. 118). Провинциальное чиновничество было в руках местной знати, занимавшей все крупные государственные должности.

[36] Cantac., I. p. 25: τῶν δημοσίων γαρ αλῶν τοτε διαθεσιν εποιεῖτο...

[37] Ibid., p. 339.

[38] Ibid., p. 537, 538—540.

[39] В глазах турок именно Апокавк был их главным врагом. В «Деяниях Умурпаши» само выступление Апокавка против Кантакузина объясняется враждебным отношением к туркам: «вельможи собрались и стали совещаться: правление перешло в руки доместика (т. е. Кантакузина), всеобщим согласием они признали его власть и подчинялись всему, что он приказывал. Но в Фессалонике паракимомен (т. е. Апокавк — он тогда имел это звание) не подчинился, его союзником был папа, и он (Апокавк) сказал народу: «Эти люди предали Филадельфию туркам... И замешательство стало царить в стране...»» (Le Destan d'Umur Pacha par Irène Mélikoff-Sayar. Paris, 1957, p. 93). П. Лемерль, однако, считает, что в данном тексте речь идет не об Апокавке, а о Михаиле Палеологе и что вместо «папы» следует читать «патриарх» (P. Lemerle. L'émirat d'Aydin, Byzance et Occident. Paris, 1957, p. 160, n. 3).

Помимо торгово-ремесленных кругов на стороне Апокавка оказались и некоторые прослойки знати. В ликвидации феодальной раздробленности были заинтересованы все те феодалы, которые были связаны с централизованной формой эксплуатации. Эта форма эксплуатации в свою очередь в условиях XIV в. была связана с ростом городов. Именно эта прослойка знати и выступала против тех феодалов, которые считали основной сеньориально-вотчинную форму эксплуатации зависимого населения и удовлетворялись той экономической ролью Византии, которую она играла как Hinterland Италии.

Давая характеристику выступлению населения Фессалоники, Адрианополя и др. городов в пользу династии Палеологов, следует помнить о высказывании Ф. Энгельса (имевшего в виду главным образом союз горожан с королевской властью во Франции XIII—XIV вв.): «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» [40].

На некоторое время, в правление Алексея Апокавка и патриарха Иоанна Калеки, византийское правительство вступило в союз с прогрессивными элементами византийских крупных городов. Именно этим, а не монархическими чувствами населения можно объяснить поддержку, которая была оказана населением городов династии Палеологов.

Именно в попытке перехода Византии от феодальной раздробленности к централизованной национальной монархии позднефеодального типа и кроются глубокие причины и гражданской войны 1342—1349 гг., и выступление зилотов в Фессалонике.

В литературе преобладает мнение о чисто городском характере выступления зилотов, которые будто бы стремились к самостоятельности Фессалоники. Безусловно, пример могущества итальянских городов мог иметь значение в идеологии и политических устремлениях горожан. На интеллигенцию могла оказывать влияние и античная литература (образцы «политий» античных эллинских полисов). Это проявилось, в частности, у Фомы Магистра в его «Политии» [41]. Но нужно иметь в виду, что тот же Фома Магистр писал и о власти императора.

Принципиальное отличие событий в Фессалонике от итальянских городских восстаний нужно искать не в антагонистических противоречиях (и в Византии, и в Италии во время всех выступлений беднота громила дома богатых) [42].

Основной особенностью итальянских городских восстаний было то обстоятельство, что они были совершенно самостоятельными, городскими, не связанными с каким бы то ни было центральным правительством и не имевшими ни традиций, ни целей объединения Италии [43]. Так было в восстаниях в Генуе, во Флоренции, в Сиене и т. д. События в Фессалонике 1342—1349 гг. по общей обстановке можно сравнивать разве только с вы-

---

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

[41] PG., t. 145.

[42] В последнее время в зарубежной историографии появилась тенденция изображать Апокавка сторонником «пополо минуто», а Кантакузина — сторонником «пополо грассо» (H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 490). Но это перенесение обстановки итальянского города на всю Византию неправомерно. Скорее Апокавка можно причислить к «пополо грассо», чем Кантакузина, который был руководителем не «жирного народа», а феодалов-иммунистов.

[43] Всякое непосредственное влияние городских восстаний итальянских городов на события в Фессалонии отвергается В. Гроховой (V. Ghrochowa. La Révolte des zélotes à Salonique et les communes italiennes.—BS, XXII, 1961, p. 1—15). И. Шевченко опроверг положение Тафрали о том, что ко времени гражданской войны в Фессалонике были генуэзские колонии (I. Ševčenko. The Zealot Revolution..., p. 603—617).

ступлением римлян под руководством Кола ди Риенцо почти одновременно с зилотами в 1347 г. Как Фессалоника была связана с центральным правительством, так и Рим того времени был связан с папой. В Фессалонике представителями правительства были Иоанн Апокавк, потом Метохит; в Риме вместе с «любезнейшим сыном Николаем» (т. е. Кола ди Риенцо) во главе города был «почтеннейший брат Раймонд» (назначенный папой епископ). Как Кола ди Риенцо был охвачен идеей величия древней Римской империи и стремился к объединению итальянских городов, так и в Фессалонике под показным легитимизмом сохранялась идея величия Византии. Именно в Фессалонике связанный с зилотами Константин Арменопул в разгар движения (в 1345 г.) обнародовал свое «Шестикнижие»— руководство для судей, где не было никаких намеков на раздробленность, где Византия представлялась централизованной бюрократической монархией с гражданским правом, характерным для общества, в котором господствует товарное производство и обращение.

Острота и продолжительность событий в Фессалонике превосходили волнения в Риме, поскольку зилоты выступили во время гражданской войны, тогда как во время восстания Кола ди Риенцо никакой гражданской войны в Италии не было.

Обратимся к настроениям народных низов в византийских городах. Основной силой в движении зилотов было трудящееся население города. В Фессалонике оно в критические моменты истории города собиралось на народное собрание. В случае опасности, по сообщению Фомы Магистра, все население города вооружалось и шло на защиту городских стен [44]. Это была реальная сила. От ее настроений зависели подъем или спад движения. Когда в Адрианополь пришло письмо с извещением о вступлении на престол Кантакузина, местный патрициат и динаты приняли известие восторженно, но когда они стали читать воззвание на *народном собрании*, то простые люди выступили против Кантакузина и взялись за оружие. К исходу ночи они стали нападать на дома знатных сторонников Кантакузина. Дома разрушались до основания, было организовано управление городом, осуществлявшееся сторонниками Палеологов. Сторонников Кантакузина массами отправляли на расправу в Константинополь [45]. Движение распространилось и на другие города. Безусловно, почувствовав за собой силу, Апокавк в столице и прогрессивные слои горожан стали во главе этого движения. Однако без выступления угнетенной бедноты против богатой прослойки и феодальных вельмож вряд ли мог Апокавк сколько-нибудь успешно бороться с могущественным и богатейшим магнатом, прекрасным полководцем и ловким дипломатом Кантакузином. Без героического сопротивления народных масс Фессалоники превосходящим силам Кантакузина, турок и сербов вряд ли могло правительство Анны Савойской продержаться в течение пяти лет.

Народные массы Фессалоники были движущей (хотя и не руководящей) силой движения; не имея собственной программы, они из ненависти к одной группировке угнетателей поддерживали другую. Общее руководство гражданской войной принадлежало прогрессивной прослойке эксплуататоров.

Быстрое нарастание социальных противоречий в Византии в XIV в. легко объяснимо. После потери Малой Азии источники доходов Византийского государства и феодальной знати значительно сократились. Это привело, с одной стороны, к стремлению повысить налоговое обложение, с другой стороны — к отчаянной борьбе между феодалами за землю, за пронии. И то и другое гибельно отразилось на условиях жизни низов общества. К тому же засилье итальянцев, вытеснение греков из сферы

[44] PG, t. 145, col. 509.
[45] Cantac., II, p. 179.

морской торговли усиливали брожение среди трудового населения горожан.

Народные массы были озлоблены. В 1960 г. И. Шевченко опубликовал интересный документ, свидетельствующий о настроениях широких масс в середине XIV в.,— сочинение Алексея Макромволита «Диалог между богатыми и бедными» [46].

Социальные взгляды Алексея Макремволита весьма радикальны. Сетуя на имущественное неравенство, он высказывал утопические проекты ликвидации частной собственности вообще. Он писал, что если все: воздух, свет, пользование огнем и водой—является для нас по велению бога общим, то ясно, что и земля и все то, что из нее добывается, должно быть также общим. Но алчность и тирания присвоили себе большую часть этих благ. Говоря это, Макремволит имел в виду, конечно, основу феодальной эксплуатации — собственность на землю. Употребляя по отношению к угнетателям термин καταδυναστεύοντες («насильники»), Макремволит выражал протест против права владельца на личность бедняка [47].

«Диалог бедных и богатых» Макремволит писал во время гражданской войны в Константинополе в 1343—1344 гг. Взгляды его стали более конкретными: он имел в виду факты выступлений бедноты в Константинополе и в Фессалонике. Хотя диалог у Макремволита происходит между бедными и богатыми, в виду имеется не просто имущественное неравенство. Под беднотой Макремволит подразумевал трудящихся, противопоставляя их праздным людям. «Из нас,— говорили бедные,— имеются и те, кто обрабатывает землю и строят дома и корабли, ремесленники (χειρεπιστήμονες), которыми держатся города..., а из вас — азартные игроки и сибариты, в своей алчности использующие общественные бедствия, вызывающие смуты в городах и увеличивающие общую нужду» [48].

Но и «богатые», согласно Макремволиту, отнюдь не считали себя виновниками социальных бед; они называли себя только «средней» прослойкой. «Именно от высших прослоек все те беды,— говорили они,— о которых твердят бедные!» [49].

«Богатый» трактата Макремволита, очевидно, не имеет ничего общего с классом феодалов — это предприниматель. Он отмежевывается от бездельников, играющих в азартные игры, и от изнеженных сибаритов [50]. Как предприниматель, он считает, что бедность зависит от природы вещей: бедный является бедным потому, что ленив [51]. Иначе говоря, приводится тот же довод, которым пользуются бизнесмены еще в настоящее время.

Диалог дает представление о противоречиях между трудящимся населением и новым предпринимательским классом. Бедные говорили: «Мы много трудимся и мало получаем за это, а вы получаете большую выгоду,

---

[46] I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor».— ЗРВИ, № 6, 1960, стр. 187—228. Алексей Макремволит известен по его литературным выступлениям в середине XIV в. Он называл себя человеком простым, частным лицом (ἀγροικος καὶ ἰδιώτης) и, видимо, не принадлежал ни к духовенству, ни к сановникам. Он состоял на службе у некоего Патрикиота, который руководил при Кантакузине ведомством по распределению проний между его сторонниками. В качестве землемера Макремволит разъезжал по поместьям. Сохранились его небольшие труды (по большей части неопубликованные). Помимо богословских трактатов (критика иудейской и мусульманской религий), он писал о несчастиях своего времени, о землетрясениях, чуме и в особенности об ужасах гражданских войн. Он рассуждал о причинах побед турок, в падении купола храма св. Софии видел предзнаменование гибели империи и конца света и т. п.

[47] «Слово о справедливости бога» (I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 199, n. 75. Ср. Greg., II, p. 863).

[48] I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 210. 7—13.

[49] Ibid., p. 210. 17—20.

[50] Ibidem.

[51] Ibid., p. 212.30.

хотя труд ваш вовсе не обременителен» [52]. Интересен лозунг бедных: «Дайте нам наше!» «Мы не просим, но требуем возвращения нашего!» (Δότε τοίνον ἡμῖν τὰ ἡμέτερα· ταῦτ' οὐκ αἰτοῦντες, ἀλλ' ἀπαιτοῦντες ὑμᾶς τὰ ἡμέτερα) [53].

На первый взгляд, Макремволит поднимает проблему эксплуатации человека человеком, разрешить которую может только социалистическая революция. Но Макремволит, очевидно, понимал всю безнадежность своих требований. Он не делал никаких выводов, не требовал изменения существующих социальных отношений, а призывал только к выполнению заветов христианской морали и справедливости. «Мы,— говорили бедные,— не даром получаем от вас, богатых, благодеяния — ведь мы со своей стороны вам воссылаем моления, восхваления, почтение, прославления, проявляем самоунижение, преклоняемся перед вами, как перед богом» [54].

Как видно, у Макремволита нет стремления нарушить существующий строй, нет стремления к равенству — низы даже не против особого почтения к господствующему классу. Они лишь требуют более справедливого распределения благ. В качестве конкретной меры, могущей смягчить противоречия, Макремволит предлагает смешанные браки между бедными и богатыми [55].

Диалог показывает остроту противоречий в византийском обществе, но в то же время — отсутствие возможностей их преодоления. В обычное время угнетенное население терпеливо сносит свое положение, находясь во власти санкционирующей гнет господствующей идеологии («На этом свете бедность неизбежна!» — ἀναγκαία τῇ τοῦ κόσμου συστάσει ἡ ἔνδεια... [56]). Но положение меняется, когда между различными прослойками господствующего класса начинается борьба. Тогда трудящаяся масса всей силой своей ненависти к эксплуататорам становится на сторону прогрессивной прослойки, поскольку эта прослойка выражает действие объективной закономерности в развитии общественного строя. Так было в начале гражданской войны, когда трудовое население Фессалоники присоединилось к лагерю, возглавляемому Апокавком и торгово-предпринимательскими кругами, несмотря на то, что трудовые массы, судя по диалогу Макремволита, чувствовали ненависть не только к феодальным вельможам, но и вообще ко всякой эксплуатации и неравенству.

Кантакузин не смешивает зилотов с народными массами. Наоборот, он склонен ясно различать обе стороны. Он не проявляет особой ненависти в вождям зилотов, неоднократно указывает на их умеренность. Но страшной злобой проникнуты слова Кантакузина, когда он говорит о народе. Народ — крестьяне разграбили его имущество в городах и селах, захватили его земли. Народ в Константинополе и в Фессалонике совершал, по его словам, акты зверства.

Отношения между народными массами Фессалоники и зилотами не были одинаковы на всем протяжении событий. Вначале под влиянием повсеместных стихийных выступлений масс зилоты стали во главе движения. Во время измены Синадина зилоты при полной поддержке масс перехватили бюрократический аппарат из рук патрициата. Но это оказало неблагоприятное влияние на ход восстания. Едва ли верно думать, что чиновники из зилотов были лучше, чем чиновники из знати. Недостатки бюрократии имманентны ей и не зависят от социального происхождения чиновника. Основываясь на охлаждении народа к зилотам, летом 1345 г. правительственный наместник Фессалоники Иоанн Апокавк произвел переворот — убил вождя зилотов Михаила Палеолога, репрессировал

[52] I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 205. 26—27.
[53] Ibid., p. 214. 6. 12.
[54] Ibid., p. 214.4.
[55] Ibid., p. 208.8.
[56] Ibid., p. 213. 28.

многих зилотов. Народные массы не оказали никакой поддержки зилотам. Иоанн Апокавк, став полновластным правителем, продолжал политику зилотов (по словам Кантакузина: «боясь отца»), был мягок к бедным, а богатых за «кантакузианство» обложил большой контрибуцией (согласно Контакузину — чтобы отвести от себя подозрения и чтобы богатыми дарами смилостивить императрицу) [57]. Но как только было получено известие об убийстве его отца в Константинополе, Иоанн созвал совещание знати (пригласив в том числе и Андрея Палеолога, председателя корпорации моряков) и предложил собравшимся перейти на сторону Кантакузина. На совещании никто, в том числе и Андрей Палеолог, не возражали, но через день (когда, вероятно, в Фессалонике стало известно о том, что народ в Константинополе расправился с убийцами) положение изменилось. Андрей Палеолог встал во главе народных масс, узнавших об измене Иоанна Апокавка. Воинский отряд был распропагандирован и перешел на сторону зилотов. Народ устремился против знати, окружавшей Иоанна Апокавка. Зилоты уже не могли сдержать народной ярости — мятеж Апокавка был подавлен. Но народ снова полностью попал под руководство зилотов. К концу движения, в 1348 г., народные массы опять стали проявлять равнодушие к зилотам и не помешали Метохиту разгромить главные силы зилотов — корпорацию моряков, а затем передать город Кантакузину.

По-видимому, под «народом» следует понимать неорганизованное трудовое население города — наемных работников, массу одиночек ремесленников, мелких арендаторов подгородных участков, прибывших из деревень крестьян, челядь знати. К зилотам можно в первую очередь отнести организованное по корпорациям более обеспеченное население и торговцев. Из организованного населения особенно выделялась корпорация моряков [58]. Трудно думать, что она состояла только из простых матросов. Следует предполагать, что ведущими в корпорации были навклиры, предприниматели — хозяева и капитаны кораблей, лоцманы. В Фессалонике это была широкая прослойка более или менее состоятельного населения. Корабли того времени были мелкими (стоимость корабля по морскому праву определялась обычно только в пятьдесят номисм, в монастырских актах упоминаются также корабли небольшого водоизмещения).

Разумеется, сила корпорации заключалась в массе матросов, которые представляли собою наемную рабочую силу, привлекаемую к морской торговле.

К организованному населению можно причислить и строителей (корпорация τῶν οἰκοδόμων) [59]. На основании 22-ой главы Книги Эпарха о строительных работниках [60] можно полагать, что наиболее влиятельными в этой коллегии были подрядчики (ἐργολάβοι), которые принимали подряды на строительные работы, нанимали рабочих —«технитов» и разных ремесленников, т. е. это были лица из прослойки предпринимателей. Возможно, в Фессалонике существовали и другие объединения предпри-

---

[57] Cantac., II, p. 572.

[58] Cantac., II, p. 575. См. также: Nomos Nautikos, Basilic., 53, III, 16. Корпорация моряков существовала издавна, первоначально как объединение навикулариев, связанных повинностями по отношению к государству. При Юстиниане действовал закон, согласно которому в случае смерти навклира без завещения его имущество передавалось корпорации (Cod. Just., 6, 62, 1). Закон этот был включен в Василики (Basilic., 53, 1, 105) и ко времени выступления зилотов был действующим правом. Вполне возможно, что в таких редких случаях корпорация моряков предъявляла свои права.

[59] В Фессалонике существовала в XIV в. корпорация τῶν οἰκοδόμων (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1943, S. 306).

[60] Константин Арменопул полностью воспроизвел в «Шестикнижии» 22-ю главу Книги Эпарха.

нимателей и ремесленников [61]. Все эти организованные трудящиеся и предприниматели были основой того слоя населения, который выступил за централизованное правительство, за создание национального государства, за гражданские права, необходимые для товарного хозяйства, именно за то гражданское право, руководство по которому и составлял во время движения зилотов Арменопул. Для торгово-ремесленного населения централизованная бюрократическая монархия в период вызревания зарождающихся капиталистических элементов была приемлемее строя, основанного на иммунитетах. Бюрократизм, заключавшийся в формальном выполнении писаного законодательства, несмотря на все свои недостатки, все-таки являлся более прогрессивным, чем патриархальный произвол, безразлично, от кого он исходил, от сеньора-иммуниста или же от городской общины, возглавляемой патрициатом.

Зилоты отнюдь не выступали против централизованного управленческого и финансового бюрократического аппарата. В Фессалонике был достаточно многочисленным штат финансовых чиновников, сборщиков пошлин, составлявших описи имущества для налогообложения [62]. Эта прослойка была тесно связана с местной знатью и, естественно, следовала изгибам ее политики. Очень важно было обновить состав бюрократического аппарата, заменив его последовательными противниками Кантакузина и местного патрициата; поэтому зилоты стремились занять управленческие должности в Фессалонике, в чем их так обвинял Кантакузин.

Другими словами, вместо влияния крупноземлевладельческого городского патрициата управление городом переходило бюрократическому аппарату, должности в котором стали занимать не «благородные», а выходцы из торгово-ремесленной прослойки. Это было в духе «Шестикнижия» Арменопула, в котором не признавалось никаких преимуществ за правом рождения, «благородства» [63].

Нельзя оставить без внимания и общую характеристику зилотов Кантакузином. Он считал, что зилоты боролись не с целью защитить молодого императора, а только для того, чтобы нажиться [64].

Таким образом, обогащение было основной целью той прослойки, которая стремилась заменить господство «благородных» господством торгово-предпринимательских кругов [65].

В советской историографии важную роль в движении приписывают крестьянству. Безусловно, выходцев из деревни всегда было много в византийских городах. Вокруг Фессалоники и других византийских городов расстилалась широкая полоса подгородных хозяйств, принадлежащих как городским обывателям [66], так и самостоятельным крестьянским хозяйствам. Именно эти подгородные хозяйства сильно пострадали во время осады Фессалоники. Крестьяне бежали в город, бросив свои

---

[61] Были ли в Фессалонике другие корпорации? Константин Арменопул, писавший во время гражданской войны, совершенно не принял во внимание в «Шестикнижии» большинства уставов Книги Эпарха. Исключение составляют уставы ювелиров, хлебопеков, барышников по продаже лошадей (вофров), упомянутых уже строителей и глава о легатарии (главном надзирателе за торговлей). Можно предполагать, что Арменопул отобрал то, что было реальным в XIV в. для Фессалоники (Constantinus Harmenopulus. Manuale legum, VI, XIV, 13; III, III, 40—43; III, III, 59; VI, XIV, 12, 16).

[62] Greg., I, p. 319.

[63] Не было никаких законов, говорит Фома Магистр, препятствующих неблагородным по рождению занимать высокие должности в городе (PG, t. 145, col. 529).

[64] Cantac., II, p. 117.

[65] В «Диалоге» Макремволита «богатые» так говорят о себе: «Золото, разумеется, для нас наиболее желанное и для самих душ наиболее драгоценное и его приобретение и сохранение для нас особенно желанно и мы готовы (за золото) все претерпеть!» (I. Ševčenko. Makrembolites..., p. 215.7).

[66] Палама жаловался, что летом жители Фессалоники не посещали церквей, так как отправлялись за город в свои виноградники (PG, t. 151, col. 333).

участки. Естественно, эти крестьяне подгородного района были очень озлоблены и могли вносить некоторые компоненты «крестьянской войны» в городское движение.

Но нужно иметь в виду, что подгородные районы крупных городов были широко вовлечены в товарное хозяйство, и если говорить о крестьянском влиянии на движение в городах, то о влиянии именно таких крестьян, которые уже связывали свои интересы с условиями развития товарного обращения в стране [67]. Иначе говоря, устремления этих крестьян были созвучны политическим целям торгово-ремесленных кругов.

В источниках о восстании зилотов совершенно не фигурируют парики, хотя и говорится о некотором участии в движении городских рабов из челяди патрициата.

Необходимо отметить и роль люмпенпролетариата, самого активного и самого плохого союзника прогрессивных классов и прослоек. Некоторые историки (в частности, Б. Т. Горянов), стремящиеся во что бы то ни стало приукрасить историю, идеализировать участников движения, не касаются роли люмпенпролетариата в движении. Между тем совершенно ясно, что в таком торговом городе, как Фессалоника, были все условия для формирования люмпенпролетарских масс [68].

Именно об участии этих люмпенов и говорится в источниках, когда рассказывается о том, как происходил грабеж домов сторонников Кантакузина в течение трех дней и трех ночей. Кантакузин признавал, что зилоты стремились успокоить народ, т. е. хотели прекратить этот неорганизованный погром.

Необходимо обратить, наконец, внимание на аристократические и интеллигентские прослойки в движении. Ни в коем случае нельзя упускать из виду тот факт, что во главе корпорации моряков, игравшей наиболее активную роль в движении, стояла семья Палеологов, Михаил и Андрей. Побочные ветви династии Пелеологов обычно направлялись в Фессалонику, что делает догадку П. Лемерля о родстве фессалоникских Палеологов с константинопольскими вполне вероятной. Андрей Палеолог имел звание ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης [69].

К аристократам — вождям зилотов принадлежал Георгий Коккала, связанный родственными узами с людьми из окружения Иоанна Апокавка. А. П. Каждан считает (на основании жития св. Саввы), что вождями зилотов была молодежь, принадлежавшая к городской верхушке [70]. Нельзя считать зилотов оформленной партией в современном смысле слова. Зилотами («ревнителями») называли всех, кто проявлял активность в движении [71]. Поэтому нельзя противопоставлять зилотам таких лиц, как митрополит Иакинф и Метохит.

Вопрос об интеллигентской прослойке в Фессалонике во время гражданской войны очень важен, так как может пролить свет на идеологическую сторону движения. Фессалоника в первой половине XIV в. была интеллектуальным центром Византии: все спорные течения — богословские и философские, все направления тогдашней гуманистической образованности концентрировались в Фессалонике.

Что касается воззрений интеллигенции, которая жила в Фессалонике во время гражданской войны, то не может быть никаких сомнений в харак-

---

[67] См. мою статью «Экономика пригородов византийских крупных городов».— ВВ, XI, 1956, стр. 81.

[68] См., например, PG, t. 145, col. 408 sq.

[69] Cantacuz., III, p. 104.

[70] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 195.

[71] Слово ζηλωτής евангельское: ζηλωταὶ τοῦ νόμου — ревнители законности (Деян., 21, 20), ζηλωταὶ τῶν πατρικῶν μου παραδόσεων — ревнители отеческих преданий (Галат., 1,14). В Ветхом Завете слово «ревнитель» соединено со словом «мститель» (Наум, 1, 2). При осаде Иерусалима «зилотами» называли непримиримых его защитников.

тере политических идеалов этой прослойки. Она стремилась к централизованной монархии. Фессалоникиец Константин Арменопул в своем «Шестикнижии» выбрал из гражданского римского права все, что было тогда приемлемо для создания такой монархии [72]. Другой представитель интеллигенции Матвей Властарь [73] в своей сводке канонического права высказывался за централизованную церковь, управляемую патриархом в соответствии с канонами и императорскими новеллами. Это тоже сторонник централизованного государства, рассуждающий, однако, лишь с точки зрения единства церковного управления.

Фома Магистр (монах Феодул) — поклонник греческой старины и античной культуры в политическом отношении был сторонником единой монархии, управляемой образованным государем, предоставившим гражданские права населению (городские привилегии). Он был автором двух трактатов «Об обязанностях монарха» — περὶ βασιλείας и «О правах и обязанностях граждан» — περὶ πολιτείας [74]. Если даже допустить, что эти трактаты сочинены до событий 1342—1349 гг., то во всяком случае Фома Магистр должен был быть авторитетнейшим лицом во время движения зилотов [75].

Яркими представителями фессалоникской интеллигенции, увлеченными славными преданиями прошлого, были и Димитрий Кидонис и Кавасила. *Все они — сторонники создания сильного греческого государства.* Но в вопросе о том, на чью сторону встать, на сторону Апокавка или Кантакузина — интеллигенция Фессалоники проявляла нерешительность. До 1345 г. Кидонис и Кавасила не были активными врагами Апокавка. Но после убийства Алексея Апокавка такие лица, как Кидонис и Кавасила, очевидно, решив, что положение его дела безнадежно, решительно перешли на сторону Кантакузина. Беспощадная расправа народа над той частью знати, которая открыто перешла на сторону Кантакузина, убийства и погромы навсегда дискредитировали движение фессалоникийцев в глазах представителей фессалоникской интеллигенции. После занятия Фессалоники войсками Кантакузина в 1349 г. Арменопул, Властарь и Метохит также сблизились с Кантакузином.

Фессалоникская интеллигенция — образованные богословы, философы, юристы, астрономы, врачи — занимали видное положение в обществе, вращались среди представителей высшей знати города; в силу этого социальные воззрения интеллигентов того времени не могли быть демократическими [76], хотя они часто говорили о страданиях народных масс, об ужасах ростовщичества [77].

Нельзя себе представить интеллигенцию Фессалоники времен гражданской войны безразличной к идеологическим спорам по догматическим вопросам; в этих спорах в сущности решались судьбы византийского

---

[72] Σ. Σακελλαριάδης. Περὶ τοῦ ἐν Θεσσαλονίκῃ νομοφύλακος καὶ κριτοῦ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Βιος καὶ ἔργα. Ἀθῆναι, 1960.

[73] В русск. пер. Властарь Матвей. Собрание святоотеческих правил. Балахна, 1908.

[74] PG, t. 145.

[75] Акиндин в своем письме (R. I. Loenertz. Dix-huit lettres de Grégoire Akyndine.—«Orientalia Christiana Periodica», XXIII, 1957, 106, 157), датированном 1343—1344 гг., упоминает о «чудеснейшем Магистре» (ὁ θαυμάσιος Μάγιστρος) (J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 124).

[76] Византийская интеллигенция не могла допустить и мысли о возможности власти простого народа — ремесленников и мелких торговцев. В этом отношении среди интеллигенции не было разногласий: как Григора резко выступал против власти «толпы» (ὄχλοι), так и его противник Палама ему вторил в своей речи, обращенной к фессалоникийцам. Фома Магистр считал, что власть должна принадлежать только «лучшим и богатым» (PG, t. 145, col. 524).

[77] Помимо указанного выше «Диалога» Макремволита, можно указать на трактат Кавасилы о вреде взимания процента (R. Guilland. Études byzantines. Paris, 1959, p. 81—88).

гуманизма. Сохранилась часть переписки деятелей того времени, которая позволяет сделать вывод, что в период борьбы основная масса интеллигенции стояла на позициях антипаламитов — противников исихазма. Противниками паламитов были Константин Арменопул [78], Матфей Властарь [79], Фома Магистр [80], Димитрий Кидонис.

Догматические взгляды интеллигенции были неустойчивы. Когда Кантакузин окончательно победил, и Арменопул и Властарь полностью перешли на позиции паламизма [81]. Наиболее прямолинейным и последовательным противником Паламы, правильно понимавшим всю гибельность для византийского гуманизма проповеди исихазма, был Никифор Григора, однако он не принадлежал к фессалоникским кругам.

Итак, мы можем констатировать, что идеологические симпатии той интеллигенции, которая не была враждебной фессалоникским зилотам, вполне определенны: централизованное государство, превознесение античной греческой культуры и грекоримского права и гуманизм. Именно это и было позитивной стороной идеологии движения в Фессалонике.

Обратимся к вопросу об отношениях зилотов к церкви. Мы, конечно, не можем принять положение о стремлении к «дешевой церкви» [82]. Неправомерно усматривать в восстании зилотов в Фессалонике XIV в. явления, характерные для движений в немецких городах XVI в. Следует, однако, предположить, что в среде зилотов могли находиться отдельные богомилы, готовые заменить социально-политическую борьбу религиозной шумихой. Несомненно, эти богомилы (которые уже ни в чем не походили на богомилов прежних веков, а были мистиками, призывавшими к отходу от мирских вопросов, подобно исихастам) пытались бы бороться против церковной обрядности, что внесло бы только разлад в движение. Кантакузин сообщает о надругательстве некоторых зилотов над иконами. Против них выступил народ и перебил нескольких богомильствующих зилотов [83]. Известно, что богомилы не признавали креста. Зилоты же, чтобы доказать, что защитники Фессалоники сражаются как православные, сделали своим боевым знаменем крест! [84]

До 1347 г. фессалоникская церковь находилась в полном подчинении у константинопольского патриарха. С февраля 1334 г. до 2 февраля 1347 г. византийскую церковь возглавлял энергичный патриарх Иоанн XIV Калека. В отличие от других патриархов, он не был монахом [85] (III, 36). Калека был рьяным врагом Кантакузина и сторонником строгой центра-

---

[78] Из переписки Акиндина явствует, что Арменопул выступал против Паламы. В 1346 г. он опубликовал трактат, в котором обвинял обе стороны — и Паламу и Акиндина в политеизме, отмежевываясь от обоих борющихся богословов (J. Meyendorff. Op. cit., p. 124). Известен резкий антипаламитский «томос» (PG, t. 150). В рукописи нет имени автора, но Николай Комнин, издатель XVII в., приписал «томос» Арменопулу. Поскольку мы знаем, что Арменопул выступал против Паламы, авторсво тАрменопула вполне возможно.

[79] В письме, относящемся к 1343—1344 гг., в число фессалоникских антипаламитов Акиндин включал и Матфея Властаря (J. Meyendorff. Op. cit., p. 124, 137).

[80] К антипаламитам в 1343—1344 гг. Акиндин относил и Фому Магистра (R. Loenertz. Op. cit., p. 95 sq; J. Meyendorff. Op. cit., p. 124, 139). Акиндин спрашивал в письме, почему Фома Магистр замолчал и не выступает против Паламы (J. Meyendorff. Op. cit., p. 124).

[81] Арменопул в 1350 г. сочинил энкомий в честь св. Димитрия. Высказанные им там взгляды уже приближались к исихазму (Βασ. Λαούρδα. Ἐγκώμια εἰς τὸν ἅγιον Δημήτριον κατὰ τὸν δέκατον τέταρτον αἰῶνα.— ΕΕΒΣ, 24, 1954, σελ. 283). Властарь выступил после 1347 г. с трактатом о благодати в духе Паламы (J. Meyendorff. Op. cit., p. 413). Фома Магистр уже в 1345 г. прекратил нападки на Паламу.

[82] См. А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 192; Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 332.

[83] Cantac., II, p. 571.

[84] Ibid., p. 234.

[85] Ibid., p. 218.

лизации церкви в государстве. Он имел колоссальное влияние на государственные дела: вокруг него сплотились члены синклита [86].

В 1342 г., после приема в столице делегации афонских монахов, стремившейся к примирению враждующих сторон, патриарх Иоанн назначил врага Кантакузина Макария митрополитом в Фессалонику; Макарий активно участвовал в политике. Когда разбитый Кантакузин бежал к сербам, Макарий отправился к нему, чтобы убедить Кантакузина прекратить сопротивление и сдаться [87]. Но Макарий не был сторонником активной борьбы против Паламы, и потому можно думать, что ни патриарх, ни зилоты не были им довольны.

После убийства Алексея Апокавка 11 июня 1345 г. среди знати Константинополя наступило некоторое замешательство. Зато патриарх Иоанн Калека стал проявлять особенную активность; фактически гражданскую войну после Апокавка возглавлял на стороне Палеологов именно патриарх.

После смерти (?) Макария (в источниках неясно, каким образом освободилась митрополичья кафедра) патриарх провел выборы нового митрополита Фессалоники, которым стал рьяный противник паламитов Иакинф, киприот, фанатичный монах монастыря Одигитры. Он был избран против воли императрицы, которая не желала обострять положение [88].

Иакинф развил лихорадочную деятельность против исихастов и сторонников Паламы. Он был одним из наиболее решительных вождей зилотов. Деятельность Иакинфа вполне соответствовала тому периоду политики террора, которая явилась естественной реакцией на убийство Алексея Апокавка в Константинополе и измену Иоанна Апокавка и части фессалоникской знати.

Политический террор соединился с религиозными гонениями. Филофей (паламит) писал в своей «Похвале Паламе», что Иакинф начал преследовать в Фессалонике епископов, «благочестивых лиц», монахов [89]. Акиндин сообщал Фоме Магистру, что первой и важнейшей задачей Иакинфа было с корнем вырвать из его паствы паламитство, как развившуюся болезнь [90].

Однако в середине 1346 г. Иакинф внезапно умер. Э. Вернер не прав, полагая, что зилоты после смерти Иакинфа вообще отказывались принять нового митрополита по политическим причинам [91]. Кафедра оставалась пустующей потому, что патриарх не мог согласовать кандидата с императрицей. Несомненно, что в течение всего движения фессалоникская церковь не порывала с константинопольской патриархией и придерживалась именно той политики, которая проводилась патриархом Иоанном XIV.

После многочисленных неудач императрица Анна Савойская стала относиться с недоверием к Иоанну Калеке. Она решила, что, помирившись с Паламой, получит большую возможность противостоять Кантакузину. В начале 1347 г. в Константинополе был созван собор, на котором 2 февраля низложили патриарха [92]. Однако с уходом патриарха императрица потеряла последнюю опору: через день Кантакузин вступил со своими войсками в Константинополь, и Анна Савойская была вынуждена капитулировать. Но собор 1347 г. был опротестован рядом епископов как незаконный. Не признали его решений и в Фессалонике, где кафедра митрополита оставалась вакантной.

---

[86] Ibid., p. 18—19.

[87] Cantac., II, p. 306—309; Tomos 1347, § 6, 141—144; J. Meyendorff. Le Tome synodal de 1347.— ЗРВИ, VIII, 1963, стр. 215.

[88] П. Успенский. История Афона, III. СПб., 1892, стр. 178.

[89] PG., t. 151, col. 611—612.

[90] R. Loenertz. Dix-huit Lettres, p. 97; J. Meyendorff. Op. cit., p. 116, n. 98.

[91] Э. Вернер. Указ. соч., стр. 189.

[92] G. T. Dennis. The Deposition of the Patriarch John Calecas.—«Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», 9, 1960, S. 51—55.

После низложения Иоанна митрополитом в Фессалонику был направлен Палама, что было вызовом тем кругам, которые выступали против исихастов. Фессалоникийцы не приняли Паламу, поскольку не признавали законности собора, низложившего Иоанна Калеку [93].

Обратимся к вопросу о мнимой «независимости» города Фессалоники во время гражданской войны. Разумеется, во времена феодальной раздробленности каждый город и каждое поместье в известной степени были независимыми. Но если говорить об отношениях Фессалоники с Константинополем, то во всяком случае следует сказать о ясно выраженной вплоть до окончательной победы Кантакузина полной лояльности города к правительству Апокавка и Иоанна Калеки. При этом безразлично, кто имел в Фессалонике больше влияния, Михаил Палеолог или Иоанн Апокавк, так как оба они до середины 1345 г. проводили политику Алексея Апокавка. Военные действия фессалоникского городского ополчения велись в координации с военными действиями Алексея Апокавка против Кантакузина и против турок.

Фессалоникийцы дважды подавили с большой жестокостью мятежи некоторой части городской знати: в 1343 г. мятеж Синадина, в 1345 г.— Иоанна Апокавка. Впрочем, это характерно не только для Фессалоники. В Константинополе с подобной же жестокостью народные массы расправились с убийцами Алексея Апокавка в 1345 г. Не было никакой разницы и в методах преследования мятежной знаги — конфискация владений мятежников и передача этих владений сторонникам правительства была обычной для того времени мерой. Нет никаких оснований видеть в подобных конфискациях «социальные реформы».

Смятение в Фессалонике наступило после захвата Кантакузином Константинополя в феврале 1347 г., когда «мятежник» Кантакузин был признан в Константинополе «законным императором». Фессалоника решилась продолжать сопротивление и после февраля 1347 г., не признавая поражения Иоанна Палеолога. Можно думать, что фессалоникийцы считали победу Кантакузина непрочной и временной. Против низложения патриарха Иоанна Калеки выступило много иерархов [94], которые в июле 1347 г. опубликовали «Томос», предавший проклятию Паламу и нового патриарха Исидора [95].

Кроме того, фессалоникийцы знали, что наиболее верный союзник Кантакузина Умур-паша не может более оказывать ему солидную помощь, так как втянулся в войну с крестоносцами под Смирной, находящейся в руках латинян. Там Умур и погиб. Это, конечно, давало возможность надеяться на изменение ситуации в Константинополе. Конечно, ни для кого не было секретом, что молодой император Иоанн V тяготится своим тестем — полновластным Кантакузином.

Кроме того, постоянные успехи Душана и его заигрывания с греческим населением завоеванных им городов толкали некоторых вождей

[93] Имеется сообщение Филофея о том, что фессалоникийцы через некоторое время согласились принять Паламу в качестве митрополита, но выдвинули условие, чтобы он в церкви не поминал ни одного императора (PG, t. 151, col. 616). Мейендорф (J. Meyendorff. Op. cit., p. 138) считает это сообщение невероятным. Можно, однако, допустить, что некоторая часть зилотов, готовя передачу Фессалоники сербам, имела в виду такое условие как подготовительную меру. Не исключена возможность и того, что среди фессалоникского населения после победы Кантакузина появилась мысль о возможности независимого существования города по примеру итальянских городов. Но Нил (PG, t 151, col. 672) в своем «Енкомии Паламе» утверждал, что фессалоникийцы требовали не упоминать в качестве императора только Кантакузина, т. е. продолжали борьбу против него. Вероятно, в среде фессалоникийцев были разногласия в вопросе об отношении к Паламе — чувствуется, что после февраля 1347 г. движение шло в значительной мере на спад и деградировало.

[94] J. Meyendorff. Op. cit., p. 132.

[95] Ibid., p. 134.

зилотов на союз с сербами, занявшими к тому времени Афон. Можно полагать, что вожди зилотов не исключали возможности создания сильной империи с сербской династией во главе, тем более, что проникновение византийских порядков при дворе Душана проходило чрезвычайно быстро, а его законодательство не содержало стеснений для развития товарного производства и обращения.

Однако именно эти связи с сербами и оттолкнули от вождей зилотов фессалоникское население. Метохит выступил против вождя зилотов, Андрея Палеолога, обвиняя его в измене. Толпа разгромила приморский район Фессалоники, центр корпорации моряков. Можно, конечно предположить, что эта толпа состояла из люмпенпролетариев. Но весьма знаменательно то обстоятельство, что народные массы не поднялись на защиту моряков. Это свидетельствует об изменении отношения населения Фессалоники к зилотам.

Андрей Палеолог бежал на Афон (св. Гора находилась тогда под властью Стефана Душана). Моряки почти не оказали никакого сопротивления. Разгром корпорации моряков, наиболее активных участников движения зилотов, был бескровным: ни один человек не был убит. Но некоторые дома видных моряков были разрушены [96].

Разгром корпорации моряков был началом конца сопротивления фессалоникийцев Кантакузину. Зилоты были ослаблены. Они еще некоторое время выжидали. Движение после победы Кантакузина стало локальным и не имело никаких шансов на успех. Метохит, а с ним и прочие (в том числе Арменопул и Властарь) перешли на сторону Кантакузина. Метохит сдал город Кантакузину. Сторонники движения, ставившие высокие цели борьбы за единственно возможный путь спасения Византии — ликвидацию феодальной раздробленности, потерпели поражение, несмотря на подлинный героизм в битвах с войсками влиятельных феодальных магнатов и подавляющими силами турок. Последующие движения уже не носили столь прогрессивного характера.

Необходимо теперь остановиться на причинах поражения движения за переход Византии от стадии феодальной раздробленности к стадии создания национального централизованного государства.

Основную причину поражения выступления зилотов и населения Фессалоники нужно усматривать, на наш взгляд, в обстоятельствах конца гражданской войны. Выступления горожан против господства феодальных магнатов в условиях слабости элементов раннего капитализма могли иметь успех только в том случае, если они опирались на силу централизованного правительства.

«Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы феодального порядка — в королевской власти»,— писал Ф. Энгельс [97]. С 3 февраля 1347 г. константинопольское правительство перестало оказывать поддержку Фессалонике — и судьба выступления зилотов была решена. Началась агония, движение продолжалось лишь по инерции, надежды на успех исчезли.

Таким образом, вопрос о причинах поражения движения зилотов упирается в проблему поражения константинопольского правительства в гражданской войне в целом. В первую очередь здесь нужно учитывать беззастенчивое национальное предательство клики феодалов, стоявших за Кантакузина, которые, стремясь уйти от поражения, сознательно предо-

---

[96] Cantac., III., p. 109. Разрушение домов политических противников (и неизбежно связанный с этим грабеж) было обычным и в Византии и в Италии. Это мероприятие нельзя рассматривать иначе, как способ привлечения на свою сторону люмпенпролетарских масс.

[97] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 409.

ставили туркам возможность разгромить все хозяйство Византии. Григора сообщает, что Кантакузин, призывая турок, сказал: «Если не я буду править, то пусть не правит и он! (Иоанн V.— *М. С.*). Пусть вообще не над кем будет править!» [98].

Поскольку в Византии почти не было национальной армии, призванные Кантакузином турки (в огромном для того времени числе — свыше 30 000) почти беспрепятственно уничтожали все на своем пути, отправляя в рабство захваченное население [99].

Клика феодалов, разумеется, от этого выиграла: горожанам, выступавшим за укрепление власти центрального правительства, не удалось вызвать против феодалов общенародного движения. Деревня была подавлена прежде, чем крестьянству удалось от частичных погромов феодальных поместий перейти к общему крестьянскому восстанию.

В зарубежной и в советской литературе явно недооценивается роль интервенции в поражении движения. Нам представляется, что именно интервенция турок и сербов явилась главной причиной неудачи прогрессивных сил в гражданской войне 1342—1349 гг. Примеров разгрома прогрессивных движений с помощью интервенции в истории немало.

Передовые круги Византии недостаточно отчетливо поняли весь вред мрачной идеологии паламитов, которые своей мистикой отравляли сознание масс и отвлекали их от борьбы; правительство Апокавка также слабо поддерживало гуманистическое направление в церковной борьбе против паламизма.

Нельзя недооценивать также значение такого фактора, как отсутствие организованности и планомерности в борьбе прогрессивных сил против феодалов. Не было попыток проведения каких бы то ни было реформ. Не была осуществлена секуляризация монастырских владений. Когда потом, во второй половине столетия, правительство стало проводить секуляризацию, было уже поздно: положение Византии стало безнадежным.

Движение, кроме того было дискредитировано применением традиционных методов междоусобной борьбы — погромы, разрушение домов противников, грабежи. Зилоты не приложили достаточно сил к обузданию люмпенпролегариата [100].

Ф. Энгельс пишет по поводу участия люмпенпролетариата в народных движениях: «*Люмпен-пролетариат*, представляющий собой отбросы из деморализованных элементов всех классов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, является наихудшим из всех возможных союзников... Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах... «Смерть ворам»..., то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды» [101].

Нужно считаться, наконец, и с естественными для классового общества фактами разложения в среде вождей прогрессивных движений. Не следует идеализировать вождей зилотов. Кантакузин пишет, что

---

[98] Greg., III, p. 181: εἰ μή γε ἐμέ,— ἀλλ' οὖν μητ' αὐτὸν βασιλεύειν,— μηθ' οἷς βασιλεύεσθαι τοῦ λοιποῦ χρεων εἶναι.

[99] Естественно, и Апокавк стремился использовать противоречия между Умурпашой и Урханом и заручился помощью турок-османов. Он даже разрешил туркам продавать на невольничьем рынке греческих пленников из войск Кантакузина. Однако Урхан не был настолько недальновиден, чтобы оказывать существенную помощь центральному византийскому правительству: он заключил союз с Кантакузином, взяв в жены его дочь.

[100] Андрей Палеолог, сообщает Кантакузин, пытался принять меры к прекращению грабежей и погромов (Cantac., II, p. 573).

[101] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 418.

многие из них за счет ограбления знати «из беднейших и презираемых стали богатыми и почтенными» [102].

Разложение среди зилотов, нужно думать, постепенно широко распространилось, и вполне понятно, почему в конце движения народные массы не поддержали Андрея Палеолога и моряков, когда толпа стала грабить их дома точно так же, как раньше грабила дома динатов.

Согласно Б. Т. Горянову, острая борьба, начатая в 40-х гг. XIV в., кончилась совместной гибелью борющихся классов, так как немногим более столетия спустя оба класса погибли под развалинами Византии, захваченной турецкими завоевателями. Мы, однако, не считаем возможным в данном случае говорить о совместной гибели борющихся классов после восстания зилотов. Ни тот, ни другой класс не погибли. И торгово-ростовщическая, и землевладельческая знать, и крестьянство пережили падение Византии: крестьянство и торгово-ростовщическая прослойка сохранили язык и религию, тогда как землевладельческая знать исламизировалась. Византия погибла не потому, что происходила ожесточенная классовая борьба, а потому, что прогрессивные силы Византии оказались слишком слабыми, чтобы вывести страну из стадии феодальной раздробленности в то время, когда рядом с Византией и за ее счет формировалась Турецкая империя —«подлинная военная держава средневековья» [103].

---

[102] Cantac., II, p. 235.
[103] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, 1939, стр. 189.

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Мировоззрение одного из наиболее выдающихся историков IV в. Аммиана Марцеллина неоднократно изучалось в науке [1]. Тем не менее в этом вопросе осталось немало спорного и нерешенного.

Аммиана Марцеллина часто считают последним великим римским историком. Нам думается, что это суждение верно лишь отчасти. Ведь нельзя провести непроходимой грани между позднеантичной и ранневизантийской историографией. Скорее можно наметить прямую преемственность между трудами римских и византийских историков. Справедливее считать Аммиана Марцеллина не только последним представителем античной историографии, но и первым крупным византийским историком. Он близок и римским, и византийским авторам, таким, как Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта, которые, подобно Аммиану Марцеллину, во многом оставались еще на почве античной исторической науки.

Между тем представление об Аммиане как римском историке очень распространено в науке [2]. Анализ как труда Аммиана, так и сравнение его произведения с сочинениями византийских авторов, в первую очередь Прокопия, быть может, прольет некоторый свет на эту проблему.

Грек по национальности, уроженец Антиохии, Аммиан Марцеллин (ок. 330—400 гг.) происходил из знатной антиохийской семьи и посвятил свою молодость военной карьере. По политическим и религиозным

[1] W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus.— «Klio», Beiheft XVI, 1923; J. W. Maskail. The Last Great Roman Historian.—«Classical Studies». New York, IX, 1921, p. 159—187; E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 1—133. Библиография — стр. IX — X; J. Vogt. Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit.—«Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», Jahrgang 1963, NR, 8, S. 3—27; C. de Spigno. Limiti e pregi della storiografia di Ammiano Marcellino («Atti Accad. Nazion. dei Lincei, Rendiconti sc. moral., stor. e filolog.», V), 1950, p. 387 sg.

[2] В. С. Соколов. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.— ВДИ, 1959, № 4; J. W. Maskail. The Last Great Roman Historian.—«Classical Studies». New York, IX, 1921, p. 159—187; F. Wehrli. Die Geschichtsschreibung im Lichte der antiken Theorie.—«Eumusia. Festgabe für E. Howald». Erlenbach — Zürich, 1947, S. 55 ff.; M. L. W Laistner. The Greater Roman Historians («Sather Classical Lectures», 21), 1947, p. 141 sg; V. Pöschl. Die römische Auffassung der Geschichte.—«Gymnasium», 63 (1950), S. 190 ff.; A. W. Gomme. The Greek Attitude to Poetry and History («Sather Classical Lectures», 27 (1954); H. Freyer. Über das historische Sehen, in Weltgeschichte Europas. Stuttgart, 1954; C. P. T. Naudé. Ammianus Marcellinus in die Lig van die antike Geskiedskrywing. Diss. Leiden, 1956; H. Tränkle. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber —«Antike und Abendland», 11 (1962).

убеждениям Аммиан Марцеллин был приверженцем императора Юлиана Отступника и сторонником восстановления языческой религии. Вместе с императором Юлианом Аммиан Марцеллин участвовал в походе против персов и был свидетелем гибели этого императора [3]. После смерти Юлиана и краха его реформаторской деятельности Аммиан Марцеллин покинул военную службу, некоторое время жил как частное лицо в родной Антиохии, а затем переехал в Рим, где и окончил свои дни.

Именно в древней столице Римской империи Аммиан Марцеллин, уже на склоне своих лет, написал исторический труд на латинском языке, известный под названием «Res Gestae»—«Деяния» [4].

Это произведение было задумано автором как продолжение знаменитого исторического сочинения Тацита и охватывало значительный промежуток времени от правления императора Нервы до конца IV в.[5] Источниками Аммиана были и произведения античных авторов, и устная традиция [6].

До наших дней, однако, сохранилось лишь 18 книг труда Аммиана Марцеллина (кн. 14—31), посвященных событиям 353—378 гг. [7]

К счастью, мы располагаем именно той частью сочинения этого историка, где, за редким исключением, описываются события, современником, а зачастую и участником которых был сам автор. В сохранившихся книгах своего труда Аммиан Марцеллин предстает перед нами отнюдь не как компилятор, а как мыслящий историк, глубоко озабоченный судьбами Римского государства, стремящийся добросовестно осветить события своего времени. В его сочинении подкупает достоверность фактического материала, большинство его известий выдерживает проверку данными других источников [8]. Во многом это объясняется тем, что основой исторического повествования Аммиана Марцеллина служили его собственные жизненные наблюдения и рассказы очевидцев [9].

Аммиан сам остро сознавал все трудности, стоящие на пути историка, пишущего о современности. Марцеллин прямо говорит, что первоначально он боялся описывать ближайшую современность, чтобы избежать опасностей, которые нередко подстерегают правдивых повествователей, и суда непрошенных критиков, требующих изложения мелочей, вроде того, что сказал за столом какой-либо император. Миссия же историка значительно важнее. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения, которое должно освещать лишь важнейшие события и не вдаваться в излишние подробности. Однако, презрев опасность и невежественные суждения простаков, наш историк смело вступил на путь описания жизни современного ему общества [10].

---

[3] A. Klotz. Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Persefeldzug.—«Rheinisches Museum», 1916, 71. Bd., S. 461 ff.

[4] Ammiani Marcellini rerum gestarum ed. C. U. Clark, vol. I. Berolini, 1910; vol. II. Berolini, 1915; Ю. Кулаковский и А. Сонни. Аммиан Марцеллин. «История», перевод с латинского, вып. I. Киев, 1906; вып. II. Киев, 1907; вып. III. Киев, 1908.

[5] Ammian. Marc., XXXI, 16.

[6] O. Seeck. Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus.—«Hermes», 41 (1906), S. 481 ff., W. Klein. Studien zu Ammianus Marcellinus.—«Klio», Beiheft XIII, 1914, S. 40 ff.; S. Jannaccone. Ammiano Marcellino. Napoli, 1961; P. de Jonge. Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus, Bd. I — IV. Groningen, 1935—1953.

[7] L. Jeep. Die verlorenen Bücher der Ammianus.—«Rheinisches Museum», 63. Bd.,S. 60 ff.; G. B. Pighi. Ammiani Marcellini rerum gestarum capita selecta. («Bibl. Neocomensis», 2), 1948; W. Sontheimer. Der Excurs über Gallien bei Ammianus Marcellinus (XV, 9—12).—«Klio», 1926, XX. Bd., S. 19—53.

[8] G. B. Pighi. Studia Ammianea. Milano, 1935; idem. Nuovi Studi Ammianei. Milano, 1936.

[9] M. Büdinger. Ammianus Marcellinus und die Eigenart seines Geschichtswerkes.—«Denkschr. Kaiserl. Ak. der Wissenschaften Wien», Phil.-hist. Klasse, 44, 5 (1899), S. 28 ff.

[10] Ammian. Marc., XXVI, 1, 1—2.

По своему мировоззрению Аммиан Марцеллин был открытым приверженцем античного миросозерцания, религии и философии. Всю жизнь он оставался язычником, хотя и осуждал излишнее увлечение внешними сторонами языческого культа. Ему были чужды проявления грубого языческого антропоморфизма, его более влекла мистическая философия неоплатоников, особенно Плотина. Аммиан Марцеллин уже отказался от наивной веры во множество языческих богов, отдав предпочтение монотеистическим представлениям о едином высшем верховном божестве, управляющем миром [11]. Огромное влияние на него оказал неоплатонизм, он верил в безграничное превосходство духа над плотью, в бессмертие души. Вместе со своим любимым героем — императором Юлианом — он считал, что смерть — это благословенный дар богов, великая радость перехода в иную жизнь. Описывая кончину императора Юлиана, Аммиан Марцеллин рассказывал, насколько на смертном одре Юлиан был проникнут идеей античных философов, что дух много выше тела, а всякое отделение лучшего элемента от худшего должно порождать радость, но не скорбь [12]. Император благодарил «вечного бога» за сладостную смерть, ибо он уходил из мира не из-за тайных козней врагов, не от жестокой и продолжительной болезни, не погибал смертью осужденного на казнь, а умирал в расцвете своей славы. «В равной мере,— добавляет историк,— трус тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит ее, когда пришел его час» [13].

Аммиан Марцеллин верил в существование гениев-хранителей человека. Благодаря внушениям своих гениев, по его мнению, возвысились и достигли славы такие великие люди, как Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, Сципион Старший, Марий и Октавиан, Гермес Тримегист, Аполлоний Тианский и Плотин. Историк с особым уважением говорит о философских творениях Плотина. Именно у него Аммиан заимствует учение о гениях-хранителях. Плотин, по его словам, «решил объяснить подобные мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, хранят их, дают высшее знание, если они чисты и свободны от скверны, которая привносится от сочетания духа с телом» [14].

Аммиан Марцеллин очень высоко ставил античную философию и для своего времени достаточно хорошо знал труды философов различных школ и направлений [15]. Так, восхищаясь учением Платона и неоплатоников, он упоминает также Аристотеля и философов-материалистов — Гераклита Эфесского, Демокрита и др. Наш историк знаком с атомистикой Лукреция Кара [16] и с похвалой отзывается о занятиях натурфилософией и естественными науками [17]. Он зачитывается не только речами, но и философскими произведениями Цицерона. Колыбель научной мысли и античной образованности для Аммиана Марцеллина — восточные области империи. Так, он считал Александрию чуть ли не единственным центром, где еще процветали науки, в то время как в западной части империи и философия, и естественные науки пришли в упадок.

---

[11] W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus.—«Klio», Beiheft XVI, 1923, S. 50—54.

[12] Ammian. Marc., XXV, 3.15.

[13] Ibid., 3.19; D. Conduché. Ammien Marcellin et la mort de Julien.—«Latomus», 24, 1965,p. 359—380.

[14] Ammian. Marc., XXI, 14.5. Историк подчеркивает, что в поэмах божественного Гомера не сами герои общались с богами, а их гении (ibidem).

[15] Эти факты противоречат мнению В. С. Соколова о том, что Аммиан Марцеллин с глубоким равнодушием относился к философским учениям и, несмотря на греческое образование, слабо разбирался в современной ему философии (В. С. Соколов. Указ. соч., стр. 49).

[16] Ammian. Marc., XXVI, 1.1; W. Ensslin. Op. cit., p. 66—76.

[17] Ammian. Marc., XXVIII, 4.34.

Именно в непреходящей мудрости Египта черпали свои знания великие ученые и законодатели древности: Пифагор, Анаксагор, Солон. Оттуда же воспринял свои идеи и Иисус, который для Аммиана Марцеллина — не бог, а один из «учителей мудрости», основатель новой религии [18]. В Александрии «есть еще дух жизни в учителях наук, циркуль геометра вскрывает там различные тайны, не смолкла у них совсем и музыка, не иссякла гармония, поддерживают, хотя и немногие, наблюдения мирового движения и течения небесных светил, немало есть ученых, занимающихся числами..., развита медицина» [19].

Аммиан Марцеллин с большой горечью оплакивает упадок античной науки в его время. В городах империи, за исключением Александрии, наука и философия преданы забвению. Знать в Риме, по его словам, ничего не читает, кроме Ювенала и Мария Максима — писателей, способных лишь пересказывать занимательные истории и придворные сплетни. Знатные люди «боятся науки, как яда» [20], хотя им-то как раз особенно необходимо иметь обширные знания. В назидание знатным невеждам историк приводит рассказ о Сократе, который перед самой своей смертью хотел выучить неизвестные ему стихи поэта Стесихора, «чтобы уйти из жизни, зная еще нечто большее» [21]. Вместо занятия науками знать и народ Рима предаются безумным увлечениям конными ристаниями, вместо философов и риторов огромной популярностью в «Вечном городе» пользуются мимы, шуты, продажные танцовщицы. Среди знати занятие науками уступает место забавам позорной праздности, на пир к вельможе вместо философа приглашают певца, вместо ритора — комедианта, «библиотеки же заперты навек, как гробницы» [22].

Страстное негодование нашего историка вызывают гонения на языческую науку и философию, возобновленные в империи после краха реформ Юлиана Отступника. Он осуждает правительство Валента и Валентиниана I за инспирирование процессов против языческих философов, ложно обвиняемых в чародействе. Во время одного из подобных процессов, согласно рассказу Аммиана, был арестован знаменитый языческий философ Максим из Эфеса, человек с блистательным ученым именем, учитель императора Юлиана. По ложному обвинению Максим был казнен, испытав на собственном опыте, что из всех преступлений самое тяжкое — несправедливость судьи [23].

Трагическим гимном в честь стойкости человеческого духа звучит у Аммиана описание гибели, по воле разъяренных деспотов, прославленных языческих ученых — философов Пасифила и Симонида. Оба эти философа мужественно приняли смерть, они даже под пыткой не пожелали оклеветать невинных людей и проявили необычайное величие души. Свирепый судья, взбешенный твердостью духа Симонида, приказал сжечь его живым. Философ принял смерть с необычайной стойкостью: «Готовый убежать от жизни как от свирепой владычицы, с насмешкой над внезапным крушением дел мира сего, Симонид неподвижно стоял в пламени своего костра, следуя примеру знаменитого философа Перегрина (Протея)» [24].

---

[18] Ibid., XXII, 16.19—22. Аммиан Марцеллин упоминает многих ученых и философов: Аристарха, Геродиана, учителя Плотина Аммония Саккаса, Дидима Халкентера и др. (ibid., XXII, 16.16).

[19] Ibid., XXII, 16.17—18.

[20] Ibid., XXVIII, 4.14.

[21] Ibid., XXVIII, 4.15.

[22] Ibid., XXVII, 4.6—35.

[23] Ibid., XXIX, 1.42.

[24] Ibid., XXIX, 1.39.

Философы-мученики рисуются Аммианом Марцеллином как люди не только мужественные, но беспредельно честные и строгие «ревнители добродетели».

Аммиан Марцеллин обличает вандализм палачей императора Валента, которые сжигали ценнейшие рукописи и книги античных авторов как якобы запрещенную литературу языческого характера, захваченную в домах осужденных язычников. На самом же деле эти книги были безобидного в политическом отношении содержания и включали главным образом литературные произведения античных авторов или юридические трактаты [25].

По всей империи пылали костры, где жгли языческие книги, во время обысков агенты правительства подсовывали невинным жертвам какие-либо фальшивые заклятия, обвиняли в чародействе и казнили многих. «По всему Востоку, из страха подобных бедствий, каждый предавал огню свою библиотеку» [26]. Не все, однако, в поведении современных ему философов импонирует Аммиану: он осуждает их за излишнее упорство в отстаивании своих мнений в вопросах, в которых они недостаточно осведомлены [27]. Он обвиняет их в нескромности и склонности к самовосхвалению. Опираясь на авторитет Цицерона, Аммиан Марцеллин с горькой иронией говорит, что философы на словах проповедуют скромность и презрение к славе, на деле же зачастую подписывают свое имя под теми произведениями, где сами призывают к отказу от прославления [28]. Но историк прощает эти слабости философам во имя их духовных богатств.

Почитатель античной науки и образованности, Аммиан Марцеллин не чужд, конечно, предрассудков своего времени: он верит в предсказание будущего, во власть Фемиды, открывающей веления рока. Он пытается дать философское и даже естественнонаучное толкование различных гаданий: бог вдохновляет предсказания — авгурии и аусписции исходят не от птиц, не знающих будущего (ведь этого не станет утверждать и самый ограниченный человек), но бог направляет полет птиц. «Благое божество или за заслуги людей, или из сочувствия к ним — открывает таким способом им будущее». Способен познать грядущее и дух человеческий. В согласии с мистическим учением неоплатоников Аммиан Марцеллин считает, что «солнце — мировой разум, по определению физиков, источает из себя наши души, как искры, и когда оно сильнее их воспламенит, то делает их способными познавать будущее [29].

Аммиан Марцеллин верит в предзнаменования и считает, что только в исключительных случаях, например ради защиты государства, можно пренебречь предсказаниями [30].

В труде Аммиана Марцеллина еще господствует античное представление о всесилии рока, управляющего судьбами людей. По мнению историка, «никогда еще никакое человеческое могущество и никакая доблесть не могли спасти от предрешенного неизбежным роком» [31]. Воздаяние за зло и добро человечеству посылает Адрастия (Немезида) — воплощение высшей правды, воздействующего на мир божества [32]. Адрастии подвластен нескончаемый круговорот вещей, путями необходимости

---

[25] Ammian. Marc., XXIX, 1. 41.
[26] Ibid., XXIX, 2.4.
[27] Ibid., XXIII, 5.11.
[28] Ibid., XXII, 6.4.
[29] Ibid., XXI, 1.11. Аммиан Марцеллин защищает истинность предсказаний от нападок невежд. При этом он опирается на Цицерона, приводя его слова о том, что «знамения будущего даются нам богами. Если кто ошибся в них, то причина погрешности не в богах, а в человеческом толковании» (ibid., XXI, 1.14).
[30] Ibid., XXIII, 1.7.
[31] Ibid., XXIII, 5.5; W. Seyfarth. Ammianus Marcellinus und das fatum.— «Klio», Beiheft 43—45, 1965, S. 291—306.
[32] Ammian. Marc., XIV, 11.25—26.

она сокрушает человеческую гордыню, возвышая или низвергая людей. Адрастия — выражение вечной справедливости, жизнь людей наполнена примерами ее мудрых решений: так, в наказание за жестокости императора Валента она зажгла по всей стране огненный факел грозной Беллоны [33]. Но, подобно античным авторам, Аммиан, хотя и верит в справедливость судьбы, вместе с тем глубоко подавлен беспощадной слепотой всесильного рока. Нередко трусы и негодяи по капризу судьбы побеждали достойнейших из людей. Все зыбко в человеческой жизни, изменчивость судьбы безгранична, капризы ее непостижимы. Человек, на которого рок налагает свою руку, тупеет и теряет ясность мысли [34], голос судьбы всегда невнятен, и смертным чаще всего не дано его постигнуть, ибо исход дела может быть совершенно иным, чем его понимают люди [35].

Примеры непостоянства судьбы, приводимые в труде Аммиана, весьма характерны для понимания социально-политической направленности мировоззрения нашего историка. Именно по велению слепого рока Эвн, безвестный раб из эргастула, стал предводителем восстания рабов. «А сколько знатных людей,— сокрушается Аммиан,— по воле судьбы обнимали ноги Вириата и Спартака», «сколько голов, перед которыми трепетали народы, пало под позорным топором палача!» [36]. Единственным прибежищем человека, столь не защищенного от ударов судьбы, служит теплящаяся в его душе вера в конечную разумность действий Адрастии. Ведь «высшая правда божьего суда» проявляет свою волю как на жертвах, так и на их палачах [37]. К сожалению, истинные веления рока непостижимы для людей, и поэтому в их сердца среди злодеяний, царящих в мире, часто закрадывается сомнение в справедливости судьбы.

Этические воззрения Аммиана Марцеллина формировались под непосредственным влиянием античной философии. Выше всего Аммиан ставил духовные качества человека. «По определению философов,— пишет он,— есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость, к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, властность, счастье и благородство» [38].

Вслед за Гераклитом Эфесским Аммиан видит высшее проявление доблести в обуздании могущественными владыками своих страстей, способных увлечь их к ненависти, гневу и ярости [39]. Аммиана привлекает афоризм Цицерона: «благополучие — это удача в благородных деяниях, а счастье — судьба, помогающая добрым советом» [40].

Исследователей, изучавших историческое наследие Аммиана Марцеллина, постоянно интересовал вопрос об отношении нашего историка к христианству [41]. И по сей день эта проблема далека еще от своего разрешения. Между тем именно выяснение взглядов Аммиана на христианскую религию может пролить свет и на все мировоззрение этого историка.

Воззрения Аммиана Марцеллина на христианство отмечены печатью глубокой двойственности.

---

[33] Ibid., XXIX, 2.20.
[34] Ibid., XIV, 11.12.
[35] Ibid., XXIII, 5.8.
[36] Ibid., XIV, 11.29—34.
[37] Ibid., XIV, 11.24.
[38] Ammian Marc., XXV, 4.1, H. Drexler. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer.—«Gymnasium», 61 (1954), S, 166 ff.
[39] Ammian. Marc., XXI, 16.14.
[40] Ibid., XXI, 16.13.
[41] Salvatore D'Elia. Ammiano Marcellino e il Cristianesimo.—«Studi Romani», 1962, anno X, № 4, p. 372—390; A. Solem. Considerazioni circa Ammiano ed il Cristianesimo.—«Rivista di cultura classica e medioevale», anno VI, N 3, 1964. Roma, p. 224—261; A. Momigliano. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D., in: «The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century». Oxford, 1963.

В своем историческом труде Аммиан предстает перед нами прежде всего сторонником восстановления язычества как государственной религии. Он поддерживает религиозную реформу Юлиана Отступника, хотя и упрекает этого императора за чрезмерное увлечение обрядовой стороной языческого культа. Он сокрушается по поводу того, что при Юлиане без меры умножались религиозные церемонии, совершавшиеся с необычайной пышностью и требовавшие огромных расходов [42].

Вполне естественно, что Аммиану Марцеллину не нравилось какое-либо ущемление языческого культа и притеснение язычников. Он осуждает знать Восточной Римской империи за разграбление языческих храмов [43].

Могучее обаяние античной цивилизации, приверженность к языческой религии в духе неоплатонизма, естественно, влекл і Аммиана в лагерь противников христианства. Аммиан, однако, не был убежденным врагом и хулителем христиан, а скорее бесстрастным судьей, оценивающим не только пороки, но и достоинства христианской религии и церковной организации. В труде Аммиана Марцеллина уживается критическое отношение к христианству с уважением к этой религии и спокойной веротерпимостью.

Что же отталкивает Аммиана от христианства?

Язычнику Аммиану прежде всего глубоко антипатичны бесконечные раздоры внутри христианского духовенства и еретические течения среди приверженной к новой религии «черни».

Описывая религиозную политику Юлиана Отступника, Аммиан рассказывает, что Юлиан однажды созвал пребывавших в раздоре христианских епископов и раздираемый ересями народ и объявил полную свободу веры. Он сделал это в расчете, что, «когда свобода увеличит раздоры и несогласия, нечего будет опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан к своим инакомыслящим единоверцам» [44].

Ожесточенность религиозных споров среди христиан и их фанатическая нетерпимость претили нашему историку. Его тревожила суетность и бесполезность бесконечных разъездов христианских епископов на церковные соборы и синоды. Словопрения на соборах не приносили пользы, а разъезды епископов перегружали почтовый тракт и ложились немалым бременем на государственную казну [45]. Но все это меркло перед кровавыми столкновениями, вызванными борьбой высших христианских церковных сановников за власть. Во время борьбы за папский престол в Риме, по словам историка, на улицах города было найдено 137 трупов. Претенденты на папский престол для достижения власти пускали в ход любые средства, поднимали на восстание чернь, проливали потоки крови [46]. Не менее опустошительными и кровавыми были религиозные столкновения среди христиан в Египте — колыбели восточных ересей. Аммиан самыми мрачными красками рисует церковную политику александрийского епископа Георгия, «наделенного змеиным жалом». Георгий, сын шерстобитного мастера из Киликии, поднялся из низов и достиг при императоре Констанции власти «на погибель людям». Он разжигал в народе религиозные распри, хотел разрушить языческий храм гения в Александрии, но чернь разгромила его дом, а самого его растерзала [47].

---

[42] Ammian. Marc., XXII, 12.7.
[43] Ibid., XXII, 4.3.
[44] Ibid., XXII, 5.4.
[45] Ibid., XXI, 16.18.
[46] Ibid., XVIII, 3.11—14.
[47] Ibid., XXII, 11.3—8.

Аммиан Марцеллин проводит непроходимую грань между погрязшим в стяжательстве высшим христианским духовенством и ведущими добродетельный образ жизни бедными сельскими священниками. Бичуя пороки церковных сановников в Риме, Аммиан сочными, грубоватыми мазками рисует картину большой жизненной правды. Высшие иерархи столь ожесточенно борются за папскую тиару отнюдь не из религиозных побуждений, а потому, что «по достижении этого сана им предстоит благополучие, возможность обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их яства превосходят царский стол» [48].

Растленной роскоши и суетному тщеславию высшего христианского духовенства Аммиан Марцеллин противопоставляет достойную бедность и благочестивое смирение провинциальных христианских священников. «Они (духовные сановники) могли бы быть поистине блаженны, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, стали бы жить по примеру иных провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питии, облекаясь в самые простые одежды и опуская свои взоры долу, заявляют себя перед вечным богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные» [49].

В труде Аммиана Марцеллина, наряду с обнажением язв христианской церкви, достаточно громко звучит проповедь веротерпимости в отношении христиан [50]. Аммиан Марцеллин вполне толерантен: он признает нормальным одновременное существование и культа Адониса в Антиохии, и древнеегипетских культов, и христианства. Единственно по отношению к иудеям он проявляет нетерпимость [51].

Призыв к веротерпимости у Аммиана вряд ли можно рассматривать лишь как возрождение древней римской традиции полного равнодушия и терпимости к существованию в империи всевозможных религиозных культов [52]. Думается, что идея более тесного сближения язычников и христиан уже глубоко укоренилась в общественном сознании того времени, и даже среди языческой интеллигенции она завоевывала все больше сторонников. Кроме того, не следует забывать, что труд Аммиана был написан в период правления императора Феодосия I, когда христианская религия вновь стала господствующей, и открыто высказывать какие-либо резко отрицательные суждения о христианстве было политически отнюдь не безопасно.

Основой религиозной политики римского государства наш историк предлагает выдвинуть умеренность и благожелательность в отношении всех культов, в том числе и христианства. Историк призывает уважать любую религию как проявление культуры народа. Отсутствие же религиозных представлений у некоторых племен, в частности у гуннов, с его точки зрения, является признаком варварства и необразованности [53].

Порою Аммиан Марцеллин в своем историческом сочинении выступает даже защитником христиан. Так, например, он упрекает императора Юлиана за чрезмерную подозрительность, а иногда и несправедливость к ним. Однажды, когда при Юлиане неожиданно сгорел храм Аполлона Дафнийского, император заподозрил в поджоге христиан. Эту версию опровергает Аммиан Марцеллин, сообщая, что храм сгорел случайно, из-за неосторожности философа Асклепиада [54]. Тем самым историк оправ-

[48] Ibid., XXVII, 3.14.
[49] Ibid., XXVII, 3.15.
[50] Ibid., XXI, 1.8.
[51] Ibid., XXII, 5.5.
[52] В. С. Соколов. Указ. соч., стр. 59.
[53] Ammian. Marc., XXXI, 2.11.
[54] Ibid., XXII, 13.1—3. В другом месте Аммиан оправдывает христианского епископа, ложно обвиненного в сдаче одного города персам (ibid., XX, 7.9).

дывает христиан от тяжелого обвинения в сожжении знаменитого языческого храма.

Особенно сурового порицания заслуживает Юлиан, по мнению автора, за внесение в законодательство духа религиозной нетерпимости: этот император поставил в прямую зависимость от вероисповедания занятие преподавательской деятельностью. По словам Аммиана Марцеллина, «жестокой мерой и достойной вечного забвения было то, что он (Юлиан) запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского исповедания» [55].

В противовес этому, любые проявления веротерпимости в религиозной политике Юлиана Отступника приветствуются историком. Всячески, например, восхваляется беспристрастие этого императора; при разборе судебных дел он спрашивал, какую религию исповедует тот или иной из тяжущихся, однако его нельзя было упрекнуть в том, что «он хоть раз отступил от стези справедливости из-за религии или чего другого» [56].

Порицая распри между христианами, Аммиан Марцеллин одновременно без всякого энтузиазма рассказывает о борьбе язычников против христиан. При этом он не проявляет какого-либо пристрастия к сторонникам языческой религии и даже признает мужество и стойкость христиан в этой борьбе. Так, рассказывая о столкновениях язычников и христиан в Александрии, историк сообщает о фанатической непреклонности христиан, не уступавшей подвигам древнехристианских мучеников. Христиане, признает он, сохраняли незапятнанной свою веру, шли на славную смерть [57].

В сочинении Аммиана Марцеллина встречаются порою отзывы о христианской религии, проникнутые духом не только веротерпимости, но даже уважения. Так, при характеристике императора Констанция он осуждает религиозную политику этого правителя, но с пиететом говорит о самой христианской религии: «*Христианскую религию*, которую *отличает цельность и простота*, он (Констанций.— *З. У.*) сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого восприятия ее, он возбудил множество споров, а при дальнейшем их росте поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, заботясь о том, чтобы наладить весь культ в соответствии со своими решениями» [58].

Как при обличении пороков высшего христианского духовенства Аммиан отдает должное скромности и простоте бедных христианских священников, так и в данном случае он нетерпимо относится к нарушению простоты и цельности христианской религии религиозными словопрениями христианских епископов и вмешательством в эти пустые споры самого императора. Первоначальная чистота и простота христианства привлекает историка, современное ему состояние христианской церкви отталкивает его.

С чисто религиозной точки зрения Аммиан Марцеллин рассматривает христианство как одну из равноправных религий, а Иисуса Христа считает не богом, а мудрецом, основателем этой религии. В этом аспекте очень показателен отзыв Аммиана о Христе. Указывая, что Египет был источником всяческих знаний для многих мудрецов, он пишет: «Из этих источников черпал, не видав Египта, Иисус в возвышенном полете своих речей, он — соперник Юпитера, герой достославной мудрости» [59].

Итак, Аммиан Марцеллин, оставаясь язычником, отнюдь не был ревностным врагом христианства. Он даже отдавал должное христианской

---

[55] Ammian. Marc., XXII, 10.7
[56] Ibid., XXII, 10.2.
[57] Ibid., XXII, 11.10.
[58] Ibid.., XXI, 16.18.
[59] Ibid., XXII, 16.22.

религии раннего периода, не скрывая вместе с тем пороков современной ему христианской церкви и церковной иерархии.

Политический идеал государственного управления складывался у Аммиана под двойным воздействием как современной социально-политической борьбы, так и учения античных философов. Аммиан — сторонник сильной и справедливой монархической власти, опирающейся на мудрых помощников и чуждой личного произвола. В бурях современных ему политических столкновений историк ищет точку опоры в образе идеального императора. При этом он создает идеал правителя, отвлеченный и далекий от жизни [60]. Власть есть, по определению философов, не что иное, как забота о благосостоянии другого; добрый же правитель обязан ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и побуждениями сильного гнева, он должен всегда помнить слова Цезаря, что воспоминания о жестокости — плохая опора для годов старости [61].

Цель хорошего правления, заявляет автор,— выгода и благосостояние подданных, поддержание мира и особенно недопущение произвола, который является главным источником развращения нравов государства.

Отвлеченный идеал государственного правления, нарисованный Аммианом, находился в таком вопиющем противоречии с действительностью, что этот контраст прекрасно осознавался самим автором. И сила Аммиана Марцеллина как мыслителя и историка не в позитивной конструкции государственной власти, а в страстном обличении существующего политического строя [62].

Аммиан Марцеллин достигает поистине огромного эмоционального накала и обличительного пафоса, когда он рассказывает о злодеяниях и пороках правителей империи. Описания в труде Аммиана мрачных картин террора, царящего на Востоке и Западе римского государства в IV в., по непримиримой ненависти и беспощадной обнаженности могут сравниться во всей римско-византийской историографии лишь с пропитанными ядом неумолимой сатиры инвективами Светония и Ювенала или с грозными обличениями «Тайной истории» Прокопия.

Первые страшные признаки террора проявились уже в правление Цезаря Галла. Доносы и казни обрушились прежде всего на старую патрицианскую знать. «Когда основанное на законе и справедливости правление было заменено кровавым произволом, стали приходить в запустение богатые и знатные дома» [63]. Шпионы и доносчики наводнили Антиохию, и люди «начали бояться даже стен, единственных свидетелей какой-нибудь тайны» [64]. Цезарь Галл не давал пощады ни императорским сановникам, ни городской знати, ни простым людям [65].

Император Констанций, по характеристике Аммиана, «сносный государь», тоже был неумолим в вынесении смертных приговоров во время политических процессов по доносам клеветников. При нем царил не правый суд, а узаконенный разбой [66]. В его правление многих знатных лиц казнили по пустому обвинению в тайном изготовлении царских одежд из тирского пурпура [67].

---

[60] J. S t r a u b. Vom Herrscherideal in der Spätantike.—«Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte», 18 (1939), S. 22 ff.; L. V a l e n s i. Quelques réflexions sur le pouvoir impérial d'après Ammien Mercellin.—«Bull. Assoc. G. Budé», Suppl. 16 (1957), p. 62 sq.

[61] A m m i a n. M a r c., XXIX, 2.18.

[62] W. H a r t k e. Geschichte und Politik im Spätantiken Rom.—«Klio», Beiheft 45 (1940), S. 38 ff.

[63] A m m i a n. M a r c.., XIV, 1.4.

[64] Ibid., XIV, 1.6—7.

[65] Ibid., XIV, 7.2.

[66] Ibid., XIV, 9.2—6.

[67] Ibid., XIV, 9.7—9.

Но особенно неумолим наш историк в разоблачении злодеяний императоров Валента и Валентиниана I. Кровавые дела этих братьев-правителей противопоставляются мудрому царствованию Юлиана. «Достопамятные доблести императора Юлиана принижали,— пишет автор,— братья-императоры, не будучи сами ни равны ему, ни даже похожи на него» [68].

Террор при Валенте, пишет автор, был для многих знатных и известных людей хуже гибели на войне. Право и закон были лишь маской, все судебные дела рассматривались сообразно с желанием высокомерного властителя, и вопрос о жизни и смерти подсудимых решался по его прихоти [69]. Доносы и казни доставляли Валенту дикую радость [70].

И с политической, и с нравственной точки зрения более всего негодует Аммиан по поводу победы произвола над законностью: «проявления произвола позволяют себе могущественные государи, потому что они не признают за друзьями права возражать против их дурных решений и поступков, а врагов устрашают величием своей власти. Для того, кто считает великим подвигом все, к чему склоняется его воля, нет вопроса о несправедливости» [71]. «Нет ничего столь дикого,— говорит Аммиан о Валенте,— как соединение свирепого характера с гордым высокомерием верховной власти» [72].

Описывая страшный террор, воцарившийся на Востоке империи после подавления восстания Прокопия, Аммиан пишет: «Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не разбирая ни возраста, ни сана» [73]. Неправый суд творился по всей стране и среди всех слоев общества. Валент, человек недалекий и трусливый, был развращен льстецами и истерзал государство «достойными слез убийствами» [74]. Террор усиливался корыстолюбием императора и его придворных: «Они держали открытой свою пасть и считали милосердие слабостью»; «они развращали характер человека, носившего смерть на конце своего языка; как злой ураган, обрушивались они на все и спешили до основания разрушить самые богатые дома» [75]. Судьи судили не по закону, а по воле владыки, и всех объял ужас; император же доходил до крайнего бешенства, как зверь в амфитеатре, если от него ускользнет приблизившийся к клетке человек» [76]. Террор, начатый Валентом после раскрытия заговора нотария Феодора, Аммиан Марцеллин характеризует такими словами: «На глазах у всех убивали людей, словно резали скотину» [77].

Не менее страшная картина произвола рисуется автором при описании террора, проводимого Валентинианом I в Риме. Подозрительный и жестокий деспот, Валентиниан I по наущению своих клевретов начал в Риме целую серию процессов об отравлениях. Эти процессы были направлены против старой римской аристократии. Император стал подводить под закон об оскорблении величества дела о колдовстве, обвиняя знатных людей в том, что через лиц низкого звания они обращались к колдунам. Начались истязания сенаторов, освобожденных по закону от пыток [78]. Рим стал свидетелем множества кровавых процессов и казней. Император

---

[68] Ammian. Marc, XXVI, 10 8.
[69] Ibid., XXVI, 10.10.
[70] Ibid., XXVI, 10.12.
[71] Ibid., XXVII, 7.9.
[72] Ibid., XXIX, 2.12.
[73] Ibid., XXVI, 10.9.
[74] Ibid., XXVII, 5.8.
[75] Ibid., XXIX, 1.19.
[76] Ibid., XXVIII, 1.27.
[77] Ibid., XXIX, 1.40.
[78] Ibid., XXVIII, 1.8—11.

не щадил ни пола, ни возраста. Было казнено много знатных римских матрон по обвинению в прелюбодеянии и безнравственности [79]. В древней столице империи процветали доносы. По рассказу Аммиана, у префекта претория Максимина, главного виновника террора, «всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой подвязывали доносы» [80]. Аммиан Марцеллин, так же как и впоследствии византийский историк Прокопий, не жалеет самых сильных эпитетов для осуждения политики произвола ненавистных ему императоров.

В чем же причины столь откровенно обличительной направленности исторического сочинения Аммиана Марцеллина? Где следует искать корни его политической оппозиционности? [81]

Причины оппозиционности Аммиана Марцеллина, на наш взгляд, следует искать в политических настроениях старой римской аристократии и поддерживающей ее языческой интеллигенции. Аммиан, сам не принадлежа к высшим аристократическим слоям римского общества, в известной мере все же оказался рупором политических настроений фрондирующей против императоров сенаторской знати [82].

Аммиан Марцеллин, подобно Прокопию, проповедует ярко выраженные монархические идеи. Как и Прокопий, он осуждает отнюдь не принцип императорской власти, а только дурных правителей. Идеал государственного правления и для Марцеллина, и для Прокопия лежит в далеком и славным прошлом великой Римской державы. Симпатии наших историков вызывают лишь те императоры, которые воплощали античное понимание верховной власти как ответственной перед обществом и делегированной им. Как Прокопий, так и Марцеллин восстают против деспотизма отдельных современных им правителей и безудержно идеализируют деяния древних римских государей. Резко критическое отношение к влекущей их живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасающего величия Рима — вот идеи, которые роднят обоих этих авторов, отделенных друг от друга почти двумя столетиями.

Аммиана в известной степени сближает с Прокопием и то, что оба автора выносят обвинительный вердикт правительству за террор в отношении старой римской патрицианской знати. Аммиан, как и Прокопий, всегда подчеркивает, что Валент и Валентиниан I подвергали гонениям именно представителей знатных, зачастую еще языческих, патрицианских родов. При Валенте, пишет он, палачи напали на самые столпы патрициата [83]. В этом отношении Аммиан Марцеллин является выразителем идеологии языческой оппозиции против гонений «христианских» императоров на старую родовую языческую знать. Но, как мы видели, вероисповедные мотивы у него при этом не играют первостепенной роли; несравненно более важное значение имеют политические симпатии или антипатии к тому или иному правителю, ибо с новым «христианским» императором Феодосием наш автор вполне мирится. Более того, он рас-

---

[79] Ibid., XXVIII, 1.28.

[80] Ibid., XXVIII, 1.36.

[81] E. Auerbach. Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1959, S. 56 (сравнение обличений Аммиана и Тацита), A. Demandt. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965.

[82] В нашей литературе была сделана интересная попытка выяснить социальные корни политической оппозиционности Аммиана Марцеллина. См. Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин).—«Труды Одесского гос. ун-та», вып. 49, истфак, т. II, 1947, стр. 89—116. Сравнивая мировоззрение Ливания и Аммиана Марцеллина, автор приходит к выводу, что они оба были выразителями оппозиционных языческих идей средних свободных землевладельцев, близких к декурионам.

[83] Ammian. Marc., XXIX, 2.9.

сыпается в похвалах царствующему государю, всячески прославляя его подвиги [84].

Но, естественно, во взглядах Аммиана и Прокопия немало и существенных различий.

Прежде всего, в отличие от Прокопия, создававшего свой обличительный труд в глубокой тайне, Аммиан Марцеллин мог открыто обрушивать потоки хулы на головы уже сошедших с исторической сцены государей, ибо он писал свое сочинение в правление императора Феодосия, когда беспощадная критика предшествовавших царствований отнюдь не возбранялась, а наоборот, поощрялась новым правительством. На это намекает сам историк. Признаваясь со всей откровенностью в своем первоначальном намерении предать, опасаясь кары, молчаливому забвению все ужасы прошлых лет, он с радостью сообщает о благодетельных политических переменах, позволивших ему изменить это решение. В то время, когда он писал свое сочинение, он уже был уверен в более высоком уровне нравственности общества и мог говорить правду о прошедших днях [85]. Наш историк ликует по поводу того, что теперь «есть полная возможность высказывать свободно свое мнение» [86].

Труднее объяснить другое весьма важное различие в политических взглядах Аммиана и Прокопия.

В противоположность Прокопию, который не только осуждает Юстиниана за преследования сенаторской аристократии, но и всегда восхваляет добродетели высшей римской знати, Аммиан Марцеллин дает потрясающую картину падения нравов самой этой родовитой римской аристократии. Разоблачения Аммианом Марцеллином пороков высшей римской знати порою превращаются в инвективу огромного эмоционального накала. Картина нравственного разложения римской аристократии настолько жива, что может быть только списанной непосредственно с натуры. Потрясающий контраст между былой, безвозвратно ушедшей в прошлое величавой чистотой нравов римской аристократии и царящей в современном обществе беспредельной развращенностью глубоко печалит автора.

Знатные люди в Риме чванятся роскошными шелковыми одеждами, гордо выступают в сопровождении огромной шумливой толпы рабов, охотно посещают термы и различные увеселения, больше всего интересуются блудницами и конными ристаниями, в то время как ранее по законам нравственности сенатору нельзя было даже поцеловать жену в присутствии собственной их дочери [87]. Ныне же сенаторы окружены толпами льстецов и лизоблюдов, играющих позорную роль паразитов древнегреческой комедии. Льстецы и болтуны целуют их колени и руки, высокопарно прославляют своих покровителей [88].

Дни и ночи знать проводит в шумных и непристойных пирах, в безумной игре в кости. В среде знати слабы дружеские связи, зато сильны страсти за игорным столом. Аристократы пренебрегают наукой и бегут от нее, как от яда. В своей ленивой праздности они не берут в руки книги. Жадности знати нет предела, она только и думает о захвате чужого имущества. Патрицианская семья переживает глубокий упадок, любовь и верность преданы забвению, супруги всячески изощряются в вымогательстве друг у друга выгодных для них завещаний [89]. Нечестно нажитые состояния знати не приводят никого в смущение, а, наоборот, вызы-

[84] E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 87—107.
[85] Ammian. Marc., XXVIII, 1.2.
[86] Ibid., XXVII, 9.4.
[87] Ibid., XXVIII, 4.8—9.
[88] Ibid., XXVIII, 4.12.
[89] Ibid., XXVIII, 4.26.

вают зависть и стремление к подражанию [90]. Аристократы делают безумные долги и не только не платят их, но всячески преследуют своих кредиторов, обвиняя их то в отравительстве, то сажая в тюрьму за мнимый долг [91].

Упадок нравственности среди знати проявляется также в сочетании атеизма с самыми грубыми суевериями. «Многие из них,— пишет Аммиан,— отрицая существование высшего божества на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни обедать, ни выкупаться раньше, чем, основательно рассмотрев календарь, в точности не узнают, в каком созвездии находится Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна» [92].

Аристократы жестоко обращаются со своими рабами, но никогда не забывают об их ценности. «Так, если раб несколько запоздает принести горячей воды, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он намеренно убьет человека и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то уж я его накажу»»[93].

Свою убийственную характеристику знати Аммиан Марцеллин заканчивает цитатой из Цицерона: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу» [94].

Беспощадное разоблачение Аммианом знати, показывающее всю бездну падения ее нравов, на наш взгляд, имеет у этого историка вполне определенный адресат. Аммиан критикует не всю патрицианскую знать как социальную группировку, а представителей аристократических родов Рима, нанесших своим презрением тяжкое оскорбление самолюбивому писателю.

Известно, что грек Аммиан, поселившись в Риме, подвергся, как иностранец, преследованию властей и временной высылке из города. В 383 г. в «вечном городе» наступил голод, и был издан приказ об изгнании из него всех иностранцев. В числе изгнанных оказался и наш историк. С глубокой обидой он рассказывает, что в то время, как из Рима удалили учителей с их учениками, по желанию знати в городе были оставлены три тысячи танцовщиц с их прислугой [95].

Кроме того, историческое произведение Аммиана первоначально было принято весьма холодно в кругах римской знати.

Виновниками своих злосчастий Аммиан считал представителей некоторых патрицианских родов «вечного города». Отсюда и обличения, порожденные оскорбленным самолюбием скромного по своему положению, но гордого своей образованностью интеллигента, тяготившегося презрением невежественных аристократов.

Позднее, однако, судьба вновь улыбнулась Аммиану. По возвращении в Рим он нашел влиятельных покровителей среди высшей римской аристократии в лице сенаторов Претекстата, отца и сына Симмахов и других образованных аристократов, приверженцев идеи возрождения былого величия великого Рима [96].

В кружке просвещенных знатоков из сенаторской знати Аммиан, по рассказу Ливания, читал отрывки из своей книги. Его исторический труд удостаивается высокой похвалы строгих ценителей наук и

---

[90] Ibid., XXII, 4.3—5; XXIX, 1.43; XXX, 4.8.
[91] Ibid., XXVIII, 4 25.
[92] Ibid., XXVIII, 4 24.
[93] Ibid., XXVIII, 4 16.
[94] Ibid., XXVIII, 4.26.
[95] Ibid., XIV, 6.18—19.
[96] Ibid., XIV, 6.2.

искусств [97]. И, конечно, не последнюю роль в подобной высокой оценке произведения Марцеллина сыграла общая политическая направленность его «Деяний». Последним представителям угасающей римской аристократии это историческое сочинение импонировало не только своим римским патриотизмом, консервативной приверженностью к традициям воинственного и некогда победоносного языческого Рима, но и своими оппозиционными настроениями в отношении деспотизма и своеволия императоров, вырвавшихся из-под влияния сената и сенаторской знати.

Итак, Аммиан, хотя и критикует пороки современной ему римской знати, одновременно сам заискивает перед ней и объективно является выразителем ее политических чаяний.

В науке последних десятилетий поднимался спорный вопрос об отношении Аммиана к муниципальной знати. Гипотеза о том, что Марцеллин был идеологом городских куриалов средней руки, нам кажется хотя и заманчивой, но все же еще недостаточно обоснованной [98]. Эта теория опирается на благожелательные в отношении декурионов высказывания нашего автора. К сожалению, подобные похвалы куриалам в труде Аммиана весьма немногочисленны. Действительно, историк оплакивает упадок курий и осуждает насильственное прикрепление куриалов к куриям. Даже своего любимца Юлиана Отступника Марцеллин упрекает в излишней строгости к куриалам: «Жестоко и достойно порицания было то, что при нем лишь с трудом находили свое право люди, зачисленные в курию, хотя бы они могли сослаться на привилегии, число лет службы и доказать свое совершенно иное происхождение. Вследствие этого многие в страхе откупались тайными подарками от тяготы этого звания» [99].

Муниципальные должности превратились в тягостную повинность для куриалов, что породило бегство из курии. Куриалы, по словам историка, за долги попадали в тюрьмы, кончали жизнь самоубийством или погибали под кнутом палача [100]. Естественно, что это порождало недовольство среди куриалов и их участие в оппозиционных движениях — восстании Прокопия и заговоре нотария Феодора.

Сочувственное отношение Аммиана к куриалам его родного города Антиохии нашло свое выражение в том, что он встал на сторону куриалов в их споре с императором Юлианом из-за снижения цен на продукты, которое хотел провести Юлиан, заигрывая с народом Антиохии [101].

Все это, однако, еще не дает права сделать окончательный вывод о том, что Аммиан Марцеллин отражал идеологию куриалов, настроенных оппозиционно к правлению таких императоров, как Валент и Валентиниан I.

Вместе с тем думается, что оппозиционные настроения муниципальной знати в какой-то мере также оказали свое влияние на формирование политических взглядов нашего автора.

Антидемократическая направленность мировоззрения Аммиана получила свое наиболее яркое выражение в том, что обличение пороков высшей знати уживается у него с глубоко презрительным отношением к народным массам. Особенно резкие нападки вызывает у Марцеллина люмпен-пролетарская беднота Рима, которую он не хочет отличать от трудовых ремесленников и мелких торговцев этого города. Аммиан яростно бичует пороки «праздной и ленивой римской черни» [102]. «Всю свою жизнь,— пишет автор,— они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, ув

[97] Liban., Epp., 983 V.
[98] Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 93 сл.
[99] Ammian. Marc, XXII, 9.12.
[100] Ibid., XXX, 5.6, 10.
[101] Ibid., XXII, 14.1—2.
[102] Ibid., XXVIII, 4.28.

селениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний» [103]. Толпа безумно увлекается конными ристаниями и без конца спорит о достоинствах возниц. «Безделие так въелось здесь в нравы, что лишь только забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще совсем взойти солнце, как все стремглав спешат, чуть не взапуски с самими колесницами, что будут состязаться» [104].

В соответствии с общей идеализацией нравов древнего Рима, Аммиан противопоставляет разнузданность современной ему «черни» благоразумию и целомудренности древнеримского плебса, прославляемого во многих творениях античных авторов. Современная же историку толпа не только обезумела от цирка и ристаний, но и играет роль клакеров на всех зрелищах. «А в каком-нибудь жалком театре выгоняют актеров свистом, если кто из них деньгами не закупит себе расположение черни» [105].

С особым раздражением осуждает Аммиан римскую чернь за нелепую ненависть к иностранцам. «Если театр в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужих, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента» [106].

В этих ядовитых словах проявляется личная неприязнь «чужака» Аммиана к коренному населению «Вечного города», суетно кичащемуся своим римским происхождением. Нет сомнения, что это тягостное чувство было порождено горькой судьбой чужеземца, вынужденного жить среди недружелюбного ему народа.

Сколько ненависти и презрения к «черни» сквозит в рассказе Аммиана о том, что в быту римского плебса был в его время необычайно распространен такой порок, как обжорство. «Ощущая запах съедобного, среди пронзительных криков женщин, с первыми петухами, как павлины, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда» [107].

Наиболее ожесточенную ненависть Аммиана, естественно, вызывают народные волнения, в том числе многочисленные бунты римского плебса [108]. Из-за нехватки продовольствия в Риме постоянно вспыхивают волнения народа. Аммиан сурово осуждает «зверства» черни во время этих восстаний [109].

Описав столь мрачными красками «чернь» Рима, наш историк не менее суров к народным массам и других городов — как Востока, так и Запада, особенно Константинополя, Антиохии и Александрии. Он постоянно подчеркивает свирепость черни в Александрии, склонность ее к восстаниям [110]. Египтяне хвалятся рубцами на теле, полученными от палачей за неуплату налогов. По словам Аммиана, нет столь страшных пыток, которые могли бы заставить «закоренелого разбойника» этой страны назвать против воли настоящее его имя [111].

Аммиан всегда со страхом и неприязнью говорит об участии народных масс в солдатских бунтах [112], в восстании Прокопия [113] и других движениях.

---

[103] Ibid., XXVIII, 4.29.
[104] Ibid., XXVIII, 4.30.
[105] Ibid., XXVIII, 4.32.
[106] Ibidem.
[107] Ibid., XXVIII, 4.34.
[108] H. P. Kohns. Versorgunskrisen und Hungerrevolten im Spätantiken Rom («Antiquitas», I.6), 1961, S.123 f., 233 f.
[109] Ammian. Marc., XXVII, 3.6—10; XXVII, 3.11—13.
[110] Ibid., XXII, 11.4—8.
[111] Ibid., XXII, 16. 23.
[112] Ibid., XXI, 11.2—3.
[113] Ibid., XXVI, 6.18; 7.1.

О рабах Аммиан Марцеллин обычно рассказывает лишь мельком. Для него рабство — обычное бытовое явление, недостойное особого упо минания.

Так, историк сообщает о работорговле[114], об отпуске рабов на волю [115] об использовании рабов господами в преступных целях [116]. Он в изве стной степени отражает новые веяния в отношении к рабам, проявляв шиеся в IV в. Так, он с осуждением пишет, что персы так жестоки, чт присваивают себе *право жизни и смерти над рабами* и людьми низког происхождения [117]. Иными словами, по мнению автора, господин н может распоряжаться жизнью и смертью раба. Точно так же истори подчеркивает, что в его время привлечение рабов к суду в качестве сви детелей против господ было запрещено законом [118]. Аммиан с негодова нием обличает одного негодного судью, который «при зловещем зве канье цепей мучил пытками и доводил до смерти рабов, истомленны продолжительным заключением, требуя от них показаний против их гос подина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствия о прелюбодеяниях» [119]. Естественно, конечно, что участие рабов в восста ниях варваров, в частности в восстании вестготов на Дунае в 70-х года IV в. вызывает крайнюю тревогу у нашего историка [120].

В труде Аммиана Марцеллина с большой впечатляющей силой вос создается картина острейшей классовой борьбы, охвативший в IV в. ка Восточную, так и Западную империи. Восточные провинции были бук вально наводнены отрядами разбойников — латронов. В 50—70-х года IV в. в Малой Азии и Сирии латроны нападали «на богатые дома, вилл и города» [121]. В 50-х годах IV в. в Исаврии действия латронов расцени ваются автором как «настоящая война», грозящая бедами Римском государству. Опасность усугублялась тем, что латроны «не встречал никакого сопротивления» [122], более того, они пользовались поддержко населения в Ликаонии, Памфилии и других областях. Они осаждал города, напали даже на такой крупный центр, как Селевкия [123]. В войн участвовали несколько тысяч латронов, и солдаты тоже иногда им сочув ствовали. Латроны грабили корабли, парализовали судоходство у бере тов Малой Азии. Движение было с трудом временно подавлено в конц 60-х годов IV в.

К движению латронов, как и к другим народным движениям, Аммиа Марцеллин относится с непримиримой, поистине классовой ненавистью, называя их «остервеневшей от голода и отчаяния толпой» [124].

Для характеристики социально-политических взглядов Аммиана очен показательно его отношение к известному восстанию Прокопия (365—366 гг.), потрясшему Восточную Римскую империю в правление импера тора Валента. Первоначально политические цели, которые ставил себ Прокопий,— свержение ненавистного режима Валента и защита интере сов горожан, в первую очередь куриалов,— в какой-то мере импони

---

[114] Ammian. Marc., XXIX, 4.4. Галатские купцы повсеместно продавал готов в рабство, не разбирая их сословных различий (XXII, 7.8).

[115] Ibid., XXII, 7.2.

[116] Ibid., XXVI, 3.4. Один сенатор в Риме отдал своего раба с преступной цель в обучение специалисту по колдовству. Этот сенатор таскал за собой по Риму толп рабов.

[117] Ibid., XXIII, 6.80.

[118] Ibid., XXVIII, 1.55.

[119] Ibid., XXVIII, 1.55.

[120] Ibid., XXXI, 6.5.

[121] Ibid., XXVIII, 2.11.

[122] Ibid., XIV, 2.1—3; XIV, 2.5; 2.8—20; XIX, 13.1.

[123] Ibid., XIX, 2.20.

[124] Ibid., XIV, 2.14. См. В. Д. Неронова. Аммиан Марцеллин о варварах.— «УЗ Пермского гос. ун-та», № 143, Исторические науки, 1966, стр. 79—80.

ровали Аммиану. Но превращение этого заговора против императора из борьбы претендентов на императорский престол в широкое народное движение оттолкнуло от восстания знать и зажиточных горожан и совершенно изменило позицию нашего историка. Вражду и злобу автора вызывает то, что Прокопий в какой-то степени опирался на народные массы Константинополя, на простых солдат и варваров-готов. Народ Константинополя сперва не оказал Прокопию ни сопротивления, ни сочувствия. Но затем поддержал его из-за недовольства грабительской политикой правительства Валента. Его приветствовали беспорядочные крики черни, в курии столицы сенаторы разбежались и осталось одно простонародье [125] Аммиан глубоко возмущен тем, что узурпатор назначал на высшие государственные посты выходцев из низов и казнил представителей знати. Среди сторонников Прокопия, по словам историка, были поставщики кухонных припасов, придворные служители, продажные солдаты. Знать же бежала из столицы. Во время беспорядков выдвинулись люди, по определению Марцеллина, принадлежащие к подонкам общества, а представители высшей знати теряли свое высокое положение, подвергались ссылке и даже смертной казни [126].

Крайне не по душе Аммиану и то, что Прокопий проводил конфискацию имущества знати: историк хулит узурпатора за «посягательство на чужое добро» [127]. Не меньше раздражает Аммиана Марцеллина и то, что при Прокопии варвары получили высокие государственные должности [128]. Ему не нравятся связи Прокопия с готами и военная помощь последних узурпатору [129].

Аммиан упрекает Прокопия в заигрывании с солдатами и варварами, в недооценке услуг богатых горожан. Прокопий якобы был сам виноват в поражении восстания, ибо он не сумел использовать выгодную для него обстановку, когда «восточные провинции жаждали переворота, возмущенные строгим режимом» [130]. Из-за своей нерешительности и медлительности «он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал» [131]. Немудрено, что вскоре Прокопий пал жертвой измены, был предан своими же сторонниками и казнен.

Разгром восстания Прокопия, по мнению Аммиана Марцеллина,— правое дело, но победа Валента постыдна, ибо за ней последовал террор и «она предала многих невинных в руки мучителей» [132]. Особенно осуждает Аммиан Валента за проскрипции против знатных лиц, ложно обвиненных в участии в восстании Прокопия [133].

Самого же Прокопия он считает мятежником и узурпатором. Он подчеркивает, что выдавшие Прокопия его приближенные сделали благое дело. Они предали не законного императора, а мятежника и нарушителя общественного спокойствия, их надо было, по мнению Аммиана, не казнить, как сделал Валент, а наградить [134]. В целом Аммиан оценивает восстание Прокопия как грозный мятеж, причинивший неисчислимые бедствия Римскому государству.

Поистине уникальные сведения сообщает Аммиан Марцеллин о другом крупнейшем движении его времени — о восстании вестготов на Дунае в 70-х годах IV в. Это единственное по своей полноте и достоверности сообщение современника, хорошо осведомленного о всех событиях, свя-

[125] Ammian. Marc., XXVI, 6.17.
[126] Ibid., XXVI, 7.1.
[127] Ibid., XXVI, 8.13—14.
[128] Ibid., XXVI, 7.4.
[129] Ibid., XXVI, 10.3.
[130] Ibid., XXVI, 8.14.
[131] Ibidem.
[132] Ibid., XXVI, 9.13.
[133] Ibid., XXVI, 9.13—14.
[134] Ibid., XXVI, 9.10.

занных с этим восстанием, приведшим Восточную Римскую империю на край катастрофы. Ни один другой автор не оставил нам столь живого и правдивого рассказа о битве при Адрианополе и гибели императора Валента.

События конца 70-х годов IV в. рисуются Аммианом Марцеллином как картина мощного натиска варварских племен на Восточную Римскую империю. И, что самое важное, Аммиан убедительно показывает, как этот натиск варваров был поддержан народными массами внутри империи.

В 375 г., по данным Марцеллина, начался новый этап борьбы готов против империи; теснимый гуннами, «весь готский народ неудержимо наводнил Фракию» [135]. Император Валент принужден был дать согласие на поселение готов в империи, поскольку он боялся их насильственного вторжения и вместе с тем надеялся в их лице найти новых рекрутов и новых налогоплательщиков для своего государства.

Аммиан не сообщает точного числа вторгшихся в империю готов, но нарисованная им картина очень внушительна: это переселение целого народа. По его словам, «бесчисленные толпы варваров» рассеялись по балканским провинциям империи [136]. Аммиан очень правдиво, в согласии с другими источниками (Зосим, Иордан), вскрывает причины восстания вестготов. При этом он отнюдь не щадит военачальников и чиновников империи, а считает, что именно их притеснения, спекуляция, продажа готов в рабство вызвали голод среди варваров и послужили толчком к восстанию [137].

Чрезвычайно важны сведения Аммиана Марцеллина о том, что восстание вестготов поддержали колоны, рабы, горнорабочие Фракии и Македонии [138].

Восстание переросло в широкое народное движение. Затем оно слилось с общим наступлением различных варварских племен — готов, гуннов, алан, тайфалов и др.— на дунайской и рейнской границах. Нападения варваров на границы империи в верховьях Рейна и Дуная отвлекли силы западноримской армии и не дали возможности императору Грациану прийти на помощь Валенту, что во многом предопределило катастрофический разгром византийских войск под Адрианополем. Положение Валента было затруднено еще и народным восстанием в самом Константинополе [139].

Описание Адрианопольской битвы у Аммиана — лучшие страницы его труда, где автор поднимается до высот настоящего художника слова, живописуя с поразительной выразительностью страшные сцены сражения.

«Со всех сторон,— пишет он,— слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая с необычайной свирепостью, издавала боевой клич на погибель римлян... Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по нескольку человек зараз оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец, оба строя столкнулись, наподобие сцепившихся носами кораблей, и, тесня друг друга, колебались, словно волны, от взаимных движений...» [140]. «Стон умирающих и раненных насмерть раздавался повсюду, вызывая ужас... Все кругом покрылось черной кровью, и куда ни обращался взор, громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела...» [141].

Описание Адрианопольской битвы столь красочно, наполнено множеством таких жизненных деталей, что наводит на мысль о том, что

---

[135] Ammian. Marc., XXXI, 8. 5.
[136] Ibid., XXXI, 4.7.
[137] Ibid., XXXI, 4.11; 5.11.
[138] Ibid., XXXI, 6.4—7.
[139] Ibid., XXXI, 11.1.
[140] Ibid., XXXI, 13.1.
[141] Ibid., XXXI, 13.4—6.

Аммиан писал эту картину хотя и не по личным наблюдениям, но по свежим рассказам участников сражения.

В этой битве сочувствие автора, конечно, всецело на стороне римлян. Аммиан — римский патриот, и хотя он не любит Валента, но Адрианопольский разгром для него национальное бедствие, поражение, наносящее страшный удар Римскому государству, римской национальной гордости.

В борьбе двух миров, римского и варварского, все симпатии Аммиана Марцеллина, конечно, как позднее Прокопия, Агафия и Симокатты, на стороне великого, гордого и, по его мнению, вечного Рима [142]. Аммиан хорошо понимает, сколь страшна была варварская опасность для империи: как ни один другой из писателей того времени, он отдает себе отчет о широком фронтальном наступлении варваров на Рим. И даже успешные походы Юлиана за Рейн — не более, как активная оборона от варваров. Никто другой из византийских историков раннего периода не показал с такой убедительностью поистине грандиозный размах борьбы Рима и варваров. При этом, с точки зрения Аммиана, для римлян в борьбе с дикими, свирепыми и коварными варварами хороши все средства: и подкуп, и обман, и натравливание одних варваров на других. В борьбе за спасение своей культуры от напора презренных варваров Рим, по мнению Аммиана, всегда прав.

Натиск же варваров изображается историком как разрушительный ураган, всеобщее бедствие для населения империи. Набеги варваров всегда носят грабительский и опустошительный характер, и борьба с ними — патриотический долг каждого римлянина.

Аммиан с горечью сетует об упадке былого могущества Римского государства и, как и Прокопий, с пренебрежением относится к другим, варварским и неварварским народам. Особого презрения заслуживают, по его мнению, дикие кочевые народы — гунны и аланы [143]. Но даже персы, которых он считает могущественным и цивилизованным народом, рисуются историком в самом мрачном свете. Этот смелый и привычный к трудам народ, по его словам, мог бы покорить мир, но его угнетают междоусобия и внешние войны. Персы, хотя и великолепные воины,— свирепы, велеречивы, несносны, заносчивы в счастье и несчастье, жестоки, снимают с живых людей кожу целиком или по частям, дурно обращаются со слугами и рабами, имеют суровые законы [144].

Презрительное и предвзятое отношение писателя к соседним с империей народам совпадает с политическими взглядами Прокопия и является ярким свидетельством их приверженности к консервативным идеалам Древнеримского государства и римской миродержавной исключительности.

Но надо сказать, что этнографические и географические экскурсы о различных странах и народах (Египет, Персия, Малая Азия и др.), приводимые в труде Аммиана, отличаются широтой знаний, написаны как по личным наблюдениям, так и на основании ценных источников и отражают уровень науки его времени [145].

Центр тяжести повествования Аммиана лежит в освещении преимущественно политической истории; внутренняя, социально-экономическая

---

[142] В. Д. Неронова. Указ. соч., стр. 65—69; «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 27 сл.

[143] Die Hunnenbeschreibung bei Ammianus, Sidonius und Jordanis.—«Wienerstudien», t. LVIII, 1940, S. 119 f.

[144] Ammian. Marc., XXIII, 6.75—84.

[145] Ценность географических экскурсов Аммиана подвергалась в науке сомнению. См. Th. Mommsen. Ammians Geographica.—«Hermes», 1887, t. XVI, p. 602—635. За последние годы ученое имя Аммиана было реабилитировано и подтверждена достоверность географических сведений, содержащихся в его труде. См. L. Dillemann. Ammien Marcellin et les pays de l'Euphrate et de Tigre.—«Syria».«Revue d'art orientale et d'archéologie», t. XXXVIII. Paris, 1961, pp. 87—158.

история римского государства IV в. отражена в его труде значительно меньше. Однако данные Марцеллина о разорении провинций, народных восстаниях, варваризации войска, разложении знати, о неустойчивости императорской власти и постоянной борьбе за престол показывают с большой жизненной правдой кризис рабовладельческого строя, охвативший в IV в. как Западную, так и Восточную Римскую империю [146]. Невольно напрашивается аналогия с «Тайной историей» Прокопия, где так убедительно изображен внутренний распад империи Юстиниана.

Для истории классовой борьбы в империи: движения багаудов и латронов, восстания Прокопия и особенно восстания вестготов на Дунае, труд Аммиана Марцеллина — лучший источник из всех ныне известных памятников. Достоверны его данные и по военной истории империи IV в. [147]

Правда, Аммиан явно преувеличивает мощь Римского государства, подчеркивает, что соседние народы чтут Рим [148]. Ему самому, проникнутому римским патриотизмом, очень хочется верить в былую силу и непобедимость Римской державы.

Вместе с тем, Аммиан ясно видит внутренний упадок Рима, хотя и не понимает его истинных причин. Для него главное — деспотизм государей и своекорыстное поведение чиновной бюрократии, забывших общие интересы ради личных. «Великолепный блеск Рима терпит ущерб от преступного легкомыслия немногих» [149],— пишет Аммиан.

С горечью должен признать историк отступление Рима перед внешними врагами: Персией и варварами. И невольно напрашивается вывод, что в IV в. Рим от завоевания варварами спасала не столько его сила, сколько разобщенность его врагов. Когда же варварские племена действовали согласованно, да еще объединялись с восставшими народными массами внутри империи, как это было во время восстания вестготов на Дунае, тогда Рим терпел тяжкие поражения.

Этим поражениям во многом способствовало начавшееся разложение армии. Аммиан с грустью говорит об упадке дисциплины в римских войсках: вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки, не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати. Солдаты позволяли себе наглость и грабежи в отношении сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие [150]. Офицеры на войне обогащались, вели праздную жизнь. Аммиан осуждает императора Валентиниана I за то, что он без меры возвысил военных, карал простых солдат и щадил командиров. Те, пользуясь безнаказанностью, стали творить невероятные преступления и, возомнив о себе, думали, что судьба всех без различия зависит от их кивка [151].

Аммиан показывает, что наиболее опасным врагом империи в IV в. были варвары, но их союзники, угнетенные народные массы — крестьяне, колоны, рабы, горнорабочие — играли также активную роль в борьбе против Римского государства. В раскрытии, независимо от воли автора, активной роли народных масс в истории Римской империи — огромная заслуга Аммиана Марцеллина. Это достоинство выдвигает его труд на одно из первых мест среди источников по истории Западной и Восточной Римской империи в IV в.

---

[146] В. Д. Неронова. Отражение кризиса Римской Империи в «Истории» Аммиана Марцеллина.— УЗ Пермского гос. ун-та, т. XX, вып.4, 1961, Исторические науки, стр. 71—101.

[147] E. von Nicher. Das römische Heer und seine Generale nach Ammianus Marcellinus.—«Hermes», 63 (1928), S. 430 ff.; В. И. Холмогоров. Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцеллина.— ВДИ, 1939, № 3, стр. 87—97.

[148] Ammian. Marc., XIV, 6.6.

[149] Ibid., XIV, 6.7

[150] Ibid., XXII, 4.6—7.

[151] Ibid., XXVII, 9.4.

Заканчивая рассмотрение вопроса о мировоззрении Аммиана Марцеллина, мы можем прийти к некоторым выводам. Аммиан Марцеллин, на наш взгляд, принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим взглядам объективно поддерживала идеологию старой римской сенаторской аристократии. Это нашло свое выражение как в консервативной идеализации римского исторического прошлого и прославлении могущества Римского государства, так и в отстаивании античных культурных традиций и языческих религиозных представлений. Но это еще далеко не самое главное. Неизмеримо важнее было то, что языческая интеллигенция, недовольная деспотизмом императоров и чиновной бюрократии, нашла опору в своих оппозиционных выступлениях именно во фрондирующей против системы домината и господства христианской церкви высшей рабовладельческой знати. Столь влиятельная политическая поддержка сенаторской аристократии и дала возможность оппозиционно настроенным историкам, подобным Марцеллину, открыто высказывать свои политические взгляды.

В своих разоблачениях произвола императоров и чиновников Аммиан был далеко не одинок: эти обличительные тенденции можно проследить и у Ливания, Евнапия, Зосима [152]. Еще любопытнее, что проповедь оппозиционных идей продолжается в трудах более поздних византийских авторов и доходит до своей кульминации в «Тайной истории» Прокопия.

Аммиана Марцеллина и Прокопия роднит как общая для них приверженность к античной цивилизации, недоверие и ненависть к варварам, так и социально-политические идеи защиты крепкой монархической власти, опирающейся на высшую аристократию, и резко отрицательное отношение к низшим классам общества.

Особенно же поражает одинаково страстный обличительный характер исторических сочинений того и другого историка.

Таким образом, Аммиан был одним из основоположников того оппозиционного направления в историографии, которое выступило в угоду сенаторской знати против государственной централизации и деспотизма императоров эпохи домината и ранней Византии. В этом отношении византийская историография раннего периода, особенно в лице Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты, непосредственно продолжает и развивает идеи, заложенные в труде Аммиана.

Это, конечно, отнюдь не исключает существования значительных различий в идейно-политической и философской направленности трудов Аммиана и Прокопия, Агафия или Феофилакта Симокатты. С течением времени явственно изменяется отношение историков к христианству, становясь мало-помалу все более ортодоксальным (Феофилакт Симокатта) [153], меняются философско-этические концепции, модифицируется отношение к варварам (Агафий) [154]. Однако не это является, на наш взгляд, решающим. Важно, что начиная с Аммиана в историографии все явственнее обособляются два основных течения: светское, опирающееся на античные традиции и оппозиционное к христианской монархии, и церковно-христианское, проводящее библейскую концепцию всемирной истории и послужившее основой средневекового летописания [155]. Они продолжают параллельно развиваться, оказывая друг на друга огромное взаимное влияние вплоть до середины VII в.

Все сказанное позволяет нам считать Аммиана Марцеллина не только последним великим римским историком, но и первым византийским историографом, зачинателем светского течения в историографии ранней Византии.

---

[152] Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 89 сл.; «История Византии», т. 1, стр. 18 сл.

[153] «История Византии», т. 1, стр. 40.

[154] Там же, стр. 34.

[155] Там же, стр. 41 сл.

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ XII в. ЕВСТАФИЙ СОЛУНСКИЙ

2. СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ *

Сочинения Евстафия, на первый взгляд, отпугивают своей риторичностью. Длинные, часто бессодержательные рассуждения; традиционные образы и мысли; неумеренные восхваления правящего императора, которого оратор готов вознести выше всех героев настоящего, прошлого и даже будущего [1],— все это затрудняет выяснение индивидуальности Евстафия, его выделение из ряда современников. Но вот что любопытно; те, кто знал Евстафия, воспринимал его именно как гражданственного писателя, как борца против зла. Он писал для исправления паствы, заявляет Малаки, он раскрывал тайные пороки (Malakes, p. 79.13—14); он преследовал зло и осуждал злых — особенно тех, чья жадность была губительной для городов и церквей (Malakes, p. 80. 21—27); он оплакивал мир, омраченный нашим беззаконием (Malakes, p. 80. 27—29). Пусть слова Малаки сами по себе неопределенны — мы не можем пройти мимо них. С чем же боролся Евстафий? Как представлял он себе зло? Какие идеалы отстаивал? Вот вопросы, которые нуждаются в ответе.

В самых общих своих суждениях Евстафий — сторонник незыблемости мирового порядка и вытекающей из него структуры общества. Как в мироздании, так и в обществе имеется высшее и низшее; поэтому людям следует чтить высоких и славных, а низшие должны возлюбить свой удел и оставаться в отведенных им пределах. То, что знатное вознесено выше низкого и смиренного, объясняется не пустой какой-либо случайностью и возникло не само по себе, но коренится в высшей и всемогущей причине (Opusc., p. 80.84—96).

Многие, жалуется Евстафий, осуждают как несоответствующий свободному государству тот порядок, при котором люди делятся на высших и низших. Эти критики, видимо, считают дурным неравенство ученика и учителя, паствы и пастыря, начальника и подчиненных. Разве родители не должны подчинять себе детей, а господа — рабов? Нет, неравенство существует повсеместно — и старики не станут равняться с детьми, забавляясь игрушками, а главы домов не должны опускаться ниже рабов, тем самым выравнивая неравномерность судьбы (Opusc., p. 28.57—88). Как несчастны, продолжает оратор, те города и деревни, поля и села, те пустыни, населенные возлюбившими бога людьми, где не отыщется высший по духу, справедливости, нравственности (Opusc., p. 29. 1—8). И Евста-

* Начало см. ВВ, XXVII, 1967, стр. 87—106. Во второй части приняты те же сокращения, что и в первой.

[1] Э. К у р ц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии..., стр. 296. 218—220.

фий обращается к аргументу, столь же старому, наверное, как и само неравенство: все члены человеческого тела выполняют свой долг, тогда как голова возносится надо всем, словно некий владыка (Opusc., p. 29. 22—30). К «естественнонаучной» параллели Евстафий добавляет религиозную санкцию, утверждая, что выдающийся деятель — это человек божий, и тот, кто выступает против неравенства, нарушает божью заповедь (Opusc., p. 29. 42—50).

Соответственно этому богатство как таковое не вызывает осуждения Евстафия. Пример Иова, обладавшего несметным имуществом, свидетельствует, по мнению солунского архиепископа, что справедливое приобретение и даже чрезмерное приобретение не возбраняется богом (Opusc., p. 230. 53—59). С раздражением Евстафий отзывается о бедняке, жалующемся на голод, жажду и наготу (Opusc., p. 219. 2—5). Есть люди, рассуждает он в другом месте, недоумевающие, почему господь одних оделил блестящими домами и поместьями, дал им обильную казну, слуг и служанок, тогда как другие нищи, словно сброшенная змеей старая кожа (Opusc., p. 135. 25—37). Евстафий называет такие сомнения безрассудными (Opusc., p. 138. 48), ибо если «брат» ничего не имеет, то это — по воле божьей (Opusc., p. 137. 3—5). Сам Евстафий, кстати сказать, гордится, что принадлежит не к нищим и случайным людям (Opusc., p. 83. 48—49).

И кто его знает, может быть, не вовсе безосновательны были те упреки Евстафию, которые с негодованием отвергал Малаки — будто бы покойный возлюбил богатство, накопил горы сокровищ и нечестными дарами наполнил свои руки (Malakes, p. 82. 6—9),— не зря же пират Сифант потребовал с Евстафия выкуп в размере четырех тысяч золотых (Esp., p. 108. 15).

Конечно, освящая неравенство и богатство, Евстафий в духе церковной традиции нападает на злоупотребление властью и богатством, осуждая тех, кто бесчеловечно грабит и терзает подобных себе людей (Opusc., p. 14. 14—19), тех, для кого чужой хлеб мягче, присвоенное вино слаще, украденная вода приятней, а чужой дом кажется раем (Opusc., p. 22. 45—48. Ср. еще p. 133. 52—54). И все-таки бросается в глаза, что Евстафий обычно защищает от захватов в первую очередь церковные земли. «Не следует присваивать чужую землю,— настаивает он,— как частную так и особенно посвященную храмам» (Opusc., p. 72. 6—8). Он нападает на грабящих землю, принадлежащую богу и его святым (Opusc., p. 83. 18—19). С этим, кстати сказать, связано и довольно своеобразное понимание Евстафием милосердия: не тот милостив, кто пожалеет нищего старика, но кто будет сочувствовать митрополиту солунскому (Opusc., p. 65. 91—94).

Впрочем, рассуждения Евстафия о богатстве довольно традиционны — значительно большей оригинальностью отмечены его взгляды на социальные градации византийского общества.

Византийская юридическая литература цепко сохраняла античный принцип разделения людей на рабов и свободных, но византийские историки и публицисты, как правило, обращались к социальной стратификации иного типа. Наиболее простой принцип — двучленный, когда общество представлялось разделенным на «больших» и «малых», на «могущественных» и «убогих». При этом конкретное содержание, вкладываемое в двучленную формулу, оказывалось неодинаковым: в одном случае критерием служило богатство, и общество членили на богатых и чернь [2], в другом — руководствовались критерием чиновности и разделяли население империи на могущественных членов герусии (синклита) и «низко-

[2] C. S a t h a s. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. I. Venetia, 1872, p. 76. 26—27.

родное племя» (Fontes, II, p. 199. 26—28), наконец, в третьем — основывались на знатности и противопоставляли благородного бедняку [3].

Иногда византийские авторы, говоря о «больших» и «малых», имеют в виду не все общество, но лишь его полюсы. Поэтому они охотно вводят в свою стратификацию третий элемент —«средних». Подобная трехчленная схема не противоречит двучленной.

Применялись в Византии и более дробные типы стратификации, основанные, если так можно выразиться, на профессиональном подходе. В IX в. Фотий выделил земледельцев, садовников, кормчих и пастухов [4], в XI столетии Кекавмен повторил Фотиевы категории,—с единственным, но любопытным отклонением: место садовника занял у него торговец [5].

Списки Фотия и Кекавмена явно неполны, они отражают лишь состав трудового люда Византийской империи. В отличие от них Пселл претендует на всестороннюю характеристику общества: он выделяет четыре группы, а именно синклитиков, т. е. высшее чиновничество, монахов, городской плебс и тех, кто занимается земледелием и торговлей [6]. Есть у Пселла, впрочем, и иная стратификация: плебс, синклитики и войско [7].

Наконец, в Византии мы встречаемся и с функциональным принципом социального членения, простейшая формула которого складывается из двух элементов — священники и миряне (Fontes, II, p. 312. 16). Продолжатель Скилицы предпочитает трехчленную формулу; он разделяет «избранных» константинопольцев на архонтов, «горожан» и духовенство (Cedr., II, p. 733. 13—15). Рассказывая о тех же событиях, Атталиат уточняет и усложняет формулу Продолжателя Скилицы (Attal., p. 270. 5—9): место архонтов занимают у него члены синклита, горожан он называет людьми рынка, а наряду с клиром выделяет как особую категорию «назиреев» — монашество.

У Евстафия мы тоже обнаруживаем трехчленную формулу, наполненную, однако, несколько иным содержанием. Он пользуется этой формулой несколько раз с разной степенью отчетливости. Население Константинополя, по его мнению, складывалось из «больших», «малых» и «средних» (Esp., p. 32. 8),— впрочем каков реальный смысл трехчленного деления, он в данном случае не раскрывает. В другом месте Евстафий выделяет все тех же «средних», подчиненную им толпу, а в качестве высшего слоя называет λογαδικοὶ ἄνδρες (Opusc., p. 207. 25—26), т. е. избранных. Так как λογάδες в классическом греческом могло означать «избранных воинов», не исключается, что в качестве высшей общественной группы Евстафий выделил военную знать. Действительно, говоря о жителях Солуни, Евстафий предлагает трехчленное деление, точно соответствовавшее классическому западному феодальному принципу трех сословий: воины, священники и простой народ (Esp., p. 6. 13—14).

К трехчленной схеме Евстафия чрезвычайно близка более детализированная стратификация, развитая Никитой Хониатом: он тоже ставит на первое место воина, затем священника, далее монаха; вслед за обоими духовными разрядами идут прочие, принадлежащие к «народному сборищу», и наконец — живущие «весами и обменом», т. е. купечество [8]. В этой пространной классификации «народ», стоящий выше

---

[3] D. C. Hesseling, H. Pernot. Poèmes Prodromiques en grec vulgaire. Amsterdam, 1910, p. 32.69.

[4] Φωτίου Ὁμιλίαι. Thessal., 1959, p. 134. 13—21.

[5] Cecaumeni Strategicon.—«Зап. истор.-филол. фак. СПб. унив.», 38, 1896 (далее: Cec.), стр. 79. 27—28.

[6] Michel Psellos. Chronographie, t. II. Paris, 1928, p. 108 sq.

[7] Ibid., p. 83. См. об этом H.-G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz.— REB, 24, 1966, S. 1.

[8] C. Sathas. Bibliotheca graeca.., vol. I, p. 102. 8—103.13.

купцов,— по-видимому, не чернь, не «малые»; как и в западных средневековых схемах, настоящие труженики остаются вне поля зрения Хониата и, возможно, также Евстафия.

Значит, отклоняясь от традиционных византийских формул, Евстафий (подобно Никите Хониату) приближается к западноевропейской средневековой стратификации общества.

Итак, Евстафий ставит воинов на первое место среди общественных группировок, и этому в какой-то мере соответствует то глубокое уважение, с каким он относится к знатности. Прославление родовитости императоров Мануила I (Opusc., p. 197. 58) и Алексея II (Esp., p. 36. 28—29), обладателей длинной цепи славных предков, можно счесть обыденным аретологическим штампом (похвальное слово, как правило, начиналось восхвалением родителей и родины) — однако в монодии на смерть Никифора Комнина Евстафий прямо ставит происхождение от «источников благородства» выше божественного рассудка [9]. При этом Евстафий не ограничивает свои симпатии лишь высшей знатью, лишь кланом Комнинов и их непосредственным окружением. В заслугу Мануилу I он ставит, между прочим, и то, что император уделял внимание не только вельможам, но и народу; в многолюдном собрании он находил возможность побеседовать с каждым в отдельности (Opusc., p. 206. 89—96). Конечно, термин «народ» (λαός) — употреблен Евстафием здесь в довольно ограниченном значении: собрание, где Мануил имел возможность беседовать с каждым по очереди, навряд ли состояло из «простонародья». «Народ» Евстафия — это группа, хотя и не принадлежащая к высшей знати, однако входящая в состав господствующего класса.

Вспомним известные слова Никиты Хониата, осуждавшего Мануила за то, что тот врачевал жажду войск так называемыми раздачами париков (Nic. Chon., p. 272.11—12). Хониата особенно возмущает не то, что император раздавал париков, а то, что он раздавал их всем, ослабляя этим воинский пыл «добрых воинов», полагавших, что лишь они одни заслужили щедрость государя. Любой желающий мог теперь записаться в войско, и многие откладывали иглу, отмывали глину, оттирали кузнечную сажу и за взятку — за «персидского» коня или за несколько золотых монет — зачислялись в стратиотские каталоги и получали плефры земли (Nic. Chon., p. 272.18—273.12).

Конечно, ирония и гнев уводят Хониата столь же далеко, как и восхваления увели Евстафия. «Все» и «любой желающий» у замечательного хрониста, разумеется, далеко не все, далеко не любой желающий, ибо щедрая взятка предполагает известный имущественный уровень. Не портные, горшечники и кузнецы были в состоянии дарить дорогих скакунов [10]. Как и Евстафий, Хониат имеет в виду низшие слои господствующего класса.

Параллель можно продлить и дальше. Подобно Хониату, Евстафий говорит о щедрости Мануила, о потоке царских благодеяний [11]. Среди забот императора (законодательство, суд, сбор войск) Евстафий называет и установление проний (οἰκονομιῶν τύποι) (Fontes, I, p. 5.29) как одно из важнейших дел государя. Но если Хониат видит в раздачах Мануила одну из причин ослабления империи, считает их бедствием, то

---

[9] Э. К у р ц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии..., стр. 301. 404—406.

[10] Анализ этого пассажа см. P. L e m e r l e. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes.—«Cahiers de civilisation médiévale», II, 1959, № 3, p. 272 sq.

[11] Э. К у р ц. Указ. соч., стр. 300.368. Ср. еще стр. 296. 223—224. Во II слове Михаилу III он называет Мануила щедрейшим императором (τῷ εὐεργετικωτάτῳ ἡμῶν βασιλεῖ — *Э*, л. 167).

Евстафий, напротив, просит, чтобы еще щедрее текли реки императорских благодеяний (Fontes, I, p. 15.22—23).

Различие между Хониатом и Евстафием проявляется особенно заметно в одном сравнительно частном пункте: получатели императорских даров, возмущается хронист,— жалкие людишки, полуварвары, которым платят налог подданные царя, превосходящие их своими достоинствами (Nic. Chon., p. 273. 14—19). Евстафий неоднократно вспоминает о варварах при дворе Мануила — но его тон совсем не похож на презрение Хониата. Не было ни одной чужеземной страны [12], откуда бы император не почерпнул благородный плод: их поставляли восток и север, юг и запад (Fontes, I, p. 81. 5—11). Невозможно назвать народ, заявляет Евстафий в другом месте, который бы не смешался с нами. Переселенцы узнали щедрость императора и нашли у нас свою родину (Opusc., p. 200.11—19). До Мануила они были рабами, мечтавшими о бегстве и острившими свой меч против господ (Opusc., p. 200.33—36), теперь вместо презренных рабов они сделались стратиотами (Opusc., p. 200. 45—47). Евстафий называет их жемчугом, избранным со всей земли, украсившим императорскую корону (Fontes, I, p. 94.22—25).

Так намечаются — пока еще очень ориентировочно — социальные симпатии Евстафия. Создается возможность проследить отличие взглядов Евстафия и Никиты Хониата, их различие в отношении к низшим слоям господствующего класса Византийской империи, состоявшего в немалой мере из иноземцев. Оба писателя выражали, по-видимому, различные тенденции и принадлежали к различным социальным прослойкам [13].

И надо думать, в соответствии со взглядами своей прослойки Евстафий изобразил в Мануиле I прежде всего идеального воина, пренебрегавшего опасностью и гордившегося ранами больше, чем блеском диадемы (Opusc., p. 210. 21—24). Вместе со всеми воинами он принимал участие в строительстве укреплений: обтесывал камни, таскал их на себе [14]. Мануил мало спал, был воздержан в пище (Fontes, I, p. 4.8 —11), любил ходить пешком (Opusc., p. 210. 3—5), терпеливо переносил холод и жару, голод и жажду (Opusc., p. 209. 27—35) и превосходил всех своей стойкостью (*Э*, л. 42 об.).

Образ «рыцарственного» Мануила, нарисованный Евстафием, чрезвычайно близок к образу этого государя в представлении Киннама [15] и, наоборот, значительно разнится с оценкой его у Никиты Хониата (см. например Nic. Chon., p. 73. 11—15, 79.21—80. 7 и др.). Хониат не ставит под сомнение рыцарственные таланты Мануила, но их заслоняет под его пером распущенность нрава, фискальные злоупотребления, надменность в отношениях к подданным.

Воинские достоинства вообще высоко чтит Евстафий. Он хвалит «доброго» Ланарду, мудрого полководца (Esp., p. 22. 5). Евстафий посвящает панегирик великому этериарху Иоанну Дуке — и в этом панегирике выступают на передний план воинские доблести. Герой Евстафия с юных лет успешно воевал с агарянами, а затем одержал блестящие победы на Истре (Fontes, I, p. 19. 12—26). «Глубинные области Европы были напоены пóтом Иоанна Дуки, словно плодородными дождями, и оттого взросли сочные колосья подвигов, которые принесли золотую жатву славы» (Fontes, I, p. 20. 1—4).

---

[12] См. конъектуру: P. W i r t h. Untersuchungen..., S. 49.

[13] О расхождении Никиты Хониата и Евстафия в оценке собора 1166 г. см. P. C l a s s e n. Das Konzil von Konstantinopel 1166 und die Lateiner.— BZ, 48, 1955, S. 339 f.

[14] P. W i r t h. Kaiser Manuel I. Komnenos und die Ostgrenze.— BZ, 55, 1962, S. 25.19—25.

[15] См. об этом М. М. Ф р е й д е н б е р г. Труд Иоанна Киннама как исторический источник.— ВВ, XVI, 1959, стр. 50.

И опять-таки характеристика этого человека у Никиты Хониата (Nic. Chon., p. 125. 5—8) и сходна, и вместе с тем несколько отлична. Да, он признает и военный опыт Дуки, и благородство его происхождения — но для него Дука поклонник не только Ареса, но и Гермеса [16] и, мы, действительно, знаем об участии Дуки в ряде посольств. К тому же Хониат говорит о неосведомленности Дуки в «свободных науках»— впрочем, подобного критического замечания нельзя было бы ждать от оратора, выступающего с панегириком.

Совсем иными выглядят под пером Евстафия представители высшей гражданской администрации, и в первую очередь — Давид Комнин, наместник Солуни, «малый в своих достоинствах, великий своей негодностью» (Esp., p. 8. 32). Евстафий, однакож, не ограничивается такой общей оценкой, но создает индивидуализированный образ вельможи. Самый облик его вызывал презрение: он не садился на коня, не брал в руки оружия, но разъезжал по осажденному городу на муле, нацепив шаровары и новенькие сапожки. Грузинская войлочная шляпа, защищавшая от солнца, довершала его сугубо штатский костюм (Esp., p. 82. 6—12).

Вся деятельность Давида Комнина была подстать его нелепой одежде! Он и не подумал подготовиться к обороне: в городе не было хлеба (Esp., p. 76. 15—17); цистерна, чуть-чуть подновленная для виду, тут же дала течь, и жители остались без воды (Esp., p. 78. 1—14). Камнеметы не шли в сравнение с норманскими, стрел не хватало, не было леса для починки военных механизмов — а наместник города лишь пожимал плечами и твердил: «Что поделаешь?» или «Да где взять-то?» (Esp., p. 74. 29—76.5).

Офицерам, продолжавшим указывать на серьезные недочеты, он грозил побоями, ослеплением, жестокими казнями (Esp., p. 76. 7—8), а в Константинополь доносил, что город ни в чем не нуждается и готов дать достойный отпор захватчикам-норманнам. Больше всего на свете Давид Комнин боялся инспекции из столицы, ожидая наказания за свою бездеятельность: он предпочитал сдать Солунь и бежать за границу, нежели открыть истинное положение вещей (Esp., p. 70. 13—30).

Но вот норманские отряды подошли к городу. Нужно было во что бы то ни стало просить подкрепления, припасов, людей. Не тут-то было — наместник остался верен себе. В Константинополь летели одна за другой депеши об удачных стычках, о первых победах византийского оружия. Случайно удалось взять в плен рядового воина: тут же Давид Комнин устраивает триумфальное шествие, пленника облачают в пышные одежды, словно он большой начальник, императору строчат победную реляцию (Esp., p. 68. 20—25). Удалось захватить двух лошадей и вражеский шлем — и это достаточный предлог для парада и донесения в столицу (Esp., p. 68. 25—32). Десять византийских воинов обратили в бегство двух провансальцев — и снова торжества, и снова письмо императору (Esp., p. 70. 1—6).

Показные реляции могли спасти от гнева начальства, но не от норманских мечей. Противник разрушал городские стены, рыл подкоп, обстреливал защитников из камнеметов и луков — а Давид Комнин прятался в тени, укрываясь и от стрел, и от солнечного жара (Esp., p. 82. 19—23). Наконец, норманны подожгли балки, поддерживавшие свод подземного хода — стена осела и рухнула. И сразу же наместник Солуни уселся на своего мула и обратился в бегство, рассчитывая найти убежище в цитадели. Он бежал, не прикоснувшись к оружию, не обагрив рук вражеской кровью (Esp., p. 102. 3—10)...

---

[16] Это — клише. Ср. слова Михаила Италика о логофете дрома Стефане Мелите (J. A. Cramer. Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium, vol. III. Oxonii, 1836, p. 172. 30—31).

Не менее зло рекомендует Евстафий другого представителя вельможного мира, Стефана Айохристофорита, которого называли Антихристофоритом. Он принадлежал к «среднему» состоянию, его отец был сборщиком податей и ловким вором — иными словами Айохристофорит вышел из мелкочиновной семьи. Он пытался жениться на знатной женщине, но потерпел неудачу: ему отрезали нос и «на его спине плясали усмиряющие ремни». Но наказание не произвело на наглеца впечатления: Айохристофорит вел себя без стеснения, словно ничего не случилось. Он даже сыграл на общем презрении, изображал собою шута, именовал себя «цветком зла» — и постепенно стал делать карьеру (Esp., p. 44. 22—46.27).

Если в оценке Мануила I и людей из его окружения, как Иоанн Дука, Евстафий и Никита Хониат в какой-то степени расходились, то представители высшего гражданского чиновничества Давид Комнин и Стефан Айохристофорит находят у Хониата столь же безоговорочное осуждение, как и у Евстафия (Nic. Chon., p. 381. 7—11; 386. 6—16). И может быть, Хониат даже идет дальше Евстафия в критике византийского бюрократизма (см. особенно Nic. Chon., p. 638. 12—639.3), но он критикует его с несколько иных, более аристократических позиций.

Осуждение чиновника-выскочки может показаться общим местом византийской литературы — однако это не так. Если для Евстафия знатность одна из важнейших предпосылок вельможности, если понятия «родовитый» и «царский слуга» в его представлении сливаются, составляя антитезу «природному рабу» (δουλέκδουλος) (л. 41 — об.), то мистик начала XI в. Симеон Богослов, напротив, с сочувствием говорит о том, кто из крайней нищеты был вознесен императором до богатства и славного чина, облачен сверкающими одеждами и допущен к особе государя. Этот человек, продолжает Симеон, взирает на императора с обожанием, он любит его как благодетеля, ясно сознавая, от кого получил и одежду, и чин, и богатство. С подобным незнатным выскочкой Симеон сравнивает истинного монаха, призванного пред лицо Христа.

Однако возвратимся к Евстафию.

Две группы образов — две социальные группировки. На одной стороне рыцарственный идеал, вызывающий восхищение Евстафия — на другой символ византийского бюрократического аппарата, трусливые и подлые чиновники, осмеяние которых превращается под пером писателя в осуждение всей бюрократической системы с ее показухой и ложью, всеобщей незаинтересованностью в общем деле и готовностью принести в жертву целый город для удовлетворения собственного мелкого эгоизма (Esp., p. 70. 27—30).

Евстафию на себе пришлось испытать придирчивость агентов византийского фиска; в одном из писем он просит у своего влиятельного адресата (Никифора Комнина?) помощи против жестокого вымогателя, который, пощадив всех соседних селян, одного Евстафия подверг притеснениям: несмотря на то, что вокруг запустевшего участка лежали владения богатых соседей, в том числе монахов монастыря Пандократора, чиновник никого не тронул, но осел у нас (Opusc., p. 322. 70—88). Пассаж этот недостаточно ясен: речь идет то ли о размещении на постой, то ли — скорее — о приписке к владениям Евстафия какого-то заброшенного надела.

Как бы то ни было, из него проступает недовольство писателя деятельностью чиновничьего аппарата.

Образы, связанные с взиманием податей, постоянно всплывают в его воображении: он говорит о натуральных и денежных взысканиях (л. 57 об.); жалеет несчастных земледельцев, из года в год платящих налог (л. 164 об.); восхваляет Николая Айофеодорита, который пошел с секирой против несправедливости и своими действиями во время податной ревизии (τὰ

τῆς ἐξισώσεως) приобрел в Пелопоннесе славу, затмившую подвиги Аристида и реформу Солона (л. 36 об.).

Гораздо более показательны в этом отношении слова Михаила Хониата, оплакивающего кончину Евстафия. Со смертью солунского митрополита, замечает он между прочим, на город спустилась ночь, и привольно почувствовали себя грабители и звери; Солунь лежит теперь как легкая добыча перед сборщиками налогов (Mich. Ak., I, p. 300. 21—24). Значит, во всяком случае в представлении своего ученика, Евстафий был защитником паствы от чиновников фиска.

Из общественных группировок своего времени одной Евстафий уделил особенно большое внимание — монашеству. Суждения Евстафия о монахах раздваиваются: в идеале монах — небесное существо (Opusc., p. 246. 7—8), посредник между богом и людьми (Opusc., p. 257. 21), но реальность безмерно далека от этого возвышенного идеала. И опять-таки, обличая монастырские порядки своего времени, Евстафий ломает каноны и штампы, создавая галерею индивидуализированных образов и воспроизводя живые сцены монашеского быта [17].

Если захочет поступить в монастырь, так повествует Евстафий, какой-нибудь образованный человек, братия немедленно возмутится и вытолкает его из обители, осыпая бранью, словно каменьями — зато для невежды монастырские врата всегда широко распахнуты (Opusc., p. 244. 72—82). Нередко грабитель и вор, остригши волосы, изображают собой монаха (Opusc., p. 236. 80—83). Сколько монахов по-прежнему увязает в мирских делах, торгуя, выращивая виноград, разводя скот (Opusc., p. 229. 19—25)! Только волосами готовы пожертвовать подобные люди — а все прочее мирское бремя сохраняют и после пострига (Opusc., p. 229. 9—10).

Особенно возмущает Евстафия сребролюбие монахов. Едва прослышат они о каком-то богатом человеке, как начинают соблазнять его: приглашают к себе, ведут в теплые бани, угощают вкусными кушаньями и напитками (Opusc., p. 242. 84—93). Затем приступают к духовному соблазну — обещают спасение без затраты труда, жатву, вырастающую сама собой. И вот уже новичок обманут, уловлен в сети, лишен имущества, а они обогащаются за его счет (Opusc., p. 243. 20—34).

Еще меньше церемонятся монахи с бедным соседом, подвергая его всяческим притеснениям, пока не наступит удобное время, чтобы присвоить его виноградник, поле или дом (Opusc., p. 243. 89—244.6). Монахи подчиняют себе соседей, доводят до подобия рабского состояния (Opusc., p. 244. 6—13). Набег варваров, восклицает Евстафий, не приносит такого вреда, как святые отцы своим соседям (Opusc., p. 260. 45—46).

Евстафий ведет читателя на сходку монастырской братии. Там выступает отец-игумен, но говорит он не о божественном — нет, он начинает с виноградников и нив, с взимания ренты (εἰσπράξεων φορολογικῶν). Он рассуждает о том, какой виноградник дает хорошее вино, какой надел плодороден, откуда братии поступает большой доход, о работниках-диаконитах, об оливковом масле, о смоквах — и уже конечно не о божественном предании, связанном со смоковницей, а о приносимом ею доходе (Opusc., p. 258. 57—259.11). Монахов заботит, как сохранить хлеб и в какое время продать его подороже; как лучше распорядиться с вином; как сберечь виноградные косточки и отруби, чтобы раздавать нищим в голодное время (Opusc., p. 242. 26—34).

---

[17] Отрывок из сочинения Евстафия «Об исправлении монашеской жизни» переведен на русский язык В. Г. Васильевским (Материалы для внутренней истории Византийского государства.— ЖМНП, ч. 202, 1879, № 4, стр. 433—438). Ср. также Ф. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 61—64.

Постоянно жалуется Евстафий на невежество монахов. Монахи распродают книги, не понимая их ценности (Opusc., p. 249. 59—82). Чему доброму может научить малограмотный монах — толкаться на людных улицах, ориентироваться на рынке, по вкусу отличать хорошее вино, пользоваться железным посохом для грабежа (Opusc., p. 245. 7—30)? Своим поведением монахи не отличаются от мирян: они даже скачут верхом (Opusc., p. 255. 36—41). Они толкаются в толпе, бранятся на рынке, вступают в связь с женщинами (Opusc., p. 250. 29—32). И пусть обычно они завешивают лицо почти до рта, стоит монаху заметить что-нибудь непристойное, как его черная повязка взлетает по самое темя (Opusc., p. 250. 41—44). Монахи к тому же ленивы — но горе тому, кто осмелился бы порицать их за безделие (Opusc., p. 252. 9—17). Пусть по внешности своей монах подобен небожителю, на самом деле он прочно сидит в земле, словно мандрагора с ее цепкими корнями (Opusc., p. 250. 58—61).

Евстафий не идет так далеко, чтобы требовать отмены монашества — он лишь настаивает на реформе. Суть его предложений — нестяжательство (Opusc., p. 219. 42—45). Не только монахи должны отказаться от личного имущества, чтобы таким путем избегнуть великого зла (Opusc., p. 229. 83) — но и монастырские богатства следует ограничить: не годится, например, маленькому монастырьку иметь обширные владения (Opusc., p. 222. 45—49). Негодных монахов Евстафий предлагает изгнать из монастырей (Opusc., p. 253. 65—66), а самые монастыри — лишить независимости. Нет такого правила, заявляет Евстафий, чтобы монаху оставаться безначальным, когда всякое племя имеет царя (Opusc., p. 252. 31—34).

Подчинение монастырей, по мысли Евстафия, должно быть двояким. Во-первых, монахи должны оставить ту ненависть, которую они питают к епископам (Opusc., p. 262. 8—34), и склонить голову перед иерархами (Opusc., p. 215. 86—94. Ср. p. 247. 25—39; 248. 60—68; 255. 1—2). Во-вторых, необходимо установить светскую власть над монастырями. Евстафий восхваляет постановления императоров, которые ввели в больших монастырях власть светских архонтов, чтобы подвижники целиком отдали себя божественному, а архонты хлопотали о нуждах обители (Opusc., p. 244. 33—40). Как плохи дела, продолжает Евстафий, в монастырях, не подчиненных светским надзирателям: там монахи вынуждены сами заниматься делами и вместо псалтири держат в руках весы несправедливости и фальшивые монеты; их пальцы приспосабливаются к обману крестьян (Opusc., p. 244. 57—61).

Мы должны на короткое время, прервав повествование, возвратиться назад: мы видели, что рыцарственный идеал близок Евстафию — теперь мы узнаем, что он также сторонник подчинения монастырей светской власти. Трудно удержаться от сближения обоих тезисов солунского архиепископа — программа монастырской реформы, в конечном счете, отвечала интересам окружения Мануила I [18].

Вопрос о светской власти над монастырями, о харистикии, был не новым для Византии второй половины XII в. Отношение к харистикию далеко не всегда и далеко не у всех византийских писателей было столь положительным, как у Евстафия. Напротив, харистикий вызывал резкие нападки — и мы, следовательно, опять (как и в случае с политикой раздач Мануила и с его отношением к варварам) можем противопоставить взгляды Евстафия воззрениям других авторов.

Наиболее решительным противником харистикия выступал Иоанн V Оксит, патриарх антиохийский, живший на рубеже XI — XII вв., при

---

[18] См. A. Neander. Charakteristik des Eustathios von Thessalonich in seiner reformatorischen Richtung.—«Philol. und hist. Abh. der k. Akad. der Wiss. zu Berlin», I, 1841 (1843), S. 78.

деде Мануила I — Алексее I Комнине [19]. Иоанн Оксит резко осуждал фискальную политику Алексея I [20] и в речи перед императором рисовал бедственное положение страны [21]. Таким образом, можно предполагать, что Иоанн Оксит выражал настроения оппозиционных по отношению к Комнинам кругов.

Монашество Иоанн Оксит ставит очень высоко: все верные, по его словам, чтут его и считают этот отряд божественным. Развивая мысли Симеона Богослова, он переносит на монахов роль исповедников (PG, t. 132, col. 1128 C). Подобно Евстафию, Иоанн Оксит замечает обмирщение монашества, хотя и говорит о нем гораздо более расплывчато: бывает, что из-за монахов в мир проникают соблазны [22], монахи гоняются за мирскими должностями [23] и даже сидят у ворот знатных лиц, толкаются у их столов [24].

Если Евстафий усматривал в харистикии средство для борьбы против обмирщения монашества, то Иоанн Оксит, напротив, утверждает, что именно в харистикарные монастыри проникают светские заботы (PG, t. 132, col. 1144 D). Более того, харистикий ведет к уничтожению монастырей, к превращению их в проастии частных лиц (PG, t. 132, col. 1136 CD), к гибели монашества вообще (PG, t. 132, col. 1145 C). Светские лица пробираются внутрь обителей, едят там мясо, распевают песни (PG, t. 132, col. 1141 D — 1144 A). Харистикарий присваивает не одно только монастырские имущество, но и самые храмы, а монахов превращает в рабов (PG, t. 132, col. 1140 A).

Да откуда взялось право отдавать монастыри в харистикий, вопрошает Иоанн Оксит. Всякий даритель отдает лишь то, что имеет,— император же и патриарх дерзают раздавать не свое, а принадлежащее богу (PG, t. 132, col. 1132 CD).

Здесь не место собирать все высказывания византийских писателей о харистикии, ни тем более решать вопрос, кто из них прав в оценке этого института. Для наших целей существенно прежде всего наличие двух точек зрения, одну из которых отстаивал Иоанн Оксит, вообще оппозиционно настроенный к комниновскому режиму,— другую же, помимо Евстафия, поддерживал известный канонист Вальсамон (PG, t. 137, col. 957 B), горячий сторонник Мануила Комнина.

Гораздо более скудны, нежели о монахах, суждения Евстафия о городских торгово-ремесленных кругах. В духе патристической традиции Евстафий несколько раз с осуждением отзывается о проценте и ростовщичестве: мы позволяем проглотить даяние, а затем принуждаем отведавшего изрыгнуть назад и даже с избытком. И такое позорное деяние мы называем прекрасным словом «дитя» (по гречески τόκος — одновременно плод, дитя и процент)! Это — смертоносная помощь, порождающая голод, пустоту, насильственный пост (Opusc., p. 163.63—73). «Проклятые проценты»,— говорит он в другом месте (Opusc., p. 107.83. Ср. еще p. 73. 9—11; Esp., p. 154. 27—28).

Впрочем, не только ростовщичество, но и простая ремесленная деятельность вызывает настороженность Евстафия. Обитатель Константи-

---

[19] См. о нем P. Gautier. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche. Notice biographique.— REB, 22, 1964, p. 128—135. Его взгляды на харистикий специально рассматриваст П. Лемерль (P. Lemerle. Un aspect du rôle des monastères à Byzance: les monastères donnés à des laïcs, les charisticaires. Académie des inscription et belles-lettres. Comptes-rendus, 1967, janvier — mars, p. 14—18).

[20] Chr. Papadopoulos. Ὁ πατριάρχης Ἀντιοχείας Ἰωάννης Ε' Ὀξείτης.— ΕΕΒΣ, 12, 1936, p. 365.

[21] V. Grumel. Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XI[e] et XII[e] siècles).— EO, № 171, 1933, p. 290 sq.

[22] P. Gautier. Jean V l'Oxite..., p. 152.23.

[23] Ibid., p. 152.29.

[24] Ibid., p. 148. 16—17.

нополя и Солуни, он, разумеется, не может обойтись без профессионалов-ремесленников: ткачи нужны, чтоб одеться, сапожники — чтобы обуться (Opusc., p. 21.76—79), но с точки зрения Евстафия, только тех ремесленников можно причислить к достойным, которые зарабатывают достаточно, но пренебрегают избытком и уклоняются, словно от постыдного дела, от обогащающего ремесла (πλουτοποιοῦ τέχνης), от недостойного дохода (Opusc., p. 129.76—82).

В XII в. в Византии упрочилось положение ремесленно-торговых слоев. Византийская интеллигенция, связанная с феодальной знатью, постоянно нападала на богатых выскочек из ремесленников и купцов [25]. Евстафий также придерживался чисто средневекового, сословного взгляда на ремесло: ремесленник должен удовлетворять потребности покупателя, но не использовать свой труд для обогащения.

С ненавистью вспоминает Евстафий о вожаках константинопольского плебса, которые с помощью скрытых ниточек приводили в движение толпу (Esp., p. 42.21—23). Любопытно в этой связи и то осуждение, которое вызывает у Евстафия расправа константинопольского плебса с латинянами. Он нагромождает ужасы: пожары, грабежи, убийства женщин и младенцев, гибель нерожденных детей — умиравших прежде, чем созреть для жизни (Esp., p. 34.21—30). Свой рассказ о погроме он завершает замечанием, что мольбы латинян были услышаны господом (Esp., p. 36.3—5).

Итак, мы могли бы констатировать (разумеется, не без оговорок): Евстафий принадлежал к тем кругам византийской интеллигенции, которые отдали свои симпатии Комнинам и поддерживавшей их феодальной знати. Его идеал — рыцарственный Мануил, тогда как высшая бюрократия, монашество и горожане вызывают его ненависть.

Социальные симпатии и антипатии Евстафия определили в конечном счете его отношение к Андронику I. Я имею в виду не то обстоятельство, что Евстафий, поклонник Мануила, выступил с резким осуждением узурпатора,— всегда можно было бы сказать, что Евстафий писал об Андронике уже после его ниспровержения и рассчитывал угодить новому владыке, Исааку Ангелу. Да, самый факт осуждения Андроника мог объясняться желанием угодить основателю новой династии — но конкретные представления Евстафия о социальной опоре только что низвергнутого «тирана» нельзя объяснить политическим сервилизмом.

Как же представлял он себе опору Андроника? Солунский архиепископ считает, что Андроник заигрывал с плебсом (Esp., p. 42.2—6) и особенно с вожаками константинопольской толпы (Esp., p. 42.20—21; 48.5). Андроника поддерживали также подонки синклита (Esp., p. 44. 13—14; 48.1—2). Напротив, писатель на все лады повторяет, что именно знать была враждебна узурпатору, что против знати был направлен его террор (Esp., p. 54.28; 56.14—16; 70.11—13). Верно или неверно оценивает Евстафий социальную опору Андроника, сейчас несущественно: бросается, однако, в глаза, что Евстафий противопоставляет аристократию верхушке горожан и высшему чиновничеству,— первая боролась с тираном, другие группировки поддержали его. Но мы как раз видели, что именно феодальной знати отдавал свое расположение солунский митрополит...

На поверхностный взгляд могло бы показаться, что Евстафий — просто панегирист Мануила, принимающий и восхваляющий все, что угодно государю. Однако это не так. Евстафий был сторонником свободы слова (παρρησία) и призывал к тому, чтобы отважиться высказать все перед любым человеком. Правда, он понимал это «все» ограниченно,

[25] См. А. П. Каждан. Два новых византийских памятника XII столетия.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 72 и сл.

сообразуясь с временем, обстоятельством и лицом: нельзя позволить, замечал он, любым выражениям вылетать из уст, иначе свобода слова перерастет в сплетню и клевету (Opusc., p. 225. 50—54; 71—80). Подобный призыв к свободе слова — хотя и по-византийски ограниченной, мы бы сказали умеренной — не оставался пустой фразой: Евстафий действительно отваживался отстаивать свои убеждения перед императором, но верный высказанному принципу, облекал подобную παρρησία всевозможными оговорками.

В 1166 г. или несколько позднее он выступил перед Мануилом с речью о нехватке воды в Константинополе. Конечно, критика была задрапирована бархатом восхвалений: Евстафий твердил о райском изобилии в столице, где не хватает лишь малого — воды (Fontes, I, p. 127.20—23), он заявлял, что народ помнит о благодеяниях государя, не забывает, кто владыка, кто спаситель, кто податель пищи и обеспеченного существования (Fontes, I, p. 129. 7—10). Но несмотря на все формулы раболепной вежливости, оратор не боится сказать, что город страдает от жажды и может запустеть. «Уже перед глазами эта беда!» (Fontes, I, p. 128.14—18). Он рисует картину морозной зимы, когда колодцы перестали давать спасительную воду (Fontes, I, p. 127. 23—30). «Город кричит моими устами!» — заявляет Евстафий.

Евстафий жил и писал в ту эпоху, когда византийский император лелеял далеко идущие универсалистские планы, тратя несчетные средства на дипломатическую игру и военные экспедиции — и в общем виде Евстафий готов был признать государя владыкой всей ойкумены (Opusc., p. 343.6—8). Тебе подчиняется, обращался он к Мануилу, не та или иная страна, но вся земля, купленная твоей доблестью и твоими трудами (Fontes, I, p. 125.13—15. Ср. p. 92. 21—24).

Но это лишь общие слова, дань традиционной фразеологии. Настойчиво и упорно настаивает Евстафий на изменении внешней политики Мануила, требующей немыслимого напряжения страны. Он облекает свои возражения в вежливые словеса, он рассыпает яхонты льстивых похвал — однако за похвалами чувствуется решительное неодобрение агрессивных стремлений императора. В природе — так рассуждает Евстафий — после дневного жара ночью наступает пора отдыха. Ты же, государь, и ночью сражаешься ради нас, не давая себе ни сна, ни отдыха (Fontes, I, p. 9. 21—22, 29—31). Доколе, могучий царь? Разве мощь твоя каменная? Разве она из адаманта? Те, кто хотел бы подражать тебе, не в состоянии этого сделать — никто не может стать рядом с тобой, кроме наследника, внушающего нам светлые надежды (Fontes, I, p. 10.3—14). (Напомню, что наследник, Алексей, был еще мальчиком, забавлявшимся игрушечными копьями.) «Мы желаем, чтобы ты приостановил твой безостановочный бег», — восклицает Евстафий в той же речи (Fontes, I, p. 14.15—16).

Возможно, что эта речь произнесена после страшного разгрома при Мириокефале в 1176 г. (см. выше, ч. 1, стр. 95) и просьбы Евстафия навеяны впечатлениями от победы сельджуков. Но призывы к миру, к прекращению экспансии — постоянная тема нашего ритора. Он радуется безмятежности мира (Fontes, I, p. 32.16—18). Император связал войну прочными цепями, и самое слово «война», пожалуй, будет истреблено (Fontes, I, p. 32.6—10). Война извержена из нашей страны — другие земли питают ее, а у нас нет места для этого кровожадного бедствия (Fontes, I, p. 63. 24—26). «Добиваться мира, — вновь и вновь провозглашает Евстафий, — достойнейшее дело для всех людей» (Opusc., p. 5.28—29. Ср. p. 7).

Он называл в речи к Мануилу неблагородными действиями разбрасывание железных гриболов (βώλοις μὲν οὖν σιδηραῖς — надо читать τριβόλοις .. σιδηροῖς) по вражеским долинам, и засевание соли на чужих пашнях, и вырывание ям для конницы и пехоты противника, и отравление воды. «Что благородного в низости? Что мужественного в коварстве?»

Вместо этого надо ставить крепости, которые заменят и триболы, и ямы, и яд, отравляющий воду [26].

И, наконец, третий случай оппозиции Евстафия Мануилу. Об этом рассказывает Никита Хониат (Nic. Chon., p. 282.1—12). Мануил I, как известно, постоянно вмешивался в церковные дела и принимал активное участие в богословских диспутах. В 1180 г., незадолго перед смертью, он предложил новую огласительную формулу против мусульман, которая не должна была содержать анафему Мухаммеду,— солунский архиепископ выступил против решения императора, отстаивая ортодоксальное отношение к мусульманской религии [27].

Как широко распространено в научной литературе (и еще шире в литературе популярной) освященное многими авторитетами представление о «византинизме» как о второй натуре жителей Византийской империи, в плоть и кровь которых будто бы вросло раболепие перед императором, перед каждым власть имущим! Но не являемся ли мы жертвой аберрации, вызванной косностью риторических оборотов? Пример Евстафия свидетельствует, что византийцы умели, сохраняя общеприятную фразеологию, выражать собственное суждение [28]. И, следовательно, если Евстафий поддерживал — до определенных пределов — социальную программу Мануила I, это было не результатом его трусливого раболепия, но его личным сочувствием этой программе. Случалось, что он находил и неприятные для императора слова, осуждая пренебрежение нуждами Константинополя, военную экспансию и вмешательство в сферу богословия.

Официально в Византии господствовало учение о божественности правящего во Христе василевса [29]. В соответствии с этим византийские политики XI — XII вв. приходили к выводу, что государь выше закона и церковных канонов (PG, t. 138, col. 93 B). Однако подобное оправдание автократии натолкнулось на резкое сопротивление. Церковный писатель XI в., которого Ж. Даррузес считает Никитой Анкирским, открыто полемизировал с тезисом о том, что император не ограничен законом [30]. Он заявлял далее, что епископы вправе поучать василевса, тот же не может быть их учителем [31]. Вслед за Иоанном Дамаскином он отвергал право императора быть законодателем в церковных вопросах [32].

Евстафий постепенно расшатывает официальную догму. Правда, мы найдем у него традиционную формулу, рассматривающую государя как земного бога, соцарствующего богу небесному (Fontes, I, p.126. 20—33), но вместе с тем император для Евстафия прежде всего — человек (Opusc., p. 43.42—43). Он выдвигает на передний план не права императора, но обязанности. Если традиционное клише византийской публицистики подчеркивало лишь абстрактную «пользу», приносимую царем

---

[26] Fontes, I, p. 32.27—33. Правильность чтения τριβόλοις подтверждается словами Евстафия καθά τριβόλους (p. 33.10). См. также конъектуры: P. W i r t h. Untersuchungen..., S. 43.

[27] См. об этом F. C h a l a n d o n. Les Comnène, II. Paris, 1912, p. 662; Esp., p. LVIII sg. О дате см. V. G r u m e l. Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, f. III. Chalcedon, 1947, № 1153. Бонис (K. B o n i s. Ὁ Θεσσαλονικης Ευστάθιος..., σελ., 164), не учитывая работы Грюмеля, отнес издание эдикта Мануила I к 1178 г.

[28] Для византийской оппозиции XII в. очень показательно выступление Никиты Серрского на соборе 1117 г. против предложения Алексея I, начинающееся, однако ж, с восхваления благочестивого василевса (J. J o a n n o u. Le sort des évêques hérétiques réconciliés.— Byz., 28, 1958, p. 8.16—18). Кстати сказать, собор поддержал Никиту Серрского — вопреки воле императора.

[29] O. T r e i t i n g e r. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956, S. 32f. Ср. также H. H u n g e r. Das Prooimion. Wien, 1964, S. 49f.

[30] J. D a r r o u z è s. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966, p. 240 sq.

[31] Ibid., p. 214. 5—8.

[32] Ibid., p. 248. 15—16.

подданным [33], то Евстафий говорит о конкретном труде и муках, которые принимает на себя император [34].

И опять-таки мы можем обнаружить различие между Евстафием и Симеоном Богословом: для византийского мистика соблюдение императорского церемониала существеннее добрых дел царя [35], в то время как Евстафий восхищается прежде всего тем, что император занят делами (Fontes, I, p. 7.8—9.). Он напоминает в этом отношении Продрома, также создававшего образ императора-труженика [36].

Дальше Евстафия в критике традиционного императорского культа заходит Никита Хониат. Он (подобно Никите Анкирскому) прямо полемизирует с теми, кто считает, что государю все дозволено [37], и называет худшим заблуждением самомнение иных царей, будто господь позволил ради них резать, словно овец, и народы (Nic. Chon., p. 566.8—13) Он пишет о распущенности василевсов (Nic. Chon., p. 726.11—12), о жестокости (Nic. Chon., p. 724.21—23) и зависти (Nic. Chon., p. 145. 6—8) как свойствах, присущих царям.

Резче Евстафия Хониат «снижает» образ царя. Его император-труженик наделен живыми человеческими чертами. Вот он спешит с войсками на помощь осажденному городу, не взяв с собой ни постели, ни подстилки, ни какой-либо утвари. Он идет по ночам, освещая свой путь факелами — через ущелья и леса; он спит на земле, бросив под голову хворост — и если надо, спит под дождем. И это нравится ему больше, чем надевать диадему на голову, и облачаться пурпурной мантией, и восседать на коне, украшенном золотыми бляшками [38]. Или другой эпизод: император вырвался из окружения, весь израненный, в кровоподтеках; в его щит вонзились десятки стрел, и он от усталости даже не в силах поправить съехавший на сторону шлем. И об этом измученном, еле живом человеке историк говорит с явной насмешкой: «хранимый десницей божьей, осенившей также и голову древнего Давида в день битвы» (Nic. Chon., p. 237. 16—24). Как бесконечно далек этот образ императора-человека от воплощения божества, непроходимой гранью отделенного от людей, недоступного для постороннего, каким представлял василевса еще в начале XII в. Зигавин, богослов при дворе Алексея I (PG, t. 131, col. 29 A)!

Но не надо думать, что снижение образа императора и известного рода полемика Хониата с официальными религиозно-мистическими воззрениями на императорскую власть имеет под собой тенденцию к ослаблению государства. Напротив, Хониат скорбит о непрочности византийской монархии, о бесчисленных государственных переворотах, он завидует силе легитимных идей у латинян и жалуется, что соседи называют ромеев цареубийцами, убивающими матерей ехиднами, и сынами, не знающими закона (Nic. Chon., p. 847. 8—14).

Критика императорского культа, унаследованного от Поздней Римской империи и развитого с особой настойчивостью в X в., соответствовала, скорее всего, интересам провинциальной феодальной знати. Никита Хониат и Евстафий принадлежали к разным ее группировкам, но в этом вопросе их идеалы были близки.

Мы рассматривали до сих пор отношение Евстафия к различным прослойкам господствующего класса. Мы видели, что он в общем и целом поддерживал ту группу класса феодалов, которая сплотилась вокруг

---

[33] H. Hunger. Das Prooimion, S. 127—129.
[34] См., например, Fontes, I, p. 42. 13—14; Opusc., p. 208. 92—94.
[35] А. П. Каждан. Предварительные замечания..., стр. 16.
[36] А. П. Каждан. Два новых византийских памятника..., стр. 75.
[37] Nic. Chon., p. 583.16—19.
[38] Nic. Chon., p. 258. 8—259. 1. Ср. еще C. Sathas. Bibliotheca graeca, vol. I, p. 118. 6—8.

Мануила I, отрицательно относясь к высшему чиновничеству, монашеству и городским кругам. Но характеристика Евстафия осталась бы неполной, если бы мы не затронули его отношения к труду и к трудящимся массам.

Отношение средневекового человека к труду было предопределено новозаветными максимами, благословляющими «трудящихся». Однако в пределах положительной оценки трудовой деятельности были возможны очень широкие расхождения: от рационалистической до сугубо религиозной трактовки. Рационалистическое понимание труда мы встречаем у ученика Евстафия — Михаила Хониата. По его словам, людям мил труд не сам по себе, а из-за приносимых им плодов. «Клещи, весло, бурав, наковальню, ткацкий станок или телегу люди любят не ради их самих, но ради иных целей» (Mich. Ak. I, p. 109. 28—30). Не красота самого труда, а вытекающая из него выгода привлекает Михаила Хониата.

Напротив, для Симеона Богослова существенна не созидательная сторона человеческого труда. Труд — это только средство достичь просветления в своей душе [39]. Симеоновское понимание труда не свойственно Евстафию. С его точки зрения, труд есть нормальное состояние человека, удовлетворяющее и телесные, и духовные его потребности. Мы должны трудиться, чтобы избежать голода, грозящего бездельникам, но вместе с тем труд — богоугодное дело (Opusc., p. 10. 60—62). Трудом человек завоевывает себе вечные блага (Opusc., p. 9. 68—72). Животные питаются тем, что само произрастает, человек же создан для труда (Opusc., p. 7. 41—43, 79—82). Только в шутку какой-то древний мудрец мог придумать такой образ жизни, когда вареное и жареное мясо без труда будет появляться на столе, и жирные соусы рекой потекут к жаждущим, и готовые птицы прилетят к сотрапезникам, и рыбы сами станут жариться и переворачиваться на огне (Opusc., p. 8.19—29). Восхваление созидательного труда ведет за собой осуждение монашеского безделья. Евстафий не устает твердить, что в безделии монахов нет духовной прибыли (Opusc., p. 251 95—96), что монахи не имеют права уподобляться трутням (Opusc., p. 254. 74—75), что игумену не следует скрываться в келье, проводя время в ничегонеделании (Opusc., p. 258. 31—34).

Прославление труда приобретает в сочинениях Евстафия двоякий аспект или, точнее, двоякий адрес. Оно обращено не только к трудящимся и, может быть, даже не столько к ним, сколько к людям своего положения, своего класса. Уже Кириакидис (Esp., p. XLII — XLV) обратил внимание на тот интерес, с которым Евстафий относился к сельскохозяйственным занятиям. С какой гордостью пишет он в письмах о своем константинопольском саде, где растут «персидские яблоки» и золотистый шафран,— в деревнях еще можно такое встретить, но в столице подобного сада ни у кого нет (Opusc., p. 308.55—61). Дерево в его саду напоминает холм, полный плодов (Opusc., p. 346.50—51). Евстафий становится поэтом, говоря о своих яблоках. Это — порождение его земли, домашний фрукт, не привозной, не испытавший прикосновения множества рук, целомудренная девица, только вчера отделенная от матери-яблони (Opusc., p. 335. 42—45). Он восхваляет свои яблоки не только за их вкус и красоту, но и за то, что они не купленные, свои, произведенные в своем хозяйстве: не бродяги, не рыночный товар, не общее добро [40].

Относясь с уважением к военному искусству, Евстафий заметил как-то, что воинские доблести ему не свойственны: «не дано летать пешеходам». Чуждо ему и иное — торговля, мореплавание, пастушество (*Э*, л. 37 об.). Но земледелия нет в этом «черном списке» профессий — и это естественно:

---

[39] А. П. Каждан. Предварительные замечания..., стр. 22.

[40] Opusc., p. 335. 47—48. Точно так же Григорию Антиоху кажется, что продаваемые на рынке продукты — непременно дурного качества (J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173.— BS, 23, 1962, p. 279. 39—50).

Евстафий был с юности приучен к земледельческому труду (Opusc., p. 111. 56—59), и видимо, стал рачительным хозяином. Его земля приносила обильный урожай. На одном участке, посеяв 3 медимна, он собрал, если ему верить, 59, т. е. сам — 20; причем Евстафий подчеркивает, что земля эта не была целиной, но уже не раз запахивалась и засевалась (Opusc., p. 155. 69—73).

Не случайно его сочинения изобилуют земледельческими образами и сравнениями. Он говорит о выжигании чащи на горах (Opusc., p. 11. 84—87), о пахоте и посеве (Opusc., p. 76. 53—54; 107. 43—45), об орошении сада (Opusc., p. 24.38—42), о канале (Opusc., p. 347.80—83; 340. 28—29). Он знает, что район Эноса изобилует бобами (л. 40 об.). Он изображает, как зимой зерна спят в лоне земли (Opusc., p. 154.15—17), как весной хлеб зреет, а летом приходит пора уборки (Opusc., p. 155. 17—23). Он сравнивает обнаженные мечи с колосьями на ниве (Esp., p. 106. 23—24). Он рисует картинку молотьбы, когда снопы вытаптываются на току (Fontes, I, p. 28.19—20; Opusc., p. 43.94—95); упоминает о лошадях при мельницах (Esp., p. 32. 13). Неоднократно Евстафий говорит о виноградарстве: о возделывании виноградников (Opusc., p. 3. 91—93), о разнообразии сортов винограда (Opusc., p. 309. 2—6), о живущих в шалашах виноградарях и сторожах фруктовых садов (Opusc., p. 242. 6—8. Ср. Esp., p. 78. 34—35), о виноградных гроздях, подвешанных для сохранения к балкам под потолком [41], о хранении вина (Opusc., p. 313. 50—53), о выжимании винограда (Esp., p. 148. 24), об изготовлении изюма (Opusc., p. 309. 26—29). Палатки в лагере Андроника напоминают ему огуречные грядки (Esp., p. 32. 11—12). Вспоминает Евстафий и о труде рыболова (Fontes, I, p. 4. 14—15) и птицелова (Opusc., p. 163. 10—11). Наконец, ему знакомы и беды земледельцев — пожар, ветры, град (Opusc., p. 155. 25, 42,49).

В трактовке Евстафием проблемы труда есть и второй аспект: это — его *отношение к трудящимся*. И тут обращает на себя внимание тот пристальный интерес, который испытывал Евстафий к рабству. Он разъясняет термин ἀνδράποδον (Opusc., p. 99. 40—43), упоминает о крадущих рабов людях (ἀνδραποδισταί), которые из страха быть пойманными продают свою добычу по пониженным ценам (Opusc., p. 245. 55—59). Рабы и мистии создают для господ возможность безбедной жизни (Opusc., p. 128.45—48). Евстафий знает случаи, когда господа жестоко обращаются со своими рабами: он рассказывает о меняле, который заковал беглого раба в железные колодки, затем подвесил несчастного так, что тот не мог достать ногами до земли и, наконец, засунул его в мешок [42]. Евстафий не одобряет таких расправ. Он призывает по-человечески относиться к своим домашним — родственникам, рабам, слугам (Opusc., p. 22. 58—61), не налагать руки на раба (παιδαριον — л. 59 об.). Кто столь отвержен, восклицает Евстафий, чтобы не услышать мольбы раба о милосердии? (Opusc., p. 134.33—37). Впрочем, человечность и милосердие понимается Евстафием несколько своеобразно: разумный господин, рассуждает он, не станет сам наказывать дурного раба, но поручит образумить негодника другим рабам — его сотоварищам (Fontes, I, p. 119.21—23). Мысль Евстафия несложна — такая форма наказания будет порождать рознь среди угнетенных, будет препятствовать их объединению против господина.

[41] Opusc., p. 313. 78—83. Евстафий в этом случае сообщает о своем опыте и пользуется народным выражением (δημοτικη λεκτικη) для обозначения винограда. Сводку данных Евстафия о виноградарстве см. Ph. K o u k o u l è s. Vie et civilisation byzantines, t. V. Athènes, 1952, p. 106.

[42] Opusc., p. 156. 64—68. См. об этом И. С а к ъ з о в. Една новела на Алексея Комнин за роби — българи.—«Сборник В.'Златарски». София, 1925, стр. 375, бел. 87. Некоторые данные Евстафия о рабах использованы также в книге: A. H a d j i n i c o l a u - M a r a v a. Recherches sur la vie des esclaves dans la monde byzantin. Athènes, 1950, p. 53 sq., 55 sq., 67, 69, 79 sq., 83.

Рабство, о котором говорит Евстафий, это настоящее рабство, а не старый термин, наполненный уже новым (феодальным) содержанием. Евстафий определенно противопоставляет рабов слугам: θεράποντες (Opusc., p. 226. 24—25) или ὑπηρέται (л. 57). Он отличает от терминов δοῦλος и ἀνδράποδον средневековое слово δουλευτής (Opusc., p. 230. 87; 322. 76), которое употребляет даже в переносном смысле (Opusc., p. 13.5). Он говорит о господах, которые не выделяют рабам пекулия, но присваивают себе все приобретенное рабом (Opusc., p. 129. 39—42).

Рабовладельческий уклад, сохранявшийся в Византии XII в., вызывает осуждение Евстафия. Как-то он назвал освобождение пленников благим делом (Opusc., p. 222. 93—94). Впрочем, это высказывание достаточно неопределенно, и мы можем смело пренебречь им, поскольку в нашем распоряжении имеется документ, детально излагающий взгляды Евстафия на рабство и на отпуск на волю. Это — его письмо-завещание [43].

Евстафий начинает с исторического введения. Оказывается, человек был создан независимым и способным своими силами удовлетворить жизненные потребности — лишь с появлением роскоши и безделия возникла необходимость в чужом труде: одни проводили жизнь в праздности, тогда как вместо них мистии выполняли все необходимое. После этого люди придумали и рабство, чтобы иметь вечных слуг (τὸ θητεύειν αἰώνιον). «Рабство — это служба безвозмездная и долгосрочная» (Opusc., p. 334. 27—37).

Из этого Евстафий делает далеко идущий вывод: рабство — это зло, противоречащее природе и созданное человеческим своекорыстием. Богоугодное дело — вернуться к исконной свободе и грех жадности искупить естественным братством. Не будет нам прощения, если мы наших братьев низринем с высоты равенства в бездну рабства (Opusc., p. 334. 37—47). «По природе ведь человек свободен»,— говорит Евстафий несколько ниже (Opusc., p. 334. 52).

И вот в соответствии с этими принципами Евстафий устанавливает, что принадлежащие ему рабы после его смерти не будут иметь господина (Opusc., p. 334.48—55). Он, правда, тут же замечает, что при его жизни рабы должны нести обычную службу — зато в будущем они станут свободными ромеями, и никто из родни Евстафия или из иных лиц не посмеет поработить их (Opusc., p. 334. 55—70).

Составленное Евстафием завещание не какой-либо необычайный документ, не из ряда вон выходящее явление. Среди изданных Дж. Феррари формуляров имеется также акт об освобождении раба [44]— хотя и более краткий, нежели завещание Евстафия, но сохраняющий те же элементы, в том числе и введение, объявляющее рабство противоестественным состоянием. Еще Алексей I новеллой 1095 г. разрешил рабам иметь семью; в XII в. многие собственники — в нарушение новеллы Алексея I — избегали церковно оформлять браки рабов, опасаясь как бы это не привело к освобождению невольников (PG, t. 119, col. 997 CD). Солунский архиепископ Никита Маронейский — кстати сказать, известный латинофил [45]— решительно настаивал на выполнении постановления Алексея I (PG, t. 119, col. 1000 CD). Тенденция к уничтожению этого обветшалого инсти-

---

[43] См. об этом И. Сакъзов. Указ. соч., стр. 383 (к сожалению, с ошибочной ссылкой на PG, t. 136, col. 1920, где опубликованы сочинения Пселла, приписанные издателем Евстафию).

[44] G. Ferrari. Formulari notarili inediti dell'età bizantina.— Bullettino dell'Istituto Storico Italiano, 33, 1913, p. 63. 22. Этот документ любопытен, в частности, упоминанием этнической принадлежности рабов, причем на первом месте стоит русский невольник (ibid., p. 63.28). Феррари (ibid., p. 120) отнес формуляр к XIII в. Другой формуляр опубликован: C. Sathas. Bibliotheca graeca, vol. VI, p. 618 (см. перевод: A. Hadjinicolau-Marava. Op. cit., p. 110).

[45] H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur..., S. 621.

тута становится особенно действенной при Мануиле I [46]. Евстафий, в частности, сообщает, что Мануил на государственные средства выкупал рабов и зачислял их в войско (Opusc., p. 200. 52—55).

Трактуя эти мероприятия Мануила, М. В. Левченко писал: «Положение в деревне приняло столь угрожающий характер, что Мануил императорским указом возвратил свободу тем, кто по разным причинам ее лишался в его царствование, и даже обещал вознаграждение от казны землевладельцам, пожелавшим освободить своих крепостных»[47]. В суждении Левченко многое априорно: и тезис об угрожающем характере положения в деревне, и отождествление бобол с крепостными. Не проще ли предположить, что такой рачительный хозяин, как Евстафий, выступал именно против пережитков рабовладельческого уклада — и это вполне соответствовало интересам феодальной знати, составлявшей окружение Мануила I? Конечно, внутренние причины явлений нередко скрыты от нас, но подобное истолкование кажется мне и более близким к прямому смыслу источников, и более естественным.

Таким образом, вся совокупность социальных взглядов Евстафия позволяет, как кажется, видеть в нем идеолога феодального окружения Мануила I.

3. ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Этические и социальные воззрения тех или иных лиц или направлений кажутся трудно сопоставимыми: на первый взгляд, их отделяет непроходимая грань. Этические нормы консервативны. Принцип: «Не убий» или «Не укради»— может быть применен в разных общественных условиях, выдвинут, одобрен и принят разными социальными группировками. К тому же этические нормы емки, т. е. одна и та же формулировка может покрывать различное реальное содержание. Принцип: «Не укради»— может выдвигаться в защиту частной собственности, равно как и против нее; для такого истолкования его необходимо лишь дополнить прудоновскими словами: «Собственность — это кража».

Таким образом, этические воззрения всегда оставляют широкий простор для произвольных социологических истолкований. Чьим социальным интересам, к примеру, отвечает требование: «Твори добро»? Любая социальная прослойка, разумеется, охотно напишет этот лозунг на своих знаменах. Чтобы каким-либо способом элиминировать исследовательскую трудность, вытекающую из самой природы этических суждений, из их социальной расплывчатости, необходимо соблюдение двух правил: во-первых, предметом исследования должны стать не изолированные высказывания, а более или менее целостная система взглядов; во-вторых, эта система взглядов должна проверяться не абстрактными, «общечеловеческими» нормами, а суждениями современников.

Ряд прописных истин, высказанных Евстафием, дал основание судить о нем как о благом наставнике его паствы [48]. Суждение это спорно прежде всего потому, что Евстафий сумел вызвать вражду широких слоев солунян и был, как мы знаем, принужден бежать из своей митрополии. Но дело даже не в противоречии подобного суждения фактическому ходу событий — оно порочно само по себе, поскольку понятие блага (как и зла) относительно, социально и темпорально окрашено, меняется в разных условиях, хотя — повторю еще раз — и сохраняет нередко старые вывески. Дело не в том, чтобы назвать Евстафия благим или злым — он был благим для

---

[46] F. Chalandon. Les Comnène, II, p. 612. Шаландон ссылается на Киннама (Cinnamus. Epitome, p. 275. 10—276.9).

[47] М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 209.

[48] См. напр. А. Говоров. Евстафий...— Православный собеседник, 1883, январь, стр. 36; октябрь, стр. 140 и сл.; Esp., p. XLVIII, LII sg.

одних и злым для других. Предмет исследования состоит в том, чтобы выяснить, как Евстафий сам представлял себе добро и зло и как это представление соотносится с его социальной программой.

В соответствии с принципами христианского мировоззрения Евстафий исходит из представления о четком разграничении добра и зла. «Нет ничего общего,— заявляет он,— между солнцем и мраком, между истиной и лицемерием» (Opusc., p. 73.74—75). Если это так, то моральные критерии становятся простыми: Евстафий отвергает многообразие и многоликость языческих образов, противопоставляя этой ненужной сложности простоту; не покатый, неустойчивый шар, а беспорочный, неподвижный куб объявляет он идеальным телом (Opusc., p. 115.52—58).

Но это — лишь теоретическая посылка. Стоит обратиться к действительности, и идеальная неподвижность исчезает. Реальный, живой человек представляется Евстафию неподдающимся определению (ἀδιατύπωτος, ἀχαρακτήριστος — причиной этому многообразие и пестрота жизни, постоянная изменчивость людей: один от добродетельной жизни обращается к ее противоположности, другой из жестокого тирана становится человечным и, напротив, милостивый обретает жестокосердие (Opusc., p. 216. 82—96). Конечно, Евстафий тут же прибавляет, что задача человека уйти от изменчивости, обрести стабильность и тем самым совершенство (Opusc., p. 217.31—34) — но, что же такое совершенство, что же такое прекрасное?

В духе христианской традиции Евстафий ищет спиритуалистическое решение этого вопроса: не внешнее проявление благочестия, не железные вериги, но добродетель, проникающая в глубь души (Opusc., p. 187.83—85), объявляется им идеалом. И вместе с тем он не вовсе отбрасывает плоть — напротив, он признает прекрасным гармоническое единство духа и тела. Восхваляя Дуку — брата Никифора Комнина—он называет его прекрасным творением природы; прекрасным, ибо тот соединяет в себе внутреннюю и внешнюю красоту; внутренняя — это красота духовная, внешняя — телесная [49].

Однако телесная красота не может быть стабильной, она — подвижна, изменчива. Такова красота Мануила, как ее рисует Евстафий. Он начинает с традиционного набора признаков: торжественное великолепие, глаза, источающие и мягкость, и воинственность, глубокое спокойствие лица и соответственно — симметричность, ровные, хорошие краски. Но это — лишь иконописный канон, а не подлинный Мануил [50], и Евстафий тут же оговаривается, что таким император оставался, пока не начинало бушевать в нем скрытое море страстей. Тогда он отвергал природный лик, и можно было видеть смешение черт. И оно было тоже прекрасным. Кому приходилось наблюдать гнев Мануила, дрожал и хотел умереть (ибо кто не задрожит перед львом, хмурящим брови?). Впрочем, спешит добавить Евстафий, гнев самодержца был чисто внешним, не отвечавшим милосердию его души (Opusc., p. 202.1—40).

Чтобы оценить значение этого портрета разгневанного Мануила, обратимся к речи современника Евстафия, оратора Константина Стильва, тоже писавшего о гневе императора. Но как традиционен, как иконописен его образ в сравнении с созданным Евстафием! По словам Стильва, гнев вообще присущ человеческой природе — император же подавляет в себе человеческие страсти, смиряет заключенного в его груди льва, запирает

---

[49] Opusc., p. 318. 65—68. См. также о гармонии внешнего облика и духа у патриарха Михаила III (л. 175 об.). Ср. еще у Никифора Василаки (Fontes, II, p. 237. 5—7, 13—14).

[50] Те же иконописные черты (красота очей, спокойствие облика, светлый, героический лик, соразмерность тела) встречаем мы и в другом панегирике Евстафия Мануилу (Fontes, I, p. 51. 10—14) — вплоть до совпадения отдельных слов.

в глубине сердца и превращает в ручного [51]. Стильв руководствуется принципом христианского всепрощения и подгоняет под него действительность — Евстафий идет от действительности, даже если она противоречит евангельским канонам.

Итак, признавая прекрасным также и телесную красоту, Евстафий неминуемо приходит к допущению совершенства и в изменчивом, подвижном мире. Мануил прекрасен в спокойствии, но прекрасен и в гневе,— где же истинное, единственное, стабильное совершенство?

В духе христианской традиции Евстафий восхваляет любовь как высший жизненный принцип: ради нее, оказывается, установлены законы, созданы государства, придуманы союзы, введено все то, что упорядочивает жизнь (Opusc., p. 158.55—57). Ради любви нисходил к нам господь, научивший нас объединяться, подобно членам и частям божества (Opusc., p. 62.69—70). Любовь приносит мир, обращается Евстафий к солунянам, а с ним расцветают всевозможные ремесла и науки, укрепляются браки, крепнет торговля и расширяются ярмарки (Opusc., p. 63.10—11).

Однако действительность, как мы помним, многообразна, и Евстафий предупреждает, что не всякая любовь хороша, ибо развратник тоже любит распутство, убийца — кровь, а вор — кражу (Opusc., p. 63.46—50). Кто называет любовью несправедливые вожделения, тот просто пользуется честным именем, чтобы прикрыть свое нечестие (Opusc., p. 63.63). Но оставим в стороне лже-любовь. И настоящая любовь, по Евстафию, двояка: бывает любовь замкнутая (ἐγκάθετος), сосредоточенная на себе (αὐτοπαθής) — и любовь, обращенная вовне (μεταβατική, ἀλλοπαθής) (Opusc., p. 69.93—95). Любовь замкнутая состоит в благочестивой жизни, в постах, в удалении от мира, в обращении к богу (Opusc., p. 69.95—70.3). Но такое монашеское пустынножительство, такой аскетический идеал не привлекает Евстафия — его симпатии на стороне того, кто не прячется от людей и от самого солнца, но несет свой свет во мрак жизни (Opusc., p. 70.12—18). Еще недостаточно, развивает он далее эту мысль, уклониться от зла — необходимо творить добро (Opusc., p. 73. 93—95). Евстафий стоит за активное вмешательство в жизнь [52].

Евстафий не одобряет тех, кто сломя голову бежит от зла в надежде самому спастись, как будто одним только бегством от мира можно сделать человека совершенным (Opusc., p. 77.43—46). Он смеется над анахоретами, забивающимися в «духовные уголки», в пещеры и в расселины земли, пребывающими на горах (Opusc., p. 77. 74—76). Места их уединения он сравнивает с золотыми россыпями, изобилующими драгоценным металлом, который не раскрывает себя, не превращается в человеческую монету, но предпочитает оставаться во глубине руд (Opusc., p. 77.72—77).

Если важна любовь деятельная, любовь мирская, то не остается места для религиозного ригоризма; не надо требовать от себя максимального, наставляет Евстафий свою паству: если у тебя нет сил поститься, ограничься умеренностью в еде (Opusc., p. 11. 82—83); не пренебрегай умыванием — быть чистым не возбраняется (Opusc., p. 11.91—95); если тебе трудно выдержать продолжительное богослужение, молись, когда есть возможность,— в любой час можно славить господа (Opusc., p. 12.9—15).

Обрядность отступает в его представлениях перед нравственностью. Конечно, заявляет Евстафий, отдавая долг традиции, велика польза от коленопреклонений, пролития слез, выполнения трудных обрядов, от которых дрожат конечности,— но человек, живущий скромно, разве не

---

[51] R. Browning. An Anonymous βασιλικὸς λόγος Addressed to Alexios I Comnenus.— Byz., 28, 1958, p. 37.38—42. Об авторе и времени этого сочинения см. J. Darrouzès. Notes de littérature et de critique, II: Constantin Stilbès et Cyrille, métropolite de Cyzique.— REB, 18, 1960.

[52] Он словно полемизирует с принципом индивидуалистичного спасения, который отстаивал Симеон — см. А. П. Каждан. Предварительные замечания..., стр. 21.

достигает того же (Opusc., p. 11.41—44, 61—64)? «Пусть будет вам, братья, скромность (τὸ ταπεινοῦσθαι) взамен коленопреклонения» (Opusc., p. 11.67—68).

Да, Евстафий признает в духе христианской традиции, что пост облегчает нас, отрывает от земли, уподобляет пернатым, славящим господа — и все же пост лишь приправа к добродетелям и придаток к созданной ими красоте (ἀρετῶν ἄρτυμα καὶ κόσμου τοῦ ἐξ ἐκείνων αὐτῇ ἐπικόσμημα — л. 39). И тут же со всей страстью Евстафий обрушивается на тех, кто думает постом заменить недостающие добродетели. «Пусть не будет пост для нас торговым делом (ἐμπορία) и воздержание от пищи не станет средством приобретения благ (μηδὲ ἡ τῶν βρωμάτων ἀποχὴ χρημάτων ἐποχή)». Нельзя превращать божью заповедь (ἐντολή) в торговую сделку (ἐρπολή), иначе пост станет сладостен для скупца, который сможет экономить, основываясь на заповеди, и превратит в доблесть сбережение копейки. Пост не служит извинением для отказа в помощи: если мы под предлогом поста оттолкнем брата и позволим ему умереть с голоду, то это уже не пост (νηστεία), а разбой (λῃστεία) и удушение (л. 39 об.). И в заключение Евстафий формулирует свою мысль: «Лучше набить рот мясом — это называется мясоедством,— чем преисполниться зла, ибо это уже людоедство» (κάλλιον πεπλῆσθαι σαρκῶν τὸ στόμα, ὅπερ ἐστι κρεωσφαγεῖν, ἢ κακῶν καὶ γάρ ἐστι τὸ τοιοῦτο ἀνθρωποφαγεῖν — л. 40 об.).

Ряса еще не делает человека монахом, на все лады повторяет Евстафий. «Разве обитатели монастыря — из племени меланхленов?»— смеется он, имея в виду, что меланхлены — в буквальном значении —«одетые в черный плащ» (Opusc., p. 239.6—7). Если все дело в черной одежде, так почему же при богослужении пользуются цветным оплечием (Opusc., p. 239. 93—96). Не одно черное прекрасно, ибо многоцветны драгоценные камни и облака на небе принимают разные цвета (Opusc., p. 240.26—50). Ряса — лишь оболочка, а суть дела — в том плоде, ради которого существует оболочка (Opusc., p. 240.94—96).

Остановимся на мгновение и попробуем перебросить мостик от этических принципов солунского архиепископа к его социальным воззрениям. Сдержанная оценка аскетизма вполне согласуется с критическим отношением Евстафия к монашеству как общественной группировке; напротив, разве прославление любви активной, любви деятельной не дополняет его призыв к труду?

Но если в жизненной сложности многообразно и противоречиво понятие «любви», то и ненависть далеко не проста и не однозначна. Конечно, есть ненависть недостойная, противоречащая церковным нормам — но наш проповедник любви оставляет место для иной ненависти, «соответствующей псалмам»— для ненависти к врагам (Opusc., p. 87.70—81). Непротивление должно иметь свои пределы — разве не приходилось видеть, как бесславно погибали те, кто отказывался сопротивляться? (Opusc., p. 121.7—9, 34—36). И Евстафий откровенно радуется, узнав о смертности в лагере врага (Esp., p. 148.36; 150.7—8). Недаром Григорий Антиох писал, что Евстафий учит не только любить любящих, но и ненавидеть ненавидящих (л. 401 об.).

Столь же «общечеловеческой» добродетелью, как любовь, представляется дружба. И казалось бы, прославление Евстафием дружбы — это лишь дань вечным идеалам. Но мы видели, что прославлению любви он сумел придать социальный оттенок, выдвинув любовь деятельную перед любовью аскетической, спасение человечества перед спасением собственной души. Поэтому мы можем ожидать, что и трактовка дружбы у Евстафия приобретет специфические, конкретные особенности.

Вопреки тому, что восхваление дружбы принадлежит к древнейшим топосам мировой литературы, оно отнюдь не свойственно всем византийским писателям. Кекавмен, автор XI столетия, прекрасно знакомый

с бытом императорского двора, относится к дружбе крайне настороженно, более того — подозрительно. Отношения между людьми, советует Кекавмен, нужно строить на страхе: пусть тебя боятся — страх полезен (Сес., р. 60.29—30). Вместе с тем — постоянно бодрствуй, будь на чеку, берегись беды. Сразу же прекращай разговор, если речь зайдет об императоре или императрице — многие погибли из-за такой болтовни: ведь твой собеседник или кто-нибудь посторонний может на тебя донести (Сес., р. 79.17—31). Избегай пирушек, где царит пустословие — пусть лучше тебя ославят как необщительного скупца, нежели донесут царю о твоем участии в заговоре (Сес., р. 4.4—10, 27—31).

Живущий в нервной атмосфере всеобщего подозрения, Кекавмен, разумеется, не верит в дружбу. Многие погибли из-за друзей, потеряли не только имущество, но и самое жизнь (Сес., р. 50.23—25). Не позволяй другу жить в твоем доме (Сес., р. 42 и сл.), не выступай поручителем за друга (Сес., р. 50.16—17), помни, что в большой беде ты не отыщешь друзей (Сес., р. 61.31—32), берегись друга больше, чем врага (Сес., р. 80. 5—6).

Кекавмен не одинок в своем скептическом отношении к дружбе, у него есть единомышленники. Симеон Богослов предостерегает против близости к родным и друзьям; ему кажется, что демоны, соблазняя верующих, принимают вид любящих и сочувствующих. Помни, поучает он, что ты разрушишь свой дом, если станешь помогать в домостроительстве ближнему. Как и Кекавмен, он зовет замкнуться в собственной раковине — только у него этот индивидуализм принимает богословские формы, и высшей целью оказывается внутреннее очищение человека и мистическое лицезрение божества [53].

Иоанн Каматир, современник Евстафия, написал в политических стихах «Введение в астрономию», где разбирал влияние различных констелляций светил на земные дела; что́ предвещает неудачный поход, что́ — междоусобицу, что́ — нехватку плодов и обмеление рек. Среди его прорицаний немалое место отведено опасности, грозящей от друга: то Каматир сообщает в общем виде — «грозит опасность от родни и друзей» [54], то пугает, что друзья лишат тебя имущества, что ты растратишь все на друзей и на наслаждения [55]. Осуждение — или даже скорее сожаление — вызывают те, кто имеет много друзей; они отождествляются в представлении Каматира с жалкими людьми, с теми, кто не имеет семьи и общается с проститутками, с падшими и нуждающимися во врачах [56].

Противоположную тенденцию, восхваление дружбы, мы встречаем у многих писателей XII в. [57] — но не останавливаясь сейчас на их суждениях, возвратимся опять к Евстафию.

Высказывания Евстафия звучат прямой полемикой с Кекавменом и Иоанном Каматиром. Хотя на своем жизненном пути Евстафий не раз натыкался на ложных друзей, обретая шипы вместо роз, он не терял надежды встретить совершенную дружбу (Opusc., p. 124.74—79; 125.1). Он верит в возможность истинной дружбы, основанной не на выгоде, в существование верных друзей, из чьих уст не вырвется злоречие (Opusc., p. 124.47—52).

Итак, исходный пункт рассуждений Евстафия тот же, что у Кекавмена: в жизни постоянно сталкиваешься с неверностью мнимых друзей. Но

---

[53] А. П. Каждан. Предварительные замечания..., стр. 19 и сл.

[54] Johannes Kamateros. Εἰσαγωγὴ ἀστρονομίας. Berlin, Leipzig, 1908, S. 44.1356.

[55] Ibid., S. 52. 1651; 53. 1671—1672.

[56] Ibid., S. 29. 811—813; 33. 960—961.

[57] См., например, у Цеца (Joannis Tzetzae epistolae. Tubingae, 1851, p. 66. 23—24) или у Продрома (L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès métropolitaine de Trébizonde.— ИРАИК, VIII, № 1—2, 1902, стр. 6.2—20).

Кекавмен делает из этого наблюдения пессимистический вывод — Евстафий же не отказывает людям в доверии. И если для Кекавмена лицемерие становится принципом поведения, то для Евстафия нет более ненавистного грешника, чем лицемер [58]. У лицемера все обман: и глубокие поклоны, и жаркие объятия, и власяница, и коленопреклонения, и походка (Opusc., p. 73.61—66). Лицемеры делают все возможное, чтобы расположить человека к себе: блоха тебя укусила — лицемер уже готов вооружиться против коварного насекомого; он приходит в волнение, увидев соринку на твоем платье; он стоит перед тобой, подобострастно вытянувшись, словно перед царем; он скрестил руки на груди, но готов дать связать их сзади по персидскому обычаю, чтобы тем выразить свою рабскую преданность. Если ты что-нибудь пролепетал, лицемер назовет тебя Демосфеном или самим Гермесом; ты выстрелил из лука — он уже сопоставляет со знаменитым Аварисом; ты побежал — он вспоминает о Бореадах и даже о Персее, обутом в крылатые башмаки (Opusc., p. 90.62—96). Одного только не делают лицемеры — не обожествляют того, перед кем заискивают, не ставят его на священный пьедестал — но и то без конца наделяют его эпитетами «божий», «божественный», «богоподобный»... Они идут за ним в баню, отгоняют мух, когда он спит, а если он сплюнет, не брезгуют наступить на плевок, уверяя, что им не противно это, а сладостно (Opusc., p. 91. 4—13). У лицемеров, продолжает Евстафий, все лживо — с ног до головы. То они босоногие, покрытые грязью, с всклокоченной бородищей — то, напротив, причесаны с чрезмерным изяществом (Opusc., p. 94.73—90). По большей части лицемер не раскрывает рта, а если говорит, то еле слышно, словно летучая мышь,— боясь, наверное, вместе со словами выдохнуть душу (Opusc., p. 95.17—22).

Евстафий останавливается на специфической форме лицемерия—на распространенной точке зрения, будто всякая критика благодетельна. Как горькая полынь, излагает он эту мысль, полезнее для излечения телесных недугов, нежели сладкий мед, так и душа извлекает пользу не только от дружеских, но и от враждебных речей (Opusc., p. 121.86—90). Пусть даже враг в своей критике лжет, и тогда немалая польза будет для подвергнутого злоречию — не только потому, что блажен страждущий от ложных обвинений, но и потому, что порицание позволит избежать подобных прегрешений в будущем (Opusc., p. 122.4—10).

Изложив этот — видимо, официальный — взгляд на критику, Евстафий отвергает его как софистическую игру. Не следует враждебное поношение объявлять благом, замечает он; не следует врага представлять благодетелем, пощечины — поцелуями, хулу — похвалой, плевки — излияниям мирра, таскание за волосы — причесыванием (Opusc., p. 122. 18—20, 43—45). Я не могу назвать учителем того, кто меня поносит, ибо цель его не наставлять, а погубить (Opusc., p. 122.61—63, 80—81).

Так Евстафий ополчается на систему взаимного стравливания людей, которую лицемерно объявляли благодетельной, создающей возможность для совершенствования, полезной для критикуемого.

Специальную речь посвятил Евстафий очень сложной моральной проблеме — положению человека, двое друзей которого враждуют между собой. Конечно, первое дело такого человека — примирить враждующих. Ни в коем случае не должен он оставаться безразличным в их споре, опасаясь за себя — иначе он предатель кремля дружбы (καταπροδιδόντα καὶ κατασείοντα τὴν τῆς φιλίας ἀκρόπολιν) или котурн, годящийся на обе ноги, он двурушник (ἀμφιδέξιος). Больше того, он огонь, любящий вражду, посредник ненависти, двулезвийный меч, личина дружбы — кто угод-

[58] По мнению И. Кайзера, Евстафий использовал для осмеяния лицемера ныне потерянные места из «Характеров» Феофраста (J. Kayser. Theophrast und Eustathius περὶ ὑποκρίσεως.— «Philologus», 69, 1910, S. 348 f., 356)— но этот вывод произволен, базируется на тезисе о творческом бесплодии средневековья.

но, только не друг (л. 47). Истинному другу, рассуждает Евстафий, ненавистен тот, кого возненавидел его друг,— и он ссылается на Патрокла, который вместе с Ахиллом возненавидел Атрея. «Тот, кто оказался между двумя враждующими, если он истинный друг одного — возненавидит другого» (л. 46 об.).

Итак, Евстафию ненавистно двурушничество, прикрывающееся личиной дружбы. Правда, он несколько пугается своей «языческой» ненависти к врагам и конец речи посвящает прославлению высшей формы дружбы — человеколюбия первого блага, общего отца (л. 47 об.), но суть дела от того не меняется: Евстафий верит в дружбу, ненавидит лицемерие, двурушничество.

Не одних лицемеров осуждает Евстафий, но также клеветников и доносчиков (сикофантов): тот, кто подвергся клевете, удостаивается венца от бога — независимо от того, удалось ему избежать западни или нет; тогда как клеветников ждет тяжкая судьба — или их заедает совесть, или же у них разрывается сердце от неудовлетворенности их замыслов (Opusc., p. 83.28—40). Разит Евстафий и льстецов: они, увидев вонючий нарыв, уверяют, что рана благоухает нардом; они назовут робкого человека героем, посадят его верхом, а когда он свалится с лошади, станут уверять, что во всем виновато седло (Opusc., p. 84.6—12). Льстец изобразит грабителя благодетелем, творящего беззаконие — справедливым, захватчика чужого надела — подателем земли, ростовщика — щедро одаряющим, ругателя — воздателем хвалы (Opusc., 83.93—96).

И словно обобщая осуждение лицемеров, льстецов, клеветников, Евстафий требует, чтобы дела соответствовали словам, чтобы люди, проповедуя одно, не действовали сами по-иному (Opusc., p. 73.48—49). Нужно не говорить о добре, а творить добро (Opusc., p. 74. 44—46). Он формулирует тезис о единстве теории и практики: теория не может быть совершенной, если она не сопровождается практикой, и практика — слепа без теории [59]. Практика и теория — это благая пара (Opusc., p. 241.91—92), их истинное единство существовало в райскую пору человеческой жизни (Fontes, I, p. 53.2—3).

Конечно, в своих сочинениях Евстафий не раз нападал также и на иные человеческие пороки — на зависть и высокомерие, на клевету и ложь, на сребролюбие и жестокость, на пренебрежение божественным и неуважение к документам (Esp., p. 154.14—156.25) — но лицемерию, лести, клевете он уделил особое внимание.

И тут мы снова попытаемся сопоставить этические воззрения Евстафия с его социальными симпатиями и антипатиями. Сам он не раз связывал лицемерие с монашеством (см. напр., Opusc., p. 95.86; 187.24—27; 232. 9—12), но его критика лжи целит дальше. Вся атмосфера византийского двора была пропитана лестью, ложью, лицемерием, клеветничеством; Евстафий, осуждавший, как мы видели, византийское чиновничество, осуждал и его специфическую этику. Прославление дружбы не было у него абстрактной и традиционной, лишенной реального содержания фразой; оно тесно переплеталось с осмеянием и отвержением лжи и лицемерия, всего того, что убивает истинную дружбу, превращает в пустые слова высшие стремления человека. Для Кекавмена дружба представлялась коварным обманом, а осторожность и лицемерие—основой поведения, этические принципы Евстафия явились отрицанием кекавменовской морали, морали, на которой зиждилось все здание византийской бюрократической машины.

И конечно, в противоречии с традиционными нормами византийской морали стоит принцип терпимости, провозглашенный Евстафием: «И из диких цветов, и из домашних собирается мед пользы для живущих в боге,

---

[59] Opusc., p. 249. 38—40. Вместо напечатанного πρᾶξιν следует читать πρᾶξις.

и нет в мире ничего бесполезного для нашей добродетели» (Opusc., p. 79. 45—48). Евстафий призывает к терпимости, он осуждает тех, кто скор на обвинения: чуть человек не поклонился при встрече, мы уже объявляем его хулителем; не заговорил с тобой или не улыбнулся — значит, враг. Враги чудятся нам повсюду: кто-то похвалил другого, не упомянув о тебе,— недруг; возразил тот, кого ты обругал,— злопыхатель (Opusc., p. 68.45—52). Мы не уподобляемся милосердному высшему судии, восклицает Евстафий, но, увы, сурово судим и выносим жестокие приговоры (Opusc, p. 67.61—64).

Где терпимость — там и право на свое мнение, право сомневаться, колебаться и думать. Слушайте меня внимательно, обращается Евстафий к солунянам, но если не понравятся вам мои слова, сомневайтесь и проверяйте их на весах возражения и решения (Opusc., p. 83.62—64). Писатель, призывавший к παρρησία, к свободному высказыванию собственных суждений (см. выше, стр. 70), призывает и к терпимости.

Итак, мы вправе предположить, что этические принципы Евстафия складывались как антитеза лицемерной морали византийского двора, где мелкие и своекорыстные интересы прикрывались высокими словами о боге и об «общем благе», где говорили о всепрощении, посылая человека на казнь. Евстафий был свидетелем попытки Андроника I реставрировать здание византийской монархии, расшатанное распространением феодальных институтов и феодальных идей; пережил террор Андроника, расцвеченный демократическими словесами; наблюдал буйный расцвет предательства, клеветы, лицемерия, подозрительности. Все это не могло не наложить печать на этические воззрения солунского архиепископа, начинавшего свою деятельность панегиристом «рыцарственного» Мануила.

И поскольку отжившая византийская государственная машина стала явным препятствием для поступательного развития общества, Евстафий, критиковавший ее моральные принципы с ограниченных позиций византийского рыцарства, достигал гуманистической высоты обобщений. Его протест, по происхождению своему социально ограниченный, объективно становился всечеловеческим, отвечающим прогрессивным тенденциям времени.

Круг завершался: обобщенным, абстрактно-вневременным этическим формулам Евстафий придал конкретное значение, направив их против живых пороков византийского бюрократизма, и тогда, совпав с прогрессивными тенденциями эпохи, критика Евстафия приобрела общечеловеческую значимость. Осмеяние лицемера и льстеца, клеветника и жадного монаха именно в силу своей конкретности приобрело такую жизненную силу, что продолжает бить по лицемерам и льстецам.

Окончание следует

А. В. ПОППЭ

РУССКИЕ МИТРОПОЛИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ В XI СТОЛЕТИИ

Становление церковной организации на Руси представляет собою важную часть истории Древнерусского государства. Разнообразные последствия принятия в X в. христианства на Руси, ставшего государственной идеологией, начали сказываться в полной мере в следующем столетии.

В разработке вопросов начальной истории церкви на Руси достигнуты некоторые успехи, которые позволяют вносить все больше и больше поправок в ранее принятые, весьма общие и приблизительные схемы. В настоящее время, когда почти нельзя ожидать открытия новых первоисточников, роль основного орудия в углублении изучения древней русской истории выпала на долю источниковедческих изысканий. Данная статья представляет собой попытку пересмотра некоторых сторон церковно-политической жизни Руси в XI в.

Вопрос о первоначальном местопребывании русской митрополии хотя и рассматривался многократно в литературе, остается до сих пор все еще не выясненным. Уже давно была высказана точка зрения, сторонники которой, признавая основание митрополии звеном политического акта Владимира, называемого «крещением Руси», одновременно считали, что местонахождением митрополии до 1037 г. был Переяславль [1]. Мнение это подвергалось критике[2], но появление в последнее время двух исследований, защищающих «переяславский тезис» [3], требует пристального рассмотрения всей аргументации, используемой для его доказательства.

Положение о первоначальном местонахождении русской митрополии в Переяславле покоится в основном на трех свидетельствах: 1) летописной статье 1089/90 г. о митрополии в Переяславле; 2) заголовке греческого послания об опресноках, автором которого является Леонтий, митрополит τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας; 3) летописной статье 1037 г. о закладке Ярославом кафедрального митрополичьего собора в Киеве, причем ex silentio

[1] Наиболее веское обоснование этой точки зрения дал Е. Е. Голубинский («История русской церкви», т. I, 1 пол. М., 1901, стр. 328—330).

[2] В последнее время об этом писал Л. Мюллер (см. L. M ü l l e r. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959, S. 22—26). Незамеченными в литературе вопроса прошли меткие замечания П. Г. Л [ебединцева] в статье «Где жили киевские митрополиты, в Переяславле или в Киеве».—«Киевская Старина», январь 1885, т. XI, стр. 177—182

[3] A. D. S t o k e s. The Status of the Russian Church, 988—1037.—«The Slavonic and East European Review», XXXVII, 1959, p. 430—442; В. М о ш и н. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи.—BS, XXIV, 1963, № 1, стр. 87—105.

делался вывод (со ссылкой на летописное известие от 1089 г.), что до этого времени митрополичья кафедра была в Переяславле.

При этом следует отметить, что кроме ссылок на аналогии, подтверждающие, что церковная столица не всегда совпадала с политическим центром государства, сторонники «переяславского тезиса» не без основания указывали на то, что Десятинная церковь Богородицы нигде expressis verbis не названа митрополичьей. Поэтому, обращаясь еще раз к первоисточникам в поисках ответа на затронутый круг вопросов, мы прежде всего попытаемся выяснить судьбы митрополичьего кафедрального собора до построения Ярославом Мудрым храма св. Софии [4].

1. НАЧАЛО СОФИИ КИЕВСКОЙ

«Вопрос о дате постройки Софии в Киеве принадлежит к числу спорных, до сих пор не решенных проблем»,— писал один из последних исследователей этого вопроса М. К. Каргер [4а]. Это утверждение актуально и сегодня. В литературе определились в основном два направления. Одно из них отдает предпочтение указанию Новгородской первой летописи на закладку храма в 1017 г. [5] Второе придерживается 1037 г. на основании показания «Повести временных лет» [6]. Ни то, ни другое направление не дают удовлетворительного решения вопроса, ставя только под сомнение достоверность тех или иных летописных сообщений. Задачей данной статьи является не изложение истории изучения вопроса, но непосредственное исследование первоисточников, и поэтому мы ограничимся здесь только несколькими вводными замечаниями. В результате источниковедческих изысканий А. А. Шахматова утвердилось мнение, что «фигурирующее в I Новгородской летописи под 1017 годом свидетельство о закладке храма Софии в Киеве недостоверно, так как в Новгородской летописи XI века дат вообще не было, они были поставлены позднее и нередко с ошибками» [7]. Противник построений Шахматова Н. Н. Ильин, высказывающийся в пользу достоверности новгородских сообщений и отстаивающий 1017 г. как время закладки храма, пишет, что «летописные сведения о Софийском соборе в Киеве времен Ярослава сбивчивы и противоречивы», а сама «статья о закладке св. Софии в 1037 г. содержит явный анахронизм» [8]. Из этого

---

[4] Рассматриваемые в настоящей статье вопросы, за исключением излагаемой здесь дополнительной аргументации и некоторых уточнений, нашли отражение в нашем исследовании на польском языке, где отдельные положения освещены несколько более подробно. См. A. P o p p e. Uwagi o najstarszych dziejach kościota na Rusi, cz. I—III.—«Przeglad Historyczny», t. LV, 1964, z. 3, s. 369—391; z. 4, s. 557—572; t. LVI, 1965, z. 4, s. 557—569. 21 декабря 1964 г. автор выступил с докладом на тему: «Начало Софии Киевской» в секторе феодализма Института истории АН СССР; на основании последовавшего широкого обмена мнениями с советскими коллегами он пришел к убеждению о необходимости посвятить специальную статью вопросу о времени учреждения митрополии на Руси, основанную на совокупности первоисточников. Автор разделяет мнение об исконности митрополии в Киеве, в последнее время четко изложенное в указанном труде Л. Мюллера.

[4а] М. К. К а р г е р. Древний Киев, ч. II. М.—Л., 1961, стр. 98.

[5] В. З. З а в и т н е в и ч. К вопросу о времени сооружения храма св. Софии в Киеве.—«Труды Киевской Духовной академии», 1916, стр. 1—7 (отд. оттиск); Д. В. А й н а л о в. К вопросу о строительной деятельности Св. Владимира.—«Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира», вып. I. Пг., 1917, стр. 34—39; Н. Н. И л ь и н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 117—121. См. также L. M ü l l e r. Op. cit., S. 66—68.

[6] А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 228—230; Д. С. Л и х а ч е в. Комментарий. Повесть Временных лет, т. II. М., 1950, стр. 75—76, 363; В. Н. Л а з а р е в. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 7, сл.; М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961, стр. 98—102 (где содержится также обзор более ранней литературы вопроса).

[7] В. Н. Л а з а р е в. Указ. соч., стр. 7, прим. 1.

[8] Н. Н. И л ь и н. Указ. соч., стр. 118. Пользуясь несколько иной аргументацией, к тому же выводу приходит Л. Мюллер (L. M ü l l e r. Op. cit., S. 65 f).

краткого сопоставления точек зрения отчетливо видно, что сам по себе скромный вопрос о времени построения величественного памятника Древней Руси задевает крупные вопросы начального периода русского летописания и их изучения. Решение вопроса о начальной истории кафедрального митрополичьего собора имеет также немаловажное значение при изучении сложной проблематики начального периода организации церкви на Руси в X—XI вв. Вопрос небезынтересен и для историков древнерусского зодчества и искусства, которые вправе ожидать от историков-источниковедов исчерпывающего и ясного изложения в пределах, диктуемых сохранившимися первоисточниками. К их рассмотрению мы теперь и переходим.

14 августа 1018 г., по свидетельству Титмара, архиепископ (митрополит) киевский вступавших в Киев победителей Болеслава Храброго и его зятя Святополка «honoravit in sancte monasterio Sophiae, quod priori anno miserabiliter casu accidente combustum est», т. е. с почетом принял в святом кафедральном соборе Софии, который в предшествовавшем году сгорел по несчастной случайности. Так как в литературе вопроса утвердился перевод термина monasterium как монастырь, иногда только с предположением, что упоминание относится к собору (Каргер, Ильин), следует отметить, что термин monasterium saepe sumiter pro ecclesia cathedrali. В данном контексте он также имеет именно это хорошо известное Титмару значение соборного кафедрального храма [9]. Вторым моментом, требующим рассмотрения, является указание Титмара, что кафедральный собор посвящен св. Софии. Ввиду подтвержденного первоисточниками факта, что София построена Ярославом, делалось предположение, что Десятинная церковь Богородицы первоначально была посвящена св. Софии [10]. В свете показаний русских источников, такую замену трудно, однако, обосновать — этому противоречит особенно грамота Владимира I о десятине в пользу храма Богородицы. Такую возможность можно было бы рассмотреть, если бы не свидетельство Титмара, исключающее подобное предположение. Тот же очевидец киевских событий 1018 г., рассказчик Титмара, сообщал, что Владимир похоронен in ecclesia Christi martiris et papae Clementis... in medio templi, т. е. «в церкви мученика христова и папы Климента... в середине храма» [11]. Согласно достоверным свидетельствам, усыпальницей Владимира была Десятинная Богородица. Расхождение между известиями источников объяснялось тем, что Владимир был захоронен в притворе Десятинной церкви, алтарь которой был посвящен св. Клименту.

Такое толкование не согласуется, однако, с замечанием, что гробницы Владимира и его жены находились in medio templi palam, т. е. стояли на виду посреди здания-храма [12]. Достоверное свидетельство о доставке

---

[9] Thietmar, VIII, 32. Monasterium в значении кафедрального храма встречается у Титмара неоднократно. Ср. по указателю издания — Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon, ed. R. Holtzmann. Berlin, 1935, S. 611. Это, на наш взгляд, и понятно, если учесть, что «in Germania Cathedrales Ecclesiae dicuntur Munster» (Du Cange. Glos. latinitatis, V, 457). Правильный перевод термина monasterium как собор дан в остающемся, к сожалению, неизданным переводе Хроники Титмара С. А. Аннинского (Институт истории АН СССР, отд. рукописей, ф. А. 78), на что мое внимание обратил В. Т. Пашуто.

[10] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 2 пол. М., 1904, стр. 100. О наименовании Десятинной церкви ср. ниже. прим. 27.

[11] Thietmar, VII, 74. На основании ошибочного перевода П. Голубовского иногда в русской литературе Титмару приписывается упоминание «церкви Спаса и папы Климента» (Хроника Дитмара как источник для русской истории.—«Киевские университетские известия», 1878, № 9, стр. 30). На многочисленные погрешности этого перевода указал С. А. Аннинский (см. прим. 9).

[12] Du Cange. Glos. latinitatis, VIII, 52—53; в таком же смысле Титмар употребляет этот термин повсеместно. К сожалению, разрушения, причиненные Десятинной церкви, не дают возможности археологически определить местонахождение захороне-

из Корсуни мощей св. Климента [13], которые были положены в Десятинной церкви, помогает установить неточность показания Титмара о названии этой церкви как «храма мученика христова и папы Климента». Участник похода Болеслава, рассказчик Титмара, запомнил в Десятинной церкви две подробности: гробницы Владимира и его жены и мощи св. Климента. (Не был ли алтарь храма посвящен этому святому?) Из последнего факта либо он, либо сам Титмар сделал заключение о названии ктитореи Владимира. Из записанных осенью 1018 г. и сохранившихся в оригинале до 1945 г. (возможность позднейших вставок исключена) сообщений Титмара неопровержимо следует, что в августе 1018 г. в Киеве существовали два храма, четко различаемые иноземцами: кафедральный архиепископский, т.е. митрополичий, собор и церковь с гробницами Владимира и его жены, т. е. Десятинная церковь. Итак, в 1017—1018 гг. последняя уже не была кафедральным собором. Известие Титмара о кафедральном соборе св. Софии, сожженном в 1017 г. и востановленном к августу 1018 г., свидетельствует, что местопребыванием митрополии уже до 1017 г., а следовательно, вероятно, уже при Владимире, был храм Премудрости Божьей и что здание митрополии, учитывая быстроту его постройки, было деревянным. При анализе сложных показаний древнерусских источников достоверное свидетельство Титмара должно являться пробным камнем каждого предлагаемого решения [14].

Предпринятые до настоящего времени попытки определения даты строительства Софии Киевской возбуждают только скептицизм в отношении возможности расшифровки летописных сообщений. В их основе покоится ошибочное противопоставление отдельных летописных статей как взаимно исключающихся. Присмотримся же к ним ближе.

В известии от 1017 г. Повесть временных лет в Лаврентьевской рукописи сообщает, что в Киеве *погоре цьркви*, в рукописях же радзивилловской, академической, ипатьевской, хлебниковской — *погореша церкви* [15]. Текст в обоих случаях был испорчен, оборван еще до окончательной редакции Повести временных лет, так как и при ед. и мн. числах за словом «церковь» должно бы было следовать конкретное определение сгоревшего или сгоревших объектов. Если первичным признать ед. число, тогда вне сомнения имелась в виду София, которая неопровержимо стала «по несчастной случайности» жертвой огня в 1017 г. (Титмар). Позднее редактор, включая в свой свод запись «*В лето 6525 Ярослав иде в Киев и погоре цьркви...*», оборвал ее внезапно и не записал следующих за этим слов «*святая София*», изумленный сообщением, которое при сопоставлении с известным ему

ний в храме. Захоронения в центральном нефе в Десятинной, несомненно, практиковались, как свидетельствует установленное М. К. Каргером княжеское захоронение в деревянном саркофаге (Ростислава в 1093 г.?) в западной части этого нефа: см. М. К. К а р г е р. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны. КСИИМК, 7, 1940, стр. 76—80; е г о ж е. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, 4, 1940, стр. 12—20. См. также спор Владимира Мономаха с Давидом и Олегом Святославичами в 1115 г., где поставить раки Бориса и Глеба: «среди церкви», или «в комару» (ПВЛ, I, стр. 199—200).

[13] ПСРЛ, I, стб. 116; II, стб. 101; см. также Д. А й н а л о в. Судьбы киевского художественного наследия.—«Записки отдела русской и славянской археологии», т. XII, 1918, стр. 25 сл.

[14] У Титмара встречаются и ошибки (но не выдумки), вполне психологически объяснимые при сопоставлении с другими первоисточниками. Мы вполне разделяем высказанное в богатой литературе предмета мнение о большой достоверности хроники Титмара как первоисточника, очень четко также сформулированное С. А. Аннинским: «Если для истории западных славян и Польши Титмар оказывается уникальным по ценности источником, то для истории Киевской Руси, не будучи единственным, вообще остается первоклассным по ценности» (Институт истории АН СССР, отд. рукописей, ф. 78, стр. 90 введения).

[15] ПСРЛ, I, стб. 142; II, стб. 130; вслед за Карамзиным текст восстановлен в Троицкой летописи следующим образом: «погоре церквей много в Киеве» (см. М. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. М.— Л., 1950, стр. 128).

Ярославовым собором он не мог объяснить. А. Шахматов в своей реконструкции вставил в этот текст слова «*святая Богородица*»[16], но это менее правдоподобно. Зафиксированное Титмаром по горячему следу известие не позволяет предполагать, что его рассказчик изумлялся гробницами Владимира и его жены в сожженной Десятинной церкви. Признание первичным в тексте мн. числа (двойственное не подходит, т. к. тогда было бы *погореста*) труднее обосновать, но и в этом случае известие Повести временных лет от 1017 г. прекрасно согласуется со свидетельством Титмара. Первоначальная запись была, несомненно, современна событиям, и этот факт представляет собой интересную иллюстрацию к положению, что летописание по времени значительно опережало составление сводов.

Второе свидетельство, датированное тем же 6525 г. (т. е. мартом 1017 — февралем 1018 г.), находится в обоих изводах Новгородской первой летописи. «*Ярослав иде к Берестью. И заложена быть Святая София Кыеве*»[17]. Здесь следует прежде всего подчеркнуть полную независимость по существу и стилю новгородской записи 1017 г. от киевской 1037 г. Автор новгородской записи 1017 г., тоже интересующийся «деяниями» Ярослава, не приписывает ему, однако, «заложения» св. Софии. Выяснения здесь требует сам термин *заложити*, не всегда обозначавший начало строительства. Он мог обозначать также сам торжественный акт положения краеугольного камня и, наконец, акт постройки, как ктиторской деятельности, уже завершенной[18]. Новгородская запись от 1017 г. является записью о закладке, а вернее, постройки деревянной св. Софии — храма, действовавшего уже в августе 1018 г., а не записью о начале стройки каменного собора Ярославова ктиторства. Постройка деревянного здания даже значительных размеров в течение нескольких десятков дней, а тем более в течение целого строительного сезона являлась для древнерусских зодчих технической нормой, подтвержденной многими показаниями источников. Мысль о деревянной Софии, предшествовавшей каменной, уже высказывалась в старой литературе вопроса[19]. Представленные здесь данные подкрепляют ее; в пользу этой мысли свидетельствуют также косвенные показания.

Итак, большое число примеров позволяет утверждать, что, как правило, каменному храму предшествовал деревянный[20]. Но для рассматриваемого случая самым существенным является свидетельство неоспоримой достоверности о деревянном епископском соборе Софии в Новгороде, предшествовавшем каменному храму, ктитором которого был сын Ярослава, Владимир. Новгородский деревянный собор сгорел в субботу 4 марта 1049 г. Заслуживает особого внимания, что он стоял на ином месте, нежели построенное позднее каменное строение. Это явствует из факта, что завершенная в 1050 г. каменная София была заложена еще в 1045 г., а также

---

[16] А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 576.

[17] НПЛ. М., 1950, стр. 15, 180. Этой записи, сопоставленной позднее с киевской записью от 1037 г., придан был иной смысл: ее поняли как свидетельство закладки ктиторе Ярослава; потому в Новгородской IV и Софийской I летописях слово *заложена* под 1037 г. было заменено на *свершена* (ср. НПЛ, стр. 180; ПСРЛ, V, 1851, стр. 136—137; IV, 1915, стр. 108, 114). Как видно из этого, вопрос о начале Софии Киевской исследовался уже в XV в., причем делались попытки согласовать показания, казавшиеся противоречивыми.

[18] Ср. A. Poppe. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego. Wrocław, 1962, s. 22—23.

[19] В особенности интересно этот вопрос ставился М. А. Максимовичем (Собрание сочинений, т. II. Киев, 1877, стр. 132—140) и П. Г. Лебединцевым (О св. Софии Киевской.—«Труды Третьего археологического съезда в России», т. I, Киев, 1878, стр. 53—58). Но существование деревянного храма Софии, ктитором которого признавалась Ольга, базировалось здесь на двух сомнительных показаниях: Иоакимовской летописи и записи в «Апостоле 1037 г.» об освящении Софии 11 мая 6460, т. е. 952 г. Ср. ниже, прим. 44 и замечания В. Лазарева (Указ. соч., стр. 55, прим. 8). Существование деревянного храма Софии допускал и М. К. Каргер («Древний Киев», II, стр. 102).

[20] Ср. A. Poppe. Op. cit., s. 84—86.

из сохранявшейся еще в шестидесятые годы XII в. памяти, что ее деревянная с 13 куполами предшественница стояла «*конець Пискупле улице идеже ныне поставил Сотъко церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом*» [21]. Следовательно, и деревянная София Киевская могла стоять на ином месте, нежели каменная. Тогда и известие 1036 г. о битве Ярослава с печенегами у стен Киева на месте, «иде же стоить ныне святая София, митрополья русская, бе бо тогда поле вне града» [22], столько хлопот доставившее исследователям, ратовавшим за 1017 г., перестает быть смущающим анахронизмом. Если даже в Киеве к исходу XI в. записывали только предание, то во всяком случае там неплохо разбирались в исторической топографии родного города. Наконец, Ярослав, воздвигая храм, мог заложить его на месте победоносного сражения, на что метко указал в последнее время В. Н. Лазарев.

В свете данных о деревянной Софии в Киеве понятными становятся слова Илариона, славившего деятельность Владимира и его продолжателя Ярослава: «Добр же зело и верен послух сын твои Георгии, его жь створи Господь наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твоих устав, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благоверию положения, но паче прилагающа, не казяща нъ учиняюща, иже недоконьчанаа твоа наконьча, акы Соломон Давыдова, иже дом божий великый, святыи его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже с всякою красотою украси...» [23].

Заслуга Д. В. Айналова состоит в том, что он обратил внимание на это показание, как на свидетельство почина Владимира в деле сооружения Софии. Но мы не разделяем мнения этого исследователя, приписывавшего Владимиру начало (подготовительные работы) постройки каменного Софийского собора [24]. При Владимире был поставлен, несомненно, деревянный кафедральный собор с намерением в будущем осуществить каменную, достойную митрополии постройку. Обычай, когда ктитор, принимая на себя обязательство, исполнял его сразу же, ставя деревянную постройку, дабы позже (часто это было уже делом наследников) поставить каменную, находил на Руси частое применение. Когда София Киевская сгорела в 1017 г., ее тотчас же отстроили, но лишь позднее создались условия для постройки каменного храма. Его ктитором был исключительно Ярослав.

Возникает, в свою очередь, вопрос о времени построения первого деревянного собора Премудрости Божьей в Киеве. Упомянутый выше дубовый новгородский собор св. Софии, согласно более поздней традиции, простоял 60 лет, т. е. был поставлен в 6497 (989) г.[25] Можно, однако, подозревать, что это позднее по своему происхождению сообщение было не более чем простым вычислением, исходным пунктом которого явились указанные НПЛ под 6497 г. факты крещения Руси и основания епископии в Новгороде. Если бы, однако, в дальнейшем эту дату удалось обосновать, тогда и начало Софии Киевской следовало бы сопоставлять с введением церковной организации на Руси. Новгород и в этом случае повторял киевский почин так же, как и позднее, воздвигая свою, новгородскую, каменную Софию. Если даже и следует усомниться в такой ранней дате, не рискуя пересмотром общего мнения о первичной роли Десятинной церкви, то и тогда мы становимся перед фактом существования уже при Владимире двух соборных храмов (княжеский собор и кафедральный, митрополичий собор). Объяс-

[21] НПЛ, стр. 16, 181, 219; см. также Д. Лихачев. ПВЛ, II, стр. 382.
[22] ПСРЛ, I, стб. 151; II, стб. 138.
[23] С. Обнорский, С. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., 1952, стр. 187—188; Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.—«Slavia», XXXII, 1964, N 2, s. 168.
[24] Д. Айналов. К вопросу..., стр. 35—36.
[25] Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летопись). СПб., 1879, стр. 2, 173.

нения такого положения вещей следует искать, быть может, на византийской почве. Так, например, агия Ирина принадлежала к μεγάλη ἐκκλησία и временно (в период ремонтов св. Софии) выполняла функции собственно кафедрального собора [26]. Название Богородицы, принятое для Десятинной церкви, вероятно, не без участия порфирородной Анны, следует приписывать не столько исключительному культу Теотокос в Византии вообще, сколько роли в жизни константинопольского дворца двух посвященных Богородице базилик — в Халкопратеи и во Влахернах. В особенности влахернской базилике, являвшейся местом традиционных дворцовых церемоний, свойственна была роль императорского храма [27]. Судя по местоположению Десятинной церкви, можно предполагать, что она сначала была задумана как дворцовый, княжеский храм. Вопрос, исполняла ли она некоторое время функции кафедрального собора, остается открытым. Ранняя дата Софии Киевской (до 1017 г.) являет собой еще одно свидетельство в пользу канонических связей с Константинополем. Такое объяснение начальной истории двух киевских соборов позволяет лучше проникнуть в содержание церковно-политических событий периода, все еще почти неизвестного, и может способствовать правильному решению круга вопросов, связанных с церковной десятиной вообще и, в частности, с пожалованием Владимиром десятины в пользу храма Богородицы.

Изложенные изыскания, доказывающие несостоятельность датировки каменного храма Ярослава 1017 г., не означают, однако, принятия второй даты, т. е. 1037 г., в предложенной доселе трактовке. Летописное известие от 1037 г. в составе «Повести временных лет», на что уже указывалось в литературе, записано значительно позднее, являясь собирательной

---

[26] H. G. B e c k. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 157; R. J a n i n. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin, t. 1—3. Les églises et monastères de Constantinople. Paris, 1953, p. 108—111.

[27] R. J a n i n. Les Eglises..., p. 169—179, 246—249. Аналогии между Десятинной церковью и влахернской базиликой Теотокос в Константинополе не идут так далеко, как предполагал Д. Айналов, причисляя киевскую Богородицу к купольным базиликам (D. A j n a l o v. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin—Leipzig, 1932, S. 10—11). Новыми исследованиями доказано, что Десятинная церковь была шестистолпным крестовокупольным зданием (см. М. К. К а р г е р. Указ. соч., II, стр. 27—56). Вопрос же о наименовании Десятинной остается спорным. В последнее время его пытался решить М. А. Ильин («О наименовании Десятинной церкви».— СА, 1965, № 2, стр. 266—268), указывая, что известие ПВЛ (в списках радзивилловском, академическом и троицком) о том, что Владимир «възвращаеться ко Успению святеи Богородици» (ПСРЛ, I, стб. 125), следует понимать не как сообщение о возвращении Владимира к празднику Успения, а к определенному топографическому пункту. Мы не видим, однако, никакой смысловой разницы между приведенным чтением и чтениями остальных списков ПВЛ: «възвращаешеться Кыеву на Успение святыя Богородица». К тому же основной «хронологический» аргумент М. Ильина («события не укладываются между 6 и 15 августа») следует из предпосылки, что статья 6504 г. содержит описание событий одного года, тогда как она явно «собирательная», притом позднего происхождения. Косвенно в пользу Успения могло бы служить указание на торжественное празднование этого дня Владимиром, если бы не факт, что Успение являлось первейшим праздником богородичного цикла, и не удивительно, что оно стало годовым праздником Десятинной. Не исключено, что первое освящение храма связано с этим праздником, а отмеченное в прологах 12 мая следует отнести к вторичному освящению в 1039 г. Факт наименования Десятинной просто храмом Богородицы не может свидетельствовать сам по себе против «Успения», так как это явление частое и в тех случаях, когда наименование не подлежит сомнению (например, Печерский собор). Но от двух показаний первоисточников мы вправе ожидать точности определения. В статье 996 г. ПВЛ Владимир в приписанной ему молитве упоминает Десятинную: «юже создах... во имя рожьшая тя матере присподевыя богородица». Также Иларион, восхваляя Владимира, свидетельствует: «Добр послух благоверию твоему блаженниче, святаа церкви святыа богородица Мариа». Несколькими же строками далее, славя строительную деятельность Ярослава, он отметил: «предал... град... святеи богородици, еи же и церковь на великых вратех създа в имя перваго господскаго праздника святаго Благовещениа» (С. О б н о р с к и й, С. Б а р х у д а р о в. Хрестоматия, стр. 187—188).

похвалой строительной и христианизаторской деятельности Ярослава [28]. Сам факт отнесения этой похвалы к 1037 г., понятно, не случаен, сохранившаяся, однако, редакция записи не указывает, что именно закладка каменного храма Премудрости Божьей явилась причиной такой датировки. Текст упоминает о пяти объектах ктиторской деятельности Ярослава, причем на первом месте стоит *город великый*, т. е. деревянные и земляные укрепления вокруг Киева, а лишь на втором месте — митрополичий кафедральный собор [29]. Итак, стимулом, которым руководствовался летописец, помещая похвалу деятельности Ярослава под 1037 г., могла быть самая крупная стройка. Быть может, он продолжил первичную запись: *В лето 6545 заложи Ярослав город великый*, так как следующее за этим упоминание Золотых ворот носит черты поздней редакции. Сам же термин *заложи* в сохранившемся контексте, явно перечисляющем хронологически дифференцированные постройки, сделался однозначным и должен пониматься в смысле поставил, был ктитором, т. е. построил на свои средства. Решение начать постройку обширных оборонительных сооружений вокруг Киева — деревянно-земляных валов с каменными городскими воротами — именно в 1037 г. находит обоснование в событиях минувшего года: нашествие печенегов позволило осознать необходимость укрепления обороноспособности разраставшегося городского комплекса [30], смерть Мстислава Черниговского сделала Ярослава «самовластьцем русстеи земли» и крепче связала его с Киевом, в котором до того он и не чувствовал себя особенно прочно. Создавшееся положение поощряло основательное строительство. Итак, хотя указания на 1037 г. нельзя принять безусловно, возможность начала в этом году строительства Софии весьма вероятна; оно, несомненно, велось в ближайшие последующие годы. Ктиторею Ярослава определяют хронологические рубежи: 1036 г. как terminus ante quem non и конец 40-х годов — как terminus post quem non. В произнесенном к тому времени, во всяком случае до 10 февраля 1051 г. [31], а вернее всего, к концу 40-х годов, «Слове о законе и благодати» [32] Иларион отмечает уже храм Благовещения на Золотых воротах, но не упоминает еще построенных Ярославом церквей св. Ирины и св. Георгия, которые, впрочем, освящал он же не ранее 1051 г. Здание Софии Киевской, по крайней мере в неотделанном виде, было уже завершено к 1045 г., когда начали строительство новгородского собора, в основном повторявшего архитектурные решения киевского храма [33]. Если учесть, что постройка Десятинной церкви про-

---

[28] Подробнее см. Д. С. Лихачев. ПВЛ, II, стр. 375; L. Müller. Op. cit., S. 57 f., A. Poppe. Op. cit., I, s. 372 sl.

[29] ПСРЛ, I, стб. 151, II, стб. 139.

[30] Ср. М. Каргер. Указ. соч., т. I, стр. 231, 247—262. Согласно исследованиям П. Раппопорта («Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.» М.—Л., 1956, стр. 91—97), на строительство одних только валов длиной 3,5 *км* и высотой 12 *м* ушло не менее 50 000 $м^3$ дубового строевого леса. Стройка требовала постоянного труда 1000 человек в течение 4 лет.

[31] ПСРЛ, II, стб. 143; летосчисление в ПВЛ ведется по мартовскому стилю и поэтому датировку смерти жены Ярослава Ирины-Ingigerd 1050 г. следует признать ошибочной.

[32] По предположению Н. Н. Розова («Синодальный список сочинений Илариона...», стр. 147—148), «Слово» было произнесено 26 марта 1049 г. в церкви Благовещения на Золотых Воротах. Однако более обоснованным мы считаем мнение Л. Мюллера, указывающего на Десятинную церковь как на место произнесения «Слова». Его же предположение, что речь была произнесена 15 июля (1040—1042 или 1046—1050 гг.), тоже сомнительно (Des Metropoliten Hilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Ausgabe von 1844 neu herausgegen eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962, S. 29—32). Обоснование датировки «Слова» концом сороковых годов XI в. также дано в моей диссертации (1960 г.)—«Предание о Борисе и Глебе в древнерусской письменности XI — начала XII в.» (на польском языке).

[33] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 38, 41, 57—66, 216—236.

должалась 7 лет (989—996), Софии Новгородской 5 (1045—1050), Печерской церкви 4 года (1073—1077), то стройка Ярославовой ктитореи приблизительно тех же размеров не продолжалась дольше. Остается, однако, вопрос о сроке убранства интерьера, особенно выполнения мозаик и фресок, после чего совершалось освящение храма. Достаточно здесь отметить, что завершающие работы в соборе Печерского монастыря заняли 12 лет. Он освящался только в 1089 г.[34]

Такой долгий срок не подходит, понятно, в этом случае. Внутреннюю отделку и убранство Софии Киевской, по крайней мере в ее главной части, согласно свидетельствам летописи и Илариона, следует приписать самому ктитору и датировать сороковыми годами XI в., быть может, до 1046 г., когда были закончены все мозаики и роспись центрального креста, как предполагает В. Н. Лазарев, во всяком случае до 1052 г. [35]

Когда же была освящена София Киевская? Все, в особенности факт поставления Илариона собором епископов в храме Премудрости Божьей, указывает на то, что освящение Софии состоялось еще при Ярославе. Но принимая это положение, следует решительно отвергнуть распространившееся со времен Шахматова даже среди его оппонентов мнение, что якобы существовал обычай освящения храмов исключительно в воскресенье. Отсюда делались далеко идущие выводы и хронологические корректуры, на основании которых строились новые гипотезы. Так, например, исключительно существенным элементом в построении гипотезы о Киевском своде 1039 г. является утверждение Шахматова об освящении Софии в 1039 г., исходившее из предпосылки, что день освящения — 4 ноября — приходился в тот год именно на воскресенье [36]. Ни канонические предписания, ни, самое главное, древнерусская практика этого укоренившегося в науке мнения не подтверждают [37]. Изучение дат освящения храмов в средневековой Руси приводит к выводу, что день недели не играл роли, обряд освящения совершался преимущественно в праздничные дни (в том числе и в воскресенье) и в их кануны, часто относящиеся к святому, которому посвящалась церковь [38]. Вывод этот требует пересмотра результатов исследований, основывающихся на этом неприемлемом хронологическом критерии.

---

[34] ПСРЛ, I, стб. 183, 198, 207. Мастеров для покрытия стен фресками приглашал игумен Никон в 80-е годы XI в. (см. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 9—11).

[35] В. Н. Л а з а р е в. Указ. соч., стр. 55. На terminus ante quem завершения росписи указывает граффити на фреске центрального нефа с датой 3 марта 6560 г. (1052). См. С. А. В ы с о ц к и й. Датированные граффити XI в. Софии Киевской.— СА, 1959, № 4, стр. 243—244; Б. А. Р ы б а к о в. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, табл. XVII, стр. 13.

[36] А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания..., § 226. Ср. также: е г о ж е. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни.—«Научный исторический журнал», 1914, № 4, стр. 45—46. Так, например, доверяя Шахматову, В. Н. Лазарев (указ. соч., стр. 55—56) датирует первое освящение Софии 11 мая 1046 г., так как именно в этом году 11 мая приходилось на воскресенье.

[37] Об этом не упоминает ни один из древнерусских канонических памятников, в частности не говорит об этом и митрополит Киприан, давая предписания чина освящения храмов (см. РИБ, т. VI. СПб., 1908, № 32). Такой порядок неизвестен также литературе вопроса.— Ср. Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. 1, 2, стр. 460—461; т. II—2, стр. 582—3; Н. О д и н ц о в. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI в. СПб., 1881, стр. 88; П. Л е б е д е в. Наука о богослужении православной церкви, ч. II. М., 1895, стр. 142—147.

[38] Например, Печерский собор был освящен 14 августа 1089 г., во вторник, в канун Успения Богородицы (ПВЛ, I, стр. 137; Патерик, стр. 195). В 1115 г. в Вышгороде перед перенесением мощей Бориса и Глеба «первое же освятиша церковь камяную, мая в 1 день в субботу, поутрия же в 2 день перенесоша святая» (ПВЛ, I, стр. 199; Д. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стб. 65). Освящение Софии Новгородской состоялось в пятницу, в день Воздвижения креста, 14 сентября 1050 г. (ПСРЛ, IV, стб. 117; V, стб. 138). Дальнейшие примеры см. A. P o r p e. Op. cit., I, str. 388. См. также НПЛ, стр. 231 234, 235, 237; ПСРЛ, I, стб. 283, 441—442, 539.

Итак, освящение Софии при Ярославле могло состояться в любой подходящий день в 40-е годы XI в. Но как согласовать это утверждение с достоверной записью в календаре Мстиславова евангелия 1117 г., датированной 4 ноября, об освящении св. Софии митрополитом Ефремом? [39] В литературе вопроса высказывалось мнение, что вторичное освящение происходило по случаю пристройки второго пояса наружных галерей либо завершения росписи приделов [40]. Но в таком случае достаточным было малое освящение, тогда как запись в Мстиславовом евангелии явно указывает на освящение всего храма т.е. на большое освящение. Следует также признать ошибочным мнение, высказанное впервые К. Невоструевым, а в последнее время М. Каргером, что вторичное освящение кафедрального собора совершал Ефрем Переяславский. Мажордом Изяслава, а затем монах Киево-Печерского монастыря был митрополитом Переяславля, и нет оснований, на что уже указывалось в литературе, видеть в нем митрополита Руси в 90-е годы XI в. [41] Здесь не могут быть признаны достоверными показания летописцев-историков XVI—XVIII вв., которые из титула Ефрема делали вывод о его связи с киевской митрополией. Кафедральный Киевский собор освящал митрополит всея Руси Ефрем, что подтверждается известием 1055 г. об осуждении новгородского епископа Луки Жидяты [42] и сохранившейся печатью, надпись на которой Κύριε βοήθει Ἐφραὶμ πρωτοπροέδρῳ καὶ μητροπολίτῃ Ῥωσίας, вне всяких сомнений, относится к митрополиту Руси начала второй половины XI в. [43] Это было, как правильно отмечено с указанием на две сохранившиеся в календарной традиции даты освящения (11 мая и 4 ноября), вторичное освящение Софии Киевской [44]. Не следует ли, однако, искать объяснения этого факта в более

---

[39] П. Б и л я р с к и й (по К. Невоструеву). Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия.—ИОРЯС, т. X, 1861, вып. 2, стр. 118.

[40] Ср. М. К. К а р г е р. Указ. соч., т. II, стр. 103; В. Н. Л а з а р е в. Указ. соч., стр. 57.

[41] Ср. Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I,1, стр. 287; Н. С ы ч е в. Древнейший фрагмент русско-византийской живописи.—«Seminarium Kondakovianum», II, Praha, 1928, s. 102. Подробнее о Ефреме см. в ч. 2 настоящей статьи.

[42] НПЛ, стр. 183; Ср. М. П р и с е л к о в. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 111—113, 121; Н. С ы ч е в. Указ. соч. Эти исследователи полагали, что освящение состоялось в 1061 или 1067 г., так как 4 ноября приходилось в эти годы на воскресенье. Против постройки храма в течение срока около 30 лет см. обоснованные возражения В. Н. Лазарева (указ. соч., стр. 55—56).

[43] Публикацию печати и вопросы ее принадлежности см. в кн.: Н. П. Л и х а ч е в. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, вып. II [Л., 1930], стр. 11—14 и A. V. S o l o v i e v. Metropolitensiegel des Kiewer Russland. — BZ, LV, 1962, S. 295. В. Л. Янин («Из истории русской художественной и политической жизни XII в.»— СА, 1957, № 1, стр. 125 сл.) связывал эту печать с Ефремом Переяславским и датировал 1093—1096 гг., но в настоящее время разделяет изложенное здесь мнение. Важным указанием является титул митрополита Ефрема — протопроедр. Надпись на печати легко объясняется на почве византийских институтов. Обычай жалования архиереям разных почетных дворцовых титулов распространился в Византии в X в. Из известных русских митрополитов только два, судя по сохранившимся печатям, имели такие титулы. Митрополит Георгий, упомянутый в летописи под 1072—1073 гг., имел титул синкелла (см. A. S o l o v i e v. Op. cit., S. 294; Н. П. Л и х а ч е в. Указ. соч., II, стр. 1—2). Его предшественник — митрополит Ефрем — был протопроедром. Так как этот титул с началом эпохи Комнинов исчезает (см. H. G. B e c k. Op. cit., S. 68—69), его трудно прилагать к Ефрему Переяславскому. Архангел Михаил на лицевой стороне печати легко, но двояко объясняется. Ефрем был митрополитом патриарха Михаила Кирулярия (1043—1058), и он же был протопроедром византийского императора, которым с 21 августа 1056 по 31 августа 1057 г. был Михаил VI.

[44] Ср. В. Н. Л а з а р е в. Указ. соч., стр. 55—56. Дата 11 мая встречается, кроме Апостола 1307 г., в нескольких прологах. Это и была, по-видимому, дата первого освящения каменной Софии, хотя это может быть также случайно сохранившаяся (что менее вероятно) дата одного из освящений деревянной Софии. Следует отметить, что на 11 мая приходился праздник, особенно торжественно отмечаемый в Софии Константинопольской как день основания города (см. R. J a n i n. Les Églises..., p. 484). На 11 мая приходился также один из праздников в честь Кирилла и Мефодия [см. И. С н е -

существенных обстоятельствах, нежели в затяжке работ по росписям приделов? Тем более, что указывающий на эту причину В. Н. Лазарев тут же отмечает, что «не подлежит никакому сомнению, что они (росписи. — *А. П.*) восходят к той программе, которая была уточнена еще при жизни Ярослава»[45]. При внимательном чтении исследования о мозаиках Софии Киевской создается впечатление, что на членение во времени работ по исполнению декоративного ансамбля знаменитый искусствовед решился, введенный в заблуждение историками, вопреки им же нарочито подчеркнутой мысли: «Отвлекаясь от отдельных стилистических оттенков, объяснимых участием в исполнении мозаик и фресок большого количества художников, в целом можно утверждать, что роспись Софии Киевской отмечена печатью определенного стилистического единства» [46].

Предшественником Ефрема был Иларион, поставленный митрополитом в 1051 г. Ярославом и «от богочестивых епископ священ бых и настолован в велицем и богохранимемь граде Кыеве» [47], причем патриарх и его постоянный совет Эндемуза были обойдены. Традиционный взгляд, связывающий этот акт с русско-византийским столкновением в 1043 г., не объясняет в достаточной степени этого шага Ярослава Мудрого, тем более, что с 1046 г. византийско-русские отношения улучшились, а вскоре были скреплены брачным союзом сына Ярослава, Всеволода, с дочерью императора Константина Мономаха [48]. Ведь Ярослав имел все основания выступать в роли монарха (если не de jure, то de facto), равного византийскому и германскому императорам. Поощренный примерами далеко идущего вмешательства светской власти в дела церкви (роль византийского императора в поставлении патриархов и митрополитов византийских провинций, бесцеремонное вмешательство императора Генриха III в подбор кандидатов на папский престол в 1046—1049 гг.) [49], Ярослав воспользовался возможностью (вакантная митрополия) и самостоятельно решил вопрос о поставлении на митрополичью кафедру. По установившейся практике патриархия должна была получить от киевского князя согласие на прием своего кандидата. Ярослав же попытался свести роль патриархии к чисто формальному утверждению его кандидата. По-видимому, он хотел уравнять поставление митрополита Руси с практикой (хорошо подтвержденной

г а р о в. Духовно-культурни връзки между България и Руссия през средните векове (X — XV в.). София, 1950, стр. 46—47]. В Успенском сборнике XII в. житие Мефодия помещено под 10 мая, но это, судя по всему, ошибка составителя, переписывавшего также похвальное слово Мефодию с апрельской минеи (под 6 апреля). В месяцеслове «Апостола 1307 г.», являющегося, несомненно, списком с очень древней рукописи (конца XI в.?), отмечены только четыре русских праздника: 4 ноября —«в тжь день священии святыя Софие иже в Киеве Велицемь»; 3 мая—«в тжь день преподобного и блаженного Феодосья игумена печерьского в лето 6582»; 11 мая —«в тъ день священие святыя Софья Киеве в лето 6460»; 24 июля —«в тъ же день убиение святого Бориса» (ГИМ, Синод. собр. 722, л. 132 об., 165, 166, 173 об.). Дата 6460 г. поставлена, несомненно, потому, что, встретив второй раз упоминание об освящении Софии, древнерусский книжник осмыслил ее, выписывая откуда-то дату, которую он мог неверно прочесть. Остроумное решение предложено Сергием («Полный месяцеслов востока», т. I. Владимир, 1901, стр. 139), предлагавшим высчитывать 5500 (александр. эра) вместо 5508. Получался таким образом 960 г., и постройка Софии приурочивалась ко времени после возвращения Ольги из Царьграда.

[45] В. Н. Л а з а р е в. Указ. соч., стр. 57.

[46] Там же, стр. 74.

[47] ПВЛ, I, стр. 104; Исповедание веры Илариона.— РИБ, XXXVI. Пг., 1920, стр. 102—103; Н. Р о з о в. Указ. соч., стр. 175.

[48] См. В. Л. Я н и н, Г. Г. Л и т а в р и н. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.—«Историко-археологический сборник», 1962, стр. 204—221; A. V. S o l o v i e v. Marie fille de Constantin IX Monomaque.—Byz., t. XXXIII, 1963, p. 241—248.

[49] О роли византийского императора в делах церкви см. A. M i c h e l. Die Kaisermacht in der Ostkirche. Darmstadt, 1959, S. 27 f. О церковной политике Генриха III см. J. G a y. Les papes du XI-e siècle et la chrétienité. Paris, 1926, p. 107—120, 134—136.

источниками XI—XIII вв.) поставления русских епископов совместно князем и митрополитом. Если и возник спор, то он носил чисто церковный характер, и ему в Киеве не придавали политического значения. В атмосфере дружественных отношений между Византией и Русью патриарху удалось сохранить право поставления главы русской церкви. При неизвестных для нас обстоятельствах Иларион уступил место Ефрему [50]. В свете толкования патриархией канонического права поставление, т. е. назначение, хиротонисание и интронизация Илариона в митрополиты, а также его деятельность в качестве первопрестольника, должны были быть признаны несостоявшимися. Хотя не Иларион освящал Софию, если признать 1051 г. нерушимой датой его поставления, но он священнодействовал в храме, отправлял службы, наконец, восседал на митрополичьей кафедре, чего по каноническому правилу не смеет даже законно поставленный, но посторонний архиерей. Патриарх и новопоставленный митрополит имели полное основание рассматривать все это не только как нарушение канонических предписаний, но и как святотатство. Отсюда и возникла необходимость вторичного освящения соборного храма, проведенного, вероятно, без особенно громкого подчеркивания вызвавшей его причины. Ефрем в области церковной (а не политической) находился в положении, похожем на то, которое сложилось в 1156/7 г. после отстранения от митрополичьего трона Климента Смолятича, когда новоприбывший из Константинополя митрополит Константин «испровергъши Климову службу и ставления, и сотворивше божественную службу» [51]. Как каждая гипотеза, представленный вывод является предложением к обсуждению.

Не подводя итогов, следует отметить, что результат предложенных разысканий — установление существования деревянного кафедрального собора Премудрости Божией до построения Ярославом после 1036 г. каменной Софии — достигнут не путем исправления летописного текста и его хронологии. Все три показания: свидетельство Титмара, киевская (ПВЛ) и новгородская (НПЛ) летописные записи 1017 г., восполняя друг друга, одновременно взаимно себя подтверждают. Это позволяет усомниться в правильности некоторых укоренившихся в науке положений о летописании XI в. Например, новгородское летописание, как свидетельствует запись от 1017 г., по-видимому, развивалось более самостоятельными путями, чем это до сих пор предполагалось. Но это уже дело иных кропотливых исследований.

Проиллюстрированный здесь вывод предостерегает против противопоставления некоторых показаний летописей, как взаимоисключающих. Ощущается потребность в поисках нового понимания начального периода русского летописания, на которое нельзя смотреть только сквозь призму сводов. Но скороспелые обобщения здесь не применимы. Поиски должны пойти по пути детальных, аналитических источниковедческих изысканий.

---

[50] В литературе вопроса все еще удерживается обоснованная М. Приселковым тенденция толковать эти церковные события как результат политического конфликта и компромисса между Византией и Русью. Ср., напр., в последнее время: E. Winter. Russland und Papstum, I. Berlin, 1960, S. 40—45. Однако уже Пл. Соколовым предлагалась более обоснованная трактовка вопроса о поставлении Илариона («Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века». Киев, 1913, стр. 49—52). См. также убедительные соображения Л. Мюллера (L. Müller. Des Mitropoliten Hilarion Lobrede..., S. 2—11) о политической обстановке, предшествовавшей акту 1051 г., исключающей возможность политического конфликта между Русью и Византией. К этому же выводу подводят результаты исследования А. П. Каждана, датирующего направленный против печенегов византийско-русский союз декабрем 1047 г. (см. А. П. Каждан. Иван Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.— ЗРВИ, VIII — I (Mélanges G. Ostrogorski), 1963, стр. 177—184).

[51] ПСРЛ, II, стб. 485. См. также Е. Голубинский. Указ. соч., т. I—1, стр. 300—315. Дело Луки Жидяты становится более понятным в свете этого толкования.

2. ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ И ЧЕРНИГОВСКАЯ МИТРОПОЛИИ

Укоренившееся в литературе вопроса мнение о выдающейся роли Переяславля в становлении церковной организации на Руси к исходу X и в начале XI в. в серьезной степени препятствовало воссозданию действительных судеб Переяславской митрополии. В то же время исследователями была упущена из виду митрополия в Чернигове, засвидетельствованная в Сказании о Борисе и Глебе [52] и, как это будет доказано ниже, в одном из списков епархий Константинопольской патриархии, составленном в последние десятилетия XI в.

Изложенные выше замечания о начале Софии Киевской приводят к обоснованному заключению, что местопребыванием митрополии и ее кафедрального собора не только до 1037, но и до 1017 г. был стольный Киев. Для доказательства гипотезы о нахождении кафедры русской митрополии до 1037 г. в Переяславле не могут служить ни летописное предание об основании Переяславля в 992 г., ни факт отсутствия упоминания о Переяславле при распределении городов между сыновьями Владимира [53]. Владимир рассылал сыновей по дальним областям, а не в собственно «Русской земле». Поэтому-то не упомянут и Чернигов. Это, понятно, не решает вопроса о существовании уже на рубеже X—XI вв. митрополии в Переяславле наравне с Киевской. Имеются ли, однако, доказательства, что несомненно существовавшая к концу XI в. Переяславская митрополия имела за собою уже почти столетнее существование? Или же следует разделить мнение, в последнее время высказанное Л. Мюллером, что основание митрополии в Переяславле, как и в Чернигове, являлось результатом отношений, сложившихся между Ярославичами? [54] Чтобы найти четкий ответ на этот вопрос, следует внимательно присмотреться к сохранившимся скудным, но все же при совокупном анализе достаточно содержательным первоисточникам.

При описании вышегородских торжеств 20 мая 1072 г. в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе», после перечисления трех князей Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода — в соответствующем их столам порядке, упомянуты «митрополит *Георгии Киевскыи, другыи — Неофит Черниговьскыи и епископи Петр Переяславьскыи и Никита Белогородьскыи и Михаил Гургевьскыи...*» [55]. Описание это было составлено до смерти

---

[52] На это обратил внимание только Л. Мюллер (L. Müller. Zum Problem..., S. 24).

[53] Ср. A. D. Stokes. Op. cit., p. 438 f.; В. Мошин. Указ. соч., стр. 91 сл. Ссылка В. Мошина на «Память и похвалу Владимиру», где «основание Переяславля... поставлено в круг данных, относящихся к крещению Руси и организации русской церкви», неудачна, так как это просто сокращение летописи, и потому известие о заложении Переяславля попало между сообщениями о закладке и наделении Десятинной церкви Богородицы.

[54] L. Müller. Op. cit., S. 23—26. М. Д. Приселков (указ. соч., стр. 128—133) также считал Переяславскую митрополию результатом политических отношений между Ярославичами; она якобы была учреждена вместо Киевской, временно ликвидированной Святославом, «резко разорвавшим с греческой митрополией». Весь этот вывод, построенный в основном на письмах Михаила VII Дуки, якобы адресованных князю переяславскому Всеволоду, не выдерживает в настоящее время критики. Действительным адресатом этих писем был норманский владетель Южной Италии Роберт Гвискар (см. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 407—418; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches, Th. 2. München— Berlin, 1925, № 989, 990; ср. № 1003. См. также H. Bibicou. Une page d'histoire diplomatique de Byzance au XIe siècle. Michel VII Doukas, Robert Guiskard...,— Byz. XXIX/XXX, 1959/60, p. 43 sq.).

[55] Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, изд. Д. А. Абрамович. Памятники древнерусской литературы, II. Пг., 1916, стр. 55—56. Выступающее затем двойственное число (по сих *митрополита* и епископи... идяаху), на что правильно обратил внимание Л. Мюллер (L. Müller. Op. cit., S. 24), исключает ошибку. В пользу этого свидетельствует также введение автором описания топографического определения: если бы не «другой» черниговский, митрополиту Георгию не сопутствовало бы объяснение «киевский».

Святослава, т. е. до 27 декабря 1076 г., по всей вероятности, уже в 1073 г. [56] Итак, в 1072 г. в Переяславле не было митрополии. О существовании же Черниговской и времени ее учреждения интересные данные содержит список епархий (Notitia, τάξις) Константинопольской патриархии в сборнике XII в. (Codex Coislinianus 211) [57]. По сравнению с известным по нескольким рукописям списком, составленным во времена Алексея Комнина (1081—1118), в Codex Coislinianus 211 отмечена митрополия «Маврокастрона или Новой Руси». Она находится здесь в следующем порядке митрополий: (70) ὁ Βασιλαίου, (71) ὁ Τρίστρας, (72) ὁ Μαυροκάστρου ἤτοι Νέας Ῥωσίας, (73) ὁ Ναζιανζοῦ. Так как в этом списке нет Наксии, учрежденной в мае 1083 г., то Е. Хонигманн считал, что он составлен вскоре же после основания в 1082 г. отмеченной здесь на предпоследнем месте Лакедемонской митрополии [58]. Но если даже признать отсутствие Наксийской митрополии случайным пропуском, так как последней и здесь упомянута основанная в 1084 г. митрополия в Атталии, то и тогда список следует признать составленным немногим позднее и отражающим более раннюю редакцию, чем Notitia, отредактированная при Алексее Комнине в 1087 г. или вскоре после этого [59].

Особенно наглядным подтверждением того, что τάξις Куаленова сборника следует отнести к началу 80-х годов XIв., являются выступающие одновременно и в перечне митрополий (на 74 и 78 местах) и в перечне архиепископств (на 12 и 38 местах) епархии Керкиры и Руссия. Редактор списка, располагавший, несомненно, более ранней редакцией, не вычеркнул их из состава архиепископий, но отметил их повышение: (12) ὁ Ῥουσίου ἐτιμ(ή)θ(η) μητροπ(ολίτου), (38) ὁ Κερκύρων ἐτιμήθ(η) μητροπολίτ(ου). Руссий в провинции Родопы был произведен в степень митрополии в период между 1068—1082 г., судя по занимаемому месту (78), ближе к последнему году, возвышение же Керкиры датируется 1081—1082 гг. [60]

В Notitia подобного характера, как уже неоднократно указывалось, при вписывании вновь основанных митрополий соблюдался в основном хронологический порядок. Следовательно, прежде чем приступить к отождествлению митрополии Маврокастрона, мы должны попытаться определить время ее основания. Время ее учреждения определяется датами основания предшествовавших ей Василийской и Дристрской митрополий и следующей за ней Назианзской. Епископия в Βασιλαίον была возведена в степень митрополии решением императора Константина X Дуки

---

[56] Обоснование этой датировки и разбор взаимоотношения текстов анонимного «Сказания», «Несторового Чтения» и летописной статьи 1072 г. см. A. P o p p e. Uwagi, III, s. 560—564.

[57] Τάξις τῶν θρόνων занимает в Куаленовом сборнике № 211 листы 261—262 лиц. и содержит после перечисления 5 патриархий перечень 80 митрополий и 42 архиепископий, подчиненных Константинопольской патриархии. Описание сборника см. R. D e v r e e s e. Bibliothèque Nationale — dépôt des manuscrits. Catalogue des manuscrits grècs, II. Le fonds Coislin. Paris, 1945, p. 191—194. Благодаря любезности проф. А. Гейштора, автор располагает фотокопией списка, которую прилагает (л. 261 об.—262 лиц.) к настоящей статье. Этот список до сих пор не публиковался, хотя и был уже давно отмечен (см. F. N a u. Mélanges.—«Revue de l'Orient Chrétien», XIV, 1909, p. 212).

[58] E. H o n i g m a n n. Studies in Slavic Church History.—Byz. (Amer. Ser. III), XVII, 1944—1945, p. 143, 159; F. D ö l g e r. Regesten..., № 1086, 1088; V. G r u m e l. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, t. I, fasc. 3. Kadiköy—Istambul, 1936, № 928, 929. Согласно последним исследованиям, Лакедемон был возведен в степень митрополии около 1 января 1083 г. (см. V. L a u r e n t. La date de l'érection des métropoles de Patros et de Lacédémons.— REB, XXI, 1963, p. 136—139).

[59] H. G e l z e r. Zur Zeitbestimmung der Notitiae episcopatuum.—«Jahrbücher für protestantische Theologie», Bd. XII, 1886, S. 540—541; i d e m. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der Orientalischen Kirche, II.—BZ, II, 1893, S. 69; F. D ö l g e r. Op cit., № 1140; V. G r u m e l. Op. cit., № 943.

[60] H. G. B e c k. Op. cit., S. 174, 182; V. G r u m e l. Op. cit., № 897.

Рис. 1. Список епархий Константинопольской патриархии.
Cod. Coislin. № 211, f. 261v.

Рис. 2. Список епархий Константинопольской патриархии.
Cod. Coislin. № 211, f. 262

(25 декабря 1059—21 мая 1067 г.) [61]. Менее точны данные о Дристре. В 1020 г., согласно сигиллию Василия II Болгаробойцы, епископия Дристры вошла в состав Охридской архиепископии, но уже около середины XI в. вернулась под власть константинопольского патриарха и тогда же или вскоре после этого, по предположению Хонигманна — в начале 60-х годов XI в., получила права митрополии [62]. Назианз же был возведен в положение титулярной митрополии императором Романом Диогеном (1 января 1068—19 августа 1071 г.) [63]. Итак, учреждение митрополии в Маврокастроне следует относить к 60-м гг. XI в. (1059—1071 гг.).

Е. Хонигманн, обративший внимание на особенность Куаленова списка — упоминание ὁ Μαυροκάστρου ἤτοι Νέας Ῥωσίας — пришел к выводу, что под этим названием скрывается известный по итальянским портоланам XIV — XV вв. под названием Маукастро или Мокастро город на черноморском побережье у устья Днестра, прилегавший к расположенному на противоположном берегу Белгороду — Ἀσπρόκαστρον греческих источников (позднейший Аккерман, Цетатеа Альба, теперь Белгород Днестровский) [64]. Хонигманн отождествлял также Маврокастрон Куаленова списка с Маврокастроном из «Записки греческого топарха»— местности в отношении локализации исключительно спорной. Как правильно отметил Г. Г. Литаврин, географических названий, образованных от слова μαῦρον, немало в Причерноморье [65]. «Черные» города не чужды и славянской топонимике.

Появление митрополии «Новой Руси» у устья Днестра Хонигманн объясняет как результат временного пребывания в днестровском Маврокастроне внука Ярослава Мудрого, Ростислава, направляющегося якобы из верхнего Поднестровья этим путем в Тмутаракань. Византия же, рассчитывая на помощь Ростислава в борьбе с кочевниками, учредила в днестровском Маврокастроне митрополию. Все это, однако, необоснованные догадки. Биография князя-изгоя Ростислава ни в коей мере их не подтверждает. К тому же в первой половине XII в. русско-галицкая власть распространялась, но не устойчиво, на нижний Днестр, доходя и до Дуная, однако во второй половине XI в. здесь господствовали кочев-

---

[61] F. Dölger. Op. cit., № 964. См. также № 1014 (подтверждение этого акта Михаилом VIII Дукой). Ср. V. Grumel. Op. cit., № 904.

[62] Ср. Д. Цухлев. История на Българската църква, I. София, 1910, стр. 852—853, 861; E. Honigmann. Op. cit., p. 159; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI — XII вв. М., 1960, стр. 352—354. Собственно говоря, это было восстановление древней митрополии Доростола (см. H. Gelzer. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse..., II, S. 47, 55, 67—68).

[63] F. Dölger. Op. cit., № 974; V. Grumel. Op. cit., № 899.

[64] E. Honigmann. Op. cit., p. 158—162. Точку зрения Хонигманна принял и изложил М. В. Левченко («Очерки по истории русско-византийских отношений», стр. 307—309). Спор по вопросу об отождествлении Маврокастрона с Аспрокастроном см. в работах: J. Bromberg. Typonimical and historical Miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia. — Byz., XII, 1937, p. 164—169; XIII, 1938, p. 50—69; N. Bănescu. Fantaisies et réalités historiques.— Byz., XIII, 1938, p. 89—90. О том, что днестровские Аспрокастрон и Маурокастрон (Маукастро) были разными, но близлежащими городами, прекрасно свидетельствует русский источник исхода XIV в.: «на усть Днестра над морем Белъгород, Черн...» (см. М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних.—«Исторические записки», 40, 1952, стр. 223, 226, 228).

[65] Г. Г. Литаврин. Записка греческого топарха, документ о русско-византийских отношениях в конце X века.— Сб. «Из истории средневековой Европы». М., 1957, стр. 118—120. Этот исследователь склонен локализовать упомянутый в «Записке» Маврокастрон в Левобережье Днепра, на пути к Крыму. Ср. также мнение Бромберга (J. Bromberg. Op. cit., p. 50); который ищет Маврокастрон, упомянутый в Куаленовом сборнике, в Крыму (Ibid., p. 57—58). О «Записке топарха» см. также в работе М. В. Левченко (указ. соч., стр. 291—339). В последнее время была предложена датировка «Записки» временем войн Святослава (970 г.), и тем самым локализация Маврокастрона определялась у устья Днестра (см. М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Из комментария к «Записке греческого топарха». — ВВ, XIV, 1958, стр. 99—102).

ники. Итак, нет никаких оснований предполагать, что днестровский Маврокастрон играл роль церковного центра даже в тот краткий период, какой предлагает Хонигманн (основание и упразднение между 1060—1064) [66]. Этот автор не прав также, утверждая, что «Its Greek name Mavrokastron implies a Greek foundation» [67]. В греческих источниках встречаются случаи перевода иноязычных названий местностей. Лучший этому пример дает Notitia второй половины XIII в., упоминающая среди епископий русской митрополии τὸ Ἀσπρόκαστρον τὸ μέγα πλησίον τοῦ Κυέβου. Здесь имеется в виду прекрасно известная по летописям (XI — XIII вв.) епископия в древнерусском Белгороде на р. Ирпень вблизи Киева [68].

Географическая локализация Маврокастрона на Руси свидетельствует, что греческое название является лишь переводом подлинного наименования города. Этот центр должен был совмещать достоинства политического и административного порядка, которые обусловили бы также его церковное возвышение. Учитывая все эти моменты, мы приходим к выводу, что таким центром, скрывающимся под названием Маврокастрон — Черноград византийского источника, мог быть только Чернигов [69]. Тогда предельно ясным, не требующим никаких натяжек, становится добавочное определение ἤτοι Νέας Ῥωσίας. В восприятии составителя Notitiae, отметившего выше (на 60 месте) митрополию Ῥωσίας, вторая, учрежденная в Маврокастроне, т. е. в Чернигове, являлась митрополией Νέας Ῥωσίας. Таким образом, независимое русское свидетельство о присутствии «другого» митрополита — Нифонта Черниговского — 20 мая 1072 г. в Вышгороде целиком подтверждает византийское показание с его датировкой и само находит убедительное подтверждение.

Черниговская митрополия была, несомненно, титулярной, т. е. данный епископ возводился в сан митрополита лично, пожизненно либо на определенный срок, потом же митрополия должна была стать снова обыкновенной епископией. На такой именно основе была возведена императором в митрополии упомянутая епархия Василийская. В 80-е годы XI в., когда Анкирский митрополит настойчиво требовал восстановления

---

[66] E. Honigmann. Op. cit., p. 161—162; Ростислав направился в Тмутаракань в 1064 г. Ср. ПСРЛ, т. I, стб. 163—164; т. II, стб. 152—153; ПВЛ, т. I, стр. 110—111. См. также В. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 115 сл.; Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.—«Seminarium Kondakovianum», VI, 1933, p. 8 sq.; его же. Половцы.— Ibid., XI, 1940, p. 95.

[67] E. Honigmann. Op. cit., p. 160.

[68] См. H. Gelzer. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen.—«Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd. XIII, 1892, S. 247. Подобным образом Багдад в Notitia Антиохийской патриархии записан как Иринополис, что является точным переводом арабского наименования Мэдинату-ссалами (город мира). См. H. Gelzer. Ungedruckte und wenigbekannte Bistümerverzeichnisse, I.—BZ. I, 1892, S. 277—278. В той же Notitia (ibid., S. 269) среди 6 епископий, входивших в состав митрополии Феодосиуполиса в Малой Армении, упомянут Маврокастрон. Это перевод арабского названия города Кара Хиссар (вероятно, до арабского завоевания — Колония; см. W. M. Ramsay. The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890, p. 267).

[69] При несомненном корне «чернъ» этимология Чернигова недостаточно ясна; быть может, название происходит от личного имени *Чернигъ* (см. M. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, t. III. Heidelberg, 1958, S. 326). Константин Багрянородный упоминает Чернигов в записи, очень близкой подлинному наименованию города Τζερνιγωγα (Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 56). Подобным образом и в греческих Notitiae XII — XV вв. значится: ὁ Τσερνιγόβων, ἡ Τζερνιχόβη — Однако не всегда такое постоянство соблюдалось. Так, например, упомянутый уже выше киевский Белгород в Notitia XII в. записан согласно русскому наименованию города (ὁ Πελογράδων), в списке же второй половины XIII в. дан в переводе (τὸ Ἀσπρόκαστρον) (ср. H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitia eriscopatuum.— «Abhandlungen der Philos -Philolog. Classe der königlich. Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Bd. 21. München, 1901, S. 585, 589, 632). Церковной географии Руси мы посвятим отдельную статью.

своих прав по отношению к этой епархии, развернулась ожесточенная борьба, еще раз подтвердившая, что в деле возведения епископий в митрополии не церковные правила и традиции, но решение императора являлось законом [70].

Церковное повышение Чернигова, несомненно, имело политическую подоплеку. Оно могло быть результатом стараний, предпринятых самим Святославом, либо почином византийского двора, учитывавшего политическое значение черниговского князя. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. на Руси сложилось соотношение сил, выдвинувшее, наряду со старшим сыном Ярослава Изяславом в Киеве, двух его братьев — Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Совместная деятельность по законодательным вопросам (Правда Ярославичей), распределение земель и столов между остальными князьями, совместные походы — все это позволяет говорить о договоренности, «ряде», между тремя Ярославичами, названном в литературе условно, но с основанием триумвиратом [71]. Такое равновесие сил могло найти также соответствие и в области церковной организации. Дружественные отношения с русскими князьями были важны для византийского правительства в тяжелый для него период внутренней неустойчивости и внешнего нажима на империю, в частности со стороны печенегов и половецких узов [72]. Учреждение новых митрополий, выполнявших в политическом плане задачи своего рода византийских представительств, содействовало непосредственным сношениям с князьями, от которых в равной мере зависела государственная политика Руси.

О внимании, уделяемом в Константинополе сношениям с Русью, убедительно свидетельствует также факт назначения в 60-х гг. XI в. на Киевскую митрополию митрополита-синкелла. Высокое звание имперского синкелла, сопряженное с саном синклитика, указывает на то, что митрополит Георгий не только принадлежал к высшему совету патриарха, но и пользовался особым расположением жаловавшего эти достоинства императора [73].

---

[70] V. Grumel. Op. cit., № 904, 934, 938; ср. Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, стр. 26—30. О праве и практике императоров в распоряжении митрополиями и вообще высшими должностями в церкви см. A. Michel. Die Kaisermacht in der Ostkirche (843—1204). Darmstadt, 1959, S. 27—56.

[71] См. ПСРЛ, I, стб. 162 сл.; II, стб. 151 сл.; ПВЛ, I, стр. 109 сл.; Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 121—131, 245—254; А. Пресняков. Княжее право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 34—49; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 489—491. Наиболее широко церковно-политические события периода Ярославичей были рассмотрены М. Д. Приселковым (указ. соч., стр. 116—164). Его многочисленные гипотезы, в том числе мнение о временном упразднении Киевской митрополии, перенесенной якобы в Переяславль, не находят подтверждения в источниках. Известие 1072 г. М. Д. Приселков воспринимал как свидетельство недавнего учреждения двух новых епископских кафедр в Чернигове и Переяславле (там же, стр. 118 сл.). Действительно, мы не располагаем более ранними данными о церковной организации Чернигова и Переяславля, но, судя по всему, эти видные центры должны были получить собственные епископии гораздо ранее. О существовании кафедры в политически самостоятельном до 1036 г. Чернигове косвенно свидетельствует предпринятое Мстиславом Тмутараканским строительство монументального собора Спаса (ПВЛ, I, стр. 101; ПСРЛ, I, стб. 150). О размерах храма см. К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 52—56.

[72] См. В. Г. Васильевский. Византия и печенеги.— Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 26—38; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 56—67, 78—93; М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 401—418; G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 282—287. О русской дружине в Византии в 60—70-е годы XI в. см. В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 324, 337, 346 сл. и Actes de Lavra, ed. G. Rouillard, P. Collomp. Paris, 1937, № 28, p. 74 (1060 г.).

[73] В литературе, указанной выше, в прим. 43, отмечены 4 печати с греческой надписью «Георгия митрополита Руси и синкелла». Две из них воспроизведены в альбоме Н. П. Лихачева, хранящемся в Ленинградском отделении Института археологии

Мы не располагаем ясными доказательствами в пользу существования митрополии в Переяславле до 1072 г., но есть данные, о чем подробно мы скажем дальше, которые указывают на то, что она была немногим моложе Черниговской. Основание новых митрополий на Руси могло последовать за событиями 1060 г., когда «трие» Ярославичи нанесли тяжелое поражение торкам-узам, угрожавшим также Византии [74]. Не исключено, что Святослав решился на создание собственной митрополии только после распада триумвирата. Подходящим моментом мог быть 1068/69 г., когда Изяслав удалился в Польшу, а в Киеве правил Вячеслав Полоцкий [75]. Устанавливаемое на основе Куаленова списка время учреждения Черниговской митрополии вполне отвечает политической обстановке на Руси в 60-х гг. XI в. К сожалению, не хватает данных, чтобы определить, был ли церковно-политический акт результатом еще одного соглашения между членами триумвирата или результатом его распада. Титулярный характер новоучрежденных митрополий позволяет предполагать, что то был скорее всего византийский почин, осуществленный в период совместной деятельности Ярославичей. Но так или иначе обе митрополии явились продуктом определенной политической обстановки и перестали существовать, когда эта обстановка изменилась.

Черниговская митрополия вернулась в положение рядовой епископии в 80-е гг. XI в. Преемником черниговского митрополита Нифонта был епископ Иоанн, умерший 23 ноября 1111 г. и пролежавший больным, по сообщению летописи, 25 лет. Следовательно, он был поставлен до 1088 г., на что указывают также летописные статьи 1088, 1089 и 1091 гг. Свидетельствуя об участии епископа Иоанна в церковных торжествах в Киеве, эти известия ставят под сомнение сообщение Ипатьевской летописи, что больной епископ «не моги служити и лежа в болести лет 25». Здесь, по-видимому, ошибка переписчика, на что уже указывалось в литературе [76]. Некоторый намек на существование Черниговской, а вместе с тем и Переяславской митрополии в середине 80-х гг. XI в. можно усмотреть в послании митрополита киевского Иоанна II Продрома к антипапе римскому Клименту. В его двух греческих списках XIII и XIV вв. в конце читаем: Προσαγορεύω τὴν ἐν κυρίῳ ἀγάπην ἐγω Ἰωάννης, ὁ ἐλάχιστος μητροπολίτης Ῥωσίας... προσαγορεύουσιν ὑμᾶς μεθ' ἡμῶν καὶ οἱ σὺν ἡμῖν ἁγιωτατοι καὶ θεοφιλέστατοι μητροπολῖται[77]. В синод. рукописи XIV в. (№ 366) находим в греческом тексте вместо митрополитов ἐπίσκοποι; они также и в славянском переводе послания (*целують же вас иже с нами святии боголюбивии епископи*) [78]. Не следует ли, однако, первичным при-

---

(табл. XLV). О митрополитах-синкеллах см. V. G r u m e l. Les métropolites syncelles.— REB, 3, 1945, p. 93—114; A. M i c h e l. Op. cit., p. 33—34.

[74] См. ПСРЛ, I, стб. 163; ПВЛ, I, стр. 109. В то же время византийским владениям на Тавриде начали угрожать половцы. См. М. В. Л е в ч е н к о. Указ. соч., стр. 402—403; А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 77—79, 84. Отсутствие Переяславля в Notitiae episcopatuum ни о чем не свидетельствует. Известны случаи, когда епархии, особенно существовавшие короткое время, не попадали в списки. Ср. H. G. B e c k. Op. cit., S. 148.

[75] ПСРЛ, I, стб. 167—174; ПВЛ, I, стр. 112—116. Ср. М. Н. Т и х о м и р о в. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 82—104.

[76] ПСРЛ, I, стб. 207, 211; II, стб. 199, 202, 273—274. М. Д. П р и с е л к о в. Указ. соч., стр. 293 и Н. Г. Б е р е ж к о в. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 45, 309. В письме, составленном в начале 1097 г., Владимир Мономах, предлагая Олегу Святославичу мир, советовал прислать для переговоров «сол свои или пискупа» (ПВЛ, I, стр. 165). Здесь имелся в виду, несомненно, черниговский архиерей, должно быть в те годы (1096/97) бывший еще в добром здравии.

[77] Издание В. И. Григоровича в «Ученых записках II отд. имп. Академии наук», кн. I, 1854, стр. 20. Разночтения этого издания и афинского издания С. Икономоса 1868 г. (рукопись Патмосская XIV в.) по сравнению с греческим текстом Син. 366 см. в кн.: А. П а в л о в. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 186.

[78] А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 186.

знать чтение μητροπολῖται, исправленное затем и в греческих списках, и в славянских переводах на «епископы»? Дать удовлетворительный ответ на этот вопрос можно только в итоге изучения всего рукописного наследия послания Иоанна II [79]. Здесь можно только отметить, что тогда (т. е. около 1085), несомненно, существовала титулярная Переяславская митрополия, как это будет доказано ниже, и еще мог управлять Черниговской епархией титулярный митрополит Нифонт. О том, что вопрос о Черниговской митрополии воспринимался как эпизод политического характера, свидетельствует позднейшая редакция описания торжеств в честь Бориса и Глеба в 1072 г. в Вышгороде в составе «Повести временных лет», где присутствие Черниговского митрополита просто не отметили. Летописная статья 1072 г. была, несомненно, отредактирована в атмосфере соперничества между Владимиром Мономахом и Святославичами в 1113—1115 гг. за первенство в покровительстве культу святых предков и их вышегородской святыни [80].

Пристального внимания заслуживают летописные известия о Переяславской митрополии. Следует отметить, что, за исключением одного (под 1089 г.), все сообщения Лаврентьевской летописи (под 1091, 1123, 1222 гг.) называют Ефрема епископом. Летописная статья 6598 (1090) г. «Повести временных лет» в редакции, сохранившейся в Ипатьевской летописи, радзивилловском и московском академическом списках, сообщает, что «*священа бысть церкви святого Михаила Переяславлеския Ефремом тоя церкви митрополитом*». Находящееся в Лаврентьевской летописи пояснительное продолжение «*бе бо преже в Переяславли митрополья*» следует признать позднейшей вставкой, выходящей за пределы редакций «Повести временных лет» [81]. В своей реконструкции ПВЛ А. Шахматов признал последний фрагмент вставкой, произведенной на почве переяславского летописания [82]; однако из некоторых его замечаний следует, что первичным признан им текст летописной статьи 1089 г. в Лаврентьевской летописи [83]. В таком случае следовало бы признать, что вся запись о деятельности Ефрема в Переяславле вышла из-под пера выдубицкого игумена Сильвестра (1115/6 г.), как бы предугадывавшего свое близкое поставление на переяславскую кафедру (1 января 1119 г.), а затем в III редакции ПВЛ подверглась сокращениям. Такое предположение маловероятно именно на фоне летописных построений самого А. Шахматова. Иное решение предлагает А. Н. Насонов. В летописной статье 1089/90 г. он видит местную запись при кафедральном переяславском соборе св. Михаила и таким образом целиком выводит ее за пределы всех трех редакций ПВЛ [84].

Против того что запись составлена при переяславской кафедре, ярко свидетельствует оборот летописца о соборе св. Михаила как «*тоя* церкы». Летописную статью 1089/90 г. о деятельности Ефрема следует признать присущей основной (печерской) редакции «Повести временных лет» согласно сохранившейся рукописной традиции. Ефрем был монахом феодосие-

[79] 4 греческих и 38 славяно-русских списков этого послания зарегистрировал Н. Никольский. («Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений». СПб., 1906, стр. 213—216). В просмотренных мною списках, хранящихся в ГИМе [Чуд. корм. XV в. (167); Увар. корм. XV в. (721); Увар. корм. XVI в. (296); Увар. сборн. XVI в. (753); Синод. сборники XVI в. (700, 365)], везде стоит «епископы». По-видимому, так это было осмыслено уже в первоначальном переводе.

[80] ПСРЛ, I, стр. 181—182; II, стр. 171—172. Учитывая иные исправления, предположение о случайном пропуске Нифонта Черниговского следует отклонить. См. подробнее A. P o p p e. Uwagi, III, s. 562—564.

[81] Ср. ПСРЛ, I, стб. 208; II, стб. 200.

[82] См. А. А. Ш а х м а т о в. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 204.

[83] А. А. Ш а х м а т о в. Обозрение русских летописных сводов XIV — XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 29.

[84] А. Н. Н а с о н о в. Об отношении летописания Переяславля Русского к Киевскому (XII в.).—«Проблемы источниковедения», VIII, 1959, стр. 493.

вой обители, и поэтому внимание, уделяемое ему также в сообщениях под 1091 и 1096 гг., несомненно составленных в Печерском монастыре, вполне понятно. Упоминание Ефрема среди епископов в сообщении под 1091 г. [85] не противоречит его высшему титулярному званию; ведь от этого он не переставал быть епископом. Не случайно, однако, в сонме собравшихся епископов он отмечен первым.

Итак, летописное известие от 1089 г. уже в Переяславле, куда попала «Повесть временных лет» (по-видимому, вместе с поставленным туда Сильвестром), была дополнена дальнейшими подробностями, между прочим вполне уместным уже к тому времени пояснением *«бе бо преже в Переяславли митрополья»*. Такой именно стиль обработки киевских материалов был присущ переяславскому летописанию первых десятилетий XII в., что убедительно проиллюстрировал А. Н. Насонов [86].

В итоге следует заключить, что пояснительная вставка, дописанная не ранее 1119 г., имела в виду не вообще когда-то в прошлом существовавшую Переяславскую митрополию (т.е. с конца X в. до 1037 г., как предполагали некоторые исследователи), а митрополию, современную освящению кафедрального собора св. Михаила и его митрополиту Ефрему.

Достоверность двух разновременных, но сведенных в одну статью 1089 г. свидетельств о митрополите и митрополии в Переяславле блестяще подтверждена Нестором в житии Феодосия Печерского: «по сих же пакы Ефрем каженик отиде в Костянтинь град и ту живяше в единомь монастыри, послеже же изведен бысть и в страну сию и поставлен бысть митрополитъмь в городе Переяславли» [87]. Так как Нестор писал до 1088 г. [88], следовательно до этой даты, но уже после 1072 г. Ефрем был поставлен титулярным митрополитом. В получении этого титула для переяславского епископа мог быть заинтересован Всеволод до октября 1078 г., когда он принял после Изяслава киевский стол. С 15 июля 1077 г. он сидел в Чернигове, сохраняя за собою также Переяславль. Так как с 1 января по 15 июля 1077 г. он княжил в Киеве, наиболее правдоподобно предположение, что титул митрополита Ефрем получил после 20 мая 1072 г., но до смерти Святослава, т. е. до 27 декабря 1076 г., либо в период между 15 июля 1077 и 3 октября 1078 [89].

Возникает вопрос, был ли Ефрем единственным епископом переяславским, получившим титул митрополита? 12 ноября 1105 г. епископом переяславским был поставлен Лазарь. До него епископом переяславским, должно быть, был Симеон, мало известный, но упоминаемый в приписке 1150 г. к учредительной грамоте смоленской епископии [90]. Широкая строительная деятельность Ефрема свидетельствует о довольно продолжительном руководстве им переяславской епархией, но одновременно летопись четко отмечает, что первой постройкой был кафедральный

[85] «Собрашася епископи Ефрем Переяславьскыи, Стефан Володимерьскыи, Иоанн Черниговьскыи, Марин Гургевьскыи» (ПСРЛ, I, стб. 211; II, стб. 202).

[86] См. А. Н. Насонов. Указ. соч, стр. 466—494. Не случайно, понятно, под 1118/19 г. только в Лаврентьевской летописи встречаем известие о смерти Лазаря и поставлении Сильвестра. Также тот факт, что освящение Михайловского собора Ефремом писано только в Лаврентьевской летописи киноварью, доказывает, что это, несомненно, машинально сохраненный традицией след переяславского летописания.

[87] «Сборник XII века Московского Успенского Собора», вып. I, изд. А. А. Шахматов и П. А. Лавров. «Чтения ОИДР», 1899, кн. 2, стр. 64. Около 1072 г. Ефрем пребывал еще в монастыре в Константинополе (там же, стр. 67).

[88] Вопреки мнению С. А. Бугославского и следовавшего за ним Л. В. Черепнина, относивших составление жития Феодосия Печерского к началу XII в., мы разделяем мнение А. А. Шахматова, датировавшего этот памятник 80-ми годами XI в. Подробное обоснование см. А. Poppe. Chronologia utworów Nestora-hagiografa,—«Slavia Orientalis». R. XIV, 1965, № 3, s. 287—305.

[89] См. ПСРЛ, I, стб. 199—204; II, стб. 190—195.

[90] Памятники русского права, II, изд. А. Зимин. М., 1953, стр. 43. См. также Я. Н. Щапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.—«Археографический ежегодник за 1962 г.». М., 1963, стр. 44 сл.

собор св. Михаила, освященный в 1089 г. Строительство этого храма значительных размеров требовало 4—7 лет, лишь в силу исключительных обстоятельств оно могло длиться дольше. Как Нестор, так и время создания храма достаточно убедительно свидетельствуют о пребывании Ефрема на переяславской кафедре в течение 80-х гг. XI в. 14 августа 1091 г. Ефрем возглавлял торжественное перенесение раки с мощами Феодосия Печерского в печерский собор Богородицы. После 1094 г., когда Владимир Мономах сел в Переяславле, они совместно (вероятнее всего, после 1096 г.) поставили церковь Богородицы в Суздале [91]. Упоминание о Ефреме в ПВЛ под 1096 г. (в записи, несомненно, современной событиям, без титула, с непосредственностью, проявляемой обычно автором, пишущим о живых и хорошо знакомых лицах) свидетельствует, что переяславский иерарх все еще здравствовал [92]. Ведь в 90-х годах (т. е. после 1089 г.) он в самом Переяславле успел поставить еще две церкви, каменные термы и «град бе заложил камен».

Итак, умерший ок. 1100 г. Ефрем был последним переяславским митрополитом. Нельзя, понятно, исключить, что Ефрем при жизни утратил право на титул митрополита, т. к. кроме пожизненных были также пожалования титулов на определенный срок [93]. Но на основании того, что летопись в 1089 г. называет Ефрема митрополитом, а в 1091 г. числит его епископом, было бы рискованно делать заключение об истечении срока, на который был пожалован титул кормчему переяславской кафедры. Так или иначе, это была также титулярная митрополия, и ее упразднение наступило самое позднее со смертью Ефрема.

Когда к середине 80-х годов XI в. со смертью Неофита прекратила свое существование Черниговская митрополия, вопрос о ее возобновлении, пожалуй, и не ставился, так как Всеволод, после того как в 1078 г. «переемь всю власть рускую», отнюдь не был в этом заинтересован. Нельзя также не учесть того, что киевскому митрополиту было наруку упразднение появившихся митрополий, которые, хотя и были титулярными, могли стать опасными конкурентами, как это показала развернувшаяся в 80-х годах борьба митрополита анкирского за возвращение ему власти над Василийской епархией. В 1084 г. патриархом было предложено компромиссное решение — оставить за Константинопольской патриархией лишь те митрополии, которыми она владела не менее 30 лет, остальные же после смерти лично возведенных в митрополиты или по истечении срока, на который был пожалован титул, должны были вернуться к своим прежним митрополиям. Император продолжал вершить распределением церковных степеней и титулов, но жаловал в митрополиты только по собственному почину и в связи с вескими обстоятельствами. Посредничество и искание со стороны заинтересованных исклю-

[91] ПСРЛ, I, стб. 445. Так с основанием датирует суздальскую Богородицу Н. Н. Воронин («Зодчество Северо-Восточной Руси», т. I. М., 1961, стр. 27). Если учесть, что церковь Богородицы в принадлежавшем Переяславлю Смоленске поставил в 1101 Владимир Мономах (ПСРЛ, II, стб. 250) совместно, как указывает смоленская запись 1150 г., с епископом переяславским Симеоном, тогда 1100 г. следует признать terminus post quem non заложения храма Богородицы суздальской. Суздаль, судя по епархиальным рубежам второй половины XII в., принадлежал к епископии ростовской, основанной ок. 1070 г., но, по-видимому, прекратившей свое существование до восстановления к середине XII в. (см. М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 291—3). Быть может, в XI в. в Ростове не была учреждена епископия, а был только епископ-миссионер? Во всяком случае Ростово-Суздальская земля при Всеволоде и при Владимире Мономахе входила в состав Переяславского княжества. И в 90-е годы Суздаль, несомненно, был подчинен Переяславской епархии. Сомнения Е. Голубинского (указ. соч., I-1 пол., стр. 203) и в последнее время Л. Мюллера (L. Müller. Zum Problem..., S. 25) в отношении тождественности Ефрема «суздальского» с переяславским необоснованы, как показал Н. Н. Воронин («Политическая легенда в Киево-Печерском патерике».— ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 96—102).

[92] ПСРЛ, I, стб. 238.

[93] F. Dölger. Op. cit., N 1135.

чались [94]. Не имелось никаких препятствий к проведению этих постановлений в жизнь и на Руси, где этот вопрос решался князем «всея Руси» по согласованию с киевским же митрополитом. Всеволод, несомненно, не был заинтересован в продолжении существования митрополий, отражавших соотношение сил, изменившееся вместе со смертью его братьев. Поэтому митрополит Киевский, имея поддержку князя, мог не опасаться, что его права, подтвержденные синодальными решениями 1084—1087 гг., будут нарушены. Когда в 80-х годах XI столетия при митрополите Иоанне II Продроме умер митрополит черниговский, поставление на его место епископа подчеркнуло временный, связанный с лицом, а не с кафедрой, характер титула. Этому же принципу следовали после и по отношению к переяславской кафедре. Две эфемерные титулярные митрополии прекратили свое существование. Для истории церкви на Руси это был незначительный, не имевший последствий эпизод. Но для понимания внутренней и внешней политики Древнерусского государства второй половины XI в. выявление сосуществования наряду с Киевской митрополией двух автокефальных епархий имеет первостепенное значение [95].

Юрисдикция Киевской митрополии в конце XI в. вновь распространилась на всю Русь. Быть может, около этого времени в титулатуре киевского иерарха впервые появляется определение, называющее его митрополитом «всея Руси» — πάσης Ῥωσίας [96].

Возникает вопрос, имел ли Ефрем переяславский предшественника с таким же титулом? Так как после смерти Изяслава 3 октября 1078 г. Всеволод не был заинтересован в поставлении переяславского митрополита, следует полагать, что Ефрем был поставлен до этой даты. С другой стороны, трудно предположить, что именно Ефрем мог стать митрополитом во владениях Всеволода до 15 июля 1077 г., ибо до этого времени, начиная с 1073 г., отношения между Всеволодом и Изяславом были не особенно дружественными. Если имеет значение, что Ефрем был до монашества мажордомом Изяслава, а Печерский монастырь к тому же в спорах между Ярославичами явно сочувствовал сеньору, то поставление Ефрема могло произойти скорее всего в 1077/1078 гг., когда Изяслав и Всеволод стали снова совместно вершить делами русской земли. Ответ же на вопрос, был ли у Ефрема предшественник, подсказывает заголовок послания об опресноках, к разбору которого мы далее перейдем.

Продолжение следует

---

[94] F. Dölger. Op. cit., № 1117, 1135, 1140; V. Grumel. Op. cit., № 934, 938, 943. Ср. Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 29—30; H. G. Beck. Op. cit., S. 162.

[95] Так, например, подлежит пересмотру взгляд на византийско-русские отношения в XI в., сложившийся в первую очередь на основании гипотезы М. Д. Приселкова (указ. соч., стр. 141 сл.) об антивизантийской направленности политики Святослава Черниговского. См., например, «Очерки истории СССР». X—XIII вв. М., 1953, стр. 183 сл.

[96] К сожалению, остается сомнительным, которому митрополиту Нифонту (I, стоявшему во главе русской церкви в 1104—1121 г., или II, бывшему митрополитом в 1181—1198 гг.) принадлежит печать с титулом πομεναρχην Ῥωσιας πάσης. См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, вып. II, Л., 1930], стр. 3; A. V. Soloviev. Metropolitensiegel des Kiewer Russland.— BZ, LV, 1962, S. 293, 297. Типологически, как отметил Н. П. Лихачев, печать с равным успехом может быть отнесена к началу XII в., но и он, и А. Соловьев, а также В. Л. Янин склоняются к тому, чтобы приписать ее Нифонту II. Еще более сложен вопрос атрибуции печати митрополита Иоанна τῆς πασης Ῥωσίας (по предложению А. Соловьева следует читать τῶν παντων Ῥῶς). Н. П. Лихачев отказывался от датировки печати (указ. соч., стр. 12); А. Соловьев же первоначально (op. cit., S. 294) высказался в пользу Иоанна II (1077—1089), но затем решил приписать эту печать Иоанну IV (1164—1166). См. A. Soloviev. Zu den Metropolitensiegeln des Kiewer Russland.— BZ, LVI, 1963, S. 317—319. Можно здесь добавить, что митрополиту Иоанну II трудно было бы применять по отношению к себе выражение «всея Руси», так как еще в 1089 г. Ефрем был переяславским митрополитом. Это выражение скорее мог употребить Иоанн III, если предположить, что к этому времени (1090/91 гг.) истекло право Ефрема пользоваться титулом митрополита. Все это, разумеется, догадки, и потому настоятельной становится необходимость разработки точных критериев датировки печатей.

Н. А. КАЗАКОВА

ВОПРОС О ПРИЧИНАХ ОСУЖДЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

В 1518 г. с Афона в Москву приехал Максим Грек, ученый греческий монах, вызванный для перевода богослужебных книг. Благодаря своей переводческой и публицистической деятельности Максим Грек сразу занял видное место в культурной жизни русской столицы. Но вскоре его постигла опала. В 1525 и 1531 гг. состоялись два собора против Максима Грека. Он был обвинен в отступлении от православия, враждебности своей новой родине, изменнических сношениях с Турцией и брошен в заточение, из которого вышел уже глубоким стариком.

Естественно, все исследователи жизни и творчества Максима Грека касались в той или иной степени и суда над ним. В русской историографии конца XVIII — начала XIX в., не располагавшей еще материалами процессов Максима Грека, было распространено основанное на известиях публицистических источников мнение о том, что причиной опалы Максима Грека являлось его противодействие разводу и второму браку Василия III [1]. После опубликования в 1847 г. судного списка Максима Грека исследователи при решении вопроса о причинах его осуждения стали опираться на данные этого источника. Наиболее полно высказывались по вопросу об осуждении Максима Грека Макарий, В. С. Иконников, Е. Е. Голубинский, Б. И. Дунаев, В. Ф. Ржига, И. Денисов, И. И. Смирнов, И. Б. Греков [2].

Макария, как представителя воинствующих церковников, интересовали прежде всего религиозно-догматические «вины» Максима. Поэтому, не отрицая справедливости политических обвинений по адресу Максима, акцент он делал на виновности его в еретических заблуждениях [3].

В. С. Иконникова больше занимали политические «вины» Максима Грека. Указывая на связи с опальными боярами как на одну из причин его обвинения, В. С. Иконников по поводу обвинения Максима в сношениях с Турцией писал: «Конечно, теперь трудно утверждать, насколько верны обвинения его в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветою — в этом едва ли можно сомневаться». Причиной этих сношений являлось, по мнению В. С. Иконникова, стремление Максима спровоцировать войну России с Турцией, чтобы таким образом добиться освобождения Греции. Не приписывая Максиму Греку еретических убеждений, как это делал Макарий,

[1] См., например, М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. V, ч. 1. СПб., 1786, стр. 2—3, прим. 1.

[2] Не давая развернутого историографического обзора, мы останавливаемся кратко лишь на важнейших точках зрения.

[3] Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1887, стр. 177—196.

В. С. Иконников полагает, однако, что повод к обвинению в таковых могли дать имевшиеся в переводах Максима неточности и описки. Существенную роль в исходе процессов сыграла и полемика Максима против вотчинных прав церкви [4]. Таким образом, не становясь на точку зрения обвинителей и учитывая тенденциозность судебного обвинения, В. С. Иконников признает тем не менее обоснованность (в той или иной степени) его основных пунктов и в совокупности их усматривает причину рокового для Максима Грека исхода суда.

Несколько в ином плане занимались судебными процессами против Максима Б. И. Дунаев и И. И. Смирнов. Они сосредоточили свое внимание на рассмотрении лишь одного пункта обвинения — об измене Максима государственным интересам России. Хотя оба исследователя решали этот вопрос в положительном для обвинения смысле, но каждый из них давал свою собственную трактовку причин, приведших Максима к конспиративным и враждебным России сношениям с Турцией. Б. И. Дунаев усматривал их в преданности Максима «греческой идее» — идее освобождения Греции от турецкого ига посредством войны между Турцией и Россией (по мысли Б. И. Дунаева, Максим Грек посылал турецкому правительству информацию, имевшую целью провоцирование этой войны) [5]. И. И. Смирнов объяснял сношения Максима с Турцией выполнением Максимом заданий турецкого правительства, у которого он состоял на агентурной службе. Измена Максима Грека государственным интересам России была обусловлена, по мнению И. И. Смирнова, его принадлежностью к реакционной боярской оппозиции [6]. К трактовке И. И. Смирнова присоединился и И. Б. Греков [7].

В зарубежной исторической литературе последних десятилетий своеобразный, хотя и близкий к точке зрения Б. И. Дунаева, взгляд на причины осуждения Максима Грека высказал И. Денисов. В представлении И. Денисова Максим Грек — не просто представитель партии греческих патриотов, стремившихся на свой страх и риск вызвать войну между Турцией и Россией с целью освобождения Греции (как это думал Б. И. Дунаев), а специальный эмиссар константинопольского патриарха, имевший задание не только спровоцировать русско-турецкую войну, но и добиться признания русской церковью своей прежней зависимости от патриарха. В Москве греческая идея должна была вступить в конфликт с нарождающимся панславизмом. Жертвой этого конфликта и пал Максим Грек [8].

Несмотря на различие точек зрения, работы всех названных авторов сближает одна черта: признание достоверности (порою с некоторыми оговорками) данных судного списка Максима Грека и, в частности, содержащихся в нем обвинений.

С других позиций подходил к оценке материалов обвинения Е. Голубинский. Прежде всего он высказал мнение о том, что судный список Максима Грека, который в исторической литературе принято считать памятником официального происхождения, на самом деле не является таковым. Отмечая тенденциозность и неполноту судного списка, Е. Голубинский полагает, что судный список представляет собою «не официальные протоколы производства суда на соборах, а чьи-то частные исторические о них записки, как будто всего вероятнее принадлежащие самому

---

[4] В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 455—490.

[5] Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916.

[6] И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком.— ВИ, 1946, № 2—3, стр. 118—126.

[7] И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963, стр. 283—287.

[8] E. Denissoff. Maxim le Grec et l'occident. Paris — Louvain, 1943, p. 329—331, 368—371.

митрополиту Даниилу». К обвинениям, предъявленным Максиму Греку, Е. Голубинский также относится крайне скептически. Обвинение в ереси он считает результатом тенденциозности следствия и суда, использовавших имевшиеся в переводах Максима Грека погрешности в русском языке и описки. Что касается обвинения Максима Грека в сношениях с турецким султаном и подстрекательстве его к войне с Россией, то повод к нему, по мнению Е. Голубинского, подала, вероятно, «какая-нибудь нелепая клевета», за которую ухватились устроители суда, стремившиеся к осуждению Максима. Истинная «вина Максима, в которой было все дело» и которая обусловила и предание его суду и исход суда, заключалась, с точки зрения Е. Голубинского, в полемике Максима Грека против вотчинных прав монастырей [9].

Вопроса о справедливости обвинения Максима Грека в государственной измене касается В. Ф. Ржига в своем исследовании, посвященном анализу публицистического наследия Максима Грека. Этот вопрос В. Ф. Ржига рассматривает в связи с характеристикой взглядов Максима Грека на внешнюю политику России. Указывая, что «устойчивый национальный (греческий.— *Н. К.*) облик Максима... мог приводить его к столкновению с отдельными чисто-русскими тенденциями как в сфере церковных отношений, так и в области внешней политики», В. Ф. Ржига подчеркивает вместе с тем, что эти столкновения не исключали глубокой преданности Максима Грека России, засвидетельствованной всем его творчеством. Вслед за Е. Голубинским обвинение Максима во враждебных России сношениях с Турцией В. Ф. Ржига считает клеветой, повод к которой, вероятно, дало отрицательное отношение Максима к идее русско-турецкого союза [10]. Новым у В. Ф. Ржиги по сравнению с его предшественниками является широкое привлечение публицистического наследия Максима Грека для проверки материалов его судного дела. К сожалению, этот важный и весьма плодотворный прием В. Ф. Ржига использовал применительно к одному специально интересовавшему его пункту обвинения. Анализ судебных процессов Максима Грека в целом, так же, как и анализ его судного дела, в работе В. Ф. Ржиги отсутствует.

Спорность в научной литературе вопроса о причинах осуждения Максима Грека объясняется, как нам кажется, в значительной мере тем, что ни в одной из рассмотренных нами работ не был осуществлен всесторонний анализ источников, освещающих судебные процессы Максима Грека. Выяснение на основе такого анализа причин осуждения Максима Грека и составляет цель данной статьи.

* * *

Опалы Максима Грека и его судебных процессов касается в той или иной связи ряд источников — произведения публицистики, летописи, судебно-следственные материалы. Из публицистических источников об осуждении Максима Грека сообщают «История о великом князе московском» Курбского, «Выпись о втором браке Василия III» неизвестного автора, а также «Сказания о Максиме Греке».

Курбский, рассказав о разводе и втором браке Василия III, о противодействии этому «беззаконию» со стороны многих «святых и преподобных», о заточении и смерти Вассиана Патрикеева [11], сосланного в Иосифо-Волоколамский монастырь за осуждение поступков великого князя,

---

[9] Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 711—726.

[10] В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 86—95.

[11] Вассиан Патрикеев — видный публицист и глава нестяжателей, близкий Максиму Греку.

добавляет: «И других святых мужей, овых заточил на смерть (от них же един, Максим философ, о нем же напреди повем), а других погубити повелел, их же имена зде оставлю» [12].

Автор «Выписи о втором браке» пишет, что на соборе против Вассиана, созванном из-за его противодействия намерению Василия III развестись с первой женой и вступить во второй брак, архимандрит Чудова монастыря Иона, выступивший в качестве свидетеля, показал, что жившие в этом монастыре Максим и Савва Святогорцы и «дописец» Михаил Медоварцев «по своему изволению» с согласия Вассиана переводили книги, за что они подлежат преданию соборному суду. По решению собора Вассиан был сослан в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь, Максим в Тверь, Савва в Зосимин монастырь, Селиван (чернец, помогавший в переводах) в Соловки, Михаил Медоварцев в Коломну. «Се же конец предложению вины их,— пишет автор «Выписи»,—заради того, чтобы изложения и обличения их не было при совокуплении брака» [13].

«Сказания о Максиме Греке», сообщая о его заточении и страданиях, причиной его опалы называют обычно «наваждение» сатаны или клевету [14]. Лишь в позднейшем «Житии» Максима Грека, составленном в XVIII в. купцом старообрядцем Моховиковым [15], излагается та же версия о причинах осуждения Максима Грека, что и в «Выписи о втором браке Василия III». Издатель «Жития» С. Белокуров справедливо подметил, что версии обоих памятников совпадают дословно [16]. Следовательно, составитель «Жигия» Моховиков рассказ об осуждении Максима и Вассиана из-за их противодействия второму браку Василия III заимствовал из «Выписи».

Н. М. Карамзин в «Примечаниях» к «Истории государства Российского», касаясь вопроса о суде над Максимом Греком, ссылается, помимо «Выписи о втором браке», на известия «Хронографа» из собрания Толстого. Судя по приведенной Н. М. Карамзиным цитате о ссылке Вассиана в Иосифо-Волоколамский монастырь, Максима в Тверь, Саввы в Зосимин монастырь, Селивана в Соловки, Михаила Медоварцева в Коломну [17], составитель «Хронографа» пользовался «Выписью о втором браке».

Таким образом, если отбросить известия «Жития» Максима, составленного Моховиковым, и «Хронографа» Толстовского собрания, как восходящие к «Выписи о втором браке», то окажется, что версию об опале Вассиана и Максима из-за отрицательного отношения их ко второму браку великого князя содержат лишь два памятника — «Выпись о втором браке» и «Сказание о великом князе московском».

В монографии, посвященной Вассиану Патрикееву, мы отметили недостоверность рассматриваемой версии применительно к Вассиану: по сообщению обоих памятников Вассиан был осужден за противодействие второму браку Василия III, а между тем актовые материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что в 1526 г., уже после женитьбы Василия III на Елене Глинской (1525 г.), Вассиан продолжал занимать влиятельное положение и пользоваться расположением великого князя; предан суду он был лишь в 1531 г. по обвинению в ереси и «обличении» вотчинных прав монастырей. Версия об осуждении Вассиана за противодействие второму браку Василия III, читаемая в «Сказании о великом

---

[12] РИБ, т. XXXI, 1914, стб. 162—165.

[13] ЧОИДР, № 8, 1847, стр. 1—4.

[14] С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. IV, V, IX, XV и др.

[15] E. Denissoff. Op. cit., p. 47—53.

[16] С. Белокуров. Указ. соч., стр. XV и прим.

[17] Н. М. Карамзин. История государства российского, т. VII. СПб., 1842. Примечания, стб. 52, прим. 343. При просмотре хронографов Толстовского собрания «Хронограф» с известием о суде над Максимом Греком нам найти не удалось.

князе московском» Курбского и в «Выписи о втором браке» (публицистических произведениях, проникнутых резкой враждебностью по отношению к Ивану IV), возникла, вероятно, во второй половине XVI в. (этим временем и датируются оба памятника). Создана она была, очевидно, в кругах, оппозиционных Ивану IV, с целью очернить обстоятельства рождения великого князя, рассказав о страданиях, которые принесло выдающимся деятелям законопреступное бракосочетание его родителей [18].

Но если рассматриваемая версия недостоверна по отношению к Вассиану, которого оба памятника называют главным противником второго брака Василия III, то тем более она недостоверна по отношению к Максиму, о противодействии которого новому браку великого князя прямо в этих памятниках и не говорится. Как мы уже указывали, Курбский после рассказа о противодействии Вассиана и его заточении сообщает об опале других «святых мужей», в том числе и Максима, не называя причин опалы. Только из контекста всего рассказа можно заключить, что опала Максима последовала из-за его оппозиции действиям великого князя; что касается «Выписи», то, согласно ее тексту, Максим был предан суду по обвинению в произвольных переводах. Лишь из фразы, следующей за изложением приговора, в которой говорится о том, что приговор был продиктован стремлением избежать при вторичном бракосочетании великого князя обличений со стороны осужденных, вытекает, что все они, в том числе и Максим Грек, отрицательно относились к намерениям великого князя. Но и в этой фразе о противодействии Максима говорится как о факте возможном, а отнюдь не свершившемся. Все это позволяет думать, что версия об осуждении Вассиана за его противодействие второму браку Василия III, созданная в оппозиционных Ивану IV кругах с целью его дискредитации, была распространена на Максима Грека в тех же самых целях (подчеркнуть, как много видных лиц пострадало из-за законопреступного брака, результатом которого было рождение «грабителя» и «лютости» — так называют Ивана IV автор «Выписи» и Курбский).

Из летописей сведения о суде над Максимом Греком содержат лишь две: Типографская и Вологодско-Пермская. Кроме того, рассказ о процессе Максима Грека имеется в летописце Пафнутьева Боровского монастыря. Поскольку последний будет дальше предметом нашего специального разбора [19], мы сейчас останавливаться на нем не будем. Что касается известий Типографской и Вологодско-Пермской летописей, то они чрезвычайно лаконичны. В Типографской летописи сообщается о созыве великим князем совместно с митрополитом собора против Максима и Саввы [20], об «обыскании» на соборе «их вины» и последующей ссылке Максима в Иосифов, а Саввы в Возмищенский монастырь; вслед за этим указывается, что «того же месяца» и «в том же деле» великий князь «опалился» на Берсеня Беклемишева и предал его и дьяка Федора Жареного казни [21]. Известия Вологодско-Пермской летописи еще лаконичнее: в ней отмечаются лишь факты казней Беклемишева и Жареного и ссылки Максима и Саввы в монастыри [22].

Новое о характере дела Максима Грека, заключающееся в известиях Типографской и Вологодско-Пермской летописей, состоит в указании первой на связь между делом Максима Грека и делом Берсеня Беклемишева, казненного за враждебное отношение к политике великого кня-

---

[18] Подробнее об этом см. Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 68—72.

[19] См. окончание статьи в следующем томе.

[20] Савва — греческий монах, прибывший в Москву вместе с Максимом Греком.

[21] ПСРЛ, т. XXIV, стб. 222.

[22] Там же, т. XXVI, стб. 352.

зя. Никаких других сведений о сути дела Максима Грека и причинах его опалы эти летописи не дают. Лаконичность известий Типографской и Вологодско-Пермской летописей, а также отсутствие упоминаний об осуждении Максима Грека в других летописях, надо думать, были не случайны: по-видимому, процессы Максима Грека были связаны с обстоятельствами, предание которых гласности для правительственных кругов являлось нежелательным (в противном случае умолчание об этом официальных и полуофициальных летописных сводов, фиксировавших все сколько-нибудь значительные события политической жизни, просто непонятно).

Из судебно-следственных источников некоторый материал для понимания процессов Максима Грека дает отрывок следственного дела Берсеня Беклемишева и Федора Жареного, содержащий запись допроса обоих подследственных, а также допроса Максима Грека и его келейника Афанасия. Отрывок этот, ныне хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 52, б/н) [23], состоит из двух параллельных, но не вполне совпадающих текстов. Анализ их явился предметом специальной статьи С. Н. Чернова [24]. Отметив, что первый, более обширный, текст целиком включает в свой состав второй, более краткий, С. Н. Чернов подробно разбирает имеющуюся в рукописи правку, принадлежавшую, по его мнению, следователям, характеризует их отношение к допрашиваемым и позиции последних. Сохранившийся отрывок важен, так как он раскрывает мировоззрение подследственных и проливает тем самым свет на характер связи между делом Берсеня Беклемишева и делом Максима Грека, о которой лишь глухо упоминает Типографская летопись.

Как мы видим, ни один из названных источников, упоминающих в той или иной связи об опале Максима Грека, не освещает его судебных процессов. Картину их рисует лишь памятник, изданный в 1847 г. О. М. Бодянским под названием «Список с суднаго списка. Прение Данила, митрополита московскаго и всеа Руси, со иноком Максимом Святогорцем» [25].

Судный список Максима Грека (мы будем пользоваться этим названием, поскольку оно сохранилось в рукописной традиции) состоит из двух отрывков, освещающих заседания соборов 1525 и 1531 гг. Первый отрывок содержит известия о «хулах» Максима Грека, о созыве против него собора в 1525 г. и запись начальной части допроса Максима, которая включает вопрос митрополита о «хульном» учении Максима о сидении Христа одесную отца, ответ на него Максима и подборку текстов «от божественных писаний», зачитанную в опровержение «хулы» Максима. На одной из цитат подборки обрывается текст отрывка.

Отрывок, освещающий заседания собора 1531 г., полнее. Он начинается с вступления, излагающего мотивы, обусловившие предание Максима вторичному суду: сосланный после собора 1525 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь для исправления и покаяния с запрещением писать, учить и переписываться с кем-либо, Максим Грек не только «покаяния и исправления не показаваше», но и «неповинна во всем себе глаголаше, и отреченная мудрствоваша, и послания писаша». Поэтому освященный собор и великий князь, рассмотрев «не токмо необратный его нрав, но еще хулы его прибылые новейшая», решили предать его новому суду.

---

[23] Отрывок издавался дважды: в «Актах археографической экспедиции» (далее, ААЭ), т. I. СПб., 1836, № 172, стр. 141—145 и в «Сборнике князя Оболенского», № 3, 1838, стр. 1—15. В «Сборнике князя Оболенского» отмечена правка, имеющаяся в рукописи.

[24] С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека.—«Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474.

[25] ЧОИДР, № 7, Отдел II, 1847, стр. 1—13.

В следующей за вступлением обвинительной речи митрополита развивается та же тема — о преступном поведении Максима, но в еще более широком диапазоне: обзор его «вин» дается с момента приезда на Русь. Речь митрополита начинается с показа вопиющего контраста между милостью, проявленной великим князем по отношению к прибывшим с Афона монахам, Максиму Греку и Савве, и их черной неблагодарностью, которая выражалась: 1) в сношениях с Турцией и стремлении поднять турецкого султана на войну с Россией, 2) в резких отзывах о великом князе, 3) в осуждении поставления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха, 4) в колдовстве и волховании, 5) в ложном учении о сидении Христа одесную отца, 6) в критике вотчинных прав монастырей и церквей, 7) в отрицании святости русских чудотворцев из-за их стяжательской деятельности. Из-за всех тех «хул» и из-за иных, заключает митрополит перечень проступков Максима, были многие соборы, в результате которых он был приговорен к ссылке в Иосифо-Волоколамский монастырь. Затем митрополит повторяет с некоторыми новыми вариантами основной мотив вступления к соборному разбирательству — непокаяние и неисправление Максима и нарушение им приговора собора 1525 г. Заканчивает митрополит свою речь словами: «А ныне на тебя богохульныя вины многия явилися», которые как бы образуют переход к последующему допросу Максима.

Первая часть допроса Максима касалась, как это явствует из завершающей речь митрополита фразы, «ныне явившихся», т. е. вновь обнаруженных «богохульных вин» Максима. Они заключались в «хульных строках» — искажениях, допущенных в переводе Максимом Жития Богородицы Метафраста, и «заглаживании» — пропусках отдельных мест в переведенных Максимом богослужебных книгах. По этим пунктам обвинения был допрошен ряд свидетелей — помощники Максима Грека по переводам, Михаил Медоварцев и старец Троицкого монастыря Селиван, Вассиан Патрикеев, которому после приезда Максима Грека на Русь был поручен надзор за его переводческой деятельностью, а также чернец Чудовского монастыря Вассиан Рушанин, занимавшийся правкой книг по поручению Вассиана Патрикеева. В ходе допроса митрополит обращался с вопросами к Досифею, епископу Крутицкому.

Досифей играл чрезвычайно активную роль на процессе: он был не только одним из главных свидетелей обвинения, но и правой рукой митрополита. В частности, Досифею митрополит поручил вторую часть допроса Максима — о «хулах прежних соборов, что было взысканое и соборы на Максима и на Саву у великаго князя на дворе, в полате, таже потом соборы многие были у митрополита, в полате его, лета 7033, на того Максима о тех хулах, о иных, которые прибыли, и взыскавшеся месяца апреля и месяца майя». Таким образом, из слов митрополита, как они изложены в судном списке, следует, что Досифею был поручен передопрос Максима по обвинениям, которые служили предметом разбирательства на соборных заседаниях 1525 г.

Сохранившаяся часть передопроса, сделанного Досифеем, включает восемь пунктов. Шесть пунктов из восьми — религиозно-догматического порядка: они касались отступлений от канонов в переводах Максима и его «хульных» учений, два — церковно-политического характера: они заключались в указании на осуждение Максимом русских богослужебных книг и независимости русской церкви от константинопольского патриарха. На ответах Максима Грека на вопросы Досифея, в частности, на ответе на вопрос об отношении к независимости русской церкви, обрывается текст второго отрывка, освещающего деятельность собора 1531 г.

Обзор источников, касающихся опалы и судебных процессов Максима Грека, показывает, что важнейшим из них является, несмотря на дефектность сохранившегося текста, судный список. Поэтому тщательный

источниковедческий анализ судного списка составляет необходимую предпосылку рассмотрения вопроса о причинах осуждения Максима Грека.

В литературе известны четыре списка судного списка Максима Грека. Один из них — из сборника Погодинского собрания № 1597, датируемого первой половиной XVII в. [26], издан О. М. Бодянским. Три других списка XIX в. находятся в сборнике № 831 собрания Уварова (ГИМ), в сборнике № 75 собрания Хлудова (ГИМ) и в 30-м картоне собрания кн. Оболенского (ЦГАДА, ф. 201, № 426). Научную ценность представляет только Погодинский список, так как список Оболенского является его копией, а списки Уваровский и Хлудовский — копиями издания О. М. Бодянского. Однако Погодинский список имеет большие дефекты: в середине текста пропущена большая часть судебного разбирательства на соборе 1525 г. и приговор собора, в конце — приговор собора 1531 г. и, возможно, какая-то часть судебного разбирательства на этом соборе. С. Н. Чернов высказал предположение, что в распоряжении переписчика Погодинского сборника находился уже дефектный экземпляр судного списка: трудно предположить, чтобы переписчик, имевший перед собой полный текст, мог сделать столь значительные пропуски [27].

Предположение С. Н. Чернова подтверждается обнаружением еще одного, ранее неизвестного в литературе, «списка судного списка» Максима Грека. Этот список, находящийся в сборнике № 2736 собрания Барсова (ГИМ), датируемом началом XVIII в. [28], представляет интерес как в силу своей относительной древности, так и благодаря имеющимся в нем разночтениям.

Разночтения Барсовского списка двух типов. К первому относятся разночтения, заключающиеся в наличии в Барсовском списке слов и частей фраз, несомненно имевшихся в архетипе, но отсутствующих в Погодинском списке. Например, в Барсовском списке во вступлении к деяниям собора 1525 г. читается: «В том же соборе был и сам князь великий Василий Ивановичь всеа Руси и со отцем своим Даниилом, митрополитом всеа Русии, и з братиею своею, со князем Юрьем и со князем Андреем, и со архиепископы, и епископы...» (л. 98); в Погодинском списке слова: «и со отцом своим Даниилом, митрополитом всеа Русии» отсутствуют (л. 19, стр. 1 изд.). Встречаются и обратные случаи — пропуски в Барсовском списке.

---

[26] Погодинский сборник, хранящийся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, включает три памятника, объединенные интересом к Максиму Греку: 1) Выпись о втором браке Василия III, 2) Список судного списка Максима Грека, 3) Речь Ивана IV к Максиму Греку (Максим Грек в качестве адресата назван ошибочно, на самом деле речь обращена к Яну Роките). О. М. Бодянский, впервые описавший сборник, датировал его по почерку XVI или XVII столетием (ЧОИДР, № 7, отдел II, стр. III). А. Ф. Бычков склонялся к XVI в. (А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Петроградской публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 75). С. Н. Чернов полагал, что по почерку и водяным знакам, соответствия которых с датированным материалом Н. П. Лихачева и К. Брике он, однако, не устанавливал, сборник относится ко времени не ранее 40-х гг. XVII в. и что «осторожнее отодвигать время его написания ко второй половине XVII в.» (С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком.— «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 55—56). Нам кажется, что водяные знаки сборника позволяют датировать его первой половиной XVII в. (первый знак — сдвоенное «С», пересеченное лотарингским крестом под короной, у Н. П. Лихачева №№ 3062, 3072—1602, 1607 гг.; второй знак — голова шута в двух вариантах: один с воротником с пятью бубенцами, у Н. П. Лихачева № 2911 из рукописи Александро-Невской летописи первой половины XVII в., другой — с воротником с четырьмя бубенцами, в справочниках не обнаружен; третий знак — щит или герб неясного рисунка). Этой датировке не противоречат и данные почерка.

[27] С. Н. Чернов. К ученым несогласиям..., стр. 52—53.

[28] Описание сборника, включающего статьи религиозно-нравственного характера, имеется в неизданном описании Барсовского собрания, находящемся в Рукописном отделе ГИМ'а. Датировка, указанная в описании, подтверждается водяными знаками (герб Амстердама).

Ко второму типу разночтений относятся различные написания одних и тех же слов. Так, например, в Погодинском списке во вступлении к судебному разбирательству на соборе 1531 г. указывается, что члены собора «изобретоша ко многим прежним хулам» Максима Грека «новейшие хулы» (лл. 36 об.—37, стр. 4 изд.), в Барсовском списке вместо «изобретоша» читается «обретоша» (л. 109 об.); в Погодинском списке в числе ересей, в которых обвинялся Максим Грек, указывается ересь «изстленномнительная» (л. 45 об., стр. 7 изд.), в Барсовском списке она названа «нетленномнительной» (л. 119 об.), что, несомненно, правильно, ибо суть этой ереси заключалась в признании вопреки ортодоксальному учению нетленности плоти Христа [29]. Не умножая примеров, отметим, что оба типа разночтений свидетельствуют о том, что Барсовский список нельзя возводить к Погодинскому: он представляет собой независимую от последнего линию истории текста судного списка.

Но, различаясь по ряду чтений, Барсовский и Погодинский списки имеют весьма существенные, свойственные им обоим особенности. Барсовский список так же, как и Погодинский, дефектен, причем его дефекты аналогичны дефектам Погодинского списка: в нем имеются те же пропуски и те же обрывы текста, что и в Погодинском списке. А это означает, что оба списка, несмотря на наличие разночтений, восходят к одному архетипу и что этот архетип, как и полагал С. Н. Чернов, говоря о предшественнике Погодинского списка, представлял собой дефектный экземпляр (что касается разночтений, имеющихся в Погодинском и Барсовском списках, то они могли возникнуть либо в промежуточных между этими списками и архетипом звеньях, если таковые звенья имелись, либо, в случае отсутствия их, при переписке списков непосредственно с архетипа).

К какому же типу исторических источников принадлежал архетип сохранившихся списков судного списка Максима Грека? Поскольку в рукописной традиции памятник известен под названием судного списка, постольку для ответа на поставленный вопрос мы должны выяснить, в какой мере он обладает признаками, типичными для судных списков того времени, и в частности для судных списков дел, проходивших через соборные суды.

К сожалению, в литературе вопрос об особенностях судных списков соборных процессов XVI в. не ставился. Поставить его только на основе документальных материалов соборов XVI в. нельзя, так как их сохранилось очень немного. Поэтому решение интересующей нас задачи мы начнем с сопоставления документальных материалов соборов XVI в. с судными списками дел, проходивших через светские суды, с тем, чтобы выявить специфику судных списков соборных процессов (если таковая имелась) и затем уже решать вопрос о характере интересующего нас памятника.

Д. М. Мейчик, изучая судебные акты XIV — XV вв., определил судные списки как «подробные судебные протоколы, в которые заносилось все судоговорение». Судные списки, как отметил Д. М. Мейчик, входили в состав «правых» грамот и докладных судных списков, содержавших наряду с протоколом судебного разбирательства и решения суда. Л. В. Черепнин справедливо замечает, что в делопроизводственной практике XV — XVI вв. термины «судный список» и «правая грамота» порою совпадали [30].

---

[29] Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 97—98.

[30] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. М., 1883, стр. 25—31; Л. В. Черепнин. Акты конца XIV — XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника.—«Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси XIV—XV вв.» (далее: АСЭИ), т. I. М., 1952, стр. 649.

Остановимся на особенностях судных списков в точном смысле этого слова, т. е. протоколов судебного разбирательства. Они состоят из двух частей: вступительной, содержащей сведения о месте суда, его составе, тяжущихся сторонах, и основной, представляющей собой запись судебного разбирательства.

Сохранившиеся судные списки дел, проходивших через светские суды, отражают обычно тяжбы по земельным вопросам. Это обстоятельство наложило, естественно, отпечаток на их формуляр.

Вступление судных списков включает две формулы: в первой — указывается факт судопроизводства, место суда (обычно суд происходил на спорном месте, из-за которого возникла тяжба) и состав суда, во второй — тяжущиеся стороны. Еще Д. М. Мейчик отметил, что первая формула встречается двух типов. Один — начинается с указания на место суда: «Став на земле (или на реке, на озере, у деревень и т. д.) си суд судил (или судили) писец (или тиун, или судья) имя рек», другой — с указания на производство суда по распоряжению княжеской власти: «По грамоте (или по слову) князя (или великого князя) имя рек, си суд судил судья (или писец и т. д.) имя рек, став на земле (или на воде, или на пожне и т. д.)». Вторая формула вступления, содержащая указание на тяжущиеся стороны, во всех судных списках одинакова: «Тягался (имя истца или истцов) с (имя ответчика или ответчиков)» [31].

Следующая за вступлением основная часть судных списков содержит запись судебного разбирательства — допроса тяжущихся, показаний свидетелей, документов, привлекавшихся по ходу дела. Текст этой части составлен в форме записи прямой речи судей, тяжущихся, свидетелей, сопровождаемой лишь лаконичными указаниями на говоривших лиц, например: «И судья спросил Фегнаста старца», «И Фегнаст тако рек». Документы, привлекавшиеся по ходу судебного разбирательства, в судных списках не пересказываются, а передаются дословно после фразы, указывающей на привлечение документа, например: «И судья грамоту купчую велел чести, и в грамоте пишет», и далее следует текст грамоты.

Во многих судных списках после записи судебного разбирательства следует запись с перечислением нескольких присутствовавших на суде лиц [32] (бояр, если суд происходил перед князем, или, в случае, если суд был у низшего судьи, старосты, сотника и просто нескольких поименно названных лиц), являвшихся, как полагают исследователи, свидетелями судопроизводства. В некоторых докладных списках и правых грамотах эта запись помещена не непосредственно после записи судебного разбирательства, а после записи судебного решения в конце правой грамоты или докладного списка [33].

Из всего сказанного следует, что судные списки и по своему содержанию, и по формуляру представляли официальные деловые документы. В качестве таковых они были лишены каких бы то ни было литературных элементов: в них нельзя найти ни дополнительных к судебному разбирательству разъяснений сути дела, ни характеристик (от лица составителя списков) привлеченных к суду лиц и их действий, ничего, что свидетельствовало бы об отношении к разбираемому делу составителей списков и настраивало бы на аналогичное отношение тех, кто получит возможность с ними ознакомиться. Субъективный «авторский» элемент в судных списках гражданских процессов отсутствует.

Обратимся теперь к документальным материалам, оставшимся от соборных судов XVI в.

---

[31] Ср. Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 29—30. Мелкие отклонения от обычных типов, встречающиеся во вступительной части судных списков, мы не отмечаем.

[32] См., например, АСЭИ, т. I, № 326, 589, 590, 607 и др.

[33] См. там же, № 598, 539, 557 и др.

Помимо судного списка Максима Грека, сохранились материалы лишь двух соборных процессов XVI в.: Вассиана Патрикеева и дьяка Ивана Висковатого. Памятник, известный в литературе под названием «Дела дьяка Висковатого», представляет собой, как это прекрасно показал Н. Е. Андреев, позднейшую сводку из отрывков частных записей о соборе, некоторых документальных материалов и составленных кем-то пояснительных замечаний и связующих фраз [34]. Не являясь, таким образом, судебным протоколом, «Дело дьяка Висковатого» не может быть использовано для определения особенностей судных списков соборных процессов.

Используем с этой целью памятник, отражающий ход соборного процесса Вассиана Патрикеева. Он сохранился в единственном списке конца XVI в., не имеющем заголовка [35]. Сопоставим его вступительную часть с началом судных списков гражданских процессов, взяв для этой цели одну из правых грамот.

Правая грамота Троицкому Сергиеву монастырю. Прежде 1490 г. марта 7.

Став на Овсянниковских наволоцех, на Долгом да на Верхнем, на реце на Костроме, си суд судил судья великого князя Иван Котена.

Тягался Андрейко староста залеской и все крестьяне залеские старцем с Касьяном с троецким [36].

Дело Вассиана Патрикеева

Лета 7039, майя в 11 день. Седящу соборне господину Данилу, митрополиту всея Русии, со аръхиепископы и епископы, со всем священным собором; на том же соборе был и боярин великого князя Василия Иоанновича всея Русии, Михайло Юрьевич, и дияки великого князя; и поставили на том соборе старца Васияна, князя Иоаннова сына Юрьева [37].

Как мы видим, вступление судного списка, входящего в состав правой грамоты, состоит из двух формул, вступление соборного памятника — из трех. Первой формуле судного списка: «став на (название местности) си суд судил судья великого князя (имя рек)» соответствует первая формула соборного памятника: «Седящу соборне господину (имя рек) митрополиту всея Русии, со... всем священным собором». Обе формулы содержат указание на факт судопроизводства (во второй — роль такового играет указание на заседание собора [38]) и состав суда. Отсутствие в соборном памятнике указания на место суда, обязательное для судных списков, объясняется различным характером процессов: судные списки отражают тяжбы по земельным делам, при которых суд каждый раз происходил на новом месте (из-за которого возникла тяжба), поэтому оно обязательно указывалось; соборные суды (так же, как и вообще соборы) заседали в определенном месте — обычно в палатах митрополита, реже в палатах великого князя, поэтому указание на место собора было не обязательно.

Второй формуле судного списка: «Тягался (имя истца или истцов) с (имя ответчика)» — соответствует третья формула соборного памятника: «И поставили на том соборе (имя обвиняемого)». Обе формулы называют лиц, являвшихся объектами суда. Различия между формулами связаны опять с различиями процессов: в первом случае речь идет о тяж-

---

[34] Н. Е. Андреев. О «Деле дьяка Висковатого». — SK, V, 1932, p. 191—241.

[35] Сборник 17.13.11 Основного собрания рукописного отдела БАН, лл. 341—404 Основания датировки см.: Н. А. Казакова. Указ. соч., Приложения, стр. 285

[36] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, № 4, стр. 7.

[37] Н. А. Казакова. Указ. соч., Приложения, стр 285.

[38] Отсутствие прямого указания на судопроизводство в соборном памятнике имеет аналогию в сокращенной формуле некоторых судных списков: «став на землю судья (имя рек) тягался...», в которой слова «си суд судил» опущены (см. Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 29—30).

бе по гражданскому иску, возбужденному частным лицом (поэтому формула: «Тягался...»), во втором — о привлечении церковными властями к суду лица, обвиняемого в тяжких церковных преступлениях (отсюда формула: «поставили...»).

Вторая формула вступления соборного памятника называет лиц, присутствовавших на соборе, но не являвшихся его членами (бояр и дьяки великого князя). Подобной формулы во вступлении судного списка нет, но, как мы отметили выше, указание на лиц, присутствовавших на суде в качестве свидетелей судопроизводства, в судных списках имеется, только помещалось оно в другом месте — либо в конце судного списка, либо в конце правой грамоты или докладного списка после записи судебного решения. Перенесение этого указания в соборном памятнике во вступление, возможно, объясняется высоким положением присутствовавших на соборе лиц (это были представители великого князя), что опять-таки было связано с характером процесса.

Из сделанных наблюдений явствует, что вступление к памятнику, отражающему ход процесса Вассиана, аналогично вступлению к судным спискам. Его формулы типичны (с учетом отличий, зависевших от иного характера процесса) для судных списков того времени.

Вторая часть соборного памятника, передающая ход судебного разбирательства дела Вассиана, соответствует второй части судных списков: допрос митрополитом Вассиана, показания свидетелей переданы, так же, как и в судных списках, в форме записи прямой речи говоривших, предваряемой лишь лаконичными, состоящими из трех-четырех слов, указаниями, кто спрашивал, кто отвечал. Тексты привлекавшихся документов (на процессе Вассиана роль таких документов играли тексты из священного писания, сочинений «святых отцов», Кормчей книги) переданы также не в форме пересказа, а в виде записи цитировавшихся отрывков.

Конец памятника, рассказывающего о судебном процессе Вассиана, не сохранился. Но и сохранившейся части достаточно, как нам кажется, для заключения о том, что и по содержанию, и по формуляру он аналогичен судным спискам гражданских процессов и что перед нами, следовательно, копия судного списка Вассиана. Сделанное заключение влечет за собой второй, важный для поставленной нами цели вывод о том, что судные списки дел, проходивших через соборные суды XVI в., не имели сколько-нибудь существенных отличий от судных списков дел, разбиравшихся светскими судами. Представляя одну и ту же разновидность судебной документации, они обладали общими дипломатическими признаками.

Обратимся теперь к судному списку Максима Грека. Если для судных списков того времени (как гражданских, так и церковных процессов) было характерно, как мы отметили, деление на две части: 1) вступление, сообщающее о составе суда и привлеченных к нему лицах, и 2) запись судебного разбирательства, то в тексте судного списка Максима Грека устанавливается иное деление.

Его текст, объединяющий материалы двух соборов, делится на семь частей: 1) вступление, в котором вне всякой связи с соборным процессом сообщается о «хульном» учении Максима Грека. Начинается: «В лето 7033 писано сице...», кончается: «Тако глаголя Максим, не повиновавшеся и потом божиими судьбами неизреченными, яко же бог весть» (стр. 1 изд.). 2) Второе вступление с сообщением о привлечении Максима к соборному суду и его составе. Начинается: «Лета 7033 взыскание бысть...», кончается: «И на том соборе стал инок Максим Грек» (стр. 1 изд.). 3) Запись судебного разбирательства. Начинается: «И Данил, митрополит всеа Руси, велел его спросити владыке Досифею сарскому и подонскому...», кончается: «...прочее же седя слуга ем от бесплотных сил» (стр. 1—3 изд., стр. 50—52 статьи С. Н. Чернова «К ученым несог-

княжеской власти. В судном же списке Максима Грека помимо членов освященного собора и великого князя с братьями названы старцы из многих монастырей, многие бояре, князья, вельможи и воеводы. Уже этот перечень отдаляет наш текст от лаконичных деловых формул судных списков (попутно заметим, что термин «вельможа» языку документальных материалов XVI в. чужд) и делает его похожим скорее на информацию представителя прессы (позволим себе эту модернизацию), имевшую целью подчеркнуть тот резонанс и то внимание, какое вызвал происходящий процесс в широких общественных кругах. Явно литературного, а отнюдь не делового, документального происхождения и первая фраза рассматриваемого вступления: «Лета 7033 взыскание бысть о той хуле и в прочих великому освященному собору». Эта фраза рассчитана на то, чтобы связать первое вступление, в котором сообщается о «хуле» Максима вне всякой связи с судом над ним, со вторым вступлением, с которого начинается рассказ о суде. Таким образом, хотя второе вступление некоторыми элементами напоминает вступление судного списка Вассиана, но в то же время оно отличается от него своим литературно-публицистическим характером. Это — скорее публицистическая запись о созыве собора с использованием данных из вступительной части его протокола, нежели текст самого протокола.

Минуя сейчас третью часть судного списка Максима Грека (ею мы займемся позже) и не останавливаясь совсем на четвертой, представляющей собой простую помету о втором соборе на Максима («Другий собор бысть»), перейдем к рассмотрению пятой части нашего памятника — вступлению к тексту, отражающему ход второго процесса Максима Грека.

Это вступление в еще большей мере, нежели только что рассмотренные нами вступления к тексту о соборе 1525 г., отличается от обычного типа вступления к судным спискам и, в частности, от вступления к судному списку Вассиана Патрикеева. Вместо трех формул последнего, содержащих указание на заседания собора и его состав, присутствовавших на нем представителей великого князя и подсудимого, вступление к тексту о соборе 1531 г. включает рассказ, повествующий о предании Максима вторичному суду. В нем сообщается, что освященный собор и великий князь узнали о новых «хулах» Максима («изобретоша ко многим хулам новейшия хулы» — они перечисляются) и о том, что будучи отправлен в Иосифо-Волоколамский монастырь на покаяние, Максим не только не каялся, но и «неповинна во всем себе глаголаше». Поэтому «послаша во Иосифов монастырь... и привезше его... на Москву, поставиша пред Данилом, митрополитом всеа Руси, и пред архиепископы, и епископы, и пред всем освященным собором». По своему назначению рассматриваемое вступление аналогично первому вступлению к тексту о соборе 1525 г., имевшему целью убедить читателя в виновности Максима еще до ознакомления с судебным разбирательством. Возможно, при составлении его были использованы документальные материалы заседаний соборов, на которых рассматривался вопрос о предании Максима вторичному суду, а также судный список второго процесса Максима Грека, но само вступление не является частью текста последнего. Это — составленное позже публицистическое введение, а отнюдь не вступление к судному списку.

Шестую часть изучаемого памятника составляет обвинительная речь митрополита, содержащая обзор всех «вин» Максима, начиная от приезда его с Афона на Русь и кончая заключением в Иосифо-Волоколамском монастыре [41]. Речь митрополита, суммирующая «вины» Максима, является основным источником для суждения о предъявлявшихся ему обвинениях. Поэтому вопрос о происхождении рассматриваемой части памят-

[41] См. выше, стр. 115.

ника особенно важен, ибо от решения его зависит в известной мере и вопрос о степени достоверности обвинений против Максима Грека.

Подобной обвинительной речи митрополита, обобщающей все вины подсудимого и предваряющей его допрос, в судном списке Вассиана нет. Согласно его тексту, митрополит свои обвинительные тирады и реплики произносил в ходе допроса Вассиана по его отдельным пунктам. Судный список Вассиана представлял собой, как мы установили, копию официального протокола суда, и поэтому отсутствие в его формуляре обвинительной речи митрополита, предшествующей судебному разбирательству, дает, казалось бы, повод для сомнения в реальности подобной речи на одновременном процессе Максима Грека. Но вместе с тем отмеченное различие могло быть вызвано различием обоих процессов. Вассиан впервые привлекался к суду, и его виновность надо было еще доказывать; Максим Грек привлекался к суду вторично, и его «хулы», о которых говорил митрополит, считались уже установленными во время предшествующего процесса 1525 г. Поэтому на процессе 1531 г. обвинительная речь митрополита, основанная на материалах собора 1525 г. (а митрополит, как мы покажем ниже, ссылался на них), могла иметь место до нового судебного разбирательства.

Но если у нас нет оснований сомневаться в факте произнесения митрополитом его речи, то вместе с тем мы не можем быть уверены в том, что она была произнесена в том виде, в каком сохранилась в рассматриваемом памятнике. На эту мысль наводят имеющиеся в речи противоречия. Заканчивая перечень «вин» Максима, митрополит указывал, что «о тех же хулах, да и о иных» были «многие соборы», после которых последовала ссылка Максима в Иосифо-Волоколамский монастырь [42]. Таким образом, согласно контексту речи митрополита получается, что все названные им «вины» Максима являлись предметом разбирательства на заседаниях собора 1525 г. Но это, как отметил еще С. Н. Чернов, в действительности не могло иметь места [43]. Так, обвинение Максима во всеведении, достигаемом посредством волшебства, относимое, согласно заключительному указанию митрополита, к собору 1525 г., на самом деле на этом соборе не могло быть предъявлено Максиму, так как в самой же речи митрополита несколькими фразами выше оно связывается со временем заключения Максима в Иосифо-Волоколамском монастыре («А жил еси, — говорил митрополит Максиму, — во Иосифове монастыре... и... говорил: Аз, Максим, ведаю все везде, где что деется,—ино, то волхование елинское и еретическое...»). Далее, укоряя Максима в «хуле» на церкви, монастыри, чудотворцев, митрополит употребляет настоящее время («да ты же, Максим,... укоряеши и хулиши...») [44], тогда как в других случаях он использует только прошедшее время. Из этого обстоятельства следует, казалось бы, что митрополит имел в виду не прошлую вину Максима, а настоящую, относящуюся ко времени собора 1531 г. А между тем несколькими фразами дальше митрополит заканчивает, как мы уже упоминали, перечень «вин» Максима указанием на то, что все они являлись предметом разбирательства на соборе 1525 г. (следовательно, «хула» на церкви, монастыри и чудотворцев также относится к прошлому).

Митрополит Даниил был одним из выдающихся публицистов своего времени, владевших всеми тайнами писательского мастерства. Поэтому трудно представить, чтобы в своей речи, текст которой, конечно, заранее был написан, он мог бы допустить такие элементарно грубые несоответствия. Более вероятным представляется другое предположение, а именно, что эти несоответствия и противоречия появились под пером не очень

---

[42] ЧОИДР, № 7, Отдел II, стр. 6.
[43] С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 63—67.
[44] ЧОИДР, № 7, Отдел II, стр. 5—6.

искусного книжника, который, перерабатывая текст речи митрополита, соединил в один перечень хронологически разные «вины» Максима и отнес их разбирательство к собору 1525 г. Текст обвинительной речи митрополита в том виде, в каком он до нас дошел, носит на себе следы вмешательства чужой руки.

Третья и седьмая части нашего памятника содержат записи судебного разбирательства (третья — на соборе 1525 г., седьмая — на соборе 1531 г.). Эти части наиболее близки к формуляру судных списков: допрос подсудимых и показания свидетелей переданы в них, как правило, в виде записи прямой речи, привлекавшиеся документы — в форме прямого цитирования. Но в отличие от формуляра судных списков в нашем памятнике наряду с прямой речью довольно часто встречается косвенная речь и суммарная передача показаний нескольких лиц, т. е. элементы, являвшиеся результатом последующей обработки текста протокола [45].

Подведем итоги. Из сделанных наблюдений явствует, что первая, вторая и пятая части нашего памятника (оба вступления к тексту о соборе 1525 г. и вступление к тексту о соборе 1531 г.) представляют собой публицистические введения, которыми были заменены вступления к судным спискам. Шестая часть памятника (обвинительная речь митрополита), хотя и была заимствована, по всей вероятности, из судного списка, но подверглась переработке. Третья и седьмая части (записи судебного разбирательства) являются, судя по всем признакам, частями судных списков. Но возможно, под пером того лица, которому принадлежит редакция всего памятника, и они подверглись некоторым изменениям (отдельные моменты соборного разбирательства могли быть, например, опущены, другие, напротив, подчеркнуты; во всяком случае, учитывая общий характер памятника, в полном тождестве их тексту судных списков мы не можем быть уверены).

Все сказанное дает основание для вывода о том, что памятник, известный в рукописной традиции, а также в литературе под названием «Списка судного списка», т. е. копии официальных протоколов процессов Максима Грека, на самом деле таковым не является. Но он не является и «частными историческими записками» о соборах, как это думал Е. Голубинский [46]. Сочетание в нем элементов литературно-публицистических, авторских с элементами, характерными для формуляра судных списков, позволяет рассматривать его как литературно-публицистическую обработку судных списков Максима Грека. Дефектный экземпляр этой обработки и послужил архетипом списков судного списка Погодинского и Барсовского сборников.

Высказать предположение о том, когда была составлена рассматриваемая обработка, позволяет ее тенденция. Весь текст с его публицистическими введениями, рассчитанными на то, чтобы убедить читателя в виновности Максима еще до ознакомления с судебными разбирательствами, с подчеркиванием обвинительной речи митрополита, обосновывающей необходимость вторичного суда над Максимом Греком, имел ярко выраженную иосифлянскую окраску. Вряд ли эта переработка появилась позднее середины XVI в., когда Максим Грек был освобожден из заключения. Скорее всего она возникла в годы, непосредственно следующие за вторым собором против Максима, когда иосифлянское руководство русской церковью особенно нуждалось в оправдании своих действий по отношению к одному из выдающихся русских писателей. Автором ее было, вероятно, доверенное лицо митрополита Даниила, имевшее доступ к официальным протоколам суда. Для придания большей

[45] Суммарная передача показаний нескольких лиц, а также косвенная речь встречаются иногда и в судных списках гражданских процессов, но очень редко.

[46] См. выше, стр. 110—111.

убедительности своей обработке автор сохранил за ней название «судного списка» и под этим названием памятник вошел в рукописную традицию.

Что касается самих протоколов процесса Максима Грека — судных списков, то они до нас не дошли. Во второй половине XVI в. они находились, по-видимому, в царском архиве. В описи его дважды названы «списки» Максима Грека, причем в первый раз в контексте, не позволяющем сомневаться в том, что имелись в виду судебные материалы: «Ящик 27-й. А в нем... списки старца Максима и Савы Греков, и Берсеневы, и Федка Жареново» [47]. «Списки» погибли, вероятно, в начале XVII в. при разграблении архива польскими интервентами. Какая-то часть материалов, относящихся к суду над Максимом Греком, находилась еще в 1614 г. в Архиве Посольского приказа: в описи его в числе документов, хранившихся в одном из ящиков, назван «Список Данила митрополита на Максима Грека в 7039 г.», а среди разных «грамот черных и списков» времени Василия III, находившихся в другом ящике, указан «довод на Максима Грека» [48]. Но и эти материалы до наших дней не сохранились.

Судные списки Максима Грека, некогда хранившиеся в царском архиве, не были источником беспристрастным: подобно всем судебно-следственным материалам политических процессов, они несли на себе отпечаток интересов тех кругов, в руках которых находился суд. Этот отпечаток определялся не только общей направленностью суда, но и специальным подбором обвинений, а часто и заранее подготовленных свидетелей, дававших заданные им показания.

Что во время процессов Максима Грека последнее имело место, явствует из записи очной ставки между Берсеном Беклемишевым и Федором Жареным, входящей в состав их следственного дела. Вот отрывок из нее: «Февраля 22. Сказывал Иван Берсень: угонил меня, господине, Федко Жареной тому с неделю против Николы, а Максима уже изымали, и учал мне сказывати: «велят мне Максима клепати; и мне его клепати ли?» и яз Федку молвил: «что будешь слышел и ты то сказывай прямо, а что говоришь о лжи, ино то ты ведаешь»; да и прочь от меня пошол; а сказывает, что князь великий присылал к Федку игумена троецкого: толко мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую. И Федко с Берсенем очи на очи говорил, что те речи ему говорил, что к нему игумена троецкого присылал, чтобы ему на Максима всю истинну сказал; а лжи Берсеню не говаривал» [49].

В рукописи в показаниях Берсеня во фразе: «толко мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую» — слово «солжи» написано вместо зачеркнутого «скажешь», а после слов «на Максима» были написаны затем зачеркнутые слова «всю истинну» [50]. С. Н. Чернов справедливо отметил, что эта правка была сделана в процессе самого допроса в связи с несомненным, вероятно, вынужденным изменением показания Берсеня в очень тяжелую для Федора Жареного сторону [51]. Вследствие правки последний из лица, утверждавшего, что великий князь хотел узнать всю правду о Максиме, превращался в лицо, бросавшее в адрес великого князя упрек в соучастии в фабрикации ложных показаний. Ясно, что это было на руку следователям, получившим, таким образом, материал для обвинения подследственного в оскорблении великого князя. Но если слова Берсеня о том, что великий князь склонял Жареного ко лжи на Максима, были вынужденными, то вряд ли это относится к передаче Берсе-

[47] Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 20; см. также, стр. 29.
[48] Там же, стр. 48, 60.
[49] ААЭ, т. I, № 172, стр. 144—145.
[50] Сборник князя Оболенского, № 3, 1838, стр. 9.
[51] С. Н. Чернов. Заметки о следствии..., стр. 448.

нем начала разговора с Жареным, во время которого последний сказал, что ему велят «клепать» на Максима, не называя лиц, от которых исходило это повеление. Здесь в рукописи никакой правки нет, следовательно, показания Берсеня не подвергались изменениям, а что они в этом пункте соответствовали действительности, едва ли можно сомневаться: уже простой перечень обвинений против Максима [52] показывает, что среди них были настолько нелепые (например, обвинение в злоумышлении посредством волшебства), что они могли быть подкреплены только заранее подготовленными ложными показаниями свидетелей, нашедшими, конечно, свое отражение в судных списках.

Если не дошедшие до нас судные списки Максима Грека были источником тенденциозным, то это тем более относится к их литературно-публицистической обработке, которая под названием «Судного списка» сохранилась в рукописной традиции. Тенденциозность, свойственная судным спискам политических процессов в силу их природы, была усилена в ней рукой иосифлянского публициста, стремившегося всеми мерами обосновать виновность Максима Грека. Все это должно побудить исследователей с особой тщательностью подходить к проверке показаний судного списка и особенно содержащихся в нем обвинений против Максима Грека.

(Окончание в следующем томе)

---

[52] См. выше, стр. 115.

В. Г. БРЮСОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Согласно сообщению «Повести временных лет» под 1053 г., матерью Владимира Мономаха была греческая принцесса из царской фамилии: «У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царице гръкыне» [1]. Начальные слова «Поучения Владимира Мономаха»: «Азъ худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченый в крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы...» [2] — содержат в себе, несомненно, указание на родовое имя матери и дают основание предполагать, что это была принцесса из дома греческого императора Константина Мономаха [3].

Исследованиями В. Л. Янина и Г. Г. Литаврина установлено, что Владимир Всеволодович уже при жизни, и притом в ранний период, до вступления его на великокняжеский стол, носил официальное имя «Мономах», о чем свидетельствует надпись на печати Владимира Мономаха, названного в крещении Василием. «Печать Василия, благороднейшего архонта Руси Мономаха» [4]. Эта печать является дополнительным указанием на происхождение Владимира Мономаха.

Летописи позднего происхождения, Тверской сборник и Густынская летопись, называют супругу Всеволода Ярославича дочерью Константина Мономаха. В Тверском сборнике запись под 1054 г. дополнена следующими сведениями: «Родися Всеволоду Ярославичу сын от царици грекини Манамахы, и наречен бысть Владимерь Манамах, дедним прозвищем; бе бо за Всеволодом дщи греческаго царя Костантина Манамаха» [5]. В Густынской летописи запись читается после сообщения о походе русских на Царьград под 1043 г.: «по трех же летех смирися Ярослав со греки и поят дщерь у Константина Мономаха царя Греческого, за сына своего Всеволода» [6].

Имя греческой царевны летописи не называют, византийские хроники также не упоминают о дочерях Константина Мономаха. Какое же лицо скрывается за «царицей грекиней», брак которой с сыном Ярослава Муд

[1] Повесть временных лет. Подготовка текста и комментарии Д. С. Лихачева, т. I. М— Л., 1950, стр. 108.

[2] Там же, стр. 153. В переводе Д. С. Лихачева конец фразы читается следующим образом: «...отцом возлюбленным и матерью своею — Мономахами» (там же, стр. 354).

[3] «Повесть временных лет», т. II. Комментарии. М.— Л., 1950, стр. 387—388 и 432.

[4] В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.—«Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 204—221. Текст надписи приведен в переводе с греческого; печать датируется авторами 70-ми гг. XI в.

[5] ПСРЛ, XV, стб. 151.

[6] ПСРЛ, II, стб. 267.

рого Всеволодом закрепил мир между Русью и Византией в середине XI в. и которая, возможно, была действительно дочерью Константина IX Мономаха?

Имя супруги Всеволода встречается в местных смоленских преданиях об иконе Смоленской Одигитрии, принесенной якобы из Царьграда дочерью Константина Мономаха Анной [7]. Варианты этой легенды называют Константина не Мономахом, а Порфирородным [8]. Другое предание, однако, связывает принесение этой иконы с Владимиром Святославичем, супруга которого, греческая царевна Анна, привезла ее будто бы с собою на Русь [9]. Существование трех взаимоисключающих версий вызывает сомнение в исторической достоверности преданий. Имя Анны — первой супруги Всеволода из рода Мономахов могли смешать с именем второй его супруги, носившей это имя, или с именем супруги Владимира Святославича.

В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин высказали предположение, что первая супруга Всеволода носила имя Марии [10]. Основанием к этому послужило сходство в надписях публикуемой ими печати Владимира с печатью «архонтиссы Марии». Изображение на печати Марии, на лицевой ее стороне, Андрея Первозванного позволяет, по мнению авторов, видеть в этом изображении патрона супруга Марии. Поскольку христианское имя Андрея имел Всеволод Ярославич, наиболее вероятным является предположение, что архонтисса Мария и есть жена Всеволода (Андрея) Ярославича. Эта гипотеза получила поддержку в зарубежной печати: А. В. Соловьев считает ее вполне убедительной и полностью присоединяется к ней [11].

Предположение это, при всей обстоятельности аргументации, нельзя, однако, считать вполне доказанным. Вызывает сомнение уже неясность текста легенды буллы Марии, который допускает возможность двух чтений: ΜΟΜΑΧΗΣ и ΜΟΝΑΧΗΣ. Фамильное имя Марии, следовательно, может быть в равной степени связано с родом Мономахов и Монахов, на что указывают и авторы публикации. Нельзя не признать также, что решение вопроса о происхождении супруги Всеволода по данным сфрагистики, даже и вполне убедительное, имеет силу лишь косвенного доказательства, которое может быть подтверждено или опровергнуто в том случае, если встретится более определенное, прямое свидетельство Это, впрочем, ни в малейшей степени не снижает ценность исследования, в котором привлечен новый обширный материал, выясняющий фамильные дела Всеволода и византийского императора Константина Мономаха.

---

[7] Историческое описание Смоленского кафедрального Успенского собора. Смоленск, 1912, стр. 21—22; Н. Г. Смоленск в его прошлом и настоящем. СПб., 1905, стр. 29.

[8] Д. Н. Мурзакевич. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804, стр. 41; «Слава богоматери». Сведения о чудотворных и местночтимых иконах богоматери. М., 1907, стр. 531.

[9] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 201. Во всех указанных нами изданиях авторы не называют источники; Д. Н. Мурзакевич ссылается на «церковные книги». По-видимому, предания почерпнуты из несохранившихся или неизвестных нам списков «Сказания о явлении иконы Одигитрии Смоленской». Просмотренные нами в публикациях и в рукописных списках «Сказания» об этой иконе относятся к легенде о Меркурии Смоленском или рассказывают о перенесении иконы Одигитрии Смоленской в Смоленск из Москвы, куда она была взята «пленом» Юргою в 1456 г. Возвращение иконы датируется 1456, 1508 и 1512 гг. (по разным спискам). Вл. Мошин также называет первую супругу Всеволода Анной, не ссылаясь на источники (Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI — XII вв.— BS, IX, 1947, стр. 74—75).

[10] В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.

[11] A. V. Soloviev. Marie fille de Constantin IX Monomaque.—Byz., XXXII, 1963, p. 241—248.

В данном сообщении мы считаем необходимым привлечь к решению вопроса о происхождении Владимира Мономаха дополнительные сведения нелетописного характера, известные в публикациях, но не обратившие на себя внимание. Мы имеем в виду упоминания о супруге Всеволода в синодиках киевского Выдубицкого монастыря.

Одно из них содержится в известном сочинении Н. Закревского «Описание Киева». «О. Павел Троицкий, — пишет Закревский, — отыскал в старинных синодиках Выдубицкой обители, что между прочими ея фундаторами и ктиторами древнейших времен, она... воспоминает *княгиню Анастасию, жену Всеволода Ярославича* (курсив наш. — *В. Б.*), создателя Михайловского храма, князя Владимира Мономаха, сына Всеволода и Анастасии, князя Мстислава, сына Мономахова, князя Ростислава Мстиславича, князя Рюрика Ростиславича и супругу его княгиню Анну, князей Ростислава и Владимира Рюриковичей и княжен Предславу и Всеславу, дочерей Рюрика» [12].

Второе аналогичное сообщение мы встречаем в выписке из синодика Выдубицкой обители из собрания А. П. Румянцева (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, шифр Р. 387, л. 5) [13]: «Помяни господи в блаженной памяти преставлшихся рабов своих блаженных и приснопамятных ктиторов и создателей святыя обители сея.

Великаго князя Киевскаго Всеволода и великую княгиню его царя греческаго Константина Мономаха дщерь Анастасию (курсив наш. — *В. Б.*) и сынов их великаго князя киевскаго Владимира Мономаха, князя Ростислава, княжну инокиню Янку, княжну инокиню Евпраксию. Князя Мстислава, князя Изяслава, князя Ярополка и его княгиню Анну. Князя великаго Андрея Стратилата, князя Романа, князя великаго Георгия. Князя Святослава, князя Вячеслава, великаго князя Рюрика, княгиню его Анну и сынов их князя Ростислава, князя Владимира. Княжну Предславъ, княжну Всевлаву. Князя Александра, князя Михаила».

Далее упоминается еще три княжеских имени, и здесь же, в строку, список поминаемых лиц продолжен именами архимандритов (Иоанна, Николы, Иоасафа, Игнатия, Иоакима и Пафнутия), игумена Мартирия, схимонаха Антония, затем снова записан князь по имени Григорий, и еще 13 имен, большею частью без титулов, последним стоит имя князя Ильи..

Обе записи называют жену Всеволода Анастасией, а вторая уточняет к тому же, что она была дочерью греческого царя Константина Мономаха. Сравнение текста выписок из синодиков (приведенного у Н. Закревского и в собр. Румянцева) позволяет установить, что источники этих сведений были разными, хотя они почерпнуты из синодиков одного и того же Выдубицкого монастыря. В первой выписке упомянуто имя князя Ростислава Мстиславича (отца Рюрика Ростиславича), которого нет во второй выписке; в первой выписке не говорится о том, что Анастасия была дочерью Константина Мономаха,—едва ли можно допустить, что это сообщение, если бы оно имелось в записи синодика, было опущено в пересказе Закревского. Обе записи представляют для нас несомненный интерес и заставляют обратиться к исследованию вопроса об их источниках.

Рукопись в собрании Н. П. Румянцева представляет собою тетрадь, сброшюрованную из отдельных выписок на 67 листах разного формата. Как это и отражено в ее названии, тетрадь заключает в себе делавшиеся вплоть до второго десятилетия XIX в (л. 7 датирован 1815 г.; водяной знак

---

[12] Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 231—232.

[13] Рукопись описана А. Востоковым (см. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 571—584). А. Востоков приводит подробный перечень содержащихся в ней статей и значительные по объему выдержки, среди которых, на стр. 574, опубликована и та, которая цитируется мною

PRO PATRIA с датой 1813 г.) выписки-копии из синодиков разных церквей и монастырей. Почерки в некоторых случаях копируют древнее уставное письмо. В тетради имеются выписки из синодиков средне-русских монастырей, но наиболее полно представлены монастыри Киева: Печерский, Михайло-Архангельский Златоверхий, Киево-Межигорский и др., а также Софийский собор.

О происхождении тетради сообщает А. Востоков. Он говорит, что Румянцев «давал списывать для себя копии со всех попадавшихся ему редких или почему-либо важных письменных памятников, которые не мог приобрести в подлиннике» [14]. Более подробные сведения о происхождении выписок из киевских синодиков мы находим у В. С. Иконникова. Он сообщает, что Румянцев обращался с неотступными просьбами к М. Ф. Берлинскому, которого М. К. Каргер считает возможным назвать «по праву первым русским археологом» [15], собирать для него всякие материалы о «самых первобытных временах историй наших... которые я желал бы видеть объясненными и дополненными» [16]. «Не пренебрегайте также,— писал он,— древнейших... синодиков; в них могут находиться имена великих князей, супруг, детей и сродников, о которых, статься может, дошедшие летописцы вовсе умолчали» [17]. Берлинский добросовестно выполнял просьбы Румянцева и систематически высылал ему «полные и точные копии» с древних киевских синодиков, переписанные под его непосредственным наблюдением.

Выписки из синодиков, к сожалению, не сопровождаются описанием рукописей, из которых они почерпнуты. Важно было бы установить их судьбу. В. С. Иконников сообщает, что в 1874 г., на основании представления архиепископа Макария, Синод определил передать в Киевскую Духовную Академию рукописи из киевских лавр и монастырей [18]. Экспедиция провела работу в этом же году, и было собрано значительное количество древних рукописных книг и архивных материалов, в числе которых находились и некоторые синодики. С них были составлены списки для Румянцева [19]. К сожалению, синодиков Выдубицкого монастыря среди этих книг не оказалось [20]. Неизвестно, удастся ли когда-нибудь обнаружить их в рукописных собраниях, или они исчезли бесследно. Не имея, таким образом, возможности изучить подлинник, мы обязаны сделать все возможные выводы из анализа копии с него.

Вместе с выпиской из синодика Выдубицкого монастыря в тетради Румянцева имеется на отдельном листе (л. 6) выписка с заголовком: «О создании монастыря Выдубицкаго». Текст ее кратко излагает рассказ о перестройке монастыря князем Рюриком Ростиславичем в 1199—1200 гг.,

---

[14] Описание рукописей Румянцевского музея. Предисловие, стр. 1.

[15] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 31.

[16] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, стр. 187.

[17] Там же, стр. 188.

[18] Там же, стр. 756.

[19] В числе поступивших рукописей следует назвать «Помянник Михайловского Златоверхого монастыря», переписанный, как об этом сообщает запись на синодике, «с ветхого ново» повелением Ф. Сафоновича в 1667 г. [Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в гор. Киеве, вып. II. М., 1897, № 538 (1744)]. Выписку из этого синодика см. в тетради Румянцева на л. 7. В описании Н. И. Петрова значится также синодик этого монастыря XVI в. (№ 537/1743) (указ. соч., стр. 248). Был передан и синодик Межигорского монастыря XVII — нач. XVIII в. (А. Лебедев. Рукописи Церковно-археологического музея КДА, т. I. Саратов, 1916, стр. 226; Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в гор. Киеве, вып. III. М., 1904, стр. 125).

[20] См. Е. Е. Голубинский. Рукописи Киево-Выдубицкого монастыря. Киевские епарх. ведом., отд. 2-е, № 16, 1875, стр. 529—531. Рукописи Выдубицкого монастыря описаны Н. И. Петровым (Описание рукописных собраний гор. Киева, вып. II, стр. 253; ЧОИДР, кн. 2. М., 1897, стр. 253).

известный из Ипатьевской летописи [21]. В конце повести имеется запись другим почерком, по всей вероятности, Берлинского: «Выписка из стараго синодика Киево-Выдубицкого монастыря, особливо вклеенная». Таким образом, кроме неопределенного указания, что синодик был «старый», мы не имеем сведений о древности рукописи, с которой была снята копия. Записи на копиях других киевских синодиков, внесенные рукою переписчика или скопированные им с древних рукописей, показывают, что выписки производились с помянников, переписанных в XVII — XVIII вв. с древних, обветшавших, а синодик Вышгородской Борисоглебской церкви был представлен пергаменной рукописью [22].

Характерной особенностью текста выписки из синодика Выдубицкого монастыря является полное отсутствие слов и оборотов украинской речи, тогда как позднейшие дополнения в синодиках других монастырей написаны большею частью на украинском языке. Это может служить одним из доводов в пользу древнего происхождения его протографа. Следует учитывать и особенности данного вида рукописей. Синодики не могли иметь применения за пределами того или иного монастыря или храма, где они составлялись, а это обстоятельство исключает возможность их размножения, что обычно порождает ошибки. Переписывались они редко [23]. Вплоть до XVII — XVIII вв. синодики при их составлении писались большею частью уставным письмом и крупными буквами, что вызывалось практическими потребностями беглого их чтения при недостаточно хорошем освещении. Записи в синодиках принадлежат по своему характеру к числу документальных записей, имеющих силу юридического документа, если это касалось вкладчиков. В отдельных случаях запись в синодике была актом политического значения и могла быть внесена только по воле великого князя [24]. Построение монастыря или храма непременно предусматривало составление синодика, а крупные работы по перестройке или обновлению церкви сопровождались, как правило, и переписью заново синодика с использованием древнего, предшествующего синодика [25]. Если при переписке их и допускались модернизмы в записи титула того или иного лица, то в написании самих имен трудно допустить сколько-нибудь значительных искажений. В особенности это трудно допустить по отношению к именам создателей или ктиторов.

Существенным является то обстоятельство, что запись о Всеволоде, его жене и детях имеется в синодике Выдубицкого монастыря, создание которого связывается с именем этого князя [26]. Ипатьевская летопись

---

[21] ПСРЛ, II, стб. 708—715.

[22] См. запись: «Из синодика Вышгородской Глебо-Борискои церкви писано на пергамене в четверть листа, таковыми словенскими буквами без означения года» (Р. 387, л. 16); выписка копирует древнее уставное письмо. На синодике Киево-Печерской лавры: «Из синодика Киево-Печерской лавры, переписанного из какого-то старинного синодика после бывшаго в 1718-м году пожара» (л. 25). См. также примеч. 19.

[23] Известно, что в XVIII — XIX столетиях пользовались в обиходе синодиками XVI — XVII вв., дополняя в них списки поминаемых лиц, так что каждый список синодика служил по крайней мере два столетия, а в отдельных случаях и более.

[24] См. запись в «Повести временных лет», т. I, стр. 187, под 1108 г.: «В сем же лете вложи бог в сердце Феоктисту, игумену печерьскому, и нача възвещати князю Святополку, дабы вписал Феодосья в сенаник. И рад быв, обещася и створи, повеле митрополиту вписати в синодик. И повеле вписывати по всем епископьям, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати й на всех соборех». Составлением Любецкого синодика в XVII в. занимался епископ черниговский Зосима (В. В. З о т о в. О черниговских князьях по Любецкому синодику и черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 21). Синодик дошел в списке XVIII в.

[25] См., например, запись на Любецком синодике: «з древле составленных уписанный» (там же).

[26] См. М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II, стр. 287—289. О том, что создателем Выдубицкого монастыря был Всеволод, говорится и в Повести о построении монастыря на л. 6 тетради Румянцева: «Создан бысть монастырь сей святаго архистратига Михаила

в рассказе о перестройке монастыря Рюриком Ростиславичем отмечает родовую преемственность Рюрика от Всеволода: «пятый бысть от того. Всеволод бо роди Володимера, Володимер же роди Мьстислава, Мьстислав же роди Ростислава, Ростислав же роди Рюрика и братью его» [27]. На протяжении XII столетия, таким образом, Выдубицкий монастырь оставался родовой вотчиной князей — потомков Всеволода Ярославича. Записи в синодиках Выдубицкого монастыря, естественно, не могут не приниматься во внимание.

Обратимся, однако, к тексту выписки из Выдубицкого синодика.

Одним из последних в ряду княжеских имен стоит имя князя Рюрика Ростиславича, причем имена всех князей и их детей записаны правильно [28]; список имен не продолжен непосредственно именами великих князей и царей московского периода, как в некоторых других киевских синодиках, выписки из которых имеются в той же тетради Румянцева. Форма записи (князя и княгини вместе) известна из Любецкого синодика. Отмеченные особенности позволяют предполагать, что записи в синодике с именами князей восходят к домонгольскому времени.

Анализ текста выписки из Выдубицкого синодика позволяет вместе с тем установить, что он носит на себе печать позднейшей переработки. Титул великого князя киевского мог появиться только после того, как Киев утратил значение стольного города Руси. Языческие имена князей не сопровождаются их христианскими именами, как это было принято в официальных текстах древнейшего времени; крестильные имена князей часто опускались при последующих переписках [29].

В поминальном списке Выдубицкого синодика непосредственно за именами князей домонгольского периода стоят имена архимандритов, игу-

---

Выдубицкий от великаго князя киевскаго Всеволода Ярославича, внука Владимира великого, в лето от создания мира 6578, а от Рождества Христова 1070». А. Востоков считает повесть «извлеченной из летописей» (Описание рукописей Румянцевского музея, стр. 574). Это вполне возможно, но в летописях нет прямого упоминания на то, что создателем монастыря был Всеволод, хотя монастырь называется «Всеволожим». Возможно, компиляция из летописей была дополнена клировыми записями. Существенно, однако, что возможным источником «Повести» была летопись, близкая Ипатьевской, составитель которой широко использовал свод Рюрика, составленный в 1200 г. выдубицким игуменом Моисеем. Приписка в «Повести» «а от Рождества Христова 1070» указывает на то, что в настоящем виде текст ее составлен не ранее XVI в., когда на Украине впервые отмечается применение нового летосчисления.

[27] ПСРЛ, II, стб. 709.

[28] После Владимира Мономаха в синодике следуют имена его сыновей — Мстислава, Изяслава, Ярополка, Андрея, Романа, Георгия, Святослава и Вячеслава (см. родословную таблицу русских князей, упоминаемых в «Повести временных лет», составленную Д. С. Лихачевым.—«Повесть временных лет», II, стр. 255). Имена сыновей и дочерей Рюрика также известны из летописей. Порядок записи имен не всегда отражает старшинство или последовательность дат смерти. Это объясняется, по-видимому, тем, что имена поминаемых лиц вписывались иногда не сразу, а по воспоминаниям. Их могли, как это часто отмечается в синодиках, вписать на верхнее или нижнее поле, а при последующей переписке записать в ряд. В синодиках, в отличие от родословцев, встречается в ряде случаев нарушение последовательности даже и в записи имен великих князей. В синодике некоторые имена отсутствуют, как, например, имя дочери Всеволода Екатерины и имя отца Рюрика — Ростислава Мстиславича. Можно отметить неточность записи также в том, что оба сына Всеволода (Владимир Мономах и Ростислав) записаны как сыновья Анастасии. Ростислав, родившийся в 1069 г., не мог быть сыном первой жены Всеволода, которая, по Татищеву, умерла в 1067 г. (В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 85; Татищев также сообщает, что она была дочерью царя Константина Мономаха).

[29] В пергаменном синодике Вышгородской Борисоглебской церкви имена Всеволода и Изяслава не сопровождаются их крестильными именами (л. 16 тетради Румянцева). В синодиках XVI — XVII вв. часто записано только одно языческое имя князя (см., например, синодик Софийского собора Новгорода в собрании Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника, рукопись № 11033, в 4-ку, 174 л. Синодик вплетен в один переплет с синодиком Сыркова монастыря 1575 г. и имеет самостоятельный титульный лист на л. 51; оба синодика написаны одновременно).

менов и других лиц [30]. Известно, что чин архимандрита для настоятелей Выдубицкого монастыря был введен впервые в 1800 г. [31] Следовательно, в записи синодика указаны имена архимандритов других монастырей. Имя игумена Мартирия может принадлежать настоятелю Выдубицкого монастыря, но оно не позволяет установить время записи, так как в источниках это имя не встречается. Известны имена игуменов Выдубицкого монастыря домонгольского времени (до 1231 г.), а затем — начиная с 1532 г.; между этими датами существует пробел. Очевидно, Мартирий был игуменом монастыря в один из промежутков времени этого трехсотлетия. Наиболее вероятно, что запись в синодике называет имена архимандритов Киево-Печерского монастыря середины XV — начала XVI в., как это устанавливается по словарям и указателям имен [32]. Этим периодом времени можно определить одну из дат переписки синодика. Синодик мог пересоставляться и при обновлении монастыря после освобождения от униатов в 1637 г. [33]

Текст записи в Выдубицком синодике в том чтении, которое воспроизводит выписка из него в тетради Румянцева, получил, таким образом, этот вид в результате переработки синодика в XV — XVI столетиях. Существовавший в практике составления синодиков XVII — XVIII вв. обычай использования древних синодиков того или иного монастыря заставляет предполагать, что поминальная запись Выдубицкого синодика с именами князей от Всеволода до Рюрика могла быть почерпнута из «древлеписанных» синодиков этого монастыря [34]. Рассмотрим вкратце вопрос об источниках летописных записей о происхождении Владимира Мономаха. Летописная запись «Повести временных лет» о рождении сына Всеволода Владимира «от царице гръкыне» восходит, как устанавливает А. А. Шахматов, к «Начальному своду» Никона [35]. Приведенный выше текст записи «Тверского сборника» под 1053 г. содержит в себе ряд дополнений к этому сообщению, а именно: 1) указание родового имени матери Владимира — «Манамахы»; 2) указание родового имени Владимира — «Манамах»; 3) пояснение происхождения родового имени матери Владимира и самого Владимира, нареченного «дедним прозвищем» («бе бо за Всеволодом дщи греческаго царя Костантина Манамаха»).

Родовое имя матери Владимира Мономаха отмечается в летописях Ермолинской, летописном своде 1497 г., своде 1518 г. и Львовской летописи в тождественном чтении: «родися сын от царицы Манамахи грекини». Присутствие записи в этой группе летописей свидетельствует о том,

---

[30] Пример подобных записей можно видеть в пергаменном синодике XIV — XV вв в собр. ГБЛ, Р. 382 и в пергаменном синодике XV в. в том же собрании (Р. 383), где можно встретить записи, перечисляющие в одном ряду имена духовных лиц с чинами архиепископа, епископа, архимандрита, схимонаха и мирян (простых или с титулом князя).

[31] П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 23—24.

[32] Имена архимандритов при сверке с «Азбучным указателем имен русских деятелей для русского биографического словаря» (Сборник РИО, т. 60. СПб., 1887 и т. 62, СПб., 1888 — этот указатель является наиболее полным) могут быть определены следующим образом: архимандрит Иоанн упоминается под 1470 г., при нем возобновлен монастырь после разгрома его татарами в 1417 г. (т. 60, стр. 315); Николай — 1446—1462 гг. (г. 62, стр. 82); Игнатий — 1522 г. (там же, стр. 294); Иоаким — 1532—1538, поставлен из игуменов Выдубицкого монастыря (П. Строев. Списки иерархов, стб. 23).

[33] Н. Закревский. Описание Киева, т. I, стр. 244—245.

[34] Поминальный список княжеских имен Выдубицкого синодика в своей общей линии обнаруживает близость к записи о родовой преемственности князей от Всеволода до Рюрика в Ипатьевской летописи. По-видимому, не случайно запись синодика называет имя первой супруги Всеволода — Анастасии, поскольку эта линия князей-Всеволодовичей происходит от первого брака Всеволода.

[35] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 405.

что она имелась в их общем источнике, каким являлся общерусский свод конца 50-х — начала 70-х гг. [36] Этот свод, как установлено исследованиями А. А. Шахматова и А. Н. Насонова, в части до 1425 г. имел одним из источников южнорусский свод, отличный от Ипатьевской летописи [37]. Есть основание возводить летописную запись с указанием родового имени матери Владимира — «Мономахи» к этому южнорусскому своду [38].

Родовое имя Владимира «Мономах» в записи о его рождении имеется в летописях Воскресенской, Никоновской и в Хронографе 1512 г. Запись в Хронографе 1512 г. ведет к «Хронографу» Пахомия Логофета [39]. Русские известия в этой части до 1441 г. восходят к общерусскому своду 1423 г. [40] А. Н. Насоновым установлено, что одним из источников свода 1423 г. был тот же южнорусский свод, который был использован в общерусском своде 60-х гг. XV в. [41]

Следующим дополнением в записи «Тверского сборника» является сообщение о том, что Владимир Мономах был назван «дедным прозвищем». Это дополнение имеется также в Степенной книге. Возможно, оно принадлежит авторам XVI в.

Сведения о том, что мать Владимира была дочерью греческого царя Константина Мономаха, кроме «Тверского сборника» имеются у Татищева [42] и в Густынской летописи под 1043 г., в связи с рассказом о походе русских на Царьград. Установить происхождение этих записей в «Тверском сборнике» и Густынской летописи можно только после того, как будет произведено тщательное источниковедческое исследование первой части этих летописных сборников [43]. Присутствие аналогичной записи в синодике Выдубицкого монастыря позволяет, хотя и с известной осторожностью, высказать предположение, что и это сообщение не является домыслом летописцев XVI — XVII вв.: источником его могли послужить древнейшие южнорусские летописи.

Подытожим наше сообщение. Запись Выдубицкого синодика в тетради выписок Румянцева, называющая супругу Всеволода дочерью гре-

---

[36] См. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV — XVI вв. М.— Л., 1937, стр. 256—283; Н. А. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.— «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 350—377; его же. Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», VI. М., 1958, стр. 235—274; К. Н. Сербина. Летописный свод 1518 г.— «Вопросы историографии и источниковедения СССР». М.— Л., 1963, стр. 587—608; ПСРЛ, XXVIII, Предисловие, и др. В. А. Кучкин, уточняя время составления свода, относит его к 60-м годам XV в. (см. рукопись «Повесть о Михаиле Тверском», 1966).

[37] А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. ИОРЯС, т. VIII, ч. 4, 1903 и т. IX, ч. 1, 1904; А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись.—«Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 218.

[38] Отметим, что в древнейших летописях при упоминаниях о супругах или дочерях князя во многих случаях они именуются по мужу или отцу, без указания собственного имени («Всеволожая», «Володимеряя», «дщи Володарева» и т. п.).

[39] См. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов, стр. 133—145.

[40] Там же.

[41] А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник, стр. 356—358. Об уточнении даты свода см. прим. 36.

[42] В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 85.

[43] «Тверской сборник» представлен списком первой половины XVII в., составление летописи имеет дату 1534 г. (А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова. «Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова». СПб., 1899). О «Тверском сборнике» см. А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод; А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества.—«Известия АН СССР», 7 серия, отделение гуманитарных наук, № 9, 1930, стр. 709—738. Густынская летопись (XVII в.) в древнейшей части близка Ипатьевской, одним из источников которой был свод Рюрика, составленный в 1200 г. выдубицким игуменом Моисеем.

ческого царя Константина Мономаха Анастасией, не получила необходимых комментариев при публикации и оставалась вне поля зрения современных исследователей. Запись по своему характеру принадлежит к числу ктиторских записей, которые в своем большинстве являются исторически-достоверными источниками, и поэтому не может не приниматься во внимание при выяснении вопроса о происхождении Владимира Мономаха [44]. Можно рассчитывать, что привлечение этих сведений поможет выявить новые дополнительные материалы по данному вопросу, которые, в свою очередь, могут пролить свет на историю русско-византийских отношений середины XI в., остающихся еще во многом неясными.

---

[44] О записи в синодике имени основателя монастыря С. Б. Веселовский пишет: «Нет никаких оснований не доверять этим... записям: с такими вещами, как запись в синодике на вечное поминовение, не шутили, и никому не пришло бы в голову записывать в поминанье вымышленные имена... несуществующих предков» (Из истории древнерусского землевладения.— ИЗ, вып. 18, 1946, стр. 59).

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ПАТРИАРШЕСТВА В 1235 г. И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

После победы при Клокотнице в 1230 г. Иван Асень II объединил все земли с болгарским населением, включив в пределы Болгарии также области Фессалии и Албании. Болгарское государство превратилось в крупнейшую и сильнейшую державу на Балканском полуострове и стало играть важную роль в отношениях между государствами, возникшими на территории разгромленной в 1204 г. крестоносцами Византийской империи.

Продолжая политику своих предшественников, которые через укрепление самостоятельности болгарской церкви стремились к упрочению государственного суверенитета и светской власти государя, Иван Асень II направил свои усилия на превращение болгарской церкви в автокефальную церковь, а Тырновской архиепископии — в патриархию.

Вопрос о восстановлении болгарского патриаршества в 1235 г. в связи с международным положением Болгарии в то время уже неоднократно привлекал внимание исследователей [1]. Однако в работах, посвященных этому вопросу, остались невыясненными или неточно освещенными следующие проблемы: каков был объем прав Тырновской патриархии при ее учреждении в 1235 г.; была ли она в полной мере автокефальной и каковы были ее отношения с константинопольской патриархией [2]; не подверглись ли умалению прерогативы болгарского патриарха позднее, когда политическое положение Болгарии изменилось. Недостаточно выяс-

[1] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей. М., 1871, стр. 78—81; В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1235 г.—ЖМНП, ч. 238, март-апрель 1885 г., стр. 1—56, 206—238; Α. Μηλιαράκη. Ἱστορια τοῦ βασιλείου τῆς Νικαιας καὶ τοῦ δεσποτατου τῆς Ἠπειρου. Ἀθῆναι, 1898, σελ. 267—270; П. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., I, 1. Время и жизнь патриарха Евтимия Терновского. СПб., 1898, стр. 280—326; М. С. Дринов. Исторически преглед на българската църква.—Съчинения. София, 1911, стр. 66—67; Ив. Снегаров. История на Охридската архиепископия, I. София, 1924, стр. 143—152; В. Н. Златарски. Един фалсификат, който се отнася към българската история.—BS, II, 2, 1930, стр. 231—258; он же. История на Българската държава през средните векове, III. София, 1940, стр. 361—395; П. Ников. Църковната политика на Иван Асен II.—«Българска историч. библиотека», II, 3, 1930, стр. 361—395; Ст. Станојевић. Св. Сава и проглас бугарске патријаршије.— Глас српске краљевске академије, 156, 1933, стр. 171 сл.; Ф. И. Успенский. История Византии, III. М., 1948, стр. 554—564; Ив. Дуйчев. Приноси към историята на Иван Асен II.—«Списание на БАН», 66, 1943, стр. 147—179; Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1961, стр. 252—259.

[2] В период, когда Константинополь находился в руках латинян, византийский патриарх, имевший резиденцию в Никее, сохранял за собой официальный титул константинопольского патриарха.

нены, наконец, и отношения между болгарским государем и афонским протатом после Клокотницкой битвы и восстановления болгарского патриаршества.

Для ответа на все эти вопросы следует обратиться к тем данным византийских и латинских источников, которые до сих пор не привлекли достаточного внимания исследователей и которые могут бросить новый свет на указанные проблемы.

Весьма важным источником о событиях 1235 г. является сохранившийся в архиве Ивирского монастыря документ, переписанный из одного из древних типиков Ватопедского монастыря и известный под названием «Афоно-Ватопедское сказание» [3]. Этот документ, время написания которого не установлено, содержит сведения, не известные из других источников. Некоторые неточности и анахронизмы этого памятника способны вызвать сомнения в достоверности его данных. Язык источника является простонародным, стиль далек от литературных канонов, и это также затрудняет его использование. Исследователи весьма по-разному оценивают историческую ценность этого памятника. Одни полагают, что его повествование имеет под собой историческую основу и документ может быть использован в качестве источника [4]. Другие видят в нем лишь поздний тенденциозный фальсификат, не имеющий никакого значения [5]. Все предпринятые до сих пор попытки исследования и использования этого памятника всецело зависели от той интерпретации, которую дал ему его первый открыватель и издатель. Но эта интерпретация нуждается в известных поправках. В дальнейшем мы подвергнем критическому разбору и высказанные в историографии суждения относительно этого памятника, и сообщаемые им сведения, сравнив их с известиями Синодика царя Борила и некоторых других византийских и латинских источников.

До 1230/31 г. Иван Асень II поддерживал дружественные отношения с католическими странами. В 1221 г. он вступил в брак с венгерской принцессой Анной — Марией, дочерью короля Андрея II, который переслал одно из писем Асеня к папе Гонорию [6]. В 1228 г. болгарский царь принял предложение латинских баронов о брачном союзе между его дочерью Еленой и малолетним константинопольским императором Балдуином II [7]. В силу договора, который латиняне утвердили клятвой [8], болгарский царь становился регентом Балдуина. Этот период расцвета Болгарии и крупнейших дипломатических побед Асеня отразился в его тырновской надписи от 1230 г. «И фрязи(франки),— сказано там, — покорились деснице моей царственности, так как не имели другого царя, кроме меня» [9]. Вместе с тем эти слова показывают, что до 1230 г. Асень II не порывал связей с католическими странами и, по всей вероятности, соблюдал заключенную в 1204 г. Калояном и возобновленную в 1213 г. Борилом унию с папством [10]. Впрочем распространение

---

[3] Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, p. 187—189, 275.

[4] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 214, прим. 1; П. Сырку. Указ. соч., стр. 308—309; L. Petit. Les évêques de Thessalonique.—«Échos d'Orient», V, 1901/2, p. 31, № 54.

[5] В. Н. Златарски. Един фалсификат..., стр. 241—256.

[6] A. Theiner. Monumenta historiae Ungariae, I. Romae, 1859, p. 21. Ср. В. Н. Златарски. История, III, стр. 325, 326.

[7] Marini Sanuti Torselli Secreta fidelium Crucis, ed. Bongars. Gesta dei per Francos, II, p. 72.55—73.17.

[8] Договор носил заглавие: «Contractio matrimonialis de Balduino cum filia regis Ioannis» (см. В. Макушев, в: ЖМНП, 1869; Ив. Дуйчев. Приноси .., стр. 147 сл.).

[9] В. Н. Златарски. История, III, стр. 592—593.

[10] О характере унии при Калояне и Бориле см. В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 7—16; Ф. И. Успенский. История, III, стр. 423, 472. Следует заметить, что во внешней политике Болгарии при Бориле было два периода: в течение первого периода своего правления Борил, как это явствует из решений собора 1211 г.,

верховной власти болгарского царя на Латинскую империю не отвечало интересам высшего латинского духовенства. Оно не желало платить столь высокую цену за сохранение унии и союз с Болгарией.

Еще в 1229 г. в Перудже в присутствии папы был заключен тайный договор, по которому регентом Балдуина II был утвержден бывший иерусалимский король Иоанн де Бриень. Договор одновременно гарантировал неприкосновенность владений болгарского царя [11]. Перуджский договор ставил под вопрос упомянутый выше проект брака между Еленой и Балдуином II и регентство Асеня II. Действительно, после победы Асеня II в 1230 г. над Феодором Комнином союз с болгарским царем, с помощью которого латинские бароны стремились избавиться от опасного врага, какого они имели в лице Феодора, утратил для них свое значение [12].

Перуджский договор вступил в силу, и в 1231 г. в Константинополе состоялась торжественная коронация Иоанна де Бриеня императором [13]. Итак, обе державы (Болгария и Латинская империя) с 1228 г. по 1231 г. формально соблюдали союз, но фактически сохраняли свободу действий и выжидали развития событий. Доказательством этого является договор в Перудже. Латинские бароны пренебрегли соглашением с болгарским царем от 1228 г. и заключили договор в Перудже за его спиной. С другой стороны, Асень II еще в 1228 г. начал переговоры с патриархом Германом II, представлявшим интересы враждебной латинянам Никейской империи [14]. Однако договор латинян с Болгарией формально сохранял силу и в 1230 г., когда вскоре после Клокотницкой битвы с согласия латинян были торжественно перенесены из села Эпиват близ Силимврии в Тырнов мощи св. Петки [15].

В конце 1231 г. отношение Асеня II к римской курии и Латинской империи резко изменилось. Коронация де Бриеня наносила оскорбление болгарскому царю. Он порвал унию с Римом. Несмотря на то, что уния с папством гарантировала независимость болгарской церкви, она оставалась всегда чуждой болгарскому быту и болгарской культуре. К тому же в новой обстановке сохранение унии уже не отвечало интересам внешней политики Болгарского государства. Переговоры с Иоанном Ватацем были форсированы и завершились заключением военного союза, направленного против латинян и скрепленного договором о браке между Еленой и сыном Никейского императора Феодором. Асень II использовал союз и родство с Ватацем для упрочения своего суверенитета и обретения Болгарией церковной независимости [16].

В начале 1232 г. анкирский митрополит Христофор был послан в качестве наместника патриарха Германа II во владения правителя Эпирского царства деспота Мануила Комнина, чтобы взимать каноникон с тамошних церквей в пользу патриархии и решать другие важные дела в силу полученных им от патриарха широких церковных полномочий [17].

пытался ликвидировать унию, однако во втором периоде, начавшемся в 1213 г., он возобновил сношения с папством и с Латинской империей. Ср. В. Н. Златарски. История, III, 276, 302—310.

[11] См. В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 33—34; В. Н. Златарски. История, III, стр. 357.

[12] G. Ostorogrosky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 388.

[13] В. Н. Златарски. История, III, стр. 354—358.

[14] В письме от 1228 г. навпактского митрополита Иоанна Апокавка от имени греческих епископов Эпирского царства патриарху Герману II делается упрек за то, что в его письме «правитель Гема, скиф Асень, прославляется как величайший царь». Ср. В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII.—ВВ, III, 1898, стр. 235—236, 292. 34—35.

[15] См. Житие св. Петки, составленное патриархом Евфимием.—Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 432—433.

[16] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 208—209.

[17] Там же, стр. 40—41.

В качестве патриаршего наместника Христофор должен был известить о своем прибытии и Асеня II. В письме к болгарскому царю [18] Христофор писал, что намеревался вступить в сношения с Асенем II раньше, но ему помешали «светские бури» [19]. Он сообщал, что встретился на Афоне с бывшим болгарским архиереем, т. е. ему было известно, что болгарская церковь лишена своего пастыря. Патриарший наместник решительно отбрасывал мысль об автономии болгарской церкви [20]. Он указывал, что новый болгарский архиепископ должен быть поставлен или патриархом, или его наместником [21]. В начале письма Христофор хвалил болгарского царя за его благочестие и объяснял его военные успехи как награду «свыше» за его добродетели. Эти слова Христофора свидетельствуют о переменах во внешней политике Болгарии, о ликвидации унии с папством и переговорах с Никейской империей, которые велись через патриарха. Этим обстоятельством и объясняется отъезд на Афон тырновского архиерея и «вдовство» болгарской церкви. В письме Христофора содержится намек на победу при Клокотнице, которая приписывается православной ориентации Асеня, хотя, строго говоря, она произошла до его обращения к «благочестию» [22].

Судя по содержанию и тону этого письма, можно предполагать, что отправление митрополита Христофора в западные провинции бывшей Византийской империи имело также целью вовлечь болгарскую церковь в сферу влияния византийской патриархии. Данные письма Христофора свидетельствуют о переговорах между Тырновым и Никеей до 1233 г. Болгарский государь, порвав унию с папством, добивался церковной независимости на пути сближения с византийской патриархией [23].

В таких условиях дело быстро шло к союзу между Асенем и Иоанном Ватацем. Впрочем, из-за недостатка сведений мы не можем сказать с уверенностью, сопровождались ли домогательства Асеня предложением союза и брака его дочери Елены с сыном Ватаца Феодором. Нам вообще неизвестны ход и подробности этих переговоров [24].

В том же 1233 г. Ватац возобновил попытку достигнуть соглашения с папой об устранении канонических разногласий между западной и восточной церквами. Переговоры между папским нунцием и никейским правительством продолжались и в 1234 г. в Никее, а затем в Нимфее. Однако твердого согласия достигнуто не было [25]. Никейская империя находилась в это время под угрозой феодальных междоусобий. Правитель острова Родоса Лев Гавала провозгласил себя независимым и вступил в союз с венецианцами. Константинопольский же император Иоанн де Бриень воспользовался моментом, когда флот Ватаца воевал против Гавалы, и осадил Лампсак, военный порт никейского императора [26]. В конце 1234 г. Ватац заключил союз с Асенем, скрепленный помолвкой Елены и Феодора (9 и 11 лет), а Бриень попросил помощи у венецианцев и папства [27].

Весной 1235 г. Ватац осадил и взял укрепленный венецианцами Галлиполи. Сюда прибыл и болгарский царь с царицей Марией и дочерью Еленой и с многочисленной свитой из светских и духовных лиц. В свите

[18] Это письмо издано В. Г. Васильевским (Обновление..., стр. 53—55). Издатель датирует письмо 1233 г. (там же, стр. 51).
[19] Там же, стр. 54.
[20] Там же, стр. 54—55.
[21] Там же, стр. 55.
[22] Там же, стр. 52—53.
[23] Там же, стр. 48.
[24] К этому вопросу мы вернемся ниже (стр. 140—148).
[25] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 48; Ф. И. Успенский. История, т. III, стр. 559.
[26] Α. Μηλιαράκης. Op. cit., p. 259—263.
[27] Ibid., p. 267—268; Ф. И. Успенский. История, III, стр. 559—560.

верховной власти болгарского царя на Латинскую империю не отвечало интересам высшего латинского духовенства. Оно не желало платить столь высокую цену за сохранение унии и союз с Болгарией.

Еще в 1229 г. в Перудже в присутствии папы был заключен тайный договор, по которому регентом Балдуина II был утвержден бывший иерусалимский король Иоанн де Бриень. Договор одновременно гарантировал неприкосновенность владений болгарского царя [11]. Перуджский договор ставил под вопрос упомянутый выше проект брака между Еленой и Балдуином II и регентство Асеня II. Действительно, после победы Асеня II в 1230 г. над Феодором Комнином союз с болгарским царем, с помощью которого латинские бароны стремились избавиться от опасного врага, какого они имели в лице Феодора, утратил для них свое значение [12].

Перуджский договор вступил в силу, и в 1231 г. в Константинополе состоялась торжественная коронация Иоанна де Бриеня императором [13]. Итак, обе державы (Болгария и Латинская империя) с 1228 г. по 1231 г. формально соблюдали союз, но фактически сохраняли свободу действий и выжидали развития событий. Доказательством этого является договор в Перудже. Латинские бароны пренебрегли соглашением с болгарским царем от 1228 г. и заключили договор в Перудже за его спиной. С другой стороны, Асень II еще в 1228 г. начал переговоры с патриархом Германом II, представлявшим интересы враждебной латинянам Никейской империи [14]. Однако договор латинян с Болгарией формально сохранял силу и в 1230 г., когда вскоре после Клокотницкой битвы с согласия латинян были торжественно перенесены из села Эпиват близ Силимврии в Тырнов мощи св. Петки [15].

В конце 1231 г. отношение Асеня II к римской курии и Латинской империи резко изменилось. Коронация де Бриеня наносила оскорбление болгарскому царю. Он порвал унию с Римом. Несмотря на то, что уния с папством гарантировала независимость болгарской церкви, она оставалась всегда чуждой болгарскому быту и болгарской культуре. К тому же в новой обстановке сохранение унии уже не отвечало интересам внешней политики Болгарского государства. Переговоры с Иоанном Ватацем были форсированы и завершились заключением военного союза, направленного против латинян и скрепленного договором о браке между Еленой и сыном Никейского императора Феодором. Асень II использовал союз и родство с Ватацем для упрочения своего суверенитета и обретения Болгарией церковной независимости [16].

В начале 1232 г. анкирский митрополит Христофор был послан в качестве наместника патриарха Германа II во владения правителя Эпирского царства деспота Мануила Комнина, чтобы взимать каноникон с тамошних церквей в пользу патриархии и решать другие важные дела в силу полученных им от патриарха широких церковных полномочий [17].

пытался ликвидировать унию, однако во втором периоде, начавшемся в 1213 г., он возобновил сношения с папством и с Латинской империей. Ср. В. Н. Златарски. История, III, 276, 302—310.

[11] См. В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 33—34; В. Н. Златарски. История, III, стр. 357.

[12] G. Ostorogrosky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 388.

[13] В. Н. Златарски. История, III, стр. 354—358.

[14] В письме от 1228 г. навпактского митрополита Иоанна Апокавка от имени греческих епископов Эпирского царства патриарху Герману II делается упрек за то, что в его письме «правитель Гема, скиф Асень, прославляется как величайший царь». Ср. В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII.—ВВ, III, 1898, стр. 235—236, 292. 34—35.

[15] См. Житие св. Петки, составленное патриархом Евфимием.—Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 432—433.

[16] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 208—209.

[17] Там же, стр. 40—41.

В качестве патриаршего наместника Христофор должен был известить о своем прибытии и Асеня II. В письме к болгарскому царю [18] Христофор писал, что намеревался вступить в сношения с Асенем II раньше, но ему помешали «светские бури» [19]. Он сообщал, что встретился на Афоне с бывшим болгарским архиереем, т. е. ему было известно, что болгарская церковь лишена своего пастыря. Патриарший наместник решительно отбрасывал мысль об автономии болгарской церкви [20]. Он указывал, что новый болгарский архиепископ должен быть поставлен или патриархом, или его наместником [21]. В начале письма Христофор хвалил болгарского царя за его благочестие и объяснял его военные успехи как награду «свыше» за его добродетели. Эти слова Христофора свидетельствуют о переменах во внешней политике Болгарии, о ликвидации унии с папством и переговорах с Никейской империей, которые велись через патриарха. Этим обстоятельством и объясняется отъезд на Афон тырновского архиерея и «вдовство» болгарской церкви. В письме Христофора содержится намек на победу при Клокотнице, которая приписывается православной ориентации Асеня, хотя, строго говоря, она произошла до его обращения к «благочестию» [22].

Судя по содержанию и тону этого письма, можно предполагать, что отправление митрополита Христофора в западные провинции бывшей Византийской империи имело также целью вовлечь болгарскую церковь в сферу влияния византийской патриархии. Данные письма Христофора свидетельствуют о переговорах между Тырновым и Никеей до 1233 г. Болгарский государь, порвав унию с папством, добивался церковной независимости на пути сближения с византийской патриархией [23].

В таких условиях дело быстро шло к союзу между Асенем и Иоанном Ватацем. Впрочем, из-за недостатка сведений мы не можем сказать с уверенностью, сопровождались ли домогательства Асеня предложением союза и брака его дочери Елены с сыном Ватаца Феодором. Нам вообще неизвестны ход и подробности этих переговоров [24].

В том же 1233 г. Ватац возобновил попытку достигнуть соглашения с папой об устранении канонических разногласий между западной и восточной церквами. Переговоры между папским нунцием и никейским правительством продолжались и в 1234 г. в Никее, а затем в Нимфее. Однако твердого согласия достигнуто не было [25]. Никейская империя находилась в это время под угрозой феодальных междоусобий. Правитель острова Родоса Лев Гавала провозгласил себя независимым и вступил в союз с венецианцами. Константинопольский же император Иоанн де Бриень воспользовался моментом, когда флот Ватаца воевал против Гавалы, и осадил Лампсак, военный порт никейского императора [26]. В конце 1234 г. Ватац заключил союз с Асенем, скрепленный помолвкой Елены и Феодора (9 и 11 лет), а Бриень попросил помощи у венецианцев и папства [27].

Весной 1235 г. Ватац осадил и взял укрепленный венецианцами Галлиполи. Сюда прибыл и болгарский царь с царицей Марией и дочерью Еленой и с многочисленной свитой из светских и духовных лиц. В свите

[18] Это письмо издано В. Г. Васильевским (Обновление..., стр. 53—55). Издатель датирует письмо 1233 г. (там же, стр. 51).
[19] Там же, стр. 54.
[20] Там же, стр. 54—55.
[21] Там же, стр. 55.
[22] Там же, стр. 52—53.
[23] Там же, стр. 48.
[24] К этому вопросу мы вернемся ниже (стр. 140—148).
[25] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 48; Ф. И. Успенский. История, т. III, стр. 559.
[26] Ἀ. Μηλιαράκης. Op. cit., p. 259—263.
[27] Ibid., p. 267—268; Ф. И. Успенский. История, III, стр. 559—560.

находились и представители афонских монастырей, которые в то время были под покровительством Асеня. Торжественное бракосочетание Елены и Феодора было совершено на азиатском берегу пролива, в Лампсаке, самим патриархом Германом. Непосредственно после этого тырновского архиерея, который до тех пор, согласно упомянутому письму Христофора и свидетельству Акрополита, «был подчинен константинопольскому патриарху», объявили автокефальным и провозгласили патриархом [28]. Затем союзные войска взяли крепость Ган и другие поселения в Восточной Фракии, а летом того же 1235 г. осадили Константинополь.

Создание самостоятельной церкви вело к утверждению суверенитета Болгарского государства. Это отвечало жизненным потребностям болгарского народа, которому остались чуждыми догматы римско-католической церкви [29].

Создание независимой православной церкви в Болгарии было подготовлено предшествующими событиями и совершалось этапами. Оно началось после ликвидации унии в 1231 г., т. е. вскоре после битвы при Клокотнице. В житии св. Петки патриарх Евфимий сообщает, что Иван Асень овладел «всей Македонией, Сересом, Афоном (Святой Горой), славной Солунью, всей Фессалией, Трибаллами (сербскими областями), а также Далмацией, Албанией, вплоть до Драча. Он поставил в них светло и благочестиво (свѣтлѣ и благочъстнвѣ) митрополитов и епископов, как ясно свидетельствуют его светлые хрисовулы славной святогорской Лавре и протату» [30].

Из этого сообщения следует, что болгарский царь приступил к церковной реорганизации присоединенных им юго-западных болгарских земель. Часть этих земель находилась под непосредственной властью латинских рыцарей и баронов. Там, следовательно, церковь была в руках католического духовенства. Указание на перемены, которые наступили в этих землях после 1230 г., содержится в позднем греческом переводе жития св. Петки (этого отрывка нет в болгарском оригинале). «В них (во вновь присоединенных землях), — сказано там, — он поставил митрополитов и епископов, после того как отстранил прежних из-за их приверженности к латинянам (διὰ τὸ λατινοφρονεῖν), так как, взяв Константинополь, франки подчинили своим догмам как архиереев, так и их паству. Впрочем папские слуги не хотят мира, а сеют смуту и раздоры между церквами и развращают народ, почитающий имя Христа, стремясь к тому, что враждебно доброму началу» [31].

Переводчик жития счел нужным объяснить, почему болгарский государь, который не делал больших административных перемен в новоприсоединенных землях, нашел необходимым отстранить всех прежних архиереев. Причиной этого было желание заменить католическое духовенство православным. Новые болгарские митрополиты и епископы были рукоположены или константинопольским патриархом, или его полномочным наместником Христофором Анкирским [32]. В письме Христофора Асеню упоминается о договоре (συνθήκας) между болгарской и византийской церквами. На основании этого договора и были поставлены упомянутые выше митрополиты. На том же основании Христофор требо-

[28] G e o r g i i A c r o p o l i t a e opera, ed. A. Heisenberg, v. I. Lipsiae, 1903, p. 48. 21—49. 5; 50.25—51.3. Ср. В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Обновление..., стр. 210—216.

[29] См. житие св. Петки в изд. Й. Иванова (указ. соч., стр. 432). Ср. П. С ы р к у. Указ. соч., стр. 311—312.

[30] П. С ы р к у. Указ. соч., стр. 312. Греческий перевод этого жития сделан митрополитом Матвеем, который около 1618 г. писал историю Влахии. Как отмечает Сырку, невозможно установить с достоверностью, сделано ли это добавление на основе не дошедшего до нас списка жития или оно является объяснением самого переводчика.

[31] П. С ы р к у. Указ. соч., стр. 312—313.

[32] MM, III, p. 65.

вал, чтобы тырновский архиепископ, после того как он будет избран подчиненными архиепископии архиереями, прибыл к нему для канонического рукоположения, «как будто от патриаршей и божественной руки»[33]. Впрочем, Асень, кажется, не был склонен выполнять предписания Христофора, ибо далее тот же Христофор писал в своем послании: «Пусть твоя царственность изберет то или другое (т. е. путь тырновский архиепископ будет рукоположен либо Христофором, либо патриархом), и никакая другая мысль да не прийдет тебе на ум, как, например, такая — кем будет избран, теми пусть и будет рукоположен» [34]. Из Синодика царя Борила известно, что тырновский архиепископ был рукоположен еще до того, как стал патриархом, так как он упомянут там как «прежде освященный архиепископ» [35]. Мы не располагаем достаточно определенными сведениями о том, было ли точно выполнено требование Христофора. Однако дальнейшее развитие событий позволяет предполагать, что болгарский царь сохранил известную свободу действий и, не нарушая открыто достигнутого с Никеей соглашения, последовательно и постепенно подготовил признание полной независимости болгарской церкви. Политическая обстановка благоприятствовала решению этой проблемы. Асень удачно воспользовался для достижения своей цели тем положением, в котором находилась Никейская империя в 1234 г. Начался заключительный этап борьбы за церковную независимость, который завершился в 1235 г. провозглашением болгарской патриархии. Новые данные об этом событии сообщает Афоно-Ватопедское сказание.

В архиве Ватопедского монастыря Порфирий Успенский обнаружил документ, содержащий сведения об истории монастыря и о его правах. В своих трудах «Восток христианский» и «История Афона», в которых излагается история епархии Афон — Иериссо, Успенский опубликовал текст этого памятника в переводе на русский язык [36]. Поскольку данная Успенским и принятая до сих пор всеми исследователями интерпретация текста сказания нуждается в некоторых поправках, считаем необходимым дать здесь современный перевод по изданию Майера.

УВЕДОМЛЕНИЕ εἴδησις О ТОМ, ЧТО ЕПИСКОП ИЕРИССО НЕ ИМЕЕТ НИКАКОЙ ВЛАСТИ НАД СВЯТОЙ ГОРОЙ

Описание события, случившегося при господине Иване Асене, который правил в Загоре и овладел также многими ромейскими крепостями.

«Так как он [Иван Асень] настаивал на том, чтобы в его стране был поставлен патриарх, и упорно добивался этого, было решено, после того как он получил согласие (τὸ ἐνδόσιμον) [37] церкви, учредить в Загоре

[33] В. Г. Васильевский. Обновление..., стр. 54—55.

[34] Там же, стр. 55.

[35] М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. 86, л. 31а.

[36] П. Успенский. Восток христианский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г., I, 1. Киев, 1877, стр. 46—47; его же. История Афона, III, ч. 2. Киев, 1892, § 65, стр. 82—85 (цит. по: В. Н. Златарски. Един фалсификат..., стр. 231). Критическое издание этого текста см. Ph. Meyer. Die Haupturkunde für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 187—89. По своему содержанию этот документ состоит из двух частей: 1) Описание церемонии венчания патриарха и бракосочетания Елены и Феодора (стр. 187.30—189.12); 2) Синодальное решение о самоуправлении афонских монастырей (стр. 189. 13—33). Греческий текст сохранился в двух рукописях: Cod. κελ. ἁγίας Τριάδος (-Τ) 1784 г. (См. Ph. Meyer. Op cit., S. 273) и Cod. Iber, № 388 XV в. (см. ibid., S. 275). Издание Майера осуществлено по первой рукописи. В том же издании опубликована и новелла Алексея I Комнина от 1109 г. о правах Ватопедского монастыря. Эти документы были повторно опубликованы и переведены В. Н. Златарским (Един фалсификат..., стр. 235—237). От его внимания, однако, ускользнула публикация новеллы Майером (Ph. Meyer. Op. cit., S. 172. 1—12), как и датировка издателем первой рукописи (ibid., S. 273).

[37] П. Успенский (Восток христианский, стр. 46) переводит τὸ ἐνδόσιμον τῆς ἐκκλησίας εἴληφε словами «перестал давать ей (церкви.—*Г. Ц.—П*) подать». Это толкование приняли В. Г. Васильевский (указ. соч., стр. 214, прим. 1), П. Сырку (указ.

местную патриархию. Первым ее патриархом был избран бывший митро полит Филиппи Григорий. Вопреки церковным канонам он рукоположи митрополита Солуни и приложил все усилия к тому, чтобы поставить епископа и в Иериссо, желая лишить рукоположенного им солунского [митрополита] по имени Михаила Братана его енории в этой епископии Но солунский митрополит заступился за свои права и отправился к ца рю, чтобы пожаловаться на своего патриарха. Прочие подвизающиеся на Святой Горе монахи, число которых достигало (συναχθέντες) 3000 [38] все избранники божие, преуспевшие в подвижничестве, ни патриарха не признавали, ни согласия не давали на рукоположение епископа в Иериссо как этим патриархом, так и митрополитом Братаном. Поэтому они (также) отправились к царю, который находился тогда в Галлиполи [39]. Он праздновал в то время свадьбу своей дочери Елены с сыном блаженной памяти императора [Иоанна] Дуки Ватаца. Так как там находился и константинопольский патриарх кир Мануил, бывший митрополит Эфеса, была поставлена на рассмотрение в присутствии двух госу дарей жалоба на патриарха Загоры и солунского митрополита. Поскольку константинопольский [патриарх] сильно заступался за них, указывая и на другие права [40], а также на изданное некогда с восковой печатью распоряжение блаженнопамятного среди императоров кир Алексея Комнина [41], эти монахи были признаны полностью правыми (ἐδικαιώθησαν) [42] Тогдашний константинопольский патриарх вместе с находящимся там советом архиереев в соответствии с содержанием упомянутого императорского распоряжения постановили, что епископ Иериссо не имеет никаких канонических прав на Святую Гору. Определили [также], что патриарх Загоры не может вторгаться в не принадлежащие к его церкви митрополии совершать [там] рукоположение или исполнять другие церковные службы. Тогдашний филадельфийский митрополит Фока особенно упорно настаивал на безусловном низложении загорского патриарха. Но поскольку царь Асень выступил против того, чтобы был низложен, как упомянуто, его патриарх, решили лучше низложить солунского митрополита как рукоположенного вопреки церковным законам и против согласия константинопольского патриарха. После этого патриарх немедленно в присутствии и с согласия двух государей рукоположил в качестве солунского митрополита святейшего Мануила Дисипата, который позднее стал исповедником

соч., стр. 308), В. Н. Златарский (Един филсификат..., стр. 238). Однако ἐνδόσιμο означает не «налог» (τέλος), как считали до сих пор исследователи, а «согласие», «милость», «уступка» (см. Theusaurus linguae graecae, s. v. ἐνδόσιμον, ἐνδιδόναι (—indulgentia, indulgentem se praebere). Кроме того, εἴληφε означает «взял», «получил», а не «перестал давать». Может быть, в силу этого неточного толкования слова ἐνδόσιμον текст сказания стали связывать с грамотой патриарха Каллиста от 1355 г. и с оправдательной грамотой патриарха Германа, в которой идет речь об обязанностях болгарской церкви (τέλη καὶ φόρους) по отношению к константинопольской патриархии (ММ, I, p. 438).

[38] Общее число монахов достигало 3000 человек. Неточным является понимание «собрались в числе 3000» (см. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 214, прим. 1; В. Н. Златарски. Един фалсификат..., стр. 238). Здесь имеются в виду представители монахов, а не все они (числом до 3000).

[39] По Афоно-Ватопедскому сказанию собор состоялся в Галлиполи, согласно же Акрополиту (Acropolitae, I, p. 50. 19—51.3) Асень остался в Галлиполи, а бракосочетание и собор имели место в Лампсаке. Вполне вероятно, вопрос о патриархии решался в Галлиполи, в присутствии Асеня и Ватаца, а затем был санкционирован на соборе в Лампсаке.

[40] Здесь идет речь об утвержденных документами правах (δίκαια) и привилегиях афонских монахов.

[41] Текст этого распоряжения опубликован Майером (Ph. Meyer. Op. cit., S. 172) в переписке императора Алексея Комнина и патриарха Николая. Этим документом афонским монахам было дано право церковной независимости.

[42] У упомянутых выше исследователей (см. прим.1) это место истолковано неточно: «эти монахи полностью оправдались».

Святой синод [43] архиепископов решил также, чтобы святогорские монахи не были никому подвластными, и постановил, не лишая солунского митрополита его прав, чтобы епископ Иериссо избирался митрополитом Солуни, но не имел никаких прав на святые святогорские монастыри. Если же возникнет необходимость в каком-либо священнодействии или в освящении храма, то пусть этот епископ прийдет после приглашения с условием, что он всецело сохранит принятые некогда собором решения. Если же монахи заметят, что он нарушает эти решения, то пусть священнодействия в упомянутых святогорских монастырях будут совершены другим архиереем по распоряжению преподобного святогорского предстоятеля.

После этого следовали угрозы отлучения и предания анафеме на случай нарушения или умаления чего-нибудь из того, что было тогда торжественно решено. Постановления были скреплены и утверждены подписями константинопольского патриарха и присутствовавших архиереев. Оба государя, заверив их (постановления) подписями, сделанными красными чернилами, приказали, чтобы они имели силу на вечные времена, как правдиво передает это в своем сочинении великий логофет Акрополит, который начинает свое изложение со взятия Константинополя латинянами» [44].

Как видно из приведенного документа, он был написан после смерти Иоанна Ватаца (1222—1254) [45]. Его автором был греческий монах, который передает события с точки зрения интересов греческих монахов, стремившихся к независимости святогорских монастырей.

Ясно, что автор текста знаком с «Историей» Георгия Акрополита, написанной между 1261—1282 гг. Ясно также, что некоторые исторические факты переданы в этом рассказе неточно. Так, первый болгарский патриарх Иоаким, имя которого известно из Синодика царя Борила, здесь назван Григорием — бывшим митрополитом Филиппи [46]. Имя тогдашнего константинопольского патриарха Германа II (1226—1240) спутано с именем его предшественника Мануила I (1215—1221) или с именем одного из его преемников — Мануила II (1244—1254) [47]. Солунский митрополит по имени Михаил Братан [48] до сих пор не известен, тогда как сообщенное в документе имя его преемника Мануила Дисипата [49] (Описара) хорошо известно из исторического сочинения Георгия Акрополита, говорящего о нем под 1261 г. [50]

Разумеется, смешение имен и дат в этом документе значительно умаляет его ценность как исторического источника. Необходимо также иметь в виду, что памятник написан на простонародном греческом языке [51]. Вероятно, его автором был монах-самоучка, который поставил

---

[43] Здесь начинается вторая часть Афоно-Ватопедского сказания, которая у В. Н. Златарского опубликована как отдельный отрывок под заголовком: ἕτερον συνοδικόν (Един фалсификат..., стр. 237).

[44] См. Ph. Meyer. Die Haupturkunde..., S. 188. 1—189. 31.

[45] «Блаженной памяти»— сказано о нем в тексте (ibid., p. 188. 20), живой же император обычно обозначался как εὐσεβής, εὐσεβέστατος (благочестивый, благочестивейший). Terminus post quem составляет упоминание о солунском митрополите Мануиле Дисипате (см. ниже, прим. 50).

[46] Ph. Meyer. Op. cit., p. 188. 5—6.

[47] Ibid., p. 188. 22.

[48] Ibid., p. 188.9.

[49] Ibid., p. 189. 12. Ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 215. Л. Пти (L. Petit. Les évêques de Thessalonique. Échos d'Orient, V, 1901—1902, p. 31) отмечает, что Михаил Братан действительно мог быть солунским митрополитом между 1223—1235 гг., так как сохранившиеся списки митрополитов этого города являются неполными.

[50] Acrop., I, p. 178.11—179.1.

[51] См. некоторые выражения: Ph. Meyer. Op. cit., p. 188.23—26.

своей целью рассказать о важном событии в истории монастыря — об утверждении его прав на самоуправление.

Итак, документ написан не современником. Хотя точная датировка его написания затруднительна, принимая во внимание события и лица, упомянутые в нем, можно принять как наиболее вероятную дату последнюю четверть XIII в. [52] Вопреки тому, что текст этого «смутного памятника» *не отличается большой точностью и не принадлежит современнику*, он, однако, не только содержит историческую основу [53], но является ценным дополнением к данным Синодика царя Борила, «Истории» Акрополита и сочинениям некоторых латинских авторов об учреждении болгарской патриархии.

Он сообщает важные и неизвестные по другим источникам сведения об объеме власти и прав тырновского патриарха, т. е. по вопросу, который недостаточно выяснен и порождает много споров и разногласий. Из нашего документа следует, что болгарская церковь была признана автокефальной с «милостивого согласия» константинопольского патриарха по соборному решению представителей восточной церкви. В силу этого решения учреждалась «местная патриархия» в Загоре, причем не было речи о какой-либо налоговой или иной зависимости новой патриархии от византийской церкви [54].

На соборе, в присутствии Ивана Асеня и Иоанна Ватаца, были рассмотрены и некоторые споры между тырновской патриархией, с одной стороны, и *епархиями Иериссо, Солуни и правлением афонских монастырей*, с другой. Известно, что в то время афонские монастыри имели общее управление, в состав которого входили представители отдельных монастырей (так наз. протат), и один общий представитель, избиравшийся монахами и утверждавшийся патриархом. Эта автономия святогорских монастырей была подтверждена упомянутой выше грамотой с восковой печатью Алексея I от 1109 г., которая сохранилась в архиве монастыря. Эта грамота гласит:

«Итак, мы постановляем: пусть Святая Гора будет свободной, а монахи не будут обязаны никакими налогами или другими тяготами во веки веков, но пусть они поминают императоров и молятся неотступно за весь свет. Повелеваем областным и пограничным правителям: светские власти не имеют доступа на Святую Гору. До сих пор ни они не ставили епископа, ни мы его не ставили в силу изложенного и в силу их изначальных прав — не ограничивать церковь, не приказывать пресвитерам или не наказывать их. Но мы вместе с ними (пресвитерами, т. е. монахами.— *Г. Ц.-Н.*)

---

[52] В. Н. Златарский (Един фалсификат..., стр. 256) датирует этот документ второй половиной XIV в., ссылаясь главным образом на «внутреннюю связь» памятника с грамотой патриарха Каллиста от 1355 г. Он имеет в виду налоговые обязательства тырновской патриархии в отношении константинопольского патриарха, которые имели место согласно грамоте Каллиста, и налоги, «которые Иван Асень перестал» платить патриарху Герману, как об этом говорится, по его мнению, в нашем памятнике. Но, как мы уже видели, это толкование вытекает из неточного перевода слова ἐνδόσιμον и, следовательно, аргументация Златарским его датировки ошибочна. Кроме того, если бы автор сказания знал о грамоте Каллиста, он, по нашему мнению, не преминул бы упомянуть о ней.

[53] Многие данные памятника подтверждаются рассказом Синодика царя Борила, в котором сообщается, что патриарх Герман уступил настояниям (поспешенiемь) Ивана Асеня об учреждении болгарской патриархии (М. Г. Попруженко. Указ. соч., стр. 94, л. 29б). Участие святогорских монахов в церемонии и издании особого документа после венчания также отмечено в Синодике (там же, стр. 87, л. 31а).

[54] Конечно, известная каноническая зависимость болгарской церкви от византийской существовала, как она существовала и для прочих восточных патриархий: Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской. Каноническая иерархия тогдашних церквей была установлена на 12 вселенском соборе в Латеране в 1215 г. Первое место занимала римская церковь, за нею шла константинопольская, затем александрийская, антиохийская и, наконец, иерусалимская (см. I. Héfélé. Histoire des conciles, v. 2. Paris. 1913, p. 1335).

объявили прота их единственной главой и владыкой. Те, кто пренебрежет этим, подвергнется нашему гневу» [55].

Уже эта новелла предоставляла афонским монахам право на самоуправление, но они опасались, как бы оно у них не было отнято при новых обстоятельствах. Дело в том, что ныне территория Афона попала под власть болгарского царя, а тырновский патриарх еще до совершения брачной церемонии в Лампсаке рукоположил в качестве епископа Солуни болгарина Михаила Братана [56]. Еще большие опасения монахов вызвало рукоположение болгарского епископа в Иериссо, находящееся в непосредственной близости от Афона. Они боялись за свою церковную независимость. Недоволен был и солунский митрополит, так как с поставлением епископа в Иериссо уменьшалась солунская епархия.

Эти сложные взаимоотношения нужно было урегулировать в Галлиполи и Лампсаке в 1235 г. Афоно-Ватопедское сказание позволяет нам сделать вывод, что не все вопросы были решены на одном заседании. Акт учреждения болгарской патриархии и оформление ее прав соборным постановлением были осуществлены на первом заседании. На втором заседании были рассмотрены претензии солунского митрополита и жалобы святогорских монахов. Их представители явились в Лампсак в 1235 г. [57] Крайнюю точку зрения по спорному вопросу высказал филадельфийский митрополит, который настаивал на «безусловном низложении (καθαίρεσιν τελείαν) загорского патриарха» [58]. Иван Асень должен был пойти на уступки. Главным для Болгарского государства было учреждение и укрепление патриархии. Ради этого было нужно отказаться от солунской епархии. Собор постановил, что «патриарх Загоры не может вторгаться в не принадлежащие его церкви митрополии». Любопытно, однако, постановление собора о епископе Иериссо [59]. Поставленный болгарским патриархом епископ Иериссо не был смещен с его кафедры. Ему не было полностью отказано и в праве участия в канонических делах святогорских монастырей. В известных случаях он допускался к церковной службе на Афоне, однако при условии, что будет соблюдать решения собора, т. е. не нарушит автономии монастырей. При этом он оставался в каноническом подчинении у солунского митрополита.

Таким образом, благодаря умелому дипломатическому маневру Асеня, отказываясь от власти над солунской митрополией, болгарская церковь получала полную автокефальность.

Решение собора об учреждении болгарской патриархии было утверждено особой грамотой, скрепленной подписями патриарха Германа и остальных восточных патриархов [60]. В грамоте патриарха Каллиста от 1355 г. упоминается о врученном тырновскому патриарху Иоакиму документе (свитке — τόμος), в котором говорилось о его статусе. К сожалению, мы не располагаем подлинным греческим текстом этого документа, исходящего от патриарха Германа, а лишь его истолкованием в грамоте патриар-

---

[55] Ph. Meyer. Op. cit., p. 172.1—12.

[56] Ibid., p. 188. 13.

[57] Ph. Meyer. Op. cit., p. 188. Ошибочное мнение (см. прим. 38), что в Лампсак явилось 3000 монахов, объясняется неточным выражением автора сказания, который, желая сказать о представителях монашества, написал: οἵ γε κατα τὸν αγιον ὄρος ἀσκούμενοι μοναχοὶ, εις τρισχιλίους συναχθέντες etc.

[58] Ph. Meyer. Op. cit., p. 188. 33—189. 3. Что этот вопрос обсуждался на втором заседании, мы заключаем из того, что требование филадельфийского митрополита о низложении болгарского патриарха не могло быть высказано одновременно с учреждением самой патриархии.

[59] Ph. Meyer. Op. cit., p. 189. 13—33. В некоторых изданиях это решение приведено под особым заглавием: ἕτερον συνοδικόν (В. Н. Златарски. Един фалсификат..., стр. 236—237).

[60] М. Г. Попруженко. Указ. соч., стр. 86—87. л. 31а: В СИГГИЛИ ПЕЧАТЛѢВШЕ.

ха Каллиста [61]. Эта грамота отражает развитие политических и церковных отношений между Византией и Болгарией в гораздо более позднее время. Поскольку подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи, мы отметим здесь лишь то обстоятельство, что ход событий после 1235 г. наложил отпечаток на способ выражения, каким передан в более позднем документе статус новосозданной болгарской патриархии.

Источники об учреждении патриархии в Болгарии, которыми мы располагаем, ничего не говорят ни о ее второстепенном значении сравнительно с остальными восточными патриархиями, ни о ее подчиненности константинопольской церкви. В конкретной международной обстановке того времени и при учете политических планов Никейской империей этот вопрос едва ли был поставлен на соборе в Лампсаке в 1235 г. [62]

После разгрома Феодора Комнина при Клокотнице в 1230 г. Никейская империя получила явный перевес над остальными греческими государствами, возникшими на территории Византии после 1204 г. К Никее обращали греки свои надежды на восстановление Византийской империи. Там находилась теперь резиденция константинопольского патриарха, который стал главой греческой народной церкви. Этот фактор имел огромное значение для укрепления власти никейского императора. Он давал законную силу его претензиям на константинопольский престол.

Впрочем, между 1233 и 1234 гг. Никейской империи угрожала серьезная опасность. Правитель острова Родоса Лев Гавала отделился и перешел на сторону венецианцев, которые владели Критом. Предпринятая по воле никейского императора в 1232 г. попытка патриарха Германа примириться с папством с целью улучшения отношения между Никейской империей и католическими странами окончилась неудачей. Противоречия еще более обострились. В таких условиях Иван Ватац решил обратиться за помощью к Ивану Асеню II [63].

Авторитет Болгарского государства, напротив, все более укреплялся. Западный хронист Марино Сануто, сообщая о переговорах о союзе между императором Балдуином II и Иваном Асенем и проекте брака Балдуина с Еленой, называет болгарского царя «мужем славным и могущественным (viri magnifici et potentis) в этих землях». Он добавляет при этом, что с помощью родства Балдуин хотел возвысить и укрепить свою власть (per quam parentalam dictus Balduinus conscendebat ad magna euisque imperium... firmabatur) [64].

В свою очередь, болгарский государь нуждался в том, чтобы его суверенитет был признан официально, а это, согласно средневековой практике, могло совершиться лишь через освящение его власти независимым церковным владыкой.

Затруднительное положение Никейской империи в это время описано Георгием Акрополитом, который в качестве логофета и императорского секретаря пребывал при дворе Иоанна Ватаца и его наследников с 1233 г. до своей смерти в 1282 г. [65] Акрополит говорит, что император сумел лик-

---

[61] Ср. П. Сырку. Указ. соч., стр. 281—284, 291—292

[62] Ср. там же, стр. 307.

[63] Ср. об этих событиях В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 206—208; В. Н. Златарски. История, III, стр. 376—380; Ф. И. Успенский. История, III, стр. 555—560.

[64] Marini Sanuti Secreta fidelium crucis, ed. Bongars. Gesta dei per Francos, II, IV, 8, p. 72. 55—73.2.

[65] Характерно в этом отношении письмо патриарха Германа западным кардиналам во время упомянутых выше переговоров о союзе с папой. В этом письме, желая указать своих возможных союзников среди тогдашних православных народов, он пишет: «Много больших народов разделяют наши мысли, во всем согласны с нами все греки... эфиопы, сирийцы и другие, еще более значительными являются ивиры, лазы, аланы, готы, хазары, бесчисленные русские и одержавший великие победы народ болгар» (см. Ф. И. Ус-

видировать и внутренние раздоры (бунт Гавалы) и внешние угрозы [66]. При этом он добавляет: «Он (император.—*Г. Ц.-П.*) отправил послов к болгарскому правителю Асеню, предложил ему породниться, обручив своих детей, и заключить военный союз друг с другом. Асень принял посольство, было заключено соглашение и были принесены клятвы» [67]. Далее Акрополит подробно описывает бракосочетание одиннадцатилетнего сына Ватаца Феодора Ласкариса и девятилетней дочери Асеня Елены [68]. Заканчивает он словами: «По императорскому и соборному постановлению (θεσπίσματι) [69] тырновский архиерей, подчиненный до сих пор Константинополю, приобрел самостоятельность и был провозглашен патриархом, так как облеченные властью люди отблагодарили болгарского правителя в силу родства и дружбы» [70].

Итак, с помощью Асеня Ватац утвердил свою власть на Галлиполийском полуострове, взял гору Ган и земли до нижнего течения р. Марицы, тогда как Асень сохранил за собой территорию, лежащую на север от занятой франками крепости Чурул [71]. Кроме того, оба государя осадили Константинополь, поставив в весьма тяжелое положение Иоанна де Бриеня, который наблюдал за ходом осады с городских стен [72].

Некоторые исследователи считают, что Акрополит ошибочно приписывает инициативу переговоров 1234 г. никейскому императору, и признают более достоверным сообщение Никифора Григоры, согласно которому сами болгары предложили Ватацу военный союз, скрепленный брачным договором [73]. В подкрепление этой точки зрения обычно приводят свидетельства латинских хронистов Марино Сануто и Дандоло [74]. Однако внимательный анализ сообщения Сануто по этому вопросу не подтверждает подобного взгляда. Сануто подробно описывает переговоры латинян с болгарским царем (которого он титулует imperator Exagorarum [75]), затем ликвидацию союза и брачного проекта. Согласно его рассказу, латинские бароны дали Балдуину коварный совет отказаться от дочери болгарского царя, хотя она была очень красивой, и взять в жены дочь Иоанна де Бриеня, тогдашнего короля Иерусалима. Балдуин, не разгадав коварства, последовал их недоброму совету (consilium inconsultum). Затем эти бароны содействовали коронации Иоанна де Бриеня в качестве константинопольского императора. Царь же Загоры (Exagorarum imperator), сильно возмущенный вышесказанным, отдал свою дочь в жены восточ-

---

пенский. Указ. соч., стр. 558). Говоря о переписке патриарха Германа с папой и кардиналами, Успенский дает неопределенные ссылки, не указывая страниц (C. Sathas. Bibliotheca graeca, II). У Сафы (op. cit., II, p. 39—46) опубликованы письма Германа к папе Григорию, но отсутствует указанное Успенским письмо патриарха к кардиналам.

[66] Acrop., I, p. 45. 22—48.19.

[67] Ibid., p. 48.24—49.5.

[68] О возрасте новобрачной сообщает Акрополит (Acrop., I, p. 48.21—24; 52.11).

[69] Речь идет о постановлении, скрепленном «рукописанием» двух государей и опубликованном во второй части Афоно-Ватопедского сказания (Ph. Meyer. Op. cit., p. 189. 29—31). Это письмо сохранилось лишь в пересказе (см. Matthieu, t. IV, p. 515. Ср. Α. Μηλιαράκη. Op. cit., p. 306, n. 1).

[70] Acrop., I, p. 50. 25—51.3.

[71] Ibid., I, p. 51.4—52.1.

[72] Ibid., p. 52. 3—5. Следует заметить, что Акрополит дает болгарскому царю титул ἄρχων — правитель (ibid., I p. 48.25) или вообще его не титулует (ibid., p. 51.26). Титул βασιλεύς он прилагает только к никейским императорам Иоанну Ватацу и Феодору Ласкарису, а также к болгарскому царю Калояну, власть которого была освящена папой (ibid. p. 21.6—7; 21.22); константинопольского латинского императора он обозначает титулом ῥήξ (ibid., p. 52.3).

[73] Nicephori Gregorae Byzantina historia, I. Bonnae, 1829, p. 29. 15—20.

[74] Ср. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 208; В. Н. Златарски. История, III, стр. 379—380. Однако Ф. И. Успенский (указ. соч., стр. 559) совершенно верно, по нашему мнению, приписывает инициативу Ватацу.

[75] Marini Sanuti Secreta..., p. 73.1.

ному греческому императору. Связанные этим родством оба государя подготовили поход по суше и по морю против Балдуина и венецианцев [76].

Хроника другого западного автора — Дандоло сообщает в связи с этими переговорами, что болгарский царь (imperator del Zagora) писал Иоанну Ватацу, который находился в Аколино (Галлиполи?), предлагая породниться и вступить в союз с тем, чтобы Ватац напал на латинян с востока, а он сам (болгарский царь) — с запада [77].

Итак, Марино Сануто рассказывает, что болгарский царь, оскорбленный вероломным поступком латинских баронов, решил выдать дочь за сына Иоанна Ватаца, но не говорит, кому принадлежала инициатива. Что касается сообщения Дандоло, то он, как и Сануто, рассказав о расстройстве проекта брака Елены с Балдуином, переходит затем к союзу между Асенем и Ватацем и, следуя нити своего повествования, главным лицом которого является Иван Асень, приписывает инициативу переговоров болгарскому царю. Его свидетельства обычно не очень точны, о чем можно судить и по ошибочной передаче названия города, где находился Ватац (Аколино вм. Галлиполи).

Никифор Григора, который писал свою «Историю» примерно в середине XIV в. (между 1330 и 1360 гг.), также сообщает, что болгары начали переговоры о мире и брачном союзе, в результате которых тырновский архиепископ, подчиненный до этого епархии Первой Юстинианы, получил независимость [78]. Как видно, и Григора, который писал значительно позднее и передавал сведения о событиях из вторых рук, также неточно осведомлен о действительном ходе дел в то время. Здесь следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Болгарское государство после 1230 г. находилось на вершине своего могущества, будучи для своих соседей настолько же опасным врагом, насколько желанным союзником. Неслучайно западные хронисты Сануто и Дандоло титулуют болгарского царя императором.

Георгий Акрополит не склонен признавать царский титул за Асенем даже после провозглашения Болгарской патриархии. Однако он ясно представлял себе затруднения Никейской империи, испытывавшей угрозу от внутренних распрей и от внешних врагов. В таких условиях Ватац, согласно Акрополиту, «нашел способ в трудный момент и сохранить целостность своего царства, что требовало большой сообразительности, и отразить неприятеля, чтобы и тем и другим путем укрепить свою власть» [79].

Эти слова византийского историка свидетельствуют о том, что политическая обстановка принудила Ватаца к союзу с Болгарским государством. Вновь, как и в 1204 г., между болгарами и греками был заключен союз против пришельцев — латинян. Во имя этого союза болгарский государь предоставил Восточную Фракию никейцам. Кроме того, афонские монастыри, которые он пытался взять под свое покровительство после 1230 г., должны были получить самоуправление и церковную независимость. Взамен этого болгарская церковь получала своего патриарха и автокефальность не от римской курии, а от православного константинопольского патриарха [80].

[76] Marini Sanuti Secreta..., p. 73.6—16. Exagorarum в выражении Exagorarum imperator произошло, вероятно, от слияния предлога ex с промежуточной формой Zagorae (вм. латинск. ex Zagora), что в ушах западного хрониста звучало, видимо, как одно слово — Exagorae (Exagorarum).

[77] Danduli Chronicon, ed. Muratorius. Scriptores rerum Italicorum, XII, p. 350.

[78] Nic. Greg., I, p. 29. 18—30.6.

[79] Acrop., I, p. 48. 15—18.

[80] Ср. Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 559—560. Нельзя принимать всерьез мнение Папаригопуло, который пишет, что союз Ватаца с Асенем «был недостоин величия Никейской империи» (Παπαρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, т. V, 1887, σελ. 66). Гораздо более объективным является точка зрения другого греческого историка — Милиараки, который отмечает, что Болгария в то время занимала первое место на Балканах (Α. Μηλιαράκη. Op. cit., σελ. 268).

Средневековые авторы не единодушны в передаче подробностей этих событий, так как переговоры велись в несколько этапов и так как каждый автор сообщает лишь то, что ему было известно или что он считает наиболее важным. Выше мы упоминали, что еще в 1231 г. Асень вел переговоры с Никеей, добиваясь получения церковной независимости Болгарии после разрыва унии с папством. Как мы видели, ответы Ватаца и патриарха Германа не были окончательными. Посланный на запад патриарший наместник Христофор Анкирский пытался укрепить над Болгарией власть константинопольской церкви. И в самом деле, после переговоров в Перудже значение унии становилось все более формальным, в церковном отношении Болгария оставалась подчиненной константинопольскому патриарху. Так продолжалось до 1234 г. Инициатива переговоров с Никеей в период между 1231—1234 гг. находилась в руках Ивана Асеня II. Однако после неудачной попытки Иоанна Ватаца заключить церковный и политический союз с католическими странами в 1234 г. сам Ватац под давлением внутренних и внешних врагов стал искать союза с Болгарией, сознавая, что необходимо удовлетворить требования болгарского правителя. На этом, втором этапе переговоров (со второй половины 1234 г. по 1235 г.) инициативу заключения политического союза, скрепленного браком Феодора и Елены, взял в свои руки Иоанн Ватац.

Именно этот второй этап переговоров, который завершился заключением политического союза и провозглашением независимости болгарской церкви, описан наиболее подробно Акрополитом, приписавшим инициативу Иоанну Ватацу. Высказанные здесь соображения подтверждают достоверность его рассказа.

С учетом политической обстановки 1234—1235 гг. следует рассматривать и вопрос о правовом положении тырновской патриархии. Как справедливо отмечает Милиараки, Болгария занимала в то время первое место среди других соседних государств, а болгарская церковь, подчиненная до этого константинопольскому патриарху, была объявлена автокефальной в силу политических причин — патриарх и синод уступили настояниям и воле никейского императора [81].

В подобной обстановке вопрос о неравноправности и подчиненности тырновской патриархии в отношении константинопольской церкви не был поставлен. Действительно, Иоанну Ватацу и патриарху Герману пришлось преодолеть сопротивление некоторых восточных архиереев, слепо следующих церковным догматам. Новые данные об этом сообщает Афоно-Ватопедское сказание, в котором говорится о предложении филадельфийского митрополита Фоки низложить тырновского патриарха. В этом споре патриарх Герман целиком поддержал решение императора. Вековые предубеждения византийских деятелей против Болгарии, извечные претензии империи на мировое господство и политическую власть над всей территорией к югу от нижнего течения Дуная отступили перед соображениями трезвой и реальной политики. Византия признала Болгарское государство не только как суверенную страну, но и как равную договаривающуюся сторону. Естественным следствием этого договора было объявление болгарской церкви автокефальной, имеющей собственного духовного главу и находящейся в равном положении с другими восточными патриархиями. Главной причиной этого было то значение, которое Болгария имела в тогдашней международной обстановке. Неслучайно беспристрастные западные авторы (Марино Сануто и Дандоло), в отличие от византийца Акрополита, не делают различия в титулатуре болгарского царя и никейского василевса. Для них и Асень и Ватац —«два могущественных царя» (duo potentissimi reges) [82]. Впрочем, и Акрополит,

[81] Α. Μηλιαράκη. Op. cit., σελ. 269.
[82] Acrop., I, p. 270.

который, следуя традиционной византийской идее о едином вселенском императоре и отказывая в этом титуле Асеню, в изложении конкретных фактов, касающихся рассматриваемых событий, является последовательным и достоверным.

Действительно, он отмечает, что болгарская церковь до этого (т. е. до 1235 г.) была подчинена константинопольской. Следовало бы ожидать, что, если бы и после этого сохранилась некоторая зависимость болгарской патриархии, Акрополит не преминул бы об этом упомянуть. Однако он, напротив, ясно и определенно говорит, что по императорскому и соборному постановлению подчиненный до этого константинопольскому патриарху болгарский архиерей получил самостоятельность и был провозглашен патриархом. Этот акт, согласно Акрополиту, был знаком благодарности стоящих во главе управления (т. е. императора и патриарха), которую они оказали «болгарскому правителю в силу родства и дружбы» [83].

Таким образом, мы имеем полные основания считать сведения современника событий — Акрополита достоверными и приписывать Иоанну Ватацу инициативу в заключении союза между Болгарией и Никеей в 1234—1235 гг. и в предоставлении полной независимости учрежденной болгарской патриархии.

Как мы видели выше, известная тенденция представить события с точки зрения интересов греческого духовенства содержится и в Афоно-Ватопедском сказании. Однако и в этом документе нет данных о подчиненном положении тырновской патриархии. Известия этого сказания полностью согласуются с рассказом Акрополита и с последней частью повествования Синодика царя Борила, где упоминается, что константинопольская церковь ответила положительно на просьбу Ивана Асеня и что права болгарской патриархии были утверждены грамотой патриарха Германа, скрепленной подписями остальных восточных патриархов (НЕ ТѢКМО СЛОВОМЬ, НѪ И РѪКОПИСАНЇЕ́МЬ ГЕРМАNА ПАТРЇАРХА. И ВЪСѢХЬ Е́ПКПЬ ВЪСТОЧNЫИХ РѪКОПИСАNЇЕ СВОЕ ПОЛО́ЖИВШЕ. ВЪ СИГГИЛИ ПЕЧАТЛѢВШЕ, ВЪДА́ШѪ БЛГОЧЬСТИВОМОУ Ц́РЮ, И ПАТРЇА́РХОУ НОВОС̑ЩЕННОМОУ ТОГДА́ ÎWАКИМОУ, В ВѢЧNОЕ ПОМINАNЇЕ NEG̑ЕМЛЕМО) [84].

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что дошедшие до нас документы об учреждении болгарской патриархии в 1235 г., все без исключения, говорят о ее полной церковной независимости. Неточная интерпретация некоторых терминов в Афоно-Ватопедском сказании стала причиной недооценки его данных как исторического источника.

Что же касается содержания грамоты патриарха Каллиста́ и оправдательной грамоты патриарха Германа, дошедшей до нас в поздней редакции, то их следует рассматривать в связи с положением Болгарского государства и церкви во второй половине XIII и в XIV в. и с учетом изменений в болгаро-византийских отношениях в этот период. Однако этот вопрос не входит в задачи данной статьи.

---

[83] Acropr., I, p. 50. 25—51. 3.
[84] М. Г. Попруженко. Указ. соч., стр. 87, л. 31.

Г. Г. ЛИТАВРИН

О ΠΑΠΠΟΣ ΤΟΥ ΚΕΚΑΥΜΕΝΟΥ — О ΕΧΘΡΟΣ ΤΗΣ ΡΩΜΑΝΙΑΣ

(Реплика)

П. Лемерль в своих «Пролегоменах» к новому изданию «Стратегикона» Кекавмена высказал пожелание, чтобы в исследовании армянских сюжетов этого сочинения приняли участие специалисты-арменоведы [1]. В известной степени это пожелание выполнено. В 1965 г. два советских армениста, которые являются в то же время византинистами, выступили в печати и с докладами по трудному вопросу о генеалогии Кекавменов.

В ноябре 1965 г. К. Н. Юзбашян сделал в Ленинграде доклад на тему: «Греческая надпись патрикия Григория „ΚΗΧΚΑΤΖΙ" и проблема авторства „Стратегикона"»[1а].

В декабре, на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси, с докладом «К вопросу о катепане Востока магистре Багарате и генеалогии Кекавменов» выступил ереванский арменовед Р. М. Бартикян [2]. В докладе он изложил идеи своей статьи, которая была сдана в печать еще в начале 1965 г. и вышла в свет в самом его конце [3].

Главное внимание оба армениста уделили так называемой Эгрекской надписи. Довольно подробно об этой надписи сказано в опубликованной работе Р. М. Бартикяна, поэтому повторим здесь лишь самую суть: в рукописной копии ныне утраченной Эгрекской надписи трижды вместо β стоит ϰ (путаница, палеографически легко объяснимая при чтении текста человеком, не знающим греческого языка). Буква β в надписи отсутствует вовсе. В ней сказано, что церковь Богородицы построена при императорах Василии (II) и Константине (VIII) патрикием Григорием — стратигом Лариссы и Македонии, сыном патрикия Смбата Кихкатци Ивира (υἱοῦ Συμπατι πατρικίου τοῦ Κηχκάτζι τοῦ Ἴβηρος), и его детьми в 6515 г. [4]

Эта надпись была известна уже В. Г. Васильевскому, который первым предположил, что Григорий Кихкатци мог состоять в родстве с Кекавменами [5]. П. Лемерль считает, что Григорий приходился, по всей вероятно-

---

[1] P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. Bruxelles, 1960, p. 34.

[1а] Доклад ныне издан. См. сб. в честь Н. В. Пигулевской: «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 113—120.

[2] Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов. Тбилиси, 1965, стр. 3—4.

[3] H. Bartikian. La généalogie du magistros Bagarat, catépan de l'orient, et des Kékauménos.—«Revue des Études arméniennes». N. S., t. II. Paris, 1965, p. 261—272.

[4] Мы пересказываем содержание надписи в соответствии с исправленным изданием П. Лемерля (P. Lemerle. Prolégomènes..., p. 32).

[5] В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI в.— ЖМНП, ч. 216, июль 1881 г. стр. 116.

сти, дедом Кекавмену-автору. Дед же Кекавмена был стратигом Лариссы с 976 по 983 г. До этого, по-видимому, в правление Цимисхия, он находился еще на востоке. Исполняя должность стратига Лариссы, Кекавмен-дед в то же или в другое время был назначен правителем Македонии. В начале XI в., когда Василий II присоединил к империи область Тайк, где и находился Эгрек, дед Кекавмена был снова переведен на восток как правитель всей области или ее части. На склоне лет он построил церковь с ктиторской надписью, в которой повелел указать свой самый высокий пост на службе у императора [6].

Такова точка зрения П. Лемерля. Исходя из нее, французский ученый даже составил генеалогическую таблицу рода Кекавменов. Мы хотели бы, однако, обратить здесь особое внимание на одну существенную оговорку в системе аргументации П. Лемерля. Он назвал сначала свой вывод об идентичности Григория Кихкатци и Кекавмена-деда гипотезой. Однако эта гипотеза, по его мнению, превращается в уверенность, если обратиться к филологическому толкованию патронима Григория —«Кихкатци». П. Лемерль ссылается на авторитет арменолога Г. Гаритта, считающего возможным, что κηχκάτζι есть греческая транскрипция среднеармянского причастия kizaci от глагола kizem, которое может быть переведено как «brulé» — «обожженный», т. е. κεκαυμένος [7]. Действительно, если бы такое толкование оправдалось, мы имели бы решающий аргумент в пользу идентификации упомянутых лиц, Итак, повторяем еще раз, лишь в этом случае, по признанию самого П. Лемерля, его гипотеза превращается в уверенность.

Но такой уверенности у П. Лемерля нет. Учитывая незнание копиистом греческого языка и его упорную тенденцию не замечать β, осторожный ученый ставит вопрос, не следует ли и в патрониме Григория (Κηχκατζι) исправить одну из κ на β, и предоставляет специалистам-арменоведам решить этот вопрос [8].

Его как раз и решили названные выше советские армянисты. Оба они пришли к одинаковому выводу, что патроним Смбата следует читать не Κηχκάτζι (Κηχάτζι или Κησκάτζι), как принималось до сих пор, а Βηχκάτζι («Вихкатци»), что означает по-армянски «человек из Вихика», «вихкиец». В самом деле, в Тортумском округе, т. е. там же, где находится Эгрек, еще в середине XIX в. было поселение Вихик [9].

Кроме того, эпитет «Вихкатци» прилагается на одной из надписей кафедрального собора в Ани к Багарату, правившему Васпураканом до 1059 г. и занимавшему с 1060 по 1064 г. пост византийского наместника Ани — катепана Востока. Р. М. Бартикян и К. Н. Юзбашян делают отсюда естественное заключение о том, что Смбат и Григорий Вихкатци и катепан Багарат принадлежали к одной семье. Следуя за П. Лемерлем (но забывая о его оговорке, которую мы привели выше), они уверенно и отнюдь не гипотетически говорят о близком родстве семьи Вихкатци с Кекавменами и об идентичности Григория Вихкатци с Кекавменом — дедом автора «Стратегикона». К. Н. Юзбашян идет еще дальше, полагая, что магистр Багарат — катепан Ани как раз и был самим автором этого сочинения [10].

Мы считаем, что оба советских армениста решили загадку Эгрекской надписи: фамильная принадлежность ктиторов церкви в Эгреке, наконец, установлена. Но что касается их тождества с Кекавменами, то, по нашему

---

[6] P. Lemerle. Op. cit., p. 32—34.
[7] Ibid., p. 35—36.
[8] Ibid., p. 34, n. 2.
[9] Р. М. Бартикян. К вопросу о катепане..., стр. 4; H. Bartikian. La généalogie..., p. 261—267.
[10] К. Н. Юзбашян. Греческая надпись..., стр. 119.

мнению, благодаря собственным усилиям Р. М. Бартикяна и К. Н. Юзбашяна рухнул основной аргумент французского ученого в пользу такой идентификации (армянское «Вихкатци» не поддается этимологическому сопоставлению с греческим «Κεναυμένος»).

Остаются следующие доводы: и Григорий Вихкатци и Кекавмен-дед были армянами и какое-то время жили в самой Армении, оба занимали должность стратига Лариссы [11]. Однако все это происходило на протяжении примерно 30 лет (от царствования Цимисхия до 1007 г.). За указанный срок могло смениться не менее десяти стратигов Лариссы. Число же знатных (и незнатных) армян, несших в это время службу империи как в ее армянских районах, так и в других провинциях, как известно, не ограничивалось несколькими семьями.

Мы считаем, что указанных доводов в пользу уверенной идентификации Григория Вихкатци с Кекавменом-дедом недостаточно. Гипотеза П. Лемерля о тождестве этих лиц остается возможной, но отнюдь не доказанной, как, впрочем, и связанная с первой вторая гипотеза (К. Н. Юзбашяна) об идентичности автора «Стратегикона» с магистром Багаратом [12].

В этом состоит наше первое замечание к выводам Р. М. Бартикяна и К. Н. Юзбашяна. Второе замечание касается лишь статьи и доклада Р. М. Бартикяна. Речь идет о понимании § 73 «Стратегикона», того самого параграфа, в котором сообщаются некоторые биографические сведения о Кекавмене-деде автора. Р. М. Бартикян предложил две конъектуры к тексту данного отрывка. Но прежде чем говорить о них, мы вынуждены пересказать здесь для понимания последующего содержание упомянутого параграфа сочинения Кекавмена. (Текст подлинника мы приводим при этом лишь в тех местах, которые подверглись поправкам Р. М. Бартикяна.)

В § 73 рассказывается: в Великой Армении на высокой обрывистой горе есть неприступная крепость. К ее воротам ведет единственная тропинка. «Топарх Тивия, мой дед» (ὁ τοῦ Τιβίου τοπάρχης καὶ πάππος μου), — говорит Кекавмен, захотел овладеть крепостью. Он прибег к хитрости. С помощью даров топарх стал другом стратига крепости и заверил его, что готов оказать ему любую помощь, если тот в ней будет нуждаться. У стратига вскоре истощились запасы хлеба, и он попросил топарха помочь ему. Тот с готовностью согласился. Он отправил в крепость тысячу груженых ослов, каждую пару которых сопровождал один погонщик. Стратиг в ожидании хлеба рассуждал так: «Если моя крепость будет снабжена хлебом самим врагом Романии, то чего я заслуживаю?» (παρ'αὐτοῦ τοῦ ἐχθροῦ τῆς Ῥωμανίας ἐὰν σιταρχισθῇ τὸ κάστρον μου, τίνος ἄξιός εἰμι;). Стратиг открыл ворота перед прибывшим караваном. Погонщики вслед за животными вошли в ворота, выхватили спрятанные мечи, перебили стражу и овладели крепостью. Так дружба стала причиной несчастья. «Если бы стратиг не поверил мнимым его друзьям и приказал сгрузить хлеб за воротами, то он получил бы его как прибыль, хитрость их окончилась бы ничем, и стратиг не имел бы забот» [13].

---

[11] Р. М. Бартикян пишет, что оба стратига Лариссы назывались к тому же Григориями (H. Bartikian. La généalogie..., 263). Но это ошибка — Кекавмен-автор нигде не называет имени своего деда.

[12] Помимо общих соображений, единственным в сущности конкретным доводом в пользу этой оригинальной гипотезы К. Н. Юзбашяна является ссылка на следующее обстоятельство: Кекавмен-автор советует держать в городе на случай осады запасы продовольствия и оружия (Cecaumen..., 100.8—13). Известно, что как раз Багарат был виновен в плохом обеспечении Ани всем этим перед нападением сельджуков, и город пал. К. Н. Юзбашян полагает, что Кекавмен-Багарат имеет здесь в виду собственный горький опыт. Но совет подобного рода — тривиальная стратегема, и довод К. Н. Юзбашяна нам не представляется достаточно веским.

[13] Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regiis libellus, ed. B. Wassiliewsky, V. Jernstedt. «Записки ист.-филол. фак-та СПб-ского ун-та», ч. 38. СПб., 1896, p. 26.10—27.9.

Казалось бы, текст довольно ясен. Единственным преувеличением представляется число погонщиков. Цифра 500, пожалуй, слишком велика, либо же стратиг был лишен всякого здравого смысла. Все остальное как будто вполне правдоподобно. Тем не менее этот рассказ поставил втупик такого мастера источниковедческого анализа, каким был В. Г. Васильевский. В заблуждение почтенного византиниста ввели два обстоятельства. Первое: он счел Τιβίον равнозначным армянскому городу Двину. Но Двин в это время (последняя четверть X в.) находился в руках арабов. Поэтому В. Г. Васильевский усматривал в словах ὁ τοῦ Τιβίου τοπάρχης καὶ πάππος μου указание на два лица: топарх Двина — арабский эмир, а «мой дед»— его союзник. Он предложил также τῆς Ῥωμανίας заменить на τῆς Ἀρμενίας, склоняясь к мысли, что крепость, которой хотят овладеть, была во власти армянина из Васпуракана, правители которого находились под влиянием Византии и поэтому были враждебны арабскому топарху и его союзнику. Второе: исходя, по-видимому, из заголовка § 73 (περὶ κάστρου κεφαλῆς τοῦ Τιβινίου), В. Г. Васильевский допускал, что крепость и была самим Двином, которым овладел, отобрав его у византийцев, дед Кекавмена[14]. Ни здесь, однако, ни в предисловии к своему изданию Кекавмена В. Г. Васильевский не усомнился в том, что дед Кекавмена в рассказанном эпизоде действовал как «враг Романии»[15].

Необоснованность гипотез В. Г. Васильевского, связанных к тому же с насилием над текстом (ὁ τοῦ Τιβίου τοπάρχης καὶ πάππος μου — конечно, одно лицо), определяется, как показал П. Лемерль, во-первых, тем, что границы империи лежали в это время далеко на запад от Двина. По смыслу же отрывка крепость и область, подвластная топарху, находятся в непосредственном соседстве. Во-вторых, представляется мало вероятным, чтобы арабы оставили Двин, служивший им второй столицей, под управлением армянского архонта. Лемерль предлагает поэтому поискать западнее, близ византийских границ X в., другую местность, название которой соответствовало бы Τοβίον и Τιβίνιον рукописи[16] или Τιβίον издателей[17]. Что же касается допущения, что в крепости до ее захвата дедом Кекавмена (или арабским эмиром) находился не-византийский «стратиг», П. Лемерль резонно задает вопрос, почему же тогда его враги —«враги Романии»[18]. И у этого ученого не возникло сомнений на счет того, что дед Кекавмена в ходе описанного происшествия выступал как «враг Романии».

Совершенно иное толкование § 73 дает Р. М. Бартикян. Это толкование, по его мнению, показывает необоснованность возражений П. Лемерля против допущения, что крепость захвачена дедом Кекавмена у не-византийского «стратига». Мало того, добавим от себя, что если бы анализ этого параграфа, сделанный Р. М. Бартикяном, оказался убедительным, было бы устранено еще одно противоречие, свойственное самой концепции П. Лемерля. Французский ученый, напомним еще раз, считает Григория Вихкатци дедом Кекавмена, бывшим, как он признает, при Цимисхии «врагом Романии». Но в то же время, согласно Эгрекской надписи, *другом* (*а не врагом*) Византии, получившим от императора титул патрикия, был уже отец Григория Смбат Ивир. Оба эти факта, если их признать истинными одновременно, находятся в некотором противоречии, о котором, однако, П. Лемерль ничего не говорит. Но об этом противоречии помнит, по-видимому, Р. М. Бартикян и хочет его избежать.

---

[14] В. Г. Васильевский. Советы и рассказы...—ЖМНП, ч. 215, май 1881, стр. 269—270; ч. 216, июнь 1881, стр. 105—115.

[15] Cecaumi..., p. 4.

[16] Τιβίον — конъектура издателей. В тексте рукописи — Τοβίον, а в заголовке к § 73 — Τιβίνιον (Cecaumi..., p. 26 et nota 21).

[17] P. Lemerle. Op. cit., p. 29.

[18] Ibid., p. 28.

Прежде всего о первой конъектуре уважаемого арменоведа, против которой мы не имеем никаких возражений. Он предлагает Τοβίον рукописи изменить не на Τιβίον, как это сделали издатели, а на палеографически легко допустимое (κ вместо β) Τοκίον как вариант Τεκῆ — Дегик (или Текик), который лежал далеко на запад от Двина, между Евфратом и Чмшкацагом, в восьмом округе Четвертой Армении, и принадлежал, как это следует из памятной записи 1169 г., семье Кекавменов [19]. Действие анализируемого рассказа переносится к границам Византии X в., и эта конъектура ереванского ученого заслуживает, несомненно, самого серьезного внимания.

Теперь о второй конъектуре, в которой и заключено существо дела. На докладе в Тбилиси Р. М. Бартикян предлагал поставить запятую после слова ἐχθροῦ; в статье о запятой он не говорит ничего, но рассматривает τῆς Ῥωμανίας как приложение к слову τοῦ ἐχθροῦ, т. е. в сущности делает то же самое предложение, независимо от того, выражается ли оно специальным знаком препинания или особой смысловой акцентировкой при чтении текста в данном месте.

В таком случае понимание всего рассказа Кекавмена меняется в корне. Спорная фраза будет звучать так: «Если моя крепость будет снабжена хлебом самим врагом, т. е. Романией, то чего я заслуживаю?» (τίνος ἄξιός εἰμι). В соответствии со своим толкованием, Р. М. Бартикян и последние слова этой фразы («чего я заслуживаю?», «чего я достоин?») предпочитает переводить словами «à quoi suis-je bon?», т. е. «чего я стою?», «на что я?» (разумеется — годен) [20]. Следовательно, крепость уже невизантийская, а овладел ею, напротив, представитель византийской власти. Стратиг крепости, по мнению Р. М. Бартикяна, «несомненно, арабский эмир», а топарх —«византийский правитель»[21].

Мы решительно не согласны с подобного рода конъектурой к тексту и с таким истолкованием содержания § 73. Прежде всего, о названии крепости. Оно нам неизвестно. К. Н. Юзбашян совершенно прав, говоря, что заголовок к § 73, непосредственно предшествующий рассказу [22], лишь вводит в заблуждение [23]. Р. М. Бартикян полагает, что крепость действительно так называлась (Τιβίνιον) и что это название нужно отличать от названия топархии деда Кекавмена (Τιβίον, Τοβίον или Τοκίον). Мы также думаем, что наименование Τοβίον (Τιβίον) относится лишь к области, а не к городу. Но мы считаем, что и в заголовке идет речь об одном и том же названии, но оно подверглось новому искажению и ошибочно приурочено автором заголовка не к области топарха, а к крепости. Было бы слишком долго доказывать здесь, что заголовки к параграфам «Стратегикона» сделаны не самим автором текста (Кекавменом). Они небрежны, неточны, часто не соответствуют озаглавливаемому тексту, а иногда даже противоречат ему. Об этом достаточно подробно и весьма убедительно сказано в «Пролегоменах» П. Лемерля [24].

Далее. Отметим, что употребление приложения в «Стратегиконе», подобного тому, которое усмотрел Р. М. Бартикян («враг»—«Романия»), совершенно несвойственно Кекавмену. Но не в этом главное. На протяжении всего сочинения Кекавмена термин «топарх» строго и неизменно используется для обозначения только независимого от империи соседнего с ее землями местного иноязычного архонта, а никак не должностного

---

[19] H. Bartikian. Op. cit., p. 270—271; Р. М. Бартикян. К вопросу..., стр. 4.
[20] H. Bartikian. Op. cit., p. 269.
[21] Ibid.
[22] Cecaum..., p. 26: περὶ καστρου κεφαλῆς τοῦ Τιβινίου.
[23] К. Н. Юзбашян. Греческая надпись..., стр. 116, прим. 20.
[24] P. Lemerle. Op. cit., p. 9—12.

византийского лица [25]. Топарх Тивия (или Токия) — отнюдь не «византийский правитель». Им является, напротив, стратиг безыменной крепости — акрит. К нему в данном отрывке и обращается Кекавмен, предостерегая его от происков топарха. «Охраняй, акрит, крепости,— пишет он,— и вверенную тебе область и не доверяй соседним с тобою топархам, хотя они будут всячески утверждать, что являются твоими друзьями» [26].

§ 73 находится в полном соответствии с приведенным вступлением к нему, содержание параграфа — лишь иллюстрация к мысли, высказанной во введении: «враг Романии»— соседний топарх, прикинувшись другом византийского стратига-акрита, посягает на его крепость. Конъектура Р. М. Бартикяна не только излишня, она — ошибочна и приводит к серьезным искажениям всего смысла § 73 (иноземный топарх — враг Византии превращается в представителя ее власти, мало того — персонифицирует «Романию», а византийский стратиг становится иноземным врагом империи).

Возражая против традиционного понимания этого места § 73 (т. е. что топарх — враг Византии), Р. М. Бартикян приводит еще один аргумент «Как объяснить...,— пишет он,— что автор «Стратегикона», преданный империи душой и телом, мог привести воспоминание, столь неприятное? (разумеется, для ее престижа)» [27]. Нас это ничуть не удивляет. Кекавмен не только приводит множество фактов, оскорбительных для престижа Византийской империи, он включает в свое сочинение целый раздел, обращенный к топарху, и там дает ему советы, как избежать зависимости от Византии. Советы эти, с нашей точки зрения, прямо-таки враждебны империи. Мы имеем в виду §§ 218—227.

Так что неприятное для византийской гордости событие, описанное в § 73,— отнюдь не исключение у Кекавмена или какой-то нонсенс, требующий перетолкования или вмешательства в самый текст оригинала. Конечно, такая позиция бывшего византийского полководца представляется несколько странной. Но не забудем, что он армянин по происхождению, его дед был еще «врагом Романии», у него могли быть родственники среди армянских топархов, еще независимых от империи. И Кекавмен сохранял к этим родичам естественное чувство симпатии, хотя и подвизался на императорской службе. Сходное объяснение этого обстоятельства дает и П. Лемерль [28].

Так обстоит дело и с этим аргументом Р. М. Бартикяна. Лишний раз отмеченный им феномен свидетельствует о сложности византийско-армянских отношений в X—XI вв. и об особенностях умонастроения армянских архонтов, несших службу императору. Как бы ни было трудно объяснить этот феномен, мы не можем, на наш взгляд, вносить ради его разгадки поспешные конъектуры в источник.

Наконец, последнее. Мы не согласны с переводом выражения τίνος ἄξιός εἰμι; Р. М. Бартикян полагает, что в этом восклицании стратига крепости отразилось чувство досады и сокрушения: сколь, мол, велико было бы мое (стратига) падение, если бы дело дошло до того, что враг (!) снабжает меня продовольствием («На что я годен?» «Чего я стою?»). Напротив, по нашему мнению, и из контекста и из того, что было сказано выше, с очевидной ясностью следует, что стратиг, восклицая τίνος ἄξιος εἰμι;, имел в виду награды, почести и титулы, которые он удостоился бы получить от императора, если бы счастливо окончился его маневр, если бы стратигу удалось за счет враждебного империи топарха, прикинувшегося другом,

[25] Такой же вывод из наблюдений над термином «топарх» в других источниках делает и М. Г. Нистазопулос (M. G. Nystazopoulos. Note sur L'Anonyme de Hase improprement appelé Toparque de Gothie.—REH, 86, 1962, p. 319—326).

[26] Cecaum..., p. 26. 10—12.

[27] H. Bartikian. Op. cit., p. 269.

[28] P. Lemerle Op. cit., p. 82.

снабдить хлебом византийскую крепость. Кекавмен всюду превозносит военную хитрость, и в данном случае действия стратига, если бы он был достаточно осмотрительным, заслуживали бы также всяческой похвалы («он получил бы хлеб как прибыль» и «не имел бы забот»).

Безусловно, тот интерес к сочинению Кекавмена, который проявляется ныне в историографии, приведет историков к новым наблюдениям и выводам. Споры при этом неизбежны, но только в них и выявляется истина.

P. S. Данная заметка уже находилась в печати, когда мы получили возможность [29] прочесть новую статью П. Лемерля [30], являющуюся, как и настоящие строки, откликом на статью Бартикяна. Прочтя новую работу Лемерля, мы не можем скрыть своего удивления. Казалось бы, после опубликования статьи Р. М. Бартикяна та осторожность и гипотетичность, с которой П. Лемерль подходил к вопросу об идентификации персонажей Эгрекской надписи с Кекавменами, должна была возрасти вдвое. Имеет же место обратное — французский византинист говорит теперь почти с абсолютной уверенностью о тождестве Вихкатци (Вхкаци) и Кекавмена-деда.

В своих возражениях Р. М. Бартикяну П. Лемерль вначале отмечает, что возможности грамматического и этимологического сближения патронимов Кихатци и Кекавменов еще не исчерпаны (на наш взгляд, напротив, Р. М. Бартикян показал, что нужно предпочесть непосредственно с надписи скопированное Κηχάτζι, а не ученую поправку Броссе — Κηχάτζι. Сам П. Лемерль признавал в своих «Пролегоменах», что в случае предпочтения формы Κηχκάτζι арменовед Г. Гаритт отказывается сближать ее с арм. причастием kizaci — brulé — κεκαυμένος).

Отметив это, П. Лемерль тем не менее присоединяется к выводу Р. М. Бартикяна, что написание Κηχάτζι следует исправить на Βηχάτζι. Французский ученый пишет: «Поскольку для меня несомненно (а я думаю, что то же самое допускает и Р. Бартикян), что нужно продолжать связывать два этих источника, из которых один (надпись) говорит о патрикии Григории, стратиге Лариссы и Македонии, а другой («Советы и рассказы» Кекавмена.— *Г. Л.*) представляет деда автора, также носящего имя Григорий, стратигом Эллады с резиденцией в Лариссе (причем оба приходятся на один и тот же период), можно предположить, что это та ветвь семьи, которая одно время в неизвестных еще обстоятельствах поменяла армянский патроним Вхкаци на греческий патроним Κεκαυμένος, причем и тот и другой могли некоторое время сосуществовать». Впрочем, тут же П. Лемерль продолжает: «Меня, однако, удивляет, что византийские хронисты их (Вхкаци.— *Г. Л.*) не знали или о них не говорили» [31].

Итак, из всей системы доказательств, краеугольным камнем которой, напомним, было этимологическое сближение арм. kizaci (Κηχάτζι) с греч. κεκαυμένος (brulé), П. Лемерль подчеркивает два аргумента: 1. И Григорий Вхкаци и Григорий Кекавмен-дед носят один и тот же преном; 2. Оба были стратигами Лариссы в один и тот же период. Один из этих аргументов просто ошибочен, второй слишком слаб. 1. П. Лемерль, отдавший изучению сочинения Кекавмена столь много времени, странным образом повторяет ошибку Р. М. Бартикяна, что Кекавмен-дед носил имя Григория (см. выше стр. 153 прим. 11) — мы этого имени не знаем; 2. Повторяем, с 976 г., когда Кекавмен-дед стал стратигом Лариссы, по 1007 г., когда была сделана надпись Григория Вхкаци, прошло 30 лет, и пост стратига Лариссы за этот период мог занимать не один армянин-халкидонит.

---

[29] Приносим благодарность С. Т. Еремяну, приславшему нам из Еревана третий том «Revue des Études arméniennes», еще не поступивший в библиотеки Москвы.

[30] P. Lemerle. Nouvelles remarques sur la famille Vichkatzi-Kékauménos.— «Revue des Études arméniennes». N. S., t. III. Paris, 1966, p. 177—183.

[31] Ibid., p. 180.

Можно было бы добавить еще один аргумент, пропущенный П. Лемерлем: и Вихкатци, и Кекавмены (как показал Р. М. Бартикян) происходили из области Тайк. Но и Бакурианы, и Торники происходили оттуда же. Не должны же мы на этом основании объявлять их всех родственниками.

Мы остаемся при убеждении, что исследование Р. М. Бартикяна об Эгрекской надписи не подкрепляет, а ослабляет гипотезу об идентичности Кекавмена-деда с Григорием Вихкатци.

Читая статью П. Лемерля, мы тем не менее с удовлетворением констатировали совпадение наших взглядов на конъектуру Р. М. Бартикяна, превращающую слово τῆς Ῥωμανίας в приложение к слову ἐχθροῦ. Совершенно согласны мы с П. Лемерлем и в том, что τιβινίου заголовка и пинакса на самом деле не является подлинным названием крепости, захваченной топархом, а явилось результатом плохого понимания текста автором заголовков, который дал крепости имя топархии Кекавмена-деда, допустив при этом новое искажение этого имени.

Что касается конъектуры Р. М. Бартикяна: Τοκίου вместо Τοβίου, которую П. Лемерль считает неубедительной, мы по-прежнему признаем ее интересной и заслуживающей дальнейшего изучения.

Последнее замечание, требующее, на наш взгляд, у сторонников идентификации Вихкатци — Кекавмен объяснения: Василий II был неплохим политиком. Присоединив Тайк в 1001 г., он назначил туда, пишет П. Лемерль [32], преданных себе правителей из числа армян, подвизавшихся на византийской службе, — эти армяне были ближе местному населению, чем сановные греки. Вполне возможно. Но вряд ли было разумно при таких обстоятельствах понижать Григория Вихкатци в должности, рассчитывая на его усердие: ведь он и в Армении не мог забыть, что некогда занимал пост стратига в Лариссе...

---

[32] P. Lemerle. Prolégomènes..., p. 33.

Н. И. БРУНОВ

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В настоящее время не остается сомнений в том, что мечеть Фенари-Исса в Стамбуле представляет собой комплекс переделанных турками зданий монастыря Липса. Этот комплекс состоит из двух церквей, из которых северная была построена Константином Липсом, придворным императора Льва VI, в 908 г. Между 1282 и 1304 гг. императрица Феодора, вдова Михаила VIII Палеолога, пристроила к уже существовавшему зданию вторую церковь, южную, и ряд других помещений, которые включали в себя захоронения лиц, связанных с династией Палеологов. Здания монастыря Липса были издавна широко известны в литературе по византийскому искусству, однако назначение постройки в качестве действующей мечети и густая побелка стен не позволяли достаточно отчетливо разобраться в строительных периодах комплекса и представить себе вид зданий в 908 г. и в конце XIII в. Только после разрушительного пожара 1917 г. оказалось возможным сделать более детальные наблюдения над византийскими частями двух церквей и высказать более обоснованные предположения о первоначальном виде каждой из них. Особенно большое значение для истории византийской архитектуры имеет северная церковь 908 г., так как она является в качестве древнейшей сохранившейся церкви Константинополя X в., отличающейся высоким качеством архитектуры и строительной техники, одним из узловых памятников византийского зодчества.

Между 1917 и 1924 гг. архитектура зданий монастыря Липса оставалась неизученной. Во время командировки осенью 1924 г. в Стамбул мне представилась возможность исследовать эти постройки. Я мог делать небольшие зондажи в некоторых особенно существенных местах, так как здание оставалось беспризорным и в нем ночевало стадо овец. Результаты своих наблюдений я опубликовал в очень детальной форме в 1926 г. в журнале Belvedere, выходившем в Вене. К этому исследованию были приложены чертежи реконструкции в плане северной и южной церквей в качестве рабочей гипотезы для дальнейших исследований (рис. 1).

В 1922 г. Макриди, работавший тогда в Стамбуле, провел большие раскопки в зданиях монастыря Липса, причем архитектурные обмеры и исследование архитектуры вел Мамбури. Отчет об этих больших работах не был опубликован, за исключением коротких заметок в различных журналах.

В 1960 г. американский Византийский институт в Стамбуле, по согласованию с турецкими властями, осуществил в Фенари-Исса реставрационные работы, которые дали возможность провести дополнительные исследования архитектуры обеих церквей и произвести небольшие раскопки.

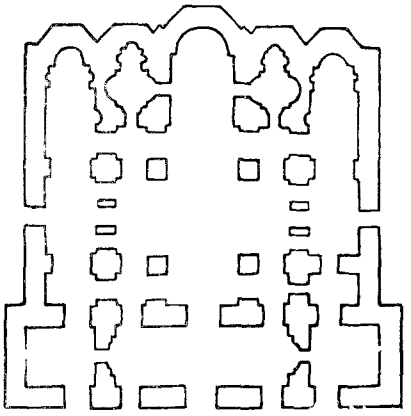


Рис. 1. Церковь Липса. Реконструкция плана. Схема автора

Результаты этих работ были, вместе с составленной Макриди статьей об его работах, опубликованы Мега в 1964 г. (рис. 2—8) [1].

История исследования зданий монастыря Липса дает показательный пример того, как вредно отражается на научной работе отсутствие опубликованных отчетов об архитектурно-археологических изысканиях. В настоящее время авторов исследования 1929 г.— Макриди и Мамбури — уже нет в живых, их материалы пропали, судя по тому, что американские ученые могли опубликовать только очень краткий и не всегда достаточно точный отчет Макриди и несколько чертежей Мамбури, которых недостаточно для того, чтобы представить себе, что же было найдено во время этих очень больших работ. Сами американские исследователи гадают в отношении некоторых результатов исследований 1929 г. Положение усложняется еще тем, что Макриди особенно интересовался найденными им фрагментами скульптуры и орнаментальных деталей и не очень углублялся в изучение архитектуры, к тому же опубликованные в 1964 г. чертежи Мамбури отличаются во многих отношениях неточностью и даже ошибочными обозначениями, что было частично отмечено американскими учеными. Так, например, последние указали на случаи, когда Мамбури принимал стены, выложенные турецкой кладкой, за византийские. В других случаях Мамбури неверно обозначает различной штриховкой части здания, относящиеся к X и к XIII вв., путая между собой эти два строительных периода. Неполноценны также и фотографии, приложенные к статье Макриди: они не дают удовлетворительного представления о том, что было найдено во время раскопок. Можно себе поэтому представить, сколь ненадежным является весь материал Макриди и Мамбури для суждения о первоначальном виде северной церкви комплекса, значение которой особенно велико.

Вследствие столь плачевного состояния исследования архитектуры Фенари-Исса на протяжении тридцатых, сороковых и пятидесятых годов следует особенно приветствовать начавшиеся работы американских ученых, которые имеют возможность делать любые зондажи и закладывать необходимые раскопы. Можно надеяться, что, наконец, исследование византийских, в особенности средневизантийских, построек Константинополя будет поставлено на прочное научное основание.

Первые опубликованные результаты этих исследований уже дали много нового и позволяют надеяться, что изучение важнейшего раздела истории византийской архитектуры будет сдвинуто с мертвой точки. Вместе с тем, многообещающее начинание побуждает к тому, чтобы по возможности подробно и углубленно разобраться в новых данных, которые принесли с собой американские публикации.

В настоящее время, в особенности после основополагающих работ Айналова и Милле, не приходится много говорить о выдающемся значении константинопольской школы зодчества в истории византийской архитектуры. При изучении архитектурных памятников Константинополя

[1] A. M e g a w. The Original Form of the Theotokos Church of Constantine Lips.— DOP, 18, 1964, p. 279 sq. Там же приведена литература вопроса.

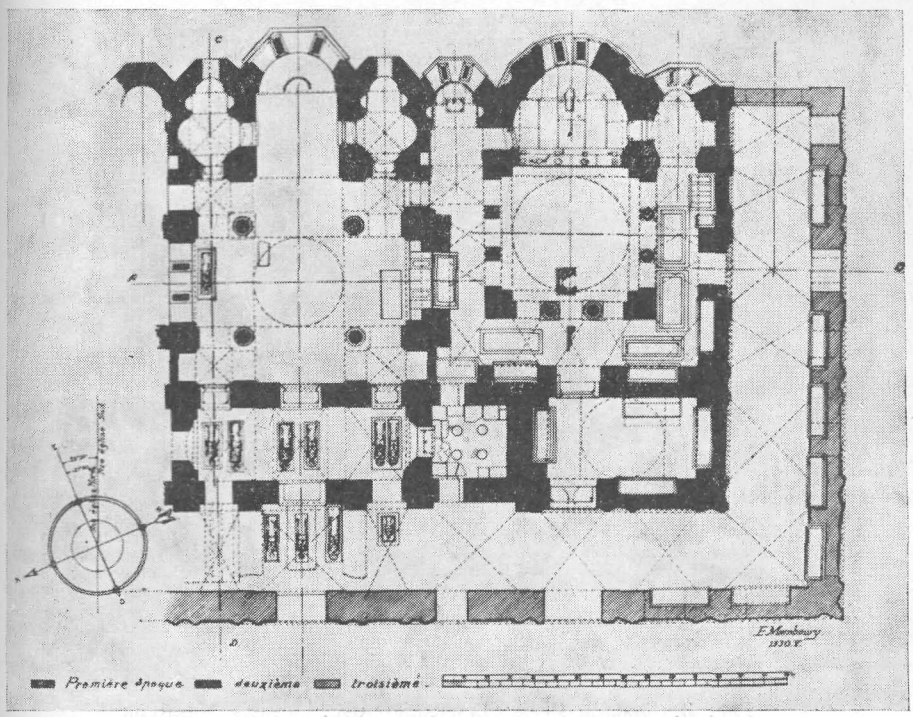


Рис. 2. Фенари-Исса. Нижний ярус. План Мамбури

необходимо постоянно иметь в виду принципиальное различие, а нередко даже противоположность столичного зодчества и архитектуры вне Константинополя. В зависимости от того, принадлежит ли то или иное здание к константинопольской или греко-восточной школе византийского зодчества, следует подходить с различными критериями к анализу архитектурной композиции данной постройки. Это не значит, конечно, что между этими двумя школами не было обмена композиционными приемами и архитектурными мыслями. Не всегда здание, находящееся территориально вне столицы, не имеет существенных точек соприкосновения с константинопольскими постройками, точно так же некоторые постройки столицы обладают общими чертами с греко-восточными зданиями и носят на себе следы влияния одной из школ, на которые, в свою очередь, распадается греко-восточная архитектура. И все-таки при изучении произведений византийской архитектуры необходимо, помимо исторических периодов (ранне-, средне-, поздневизантийской архитектуры и отдельных исторических подразделений внутри каждой из них), учитывать также и территориальные различия.

Одновременно с этим очень большое значение имеют особенности, обусловленные функциональным назначением данной постройки. В отношении церкви Липса существенным является ее принадлежность монастырю. С этим прежде всего связаны очень небольшие размеры здания, которые, как можно предположить, отличали его от больших городских соборов. Принадлежность церкви Липса монастырю могла вызвать также и такую, например, особенность, как миниатюрные часовни, расположенные во втором ярусе. Правда, при этом необходимо иметь в виду общее развитие константинопольской архитектуры от средневизантийского к поздневизантийскому зодчеству, которое заключается в распадении прежде единого интерьера на ряд отдельных часовен — молелен богатых феодалов. Это относится в особенности к церкви монастыря

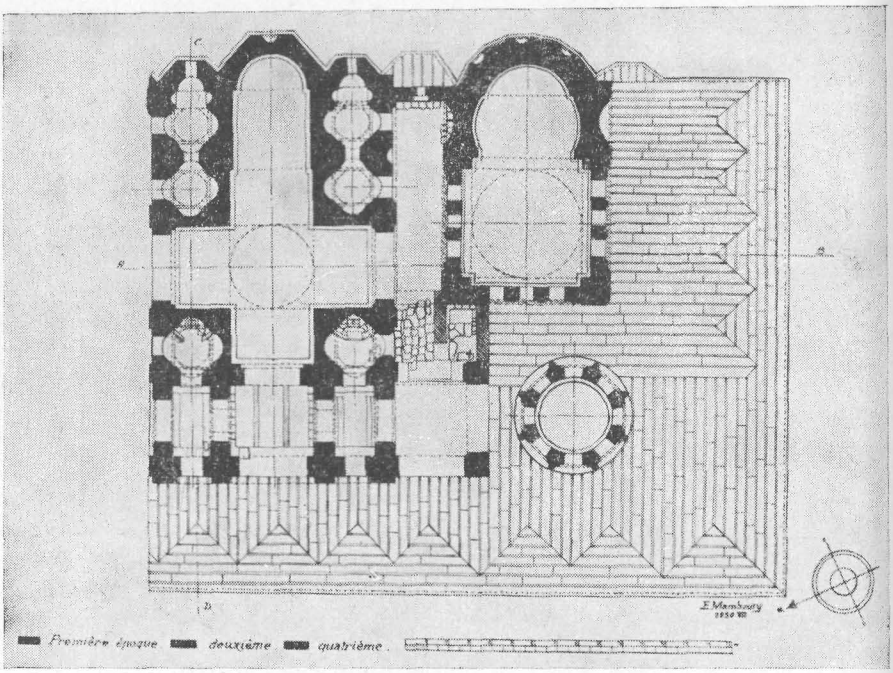


Рис. 3. Фенари-Исса. Верхний ярус. План Мамбури

Хора. Однако и последняя является монастырским зданием. В ней скрестились два начала: развитие в сторону поздневизантийской столичной архитектуры и назначение в качестве монастырской церкви. Впрочем, выделение небольших часовен наблюдается также и в более ранних постройках, например, в Календер, где в углах имеются даже два яруса часовен, что, вместе с нижним ярусом, дает три яруса. Миниатюрные часовенки над западными угловыми частями основного крестовокупольного квадрата в плане имеются также и в Эски-Имарет, причем в них устроены окошки, выходящие в интерьер главного помещения. В последнем случае это были не самостоятельные часовни, так как в них не могло быть алтарей, а особо выделенные части хор, в которые вели карликовые порталы. Необходимо отличать отдельные замкнутые помещения хор от самостоятельных часовен со своими алтарями, а также привилегированные помещения второго и, может быть, третьего яруса в монастырских церквах от общего процесса распадения церковного интерьера на отдельные молельни в поздневизантийское время.

Наиболее значительным результатом новейших исследований северной церкви монастыря Липса является новая ее реконструкция в качестве особого варианта трехнефной крестовокупольной церкви. Реконструкция Мега отличается остроумным характером и свидетельствует о живой исследовательской мысли автора. Поэтому, а также ввиду очень большого значения памятника в истории византийской и всемирной архитектуры, необходимо особенно тщательно рассмотреть каждый из многочисленных предложенных Мега выводов и отнестись к ним по возможности критически.

Начну с предположения Мега, что церковь Липса была пятикупольной, как это показано на его реконструкции. Основаниями для такой реконструкции (мысль о которой подал Хокинс, как Мега сам об этом говорит) служат: 1) наблюдения автора над сохранившимися частями разрушенного купола главного (восточного) помещения юго-восточной часовни,

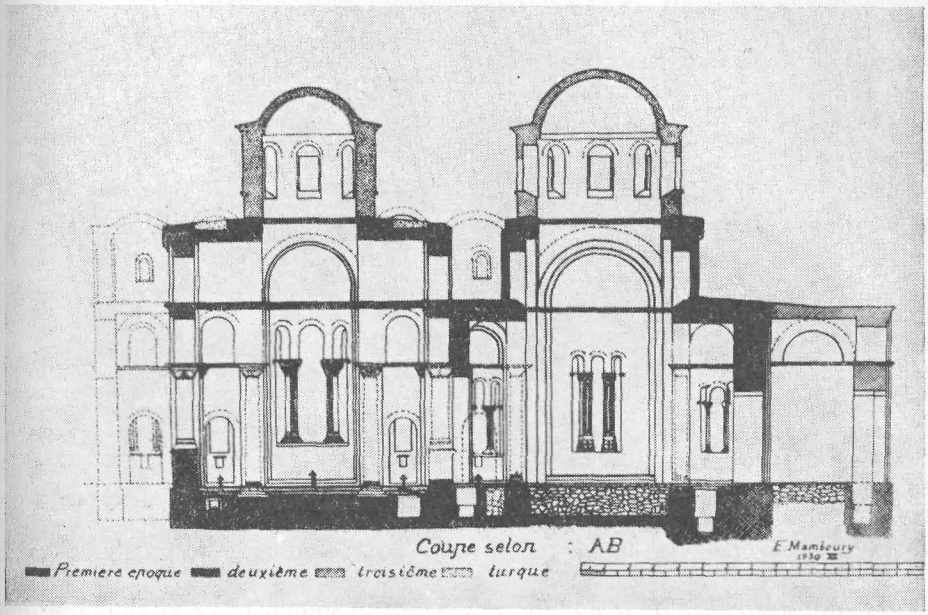


Рис. 4. Фенари-Исса. Поперечный разрез Мамбури по куполам

где оказались, совсем как в основании не сохранившегося главного купола, остатки каменного кольца, восьмигранного в плане, которые интерпретированы Мега как остатки основания восьмигранного барабана под исчезнувшим ныне куполом, и 2) общераспространенное представление, разделяемое Мега, что для византийского зодчества характерна пятикупольная система с расположением малых куполов в диагональных направлениях по отношению к главному куполу.

В отношении каменного кольца возникает прежде всего вопрос, достаточно ли имеется археологических данных для вывода о том, что в данном месте существовал восьмигранный барабан под малым куполом над алтарной частью юго-восточной часовни? Нет ли аналогичных каменных колец под другими куполами часовен церкви Липса, в особенности в тех случаях, когда сами купола сохранились? Этот вопрос всплывает потому, что на разрезе Мамбури (рис. 5), в который попал соответствующий купол над алтарной частью северо-восточной часовни, показано в двух местах основание купола без барабана. Можно, конечно, сослаться на некоторую ненадежность чертежей Мамбури, однако эта ненадежность относится в большей степени к обозначению принадлежности данной части здания к тому или иному строительному периоду. Вряд ли можно представить себе, что Мамбури просто фантазировал, пометив на своем чертеже основание купола, которое на самом деле не существовало в его время. Во всяком случае большим недостатком статьи Мега является то, что он не дал чертежей, по которым можно было бы судить, что в действительности представляет собой сохранившееся основание купола, о котором идет речь, и что заставило автора сделать предположение о первоначальном существовании барабана. Опубликованные американскими учеными статьи страдают тем же недостатком, что и отчет Макриди: они тоже не дают достаточного чертежного материала для суждения о найденных остатках первоначального здания.

Предположим, что доказано наличие барабана под куполом в одном случае — над алтарем юго-восточной часовни. Вытекает ли отсюда, что аналогичный барабан был также и под куполом алтарной части северо-

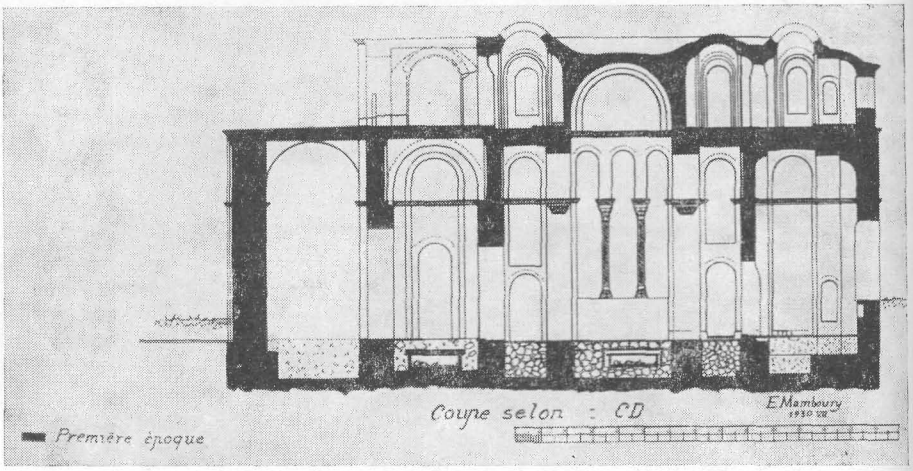


Рис. 5. Фенари-Исса. Продольный разрез Мамбури по северному нефу северной церкви в северную сторону

восточной часовни? Этот вопрос тем более законен, если принять во внимание чертеж Мамбури, о котором только что говорилось! Для византийской архитектуры характерно единство утилитарного и художественного, из которого вытекает функциональное обоснование архитектурных форм. Барабан под куполом связан в византийских постройках с освещением помещений, перекрытых куполом. Как раз алтарное помещение юго-восточной часовни имеет хорошо сохранившееся довольно большое окно, которое достаточно освещало часовню и делало излишним существенные траты на сооружение барабана. Западное помещение юго-восточной часовни могло иметь, согласно реконструкции самого Мега, только купол без барабана и вследствие этого было темным, так как в его южной стене была только дверь, конечно, закрывавшаяся. Если все же по тем или иным причинам захотели осветить только алтарную часть юго-восточной часовни, почему же не осветили аналогичным образом алтарную часть юго-западной часовни? Для решения вопроса о возможности существования предположенного автором барабана имеет еще значение реконструкция крайних боковых нефов, или, как думает автор, примыкающих к основной части церкви в восточной ее части приделов (одноярусных с открытыми верхними платформами или в виде двухъярусных частей здания). При наличии второго яруса окно давало бы меньше света и, вследствие этого, более возможным является барабан. При отсутствии второго яруса барабан становится менее вероятным, так как окно давало бы достаточно света.

Распространенное представление о византийском пятикупольном типе здания представляется мне в значительной степени предвзятым мнением, по крайней мере по отношению к константинопольской школе византийской архитектуры. В византийской столице, несмотря на значительное количество сохранившихся средневизантийских церквей, мы не имеем ни одного случая пятикупольной системы с малыми куполами на барабанах, расположенными в диагональных направлениях по отношению к главному куполу. Это не может быть случайностью, которую, возможно, кто-нибудь захотел бы объяснить монастырским назначением или малыми размерами ряда сохранившихся столичных средневизантийских памятников. В частности, против такого предположения говорит более крупная Гюль-Джами, в которой имеются четыре диагонально расположенных угловых купола, лишенных барабанов. Остается только ссылка на

Νέα. Не случайно Конэнт [2] реконструировал ее по образцу Гюль в значительной степени из-за пяти куполов. Однако, возможно, что расположение куполов Νέα было аналогичным их расположению в церкви Апостолов и в Сан-Марко[3], что приближает собор к современным ему константинопольским постройкам. Νέα отпадает в качестве достоверного константинопольского примера расположения четырех дополнительных куполов в диагональных направлениях.

Исключительно большое значение имеют русские постройки XI — XII вв., в особенности София в Киеве, Спасопреображенский собор в Чернигове, София в Новгороде, София в Полоцке и другие. Многие исследователи признают, что многоглавие Софии киевской возникло под влиянием русской народной деревянной архитектуры, так как подобные композиции неизвестны в византийской архитектуре и в архитектуре стран, связанных с Византией в истоках их каменного зодчества. Решающим является не столько засвидетельствованный летописью факт постройки в Новгороде тринадцатиглавой дубовой Софии на несколько десятилетий раньше каменной Софии Киевской, сколько связь многокупольной композиции последней с системой растущих вверх деревянных срубов, группа которых, в частности, образовала также и деревянную Софию в Новгороде. Многоглавие как завершение группы срубов из горизонтально положенных бревен — вот в чем заключается основа многоглавия Киевской Софии. По отношению к ней семиглавие Полоцкой Софии и пятиглавие Спасопреображенского собора в Чернигове, каменной Софии и Николо-Дворищенского собора в Новгороде представляют собой производную композицию. В связи с этим, естественно, возникает предположение, что группа по диагоналям расположенного пятиглавия возникла в русском зодчестве вполне самостоятельно.

Этот специальный вопрос требует особого рассмотрения. Мы настолько привыкли считать русскую архитектуру X — XII вв. провинциальной разновидностью византийского зодчества, что недооцениваем оригинального характера этой замечательной архитектуры, которая коренится в многосотлетней традиции русского народного деревянного зодчества, объясняющей нам удивительный и столь быстрый расцвет русского зодчества X — XII вв., а также устойчивость его традиций.

В отношении церкви Липса возникает вопрос, почему необходимо обязательно предположить, что она имела пять куполов, если даже будет доказано, что один из куполов имел барабан? Ведь и в этом случае возможно, что здание имело первоначально два купола на барабанах и что таким образом была особо выделена одна из часовен, возможно, принадлежавшая какому-либо привилегированному монаху. Ведь был же купол на барабане над особо выделенным помещением перед южной церковью монастыря Липса [4], причем эта церковь имела всего два купола на

---

[2] K. Conant. Early Mediaeval Church Architecture. Baltimore, 1942, pl. XXII.

[3] Новым в Νέα могло быть внесение в архитектурную композицию крестовокупольной системы.

[4] Естественно предположить, что это помещение было гробницей императрицы Феодоры, строительницы южной церкви монастыря Липса, что уже давно было высказано печатно. Манго и Хокинс (DOP, 18, 1964, стр. 302) предположили, что гробницы Феодоры и ее дочери находились в южном нефе самой южной церкви, причем западная гробница принадлежала дочери императрицы, а восточная гробница — ей самой. Основанием для такого суждения послужило то, что обе гробницы оказались украшенными мозаиками. Предположение Манго и Хокинса якобы подтверждается уставом монастыря времени Феодоры. (H. Delehaye. Le typicon du monastère de Lips à Constantinople.—«Analecta Bolandiana», 36, XII — IV. Bruxelles — Paris, 1920, p. 388 suiv. Cp. idem. Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues. Bruxelles, 1921, p. 130; D. Lathoud. La litanie mariale des monuments de Constantinople.—«L'Union des Églises», III, № 9, 1924, p. 271, n. 1). В примечании 63 к статье Макриди (Th. Macridy. The Monastery of Lips and the Burials of the Palaeologi.—DOP, 18, 1964, p. 253 sq.) Манго высказывает мнение, что в западной гробнице южной

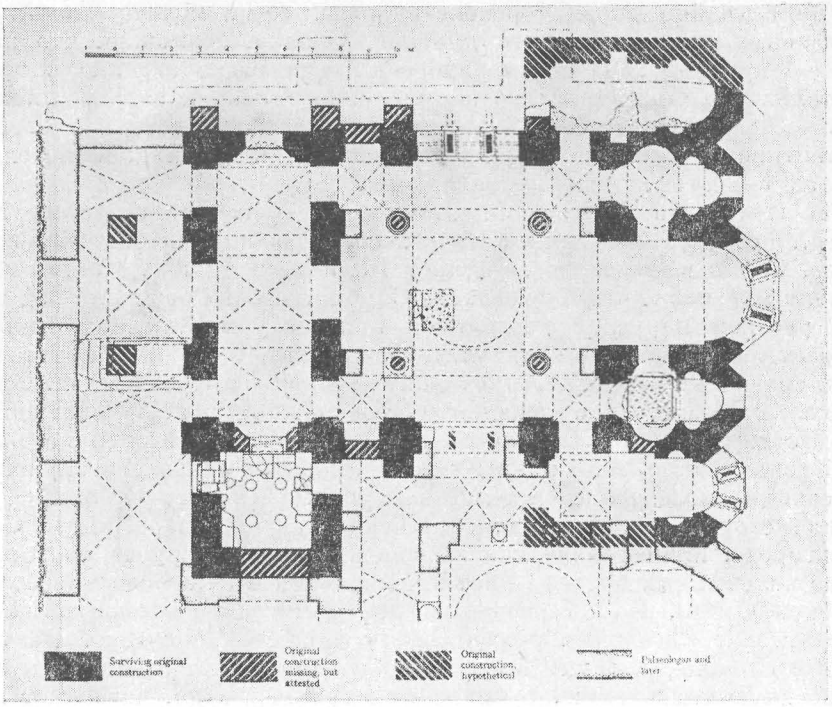


Рис. 6. Церковь Липса. План Мега

барабанах. Такое предположение противоречит убеждению Мега, что для средневизантийской архитектуры особенно существенным композиционным приемом является симметрия. Учитывая это возражение, можно предположить, что здание имело три купола и что аналогичный купол на барабане стоял над северо-восточной часовней, правда, вопреки чертежу Мамбури. Такая композиция вовсе не лишена аналогий. Например, в древнейшей русской архитектуре известны симметричные трехкупольные композиции, начиная с XII в. в соборе Ивановского монастыря в Пскове, а также в первой половине XIII в. в соборе в Суздале, от которого идет целая линия развития трехглавых церквей. В русской архитектуре, по крайней мере с начала XII в., встречается также и композиция двух куполов над главной частью здания, например в соборах

стены южной церкви была похоронена дочь Феодоры, а в восточной — сама императрица вместе со своей матерью. Манго упоминает при этом, что Макриди обнаружил в этой восточной гробнице оссуарий, разделенный на три части. Очевидно, этот последний факт противоречит гипотезе Манго и Хокинса, не говоря уже о невероятности предположения, что императрица и ее мать были похоронены в одной и той же гробнице. Предположение Манго и Хокинса прямо противоречит тексту устава. В нем сказано: ἐν δεξιᾷ εἰσιόντι τὸν τοῦ Προδρόμου νεὼν ὁ νεκρὸς τῆς ἐμῆς προκατατεθείς ἐστιν θυγατρός. Иначе говоря, восточная гробница южной стены южного нефа содержала тело дочери. Однако, какие основания считать, что устав имеет в виду вход в южную церковь через южную дверь? Более естественно предположение, что в уставе подразумевается вход в церковь Предтечи через главный вход, т. е. через западную дверь. Тогда ἐν δεξιᾷ εἰσιόντι τὸν τοῦ Προδρόμου νεών означает, что дочь Феодоры была похоронена в единственной нише справа от входа, т. е. в нише южной части западной стены южной церкви. Μετὰ δὲ τὴν μεταξὺ πύλην означает за средней дверью, т. е. в купольном помещении. Его архитектура прямо указывает на то, что это была привилегированная гробница, предназначенная для императрицы — строительницы. Мозаики в купольной гробнице могли быть еще роскошнее, чем в южном нефе южной церкви. Слова устава: Οὐκ ἀνέχομαι διαστῆναι ταύτης καὶ μετὰ θάνατον — означают не погребение в одном аркосолии, а в особо выделенном в здании погребальном помещении.

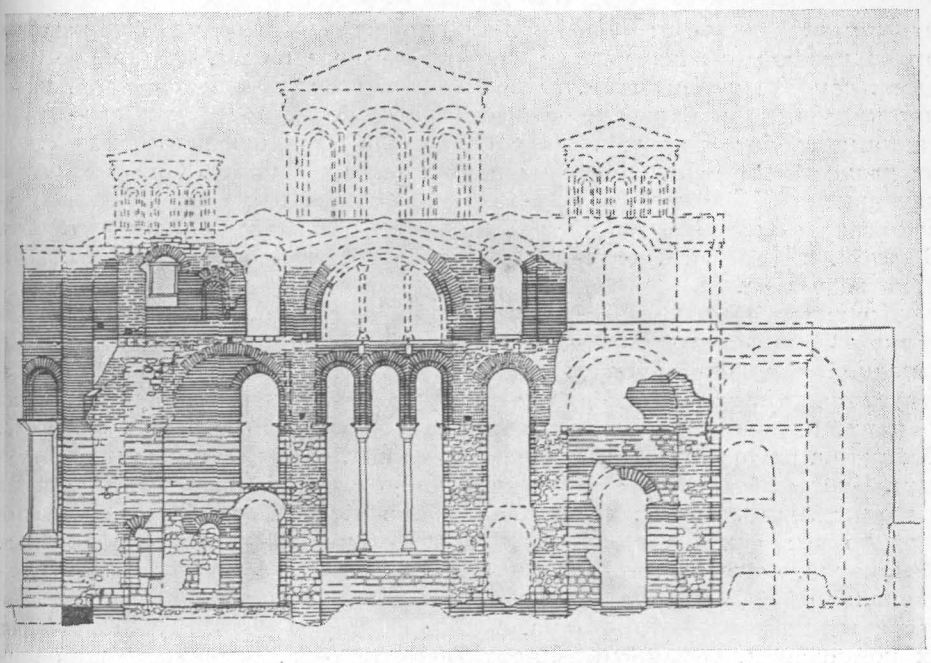


Рис. 7. Церковь Липса. Северный фасад Мега в современном виде

Антоньева и Юрьева монастырей около Новгорода. При этом малый купол в этих случаях как раз освещает помещение на хорах.

Необходимо при изучении памятников архитектуры факты, добытые наблюдениями над самим памятником, в особенности при помощи конструктивно-технического обследования, связывать с анализом композиции памятника, а также с анализом данного отрезка развития всемирной архитектуры в целом. Предположим, что над северо-восточной часовней (вопреки чертежу Мамбури) все же окажутся неоспоримые остатки барабана под куполом. Необходимо поставить вопрос, сделано ли действительно все возможное для исследования на месте предполагаемого барабана под куполом юго-восточной часовни? Допустим, что это сделано и что в будущем будет доказано, что обе восточные часовни имели купола на барабанах. Можно ли даже при таком положении (которого нет в настоящее время) сделать предположение, выдвигаемое Мега, о первоначальном существовании пяти куполов? Гипотеза Мега о пяти куполах основывается на чисто формальном соображении о симметричности первоначального здания. Для этого Мега пришлось: 1) пренебречь функциональной стороной здания и поместить купола в восточной его части над главными частями часовен, а в западной части здания — над «передней» с двух сторон; 2) несколько искусственно расположить западную пару куполов над прямоугольными помещениями, что вызвало необходимость предположить существование системы дополнительных арочек, при помощи которых прямоугольное в плане помещение возможно было перекрыть куполом. В архитектуре Константинополя средневизантийского времени аналогичные конструктивные решения отсутствуют. Кроме того, диаметры западной и восточной пары куполов оказались различными.

Основное возражение против размещения пяти куполов, предложенного Мега, заключается в том, что диагональные купола, как правило, в средневизантийское время размещали над угловыми помещениями основной части крестовокупольной системы. Малые купола внутренне вытекают из этой системы, в которой угловые помещения могут быть

перекрыты различным образом: цилиндрическими сводами, оси которых ориентированы с запада на восток или с севера на юг, крестовыми сводами, сомкнутыми сводами, половинками цилиндрических сводов, наконец куполами без барабанов или с ними, а также более сложными сочетаниями сводов и арочек. Угловые купола в средневизантийское время не располагали произвольно на любых частях здания. Они в качестве перекрытия угловых частей крестовокупольного здания внутренне глубоко связаны с этой архитектурной системой и логически из нее вытекают. Об этом, в частности, ярко свидетельствуют древнейшие русские памятники зодчества.

Другим слабым местом реконструкции Мега первоначального облика церкви Липса является предположенный им портик перед серединой западной наружной стены здания. Этот портик действительно соответствует принципу симметрии в архитектурной композиции северной церкви Фенари, которому Мега справедливо придает столь большое значение. Однако на реконструкции автора портик выглядит несколько неорганичным. Бросается в глаза отсутствие функционального назначения портика и его отдельных частей. Зачем понадобился такой портик? В особенности странно выглядит на плане различная толщина двух столбов портика. Непонятно, почему было нужно придавать портику такую высоту. Функционально необоснованными являются нижние арки, которые не обоснованы также и конструктивно, не говоря уже о художественной стороне их композиции. Странно выглядит тяжелый свод, перекрывающий портик, а в особенности (на боковых фасадах портика) высокие поверхности кирпичной кладки над двумя ярусами арок. Если предположить плоскую кровлю над портиком — как бы своеобразный балкон, можно было бы обосновать его высоту. При двухскатной крыше образуется нагрузка на основание свода, частично погашающая его распор. Однако функциональная необоснованность всего сооружения делает ненужной и непонятной такую конструкцию.

Ценным является наблюдение Мега, обнаружившего после того, как с наружной стены нартекса церкви Липса был снят слой штукатурки, следы пят арок, которые на реконструкции превратились в нижние арки портика.

Мега удачно связал свои наблюдения с указанием на остатки фундаментов в соответствующих местах, обнаруженные во время раскопок Макриди и обозначенные на плане Мамбури. Однако вопрос остается недоисследованным и необходимо провести дополнительные изыскания, чтобы выяснить, что же примыкало к средней части наружной стены нартекса северной церкви и какую архитектурную форму имел этот придаток. Можно задать вопрос, что могло быть на этом месте кроме портика? Ответ дадут дальнейшие исследования. В качестве предварительного предположения я могу только указать на возможность существования на этом месте перехода на хоры из соседнего здания жилого назначения. Подобные переходы в ряде случаев известны в византийской архитектуре, а также в русских памятниках XI — XII вв. Особенно следует упомянуть Успенский собор во Владимире Андрея Боголюбского, в котором некоторые особенности первоначального здания указывают на то, что переход от дворца на хоры собора находился именно в середине западной стены собора.

Дальнейшей особенностью реконструкции Мега, которая вызывает сомнения, является отрицание им первоначального существования северной лестничной башни или квадратной пристройки другого назначения на этом месте, которая соответствовала бы сохранившейся южной лестничной башне. Решающим аргументом в пользу такого вывода в рассуждениях Мега является то обстоятельство, что во время предпринятых им раскопок он не нашел основания северной башни. Однако, есть ли

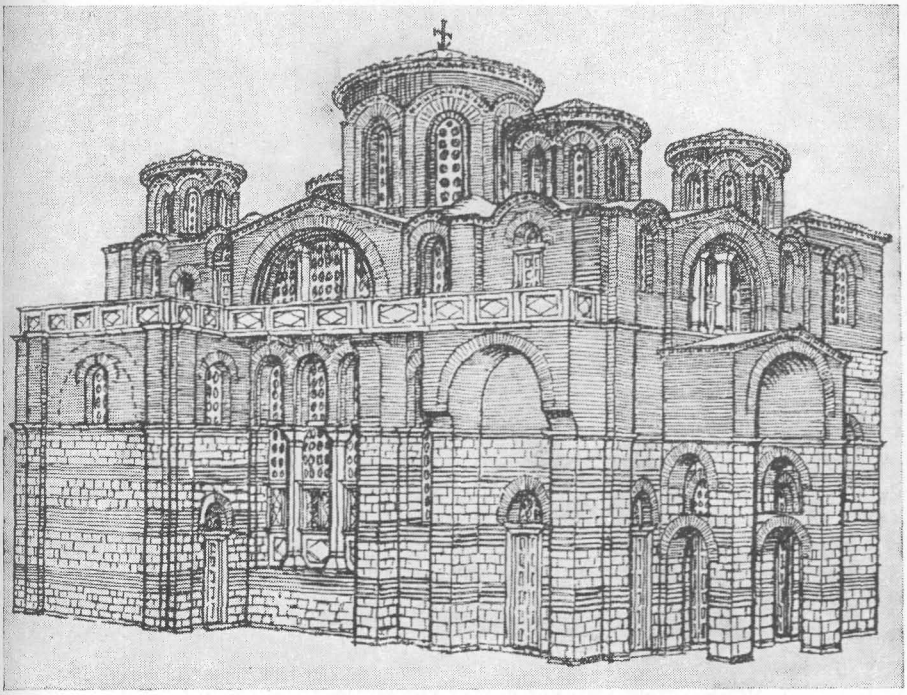


Рис. 8. Церковь Липса. Реконструкция Мега

уверенность в том, что дальнейшие исследования не обнаружат этих остатков? Сделано ли автором все возможное и необходимое для того, чтобы утверждать, что никакие последующие поиски не могут привести к положительным результатам? На данном этапе исследования первоначального облика церкви Липса такая уверенность еще не достигнута.

Остановимся прежде всего на чисто археологических работах автора. Проведенные раскопки недостаточны для утверждения, что северной башни никогда не существовало. На первый взгляд, существенным представляется вывод, что раскопки не обнаружили остатков северной башни. Однако раскопана была не вся та площадь, на которой находилась северная башня, если представить себе ее по аналогии с южной башней. К этому присоединяется также отсутствие сведений о том, какова была раскопанная Макриди площадь и что дали его раскопки на этом месте. Наиболее существенно, что автору не удалось обнаружить также и остатков северной стены и северной части западной стены предполагаемого им северо-восточного придела, который он тем не менее реконструирует на основании остатков апсиды этого предполагаемого придела. Нужно думать, что автор во время его раскопок сделал все возможное для того, чтобы обнаружить в натуре реконструируемые им части придела. Тем не менее ему не удалось археологическим путем найти этих остатков, несмотря на то, что был заложен специальный раскоп с целью обнаружить северо-западный угол предполагаемого придела. Это означает, что до раскопок автора почва была настолько перерыта, что никаких остатков византийских стен X в. не сохранилось в этом месте. Между тем не может быть сомнения в том, что в данном месте эти стены в X в. существовали, примем ли мы реконструкцию автора или будем придерживаться более старой реконструкции, согласно которой здание было пятинефным. Это означает, что всякое доказательство, основанное на том, что в раскопках не найдено следов византийских стен на том месте, где пред-

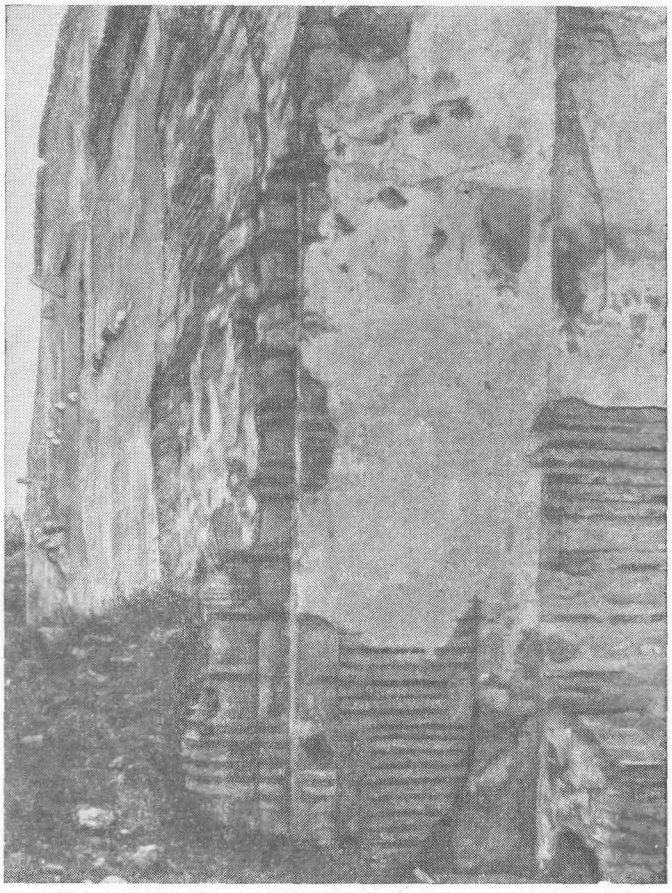


Рис. 9. Северо-западный уґол Фенари-Исса.
Фото автора. 1924 г.

полагалась северная башня, начисто отпадает. Бездоказательной является также ссылка на то, что на месте предполагаемой северной башни не было найдено подстилки под пол, остатки которой были обнаружены в предполагаемом северном приделе, так как и в последнем были найдены только незначительные остатки такой подстилки, непосредственно примыкающие к стене между главной частью здания и предполагаемым приделом, в то время как на большей части площади последнего подстилки под пол также обнаружено не было. Вполне возможно, что аналогичная подстилка не была обнаружена на месте предполагаемой северной башни потому, что она со временем была уничтожена в еще большей степени, чем на месте предполагаемого северного придела. В вопросе о том, существовала ли в X в. северная башня, археологический аргумент отпадает. Остаются наблюдения над сохранившейся частью церкви Липса.

Два бесспорных факта говорят прямо в пользу того, что северная башня существовала в X в. Наружная западная стена пристройки XIII в. не только не загибает под прямым углом на восток в том месте, где автор предполагает наружную северную сторону нартекса церкви Липса, чтобы примкнуть к северо-западному углу здания по реконструкции автора, но западная стена пристройки XIII в. продолжается дальше на север и обрывается на случайном месте (рис. 9). Я на это обстоятельство указал уже раньше. Мега на это ссылается, но высказывает предположение, что соответствующий сохранившийся выступ западной стены пристройки

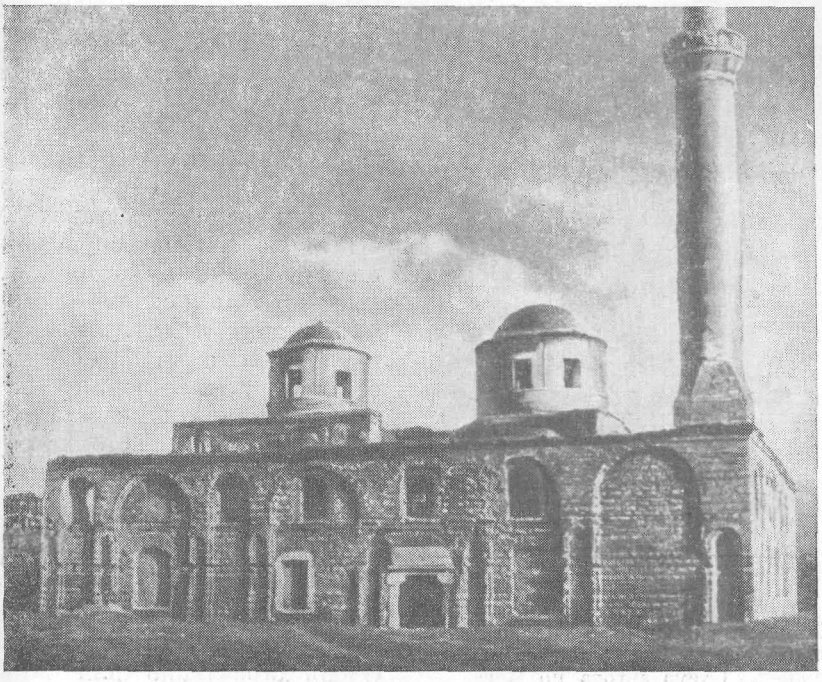


Рис. 10. Фенари-Исса. Западная стена в 1935 г.

XIII в. представляет собой контрфорс, подобный тем контрфорсам, которые он реконструирует с северной стороны в соответствии с двумя стенами нартекса церкви Липса и с западной парой ее подкупольных колонн. Версия о контрфорсе отпадает потому, что отсутствует стена XIII в., которая замыкала бы с севера западную часть галереи того же времени. Кроме того, остатки на северном конце западной стены западной галереи XIII в., как они выглядели в 1924 г., не оставляют сомнения в том, что эта стена имела значительное продолжение на север. Это — очень сильный довод в пользу первоначального существования северной башни. Поэтому вдвойне непонятно то, что во время последних раскопок не уточнили характера северного окончания западной стены западной части галереи XIII в., *хотя сделать это было довольно легко.*

Имеется еще одно очень веское доказательство того, что западная сторона западной галереи XIII в. продолжалась первоначально гораздо дальше на север, в соответствии с имевшейся северной башней церкви Липса. После снятия штукатурки с наружной части западной стены западной галереи XIII в. очень отчетливо выступила общая ритмическая структура этой стены (рис. 10). Она имеет, если рассматривать ее с севера на юг, следующие подразделения: 1) три части, отделенные друг от друга узкими лопатками с нишками, из них средняя часть шире боковых — эти три части соответствуют нартексу церкви Липса; 2) широкая часть, соответствующая южной башне церкви Липса; эта часть несколько шире широкой части, соответствующей среднему нефу церкви Липса; 3) две узкие части, соответствующие купольной пристройке к церкви XIII в.; ширина каждой из этих двух узких частей несколько больше ширины каждой из двух частей западной стены, соответствующих боковым нефам главной части церкви Липса; наконец, 4) замыкающая всю композицию с юга очень широкая часть, ограниченная с севера широкой угловой лопаткой с широкой нишей. Не может быть сомнения в том, что и с севера всю композицию завершала аналогичная широкая часть стены с широкой

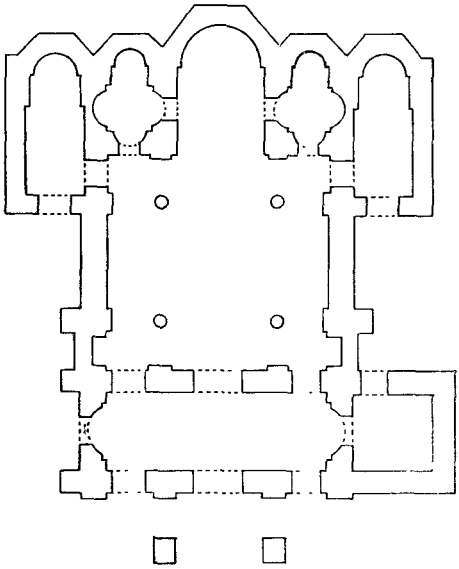


Рис. 11. Схема реконструкции плана церкви Липса в виде трехнефного здания с одной башней. Схема автора по Мега

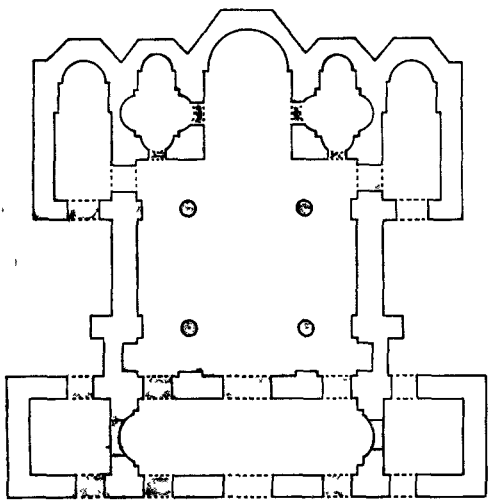


Рис. 12. Схема реконструкции плана церкви Липса в виде трехнефного здания с двумя башнями. Схема автора

угловой лопаткой и нишей, что создавало взаимное соответствие северного и южного завершения западной стены западной галереи XIII в. Ритмический рисунок всей западной стены в реконструированном таким образом первоначальном виде представлял собой в целом симметрическую композицию, в пределах которой отдельные части были сдвинуты по отношению друг к другу при помощи варьирования ширины отдельных отрезков стены, отделенных друг от друга лопатками и нишками. Вся композиция состояла из двух групп по три отрезка стены каждая, которые соответствовали двум церквам всего комплекса, причем эти шесть подразделений стены были замкнуты с каждой стороны широким отрезком стены и широкой угловой лопаткой с нишей. Очень характерно для живописного стиля времени Палеологов тончайшее равновесие асимметрической композиции в пределах симметрического целого, что представляет собой продолжение в архитектурной композиции классической греческой традиции, которая с особенным блеском была осуществлена в постройках Афинского Акрополя и в его ансамбле. Невозможно предположить, что последнего, не существующего в настоящее время с севера членения западной стены не существовало в XIII в., так как без него западная стена имеет неоконченный облик и подобна телу человека или животного, лишенного руки или ноги.

Мега прав, когда он так акцентирует значение симметрии в композиции средневизантийской архитектуры. Однако применительно к башням он о симметрии забывает. Между тем, план северной церкви Липса без второй башни выглядит таким же неорганичным, как западная стена всего здания XIII в. без последнего деления с севера, которое не существует. Разница заключается только в том, что средневизантийская архитектура тяготела к последовательной симметрии. Она в церкви Липса осуществлена во всех ее частях, за исключением отсутствующей северной башни, существование которой отрицает Мега. Достаточно взглянуть на предложенный им план первоначального вида церкви Липса (рис. 11), чтобы убедиться в незавершенности этого плана именно вследствие внутренне

нелогического отсутствия северной башни. Все это прямо указывает на то, что она первоначально существовала (рис. 12).

Наконец, имеется еще один важный довод в пользу первоначального существования северной башни. На разрезе Мамбури, проходящем через северный боковой неф церкви Липса и обращенном на север (рис. 5), отчетливо показаны следы сохранившихся лопаток, которые ограничивали с востока и с запада проем в северной стене хор над нартексом церкви Липса. Эти лопатки показаны также и на разрезе Конэнта (рис. 20). В 1924 г., когда я имел возможность подробно обследовать также и эту часть здания, остатки обеих лопаток существовали и были видны очень отчетливо, при этом сохранились лицевые поверхности обеих лопаток в сторону проема. Что касается чертежа Мамбури, то можно было бы сослаться на его неточности, наблюдаемые в других отношениях. Действительно, Мамбури показал лопатки не залитыми, как другие части церкви Липса. Однако он это сделал потому, что обе лопатки не попали в разрез, так же как и существующие до сего времени остатки северных верхних часовен. Остатки этих двух лопаток свидетельствуют о том, что в северной стене хор над нартексом церкви Липса имелся широкий проем, который, несомненно, был внутренним проемом, ведущим во второй ярус северной башни. Этот проем никак не может быть наружным проемом, как показывает его автор на своем чертеже северной наружной стены церкви Липса, неправильно реконструируя его более узким (рис. 7).

Остатки свода на наружной северной стене церкви Липса, расположенные на уровне свода нижнего помещения нартекса, представляют собой остатки свода, перекрывавшего верхнее помещение исчезнувшей ныне северной башни.

Найденные автором остатки мраморной облицовки на наружной северной стене нартекса церкви Липса также свидетельствуют о том, что в этом месте примыкало исчезнувшее ныне помещение, внутренней облицовкой которого и была та, остатки которой были найдены. В других местах, где были обнаружены аналогичные остатки облицовки, следует также предположить исчезнувшие ныне помещения, существовавшие раньше.

Северная башня церкви Липса должна была существовать. Необходимо найти ее следы археологическим путем. Во всяком случае тезис об отсутствии северной башни, защищаемый Мега, если он в нем убежден, должен быть доказан путем тщательного доследования памятника. Мне этот тезис представляется невероятным.

Остается разобрать положение Мега об отсутствии крайних боковых нефов церкви Липса. Существование в Константинополе в средневизантийское время пятинефной крестовокупольной системы доказано по крайней мере в одном случае — в Календер. При этом угловые помещения основной крестовокупольной части Календер, довольно хорошо сохранившиеся, имеют помещения в три яруса, что говорит об особенно сложной структуре крайних боковых нефов этого здания. В других местах, кроме Константинополя, пятинефные крестовокупольные здания известны в нескольких случаях, в первую очередь в Майафаркине в Месопотамии, в Мокви в Абхазии и в нескольких русских постройках в Киеве, а также в Новгороде и Полоцке. Все это не оставляет сомнений в том, что пятинефная крестовокупольная система не только существовала в средневизантийское время в Константинополе, но что она и происходит именно из Константинополя. Следует предположить, что она представляет собой расширенную разновидность крестовокупольной системы, рассчитанную на большие города с многолюдным населением. Поэтому, естественно искать представителей пятинефной крестовокупольной системы именно в Константинополе, в первую очередь, в дошедших до нас византийских постройках. Это признает также и Мега. Его предположение,

что Гюль-Джами была пятинефным зданием, мало вероятно, так как в сохранившихся ее остатках, если мысленно удалить турецкие добавления, очень отчетливо вырисовывается здание, близкое по своему архитектурному типу к Софии в Салониках. Возможно, на эту мысль Мега натолкнула реконструкция Конэнтом Νέα на основании Гюль-Джами. Эта реконструкция не представляется мне убедительной, так как куполá Νέα были, по-видимому, расположены как в Сан-Марко.

Вместе с тем несомненно, что в отдельных постройках Константинополя средневизантийского времени пятинефная крестовокупольная система подвергалась той или иной переработке, в зависимости от ряда конкретных причин, в частности, возможно, в монастырских церквах, в которых не требовалось столь вместительных интерьеров. Эта переработка могла выражаться, например, в том, что крайние боковые нефы больше или меньше отделялись от главного трехнефного помещения и что их использовали для других надобностей, иногда, может быть, в них устраивались особые молельни, тем или иным проемом выходившие в церковь, подобно тому, как это, например, осуществлено в более позднее время в Кахриэ-Джами. Переработка крайних боковых нефов могла идти также по пути отделения их отчасти или совсем глухими стенами от церкви и вскрытия их интерьеров наружу при помощи портиков на колоннах. Предельным выражением подобной переработки является трехнефная церковь с двумя наружными портиками с севера и с юга. Такой была северная церковь монастыря Пандократора, на северной стене которой сохранилась консоль, на которую была положена балка перекрытия, а также уступы на лопатках, связанные с таким перекрытием (рис. 13). Аналогичную форму имела также и более поздняя южная церковь Фетиэ, на южной стене которой сохранился ряд консолей, причем на существование наружного портика в этом здании указывают также и другие его особенности. Примерно такой представлялась северная церковь монастыря Липса Эберсольту. Еще шаг дальше сделан в Будрум, в которой узкая галерея без перекрытия окружает трехнефную церковь. Эта галерея частично покоится на висячих сводах, которые были использованы Мега для его реконструкции первоначального вида церкви Липса.

Существуют также более радикальные трансформации пятинефной крестовокупольной церкви, например большая церковь в Херсонесе, в которой рядом с трехнефной частью помещены приделы с апсидами, так что восточная сторона этого здания выглядела похожей на пятинефную крестовокупольную церковь. При анализе композиции церкви в Херсонесе мы сталкиваемся с противоположностью константинопольской и греко-восточной школы византийской архитектуры. Для последней характерна тенденция к раздробленности внутреннего пространства, которое распадается на ряд замкнутых помещений, отделенных друг от друга глухими толстыми стенами с небольшим количеством малых по размерам проемов. Церковь в Херсонесе распадается на множество таких замкнутых помещений, из которых два представляют собой боковые приделы, напоминающие предполагаемые Мега боковые приделы церкви Липса. Это прямо противоречит основной тенденции архитектурной композиции константинопольских мастеров, направленной в сторону свободной связи между собой различных частей интерьера и внутреннего пространства с наружным.

Как в настоящее время во многих бывших византийских церквах Константинополя, так и в 1924 г. в церкви Липса невозможно было заглянуть под штукатурку и под землю, поэтому возникло в самой общей форме предположение о том, что церковь Липса и многие сохранившиеся византийские здания столицы представляли собой первоначально пятинефные крестовокупольные здания. При этом невозможно было, как

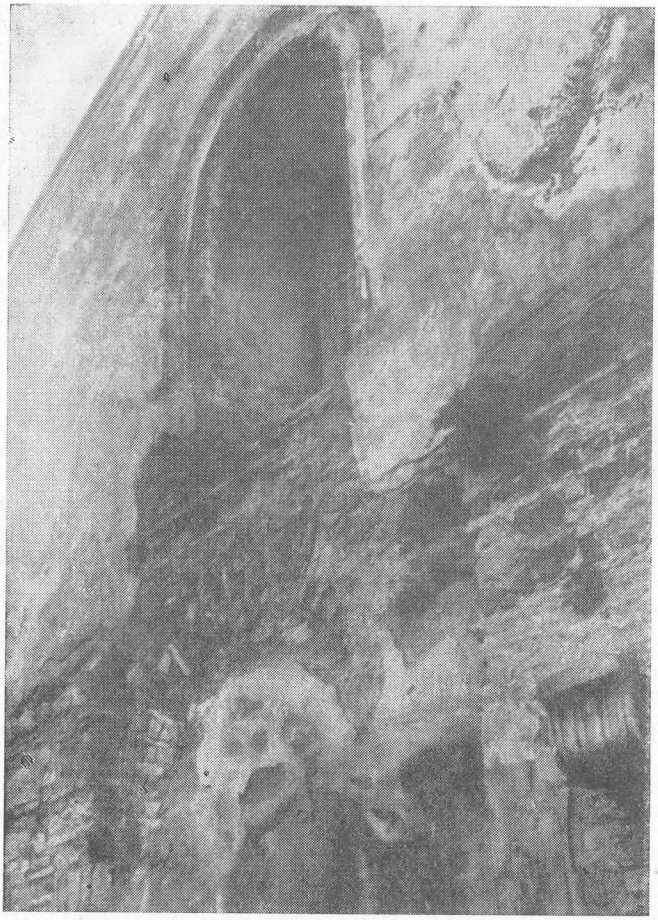


Рис. 13. Деталь наружной стены северной церкви монастыря Пандократора. Фото автора. 1924 г.

впрочем, и сейчас, представить себе в отдельных случаях характер и степень отклонения от пятинефного типа в отдельных постройках. Так, например, в южной церкви монастыря Пандократора квадратные добавления к нартексу с севера и юга, подобные башням церкви Липса, заставляли полагать, что к востоку за этими добавлениями существовали какие-то помещения. При этом естественно было предположить крайние боковые нефы. Исследования американских ученых в последнее время [5] обнаружили с юга от южной церкви подобные нефам продолговатые помещения, связанные с главной частью церкви несколькими проемами (рис. 14). Однако характер связи вновь открытых помещений с тремя основными нефами здания остается недоследованным. Нет даже уверенности в том, что разделяющая их в настоящее время стена относится к первому строительному периоду. Необходимо очень детально исследовать эту стену, считаясь при этом с возможностью ее возникновения в течение второго или еще более позднего строительного периода. Ведь мы знаем, что еще в византийское время церкви Константинополя многократно перестраивались и переоборудовались, в особенности в период Палеологов, когда в архитектуре возникла тенденция разделять интерьеры на отделенные

[5] A. Megaw. Notes on the recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul.— DOP, 17, 1963, 355 sq.; ср. p. 341 (рис.).

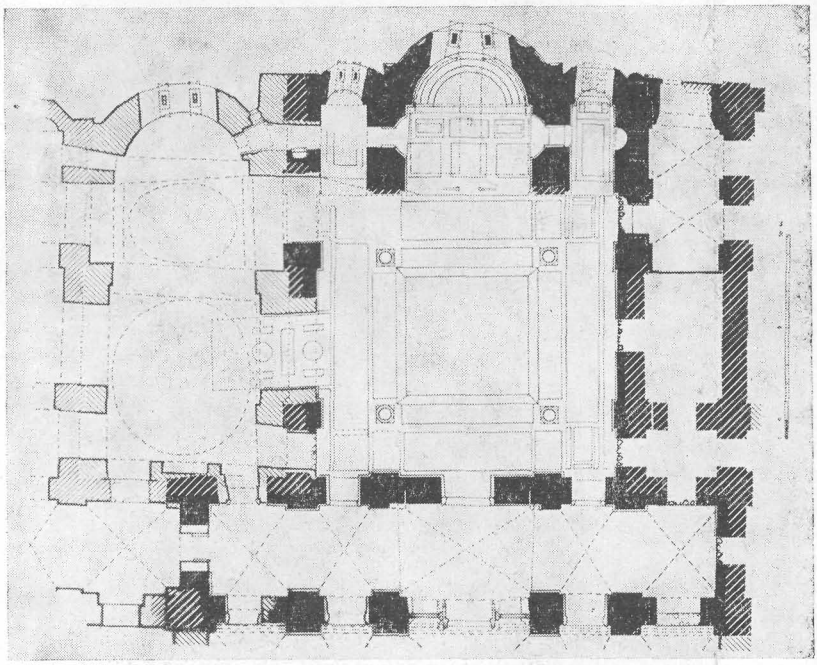


Рис. 14. План Мега южной церкви монастыря Пандократора по американским исследованиям. 1961 г.

Рис. 15. Северная церковь монастыря Пандократора. Фото автора. 1924 г.

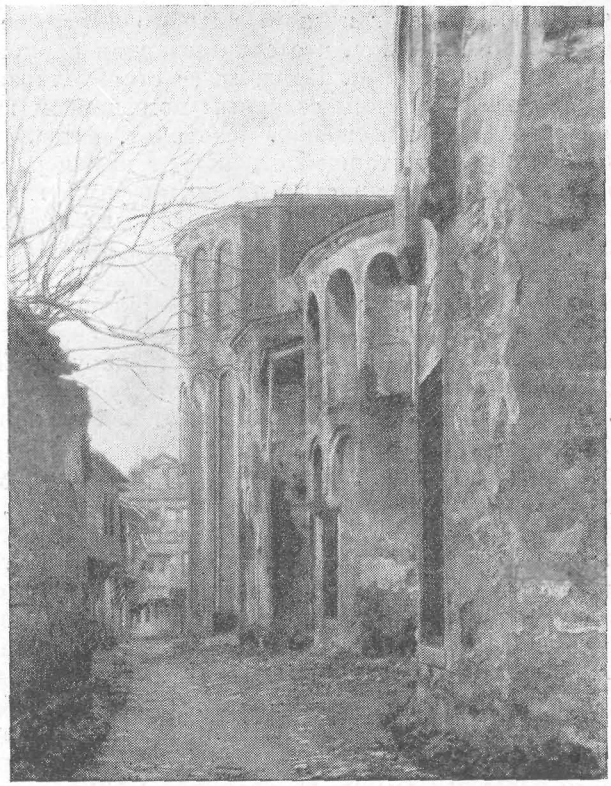


Рис. 16. Апсиды церквей монастыря Пандократора.
Фото автора. 1924 г.

друг от друга молельни. В отношении южной церкви монастыря Пандократора существенно исследовать угловые помещения центральной части и при всех обстоятельствах выяснить форму и назначение открытых с юга от южной церкви и вплотную примыкавших к ней частей здания. Современный наружный облик южной церкви заставляет предположить существование верхних часовен между концами креста (рис. 15).

Необходимо иметь в виду, что при исследовании константинопольских средневизантийских построек следует применять глубокие зондажи, так как только они могут во многих случаях вскрыть строительные периоды византийского времени, которые нередко не только наслаивались друг на друга, но и взаимно как бы проникали друг в друга, так что более поздняя кладка глубоко внедрялась в более раннюю.

В отношении двух главных церквей монастыря Пандократора сомнителен также вывод новейших исследователей о том, что южная церковь возникла раньше северной, так как по своей архитектуре последняя более архаична. Особенно ярко об этом свидетельствует характер апсид северной церкви, менее раздробленных и более приземистых (рис. 16). Об этом говорит также картина последовательного возникновения двух больших церквей монастыря Пандократора. Представим себе на минуту положение, когда существовала, согласно догадкам новейших исследователей, только одна южная церковь. Если к ней пристраивали северную, то как могли при ее возведении отступить от южной церкви на ширину двух нефов? С севера южная церковь, несомненно, имела пристройку, аналогичную вновь открытой пристройке с юга, об этом говорит квадратный выступ нартекса на север, увенчанный на западной стороне закомарой. В таком случае естественно было придвинуть северную церковь,

ее основную часть, вплотную к южной, а не отодвигать ее на один неф к северу, принимая во внимание, что сама северная церковь была трехнефной с наружными портиками. Вряд ли ее строители создали между ее трехнефной частью и крайним северным помещением южной церкви дополнительное замкнутое помещение. Наоборот, естественно представить себе северную церковь стоящей отдельно с двумя наружными портиками и что к ней позднее пристроили пятинефную южную церковь. Ведь возможно, что более роскошную, как говорят новейшие исследователи, южную церковь построили так, что северная ее стена пятидольного нартекса была встроена в частично разобранную стену южного отделения пятидольного нартекса северной церкви.

Какую бы форму церкви Липса ни обнаружили современные и будущие исследователи, все же невозможно оторвать церковь Липса от константинопольской системы пятинефной крестовокупольной церкви, тем или иным вариантом или той или иной переработкой которой она, несомненно, является.

Остается рассмотреть последнюю особенность реконструкции церкви Липса, остроумно предложенной Мега,— его утверждение, что эта церковь представляет собой трехнефное здание с двумя приделами, примыкающими к восточной части постройки. Доказанным это положение в опубликованных работах считать никак нельзя. Ряд обстоятельств говорит в пользу того, что реконструкция Мега неправдоподобна.

Прежде всего следует отметить, что последние раскопки, предпринятые в 1960 г., ничего не доказали. Ведь наружные стены предположенного Мега придела также обнаружены не были. Были найдены остатки только крайней боковой северной апсиды. Однако это не дало ничего нового, так как кусок этой апсиды еще в 1924 г. был виден висящим на некоторой высоте. Поэтому ссылка на раскопки 1960 г. в доказательство отсутствия первоначального существования нефа к северу от сохранившихся частей отпадает. То обстоятельство, что на месте предполагаемого крайнего бокового нефа не найдено остатков подстилки под пол, также не является доказательством, так как внутри предположенного Мега придела эти остатки столь незначительны, что они могли бы и не сохраниться вовсе. Нет ничего невозможного в том, что на месте предполагаемого крайнего северного бокового нефа остатки византийского времени были разрушены настолько, что подстилка под пол вовсе не сохранилась, как это имеет место также и под северной башней, примыкавшей, по-видимому, к нартексу.

Очень многое в сохранившихся частях северной церкви свидетельствует о первоначальном существовании перекрытого помещения к северу от средней части трехнефного здания.

Очень вероятное первоначальное существование северной башни свидетельствует в пользу существования помещений как с юга, так и с севера, между башнями и восточными пристройками-«приделами». Сравнение плана Мега с тем же планом, дополненным северной башней (рис. 11 и 12), склоняет к такому решению вопроса. Именно наличие башен и приделов делает очень простым возведение крайних боковых нефов, которые представляют собой соединение башен и приделов стенами, что прямо напрашивается при взгляде на план северной церкви без крайних боковых нефов, но с северной башней. Неиспользование архитектором этой возможности было бы нерациональным.

На первоначальное существование крайних боковых нефов указывают также и восточные часовни верхнего яруса. Проще было бы поместить их внизу, например, в промежутках между башнями и приделами, вместо того, чтобы изобретать очень сложную, неудобную и искусственную систему узких переходов, которые реконструирует Мега. Другое дело при наличии крайних боковых нефов, которые занимали собой то место,

которое можно было бы отвести для часовен и которые делают простым и естественным доступ к восточным часовням верхнего яруса.

Необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство. В восточном отделении северо-западной часовни, сообщающейся непосредственно с нартексом, имелось первоначально в северной стене этой часовни окно, которое впоследствии было переделано в дверной проем. Естественно задать вопрос, когда это могло быть сделано? Не может быть сомнения в том, что окно превратили в дверь до турецкого времени, когда здание функционировало еще как церковь и когда функционировали также и верхние часовни. Скорее всего дверной проем был проломлен в эпоху Палеологов. Не совсем ясно, зачем это было сделано, так как в северо-западную часовню имелся очень удобный вход со стороны хор нартекса. Отсюда как будто следует, что дверной проем имел значение не только для сообщения с часовней, но также и для того, чтобы присутствующие за пределами часовни могли лучше видеть происходящее внутри нее. Это свидетельствует в пользу того, что дверной проем вел из часовни в значительное помещение, в котором могло пребывать много людей. Вряд ли дверной проем был бы устроен из окна, если бы к северу от северо-западной часовни находилась всего лишь узенькая галерея, как это предположил Мега. Появление дверного проема, ведущего прямо в восточное отделение северо-западной часовни верхнего яруса, можно было бы, например, объяснить тем, что, начиная с известного времени, хоры над нартексом стали вмещать особо выделенное помещение, которое препятствовало движению в северо-западную часовню через хоры нартекса (они могли быть в то время даже отделены от часовни). Поэтому устроили дверной проем, к которому попадали снизу через лестницу в северной башне и дальше во второй ярус северного крайнего бокового нефа. Таким особым назначением хор нартекса могла быть, например, царская ложа, устроенная в XIII в., когда весь комплекс был превращен в усыпальницу династии Палеологов.

Против реконструкции Мега свидетельствует также весьма рискованная система галереи, которая не могла быть в такой форме достаточно устойчивой, тогда как можно было так просто получить два крайних боковых нефа, которые значительно увеличивали бы вместимость здания и в то же время устанавливали бы очень простое и удобное сообщение с часовнями. Это было бы тем более оправдано, если оказалось бы, что крайние боковые нефы имеют верхние ярусы, как это было предположено также и Мамбури, что еще гораздо больше увеличило бы вместимость здания. Необходимо со всей тщательностью доследовать вопрос о том, не существовало ли на самом деле надстроек над крайними боковыми нефами. Плоские стены верхней части сохранившегося здания указывают скорее на двухъярусные боковые нефы. Необходимо отметить также, что устройство крайних боковых нефов, при наличии двух башен и двух приделов, обошлось бы очень дешево. Заказчики и архитекторы должны были пойти скорее на этот расход, чем на дорогостоящее сооружение предположенного Мега западного портика, не имеющего никакого функционального назначения.

До сих пор недостаточно исследована сохранившаяся северная наружная стена церкви Липса, которая в 1924 г. была недоступна для наблюдений, так как ее поверхность была скрыта под поздней штукатуркой. На изданном Мега чертеже (рис. 7) ее кладка показана сильно разрушенной на поверхности, в особенности в наиболее существенных для реконструкции первоначальной формы здания местах. На чертеже кладка показана не сохранившейся везде там, где могли примыкать пяты арок, перекинутых через крайний боковой неф, или там, где следует ожидать первоначальное существование башни. В тех местах, где примыкала апсида придела и сам придел, картина, представленная на чертеже,—

Рис. 17. Северная стена Фенари-Исса.
Фото автора. 1924 г.

примерно такая же, как в тех местах, где можно предположить первоначальное примыкание крайнего бокового нефа и башни. В частности, обращает на себя внимание участок северной стены, соответствующий западным угловым делениям плана главной части здания. Отметим некоторое противоречие между реконструкцией Мега и его чертежом. В то время как на реконструкции на этом месте показана глухая стена до верхнего края второго снизу слоя кирпичной кладки, на чертеже фасада на том же месте пунктиром показан проем. Принимая во внимание, что на чертеже пунктиром обозначены реконструируемые части церкви Липса, необходимо предположить, что автор чертежа реконструировал проем, существовавший изначала. Возможно, что это — ошибка чертежа. Однако на том же чертеже ясно видно, что в современном состоянии здание не сохранило никаких следов первоначального устройства, что могло породить у автора сомнение в том, как правильно реконструировать это место [6].

Сравнение друг с другом наружной поверхности столбов на северной стене по обеим сторонам тройной аркады обнаруживает полнейшее сходство потревоженной кладки. Столб к востоку от тройной аркады соответствует западной стене «придела». Естественно предположить аналогичную систему к северу от столба, расположенного к западу от трой-

[6] Сомнение было у Мега также и в отношении одновременности постройки южной церкви и южной и западной галерей (DOP, 17, p. 334, n. 6). Первоначально Мега примкнул в этом вопросе к мнению Мамбури и Макриди, но позднее от него справедливо отказался.

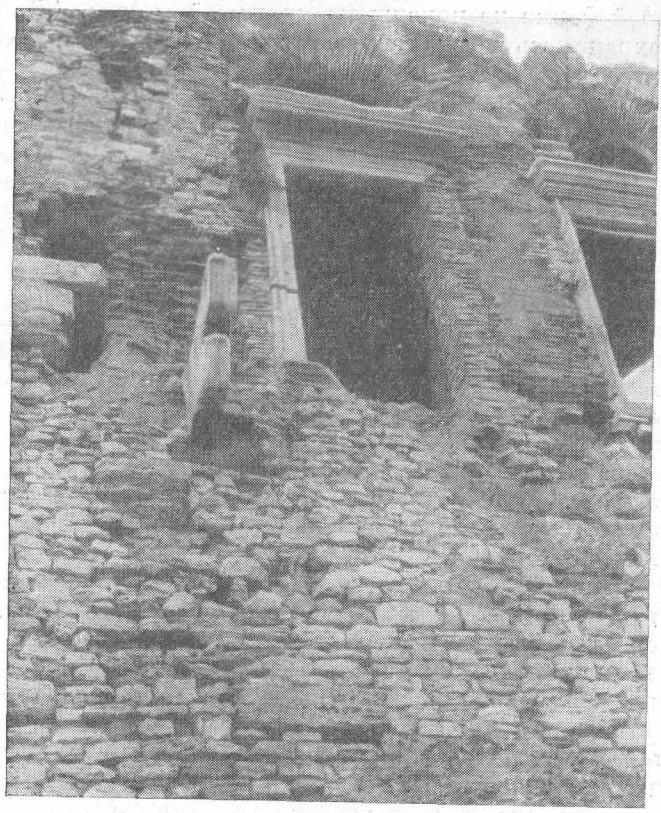


Рис. 18. Деталь дворцового фасада («дворец Буколеона») в Константинополе, выходящего на Мраморное море. Фото автора. 1924 г.

ной аркады. В обоих случаях имеется по гнезду деревянной связи, которые обе указывают на примыкавшие помещения.

Мега привлек для обоснования возможности своей висячей галереи аналогию с Будрум. Однако в Будрум мы имеем совершенно другую систему в целом и иную композицию. В частности, в Будрум нет перехода галереи между сводами на кронштейнах в виде мраморных досок, опирающихся на мраморные кронштейны, как это Мега предполагает с двух сторон в церкви Липса. Остатки балок, которые Мега принимает за кронштейны, не могли быть ими. Прежде всего, мраморные балки сечением 25 × 40 *см* (причем 40 *см* представляют собой их высоту), выступавшие из стен примерно на 1 *м* 40 *см* (или 1 *м* 50 *см*), не могли выдержать тяжести мраморных досок толщиной в 20 *см*, по которым ходили люди, причем одновременно на них могло находиться значительное количество людей. Другое дело, если эти остатки представляют собой фрагменты балок, перекинутых через крайний боковой неф, причем на них был положен деревянный настил [7]. Обнаруженные мраморные плиты могли быть подоконником под большими полукруглыми окнами. Остатки

[7] По моей просьбе профессор Московского архитектурного института А. Н. Попов проверил возможность конструкции кронштейнов, которую предложил Мега, за что приношу А. Н. Попову глубокую благодарность. А. Н. Попов пришел к выводу, что торчащие из северной стены обломки мраморных балок не могли быть кронштейнами. Эти балки могли только перекрывать прилегающее помещение, которым мог быть только крайний боковой неф. Расчеты А. Н. Попова приведены в следующей за данной статье. В этих расчетах диаметр балок принят 25 × 40 *см*, в то время как по новейшим исследованиям он составляет только 20 × 32 *см*.

балок по своей форме не похожи на кронштейны (рис. 17). В Константинополе сохранилось несколько памятников, которые имели легкие балконы на кронштейнах. Эти последние сделаны совсем иначе, чем остатки балок на северной стене церкви Липса (рис. 18). Существенно также, что остатки балок Фенари имеют богатую орнаментацию, которая указывает на то, что балки находились во внутренних помещениях. Наружные каменные карнизы в византийских зданиях обыкновенно делали более простыми, гладкими или покрытыми надписями. Если бы мраморные плиты под полукруглым окном северной стены были остатками пола галереи, они должны были бы сохраниться также и в других частях северной стены.

Самым сильным аргументом Мега в пользу того, что северная стена церкви Липса, дошедшая до нас, является первоначальной наружной стеной здания, заключается в тех следах застекления, которые были обнаружены в первую очередь в тройной большой аркаде северной стены, а также в проеме южной стены центральной части церкви Липса, соответствующем западным угловым помещениям этой центральной части. С этим связана стена под тройной аркадой северной стороны, которая была обнаружена во время раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури. В 1924 г. трудно было учесть без раскопок высоту культурного слоя, которая была уточнена во время раскопок. Стена под тройной аркадой имеет высоту около 1 *м* 50 *см*. Эта стена отделяет центральную часть здания от того, что лежит к северу от нее. Однако высота в 1 *м* 50 *см* все же позволяет взрослому человеку свободно смотреть через тройную аркаду и, стоя к северу от нее, видеть происходящее к югу от аркады. В этом отношении эта стена отличается от стены под тройной аркадой средней апсиды, которая имеет высоту около 2 *м*, что не позволяет снаружи видеть происходящее внутри здания. Необходимо доследовать следы застекления, не были ли это незастекленные решетки, и поискать их также и в других местах. Ведь не исключено предположение, что застекление появилось не в первый строительный период, а только позднее, например, в эпоху Палеологов, а, может быть, еще и в средневизантийское время. Этот вопрос нужно доследовать и достигнуть в этом отношении полной ясности. При этом необходимо местами применить глубокие зондажи, чтобы окончательно убедиться в отсутствии византийских переделок. Это тем более важно, что превращение окна в дверной проем в восточном отделении северо-западной часовни свидетельствует о византийских переделках именно в северной части здания.

Другая возможность заключается в том, что застекление существовало изначала и что крайний боковой неф представлял собой нечто среднее между нефом и портиком. Наконец, не исключена возможность того, что северный крайний боковой неф имел какое-то особое функциональное назначение и что он был отделен в связи с этим от средней части здания. На реконструкции церкви Липса, опубликованной Конэнтом (рис. 19—22), которую не приводит и даже не упоминает Мега, застекление показано. Очевидно Конэнт на месте, уже после раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури, видел следы застекления. Между тем реконструкция Конэнта предполагает пятинефную систему церкви Липса. Как показывает его реконструкция южного фасада, которую автор, конечно, принимает однотипной с реконструкцией северного фасада, Конэнт считает, что крайние боковые нефы были изначала отделены от центральной части, а проемы, связывающие их друг с другом, были застеклены. Однако Конэнт на своей реконструкции проемы южного фасада, выходящего наружу, т. е. проемы в южной стене южной церкви, также показывает застекленными. В результате у Конэнта получаются крайние боковые нефы, отделенные от центральной части застекленными проемами и выходящие наружу довольно плотными стенами, хотя

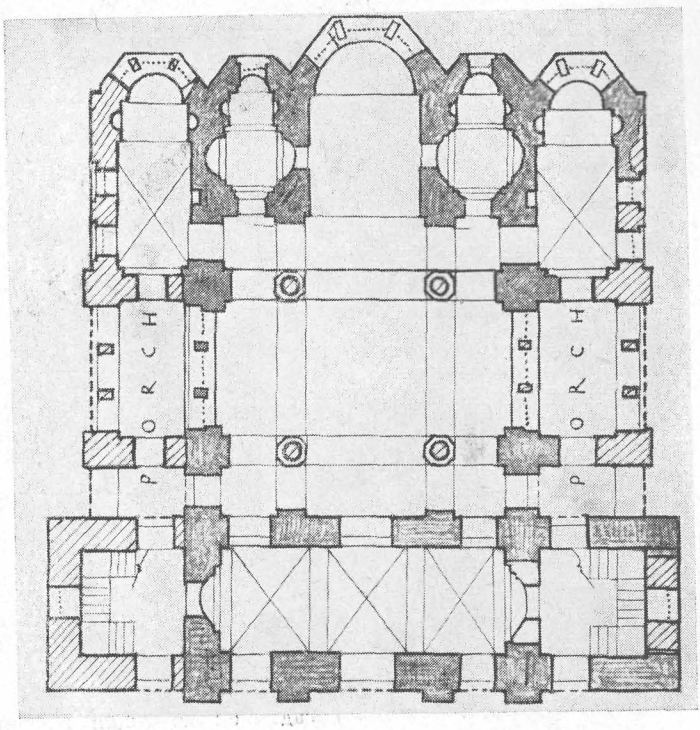


Рис. 19. Церковь Липса. План. Реконструкция Конэнта

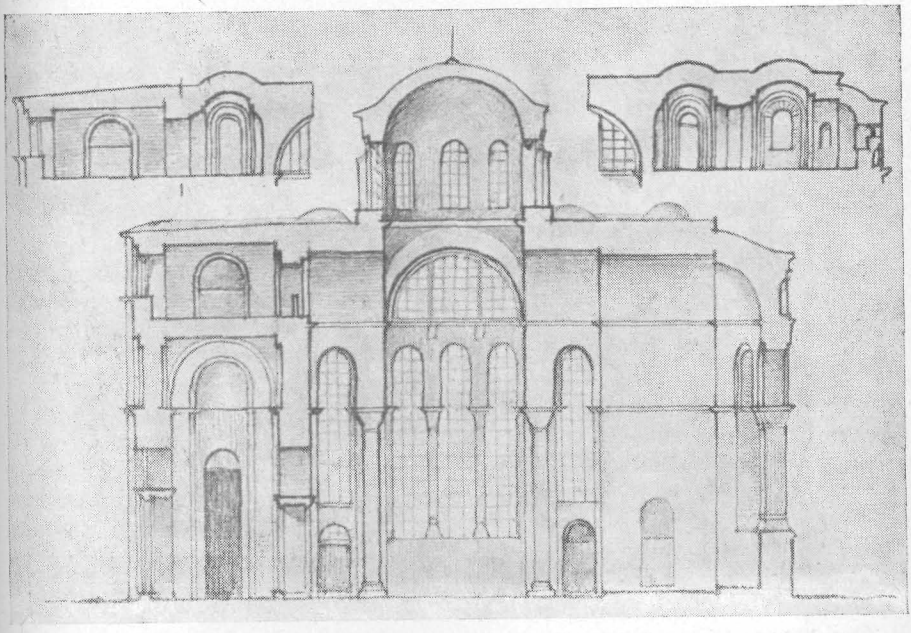


Рис. 20. Церковь Липса. Продольный разрез. Реконструкция Конэнта

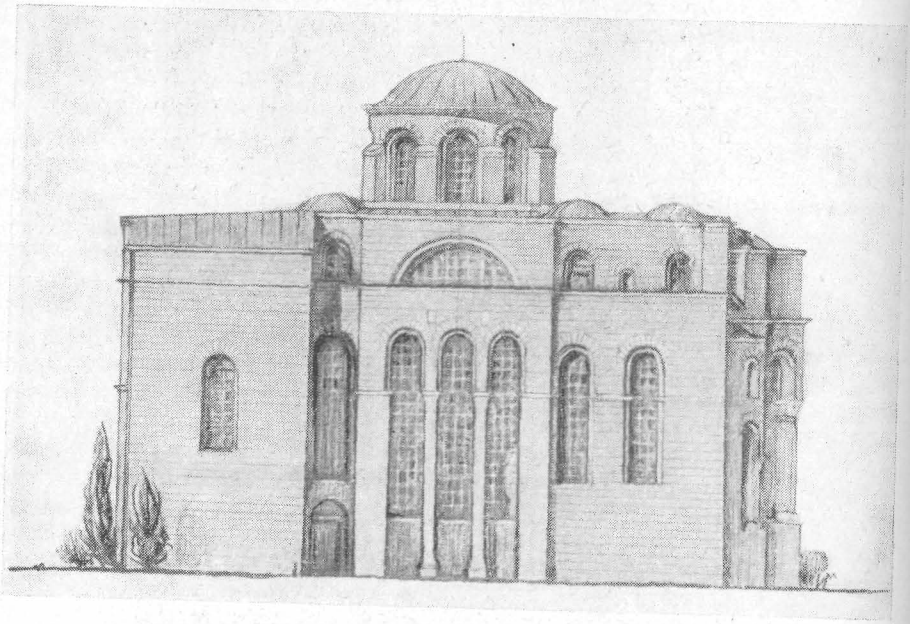


Рис. 21. Церковь Липса. Южный фасад. Реконструкция Конэнта

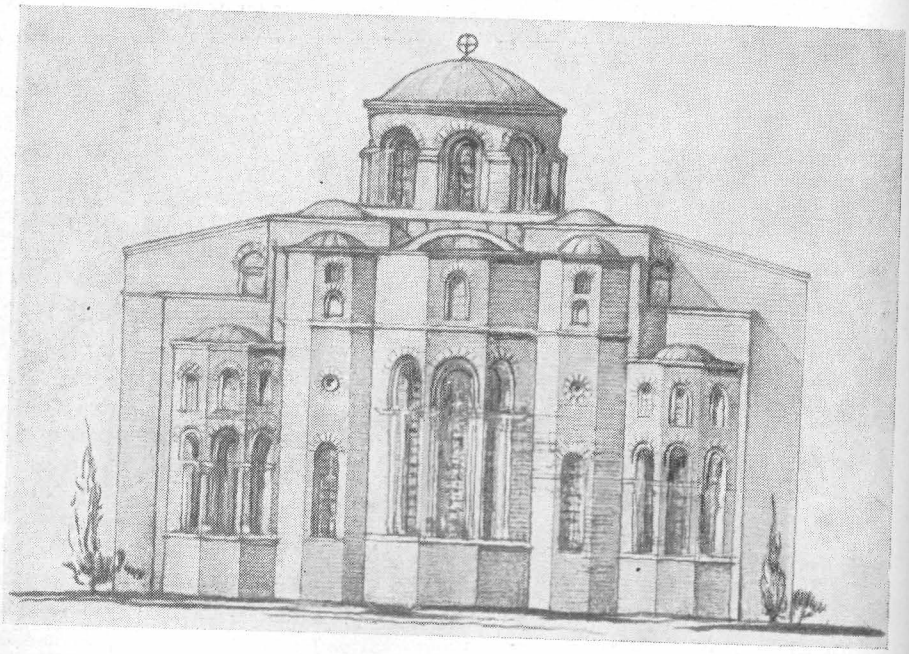


Рис. 22. Церковь Липса. Восточный фасад. Реконструкция Конэнта

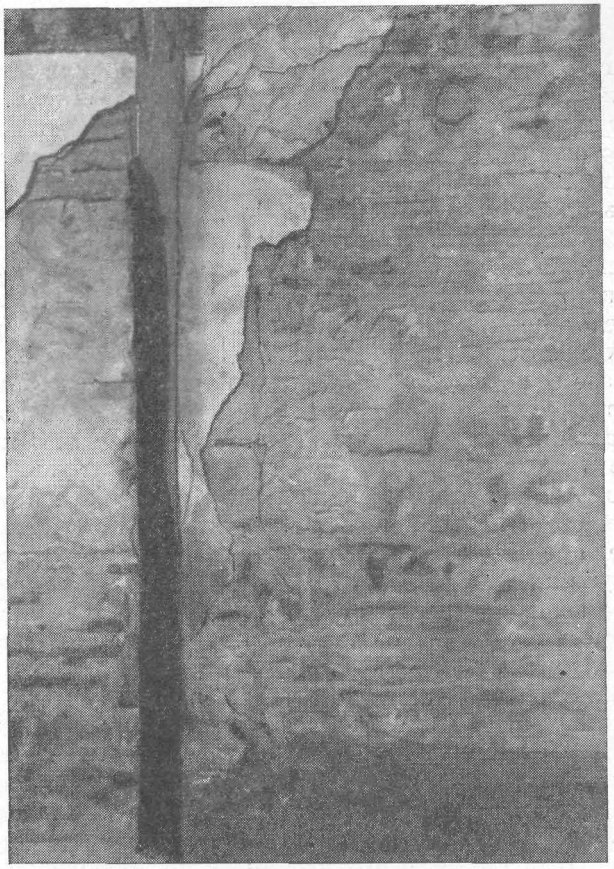


Рис. 23. Ниша, примыкающая к восточной стене южной башни церкви Липса. Фото автора. 1924 г.

частично и прорезанными большими застекленными окнами. Обращает на себя внимание одна особенность реконструкции Конэнта. На разрезе, опубликованном на той же странице, что и чертеж реконструкции южного фасада, представляющем собой продольный разрез здания с видом на север, Конэнт показывает застекление большого проема над дверным проемом, выходящего внутрь восточного «придела». Следовало бы очень подробно обследовать в натуре это место, так как Конэнт имел, по-видимому, основание показывать этот проем застекленным. Можно быть уверенным, что вопрос о справедливости реконструкции Конэнта в этом пункте может быть выяснен тщательным анализом в натуре соответствующих сохранившихся частей здания.

Мега отрицает, что в нише, которая примыкает к восточной стене южной башни, имеется нарушение кладки. Это место представляет большой интерес для реконструкции первоначального вида церкви Липса, так как именно в этом месте примыкала стена или арка проема южного крайнего нефа до пристройки южной церкви, если такой крайний неф действительно существовал. Нарушение кладки X в. в данном месте можно было отчетливо видеть в 1924 г. и оно видно на фотографии, снятой тогда (рис. 23). В глубине этой ниши виден угол южной башни, к которому примыкает стена XIII в. Этот угол оказывается без лопатки, что также указывает на первоначальное существование южного крайнего бокового нефа, по отношению к которому башня несколько выступала на юг, причем сам этот выступ заменял собой лопатку.

Мега, разбирая отдельные работы, посвященные изучению церкви Липса, почему-то пропустил реконструкцию Конэнта, опубликованную еще в 1942 г. Эта публикация довольно детально иллюстрирует мысли Конэнта по вопросу о первоначальном виде церкви Липса. Конэнт издал свою реконструкцию в виде плана, продольного разреза и двух фасадов — южного и восточного. При этом церковь Липса фигурирует вместе с другими памятниками византийской архитектуры и схематическими чертежами, которые дают целую типологию византийских архитектурных систем. Особенно интересно, что такая историко-теоретическая разработка основ средневизантийской архитектуры связывается в работе Конэнта также и с картиной возникновения древнейшего русского зодчества. Конэнт сосредоточивает свое внимание из всех сохранившихся средневизантийских построек Константинополя на Гюль-Джами, по-видимому, главным образом потому, что она отличается своими более крупными размерами от других зданий того же времени. Если диаметр купола церкви Липса составлял несколько меньше 5 *м*, купол Эски-Имарет был примерно того же размера, то купол Гюль имеет диаметр почти 9 *м*. С одной стороны, Конэнт берет план Гюль за основу своей реконструкции Νέα, с другой стороны, именно Гюль он сравнивает с Киевской Софией и считает ее представительницей тех константинопольских построек, которые послужили прототипом первого сохранившегося русского каменного здания. Гюль-Джами занимает среди средневизантийских построек Константинополя несколько особое место, что отчасти связано с двумя строительными периодами, не считая турецкого, которые наблюдаются в этом здании. Свой окончательный вид Гюль получила в византийское время в XII в., о чем красноречиво говорят семигранный план средней апсиды (что дает очень измельченные членения), вертикальные пропорции отдельных граней апсид, с чем связаны очень сильно вытянутые по вертикали ниши по сторонам тройного окна, а также кладка со скрытым рядом. Все это очень сильно сближает Гюль с южной церковью монастыря Пандократора. Вследствие этого разница, по сравнению с Киевской Софией, отчасти объясняется различным временем их возникновения. Для реконструкции Νέα Гюль выбрана неудачно, потому что расположение куполов в Νέα было, возможно, крестообразным. Некоторые особенности Гюль, отличающие ее от других средневизантийских построек Константинополя, очень напоминают русскую архитектуру XI—XII вв. К ним относятся закомары, встречаемые в таком развитом виде в Константинополе еще в нартексе южной церкви монастыря Пандократора и представляющие собой одну из самых типичных особенностей древнерусской архитектуры, купола над угловыми делениями крестовокупольной системы, притом в упрощенной, по сравнению с русской архитектурой, форме без барабанов, а также и кладка со скрытым рядом. На табл. XV—XIX Конэнт дает несколько абстрактную систематику различных византийских архитектурных типов, которая задумана как своего рода теория византийских архитектурных структур.

Наибольший интерес представляют у Конэнта чертежи реконструкции церкви Липса, большое значение которой в развитии византийской архитектуры автор правильно оценивает. Конэнт осмотрел остатки церкви Липса вскоре после раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури. Конэнт при этом не знал моего исследования, опубликованного в Belvedere в 1926 г., так как в противном случае он, конечно, об этом упомянул бы, ибо его реконструкция очень близка к моей. То, что Конэнт не знал моего исследования, представляется мне особенно ценным, так как Конэнт вследствие этого взглянул на остатки здания, да еще в раскопанном виде, свежими глазами. Очень существенно, что Конэнт реконструирует церковь Липса как пятинефную. Очевидно, Конэнт представлял себе крайние боковые нефы в качестве дополнительных помещений, отделенных

от трех средних нефов застекленными проемами. Возможно, на реконструкцию Конэнта имело некоторое влияние предположение Эберсольта, что крайние боковые нефы церкви Липса представляли собой открытые наружу портики. Во всяком случае Конэнт реконструировал здание пятинефным, будучи знаком при посещении здания на месте с результатами раскопок. Очевидно, последние не противоречили реконструкции пятинефного здания.

Выводы исследования Мега, что церковь Липса представляет собой целостное здание начала X в. и что при этом не удалось обнаружить каких-либо более древних остатков церкви на том же месте, выглядят убедительными. Однако все же удивительным является то обстоятельство, что найденный при раскопках архивольт со скульптурами в точности соответствует диаметру цилиндрических сводов церкви Липса 908 г. Вряд ли это простое совпадение. Этот вопрос необходимо попытаться выяснить в течение дальнейших исследований. Макриди предполагает, что архивольт со скульптурами был помещен на алтарной стороне. Не выделял ли он какое-либо особое помещение, возможно, гробницу, в интерьере церкви X в.? О более древней церкви говорят также и найденные под полом нартекса церкви Липса саркофаги ранневизантийского времени, для помещения которых на том месте, где они оказались, пришлось отбросить не помещавшиеся под полом нартекса высокие крышки, на что указал Мамбури.

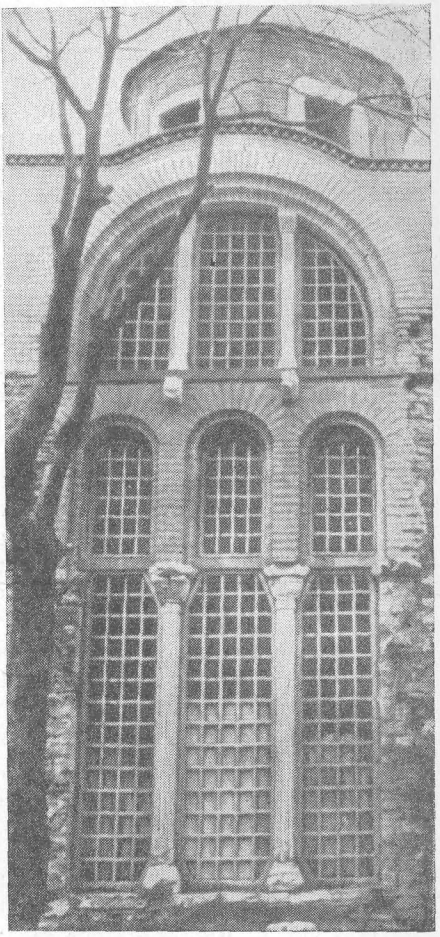


Рис. 24. Северная сторона церкви Липса после реставрации

В итоге всего вышесказанного необходимо признать, что опубликованные результаты последних исследований церкви Липса породили новую гипотезу в отношении первоначального вида здания — остроумную и живую, но никак не доказанную. Необходимо доследовать вопрос о первоначальном виде церкви Липса. При помощи тщательных наблюдений, многочисленных дополнительных и глубоких зондажей, а также раскопок в нескольких местах на более обширной площади, чем это было сделано до сих пор, а кое-где и повторных раскопок на прежних местах, можно добиться бесспорных выводов. Нужно, наконец, прийти к окончательным выводам, после которых уже не было бы необходимости в каких-либо доследованиях. В особенности следует обратить внимание на северо-западный угол всего здания, а также на внутренние части пристройки XIII в. Так, например, на чертеже Мамбури, который представляет собой поперечный разрез всего комплекса по диаметрам куполов (рис. 4), черным показано основание под северными колоннами южной церкви. Следует, конечно, помнить неточности чертежей Мамбури в отношении отнесения отдельных частей здания к тому или иному строительному периоду.

Показанный черным фундамент под колонной как будто принадлежит восточной колонне в данной части южной церкви. Вследствие этого этот фундамент, очевидно, принадлежит южной стене юго-восточного «придела». Однако даже и в этом случае это место чертежа Мамбури, если оно имеет правильное обозначение, указывает на то, что под полом церкви XIII в. сохранились части церкви Липса, которые остались недоисследованными и которые могут дать ценный материал для реконструкции первоначального вида этой церкви.

Необходимо при публикации материалов новых исследований издавать подробные чертежи раскопок и зондажей, так, чтобы при чтении отчетов об исследовании не оставалось никакого сомнения в характере полученного при раскопках и зондажах материала. В этом отношении американские исследователи в публикации 1964 г. поступили примерно так же, как Макриди в своей статье. Это может породить споры и возражения.

Недостатком производившихся до сего времени работ по исследованию церквей монастыря Липса, да и других построек Константинополя является отсутствие настоящих архитектурно-археологических обмеров того типа, какие делал, например, Покрышкин при исследовании церкви Спаса-Нередицы в Новгороде. Как обмеры Мамбури, так и обмеры 1960 г. являются обмерами схематическими. Линии очертаний стен проведены условно по линейке, они основаны на слишком небольшом количестве взятых размеров. Необходимо очень тщательно обмерять памятники методом причалок, о котором так подробно и убедительно писал Покрышкин и который в настоящее время укоренился у нас при исследовании и реставрации памятников архитектуры. Настоящая детальная обмерная фиксация, с обозначением каждого камня и каждого кирпича, сама по себе даст очень много для исследования памятника и для восстановления на бумаге его первоначального вида. Была ли проведена такая фиксация при работах 1960 г. над комплексом построек Фенари-Исса? Если да, то ее необходимо возможно скорее издать, чтобы эта фиксация и другие полученные материалы не разделили участи материалов Кэссона — Макриди — Мамбури.

В 1960 г. Фенари-Исса не только была подвергнута исследованию, но она была подвергнута отчасти также и реставрационным работам, в связи с которыми здание собственно и было частично исследовано. То, что опубликовано в отношении результатов этой реставрации, вызывает серьезную тревогу. Поверхности стен, например, с северной стороны, были частично облицованы новым кирпичом (рис. 24). Не говоря уже о том, что новый облик, который получила на северной стороне церковь Липса, не радует глаз своими мертвыми поверхностями современной кладки, эта реставрация закрывает, по крайней мере в тех местах, где она осуществлена, возможность доследования архитектуры памятника, как его первоначального вида, так и дальнейших переделок и добавлений. Реставрация должна в принципе оставлять нетронутой поверхности кладки сохранившихся частей здания. Ведь не исключена возможность, что исследователи до производства реставрационных работ не исчерпали всех возможностей исследования и что последующие исследователи и последующие поколения ученых обнаружат то, что было пропущено их предшественниками. Примененный метод реставрации свидетельствует о самонадеянности реставраторов, которые уверены, что они сделали все возможное. Это рискованно хотя бы уже потому, что человеческая жизнь и наука постоянно движутся вперед и что люди последующих поколений смогут увидеть в развалинах то, что не видят люди нашего времени, уже только потому, что они будут смотреть новыми глазами. Особенно опасны реставрации, которые не сопровождаются подробным изданием реставрационных работ с детальнейшими обмерами и последовательной фиксацией каждого их этапа.

Новейшая публикация исследования церкви Липса выдвинула новую рабочую гипотезу. Однако реконструкция Мега не доказана, в настоящем виде она представляется мне невероятной. Более убедительной представляется мне реконструкция церкви Липса в виде пятинефного здания того или иного варианта, в частности, как это было сделано мною в 1924 г., потом Макриди и Мамбури и еще позднее, совершенно независимо, Конэнтом.

Значение церкви Липса в истории византийской и всемирной архитектуры связано с тем, что это древнейшая вполне сложившаяся крестовокупольная постройка Константинополя. Исследование византийских зданий Константинополя, как это всем известно, наталкивается на исключительно большие трудности. Необходимо, тем не менее, всеми мерами стараться преодолевать эти трудности, так как постройки средневизантийского времени в Константинополе нельзя заменить никакими другими византийскими зданиями, находящимися вне столицы.

Крестовокупольная система, в ее окончательно откристаллизовавшемся виде, представляет собой основное достижение средневизантийской архитектуры. Ее значение заключается в том, что она является своего рода синтезом достижений всей античной архитектуры. Однако этот синтез совершился на основе новой культуры — византийской. Византийская архитектура передала средневековой Европе и прилегающим к ней восточным областям античное архитектурное наследие в переработанном виде в форме крестовокупольной системы. Однако между Западной и Восточной Европой имеется в области архитектурной композиции существеннейшее различие, состоящее в том, что на Западе Европы преобладает базиликальная система, на Востоке Европы — центрическая композиция в форме крестовокупольной системы. Это различие имеет глубокие корни в западно-европейской и восточно-европейской культуре. Речь идет при этом о различиях в пределах некоторого доминирующего общеевропейского исторического развития, отдельные этапы которого прослеживаются во всех частях Европы.

Крестовокупольная система господствовала в культовой архитектуре Восточной Европы вплоть до XX в. В Западной Европе она также имела распространение в отдельные периоды ее развития. В романскую эпоху Сан-Марко в Венеции широко влиял на западно-европейскую архитектуру, ярким свидетельством чего является Сен-Фрон в Перигё. Особенно сильно это влияние сказалось в эпохи Ренессанса и классицизма. Собор Петра в Риме представляет собой в своей основе крестовокупольное здание, также собор Инвалидов и Пантеон в Париже. В свою очередь, западно-европейская базиликальная композиция влияла на русскую архитектуру, хотя в меньшей степени.

Естественно возникает вопрос, в чем же заключается существо крестовокупольной системы и на чем основывается ее исключительно притягательная сила?

Крестовокупольная система представляет собой удивительно целостное комплексное решение утилитарной, конструктивной и художественной задач архитектурной композиции в их органическом взаимодействии. Купол выделяет особенно важное с точки зрения бытового назначения место, на котором стоял амвон или заменявшее его возвышение, игравшее роль средоточия византийского культа. Колонны или столбы образовывали вместе с куполом сень над этим местом, которую Зедльмайр удачно назвал балдахином. Конструктивная задача состояла в том, чтобы погасить распор купола. В направлении стран света это достигалось цилиндрическими сводами концов креста, в диагональных направлениях — сводами угловых помещений, которые могли иметь разнообразную форму. Купол на барабане не имеет распора в основании барабана. Однако подкупольные арки оказывают на четыре опоры, которые тоже

могут иметь разнообразную форму, опрокидывающее действие в диагональных направлениях, что повышает конструктивную роль перекрытия угловых помещений. Архитектурно-художественное значение крестовокупольной системы состоит в том, что она представляет собой первую в истории архитектуры отчетливо выраженную и логически осуществленную пространственную группу. Интерьер распадается на девять частей, взаимно строго друг другу подчиненных, вследствие чего образуется как бы пирамида пространств: доминирует подкупольное помещение, ему подчинены концы креста, наиболее подчиненную роль играют более низкие маленькие угловые помещения. Пространственные подразделения интерьера как бы нарастают от угловых помещений через концы креста к увенчивающему всю композицию куполу. Для такой композиции очень существенную роль играет барабан под куполом, так как именно благодаря барабану утверждается господствующее значение подкупольного пространства.

Крестовокупольная система получила особое развитие в русской архитектуре X — XIII вв. В особенности большие пятинефные соборы XI в. существенно отличаются от византийских и, тем более, константинопольских прототипов. Первоначально я предполагал, что отличия Киевской Софии и других близких к ней русских построек от константинопольских памятников объясняются тем, что образцами для русских зданий служили не столичные, а малоазийские постройки, на что указывали как будто такие здания, как соборы в Майафаркине и Мокви. Однако дальнейшие исследования убедили меня, что разница между древнейшими русскими каменными постройками и константинопольскими постройками и зданиями Малой Азии, а также и Месопотамии и Кавказского побережья Черного моря объясняется русскими особенностями, подготовленными большой традицией народного деревянного зодчества предшествующего времени. Одним из существенных многочисленных отличий ранней русской архитектуры от византийской является возникновение сильно выступающих внутри здания из стен и столбов лопаток. Впервые это проявилось в Киевской Софии. В особенности сильно отличие константинопольских крестовокупольных зданий на колоннах от русских построек крестовокупольного типа на столбах с сильно выраженным крестообразным членением. Эта черта, характерная для русских построек в гораздо большей степени, чем для зданий в Майафаркине и Мокви, создает сильное и спокойное расчленение внутреннего пространства. С этим связано в Киевской Софии соотношение большого и малых подкупольных квадратов: последние представляют собой каждый одну четверть большого квадрата. Эта закономерность продолжается также и в наружной одноярусной галерее первоначального здания. Вследствие этого план Киевской Софии представляет собой систему столбов, создающих пространства, кратные по отношению к квадрату под малым куполом. Концы креста представляют собой сумму двух, центральное подкупольное помещение — сумму четырех таких квадратов. Благодаря сильно выступающим лопаткам каждая часть интерьера приобретает значительную самостоятельность, вследствие чего целое оказывается составленным из законченных пространств, образующих иерархическую систему. Эта система особенно отчетливо выявляет характер крестовокупольной композиции как группы самостоятельных пространств, взаимно подчиненных и образующих сложное и удивительно созвучное целое. Спокойная ясность и гармоническая уравновешенность композиции Киевской Софии родственна русским постройкам последующих эпох до XVIII—XIX вв.

Среди византийских крестовокупольных построек в особенности выделяется Сан-Марко, вернее его константинопольский прототип, которым, возможно, была не только церковь Апостолов, но также и Νέα Василия Македонянина.

В архитектуре Сан-Марко перед нами группа пространственных групп. Она образована пятью синтетически соединенными в одно целое крестовокупольными ячейками. Каждое угловое помещение центральной крестовокупольной ячейки Сан-Марко представляет собой одновременно угловое помещение трех крестовокупольных ячеек. В основе плана Сан-Марко лежит идеальная группа пяти крестовокупольных ячеек, образующих очень сложную, но вместе с тем необыкновенно целостную и органическую композицию. Отклонениями от идеального прототипа являются в Сан-Марко алтарная часть, которая представляет собой как бы недоразвитую (или ампутированную с востока) крестовокупольную ячейку, а также пустая середина под центральным куполом, где должен был бы помещаться алтарь. Не удивительно, что взоры западно-европейских архитекторов постоянно обращались к Сан-Марко, влиявшему на них, начиная со времен Сен-Фрон в Перигё и вплоть до эпохи создания парижского Пантеона. Архитектурная композиция Сан-Марко оказала сильное влияние также и на зодчество Ренессанса в Италии.

Возникает вопрос, почему средневизантийская крестовокупольная система оказала такое большое влияние на последующую архитектуру Восточной и Западной Европы? Это величайшее достижение византийских архитекторов, очевидно, заключает в себе такие ценности, которые были понятны и близки архитекторам многих последующих эпох и которые вместе с тем были способны развиваться в духе этих новых эпох. Причина этого заключается в том, что крестовокупольная система отражает существенное объективное свойство пространства. Ее сущность заключается в том, что в ней с максимальной отчетливостью и логичностью выявлены три основные пространственные координаты — глубина, ширина и высота. Цилиндрические своды концов креста дают обобщенное и сконцентрированное архитектурное выражение глубины и ширины. Обе эти оси пересекаются в центре здания, и на их пересечении воздвигается вертикальная ось, которая с особой силой подчеркнута барабаном и завершена куполом, центральная точка которого представляет собой средоточие всей композиции. В центральной точке под куполом находится композиционная завязка интерьера, соединяющая в одно органическое целое три пространственных измерения, которые образуют как бы невидимый скелет всей системы.

А. Н. ПОПОВ

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ОСТАТКИ КАМЕННЫХ БАЛОК В СТЕНЕ СЕВЕРНОЙ ЦЕРКВИ ФЕНАРИ-ИССА В СТАМБУЛЕ ОСТАТКАМИ ОПОР БАЛКОНА?

Из стены церкви на расстоянии 1,55 *м* друг от друга выступают обломанные концы мраморных брусьев сечением 40 *см* по высоте и 25 *см* по ширине.

Наличие балок в этих местах может иметь два объяснения:

а) Если стена церкви была наружная, то брусья могли служить только консольными балками, поддерживающими балкон с вылетом около 1,40 *м* (рис. 1).

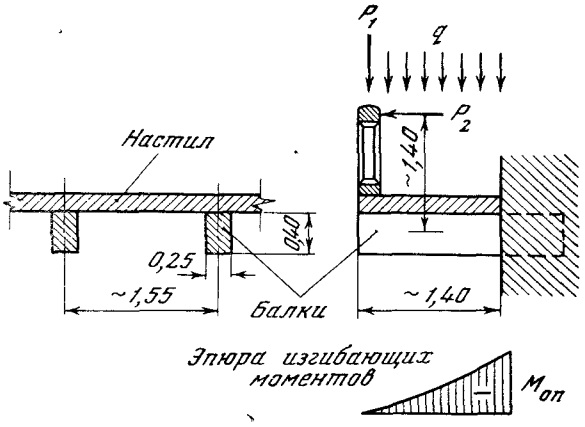


Рис. 1. Схема работы каменной балки как опоры балкона с вылетом 1,40 *м*

б) Если стена была внутренняя, а на расстоянии 2,50 *м* от нее первоначально была построена параллельная стена, то каменные брусья, по-видимому, поддерживали перекрытие коридора шириной около 2,5 *м* (рис. 2).

Для выяснения вероятности того и другого предположения произведен статический расчет каменных балок в обоих случаях. Конечно, во времена постройки церкви никаких расчетов не существовало, строительство велось на основе опыта, а потому применялись только такие конструкции, которые на практике доказали свою прочность и устойчивость. Поэтому расчет по современным нормам помогает выяснить, насколько предполагаемая схема конструкции является жизненной или возможной

При расчете приняты 2 возможных варианта настила балкона или перекрытия: 1) каменные плиты толщиной 20 *см*; 2) деревянный настил толщиной 10 *см*.

В первом предположении расчет ведется как консольной балки, заделанной одним концом в стену, от нагрузок собственным весом конструкции, временной нагрузки от толпы людей (400 *кг/м*^{2}) и горизонтальной

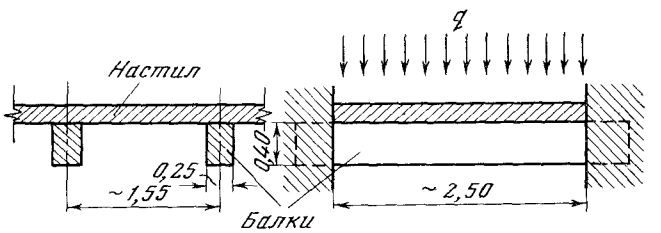


Рис. 2. Схема работы каменной балки как опоры для коридора шириной 2,50 *м*

нагрузки на перила. Все нагрузки принимаются по номинальным величинам с коэффициентом случайной перегрузки в соответствии с методом расчета по предельным состояниям, принятым в СССР по Строительным Нормам и Правилам (СН и П II — 135—62).

Расчет показывает, что напряжение на растяжение в верхней кромке консоли от одной только постоянной нагрузки при деревянном настиле получается порядка 12,7 *кг/см*^{2}, а при каменных плитах — 22,5 *кг/см*^{2}, что в несколько раз превышает безопасное (расчетное) сопротивление растяжению, установленное нормами для известняка или мрамора прочностью на сжатие 200 *кг/см*^{2} в размере 4,0 *кг/см*^{2}.

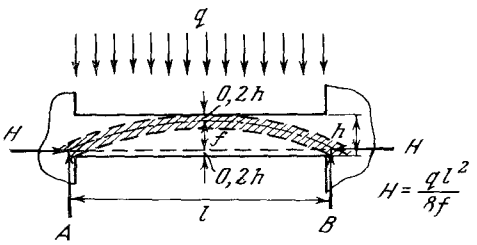


Рис. 3. Статическая схема работы каменной балки, заделанной концами в стену, как пологой арки, вписанной в сечение балки, в соответствии с современными нормами и правилами расчета плоских перемычек

При учете постоянной и временной нагрузки теоретическое напряжение в растянутой верхней кромке балки доходит до 38 *кг/см*^{2} — в 9 с лишним раз больше расчетного сопротивления мрамора на растяжение. Следовательно, подобная конструкция не могла существовать в практике строительства, так как такой балкон обрушился бы раньше, чем успели закончить его отделку.

Во втором предположении балка, заделанная обоими концами в стены, рассчитывается по действующим в СССР нормам, как плоская перемычка. Расчет ее ведется, как пологой арки со стрелой подъема $f = 0{,}6\ h$ (рис. 3) и сечением высотой 0,4 h. При этом в балке получаются только сжимающие усилия, вызывающие в ней напряжения от полной нагрузки 14 *кг/см*^{2},

что значительно меньше установленного для камня такой породы расчетного сопротивления на сжатие 47 *кг/см*^{2}.

Таким образом, каменная балка таких размеров, заделанная концами в стены, может выдержать безопасно нагрузку в 3 с лишним раза больше максимально возможной в данном случае нагрузки. Есть все основания полагать, что подобные конструкции в практике строительства того времени вполне могли существовать и применяться без опасения за их прочность.

Консольная же балка, поддерживающая балкон, ввиду опасности наличия незамеченных трещин в верхней растянутой кромке, современными нормами вообще запрещается к применению ввиду крайней ненадежности независимо от результатов расчета. Это запрещение как раз и основано на многовековой традиции и практике, которая была единственным мерилом целесообразности во времена, соответствующие постройке церкви.

Все это дает полное основание полагать, что остатки мраморных или известняковых брусьев, выступающие из стены церкви, не могли служить опорами для балкона и, по всей вероятности, являлись опорами для перекрытия коридора между двумя параллельными стенами церкви.

А. Л. ЯКОБСОН

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(армянские параллели)

Протоболгары — болгарские племена, обитавшие на заре средневековья в Прикубанье и в Приазовье, были, как известно, степняками-кочевниками. Но и позднее, уже после заселения ими Балканского полуострова и после возникновения Болгарского государства (конец XII в.), когда болгары, постепенно ассимилируемые славянами, перешли к оседлому образу жизни земледельцев, веками господствовавший у них кочевнический строй еще давал о себе знать. Он отразился не только на самом характере первых становищ болгар, но и на облике их первой столицы Плиски, представлявшей собой огромный прямоугольный лагерь, огражденный валами, с цитаделью в центре, укрепленной каменными стенами.

В начале IX в. болгарские правители (сначала Крум, затем Омуртаг) предприняли в Плиске большое монументальное строительство. Немного позднее, но в пределах того же IX в., оно велось в соседней с Плиской Великой Преславе — второй болгарской столице, основанной в 822 г. От этих строений до нас дошли остатки Большого дворца (так называемой Тронной палаты), Малого дворца и некоторые другие постройки в Плиске, остатки дворца в Преславе и крепостная стена цитадели в Плиске [1].

Перечисленные дворцы, особенно Тронная палата в Плиске,— в полном смысле произведения большой монументальной архитектуры; даже в своих остатках они поражают всякого, кто их видел, монолитностью и выработанностью своих форм и высокой степенью их технического воплощения. Памятники эти издавались неоднократно, поэтому нам нет надобности их описывать. Отметим лишь самое существенное.

Тронная палата в Плиске (рис. 1,*А*) представляла собой большое двухэтажное здание 48,5 × 26,5 *м*, состоящее из двух частей: как бы преддверия (в нижнем этаже оно разделено стеной, отделявшей лестницу на второй этаж) и основной большей части; ее нижний этаж (субструкция) членится на четыре продольных узких помещения — коридора,

[1] Сооружения в Плиске были открыты и исследованы в результате раскопок Русского археологического института в Константинополе в 1899—1900 гг. См. К. В. Шкорпил. Постройки в Абобском укреплении.—«Материалы для болгарских древностей. Абоба - Плиска» (ИРАИК, X, 1905), стр. 62—90. Здания Преславы были раскопаны Болгарским археологическим институтом. См. К. Шкорпил. Памятници от столица Преслав.—«България 1000 години. 927—1927». София, 1930, стр. 193—194; Кр. Миятев. Разкопките в Преслав през 1930 г.—«Годишник на Народния [Археологически] музей [в София]», V, 1933, стр. 213—220; Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 140—147.

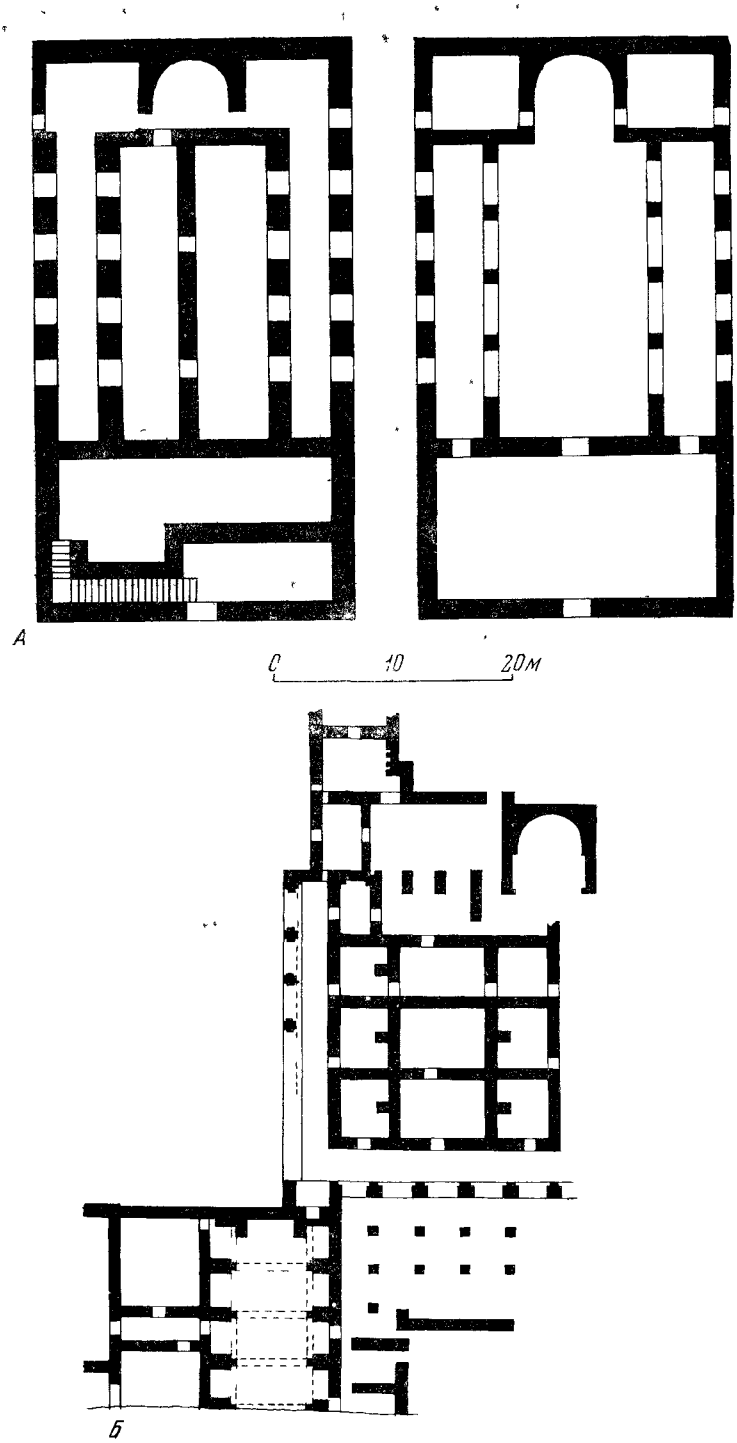


Рис. 1. *А*, Плиска. Тронная палата. *Б*. Звартноц. Дворец Нерсеса III

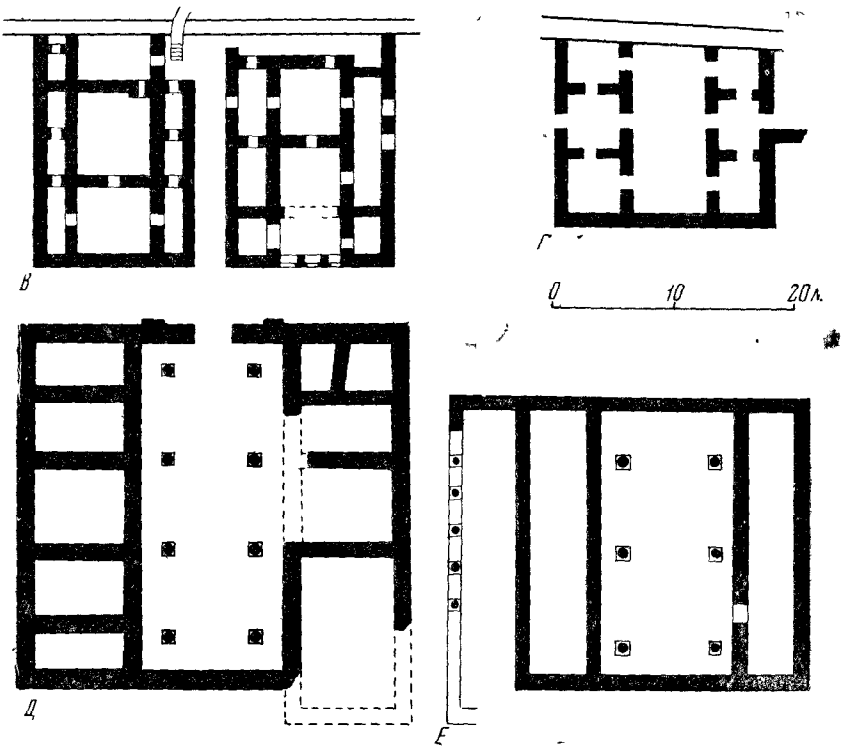


Рис. 2. *В*. Плиска. Малый дворец. *Г*. Плиска. Дворцовая постройка. *Д*. Двин. Дворец. *Е*. Аруч. Дворец

сообщающиеся широкими проходами и перекрытые коробовыми сводами; посередине северной стены — полукружие, не выступающее наружу; верхний этаж — собственно Тронная зала — представляет собой как бы трехнефную базилику, ориентированную с юга на север; нефы разделены квадратными столбами. Здание сложено из крупных квадров, частично вторичного применения (высота рядов 40—60 *см*; длина блоков от 0,47 до 1,00—1,30 *м*) на растворе с цемянкой; арки проходов и своды — из плоского кирпича 34 × 34 × 5 *см*. Толщина стен достигает 2,07—2,2 *м* (это обычная толщина крепостной стены в той же Плиске и Преславе).

О Малом дворце Плиски наши представления менее определенны [2]; мы можем судить лишь о планировке нижней его части, толстые стены которой, несомненно, служили, как в Тронной палате, основанием (субструкцией) для помещений второго этажа (рис. 2, *В*). Это было также прямоугольное здание, 22,9 × 19 *м*, примыкающее северной стеной к крепостной стене цитадели. Дворец состоял из двух приблизительно одинаковых по размеру зданий, в нижней своей части одинаковых и по планировке. Оба здания состоят из трех частей — средней, более широкой, части и узких боковых служебных; в средней части западного здания — два почти квадратных помещения, в восточном здании — три таких помещения, вымощенных плитами; из них западное явно служило преддверием. Очень вероятно, что и в Малом дворце, как и в Тронной палате, второй этаж в средней части каждого из зданий состоял из одной большой залы и не дробился на отдельные помещения.

[2] См. ИРАИК, X, 1905, стр. 67—75; Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство, стр. 45—47 (постройку Малого дворца он относит к X в., но без аргументации).

По строительной технике Малый дворец аналогичен Большому: кладка состоит из таких же крупных квадров, положенных на растворе с цемянкой, но сами стены тоньше (от 0,9 до 1,6 *м*). Перекрытие зал было, вероятно, плоским, по деревянным стропилам; лишь узкие коридоры западного здания дворца имели кирпичные цилиндрические своды, кирпичными были и перемычки входов. Второй этаж дворца был, возможно, кирпичным, но раскопки не дали в этом отношении ясных указаний.

Оба дворца, таким образом, представляют собой большие монументальные здания с однородной планировкой, очень четко выраженной и, можно сказать, вполне сформировавшейся. Что это так, показывают остатки третьей дворцовой постройки в Плиске (рис. 2,*Г*), также примыкающей к крепостной стене, с вполне аналогичной планировкой [3].

Однако процесс формирования этой архитектуры от нас полностью скрыт. Она является перед нами в Плиске как бы в готовом виде: предшественников монументальных дворцов Плиски мы здесь, в Болгарии, не знаем. Архитектура этих дворцов явилась сюда, видимо, вместе с болгарскими ханами.

Однако болгары, будучи кочевниками, вряд ли могли выработать столь совершенную для своего времени монументальную архитектуру до прихода в Дунайскую низменность [4]. Не могли застать они такую архитектуру и на месте — у славян, заселивших Мезию и Фракию только в VI в., т. е. сравнительно незадолго до прихода сюда болгар.

Уже давно поэтому вставал вопрос о реальных источниках дворцовых палат Плиски, как и Преславы, и их строительной техники — прекрасной квадровой кладки. Вопрос этот имеет, несомненно, большой историко-культурный интерес. Неудивительно, что он уже несколько десятилетий обсуждается в научной литературе, преимущественно болгарской. Выявились два различные мнения.

Согласно одному из них, архитектура созданных в начале IX в. дворцов Преславы восходит к искусству Ирана эпохи Сасанидов и находит себе близкие параллели в сасанидских дворцах — Фирузабаде (III в.) и Сервистане (V — VI вв.) [5].

Совершенно иной взгляд выдвинул К. Миятев; он полагает, что архитектурным источником болгарских палат являлись дворцы византийских императоров в Константинополе; особенно наглядно в этом убеждает, по его мнению, дворец Магнавр, построенный еще в IV, но возобновленный в IX в. [6]

Обе концепции уже не раз подвергались справедливой критике, и нам в этом отношении остается добавить немногое. Концепция сасанидского влияния неприемлема прежде всего из-за своей неисторичности: названные памятники Ирана и Плиски хронологически далеко не совпадают (дворец Фирузабада отделяет от болгарских дворцов не менее пяти столетий, а дворец Сервистан — по крайней мере три столетия); поэтому сравнение тех и других по существу лишено исторического содержания. Во-вторых, те и другие резко отличаются по лежащему в основе их композиции принципу: в сасанидских дворцах господствует центрическое

---

[3] См. Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство, стр. 48.

[4] На это не раз обращалось внимание болгарскими исследователями. См., например, К. Миятев. Българското изкуство през IX и X в.—«България 1000 години. 927—1927», стр. 156.

[5] А. Протич. Сасанидската художествена традиция у прабългарите.—ИБАИ, IV. София, 1927, стр. 211—216; B. Filov. Les palais vieux-bulgares et les palais sassanides, in: L'art byzantin chez les Slaves, les Balkans, I (Premiér recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij). Paris, 1930, p. 80—86; idem. Der Urspung der altbulgarischen Kunst.—BZ, XXX, 1929/30, S. 523—528.

[6] К. Миятев. Българското изкуство през IX и X в., стр. 157; K. Miatev. Der grosse Palast in Pliska und die Magnaura von Konstantinopel.—ИБАИ, X, 1936, S. 136—144, особенно S. 141—142.

начало, ясно выступающее не только в планировке; оно подчеркнуто куполом, которым перекрыты большие залы во дворцах; в Плиске же, особенно в Тронной палате, отчетливо выступает протяженность; купольных зал здесь не было. Третье отличие заключается в технике постройки: сасанидские дворцы большей частью сооружены из кирпича или (дворцы в Фирузабаде и Сервистане) — из бутового камня, лишь купол из кирпича [7]; болгарские же дворцы — из крупных квадров с кирпичными сводами [8].

Существенным недостатком страдает и «византийская» концепция, хотя сторонников у нее больше. Однако конкретных фактов в пользу нее также очень мало. К. Миятев ссылается в сущности лишь на константинопольский дворец Магнавр — тронную залу византийских императоров, которая, по его мнению, могла служить образцом для дворца болгарского хана [9]. Но памятник этот не сохранился, и мы можем себе представить его лишь в самом общем виде по упоминаниям письменных источников [10]. Можно говорить только о некоторых чертах его сходства с Тронной палатой Плиски; имеется в виду двухэтажность Магнавры, базиличность парадной залы и наличие портиков с широкой лестницей перед ней (соответствующих преддверию Тронной залы Плиски).

Но, во-первых, это только схема, притом довольно широко распространенная; она известна далеко не только в Константинополе. Во-вторых, вряд ли можно сомневаться, что дворец Магнавра был сооружен в технике, обычной для ранне- и средневизантийской монументальной архитектуры, т. е. в технике каменно-кирпичной кладки (opus mixtum) или только из кирпича — в отличие от квадровой кладки дворца в Плиске. Значение этого вероятного различия признает и К. Миятев [11].

Дворец Плиски, по мнению К. Миятева, еще больше сближает с константинопольскими дворцами общая архитектурная система здания: верхний этаж с парадной залой поставлен на возвышении, основанном на субструкции в виде множества устоев; примером названы цистерна Будрум и Текфур-сарай (памятники, кстати сказать, более поздние, чем дворец в Плиске): «Нечто подобное, но в техническом и художественном отношении совершенно по-варварски выполненное, и было во дворце Омуртага в Плиске» [12], где субструкции заменены надземной основой [13].

Подтверждение этой мысли К. Миятев видит в раскопанном им в 1930 г. в Плиске обширном здании (74 × 60 *м*), стоявшем на месте большой тронной палаты и непосредственно предшествовавшем ей. Здание это К. Миятев очень убедительно определил как дворец царя Крума (803—814). Открытое раскопками основание здания состоит из 64 небольших квадратных помещений, образованных густой сетью стенок, которые

[7] См., например, SPA, IV, 1938, pl. 146—151. Реконструкцию дворца Сервистана см. SPA, I, 1938, p. 518.

[8] На необоснованность сасанидской концепции указывал еще в 30-х гг. К. Миятев (K. M i a t e v. Der grosse Palast..., S. 140; К. М и я т е в. Българското изкуство..., стр. 157); о том же говорится в «Истории Болгарии», I. М., 1954, стр. 57. Антинаучной считает эту «теорию» Ст. Станчев. См. St. S t a n č e v. Pliska-theories et fait.—«Byzantinobulgarica», I. Sofia, 1962, p. 349.

[9] K. M i a t e v. Der grosse Palast...,S. 141, 142, К. М и я т е в. Крумовиат дворец и други новооткрити постройки в Плиска. — ИБАИ, XIV, 1943, стр. 124.

[10] Сводку сведений письменных источников о Магнавре см. J. P. R i c h t e r. Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Wien, 1897, S. 294—299; J. L a b a r t. Les palais impérial de Constantinople et ses abords au X siècle. Paris, 1861, p. 84, 189—190. См. также J. E b e r s o l t. Le grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies. Paris, 1910, p. 67sq. Реконструкция, представленная на общем плане Ж. Лабартом (J. L a b a r t. Les palais impérial..., pl. 2, 3) и переизданная Д. Беляевым («Обзор главных частей Большого дворца византийских царей». — ЗРАО, V, 1892), носит условный и ориентировочный характер (Д. Б е л я е в, Обзор..., стр. 7—8, 195).

[11] K. M i a t e v. Der grosse Palast..., S. 143.

[12] К. М и я т е в. Крумовиат дворец..., стр. 124.

[13] Там же, стр. 122.

К. Миятев считает основаниями столбов, связанных друг с другом арками и сводами, наподобие Будрумской цистерны, являвшейся субструкцией дворца [14]; над этой субструкцией, по К. Миятеву, и возвышался дворец Крума, воспроизводящий, таким образом, систему дворцов Константинополя.

Однако такого рода архитектурная реконструкция представляется нам маловероятной. Во-первых, дворец Крума в своей основной части, судя по данным раскопок, был деревянным [15], а не кирпично-каменным (каменным было лишь основание), что уже одно должно было резко отличать оба здания — и по конструкции, и по архитектурному облику. Во-вторых, раскопки не обнаружили остатков каменных столбов. В-третьих, трудно поверить без ясных тому доказательств в возможность воспроизведения в только начавшей обстраиваться болгарской столице, больше похожей еще на становище кочевнической орды, сложнейшей архитектурной системы византийских дворцов, принадлежавших, к тому же, врагам болгарских ханов.

В силу сказанного мы не можем признать определяющее значение раннесредневековой дворцовой архитектуры Константинополя для монументального строительства новой болгарской столицы.

Некоторые другие исследователи, не приводя конкретных фактов, ограничиваются лишь общими соображениями о закономерности византийского влияния на болгарских строителей [16]. Но это не подкреплено фактическим материалом. Н. Мавродинов правильно усматривал в этой византийской теории «другую крайность» [17], в которую впадают некоторые историки болгарской культуры.

Сам Н. Мавродинов ограничивается лишь общей ссылкой на «византийский богатый дом, который мы видим в Греции в V — VI вв.»; тип этого дома «болгарские мастера заимствовали от местной предболгарской архитектуры» [18].

Отсутствие вполне обоснованного ответа на вопрос об источниках раннеболгарской монументальной архитектуры проистекает в значительной мере от недостатка сравнительного материала, на что в свое время уже указывал К. Миятев.

В настоящем сообщении мы ставим ограниченную цель: привлечь некоторые новые архитектурные факты, которые не учитывались при изучении памятников Плиски, а некоторые из них и не могли быть учтены, так как они открыты лишь в недавнее время. Эти факты могут бросить новый свет на интересующий нас вопрос и поэтому представляются нам важными. Мы имеем в виду раннесредневековые дворцы Армении, открытые раскопками близ Вагаршапата, затем в Двине и в Аруче. Все эти памятники относятся к VII в.

Первый из них — дворец католикоса Нерсеса III (был католикосом в 641—661 гг.) находится рядом со знаменитым храмом Звартноц и был, несомненно, с ним тесно связан (рис. 1,*Б*). Это — наиболее сложный из названных дворцов. От здания сохранились лишь нижние части стен,

---

[14] К. Миятев. Крумовиат дворец..., стр. 128.

[15] Там же, стр. 125.

[16] St. Stančev. Pliska-theories et faits, p. 356. Впрочем, в другой своей статье Ст. Станчев, наоборот, отрицает роль Византии и пишет, что прототипы раннеболгарской архитектуры «следует искать дальше на Восток — в Передней Азии», но без конкретизации и аргументации (см. Ст. Станчев. Славяни и прабългари в старобългарската култура.—«Археология», IV, 1962, кн. 4, стр. 4). На это противоречие уже обратил внимание Ст. Михайлов («Строителните периоди в Плиска и произходът на старобългарската монументална архитектура».—«Археология», VI, 1964, кн. 2, стр. 22).

[17] Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство, стр. 43.

[18] Там же, стр. 47—48.

выявленные раскопками 1901—1902 гг., и то не всего дворца [19]. Обширное здание (протяжением с запада на восток более 60 *м*), частично имевшее, вероятно, два этажа (из которых нижний — подвальный) состояло из двух комплексов — восточного и западного, разделенных коридором, напоминая в этом отношении Малый дворец в Плиске.

В западном комплексе находились два базиличных зала, оси которых взаимно перпендикулярны. Одна из зал, отделенная от упомянутого коридора аркадой, была трехнефной (с четырьмя парами столбов), причем колонны, судя по базам, были тонкие; можно поэтому думать, что зала имела деревянное перекрытие [20]. Другая зала, наиболее парадная, находилась рядом и была, несомненно, перекрыта полуциркульным сводом на четырех подпружных арках, опиравшихся на выступы стен, как в церковных купольных залах Армении VII в. С северной стороны к этой зале примыкали служебные помещения, и в этом отношении напоминая Малый дворец в Плиске.

Восточный комплекс дворца состоял из сравнительно небольших помещений, вероятно, жилых — в противоположность парадным залам западного комплекса, и заканчивался с восточной стороны небольшой баней и домашней часовней. С северной стороны вдоль этих помещений шла открытая аркада, объединявшая оба комплекса здания в одно целое. Подвальные помещения западной части дворца служили кладовыми; здесь были размещены огромные пифосы (карасы) с зерном, вином, маслом. Одно из помещений занимала хлебопекарня. Кладка дворца Нерсеса — квадровая, очень близкая к кладке дворцов в Плиске, только более тщательно выполненная.

Два других дворца, открытые в недавние годы, по планировке очень близки друг другу. Один из них находится в Двине, являвшемся в раннее средневековье столицей Армении; дворец (рис. 2,*Д*) открыт раскопками 1937—1939 гг. и стоял в центральной части города, рядом с собором Григория (VII в.) [21]. Дворец представлял собой почти квадратное здание (32 × 32,5 *м*), среднюю часть которого занимал большой трехнефный зал (ширина 11 *м*) с четырьмя парами массивных столбов, увенчанных огромными капителями очень архаического типа (их форма восходит к архитектуре ахеменидской Персии). К залу с обеих сторон примыкают по пять помещений, сообщавшихся с залом. Помещения были, очевидно, перекрыты полуциркульными сводами, а базиличный зал, как его очень вероятно реконструирует В. М. Арутюнян [22],— тремя пирамидальными ступенчатыми куполами с отверстиями в центре, наподобие существовавших до самого недавнего времени перекрытий армянских жилищ —

---

[19] См. М. Тер-Мовсесян. Раскопки развалин церкви Григория близ Эчмиадзина.—«Известия Археологической Комиссии», 7, 1903, стр. 15—17; В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 46—47; Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV — XIV вв. Ереван, 1961, стр. 67—72.

[20] Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 70. Перекрытие базиличной залы Большого дворца в Плиске также предполагается деревянным (К. В. Шкорпил. Постройки в Абобском укреплении, стр. 88).

[21] См. В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина.—«Известия АН Армянской ССР», 1947, № 8; его же. Архитектура патриаршего дворца в Двине.—«Сборник научных трудов Ереванского политехнического института», № 3, 1948 (на арм. яз.); К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.), стр. 104 и 269—270; Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 56—61.

[22] В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина, стр. 92; К. Г. Кафадарян. Город Двин..., рис. 85 (стр. 116). Реконструкция Н. М. Токарского («Архитектура Армении...», стр. 59) в виде открытого зала мало убедительна, так как при этом остаются без объяснения массивность устоев с огромными капителями, призванных поддерживать, очевидно, не легкие, ничего не несущие балки, а тяжелое покрытие. Ступенчатые своды лучше всего отвечают характеру мощных колонн и капителей.

глхатунов и грузинских дарбази, очень древних по своей форме; их описывает еще Витрувий (I в. до н. э.). Боковые помещения имели, очевидно, служебное назначение, может быть, жилое, а центральная зала была парадной и вместе с тем служила, вероятно, местом заседаний феодальной и церковной знати.

Наконец, третий дворец (рис. 2,*Е*), остатки которого раскопаны в 1947 г. в Аруче (Араратская равнина) [23], совершенно тождествен дворцу в Двине — не только по планировке, но даже по размерам [24]; очень близки и капители с волютами. Различие состоит лишь в том, что в Аруче не 4, а 3 пары столбов, также образующих, кстати сказать, квадраты, вероятно, некогда увенчанные деревянными ступенчатыми сводами; кроме того, вдоль северной стороны дворца шла открытая галерея с аркадой по внешней стороне, как на северной стороне дворца около Звартноца. Оба дворца — в Двине и Аруче — возведены из тщательно тесаных квадров на известковом растворе.

Известно, по сообщению современников (Иоанн Драсханакертский), что дворец в Аруче построен крупнейшим нахараром VII в.— Григорием Мамиконяном одновременно со стоящим вблизи собором, сооруженным в 667—668 гг. Сходство с дворцом в Двине, доходящее до тождества, убеждает в том, что оба дворца приблизительно одновременны и представляют собой памятники второй половины VII в. [25]

Здесь не место исследованию происхождения композиции, иначе говоря, процесса формообразования дворцовых комплексов VII в. в Армении. Несомненно, они входят в круг позднеантичной и раннесредневековой архитектуры всего Ближнего Востока, включая Сирию, где сохранилось немало остатков вилл того времени с такими же, как в Армении, комплексами жилых помещений и зал, группирующихся по обе стороны коридора и объединенных галереей на колоннах или столбах [26]. Но в данной статье нас интересует не это, а несомненные черты близости дворцов болгарской знати с армянскими раннесредневековыми дворцами (но не с сирийскими, от которых они многими чертами отличаются).

Дворцы Плиски имеют несравненно больше точек соприкосновения с дворцами Вагаршапата, Двина и Аруча, чем с дворцами Константинополя, не говоря уже о сасанидских. Эта близость сказывается и в общем принципе планировки, и в наличии базиличных зал, и в перекрытии их деревом, как, вероятно, были перекрыты и дворцы Плиски, и в технике квадровой кладки стен без кирпича (который использовался лишь в перекрытии проемов и в цилиндрических сводах); такая техника не характерна для Константинополя, тем более для Ирана. Эти два ряда памятников — болгарский и армянский — и хронологически не очень удалены друг от друга.

Говоря о чертах, сближающих архитектуру Закавказья и Болгарии VIII — IX вв., следует привлечь и культовую архитектуру. Уже обращалось внимание на типично греко-восточные — сирийские формы некоторых раннесредневековых храмов Болгарии. Имею в виду храм в так

---

[23] В. М. Арутюнян. Нововыявленный памятник светского зодчества VII в. (на арм. яз.).—«Известия АН Армянской ССР», 1953, № 8, стр. 53—65.

[24] Сравнительную таблицу размеров см. Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 64.

[25] Об этом с полным основанием говорит Н. М. Токарский («Архитектура Армении...», стр. 65—66).

[26] Назовем, к примеру, такие памятники, как вилла V в. в Эль-Барахе, монастырь V в. в Шакке или монастырь VI в. при базилике Иоанна Столпника в Калат-Семан. См. M. de Vogüé. Syrie centrale, Architecture civile et religieuse du I — III siècle. Paris, 1865—1877, pl. 22, 53, 139; G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord, II. Paris, 1953, pl. V, VI, XVIII, LXXXII, XCV, CXV. Ср. H. Butler. Architecture and other arts (Part II of the Publications of an American archaeol. expedition to Syria). New York, 1903, p. 120, 122, 177, 259.

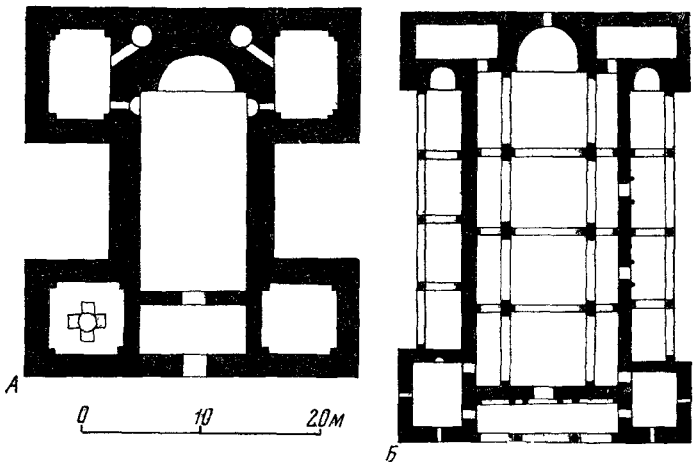


Рис. 3. *А*. Базилика Джанавар-тепе близ Варны. *Б*. Армения. Ереруйкская базилика

называемом Джанавар-тепе близ Варны [27] и центрический храм (так называемая Красная церковь) в Перуштице [28].

Формы базилики Джанавар-тепе (рис. 3,*А*) ничего общего не имеют ни с архитектурой константинопольской школы, ни с архитектурой Греции и Малой Азии. Плановая композиция храма с доминирующими в его массах сильно выступающими угловыми помещениями (два — по сторонам апсиды, два — по сторонам западного преддверия — нартекса) и с апсидой в толще стены — в основе своей типичны для раннесредневековых храмов Сирии и особенно Армении: назовем базилики V в. в Ереруйке (рис. 3,*Б*) и Текоре, еще не купольные [29]. Но переданы эти формы в Джанавар-тепе по-провинциальному, с нарушенным соотношением частей, и в сокращенной редакции: вместо трех нефов здесь один относительно узкий неф, зажатый между непомерно мощными стенами толщиной 2,53 и 2,57 *м* [30] (еще массивнее, чем в Тронной палате, где наибольшая толщина стены — 2,07 *м*). Эта утрированность форм придает зданию действительно пещерный характер, столь характерный для восточнохристианского зодчества [31]. Сравнение базилик Джанавар-тепе с армянскими Ереруйской и Текарской ясно показывает, в какой из них следует видеть явление первичное, а в какой — явление вторичное (таким в нашем представлении выступает Джанавар-тепе) [32].

---

[27] Базилика открыта раскопками 1915 и 1919 гг. См. В. И в а н о в а. Стари църкви и монастири в Българските земи. «Годишник на Народния Музей за 1922—1925 г.». София, 1926, стр. 460—461, рис. 301; е е ж е. Две старинни църкви при с. Иваняне.— ИБАИ, VIII, 1935, стр. 227; е е ж е. Две старохристиянски базилики.—«Годишник на Народния Музей», VI, 1936, стр. 309, рис. 196. О сирийско-армянских чертах храма упоминает Н. Окунев (BS, III, 1931, стр. 551). «Сирийский характер церкви Джанавар-тепе» отмечает и В. Иванова («Две старинни църкви...», стр. 226).

[28] Д. П а н а й о т о в а. Червената църква при Перущица. София, 1956; Н. М а в р о д и н о в. Старобългарското изкуство, стр. 30—31, рис. 25.

[29] Издавались многократно. В связи с зодчеством Сирии они рассмотрены в кн.: А. Л. Я к о б с о н. Очерк истории зодчества Армении V — XIV вв. М.—Л., 1950, стр. 13—17.

[30] Толща каменного массива с восточной стороны базилики (где апсида) достигает 4 *м*.

[31] См. Н. И. Б р у н о в. Очерки по истории архитектуры, II. М.—Л., 1935, стр. 462.

[32] Сирийско-армянские черты в виде западных угловых выступов имеют и некоторые другие базилики V в. в Болгарии (В. И в а н о в а. Две старохристиянски базилики, стр. 303 сл.), причем автор относит эту особенность за счет местной позднеримской традиции (там же, стр. 310), с чем трудно согласиться (ср. В. И в а н о в а. Две старинни църкви..., стр. 226, где приводится иной взгляд).

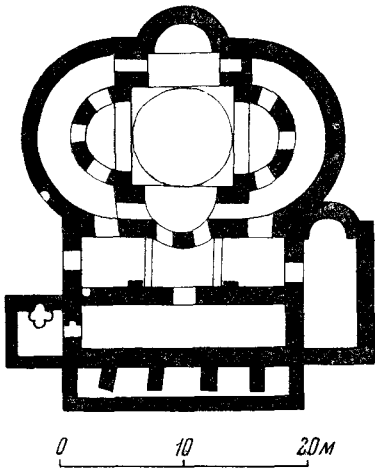


Рис. 4. Болгария. Храм в Перуштице

Большой центрический купольный храм в Перуштице (его ширина —26,5 *м*), основу композиции которого составляет тетраконх, охваченный с северной и южной сторон обходной галереей (рис. 4), в принципе близок к храмам в Ишхане и Звартноц в Армении и храму Лекит в кавказской Албании (Азербайджан, в районе г. Нухи) — памятникам VII в.[33] Правда, зодчие тетраконха близ Перуштицы исходили непосредственно не из архитектуры Сирии или Закавказья. Такие памятники, как Стоа Адриана в Афинах (нач. V в.) или более поздний храм Сан-Лоренцо в Милане (восстановленный в XVI в. на старой основе) очень близки по композиции к храму близ Перуштицы и хронологически предшествуют сохранившимся тетраконхам Сирии, тем более Закавказья. Но столь же несомненно, что на Западе такая композиция сложилась на основе зодчества эллинистического Востока. Эта восточная традиция, видимо, была в раннесредневековой Болгарии очень популярна.

Добавим, что оба храма — Джанавар-тепе и Красная церковь близ Перуштицы — воспроизведены в традиционной и давно уже ставшей местной, римско-византийской строительной технике (кладка opus mixtum — в Джанавар-тепе [34] и кирпич на каменной основе — в Перуштице). Но это не меняет основного факта — наличия на почве доболгарской Болгарии архитектурных форм, чуждых Византии и характерных для христианского Востока.

Таким образом, закавказские черты дворцов в Плиске не были новым и изолированным явлением; наоборот, они находят себе предшественников на почве Болгарии в раннее средневековье — по крайней мере в VI, если не в V в.

Могут ли найти себе историческое оправдание явные черты близости в сфере монументальной архитектуры между столь удаленными друг от друга областями Причерноморья — Болгарией и Закавказьем? Сами по себе привлеченные нами памятники Армении не в состоянии, конечно, объяснить это явление, они могут лишь направить мысль.

Большое значение поэтому приобретают письменные источники. Они действительно содержат некоторые важные для нашей темы и красноречивые факты, вернее — два ряда фактов.

---

[33] О храме Звартноц существует большая литература. См., например, Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 130—139; А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении..., стр. 29—37; Т. Марутян. Звартноц и памятники типа Звартноц. Ереван, 1963 (на арм. яз. с русск. резюме). Новую и очень убедительную реконструкцию памятника см. С. Х. Мнацаканян. Новый проект реконструкции Звартноца — «Известия АН Армянской ССР. Обществ. науки», 1959, № 9, стр. 53—75. О храме в Лекит см. М. Усеинов, Л. Бретаницкий и А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 32—33. О близости храма близ Перуштицы к Звартноцу и другим однородным (одновременным и более поздним) храмам Армении и Грузии (храм в Бана) также упоминал Н. Окунев (BS, III, 1931, стр. 532). На почве Сирии можно назвать выдающийся архитектурный памятник с более или менее аналогичной композицией — огромный храм-тетраконх в Босре (512—513 гг.) и мартирий в Селевкии (конца V в.). См. Reallexikon zur byzantinischen Kunst, 2, 1963, S. 186—187.

[34] Приблизительно выдержанные ряды камня с подтеской лицевой поверхности; блоки — неправильной формы; слои кирпича (30—31 × 30—31 *см*) состоят из пяти рядов; раствор — с цемянкой.

Одни из них — это сведения о заселении болгарами северных районов Армении еще в V и в VI вв. Наиболее древнее сообщение об этом содержится в «Истории» Моисея Хоренского (историк V в.) [35]. Болгар (по-видимому, в тех же районах) отмечает в своей географии армянский ученый VII в. Ананий Ширакаци. В 538 (или 530 г.) император Юстиниан переселил покоренных им болгар в северную Армению [36]. В сирийской хронике Захария Ритора (555 г.) говорится о том, что болгары, в числе других 13 племен, живут по соседству с Абасгией (Басгун) или Абхазией в широком понимании, простирающейся до «Каспийских ворот»[37]. Все эти сообщения свидетельствуют о том, что болгары уже в раннее средневековье обитали в непосредственном соседстве с народами Закавказья, которые в то время, как и позднее, были носителями наиболее высокой, можно сказать, передовой культуры.

Приведенные данные, хотя и носят очень общий и расплывчатый характер, все же могут помочь, как нам кажется, объяснить появление в стане болгарских ханов армянских (или грузинских) зодчих, которые могли принять непосредственное и активное участие в формировании праболгарской архитектуры [38], подобно тому как их потомки пятью веками позднее принимали участие, вернее — создавали, монументальное искусство других кочевников, также основавших сильную державу — искусство турок-сельджуков.

Однако еще важнее другой ряд фактов, о которых рассказывают армянские, сирийские и греческие хронисты. Уже со второй половины VI — начала VII в. ведут свое начало многочисленные военные поселения армян во Фракии и Македонии.

О переселении армян из западных областей Армении во Фракию по приказанию византийского императора Маврикия (582—602) сообщает армянский писатель VII в. Себеос. Он же говорит о намерении императора поселить во Фракии 30 000 чел. армян-воинов [39].

Позднее, в середине VIII в., император Константин V Копроним (741—775) с целью укрепить границу Византии с Болгарией предпринял массовое переселение во вновь построенные им во Фракии крепости еретиков-павликиан — армян и сирийцев из Феодосиополя и Мелитины. Об этом событии рассказывают византийский хронист Феофан [40] и его современни-

---

[35] Многие булгары «пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Каха, в плодородных и хлебородных местах» («История Армении Моисея Хоренского», II, 6, 9; нов. пер. Н. Эмина. М., 1893, стр. 62). Область болгарского заселения северной Армении получила название по имени болгарского вождя Венда. Колонизация эта относится скорее всего именно к V в. (см. след. примеч.).

[36] О раннесредневековой болгарской колонизации северной Армении см. V. B ă n ă ţ e a n u. La plus ancienne mention arménienne à propos des Bulgares colonisées dans l'Arménie.— «Studia et acta orientalia», I. Bucarest, 1958, p. 354—356.

[37] См. В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава през средните векове. I, ч. 1. София, 1938, стр. 35—36. Русск. пер. «Хроники» см. Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

[38] Следует напомнить, что возможность участия зодчих Востока (без конкретизации) в создании Тронной залы в Плиске не отрицал и К. Миятев: «Участие такого архитектора в создании дворца Омуртага совсем не исключено; это даже становится вероятным вследствие того, что восточное строительство с его величаво-монументальными формами больше соответствовало болгарскому художественному вкусу и вполне совпадало с усвоенной ими сущностью царской власти» («Българското изкуство...», стр. 158).

[39] История императора Ираклия; сочинение епископа Себеоса. Перевод с арм. К. Патканова. СПб., 1862, гл. VI (стр. 52, ср. стр. 57—58), XX (стр. 78).

[40] T h e o p h a n i s Chronographia, I, ed. C. Boor. Lipsiae, 1883, p. 429. 19—22. «Император Константин поселил во Фракии сирийцев и армян, которых привел из Феодосиополя и Мелитины и которые распространили ересь павликиан»). См. об этом В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава..., I, ч. 1, стр. 201—202; Р. М. Б а р т и к я н. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 55—56.

ки — греческий писатель патриарх Никифор [41], армянский писатель VIII в. Гевонд и сирийские — Агапий и Михаил Сириец [42]. В житии другого современника — Стефана Нового (ум. в 762 г.) содержится прямое свидетельство о наличии во Фракии в то время (в VIII в.) армянского войска [43].

Таким образом, непосредственное общение болгар с армянами и сирийцами (кстати сказать, прирожденными каменщиками) могло происходить (да, несомненно, и происходило) как раз в период интенсивного строительства в болгарской столице Плиске. Непосредственное участие в этом строительстве армянских и сирийских зодчих более чем вероятно.

Предложенное объяснение носит, конечно, предположительный характер, и на нем трудно настаивать, но оно, мне думается, более реально, чем «сасанидская» теория и даже «царьградская».

---

[41] В Бревиарии (причем говорится не о κάστρα, а о πολίσματα; см. пер. Е. Э. Липшиц, ВВ, III, 1950, стр. 377 под 756 г.) и кратко в «Антирретике»: император «переселил их (т. е. армян и сирийцев) во Фракийскую область» (см. Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд. ВВ, III, 1950, стр. 100).

[42] См. Р. М. Бартикян. Источники..., стр. 56.

[43] В житии рассказывается об армянине-воине (στρατιώτης τοῦ στίφους τῶν Ἀρμενίων); он явился из Фракии, где стоял его полк или отряд, к сосланному на остров Проконнис Стефану за исцелением, а затем вернулся обратно в свой полк (τῆς στρατιᾶς τάγμα). См. В. Г. Васильевский. Житие Стефана Нового. Труды, II, вып. 2. СПб., 1912, стр. 340; Р. М. Бартикян. Источники..., стр. 66—67.

Е. С. ОВЧИННИКОВА

МИНИАТЮРНАЯ МОЗАИКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Мозаичная икона, так называемая «портативная», представляет собой довольно редкий образец полностью сохранившейся иконы на доске лиственного дерева неизвестной породы (Р: 18 × 13 × 2,6 *см*) с врезанным в нее посредине мозаичным изображением Спаса-Эммануила (Р: 9,5 × × 7,5 *см*) [1]. Глубокий прямоугольный ковчежец со скошенными краями, в который вставлена мозаика, широкие поля (Р: 3,5 × 2,5 *см*) с подвышением по краю доски, позолоченные листовым сусальным золотом по левкасу и украшенные цветными стеклами, врезанными непосредственно в толщу левкаса и доски,— все вместе взятое не оставляет сомнения в том, что мозаика дошла до нас в своем первоначальном виде, правда, сильно пострадав от времени.

Небольшое количество сохранившихся портативных мозаичных икон, являющихся наиболее редкими и ценными среди предметов византийского искусства, делает необходимым публикацию нашей мозаики с изображением Спаса-Эммануила, хранящейся в Отделе Древнерусской живописи Государственного исторического музея в Москве [2].

Мозаичная икона ГИМ изображает полуфигуру Спаса-Эммануила, стоящую прямо, с благословляющей правой рукой. В левой, согнутой в в локте руке изображенный держит свернутый свиток. Голова и лицо даны прямо, так что ясно вырисовываются оба уха, с тонким рисунком ушных раковин. Верхняя часть головы, лоб, часть правого глаза, нимб и фон в этом месте и в правом верхнем углу утрачены до доски[3]. Лицо Эммануила с тонким удлиненным овалом, с глубоко сидящими глазами, со скошенными вправо черными зрачками. Небольшой прямой нос и изящно

[1] Христос-Эммануил, ГИМ № 53066/6, И VIII 4071, происходит из собрания П. И. Севастьянова, № 523. Поступила в ГИМ в 1922 г. из Румянцевского музея. Экспонировалась на выставке в Московском Публичном Румянцевском музее, в отделении Христианских Древностей в 1862—1864 гг. (Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 г., ч. CXXII, отд. II, стр. 98). Тогда же Севастьяновым и Филимоновым был составлен краткий каталог этой выставки (там же, стр. 130), по-видимому, не сохранившийся.

[2] Мозаика с изображением Эммануила стала доступной для изучения только после ее реставрации в ГИМ. При реставрации поверхность мозаики, покрытая воском, была тщательно промыта от покрывавших ее поверхностных загрязнений реставратором Г. А. Фроловым, после заключения комиссии в составе: проф. В. Н. Лазарева, Н. Р. Левинсона и художников-реставраторов В. О. Кирикова и Г. А. Фролова. Были восстановлены также отбитые золоченые детали по краям полей (1946 г.).

[3] Здесь глубокая неровная выбоина в доске обнажила структуру слоев твердой неизвестной породы лиственного дерева со следами древних разрушений жукомточильщиком.

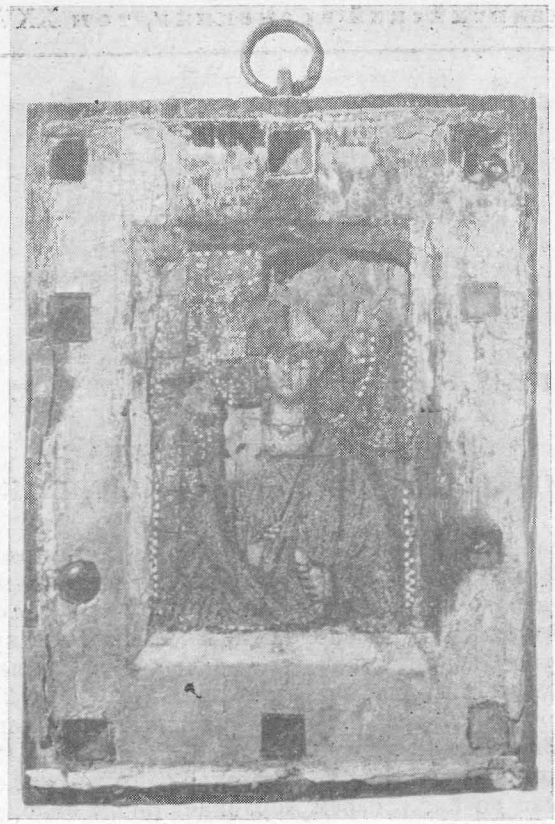


Рис. 1. Икона Спаса-Эммануила. Миниатюрная мозаика из собрания Гос. Исторического музея

очерченные губы. Шея длинная, с подчеркнутой линией ключиц. Низкий изогнутый вырез хитона создает впечатление еще большей стройности и вытянутости пропорций головы и шеи. Накинутый на узкие плечи гиматий цвета охры спускается на грудь глубокими складками, прикрывая руки. Спереди гиматий широко распахнут, виден хитон нежного светло-зеленого матового цвета, лежащий свободными складками. С правого плеча спускается красный клав, часть которого прикрыта гиматием.

Вокруг головы Эммануила сохранился крещатый нимб в виде вытянутого овала неправильной формы, сделанного, по-видимому, от руки. Нимб темно-красного цвета с остатками миниатюрных розеток, выложенных из красных же более ярких кубиков мозаики. Перекрестье желто-охристого цвета, украшенного по углам и в центре пятью белыми зернами мозаики. По краю нимб окаймлен тонким пояском из ритмично чередующихся черных, белых и красных кубиков. Фон — из серебряных позолоченных зерен, сохранившихся только в незначительном количестве. На местах утрат серебра на фоне обнажилась потемневшая, затвердевшая восковая основа миниатюрной мозаики, со следами поздних дополнений.

Тонкие цветовые нюансы в моделировке лица и рук Эммануила создают впечатление мягкой, пластичной моделировки формы, подчеркнутой глубокими коричневыми тенями в глазных впадинах, на щеках и на шее под подбородком. Пластичность моделировки усиливается наличием ярких белых кубиков мозаики на выпуклых частях лица (на белках глаз, на скулах щек, на кончике носа, на подбородке, на шее слева и на фалангах пальцев обеих рук). Небольшое количество светлозеленых кубиков, окай-

Рис. 2. Голова Спаса-Эммануила.
Деталь

мляющих овал правой щеки, и ярко-красных кубиков, обрисовывающих левую щеку, уходящую в тень, создают своеобразные, как бы светящиеся изнутри рефлексы в пластичной моделировке лица. Таким же красным контуром описаны пальцы на правой, благословляющей руке Эммануила и свиток (рис. 1,2).

Таким образом, пластичная свето-теневая живописная моделировка лица Эммануила является основным моментом в определении художественного стиля нашей мозаики.

Тем же приемом объемной лепки трактованы складки зеленого хитона и охряного гиматия изображенного. Интересно, что высветление складок на одежде дается линиями серебряных позолоченных зерен, подчеркнутых глубокими притенениями в виде темнокрасных рядов из мозаичных кубиков.

Изображение окаймлено прямоугольной узкой рамкой в виде выложенных в два ряда черных и белых кубиков, чередующихся в шахматном порядке. Поверхность мозаики покрыта тонким слоем белого прозрачного воска.

Мозаика, как уже говорилось выше, врезана в иконную доску с широкими неравномерными золотыми полями [4]. Золото сусальное (листовое) положено на слой белого левкаса. Украшением полей служат девять прямоугольных, неглубоких, неодинаковых по размеру гнезд и одно такое же круглое гнездо для вставки камней, врезанных прямо в левкас и в дере-

[4] Ширина верхнего и нижнего полей равна 3,5 *см*, боковых — 2,5 *см*.

во, без оправы. Гнезда для камней располагаются по три на верхнем и нижнем полях и по два на боковых. Среди них на левом поле верхнее гнездо квадратное, нижнее—круглое. Из десяти сохранилось только пять: одно синее и три желтых и коричневых оттенков. Пятое круглое голубое стекло имитирует бирюзу. Это не что иное, как древняя имитация полудрагоценных камней из цветных стекол.

На полях имеются серьезные утраты золота и левкаса до доски с обнажившейся структурой неизвестной породы дерева. Вокруг полей, имевших первоначально возвышающиеся края, утрачены накладывавшиеся на них прутики. Часть такого прутика, сохранившаяся на правом поле внизу, дает представление о первоначальной форме полей нашей мозаики.

Сохранность мозаики средняя. На изображении имеется пять параллельных вертикальных трещин воскового грунта, проходящих по всей высоте иконы. Посредине идет такая же горизонтальная трещина. Оборот иконной доски покрыт тонким слоем левкаса с орнаментальной росписью, почти полностью утраченной. Орнаментальный мотив в виде крупных завитков растительных стеблей и листьев исполнен коричневой краской по белому фону, сейчас загрязнившемуся и потемневшему от времени. На ребрах иконы, залевкашенных и окрашенных в коричневый цвет, даны желтые мазки кистью, образующие узор в виде елочки. О раппорте орнамента в целом (на оборотной стороне) судить пока затруднительно из-за серьезных утрат. Однако характер тонких изящных завитков стеблей и листьев очень близок к узорам на древних византийских тканях и может предположительно считаться современным или близким по времени самой мозаичной иконе [5].

В верхний торец доски грубо вделано кованое железное кольцо, служившее для подвешивания.

ИСТОРИЯ МИНИАТЮРНЫХ ПОРТАТИВНЫХ МОЗАИК

Небольшая группа икон, известных под названием «портативных» или миниатюрных мозаик, обладает совершенно определенными техническими признаками, отличающими их от фрагментов или небольших стенных мозаик. Все без исключения портативные мозаики исполнены на досках небольшого размера, среди которых О. Демус различает две четкие группы по их размерам: 1) В группу так называемых «больших» портативных мозаик входят иконы размером от 23 до 34 *см* и от 62 до 95 *см*. 2) К группе миниатюрных портативных мозаик относятся иконы размером от 6 до 10 *мм* и от 18 до 26 *мм* [6]. Вторым отличительным признаком портативных мозаик является то, что все они, без исключения, укреплены на восковой основе и на деревянной доске. Размеры кубиков мозаик хотя и не определяют принадлежность мозаики к той или иной группе портативных, но почти все миниатюрные мозаики исполняются преимущественно из кубиков размером от 0,5 до 1—2 *мм*.

Преобладающим типом изображений в портативных мозаиках являются композиции с полуфигурами, значительно реже среди них встречаются изображения праздников и других многофигурных композиций, отличающихся особенно мелким набором мозаичных кубиков.

---

[5] См., например, орнамент на одежде портретного изображения фигуры Примикирия Иоанна (?) на иконе Пандократора 1363 г. из собрания Эрмитажа (А. П. Смирнов. Памятники Византийской живописи. Л., 1928, стр. 13, рис. 3; А. В. Банк. Искусство Византии в собрании Гос. Эрмитажа. Л., 1960, стр. 105); Кр. Миятев. Роспись Боянской церкви. Дрезден, 1961, №№ 47, 48 (см. орнамент на одежде севастократора Калояна, в росписи 1259 г.).

[6] O. Demus. Two Palaeologian Mosaics Icons in the Dumbarton Oaks Collection.— DOP, 14, 1960, p. 90.

Наиболее распространенными изображениями являются единоличные изображения Христа, различных типов богоматери, святителей, пророков, воинов в виде полуфигур или в рост[7].

В. Н. Лазарев относит миниатюрные мозаики «к числу наиболее совершенных произведений византийского искусства», лишний раз свидетельствующих о необычайной утонченности столичных вкусов византийского двора. Автор считает центром по изготовлению их Константинополь[8].

В последних исследованиях О. Демуса, специально посвященных изучению миниатюрных мозаик, автор также приходит к выводу, что «миниатюрные мозаики были специфическим видом придворного искусства»[9]. Однако дошедшие до нас современные им письменные источники ничего не сообщают о роли, которую играли портативные мозаики при императорском дворе.

Н. П. Кондаков, ссылаясь на Константина Багрянородного и на составленный по его поручению сборник «О церемониях византийского двора», высказал предположение, что миниатюрные мозаичные иконы могли принадлежать к походным, переносным и домашним иконостасам[10].

Указания на использование миниатюрных мозаик в Византии содержатся в поэтических описаниях этих мозаик у византийских авторов Марка Евгеника и Мануила Фила. Об этих миниатюрных иконах говорится как о драгоценных подарках, предназначаемых для частного почитания и для ценных подношений[11].

На основании изучения большинства дошедших до нас миниатюрных мозаик (а их сохранилось всего не более 28 мозаик)[12] Демус приходит к заключению, что ни одна из дошедших до нас мозаичных икон не датирована. На основании одной подобной иконы («Иоанна Богослова»), представлявшей вклад некоего Иоанна Цимисхия, можно полагать, что миниатюрные мозаики уже существовали в X в.[13]

О. Демус считает, что две другие миниатюрные мозаики можно связать с именами императоров из семьи Палеологов, приобретенные ими около 1354—1355 гг.[14] Демус приходит к выводу, что портативные мозаики существовали очень короткое время, в течение двух поколений (с 1260 по 1320 гг.), но некоторые из них могут быть отнесены и к XI—XII столетиям (например, мозаичная икона св. Димитрия на Синае)[15]. Исключительная редкость этого вида тонкого византийского искусства, по-видимому, была связана с дороговизной материала, употреблявшегося для миниатюрных мозаик, и со сложностью техники их исполнения. Производство подобных мозаик не получило широкого распространения и не было многочисленным[16].

Таким образом, миниатюрная мозаика из собрания Исторического музея является уникальным образцом этого редкого вида византийского

---

[7] А. В. Банк. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева.—«Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования». М., 1960, стр. 188.

[8] В. Н. Лазарев. История Византийского искусства, т. I. М., 1947, стр. 124.

[9] O. Demus. Op. cit., p. 94.

[10] Н. П. Кондаков. *История византийской эмали*. СПб., 1892, стр. 108.

[11] O. Demus. Op. cit., p. 94, n. 28.

[12] В Италии имеется 8 миниатюрных мозаик, в СССР — 5, на Афоне — 4, другие страны обладают одной или двумя мозаиками (среди них в Вашингтоне — 2) (ibid., p. 96).

[13] Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 114—115. Демус считает эту атрибуцию недостаточно основательной (O. Demus. Op. cit., p. 95).

[14] O. Demus. Op. cit., p. 95.

[15] Ibidem; G. et M. Sotiriou. Icones du Mont Sinaï, t. I (Planches). Athène, 1956, pl. 70. В. Н. Лазарев относит мозаичную икону св. Димитрия на Синае к XI в. (указ. соч., т. II, табл. 128).

[16] O. Demus. Op. cit., p 96.

искусства. Это одна из пяти мозаичных икон, которыми обладает Советский Союз. (Три мозаики хранятся в собрании Гос. Эрмитажа в Ленинграде и одна в музее в Киеве.)

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕХНИКОЙ МИНИАТЮРНОЙ МОЗАИКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЭММАНУИЛА

Неравномерность сохранности поля нашей мозаики позволила сделать ряд наблюдений, касающихся особенностей техники портативных мозаик.

Прежде всего скажем о фоне. Фон состоит из обнажившейся восковой основы толщиной в 2—3 *мм* с сохранившимися в ней незначительными остатками серебряных позолоченных зерен неодинаковой формы и размера (от 0,5 до 1 *мм*). Внимательное обследование состояния восковой основы под микроскопом, при боковом освещении, позволило обнаружить на поверхности воска следы от утраченных серебряных зерен в виде неглубоких чешуйчатых выемок. Это заставляет заключить,что первоначально весь фон нашей мозаики был серебряным с позолотой и что эти серебряные зерна — не что иное, как тонкие серебряные пластинки, нарубленные мелкими квадратиками. До сих пор в литературе подобные серебряные фоны считались выполненными из серебряных или металлических кубиков[17]. На примере же нашей мозаики совершенно очевидно, что для фона использовались пластинки, а не кубики [18]. Первоначально эти пластинки на фоне мозаики располагались довольно правильными параллельными рядами, образуя сплошной серебряный позолоченный фон (такой, как на мозаике св. Никола — № б. к. 139 Киевского музея). Неглубокие следы от утраченных пластинок, отпечатавшиеся на поверхности воскового грунта, показывают, что эти пластинки были действительно тонкими. Они были только слегка вдавлены в мягкий восковой грунт. Увеличенные фото с детали фона мозаики сверху и в разрезе служат убедительным подтверждением сказанного выше (рис. 3).

Лицо

Утраченная часть нимба, головы и верхней части лица Эммануила грубо залеплена потемневшим воском, по-видимому, в результате позднейшей неумелой реставрации памятника. Левая щека повреждена имеющимися на ней трещинами[19]. Хорошо сохранившиеся части лица позволяют все же судить о технике его исполнения. Следует отметить своеобразие мозаичного набора на лице, шее и руках изображенного. Мелкие кубики мозаики (Р: 0,5—1 *мм*) располагаются здесь свободно и расставлены так редко, что между ними в промежутках везде виден белый или розовый грунт. Кубики не одинакового размера и формы, они не составлены в прямые или изогнутые ряды, а имеют различную конфигурацию и размеры и располагаются свободно. Подобранные в различных цветовых сочетаниях, они искусно моделируют пластичную форму лица. При этом достигается поразительный живописный эффект, близкий к тому,

[17] О. Демус (O. D e m u s. Op. cit., p. 91) указывает, что золотые и серебряные кубики иногда состоят из твердого металла. Н. П. Кондаков («Памятники христианского искусства на Афоне», стр. 107) пишет: «Фон покрыт серебряными кубиками» (о миниатюрной мозаике св. Николая из музея в Вичи, сейчас она находится в Киевском музее. — См. там же, стр. 114 и др.). П. И. Костров, видевший нашу мозаику, указал, что при реставрации четырехчастной миниатюрной мозаики из собр. Гос. Эрмитажа он также установил, что там использованы золоченые серебряные пластинки, а не кубики.

[18] Точно такой же серебряный позолоченный, хорошо сохранившийся фон из тонких пластинок имеется на миниатюрной мозаике XII в. из Киевского музея с изображением св. Николая (№ б. к. 139).

[19] Следы чинки черным воском видны также на вертикальной трещине, пересекающей левую щеку, и на горизонтальной трещине, проходящей через левую руку.

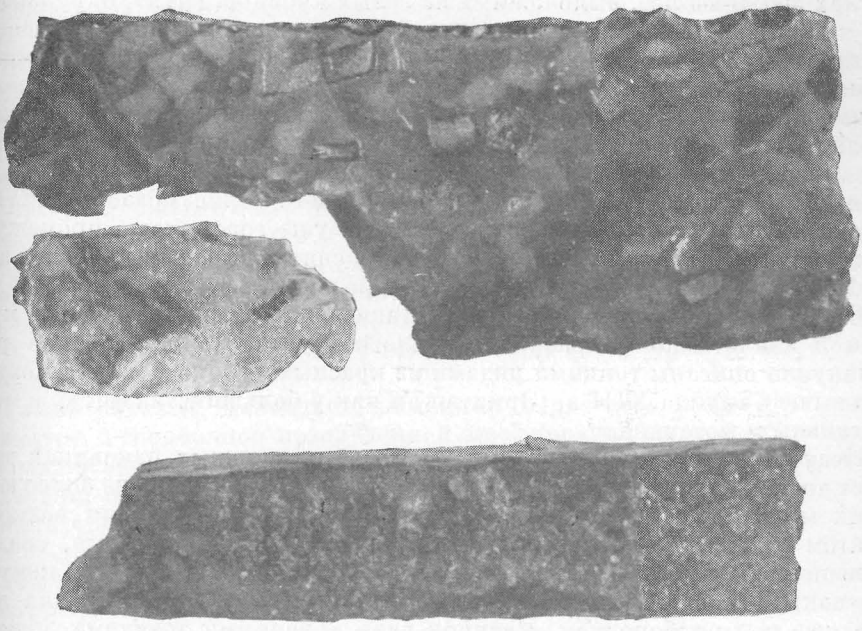


Рис. 3. Часть фона с серебряными позолоченными пластинками, вдавленными в восковую основу. Вид сверху. Увеличение, та же часть фона в разрезе

который возможен в тонкой миниатюрной живописи. В. Н. Лазарев считает, что стиль нашей мозаики связан с каллиграфическим стилем современной ей византийской миниатюры [20].

В технике набора кубиков поражает необычный способ разреженного подбора зерен, почти не встречающийся в других известных нам образцах миниатюрных мозаик [21]. В преобладающем большинстве остальных мозаик мельчайшие кубики мозаик «пригнаны друг к другу с изумительной ловкостью»[22] и сидят так тесно, что промежутки между ними едва проглядываются [23].

Особого внимания заслуживает рассмотрение состояния грунта, проглядывающего между кубиками мозаики на изображении лица и рук Эммануила. Грунт здесь неодинаковый, он имеет два цвета: белый и бледнорозовый. Местами этот розовый грунт несколько возвышается над уровнем восковой основы всей мозаики, образуя легкий рельеф [24]. На

---

[20] В. Н. Лазарев. Указ. соч., I, стр. 124.

[21] Наиболее близким иконе Эммануила по такому характеру набора мозаичных кубиков лица является изображение Самуила в рост из собрания Гос. Эрмитажа (XIII в.).

[22] В. Н. Лазарев. Указ. соч., I, стр. 124.

[23] O. Demus. Op. cit., p. 91. Примером такого тесного набора кубиков на лице может служить также мозаичная икона с изображением полуфигуры св. Николы из Киевского музея (№ б. к. 139), датируемая XII в. (В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 124. Примечания, стр. 323, № 70; Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 108, рис. 50). См. также подобную мозаику с изображением св. Николы из того же собрания (В. Н. Лазарев. Указ. соч., II, Атлас, табл. 107 а).

[24] Не является ли это раствором, которым скрепляли тонкие мозаичные изделия? В литературе отмечалось, что у тонких мозаик, как это видно на мозаиках из Делоса, частицы скрепляли раствором более тонким,чем тот, который прикреплял частицы к днищу. Последний — желтоватого цвета, а тонкий раствор — белый, но он окрашивался в цвет частиц, скрепленных им («Эллинистическая техника». Сборник статей под редакцией академика И. И. Толстого. М.—Л., 1948, стр. 120).

скулах щек и на шее, выложенных из белых кубиков, грунт, окружающий эти кубики, тоже белый, усиливающий интенсивное звучание освещенной части лица. По своему характеру этот белый блик грунта напоминает сочный мазок кисти, местами даже положенный поверх кубиков мозаики. Точно такой же энергичный розовый «мазок» нанесен на правой щеке на уровне рта изображенного, подчеркивающий румянец щеки. Внешний вид этого розово-белого грунта позволяет предположить наличие здесь подкраски восковой основы или скрепляющего зерна мозаики раствора краской, очень похожей на восковую. Как уже говорилось, промежутки между белыми кубиками на лице, руках и свитке окрашены в белый цвет, а между розовыми кубиками — в бледнорозовый.

Объемная лепка рук моделируется такими же белыми и розовыми кубиками с аналогичной окраской воскового грунта. Пальцы правой руки Эммануила описаны тонкими рядами из красных кубиков, как у упомянутого выше Самуила XIII в. (Эрмитаж) и как у большинства фигур в монументальных мозаиках [25].

Несколькими розовыми кубиками мозаики в ушных раковинах мозаичист достигает впечатления их прозрачности, придающей еще более юный облик молодому лицу Христа. Очерченные темнокоричневым восковым грунтом (без кубиков) губы, с красной полоской между ними, создают иллюзию небольшого изящного рта с красными губами. Рисунок притенений вокруг глаз непосредственно переходит в тень вокруг овала лица и на шее под подбородком. Рисунок глаз, с черными зрачками, скошенными вправо, линия розовых, чуть припухших век поражают своей исключительной тонкостью и мастерством живописного исполнения.

Только под микроскопом удалось восстановить форму пышной прически из рыжеватых волос, украшавших когда-то голову Эммануила. Прическа, по-видимому, была высокой, судя по остаткам ее с левой стороны головы [26]. Спереди волосы окаймляют овал лица и спускаются на шею тремя крупными завитками. Волосы исполнены по подкрашенному в в светлокоричневый цвет восковому грунту, пряди и завитки волос выложены из охряных кубиков изогнутыми рядами. Пышная высокая прическа, венчающая голову Эммануила, обладающего нежным, тонким овалом лица, позволяет восстановить впечатляющий по своей красоте облик юноши античного типа, близкий к изображению архангела Михаила в мозаике Неа Мони на Хиосе (1042—1056 гг.) [27] и отчасти к указанной выше энкаустической византийской иконе с изображением Пантелеймона (XI в.) (ГМИИ).

Одежда

Техника набора кубиков мозаики на хитоне и гиматии такая же редкая и свободная, как и на лице. Кубики светлозеленые на хитоне, красные на клаве и охряные на гиматии такой же разнообразной конфигурации и размера. На одежде прием подкраски восковой основы становится еще более очевидным и более разнообразным, чем на лице и руках. Но на хитоне, клаве и гиматии не заметно высоко выступающего грунта в промежутках между кубиками. Здесь кубики, размещенные еще реже, вдавлены непосредственно в живописное изображение складок, сделанное на

---

[25] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, изображение ангела в цвете на суперобложке, а также вклейка между стр. 84—85 и др.

[26] По цвету и форме рыжеватая прическа Эммануила очень близка к подобной трактовке рыжих волос на византийской иконе Пантелеимона XI в. из Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина («Искусство Западной Европы». Путеводитель по музею. М., 1964, стр. 15).

[27] E. Diez and O. Demus. Byzantine Mosaics in Greece. Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, 1931, № 117. Лицо архангела также обрамлено спускающимися на плечи локонами, переплетенными золотыми нитями мозаики, но оно строже.

восковой основе светлыми или темнокоричневыми восковыми же красками.

По-видимому, до работы мозаичиста изображение складок на хитоне и гиматии было написано художником красками. В некоторых частях одежды трактовка теней подчеркнута черной краской. (Вдоль края гиматия, ниспадающего с левого плеча, по краю выреза хитона на шее, над благословляющей правой рукой Эммануила.) [28] Не ограничиваясь проглядывающей между кубиками живописной разделкой складок, мозаичист стремится обогатить колорит мозаики и в трактовку одежды вводит кубики различных оттенков. Так, у хитона с правой стороны, там, где он соприкасается с гиматием, мозаичист выкладывает ряд ярких зеленых кубиков, а рядом — линию ярких красных кубиков, придающих своеобразную объемность складкам хитона и краю гиматия. Слева ту же роль играет красная полоса клава.

Таким образом, мозаичист, комбинируя цветные кубики на хитоне и гиматии с серебряной позолоченной шрафировкой складок и с живописной росписью складок восковыми красками, в которую непосредственно вставлены кубики мозаики, достигает поразительного художественного эффекта в подборе мягких оттенков кубиков и в переходах их от одного тона к другому.

Изучение мозаики под микроскопом позволяет с достаточным основанием предполагать, что окраска воскового грунта на лице и руках, а также живописная разделка складок на одежде выполнены восковыми красками по восковой основе, подготовленной для набора кубиков мозаики. При этом на лице и руках окрашенная восковая основа выступила в промежутках между кубиками. На одежде роспись складок восковыми красками произведена художником также по восковой основе, до набора кубиков. Художник, выполнявший роспись клава и складок в цвете, как бы предварительно подготовил изображение для следующего процесса работы мозаичиста, подбиравшего кубики и выкладывавшего их по готовому рисунку и краскам.

Интересно, что тени под глазами на лице Эммануила исполнены только коричневой восковой краской, без мозаичных кубиков, и грунт в этом месте немного ниже общего уровня мозаики. Таким же приемом выполнена тень вокруг лица Эммануила, в которую вдавлены по линии овала с одной стороны зеленые, с другой красные кубики.

Блик на шее слева, как показал просмотр этого места под микроскопом, представляет собой группу мелких ярких белых кубиков с выступившим в промежутках, окрашенным белой краской грунтом или скрепляющим раствором, производящим на расстоянии впечатление мазка, сделанного кистью.

Обрамлением мозаики служит узкая орнаментальная рамка из чередующихся черных и белых кубиков [29]. В добавление к ней, по поверхностному слою воска, сделана дополнительная живописная рамка, почти не сохранившаяся, в виде двух полосок черной и золотой красками, придававшими еще большую нарядность миниатюрной мозаике. Это украшение как бы связывало мозаику с золотыми полями иконы. Цвет и каче-

[28] Красный клав на зеленом хитоне выложен по черной предварительной окраске его восковой краской, при этом красные кубики, чередующиеся с серебряными пластинками, выложены косыми параллельными рядами, четко выделяющимися на фоне зеленого хитона.

[29] Характер обрамления черными и белыми кубиками близок к орнаментальной рамке на изображении князя Бориса Михаила Болгарского из «Учительного евангелия» XII — XIII вв. (воспроизведена в книге М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой — Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, Син. № 262), а также на иконе Пантелеимона IX — X вв. из Киевского музея (Н. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной Академии, вып. I. Киев, 1912, № 3327).

ство остатков золота на поверхности воска очень близки к золоту на полях иконы, но это украшение, нанесенное поверх покровного слоя воска, могло быть более поздней отделкой.

Наличие в нашей мозаике своеобразных элементов восковой (энкаустической) живописи, комбинированной с мозаичным набором, представляет значительный интерес, выделяющий ее из числа известных нам образцов миниатюрных мозаик, исполненных из мельчайших кубиков смальты на восковой основе.

Представляется затруднительным решить в настоящее время вопрос о том, выполнялась ли наша мозаика одним мастером с начала до конца, или, подобно монументальным мозаикам большого размера, отдельные этапы работы выполнялись разными специалистами [30].

Возможно, в миниатюрных мозаиках и подготовка восковой основы, и исполнение энкаустической техникой изображения до набора мозаики, и, наконец, процесс мозаичного набора по готовому рисунку в красках — все могло выполняться одним и тем же художником-мозаичистом, тем более, что наша мозаика, исполненная из природных материалов, не требовала участия в ней специалиста по изготовлению кубиков смальты.

Материал

До сих пор в литературе, посвященной миниатюрным мозаикам, остается не исследованным вопрос о материале и технических особенностях этого специфического вида византийского искусства.

До сих пор принято считать, что основным материалом для изготовления миниатюрных кубиков мозаики была смальта; иногда для золотого фона применялась не смальта, а кубики из твердого металла [31]. Некоторые исследователи наряду со смальтой указывают в качестве материала на пиленый шифер желтого и «светлооливкового полутона» [32]. Из числа природных материалов отмечается наличие в подобных мозаиках «серых камушков» [33]. Несколько расширил, но не конкретизировал состав материалов миниатюрных мозаик О. Демус. Он называет смальту, эмалевую пасту, лапис лазурь и малахит [34]. М. Росс отметил в описании мозаики с изображением «Сорока мучеников Севастийских» (XIII в.) наличие среди кубиков смальты неизвестного черного материала, из которого выполнены надпись и контур креста [35].

При изучении миниатюрной мозаики с изображением Эммануила нас поразило отличие внешнего вида кубиков от мозаик, выполненных из смальты. К особенностям нашей мозаики относятся: приглушенные цвета кубиков, их исключительно мягкие оттенки и переходы, не просвечивающая матовая поверхность кубиков, т. е. все то, что совершенно не типично для мозаики из смальты.

Впервые в нашей стране научным определением кубиков мозаик Софии Киевской занялась В. И. Левицкая, исследования которой представляют ценный вклад в изучение монументальных мозаик [36]. Определением же материала кубиков миниатюрных мозаик никогда никто не занимался.

---

[30] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, стр. 152 и прим. 1.

[31] Д. Айналов. Византийские памятники Афона.—ВВ, VI, 1899, стр. 77; Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 107, 112, 114; O. Demus. Op. cit., p. 91.

[32] Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 112—113, 119. О термине «шифер» см. В. И. Левицкая. Палитра мозаик Софии Киевской. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 153.

[33] В. Н. Лазарев. История Византийской живописи, I, стр. 124.

[34] O. Demus. Op. cit., p. 91.

[35] M. C. Ross. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, I. Washington, 1962, p. 103, № 124.

[36] В. И. Левицкая. Палитра мозаик Софии Киевской.

Исследование нашей мозаики мы начали с определения ее красочной палитры. Для этого мозаика тщательно рассматривалась с помощью лупы и под микроскопом. Технические особенности мозаичного набора требовали особого внимания при характеристике цвета в тех случаях, когда ряды красных кубиков находятся в непосредственной близости с зелеными кубиками (например, зеленый ряд кубиков на хитоне справа, рядом с полосой красных кубиков, выложенных по краю гиматия), так как происходит взаимное повышение интенсивности звучания цвета.

Палитра нашей мозаики сравнительно небогатая, в состав ее входят кубики следующих цветов и их оттенков. Начнем со светлых цветов.

1) Белые кубики: яркие белые, примененные в качестве бликов на кончике носа, на шее (слева), на концах пальцев правой руки и на свитке; белые кубики с оттенками от бело-серых до бело-голубых, использованные для моделировки объема лица, шеи и рук.

2) Ко второй группе кубиков относятся приглушенные желтые цвета чистой охры, из которых выложен гиматий. Он везде ровного цвета. Несколько более яркого оттенка кубики охры (типа желтого крона) даны на перекрестье нимба.

3) К третьей группе кубиков относятся красные двух оттенков: темнокрасные («печеночного» цвета) и яркокрасные, примененные на нимбе, на котором по темно-«печеночному» цвету выложены мелкие розетки из яркокрасных кубиков; такими же яркими кубиками обрамлен овал левой щеки, кончик носа, линия губ, пальцы рук, края гиматия и клав. Темнокрасными кубиками («печеночными») дана местами роспись складок гиматия и опись контура левого плеча.

4) К четвертой группе кубиков относятся бледнорозовые кубики на лице, шее и руках, с тончайшей, почти неуловимой градацией оттенков. Белыми и бледнорозовыми кубиками моделированы самые ответственные части изображения (лицо, шея и руки).

5) К пятой группе относятся серо-зеленые кубики, приглушенного тона, с матовой поверхностью, примененные для описи овала правой щеки и использованные полностью для хитона изображенного. Зеленые кубики более яркого оттенка встречаются только в одном месте в виде ряда кубиков, оттеняющих край хитона справа. Ряд этих кубиков идет параллельно с аналогичным рядом красных кубиков, выложенных вдоль края гиматия.

6) К шестой группе относятся черные кубики, примененные для трактовки глубоких теней на вороте хитона и местами вдоль складок хитона и гиматия. А также на линии, окаймляющей нимб, и на обрамлении в виде рамки из белых и черных кубиков, располагающихся в шахматном порядке.

Таким образом, красочная палитра нашей мозаики состоит из шести основных цветов и из четырех их оттенков: белого, желтого, зеленого и красного цветов.

В целом красочная палитра мозаики характеризуется приглушенной гаммой красок с нежной и мягкой нюансировкой одинаковой матовой плотной, не просвечивающей поверхностью кубиков, как бы имитирующих полудрагоценные камни. В мозаичном наборе отсутствуют также кубики с блестящей прозрачной поверхностью.

Определение материала кубиков мозаики потребовало привлечения специалистов по минералам и смальте и проведения необходимых исследований. Были использованы старые осыпи от разрушившихся кубиков мозаики, извлеченные из трещин и из отверстий в доске, поврежденной вредителем древесины. Огромные затруднения доставило то обстоятельство, что мы располагали для исследований буквально микроскопическими частицами кубиков каждого цвета.

Большую помощь в определении материала мозаичных кубиков нам оказали сотрудники Московского геологоразведочного института: заве-

дующий кафедрой минералогии профессор П. В. Калинин, научный сотрудник того же института Е. С. Доброхотова и научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР Ю. Л. Щапова — специалист по смальте.

После совместного ознакомления с мозаикой указанные специалисты пришли к выводу, что белые, розовые, желтые и черные кубики не являются смальтой. Сомнительными оставались зеленые и красные кубики. Для научного заключения о характере их материала Е. С. Доброхотовой были дополнительно проведены лабораторные исследования кубиков мозаики всех цветов [37].

При этом было установлено, что весь мозаичный набор нашей мозаики выполнен исключительно из естественных природных материалов [38] двух видов: 1) кубики белые, беднорозовые, блеклозеленые и черные, по данным химического исследования, представляют собой мрамор ($CaCO_3$) [39] различных цветов. Белые кубики могут быть также ониксом (матовой разновидностью кальцита). 2) Кубики желтые (охра) и красные («печеночные») являются минералами группы глин (ферроалюмосиликаты) [40]. Общеизвестно, что глины бывают разного цвета, в зависимости от содержания в них соединений железа; известны градации оттенков от слабо окрашенных глин цвета охры до различных оттенков красного цвета; последние содержат много соединений железа.

Следует отметить, что приведенные В. И. Левицкой данные об анализах мозаичных кубиков со стен Софии Киевской, относящихся к естественным породам, почти полностью совпадают с нашей первой группой мраморов светлых цветов [41].

Возникает вопрос о технике и процессе изготовления кубиков из указанных выше природных материалов. Мрамор состоит из мелких зернышек или кристалликов кальцита. При дроблении или раскалывании мрамор распадается на мелкие осколки различной формы и размеров. Поверхность некоторых зерен имеет иногда несколько округлую неправильную форму. Другие зерна обладают исключительной гладкостью поверхности и даже блеском [42].

В процессе работы по изготовлению кубиков мозаики мастер, по-видимому, отбирал из осколков мрамора наиболее подходящие для кубиков мелкие кусочки, которые затем, возможно, подвергались обработке, т. е. выглаживались или шлифовались [43], так как поверхность всего мозаичного набора имеет точно пригнанную, исключительно ровную и гладкую лицевую сторону.

Кусок глины также раскалывался или размалывался, и из массы мелких кусочков отбирались наиболее подходящие для кубиков по форме и размеру. Лицевая сторона этих цветных глин также, по-видимому, шлифовалась или опиливалась. Сейчас поверхность мозаичного набора покрыта тонким слоем белого прозрачного воска [44].

---

[37] Пользуемся случаем еще раз поблагодарить Е. С. Доброхотову за помощь в лабораторном исследовании мозаики.

[38] Впервые изучение естественных материалов в мозаиках Софии Киевской осуществила В. И. Левицкая (указ. соч., стр. 150—153 и сл.).

[39] Просмотр под бинокулярной лупой. Частицы кубиков разных цветов бурно вскипают с HCl.

[40] Определение проводилось в иммерсионных препаратах при помощи поляризационного микроскопа, показавшего структуру и оптические свойства минералов группы глин. (Показатель преломления 1,546).

[41] В. И. Левицкая. Указ. соч., стр. 152—153, табл. 7: «Описание шлифов мозаичных кубиков, относящихся к естественным породам».

[42] По мнению Е. С. Доброхотовой, это блеск спайности кристаллов.

[43] В Софии Киевской в мозаичном наборе кубиков известняка обнаружена обработка их поверхности опиловкой (В. И. Левицкая. Указ. соч., стр. 134).

[44] Наличие аналогичного покрытия поверхности мозаики воском замечено также на мозаичном изображении Самуила (XIII в.) (Эрмитаж). Так как слой воска лежит

Приведенное определение материала по данным химического петрографического и микроскопического анализов, свидетельствует о том, что в нашей миниатюрной мозаике применены исключительно естественные природные материалы, месторождением которых были берега Черного и Средиземного морей [45]. До сих пор в литературе, посвященной портативным мозаикам, не встречалось указаний на изготовление кубиков мозаики из мрамора и минералов группы глин. Все они считались выполненными из кубиков смальты. Однородность материала, примененного для мозаичного набора в изображении Эммануила, цветовая характеристика мозаичного набора и одинаково плотная, не просвечивающая поверхность кубиков различных цветов и оттенков — все вместе взятое говорит об утонченности вкуса мозаичиста и о высоком художественном совершенстве и мастерстве исполнения.

В большинстве других миниатюрных мозаик чаще всего встречается одновременное использование природного материала (преимущественно мрамора) для исполнения лиц и рук и кубиков из смальты разных цветов. В качестве примера укажем на миниатюрные мозаики с изображением св. Николы XII в. (Киев) и Самуила XIII в. (Эрмитаж). Как показали последние исследования В. И. Левицкой, подобное сочетание мы встречаем также и в монументальных мозаиках Софии Киевской [46].

Применение в нашей мозаике кубиков исключительно из естественных природных камней представляет собой пока единственный случай. Интересно, что подобно тому, как в монументальных мозаиках Софии Киевской, в которых важную роль играли матовые кубики, употреблявшиеся «для обработки карнации и набора освещенных участков светлых одежд» [47], так и в нашей миниатюрной мозаике белые и розовые кубики мрамора применены для моделировки лица, шеи и рук, а также на изображении светлого свитка, который держит в левой руке Эммануил. Близость использованного природного материала в нашей мозаике к материалу в мозаиках св. Николы (XII в.) и Самуила (XIII в.) в какой-то мере определяет хронологические рамки создания нашей мозаики.

Иконография

На основе исследований Н. П. Кондакова [48] и В. Н. Лазарева [49] по иконографии Христа, можно сказать, что единоличное изображение Христа с надписью имени «Еммануил» («с нами бог») встречается в византийском искусстве начиная с VI в. Однако в это время, по мнению Н. П. Кондакова, еще не установился его иконографический тип и он изображался чаще не в виде юного отрока, а взрослым мужем с бородой. Так, на монетах императора Цимисхия изображался лик Христа с бородой, в крещатом нимбе с надписью «Еммануил» [50]. Вплоть до X в. тип юного Христа-Эммануила не может считаться окончательно устоявшимся, так как изображения его встречаются и в отроческом виде и с бородой [51].

поверх древней, грубой чинки мозаики с изображением Эммануила черным воском (?), следует считать, что и эта пленка воска могла быть нанесена при реставрации мозаичного набора.

[45] Богатые месторождения пестрых мраморов были открыты в эллинистическую эпоху (сб. «Эллинистическая техника», стр. 120).

[46] В. И. Левицкая. Указ. соч., стр. 151—153 и сл.

[47] Там же, стр. 151.

[48] «Лицевой иконописный подлинник», т. I. «Иконография Господа бога и спаса нашего Иисуса Христа». СПб., 1905, стр. 42, № 66.

[49] В. Н. Лазарев. История..., I, стр. 49, 58 и сл., табл. 28, 29, 47 и др.

[50] В Эрмитаже имеется сердоликовая камея с погрудным изображением Христа-Эммануила в виде юноши, с крещатым нимбом вокруг головы, датируемая VI в. (?) (А. В. Банк. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960, рис. 69). См. Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 40, 60 и сл.

[51] Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 7, 9, 61 и сл.; В. Н. Лазарев. Указ. соч., II, табл. 28, 29, 39, 93; т. I, стр. 344, прим. 57.

На протяжении X—XII вв. на резных камеях, образках-тельниках встречаются изображения Эммануила в виде мужа с бородой [52].

Характерным для сложившегося типа юного отрока Эммануила может считаться медальон с его мозаичным изображением в алтарном своде собора в Монреале близ Палермо [53] (1182 г.), а также мозаичное изображение Спаса-Эммануила в рост, в иератической позе с благословляющей правой рукой и со свитком в левой, с крещатым нимбом, с выложенными по его краю черными и белыми кубиками мозаики, датируемое началом XIII в. и находящееся в левом нефе собора св. Марка в Венеции [54].

Более близкой по композиции и по типу к нашему мозаичному Эммануилу является полуфигура юного Спаса-Эммануила (в крещатом нимбе, с благословляющей правой рукой и со свитком в левой), изображенного в мозаике бокового купола в соборе св. Марка в Венеции (XII—XIII вв.) [55].

Наметившийся в XII в. иконографический тип Спаса-Эммануила в виде юного отрока получает довольно широкое распространение в мозаичных и фресковых ансамблях XII—XIII вв. на Балканах, особенно в Болгарии. Так, в росписи Боянской церкви 1259 г. Христос-Эммануил появляется в восьми изображениях, в которых его возраст разнообразен. В композициях: «Рождество» и «Недреманное око» он дается в типе младенца; в композиции «Христос среди книжников»— в типе отрока и, наконец, поясной образ Христа-Эммануила — в виде юноши, благословляющего правой рукой и держащего свиток в левой [56].

Во фресковой росписи XIII—XIV вв. в церкви св. Климента в Охриде (Македония) имеется изображение крылатого Эммануила в рост, с крестом и развернутым свитком в левой руке, в виде Ангела Великого «Совета». Имеется также Эммануил в виде отрока, сидящего в храме,— в композиции «Христос среди книжников»— в росписи Дечан [57]. В начале и в первой половине XIV в. изображение младенца Христа чаще встречается в композиции «Рождества», например, в сцене купания на фресках монастыря в Сапочанах [58], Арилье [59] (XIII в.) и др.

Среди перечисленных иконографических типов Христа-Эммануила наша мозаика занимает особое место по своему внутреннему содержанию и художественному образу. Фронтальная поза Эммануила, тонкий аристократизм всего его внешнего облика и, кроме того, пропорциональные соотношения головы с пышной шапкой волос, с удлиненным овалом лица на длинной шее, с узкими покатыми плечами — все эти особенности реалистической трактовки образа ясно показывают,что создававший его художник стремился изобразить не ребенка и не отрока, а зрелого юношу, облик которого восходит к эллинистическим прототипам.

Благословляющий жест и свиток в левой руке Эммануила, символизирующие призвание на христианское служение, вполне отвечают строгой позе Эммануила, как бы обращающегося к зрителю. Все эти особенности лишний раз подтверждают, что перед нами редкий иконографический

[52] Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 61.

[53] Там же.

[54] Имеющиеся там же подобные мозаичные иконы с изображением богоматери, апостолов и пророков, по предположению Кондакова, могли быть вывезены из Константинополя после 1204 г. (там же, стр. 40—41, № 62).

[55] Там же, стр. 42, № 66.

[56] И. Акрабова-Жандова. Боянская церковь, памятник болгарского искусства XIII столетия. София, 1960, стр. 17, № 9, стр. 21, № 24, рис. 24; K. Z o n e v. Die Wandmalerein in der Kirche von Bojana. Acht typische Christus Köpfe. Sofia, s. a., № 4.

[57] V. Petković. La peinture serbe du Moyen âge. Beograd, 1934, p. CXXI, CXXXV.

[58] М. Кашанин и Н. Каменович. Средневековне фреске. Београд, Нови-Сад, 1960, стр. 23, рис. 8.

[59] М. Татић. Арилье. Београд, 1960, стр. 7—8.

вариант, близкий по своему внутреннему содержанию к типу поклонной иконы, т. е. к композиции с изображением Христа в его историческом типе, с бородой, с благословляющей правой рукой и с евангелием в левой.

Подобный тип Эммануила неизвестен в станковой живописи (на иконах) ни в Византии, ни на Балканах, ни в русской иконографии. Единственными близкими поясными изображениями Эммануила в образе юноши, с благословляющей правой рукой и со свитком в левой являются следующие изображения поясного Эммануила: в медальоне в замке арки собора Спасо-Мирожского монастыря 1165 г. в Пскове [60]; изображение Эммануила в отроческом возрасте, которого богоматерь держит перед собой, в медальоне в замке северного купола внутреннего нарфика в Кахрие-Джами (1315—1320) в Константинополе [61] (лицо младенца моделировано так же, как у нашего Эммануила, у него свободно драпируются складки хитона и гиматия); наконец, уже упоминавшееся нами мозаичное изображение в одном из боковых куполов собора св. Марка в Венеции конца XIII в. [62] Общим для этих изображений являются узкие плечи со спускающимся с них гиматием, прикрывающим обе руки до кистей, с открытым спереди хитоном с клавом, с благословляющей правой и со свитком в левой руке. В мозаике св. Марка Эммануил смотрит прямо, а правая рука его обращена к зрителю внешней стороной. Эммануил же Исторического музея дан со скошенными вправо зрачками, а жест правой руки повернут к зрителю ладонью. Подобный жест правой руки имеется у вывезенного из Константинополя после 1204 г. [63], по предположению Кондакова, Эммануила начала XIII в. из собора св. Марка.

Лицо Эммануила на нашей мозаике, трактованное еще в традициях античных типов, ближе всего к лицу Михаила архангела на мозаике из Неа Мони [64].

Близки к изображению на нашей мозаике своим античным типом также лица юных святых Георгия и Пантелеимона на керамических поливных таблетках VIII в., происходящих из Никомидийских катакомб (ГИМ № ОВД. 140/а), изображение юного святого на копии с фрагмента фрески из храма «Донаторов» XI—XII вв. (Крым) (ГИМ, № 63896) и отчасти изображение Пантелеимона на византийской иконе XI в. (ГМИИ).

Таким образом, при всей скудости обнаруженного нами иконографического материала можно сделать все же вывод о несомненной редкости типа мозаичного Эммануила, представленного прямо, в типе поклонной иконы, и считать, что подобный образ мог быть создан в тот переходный период, когда иконографический тип Эммануила еще не установился окончательно. Близость же данного иконографического варианта к сложившимся в искусстве типам юных святых, изображавшихся прямо, с удлиненным нежным овалом лица и с большой пышной шапкой волос на голове, как у Георгия или у Пантелеимона, говорит об интересе к античности.

Необычность типа нашего Эммануила позволяет предположить, не является ли наша мозаика частью миниатюрного «Деисуса» (моление), т. е. композиции из трех фигур, в которой Эммануил был представлен посредине, а по сторонам его были даны два преклоняющихся ангела. Такого рода «Деисусы» сохранились от XII—XIII столетий [65]. Несомнен-

[60] Ю. П. Спегальский. Псков. М.—Л., 1963, стр. 263.
[61] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, 1915, стр. 343, № 345.
[62] Там же, стр. 42, № 66.
[63] Там же, стр. 40, № 62 и стр. 41.
[64] E. Diez and O. Demus. Op. cit., № 117.
[65] Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 60. В Армении, во фресковой росписи в Ани (XIII в.), известен Деисус с полуфигурой юного Христа между двух архангелов (В. Н. Лазарев. История..., I, стр. 187). В Киевском музее западного искусства имеется икона Спаса-Эммануила, входившая в состав Деисуса (Н. Петров. Альбом достопримечательностей..., вып. I, № 3322). См. также Деисус: Архангел

но, все три иконы были исполнены на отдельных досках и, возможно, представляли собой миниатюрный складень, удобный для ношения при себе в пути [66]. Иконы с изображением Деисуса были широко распространены в Византии [67].

Выводы

В определении датировки нашей мозаики мнения ученых расходятся. В. Н. Лазарев, один из первых указавший на нашу мозаику, относит ее к XI—XII вв. [68] В путеводителе по отделению древностей московского Публичного музея, где мозаика была впервые экспонирована на выставке под № 726 [69], и в описи Румянцевского музея, как в документе, с которым мозаика поступила в 1922 г. в Исторический музей, о ней сказано: «Византия, X век» [70]. А. В. Банк, ознакомившаяся с мозаикой, датирует ее второй половиной XIII в.

Мы полагаем, что самым веским аргументом в решении вопроса о датировке нашего памятника может быть его художественный стиль, его материал и в особенности техники набора. В настоящее время, после проведенного всестороннего научного обследования мозаики рядом специалистов, для этого открываются новые возможности.

Как уже было установлено, кубики мозаики — не смальта; они изготовлены из природных материалов, которые удалось определить (см. стр. 216—219). К особенности техники набора следует отнести прием свободного и редкого размещения кубиков с подкраской грунта, выступающего местами в промежутках между кубиками. В художественном же стиле мозаики преобладает сдержанная цветовая гамма с мягкой живописной объемной трактовкой, достигаемой искусно подобранными кубиками, нежными по своим оттенкам. Особый эффект матовому колориту мозаики придают яркие рефлексы из зеленых и красных кубиков и золотая шрафировка складок, перекликающихся с фоном из серебряных с позолотой пластинок. К особенностям мозаики следует отнести также сочетание мозаичной гаммы со следами живописной разделки складок восковыми красками [71] и весь тонкий облик изображенного юноши с большой шапкой волос [72], еще лишенного аскетичности, несмотря на строгий вертикализм положения корпуса, который В. Н. Лазарев считает излюбленным в византийском искусстве XII в. [73]

Михаил, Спас-Эммануил, архангел Гавриил (сер. XII в.) (ГТГ) (В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, стр. 63, № 6).

[66] В летописи Боголюбова монастыря под 1158 г. указывается, что князь Андрей Георгиевич всегда имел с собой в пути св. иконы, названия которых составляют деисусную композицию, являвшуюся, по-видимому, частью походного иконостаса (В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII — XIII вв.—«Краткие сообщения», вып. XIII, 1946, стр. 75).

[67] Там же, стр. 73.

[68] В. Н. Лазарев. История..., I, стр. 124, 169. В настоящее время В. Н. Лазарев считает мозаику произведением конца XIII — начала XIV в.

[69] Инвент. № 53066; Р. М. 9/726.

[70] Московский Публичный и Румянцевский музей. Путеводитель по отделению древностей. М., 1909, стр. 8, № 726.

[71] А. В. Банк указывает, что византийские мастера перестают пользоваться энкаустической техникой в IX в. С X—XII вв. они начинают работать темперой (А. В. Банк. Указ. соч., стр. 9). Наличие энкаустической техники в нашей мозаике показывает, что традиция работы восковыми красками продолжается несколько долее.

[72] Сравни типы юных святых Георгия и Пантелеимона (прямо, полуфигуры) на таблетках из поливной керамики (ГИМ, № ОВЛ 140/а) VII—VIII вв. из Никомидийских катакомб, а также изображение полуфигуры Георгия XII в. (с тонким овалом лица, со скошенными вправо зрачками) на византийской иконе. (O. Wulff, M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei in Kunstgeschichtlicher Folge. Dresden, 1925, p. 126—128, Abb., 51); Памятники Синая археологические и палеографические, под редакцией В. Н. Бенешевича, вып. I. Л., 1925, стр. 37).

[73] В. Н. Лазарев. История..., т. I, стр. 221.

Художественный стиль нашей мозаики отличается двойственностью, отразившейся в сосуществовании в ней передовых и архаизирующих тенденций. К архаизирующему направлению, корни которого уходят в искусство XII в., следует отнести строго фронтальное положение фигуры Эммануила, плоский серебряно-золотой фон, нимб неправильной вытянутой формы, тяжело падающие спокойными складками одежды, в которых отсутствуют еще развевающиеся, как на ветру, края [74]. Колорит мозаики сдержанный, данный в охристо-зеленой приглушенной гамме, с уже появляющимися в лице нежными цветовыми нюансами. Но пестрота колорита еще отсутствует.

К чертам нового направления принадлежит мягкая пластичная моделировка лица, шеи и рук, достигаемая тонкими переходами цветных кубиков, противопоставлением освещенных мест лица (щек) глубоким теням вокруг глаз, по овалу и на шее. Своеобразную рельефность складкам и объемной трактовке одежды придает комбинированная техника (энкаустическая живопись плюс мозаика). Разреженный набор кубиков мозаики приобретает характер бóльшей свободы и широты в распределении красочных пятен. Эти новые веяния в художественном стиле нашей мозаики говорят о широком использовании эллинистической традиции. На основе существования двух противоречивых художественных направлений мозаичистом было найдено какое-то свое собственное, оригинальное художественное решение мозики, был подобран своеобразный природный материал для кубиков мозаики, состоящий из темной охристо-зеленой приглушенной гаммы. Эти кубики мозаики, набранные редко (по-видимому, специально), искусно сочетались с предварительной энкаустической живописью по восковой основе. Все указанное характеризует нашу мозаику как памятник переходного стиля ранней Палеологовской эпохи, характеризующейся стремлением возродить византийскую культуру на основе античных традиций. Нашу мозаику на этом основании можно отнести к одному из ранних образцов миниатюрных мозаик на восковой основе и датировать ее концом XIII в.

По-видимому, мозаичист в поисках решения художественной формы нашей мозаики был поставлен перед задачей создания новой отрасли искусства малых форм. В своих исканиях этих новых художественных решений он использует ряд комбинированных живописных приемов, заимствованных им из разных областей византийского искусства: из иконописи (энкаустика), миниатюры и цветной эмали [75]. Это сочетание различных технических приемов и достигаемое при этом богатство художественного эффекта является главным датирующим моментом, позволяющим отнести нашу мозаику к тому времени, когда новый стиль миниатюрных мозаик и их специфическая техника только еще складывались.

По своим художественным особенностям и размеру наша мозаика должна занять промежуточное место между мозаиками так наз. «большой» группы (согласно классификации Демуса) и памятниками миниатюрных мозаик, исполненными уже полностью из кубиков смальты на восковой основе и относящимися уже к периоду расцвета искусства этих миниатюрных мозаик при дворе Палеологов (XIII—XIV вв.).

---

[74] Как, например, у Самуила (Эрмитаж), который дан в профиль в длинной одежде с падающими каскадом складками, концы которых как бы относит ветром.

[75] На аналогичные художественные особенности миниатюрных мозаик указывает Н. П. Кондаков (указ. соч., стр. 104; O. D e m u s. Op. cit., p. 90). По своему художественному эффекту прием золотой шрафировки складок на одежде Эммануила очень близок к золотой ассистке иконы и к технике перегородчатой эмали. Н. П. Кондаков считал, что выпуклый нимб мозаичного Иоанна Златоуста (США) исполнен в подражание эмалевым нимбам (Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 117). По мнению В. Н. Бенешевича, мозаическая техника подражает эмалям (Памятники Синая..., стб. 38).

Золотые поля иконы с врезанными в доску и левкас цветными стеклами без оправы А. И. Анисимов считает древним византийским приемом, заимствованным у Византии уже в XII в. Русью и Западной Европой [76].

Местом изготовления нашей мозаики, по-видимому, был Константинополь, может быть одна из придворных мастерских, которые были заняты производством предметов роскоши и размещались в помещении Большого императорского дворца. Здесь производились роскошные мозаики, шедевры ювелирного искусства, узоры и орнаменты парадных шелковых одежд, музыкальные инструменты, различные украшения и т. д. [77]. От работников этих мастерских требовалась исключительно высокая квалификация [78].

В XIII в. в эпоху тяжелых экономических и военных потрясений для государства мастера-мозаичисты, создавшие нашу мозаику, сумели сберечь свою высокую квалификацию и художественные традиции лучшей поры византийского искусства [79].

---

[76] А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи.—«Вопросы реставрации», т. II. М., 1925, стр. 125—126, 177 и др. См. также Н. Н. Черногубов. Икона Бориса и Глеба в Киевском музее русского искусства—«Древнерусское искусство XV — начала XVI веков». М., 1963, стр. 289. Этот прием украшения икон встречается в древнерусских памятниках XII в., напр. на иконе «Спаса нерукотворного» XII в. из Успенского собора (ГТГ) (А. И. Анисимов. Указ. соч., стр. 123—126).

[77] В. Н. Лазарев. История..., I, стр. 124; А. В. Банк. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева, стр. 188 и прим. 5.

[78] Я. М. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе.—ВВ, II, 1951.

[79] Всемирная история, т. III. М., 1957, стр. 419.

П. П. ЗАКАРАЯ, В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

ШУХУТСКАЯ БАНЯ

В марте 1961 г. в селе Шухути Ланчхутского района Грузинской ССР (в 32 *км* к юго-востоку от г. Поти, расположенного на месте античного города Фазиса), во время земляных работ на приусадебном участке одного из местных колхозников был случайно выявлен мозаичный пол какого-то сооружения. В мае этого же года на место указанной находки выехала археологическая экспедиция Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Экспедиция (руководитель П. П. Закарая) полностью раскопала сооружение, в одном из помещений которого находился мозаичный пол. Раскопанное сооружение, состоящее из пяти помещений, оказалось баней (см. рис. 1 и 2), о чем свидетельствовал общий план постройки, а также остатки подпольной отопительной системы. От бани почти полностью сохранились фундамент и в весьма незначительной степени стены, в которых не удалось выявить даже следов от дверных проемов.

Фундамент и стены бани сложены из рваного или слегка обработанного базальта. Кирпичом же выложены только отверстия, соединявшие подполья двух западных комнат бани. По-видимому, кирпич был применен здесь и при устройстве всех других несохранившихся проемов, как это наблюдается у одновременного с баней жилого сооружения, расположенного у ее юго-западного угла (см. рис. 9) и раскопанного нами в 1962 г. Не исключена возможность, что в стенах бани имелись также кирпичные слои, которые были расположены выше сохранившегося уровня стен. В этом случае мы имели бы дело с так называемой смешанной кладкой (opus mixtum), которая чаще всего встречается в позднеантичных и раннесредневековых сооружениях Западной Грузии [1].

Шухутская баня построена по распространенному типу небольших римских бань, которые определяются Е. Пфретцшнером как «кастельные (крепостные) бани» с помещениями, «расположенными в ряд» [2]. Именно к этому типу бань, именуемому здесь для удобства «анфиладными» [3], относятся почти все известные древнейшие бани, обнаруженные

[1] В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике.—«Вестник Гос. Музея Грузии», т. XXII — В, 1961, стр. 137—167.

[2] E. Pfretzschner. Die Grundrissentwicklung der römischen Thermen. Strassburg, 1909, S. 36—38. Классификация Е. Пфретцшнера римских бань исходит из назначения и устройства сооружений. Однако известна также и другая классификация бань, предложенная Д. Кренкером и Е. Крюгером, которые исходят из другого принципа, а именно из направления переходов купающихся из одного отделения бани в другое. И в этой классификации интересующий нас тип бань именуется почти аналогичным образом («Ряд — типом») (см. D. Krencker, E. Krüger. Die Trierer Kaiserthermen. Augsburg, 1929, S. 177).

[3] Под «анфиладой» в данном случае подразумевается только композиция помещений, но не расположение дверей, которые могли не находиться друг против друга.

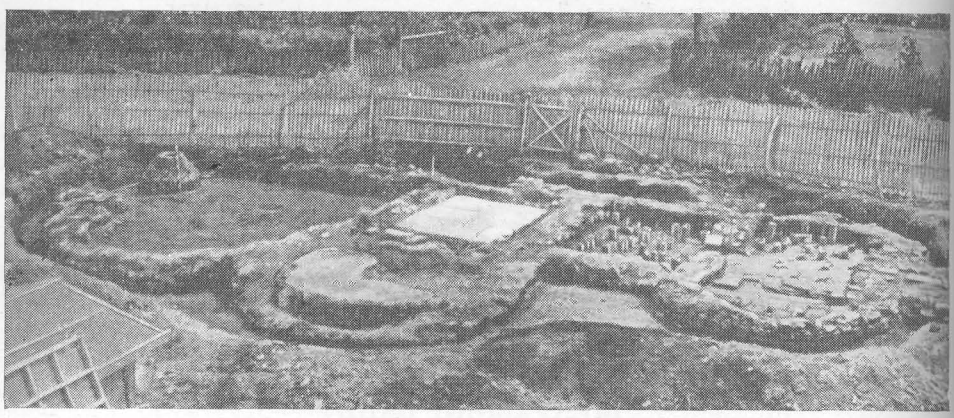


Рис. 1. Общий вид остатков бани

на территории Грузии в Армази [4], в Бичвинте [5] и Урбниси [6], а также в соседней Армении в Гарни [7].

Шухутская баня вытянута с запада на восток (размеры ее 17 × 9 *м*). К западной ее стороне примыкает небольшая прямоугольная пристройка (внутренние ее размеры 0,80 × 1,25 *м*), в которой, несомненно, нужно видеть топку бани — praefurnium. Небольшие размеры этой пристройки свидетельствуют о том, что она не могла являться каким-либо помещением. Внутри нее можно было развести огонь, который с одной стороны подогревал воду в расположенном над ним котле, а с другой стороны обогревал два западных помещения бани с помощью обычной для античных и раннесредневековых бань отопительной системы.

О том, как подогревалась в топках описываемого типа вода, имеются сведения в сочинении Палладия, жившего в IV в. н. э. Он сообщает: «...свинцовый же милиарий (сосуд), под которым помещается медный лист, мы поставим прямо над очагом снаружи... к этому милиарию должна выходить трубка такой же величины, проводящая внутрь бани столько же горячей воды, сколько холодной влаги поступает в милиарий из первой трубки» [8].

В отличие от описываемой Палладием бани, в Шухутской бане должно было быть две ванны, соединенных трубками с милиарием. Об этом свидетельствуют следующие данные: 1) остатки двух керамических труб, сохранившихся в противоположных концах помещения, к которому примыкала топка. Через эти трубы, имеющие уклон наружу, выливалась из обоих ванн использованная вода (см. разрез 1—1 на рис. 2); 2) сходство обоих концов помещения, завершающихся абсидами, в которых должно было быть установлено по ванне; наконец, 3) расположение топки, удаленной на одинаковые расстояния от обоих ванн.

---

[4] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Тбилиси, 1958 (далее — Мцхета), стр. 165—180.

[5] Р. М. Рамишвили. Археологические раскопки в Бичвинте.—«Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. III, 1963, рис. 1 (на груз. яз.).

[6] Урбнисская баня вскоре будет опубликована в монографии П. П. Закарая. Кроме перечисленных, в Грузии была обнаружена еще одна баня в Багинети (см. А. М. Апакидзе. Города и городская жизнь в древней Грузии. Тбилиси, 1963, рис. 99. — На груз. яз.), которая, как нам кажется, относится к «домовому» типу.

[7] Г. А. Тирацян. Памятник коммунальной техники древней Армении — баня в крепости Гарни.—«Историко-филологический журнал», № 2—3 (5—6). Ереван, 1959, стр. 265—280.

[8] Палладий. О сельском хозяйстве, I, 40—41 (см. В. П. Зубов, Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. М., 1940, стр. 213).

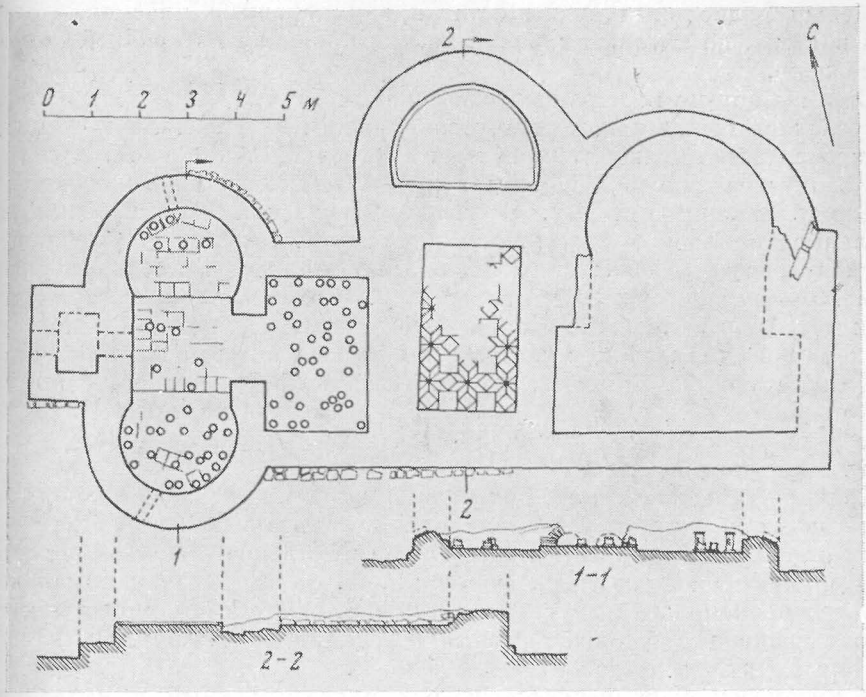


Рис. 2. План и разрезы бани

О том, как отапливались два западных помещения бани, можно судить не только по сообщениям древних авторов, но также и по остаткам гипокаустов — отопительной системы, которая частично сохранилась в виде подполий, куда проникал из топки горячий воздух, обогревавший пол обеих комнат. Пол подполья в смежном с топкой помещении был вымощен кирпичами двух размеров (0,33 × 0,30 и 0,20 × 0,30 *м*). Пол же подполья второй обогревавшейся комнаты был просто залит цемянкой. В первом помещении пол подполья отличался также и тем, что он был неровным: в абсидальных концах помещения он на 5—6 *см* был ниже, чем в средней части, выступающей в виде невысокой ступеньки. Углубленные части пола, возможно, указывают на размеры и форму ванн, расположенных выше, в абсидах.

На полу обоих подполий стояли in situ и валялись в беспорядке целые и поломанные полые банкообразные керамические стойки, на которых держался когда-то пол отапливаемых помещений (см. рис. 3). Эти цельные пустотелые стойки, снабженные по бокам двумя отверстиями (0,12 × 0,04 *м*), имели в высоту 0,38 *м* при диаметре в 0,14 *м*[9]. Интересно, что описываемые стойки, найденные in situ, были расположены в подпольях не обычными правильными рядами, а без всякой системы и в явно большем количестве, чем это было принято в аналогичных случаях.

В подпольях были найдены и остатки обогреваемого пола, представленного обломками квадратных керамических плит (0,50 × 0,50 *м* при толщине в 6—7 *см*), которые укладывались поверх стоек.

[9] Аналогичные стойки гипокаустов были найдены в Урбниси, в Гарни (Г. А. Тирацян. Указ. соч., стр. 271), в Хараксе (В. Д. Блаватский. Харакс. М., 1951, рис. 54, стр. 253), в Хисаре (Д. Цончев. Хисарските бани.—«Годишник на Пловдивск. нар. библ. и музей 1935—1936». София, 1937, стр. 140—141), в Стоби (E. Kitzinger. A Survey of the Early Christian Town of Stobi. — DOP, 3, 1946, tabl. 201), в Истрии (Histria, I. Bucureşti, 1954, pl. 52) и в Поролисуме («Materiale şi cercetări arheologice», VII. Bucureşti, 1961, p. 379, pl. 16).

Между подпольями видны остатки двух арочных проемов — отверстий в стене, по которым горячий воздух проникал из крайней комнаты в смежную.

Стены в античных и раннесредневековых банях, как известно, также обогревались горячим воздухом, проникавшим из подполья в специальное пространство между стенами и их внутренней облицовкой. Пространство это устраивалось с помощью специальных керамических деталей, имевших различную форму. В завале Шухутской бани черепки этих деталей находились в достаточном количестве. Однако чрезмерная их фрагментарность, к сожалению, не позволяет точно установить первоначальную форму интересующей нас детали. В бане могли быть применены и так наз. tubuli, представляющие собой плоские прямоугольные в сечении керамические трубы, у которых помимо основных продольных отверстий имелись также и боковые [10]. Могли быть применены здесь для указанной цели и соленовидные детали с вырезами в бортиках [11]. Детали этого рода представляют собой, по сути дела, точную продольную половинку вышеупомянутых tubuli.

Крайнее западное помещение бани, судя по примыкавшей к нему топке и наличию гипокаустов, являлось кальдарием (caldarium) — горячим отделением бани. Этому кальдарию свойственна весьма обычная для помещения указанного рода форма плана, характеризуемая наличием двух противоположных друг другу абсид [12]. Обе абсиды имеют изнутри резко выраженные подковообразные очертания, встречаемые и у абсид некоторых других позднеантичных бань [13].

В античных и раннесредневековых банях смежным с кальдарием помещением, также обогреваемым гипокаустами, являлся тепидарий (tepidarium) — теплое помещение, которое обычно не предназначалось для купания и не имело ванн, в связи с чем и по своим размерам должно было быть меньшим, чем остальные отделения [14]. Тепидарий являлся тем промежуточным (по расположению и по уровню температуры) помещением, которое должно было смягчить у купающегося ощущение резкой перемены температуры перед тем, как войти или выйти из одного отделения бани в другое. Все сказанное как нельзя больше подходит к тепидарию Шухутской бани — второму помещению с запада, имеющему прямоугольную форму плана.

К тепидарию с восточной стороны примыкает секция бани, которая из-за плохой сохранности делящей ее поперек стены, а также благодаря наличию абсиды, произвела на нас сперва впечатление одного помещения, однако, в действительности здесь было два помещения. Одно из них — южное, непосредственно примыкающее к тепидарию и также прямоугольное в плане, являлось раздевалкой-вестибюлем (apodyterium), о чем свидетельствовала мозаика [15], полностью покрывавшая пол описываемого помещения и исключавшая возможность устройства здесь какой-либо ванны. Аподитерий по сравнению с другими комнатами Шухутской бани отличался более толстыми стенами, в связи с чем можно полагать, что

---

[10] J. Durm. Die Baukunst der Etrusker. Die Baukunst der Römer. Stuttgart, 1905, рис. 197.

[11] Мцхета, рис. 109; J. Durm. Op. cit., Zeich. 195.

[12] Бани с аналогичными кальдариями опубликованы в следующих работах: E. Pfretzschner. Op. cit., Tabl. IX —2,3,7 und X — 4; A. Grenier. Manuel d'archéologie gallo-romaine, IV1. Paris, 1960, pl. 128; Em. Kunze, H. Schleif. IV. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Berlin, 1944, Tabl. 22.

[13] Г. А. Тирацян. Указ. соч., рис. 1; H. Koethe. Die Bäder römischer Villen im Trierer Bezirk.—«30. Bericht der römisch-germanischen Kommission», 1941, Zeich. 20.

[14] Ч. Камерон. Термы римлян. М., 1939, стр. 110.

[15] Мозаичный пол имелся также и в Гарнийской бане (см. Б. Н. Арэкелян. Мозаика из Гарни. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 148—156, рис. 6—11).

описываемое помещение возвышалось над примыкающими к нему с трех сторон и затемнявшими его комнатами. Таким способом была разрешена в аподитерии проблема внутреннего освещения, без которого был бы невидим мозаичный пол. Он освещался окнами, расположенными в аподитерии над кровлями примыкавших помещений. Аподитерий должен был иметь в каждой из четырех стен по дверному проему, из которых дверь в южной стене являлась, несомненно, единственным входом в Шухутскую баню.

Аподитерий Шухутской бани отличался также и весьма небольшими размерами. Это обстоятельство, по-видимому, говорит о том, что баня была частной, а не общественной.

К аподитерию примыкала с северной стороны подковообразная в плане комната — единственное помещение бани, не связанное с ее анфиладной композицией. От этой комнаты сохранился пол, на гидравлический характер которого указывает покрывавшая его розоватая цемянка (opus signinum). Вдоль края пола тянулся замыкающийся невысокий валикообразный выступ, который, возможно, препятствовал проникновению собиравшейся на полу воды в кладку стен.

Несмотря на наличие пола, от подковообразной комнаты очень плохо сохранился фундамент — его остатки расположены намного ниже пола (см. рис. 1 и разрез 2—2 на рис. 2). О назначении описываемой комнаты мы не можем пока сказать ничего определенного, несмотря на то, что аналогичные по расположению и по форме плана помещения в анфиладных банях известны. В одном случае упомянутые помещения являлись сплошными бассейнами, которые должны были играть роль холодных отделений (frigidarium), так как при этом других помещений аналогичного назначения у анфиладных бань не имелось. Примером этого служит римская баня в Вельцхейме (см. рис. 4,*а*) [16]. В другом же случае рассматриваемые помещения служили потельнями (sudatorium), как это было у римской бани в Вюрцберге, где, кстати сказать, интересующее нас помещение также имело подковообразную форму (см. рис. 4,*б*) [17].

Последнее из описываемых помещений (крайняя восточная комната бани) являлось фригидарием, представлявшим собой прямоугольное помещение, к северной стороне которого примыкает подковообразная изнутри и полукруглая снаружи абсида. Юго-восточный угол фригидария (а также и всей бани) сильно пострадал в позднефеодальную эпоху при устройстве здесь ямы, куда был опущен большой винный кувшин (видимый на фото — см. рис. 1). Представление о внутреннем устройстве фригидария дают остатки двух водопроводных керамических труб, имеющих с одного конца утоньшения для вкладывания этого конца в соседнюю трубу. Направление утоньшенных концов труб внутрь бани свидетельствует о том, что мы имеем дело именно с водопроводом, а не с канализацией. Направление же всего водопровода говорит о том, что наполняемый им водою бассейн — обязательная деталь каждого фригидария — находился здесь не в абсиде, а в противоположном ей южном конце помещения — как раз там, где продольные стены имеют друг против друга по прямоугольной нише. Ниши эти, надо думать, были устроены специально для удлинения бассейна, достигавшего благодаря этому в длину 5 *м*. В таком бассейне можно было плавать.

Описанный фригидарий являлся в бане самым большим помещением — это объясняется, по-видимому, тем, что его не нужно было обогревать.

Общая планировка Шухутской бани, как и у всех остальных анфиладных бань, была обусловлена в первую очередь характером банной процедуры, выработанной бытовой культурой позднеантичного мира.

---

[16] E. Pfretzschner. Op. cit., Tabl. IX — 3.
[17] Ibid., Tabl. VI — 7.

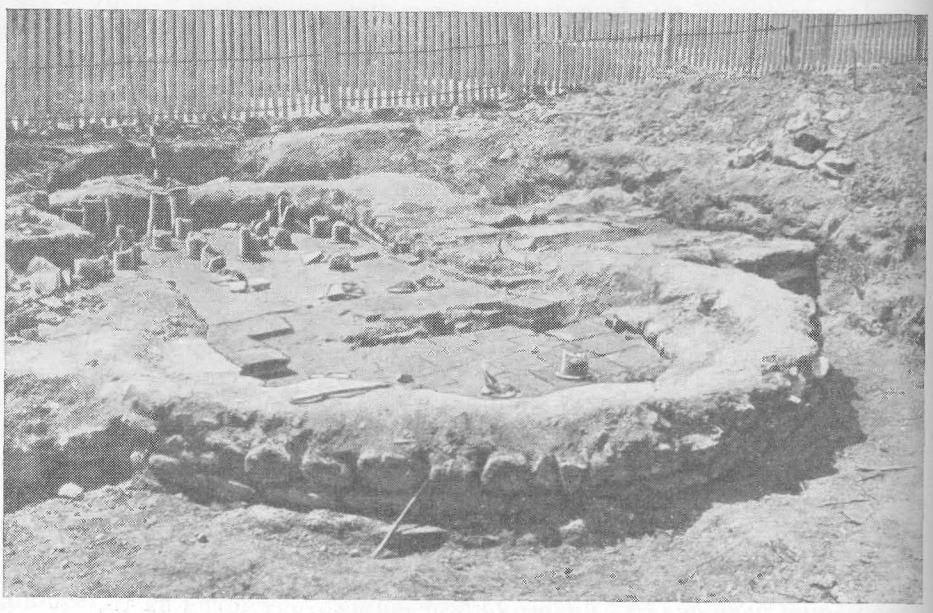


Рис. 3. Кальдарий бани

Ориентирована баня в соответствии с описанием античных бань Витрувием. В этом описании говорится, что горячее отделение бани должно было обогреваться снаружи солнечными лучами после полудня, т. е. в то время, когда полагалось купаться [18]. Вместе с тем в общей планировке бани намечается, хотя и не очень последовательно, тенденция иметь помещения (или части) одинаковой формы — в виде прямоугольника, к одной стороне которого примыкает абсида. Именно такой формой характеризуются у описываемой бани фригидарий, аподитерий с подковообразной комнатой и, отчасти, кальдарий. Непоследовательность же в данном случае выражается в том, что кальдарий бани имеет две абсиды, в то время как тепидарий — ни одной. В связи с этим создается впечатление, что у тепидария «убрали» одну абсиду и «пристроили» с южной стороны к кальдарию.

Говорить о вышеупомянутой тенденции приходится в связи с тем, что она в более последовательном виде наблюдается почти у всех закавказских позднеантичных анфиладных бань (в наибольшей степени у Гарнийской, в меньшей у Армазской и Урбнисской), которые отличаются в этом отношении от подавляющего большинства римских бань, имевших, как правило, помещения различной формы. Последнее обстоятельство делает Шухутскую баню, по сравнению с другими банями Закавказья, наиболее близкой баням Римской империи.

Среди остальных позднеантичных бань Закавказья Шухутская баня является также пока наиболее усовершенствованным сооружением этого рода, о чем говорят более рациональный характер ее планировки, более сложное устройство топки и наибольшее количество помещений различного назначения.

Интересно отметить, что в расположении помещений Шухутской бани отмечается некоторое своеобразие. Обычный порядок помещений в аналогичных банях с тем же составом помещений выглядел следующим образом. Первой и крайней комнатой в анфиладе являлся аподитерий, затем шел фригидарий, затем тепидарий, и, наконец, кальдарий. Соответствен-

[18] Витрувий. Десять книг об архитектуре, перев. Ф. А. Петровского. М., 1936, стр. 106 сл.

по этому порядку купающийся, прежде чем попасть в тепидарий и кальдарий, должен был обязательно пройти из аподитерия через фригидарий, который таким образом вместе с тепидарием образовывал два промежуточных по уровню температуры и по расположению помещения [19]. В Шухутской же бане посетитель из аподитерия попадал прямо в тепидарий. Вернувшись после купания в кальдарии тем же путем обратно в аподитерий, посетитель мог по желанию войти в фригидарий или же вообще не входить сюда. В связи с этим фригидарием здесь, возможно, пользовались только летом. Зимой же, в силу особого расположения фригидария в бане, посетители могли избегать даже «вида» холодной воды. В связи с предположением о летнем функционировании фригидария сделалось бы возможным существование в бане второго фригидария, которым, как уже говорилось, могла оказаться подковообразная комната. Обычно в банях описываемого типа двух фригидариев не бывает, более того — и аподитерий, и фригидарий в них часто устраивают в одном помещении, как это наблюдается, например, в Армазской и Урбнисской банях; но в Шухутской бане, в связи с существованием летнего фригидария, возможно, имелся и второй — зимний.

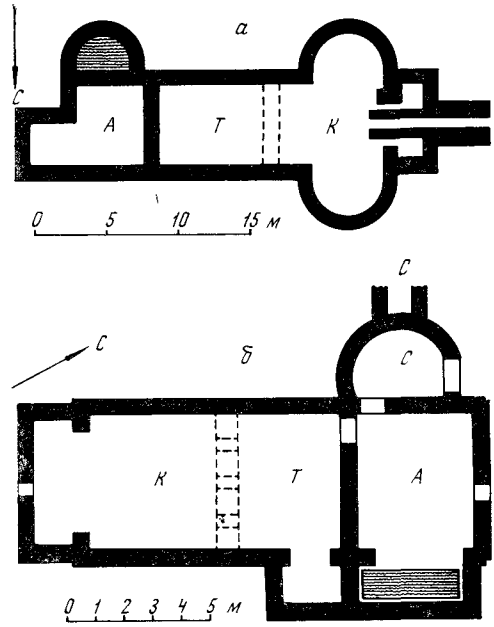


Рис. 4. Римские бани в Вельцхайме (*а*) и в Вюрцберге (*б*) — по Е. Пфретцшнеру. *А* — аподитерий; *Б* — тепидарий; *К* — кальдарий; *С* — потельня; *П* — топка

Как уже говорилось, в аподитерии Шухутской бани был обнаружен мозаичный пол, который является в данном случае настолько интересной деталью, что требует отдельного рассмотрения. Размер этого пола равен 2,00 × 3,50 *м*. От него сохранилось приблизительно 50% первоначальной площади, под которой находился пятнадцатисантиметровый слой известкового раствора розоватого цвета (opus signinum). Слой этот, в свою очередь, лежал на подсыпке из щебня. Шухутская мозаика выполнена техникой opus tesselatum, для которой характерно применение кубиков приблизительно одинаковой формы и размера (в среднем 1 *см*^{2}). Кубики изготовлены из следующих материалов: 1) черный песчаник, 2) известняки белого, желтоватого и зеленоватого оттенков, 3) темнокрасный андезит (иногда коричневатого оттенка) и 4) яркокрасная керамика.

---

[19] О процедуре купания в анфиладных банях писалось еще в 1929 г. (см D. K r e n c k e r, E. K r ü g e r. Op. cit., S. 177). Издатель материалов об Армазской бане считает, что аподитерий в ней примыкал к топке, над которой предполагался вход в кальдарий. Посетители бани здесь якобы из аподитерия попадали прямо в кальдарий, откуда переходили в тепидарий, потом в фригидарий, а затем выходили из бани и по несохранившемуся коридору или двору возвращались назад в аподитерий (см. Мцхета, стр. 167 и 174). В действительности помещение, принимаемое в Армазской бане за аподитерий, не сообщалось с кальдарием. Это видно по сохранности стен кальдария, ясно говорящей о том, что последний имел только одну дверь — в тепидарий. Таким образом, в Армазской бане и фригидарий, и аподитерий находились в одном помещении, в котором только и имелся второй дверной проем — наружу.

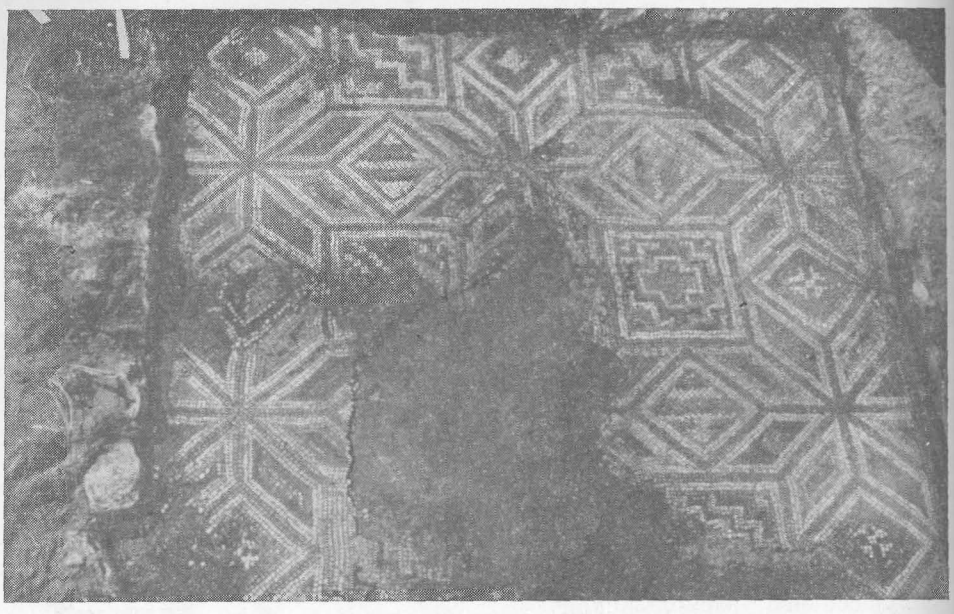


Рис. 5. Мозаичный пол бани

На всем полу аподитерия был набран без обычного бордюра один из самых распространенных видов мозаичного геометрического узора, именуемый обычно в специальной литературе «квадратами и восьмиконечными звездами» (см. рис. 5). В этом узоре, набранном контурными линиями черных кубиков, основными фигурами являлись два продольных ряда «обычных» квадратов, между которыми были помещены квадраты, «стоящие на углах». Промежутки же между теми и другими квадратами образуют фигуры восьмиконечных звезд, составленных из ромбов.

Описанный узор появляется впервые в римских мозаичных полах с середины I в. н. э. [20]; в мозаиках II и III вв. он делается особенно популярным и повсеместным [21], с чем было связано, возможно, его воспроизведение и в орнаментации римских сводов [22]. Весьма обычен был этот узор и в мозаиках IV и V вв. [23], но самым поздним известным нам примером его воспроизведения является мозаика IX в. из мусульманского сооружения в Раккаде близ Кайруана (Сев. Африка) [24].

В узоре Шухутской мозаики контурные линии расположены таким образом, что создается впечатление об определенной последовательности

---

[20] M. E. Blake. The Pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire.—«Memoirs of the American Academy in Rome», vol. VIII, 1930, p. 111.

[21] G. Lafaye, A. Blanchet. Inventaire des Mosaiques de la Gaule et de l'Afrique, I. Paris, 1909, № 11, 160, 164, 174, 299; Antioch on-the-Orontes, II. Princeton, 1938, tabl. 39 and 59; ibid., III. Princeton, 1941, tabl. 78, 80; K. Parlaska. Die römischen Mosaiken in Deutschland. Berlin, 1959, tabl. 9, 16_3, 20_2, 52_1 u 57_3; H. Sichtermann. Archäologische Funde und Forschungen in Libien Kyrenaika 1951—1962, Tripolitanien 1942—1961. —«Archäologischer Anzeiger», 3. Berlin, 1962. Zeich. 74.

[22] M. F. von Oppenheim. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, I. Berlin, 1899, S. 311.

[23] F. Knoll. Die Marienkirche in Ephesos.—«Forschungen in Ephesos», Bd., IV, H. 1. Wien, 1932, Zeich. 36, Tabl. III; Gerasa. City of the Decapolis. New-Haven, 1938, p. 310, Tabl. LVIII; R. Egger. Römische Antike und frühes Christentum. Klagenfurt, 1962, S. 54, Zeich. 2; R. F. Hoddinott. Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. London, 1963, p. 42, 161, 162, pic. 23, tabl. 36a, b; 41a, 42d.

[24] G. Marçais. Manuel d'art musulman, I. Paris, 1926, p. 42—44, tabl. 19.

выполнения мозаичистом различных фигур и линий описанного узора. Раньше всего кажутся набранными контуры квадратов, углы которых «врезаются» в концы соединявших их полос (см. рис. 6). Из этих полос проведенными в первую очередь кажутся те, которые соединяют наискось углы «обычных» квадратов. И уже после всего этого кажутся соединенными малые «стоящие на углах» квадраты, так как соединявшие их горизонтальные и вертикальные полосы прерываются в точке пересечения с предыдущими косыми линиями. Все изложенное, конечно, не говорит о том, что в мозаике действительно были выполнены сперва контуры квадратов, а затем звезд. Однако с помощью этой кажущейся последовательности в большей степени выделилась основная фигура геометрического узора — квадраты, которые и в композиционном отношении занимают здесь главное место по сравнению со звездами. Именно в этих квадратах размещены заполняющие элементы мозаичного декора, содержащиеся здесь наравне с основным узором.

Большинство квадратов Шухутской мозаики имеет несложный узор в виде параллельных, разноцветных и направленных по диагонали полос. В некоторых квадратах полосы эти образуют зигзаги, напоминающие паркетный узор, который можно встретить повсеместно на территории Римско-Византийской империи, как в позднеантичных, так и раннесредневековых мозаиках [25].

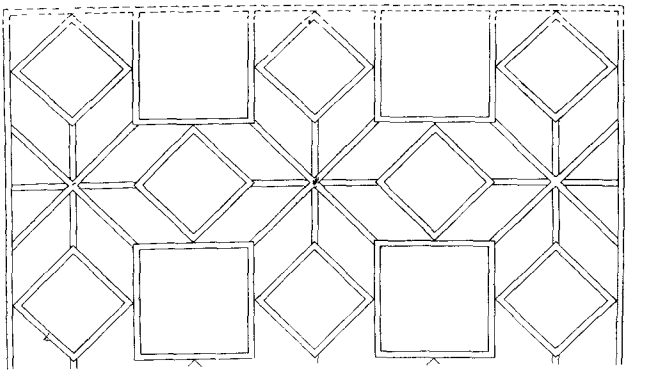


Рис. 6. Схема основного узора мозаики

Наиболее сложный узор — в виде плетенки из трех замкнутых жгутов (см. рис. 7,*а*) — сохранился частично лишь в одном из квадратов. Этот узор также был весьма обычен как в мозаиках позднеантичного времени [26], так и в раннесредневековых [27].

В качестве узоров, расположенных внутри квадратов шухутской мозаики, очень часто применялись изображения крестов двух видов. Кресты первого, более простого и меньшего по размерам, вида находились в квадратах, «стоящих на углах». Изображения, наиболее близкие этому виду креста, известны нам пока только в раннехристианских мозаиках IV—V вв. [28], причем отмеченное сходство заключается в том, что мы имеем дело с крестами, у которых толщина ветвей состоит из двух

[25] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.— Л., 1959, стр. 225.

[26] С. Ислами, В. Д. Блаватский. Аполлония Иллирийская. Альбом М., 1959, табл. 34; K. Parlasca. Op. cit., tabl. 57$_3$; G. Lafaye, A. Blanchet. Op. cit., № 164, et cet.

[27] D. Levi. Antioch mosaic pavements. Princeton, 1947; t. I, p. 257, 279, t. II, tabl. CVIII a, CXII a.

[28] E. Marec. Monuments chrétiens d'Hippone. Paris, 1958, p. 7, 31 a-b, 33, 50, 81.

кубиков. Аналогичные же кресты, но с ветвями толщиною в один кубик, были обычны и в мозаиках II—III вв. [29]

Второй, более сложный, вид креста, отличающийся большими размерами, снабжен характерной деталью в виде четырех отростков, отходящих в разные стороны от концов его ветвей (см. рис. 7,*б*). С этим узором, несомненно, связано в мозаике другое изображение внутри одного из больших квадратов — точная «половинка» креста с отростками (см. рис. 7,*в*). Такое «частичное» изображение креста говорит, по-видимому, о том, что он и в целом виде не являлся в мозаике эмблемой, а играл здесь чисто декоративную роль [30].

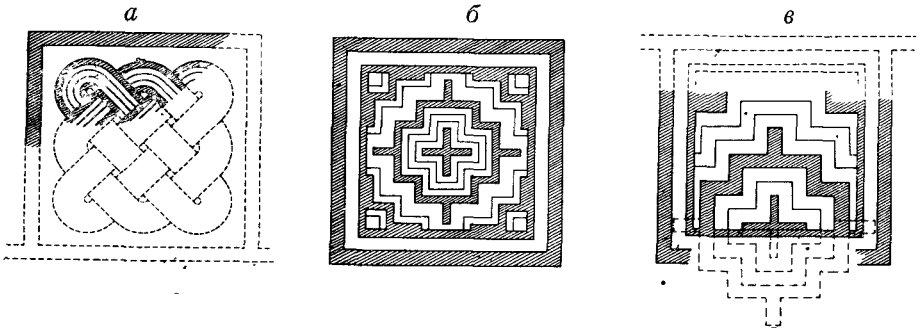


Рис. 7. Элементы мозаичного узора

Описанный крест «с отростками» представляет в данном случае интерес в связи с тем, что он не является таким повсеместным и столь долго бытовавшим мозаичным мотивом, как все остальные элементы узора шухутской мозаики, включая и ее основной узор в виде «квадратов и восьмиконечных звезд». Изображения описанных крестов «с отростками» известны нам только в северных и восточных районах Римско-Византийской империи, а именно: в Северном Причерноморье (см. мозаику VI в. в северной ветви Херсонесского крестообразного храма) [31], в Антиохии и ее окрестностях [32], а также в Ливане [33]; причем в антиохийских и ливанских мозаиках, так же как и в шухутской, наряду с целыми крестами имеются также и изображения их «половинок». Упомянутые здесь для сравнения мозаики с крестами и их «половинками» датируются сравнительно небольшим промежутком времени (IV, V и началом VI в.), причем большая часть этих мозаик относится к IV и V вв., поэтому и шухутскую мозаику вместе с баней нужно датировать в пределах указанного времени.

Данные для более точной датировки Шухутской бани нужно, по-видимому, искать в особенностях самого сооружения. В частности, такая

---

[29] R. P. Hinks. Catalogue of the Greek, Etruscan and Roman Paintings and Mosaics in the British Museum. London, 1933, pic. 76, p. 70; K. Parlasca. Op. cit., tabl. 35_5, 51_2, 52_4, 53_2, 60_1.

[30] Интересно отметить, что оба описанных и связанных между собой в мозаике узора встречаются вместе и в отдельности и в декоре совершенно иного характера, а именно в архитектурных орнаментах древних эфиопских церквей (см. D. R. Buxton. Ethiopian Rock-hewn Churches.—«Antiquity», vol. XX, № 78, june 1946, tabl. IVb.), а также в византийской церковной фресковой живописи (см. Th. Wiegand. Der Latmos.—«Milet», Bd. III, H. 1. Berlin, 1913, Tabl. III_2).

[31] А. Л. Якобсон. Указ. соч., рис. 125, стр. 240. На описываемые кресты похожи также изображения крестов на мозаике IV в., найденной в Пауталии (см. Т. Иванов. Паметници от Пауталия. — ИБАИ, XXIII, 1960, стр. 223, рис. 19 и 20).

[32] Antioch on-the-Orontes, III. Princeton, 1941, p. 2, № 102, 158; D. Levi. Op. cit., t. I, p. 226, 261, 279, 283, 284, 290, 291, 307, pic. 157; t. II, tabl. LXIX a, CIX a, CXII c, CXIII a, CXVIII a, CXXIII b,, CXXIII c, CXX c-d.

[33] M. Chéhab. Mosaiques du Liban.—«Bulletin du Musée de Beyrouth», XIV. Paris, 1958, p. 99, tabl. XLVII et XLVIII.

деталь этой бани, как ее подковообразная комната, находит пока аналогии (по форме, расположению и, наверное, назначению) только среди позднеантичных бань (см. рис. 4) [34]. Известные же нам раннесредневековые бани, встречающиеся, кстати сказать, гораздо реже позднеантичных, упомянутой детали не имеют [35]. В связи с этим, наиболее вероятным временем сооружения Шухутской бани является, по-видимому, IV в.

К сожалению, во время раскопок Шухутской бани и расположенного рядом с ней сооружения не было найдено такого археологического материала, который смог бы подтвердить высказанную датировку. Обнаруженная

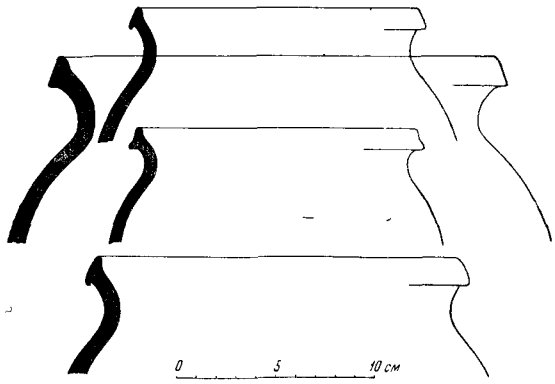


Рис. 8. Керамика из раскопок в с. Шухути

здесь в незначительном количестве керамика скорее сама может быть датирована с помощью бани. Керамика эта весьма маловыразительна и малочисленна. Упоминания заслуживают лишь небольшой фрагмент венчика лутерия и наиболее многочисленные здесь красно-бурые черепки кухонных горшков, имеющих приблизительно одинаковую форму при различных размерах (см. рис. 8). У этих горшков обращают на себя внимание отогнутые и заостряющиеся кверху венчики.

Как уже говорилось, в с. Шухути рядом с баней была выявлена в 1962 г., по-видимому, большая часть построенного одновременно с баней сооружения, с помощью которого определяется характер всего раскопанного объекта (см. рис. 9). Это сооружение, несомненно, являлось жилищем, которое вместе с баней и, по-видимому, другими нераскопанными или несохранившимися постройками должно было образовывать комплекс зданий, группировавшихся вокруг внутреннего двора. Только из этого двора можно было проникнуть и в баню, и в жилище, и в другие постройки. Такая планировка всего комплекса, а также характер обоих сооружений говорят о том, что мы имеем в с. Шухути скорее всего дело с богатой сельской виллой (так наз. villa rustica). Определение раскопанного объекта обусловливается, конечно, и учетом следующих обстоятельств: 1) стратегическая беззащитность территории с. Шухути, лежащей у подножья

---

[34] E. Pfretzschner. Op. cit., Tabl. VI, 7; VII, 1; IX, 3.

[35] См. Antioch on-the-Orontes, III, p. 19—23, tabl. V; A. M. Schneider. Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit.—«Mitteilungen des Deutsch Archäolog. Inst. Athenische Abteilung», LIV, 1929, S. 125, Zeich. 14; H. C. Butler. Ancient Architecture in Syria, div. II, sect. A, part 2. Leiden, 1909, pic. 59, p. 78, 79; div. II, sect. B, part 6, 1920, pic. 331, p. 301; Н. Петковић. Терме у Царичином Граду.—«Старинар», нов. сер., XII, Београд, 1961, стр. 19 и 20, рис. 7. На датируемую юстиниановским временем баню в Царицином Граде (Югославия) очень похожа раскопанная в 1952 г. баня в Бичвинте (древн. Питиунт), которая, как нам кажется, в связи с указанным обстоятельством также датируется VI столетием.

горы, а также отсутствие каких-либо следов фортификационных сооружений, свидетельствуют о том, что раскопанные здесь постройки не принадлежат крепости; 2) римские и византийские письменные источники, содержащие данные о колхских городах, ни одного из таковых, кроме Фазиса, в районе с. Шухути не упоминают.

Само по себе заслуживает внимания близость Шухутской виллы к Фазису, локализируемому приблизительно на месте современного г. Поти. Эта близость (30—35 *км*) свидетельствует о том, что вилла, несомненно, находилась в экономической, культурной и административной сфере названного города, который был, возможно, даже основным местом

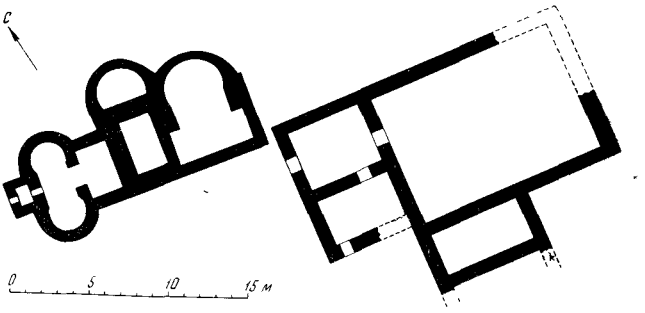


Рис. 9. План бани и раскопанного возле нее сооружения

жительства владельца виллы. Поэтому, говоря об обстоятельствах сооружения и существования виллы, необходимо учитывать и ту роль, которую играл Фазис в позднеантичной и раннесредневековой Лазике.

Фазис в указанную эпоху являлся торговым, культурным и религиозным центром страны, о чем свидетельствуют упоминания письменными источниками торгового населения [36], школы риторов [37] и святилища [38]. Фазис, расположенный в устье главной речной магистрали страны, играл роль пункта, через который в основном осуществлялось общение Лазского царства с соседними странами. Именно сюда приезжало наибольшее количество иностранных купцов, в связи с чем небезынтересно вспомнить и упоминаемые в Фазисе Агафием гостиницы [39]. Фазис был, несомненно, таким городом, в районе которого жизнь должна была быть особенно интенсивной, что и обусловило здесь, в частности, сооружение Шухутской виллы, являющейся для Лазики пока единственным памятником этого рода (все остальные известные монументальные сооружения страны были представлены до сих пор лишь фортификационными и культовыми постройками).

Шухутская вилла имеет отношение не только к Фазису, но и ко всей Лазике в целом. Вместе с недалеко от нее расположенными сооружениями Вашнарского городища (раннесредневековые базилика и мавзолей) [40] она свидетельствует о том, что юго-западная часть Колхиды (современная

---

[36] А р р и а н. Объезд Эвксинского Понта, 12 (В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, № 1, стр. 269).

[37] Ф е м и с т и й. Речи, XXVII (В. В. Л а т ы ш е в. Известия..., — ВДИ, 1948, № 3, стр. 263).

[38] А р р и а н. Объезд..., 11 (В. В. Л а т ы ш е в. Известия... — ВДИ, 1948, № 1, стр. 268); З о с и м. Новая история, I, 28 (В. В. Л а т ы ш е в. Известия...,— ВДИ, 1948, № 4, стр. 277).

[39] А г а ф и й. О царствовании Юстиниана, III, 23 (перев. М. В. Левченко. М.— Л., 1953, стр. 94).

[40] В. А. Л е к в и н а д з е. Указ. соч., стр. 153—165.

Гурия) в позднеантичное и раннесредневековое время в культурном отношении являлась одним из наиболее передовых районов Грузии, чему противоречил до сих пор факт бледного освещения этого района письменными источниками, как грузинскими, так и иноземными. Прокопий Кесарийский пишет даже, например, о том, что левобережная (от р. Риони) часть Колхиды «совсем безлюдна»[41]. «Безлюдной» эта часть страны могла быть лишь во время опустошительных византийско-персидских войн, происходивших тут в VI в. До упомянутых же войн (в течение IV и V вв.) в Колхиде была, вероятно, сравнительно спокойная обстановка, которая позволила сооружать здесь виллы с банями, подобными рассмотренной нами.

---

[41] Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, (перев. Сп. Дестуниса. СПб., 1876, стр. 223—224).

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

ВЫПУСК 6. РУКОПИСИ XIV ВЕКА*

557. Никита епископ Ираклийский. Толкования на беседы Григория Богослова: Ἐξήγησις τοῦ πανιερωτάτου μ(ητ)ροπολίτου Σερρῶν κῦρ Νικήτα εἰς τοὺς ἀναγινωσκομένους δεκαὲξ λόγους τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου. XIV в.

Бумага без филиграней. Лл. 1—5 добавлены в XV или в XVI в.; на этих листах филигрань сохранилась плохо (бык?). См. C. M. Briquet. Les Filigranes...,№№ 2782—2783. Курсив с большим числом сокращений. Имеются небольшие заставки, рисованные тусклыми красной и коричневой красками. Заголовки и инициалы киноварные. Листы нумерованы буквенной цыфирью, нумерации тетрадей нет. В начале, на л. 1 об., имеются плохо читаемые пометы XVIII и XIX вв. Переплет из тисненой кожи, застежки утрачены.

298 лл. 17,0×11,7 и 14,0×8,0. 30 строк.

Содержание: л. 1—1 об. Оглавление рукописи, написанное рукой XVIII в.; 2—2 об. чистый; лл. 3—13 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὸ ἅγιον πάσχα καὶ εἰς τὴν βραδυτῆτα. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 396_A — 401_B, толкования ibid., t. 36, col. 944_A — 969_A; лл. 14—89 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου Ναζιανζοῦν τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὸ ἅγιον Πάσχα καὶ περὶ τοῦ Ἀμβακούμ. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 624_A — 664_B, толкования ibid., t. 127, col. 1301_C — 1410_D; лл. 89 об. — 109. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου τοῦ Ναζιανζοῦν τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὴν καινὴν κυριακήν, καὶ εἰς ἔαρ, καὶ εἰς τὸν μεγαλομάρτυρα Μάμαντα. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 608_A—621_A, толкования ibid., t. 127, col. 1409_D—1434_D; лл. 109—142. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου π(ατ)ριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὸ ἅγιον πν(εῦ)μα καὶ εἰς τὴν πεντηκοστήν. Текст см. PG, t. 36, col. 427_A — 452_C, толкования ibid., t. 127, col. 1435_A — 1480_C; лл. 142 об. — 163 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου καὶ επισκόπου Ναζιανζοῦν εἰς τοὺς Μακκαβαίους. Текст беседы см. PG, t. 35, col. 912_A — 933_A. Толкования отожествить не удалось. Начало: «Ἐζητεῖτο παρὰ πολλοῖς, εἰ ἐν μάρτυσι τακτέον τοὺς Μακκαβαίους», конец: «Ἀλλ' ἢ τοὺς δοξάζοντάς με δοξάσω, καὶ ὁ ἐξουθενῶν με ἀτιμασθήσεται». См. выше описание № 509 (ВВ, т. XXV, 1964, стр. 209); лл. 163 об.—182 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου Ναζιανζοῦν τοῦ Θεολόγου εἰς τὸν ἅγιον ἱερομάρτυρα Κυπριανὸν ἐπιστάντα μετὰ μίαν τῆς μνείας ἡμέραν.

* Окончание. Начало см. ВВ, т. XXVII, 1967, стр. 273—294.

Текст беседы см. PG, t. 35, col. 1169_A — 1193_C. Толкования отожествить не удалось, но они совпадают с толкованиями на эту беседу, содержащимися в Cod. Vaticanus Graecus № 457, лл. 121—135 об. (см. Codices Vaticani Graeci, t. II. Codices 330—603. Rec. R. Devreesse. In Bibliotheca Vaticana, 1937, p. 219); лл. 182 об. — 201 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου Ναζιανζοῦν τοῦ Θεολόγου εἰς τοὺς λόγους καὶ εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανὸν συμμαθητὴν καὶ ἔκδικον Ναζιανζοῦν γενόμενον. Текст беседы см PG, t. 35, col. 1044_B — 1064_B. Толкования отожествить не удалось, но они совпадают с толкованиями на эту беседу, содержащимися в Cod. Vaticanus Graecus № 457, лл. 136—150 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 219); лл. 201 об. — 221. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου π(ατ)ριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Θεολόγου λόγος εἰς τὰ ἅγια Θεοφάνεια τοῦ κ(υρί)ου ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ. Текст беседы см.PG, t. 36, col. 312_A — 333_A, толкования ibid., t. 127, col. 1177_A — 1212_D; лл. 221—298 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Γρηγορίου π(ατ)ριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Θεολόγου λόγος ἐγκωμιαστικὸς καὶ ἐπιτάφιος τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας. Текст беседы см. PG, t. 36, col. 493_A — 605_A. Толкования отожествить не удалось, но они совпадают с толкованиями, содержащимися в Cod. Vaticanus Graecus № 457, лл. 172—235 (см. Codices Vaticani Graeci, t. II, p. 219).

Бумага по краям обветшала, корешок переплета разорван. Рукопись повреждена червями.

БАН, собр. РАИК, № 155 (старый шифр B11).

558. Никифор Каллист Ксанфопул. Συναξάριον εἰς τοὺς ἁγίους καὶ μεγάλους ἱεράρχας, ποίημα κῦρ Νικηφόρου τοῦ Ξανθοπούλου. **Вторая половина XIV в.**

Филигрань бумаги — арбалет неясного рисунка, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 299. Минускул. Заголовок написан тусклой красной краской. В обложке.

2 лл. 28,5×19,4 и 20,5×15,5. 2 столбца. 33 строки.

Об этом тексте см.: Bibliotheca Hagiographica Graeca, T. I. 3-me éd., Bruxelles, 1957, p. 245, № 746 xy; A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiogr. und homilet. Literatur der griech. Kirche. I. Teil, III. Bd., S. 847; H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 707 (= Bysantinisches Handbuch, 2. Teil, 1. Bd). Происхождение рукописи установить не удалось.

ПБ, греч. № 779.

559. Симеон Богослов. Отрывки из сочинений. XIV в.

Филиграни бумаги определить не удалось ввиду плохой сохранности. Курсив двух почерков. Заставки и инициалы рисованы чернилами и киноварью. На л. 1 об. помета: «Γήρισε φύλα ε̃». В обложке.

11 лл. 21,2×14,5 и 18,5×12,5. 2 столбца. 34—37 строк.

Содержание: [1] лл. 1—4 об. Συμεὼν τοῦ Νέου Θεολόγου περὶ προσοχῆς καὶ προσευχῆς. Текст отличается от текста, напечатанного в PG, t. 120, col. 701_B — 704_D; лл. 4 об. — 7 об. Τοῦ αὐτοῦ, ὅτι ἑπτὰ ἐργασίαι εἰσὶ τῆς ἀρετῆς. Начало: «Εἰσὶ νοήματα καλά, ὡς καὶ ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν ἔχοντα μαρτυρίαν», конец: «Ὀλίγα ἐν τῇ ψυχῇ τοῦ ἀκούοντος τὸν λόγον». Текст отожествить не удалось; лл. 7 об. — 8 об. «Ἐρώτ(ησις). Ἀδελφὸς ἐρώτησε γέροντα λέγων τίνες εἰσὶν οἱ ἀληθεῖς προσκυνηταί». Текст отожествить не удалось; лл. 8 об. — 10 об. Ἐκ τῶν κεφαλαίων τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ό)ς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ Νέου Θεολόγου περὶ ἀκηδίας. Начало: «Ἀκηδία καὶ βάρος τοῦ σώματος ἐξ ὀκνηρίας καὶ

[1] В новом исследовании В. Кривошеина (V. Krivochéine. Syméon le Nouveau Théologien, II. Paris, 1964) описываемая рукопись не учтена.

αμελείας», конец: «Τὴν πέτραν μὴ καταβαλὼν τὸν θεμέλιον». Текст отличается от текста, напечатанного в PG, t. 120, col. 624_A — 649_B; лл. 10 об. — 11 об. Ἐκ τῶν κεφαλαίων τοῦ ἁγίου Μακαρίου. Начало: «Πάσῃ δυνάμει φυλάττειν δεῖ τὴν ψυχήν», конец: «Ἐπιφανεῖσα τοῦτο ἡ κακία...» (дальше текст не читается). Текст отожествить не удалось.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 25.

Рукопись повреждена червями и сыростью.

ПБ, греч. № 574.

560. Филофей патриарх Константинопольский. Слово 12-ое против Григоры. Τοῦ αὐτοῦ ἁγιωτάτου καὶ σοφοῦ π(ατ)ριάρχου πρὸς τὸν αὐτὸν φιλόσοφον Γρηγοραν λόγος ἀντιῤῥητικὸς ἰβ̄ ὑπὲρ τῶν ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει τῷ Ἀθῳ μοναστῶν καὶ τῶν ἱερῶς ἡσυχαζόντων ἐκεῖ. **Конец XIV в.**

Филигрань бумаги: василиск, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 962—965. Минускул. Заголовок и инициалы написаны тусклой красной краской. Пометы к тексту. Из р-си Синайского монастыря № 457 (1646), тетради 39-ая—41-ая. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

25 лл. 28,2×21,7 и 20,8×13,6. 26 строк.

Текст см. PG, t. 151, col. 1109_B — 1138_D.

Собр. Порфирия Успенского. См. Бенешевич. Описание, 1, стр. 252—254, 607, причем Бенешевич датирует эту рукопись XV в. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 96.

Края листов повреждены червями.

ПБ, греч. № 244.

561. Наставление новокрещеного Иакова. Λόγος τινὸς Ἰακώβου Νεοβαπτίστου ἀπο Ἰουδαίων βαπτισθέντος ἐν Ἀφρικῇ ἐπὶ τοῖς χρόνοις Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως περὶ τῆς κινηθείσης αὐτῷ ἀμφιβολίας παρὰ Ἰωσήφ, Θεοδώρου καί Ἰσαακίου, καὶ αυτῶν ἀπο Ἰουδαίων νεοβαπτίστων. **Отрывок XIV в.**

Бумага без филиграней. Курсив. На л. 1 имеется рисованная чернилами заставка и помечен номер тетради — μγ̄. В обложке.

8 лл. 26,5×18,7 и 20,5×12,5. 28 строк.

Текст см. N. Bonwetsch. Doctrina Jacobi nuper baptizati. — «Abhandlungen der Akademie d. Wiss. zu Göttingen». Phil.— hist. Kl. N. F. Bd. XII, № 3. Berlin, 1910, S. 3—46, причем в рукописи текст обрывается на словах: «Παρὰ κυρίου πῦρ καί θεῖον ἐπὶ Σοδομα».[2]

Рукопись поступила в ПБ в 1919 г.

Края листов подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 777.

562. Сборник. XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Голова быка, точнее знак определить не удалось; 2) Шестиконечный крест, см. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. I—III. Спб., 1899, №№ 292—294; 3) Самострел, см. там же, № 308; 4) Лилия, см. там же, №№ 217—218; 5) Кувшинчик (или гиря?) см. там же, №№ 259—261. Курсив. Рукопись

[2] Описание этого сочинения в древнерусском переводе см. А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отдел 2-й, 2. М., 1859, стр. 308—310, № 156, л. 190; см. также И. Я. Порфирьев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. II. Казань, 1885, стр. 244—245, № 511, л. 4.

написана тремя писцами. Заставки и заголовки писаны красной краской разных оттенков и чернилами. Нумерации тетрадей не сохранилось. В картонном переплете XX в.

125 лл. 22,5×14,0. Размер текста и число строк различно.

Содержание: лл. 1—4. Феофана Керамевса беседа Εἰς τὴν τοῦ δικαίου Λαζάρου ἀνάστασιν. Начало утрачено. Текст см. PG, t. 132, col. 521_C от слов: „μὴ παρεῖναί με ἐν Βηθανίᾳ" до конца; лл. 4—6. Ὁμιλία εἰς τὴν Βαιοφόρον. Ἐλέχθη ἐν παρουσίᾳ τοῦ ῥηγὸς Ῥόγου. Текст см. ibid., col. 541_B — 549_B; лл. 6—13. Ὁμιλία εἰς τὰ εὐαγγέλια τοῦ σ(ωτηρ)ίου παθους. Текст см. ibid., col. 549_B — 605_C; лл. 13—14. Ὁμιλία εἰς τὴν Σαμαρεῖτιν. Текст см. ibid., col. 720_D — 744_A, причем текст рукописи отличается от печатного текста; лл. 14—16 об. Ὁμιλία εἰς τὴν σ(ωτηρ)ίου ἀνάληψιν. Текст см. ibid., col. 744_A — 764_A; лл. 16 об. — 19. Ὁμιλία εἰς τὴν ἐπιφοίτησιν τοῦ παναγίου πν(εύματο)ς. Текст см. ibid., col. 764_A — 784_C; лл. 19—22. Ὁμιλία τῇ κυριακῇ τῶν ἁγίων παντων, εἰς τὸ·ὅστις ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ ἔμπροσθεν τῶν ἀν(θρώπ)ων. Текст см. ibid., col. 784_C — 804_A; лл. 22—23 об. Ὁμιλία εἰς τὸ πρῶτον ἐωθινόν. Текст см. ibid., col. 606_D — 616_B, причем конец утрачен, беседа обрывается на словах: „Μεταλαμβάνει θερμότητος"; л. 24—24 об. чистый; лл. 25—28. Του αὐτοῦ ὁμιλία περὶ τοῦ ἑκατοντάρχου. Текст см. ibid., col. 825_B — 836_C; л. 28 об. — чистый; лл. 29—65 об. Беседа, которую отожествить не удалось. Начало: „Ἀρειανοὶ καὶ Εὐνομιανοί", конец: „Τῆς τρισηλίου καὶ μοναρχικωτάτης φαιδρότητος, καὶ δοξάζωμέν σε πρὸς δύναμιν ἀδιαλείπτως... ἀμήν"; л. 66 — чистый; лл. 66 об. — 67 об. Отрывок богословской беседы; лл. 68—124 об. Максима Исповедника Пчела. Текст см. PG, t. 91, col. 721_A — 1017_A. В описываемой рукописи содержится редакция «Пчелы», видимо, несколько сокращенная по сравнению с редакцией, напечатанной у Миня. Л. 125—125 об. представляет собой клочок бумаги с отрывочными словами текста. Рукопись упомянута: M. Richard. Rapport sur une mission d'étude en U. R. S. S. (5 octobre — 3 novembre 1960) — «Bulletin d'information de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes», № 10 (1961). Paris, 1962, p. 53 [3].

Рукопись реставрирована в 1958 г., так как бумага была очень ветха. Начало, конец и многие листы утрачены. Текст поврежден, местами не читается.

БАН, собр. РАИК, № 153.

563. Сборник сочинений о латинянах. XIV в.

Бумага без филиграней. Рукопись написана тремя писцами, минускулом и курсивом. Заголовки и инициалы писаны красной краской и чернилами. Без переплета.

15 лл. 25,0×18,3 и 19,5×14,5. Число строк различно. Содержание: лл. 1—6 об. „Ἐξύγεισεις περὶ ἐκτ.. εἰ ἐκ τῶν ἀποστολικῶν καὶ π(ατε)ρικ(ῶν)/παραδώσεων, περὶ τῆς λατινυκοῖς ἐκκλεισείας, περὶ ἀ/ζύμων, περὶ τοῦ συμβόλου, περὶ τὸ περκατόριον, περὶ/μεγάλων καὶ ἀπηγορευματων αὐτῶν σφαλματων, περὶ/πῶς ἐξ ειμῶν απερράγησαν καὶ συγγραμμάτων ἁγίων/μετὰ πολλῆς ἀκριβείας ἐμαθωμεν". Текст изложен в форме вопросов и ответов. Отожествить текст не удалось; лл. 7—15. Рукой второго писца. Так называемая «Кипрская конституция» (Constitutio Cypria) папы Александра IV. Текст см. PG, t. 140, col. 1533_A — 1560_D, причем описываемая рукопись содержит отличную и несколько сокращенную по сравнению с печатным текстом редакцию; см. также: K. Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, YI. Paris, 1877,

[3] М. Ришар относит этот сборник к числу Loci communes Псевдо-Максима Исповедника (см. M. Richard. Florilèges grecs.—«Dictionnaire de Spiritualité, ascétique et mystique. Doctrine et Histoire», fasc. XXXIII — XXXIV. Paris, 1962, p. 492). Я сохраняю русское название «Пчела».

pp. 501—513; лл. 15—15 об. Добавленная в XV в. выписка о Никейском соборе. Текст читается с трудом, отожествить его не удалось.

Листы повреждены червями и сыростью, текст местами сильно потускнел.

ПБ, греч. № 778.

564. Сборник бесед. Отрывки. Середина XIV в.

Филигрань бумаги неясна (колонна?), см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 3105. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки и инициалы киноварные.

2 лл. 19,2×12,5 и 16,2×11,0. 28 и 32 строки.

Содержание: лл. 1—1 об. Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὴν ἁγίαν κοινωνίαν. Начало: „Ἀναγκαῖον μαθεῖν, ἀδελφοί, τὸ θαυμα". Беседа эта упомянута в PG, t. 64, col. 1330; л. 2. Конец какой-то беседы, которую определить не удалось; л. 2—2 об. Ἀναστασίου τοῦ Σιναίτου λόγος περὶ τῆς ἁγίας συνάξεως. Текст см. PG., t. 89, col. 825_A — 828_B, причем текст обрывается на словах „πρὶν ἢ γένηται καιροῦ".

Происхождение рукописи установить не удалось.

Рукопись повреждена сыростью, текст на л. 2—2 об. читается плохо.

ПБ, греч. № 653.

565. Патерик. XIV и XVI вв.

Лл. 2—202 — бумага без филиграней. Лл. 1 и 203—226 имеют филигрань — перчатка со звездой, см. Briquet. Op. cit., №№ 10737—10739 и т. п. Минускул. Рукопись написана тремя писцами. Заставки и инициалы рисованы тусклой краской и киноварью. Нумерации тетрадей не обнаружено. Картонный переплет XIX в. Имеются следующие пометы: 1) лл. 99 об. — 100. Рукой XIX в.: „Πατερικόν, 239 σελ."; 2) л. 201. Рукой XIV в.: „†Ἐγὼ μοναχὸς ὁ κὺρ Ἰγνάτιος παραδίδω"; 3) л. 202 об. Рукой XVI—XVII вв.: Ὑπάρχει τῶ παρὸν βιβλίον του αὐτοῦ εἰρημένου ἱερομονάχου κυροῦ Ἰακώβ, και.... τὼ χάρισ..... πν(ευματ)ικὸς καὶ π(ατ)ὴρ ὑμῶν κὺρ Νεκτάριος". Кроме того, имеется несколько неразборчивых и незначительных помет.

226 лл. 13,8×9,5 и 10,5×7,5. 17—24 строки.

Содержание: лл. 1—3. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς τοὺς ἀποταξαμένους; лл. 3—4. Στεφάνου Θηβαίου ἐντολαὶ τοῖς ἀποτασσομένοις. Начало: „Πρῶτον μὲν μὴ ἔχε κοινωνίαν μετὰ γυναικῶν". Текст отожествить не удалось. Ср. Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἱεροσολ. Βιβλιοθήκη, τ. 1, σελ. 294, № 18; т. II. σελ. 274; архим. Владимир. Систематич. описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 511, № 8 а; лл. 4—13 об. Τοῦ αὐτοῦ διάταξις πᾶσι μοναχοῖς. Начало: „Πρὸ πάντων χρήζωμεν τὴν ταπεινοφροσύνην". Текст отожествить не удалось. Ср. там же, № 8 β; лл. 13 об. — 15 об. Εὐχή. Начало: „Δέσποτα κ(ύρι)ε Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστ)έ, σύ βοηθός μου"; лл. 15 об. — 17. Ἐπιστολὴ ἁγίου γέροντος γραφῆσα πρός τινα ἀδελφόν". Текст отожествить не удалось. Ср. там же, стр. 511, № 9; лл. 17—24М. Τοῦ ἀββᾶ Μακαρίου περὶ ἡσυχίας. Начало: „Διηγήσατο ἡμῖν ὁ ἀββᾶς Ἡσαίας, ὅτι καθεζομένου μοῦ ποτε πλησίον τοῦ ἀββᾶ Μακαρίου". Ср. там же, № 10; лл. 24—25 об. Ἕτερον διήγημα τοῦ ἀββᾶ Εὐλογίου. Начало: „Διηγήσαντο οἱ μαθηταὶ τοῦ ἀββᾶ Εὐλογίου". Текст отожествить не удалось. Ср. там же, стр. 506, № 23 и стр. 511, № 11; лл. 25 об. — 28. Ἐκ τοῦ γεροντικοῦ. Начало: Ἀδελφὸς ἠρώτησε γέροντα λέγων·πῶς οἱ ἐν τῶ κόσμω βιωτικοί, νηστείας ἀμελοῦντες". См. Συναγωγὴ τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλίων τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων... παρὰ Παύλου τοῦ κτήτορος Μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Εὐεργετίδος καὶ Εὐεργετίνου ἐπικαλουμένου. I. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1861, σελ. 102[4]; лл. 28—30. Περὶ διδασκαλίας. Начало: „Εἶπε γέρων·χρὴ φυγεῖν ἀπὸ πάντων τῶν ἐργαζομένων τὴν ἀνομίαν". Текст отожествить не удалось; лл. 30—32 об. Τοῦ ἀββᾶ Ῥούφου. Начало: „Ἀδελφὸς ἠρώτησε γέροντα λέγων·τί ἐστιν ἡσυχία". Текст

[4] Из этого Патерика взяты и некоторые другие отрывки описываемой рукописи.

отожествить не удалось. Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 511, № 13; лл. 32 об. — 36. Νείλου μοναχοῦ εἰς μοναχοὺς ἡσυχάζοντας. Начало: „Μὴ μετα περισπωμένων συναυλίζου". Ср. Ἀ. Παπαδόπουλος — Κεραμεύς. Op. cit., I, p. 294, № 19; II, p. 274, № 38; архим. Владимир. Указ. соч., стр. 512, № 14, лл. 36—38. Ἐκ τῶν παραγγελμάτων τῶν ἁγίων π(ατέ)ρων ἡμῶν καί διδασκάλων. Начало: "Ἔχε τὸν νοῦν σου πάντοτε πρὸς τον θ(εό)ν". Ср. там же, стр. 512, № 15; лл. 38—40 об. Περὶ κατανύξεως. Начало: „Ἀδελφὸς ἠρώτησε γέροντα λέγων·πῶς ἔρχεται ὁ φόβος τοῦ θ(εο)ῦ". Ср. там же, стр. 512, № 16 α; лл. 40 об. — 61 об. Διδασκαλία ἁγίου γέροντος. Начало: „Γέρων τις ἐκαθέζετο ἐπὶ τὸν κόλπον τοῦ μακαρίου Ἀντωνίου". Ср. там же, стр. 512, № 16 β; лл. 61 об. — 64. Περὶ ἐγκρατείας. Начало: „Ἐγένετό ποτε ἑορτὴ ἐν σκήτῃ καὶ ἔδωκαν γέροντα ποτήριον οἴνου". Ср. там же, стр. 512, № 17; лл. 64—64 об. Περὶ τοῦ μὴ κατακρίνειν. Начало: „Γέρων τις μέγας ἐκάθητο ἐν Συρίᾳ ἐν τοῖς ὁρίοις Ἀντιοχίας". Текст отожествить не удалось; лл. 64 об. — 70 об. Περὶ διακρίσεως. Начало: „Ἀδελφὸς ξενιτεύσας ἤθελεν ἀπελθεῖν εἰς τὰ ἴδια". Ср. там же, стр. 502; лл. 70 об. — 72. Περὶ τοῦ δεῖ πάντοτε νήφειν. Начало: „Εἶπε γέρων·ἄν(θρωπ)ος ἔχων πρὸ ὀφθαλμῶν τὸν θάνότον". Ср. там же, стр. 512, № 18; лл. 72—73 об. Περὶ τοῦ ἀδιαλήπτως καὶ νηφόντως προσεύχεσθαι. Начало: „Εἶπε γέρων·ὅτι ἐν μιᾷ ἐγερθὴς ποιῆσαι τὸν κανόνα μου". Ср. там же, стр. 512, № 19; лл. 73 об. — 77 об. Περὶ ὑπακοῆς. Начало: „Ἦν τις γέρων οἰκῶν εἰς τὰ κέλλια τὰ λεγόμενα ἠρεμηκά". Ср. там. же, стр. 512, № 20, лл. 77 об. — 80. Περὶ ταπεινοφροσύνης. Начало: „Ἠρωτήθη γέρων·τί ἐστι ταπείνωσις, καὶ ἀπεκρίθη". Ср. там же, стр. 512, № 21; лл. 80—81. Περὶ ἀνεξικακίας. Начало: „Ἔλεγον περί τινος ἀδελφοῦ, ὅτι ὅσα ἄν τις αὐτὸν ὕβριζεν". Ср. там же, стр. 512, № 22; лл. 81—83. Περὶ ἀγάπης. Начало: „Ἤλεγων περί τινος γέροντος, ὅτι ἡσθένη ἐν σκήτῃ". Ср. там же, стр. 512, № 23; лл. 83—91 об. Περὶ διωρατικῶν. Начало: „Διηγήσατό τις τῶν π(ατέ)ρων, ὅτι τρία πράγματα εἰσὶν ἔντιμα παρὰ τοῖς μοναχοῖς". Ср. там же, стр. 512, № 24, лл. 91 об. — 92. Περὶ σειμιοφόρων. Начало: „Ἔλεγον περί τινος γέροντος, ὅτι ἡ κέλλα αὐτοῦ φωτινὴ ὑπῆρχεν". См. там же, стр. 512, № 25; лл. 92—97. Περὶ Εὐφροσύνου τοῦ μαγείρου. Начало: „Γέρων τις ἅγιος διηγήσατο ἡμῖν, ὅτι ἦν τις ἀδελφὸς Εὐφροσύνος ονόματι". Ср. Ἀ. Παπαδόπουλος — Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 349, № 23 (?), σελ. 520, №394, л. 121 об.; лл. 97 — 104. Ἐκ τοῦ Χρυσοστόμου περὶ μνησικακούντων. Начало: „Δεῖ γινώσκειν ἡμᾶς, ἀγαπητοί, ὅτι οὐ κακὸν τὸ κακῶς παθεῖν". Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 572, № 27; лл. 104—109. Τοῦ αὐτοῦ λόγος περὶ εὐχῆς, καὶ νηστείας καὶ ἐλεημοσύνης, καὶ μετανοίας. Начало: „Σήμερον, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, τὸν ἰατρὸν προσκυνήσωμεν". Текст см. PG, t. 60, col. 717 — 720 (Spuria); лл. 109 об. — 110. Τοῦ αὐτοῦ Χρυσοστόμου. Отрывок без заглавия. Начало: „Μετάνοια δέ ἐστι τὸ τελείως ἀποστῆναι τῆς ἁμαρτίας". Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 512, № 27 β; лл. 110—120. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὸν μάταιον βίον καὶ περὶ κατανύξεως. Текст см. PG, t. 60, col. 735—738 (Spuria), причем текст рукописи несколько отличается от печатного текста; лл. 120—124. Συμεὼν τοῦ Θαυμαστοῦ Ὄρους λόγος περὶ τοῦ ἀεὶ ἐν νῷ ἔχειν τὴν ἡμέραν ἐξόδου αὐτοῦ. Начало: „Ἴστε, ἀδελφός μου, οἷον φόβον καὶ ἀγῶνα καὶ ἀνάγκην ἔχωμεν". Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 512, № 29; лл. 124—124 об. Τοῦ μακαρίου Μάρκου ἐκ τῆς δευτέρας αὐτοῦ ἐπιστολῆς. Начало: „Τῶν ἀκούόντων τὸν λόγον τοῦ θ(εο)ῦ". Ср. там же, стр. 512, № 30 и Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. I, σελ. 295, № 28; лл., 124 об. — 130. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἐφραὶμ Θρῆνος, καὶ περὶ θείας ἀνταποδώσεως. Начало: „Τὴν ἄφατον φιλαν(θρωπ)ίαν τῆς τοῦ [θεοῦ] ἀγαθότητος". Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 513, № 30, л. 94 об.; лл. 130—152 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Κυρίλλου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας λόγος περὶ ἐξόδου ψυχῆς καὶ περὶ τῆς δευτέρας παρουσίας. Текст см. PG, t. 77, col. 1072$_B$ — 1089$_B$; лл. 153—157. Κανὼν παρακλητικὸς εἰς τὸν ἐν ἁγίοις π(ατέ)ρα ἡμῶν Νικόλαον; лл. 157—165. Стихиры; лл. 165 об. — 178 об.

Молитвы; лл. 179—192. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰσαὰκ λόγος περὶ τοῦ δεῖ πάντοτε νήφειν, καὶ περὶ διδασκαλίας. Начало: „Ἡ ψυχὴ ἡ τὸν θ(εὸ)ν ἀγαπῶσα". Ср. Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, σελ. 254, № 12; лл. 192—201. Τοῦ αὐτοῦ λόγος δεύτερος. Начало: „Πολλὴν ὁ θ(εὸ)ς ἔδωκε τοῖς ἀν(θρώπ)οις τὴν τιμὴν τῇ διπλῇ μαθήσει". Ср. ibid., стр. 254, № 13; лл. 201 об. — 202 об. Молитвы и неразборчивые пометы; лл. 203—209 об. Λόγος τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Εὐφρὲμ (?) περὶ κατανύξεως. Начало: „Δοτὴρ τῶν ἀγαθῶν καὶ πηγὴ ἰαμάτων". Ср. архим. Владимир. Указ. соч., стр. 137, № 106; лл. 209 об. — 220 об. Τοῦ αὐτοῦ λόγος παραινετικός. Начало: „Δεῦτε, ἀγαπητοί μου, δεῦτε, π(ατέ)ρ(ες) καὶ ἀδελφοί μου, ποίμνην ἐκλεκτόν". Ср. там же, стр. 614, № 75; лл. 221 об. — 226 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὴν ἁγίαν κυριακήν. Начало: „Ἀδελφοὶ καὶ π(ατέ)ρες, πάντες χριστιανοὶ καὶ φιλόχριστοι, ἀκούσατε τί ὁ προφήτης ἡμᾶς διδάσκει". Текст отожествить не удалось; лл. 226 об. Τοῦ Εὐσεβείου ἐπισκόπου πόλεως Ἀλεξανδρίας περὶ νηστείας τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς. Текст см. PG, t. 86 (1), col. 313_A — 316_A. Всего несколько строк.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 22—23.

Конец утрачен. Рукопись повреждена червями и сыростью, нижний правый угол истлел.

ПБ, греч. № 572.

566. Житие св. Онуфрия. Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἄσκησις τοῦ ὁσίου καὶ μεγάλου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Ὀνουφρίου. **Первая половина XIV в.**

Филиграни бумаги: 1) Топор или секира, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 4743; 2) Арбалет, см. ibid., № 211. Курсив. На л. 1 имеются киноварные заставка, заголовок и инициал. Имеются следующие пометы: 1) л. 1. Рукой XIX в. «..... от св. Климентъ»; 2) л. 8 об. Рукой XIX в. «Свети Климентъ»; 3) л. 10 об. Помета XIX в., не поддающаяся прочтению; 4) л. 11 об. XIX в. «Свети Климентъ»; На том же листе, рукой XIX в. «Тази написана книга се състоит отъ списания (одно слово зачеркнуто) написатель архиепископъ Охридский Климентъ, учитель въ с. Кутмавица». В переплете XIX в.

11 лл. 27,7×20,7 и 20,7×16,0. Число строк различно.

Собр. П. А. Лаврова. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, II, 3-me éd., p. 158, № 1381 g; A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. III. Bd., 2. Hälfte, I./2. Lieferung. Berlin, 1952, S. 958, № 14; Отчет ПБ за 1900/1901 гг., стр. 208, № 13.

Имеются пятна от сырости.

ПБ, греч. № 641

567. Патерик. Отрывок. Первая треть XIV в.

Филигрань бумаги — шляпа, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 2371. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы писаны тусклой красно-коричневой краской. Имеются две пометы, современные р-си: 1) На л. 1 об.: „Φύλλα $\overline{\gamma}$ εἰς διάλεξιν τῶν ἁγίων π(ατέ)ρων"; 2) На л. 2: „Φύλλα $\overline{\beta}$". В обложке с пометой Порфирия Успенского о том, что эти листы взяты из рукописи, хранящейся в нижней библиотеке Лавры Савы Освященного [5].

[5] Среди рукописей этой библиотеки лишь одна в какой-то мере может быть связана с описываемым отрывком — № 265 (см. Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, т. II, стр. 394—395), но она не подходит по размеру и числу столбцов. В каталоге рукописей Ивирского монастыря на Афоне [см. Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, v. II. Cambridge, 1900, p. 154, № 4612 (492)] описана рукопись XIV в. с пометой Порфирия Успенского, но связывать ее с рукописью ПБ вряд ли возможно.

2лл. 23,5×20,0 и 21,7×16,0. 2 столбца. 34 строки.

Текст отожествить не удалось. На лл. 1—2 отрывок из каких-то вопросов и ответов. На л. 2—2 об. отрывок под заглавием: „Περὶ τῶν ιβ̅ ἀναχω/ρητῶν". См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, 3-e éd., III, p. 205, № 1448.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 153.

Края листов подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 456.

568. Евангельские чтения. Середина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Клещи, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 7073, 7085—7088; 2) Ручное зеркало, см. ibid., №№ 6218—6219; 3) Буква «А», см. ibid., №№ 5092, 5095—5097; 4) Крест, см. ibid., №3580; 5) Шлем, см. ibid., №№ 1752—1753; 6) Круг, см. ibid., №№ 1822—1823; 7) Фляга, см. ibid., №№ 922—926; 8) Гербовый щит, см. ibid., №№ 523—531. Литургический минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация тетрадей сохранилась частично, от тетради ι̅ (л. 75) до тетради λ̅γ̅ (л. 256). Имеются следующие пометы: 1) л. 3. Помета XVII—XVIII вв.: „Τοῦ ἁγίου ζωῆς (?) Βλαδιμήρου"; 2) л. 83 об. Помета переплетчика XV—XVI вв.: „†Μνηστιται, κ(ύρι)ε, ὑπὲρ ιγιας κ(αὶ) . σ(ωτη)ρίας καὶ ἀφέσεως / τῶν ἁμαρτιῶν τοῦ δούλ(ου) τοῦ θ(εο)ῦ Βασιλίου, ὁποῦ/ ἐντισεν τὸ ἐβαγγέλιον τοῦτ(ο) . μετὰ κοκιν.../δέρματι.."; 3) л. 188 об. Дату пометы определить не удалось: „Νηκόδιμος αμαρτολός". Сохранились доски старого переплета с обрывками кожи и ткани с красной вышивкой.

295 лл. 29,0×22,0 и 19,7×13,8. 19 строк.

Собр. А. Ф. Гильфердинга. Gregory. Textkritik d. N. T., S 1249—1250, индекс l **943**; Отчет ПБ за 1873 г., стр. 10.

Рукопись была сильно повреждена сыростью, края листов обветшали. В настоящее время рукопись реставрирована. Доски переплета хранятся в отдельной папке.

ПБ, греч. № 185.

569. Евангельские чтения. Середина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Голова быка, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 1188; 2) Флаг, см. ibid., №№ 3703—3704; 3) Фляга не зарегистрированного в справочниках рисунка; 4) Бубенчик, см. ibid., №№ 4499—4501; 5) На лл. 157—172, добавленных в первой половине XVI в., филигрань — весы в кругу, см. Briquet. Op. cit., №№ 2606—2608. Минускул. Заголовки, заставки и инициалы киноварные. На верхней крышке переплета изнутри имеется помета XVI—XVII вв.: „Τοῦ ἁγίου Νηκολαου ηνε το ε/βαγγελιον, καὶ η της απο/ξενοσι να την εχη αντηδι/κον, και να εχη τας αρας/τον τριακοσιον δεκα και/οκτο θεοφορον πατερον, /και να εχη τας αρας". Имеются также пометы к тексту. На верхней крышке переплета — наклейка с пометой XIX в.: «VII. Evangelio apracos. Scritto sopra carta bombacea». Переплет — доски в тисненой коже с жуками, застежки утрачены.

172 лл. Размер лл. 1—156: 28,5×21,8 и 19,5×15,5. 2 столбца. 24 строки. Размер лл. 157—172: 22,3×15,0 и 17,0×9,5. 18 строк.

Собр. Сарафова. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1282, индекс l **1427**; Отчет ПБ за 1895 г., стр. 76—77.

Конец и некоторые листы утрачены. Рукопись повреждена сыростью.

ПБ, греч. № 516.

570. Новый Завет. Вторая половина XIV в.

Филигрань бумаги — единорог, очень нечеткого рисунка, напоминает V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 6038—6045. Беглый минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы тусклой красной краской. Име-

ются миниатюры в красках — евангелисты Лука и Иоанн. На л. — 45 об. имеется запись 1682 г., которую прочитать не удалось. В картонном переплете XIX в.

216 лл. 20,5×13,8 и 14,0×9,5. 25 строк.

Собр. Сарафова. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198 индекс **ear 2175**; Отчет ПБ за 1895 г., стр. 77.

Конец и некоторые листы утрачены. Листы заклеены в целях реставрации прозрачной бумагой, помешавшей установить тип разлиновки и филиграни рукописи.

ПБ, греч. № 517.

571. Деяния и послания апостольские. Первая половина XIV в.

Пергамен. Мелкий минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы тусклой красной краской. Тип разлиновки I_{38c}. Сохранились 22 тетради. Имеются пометы к тексту. Тисненный золотом картонный переплет XIX в.

153 лл. 13,6×10,0 и 9,3×6,0. 34 строки.

Собр. Антонина Капустина. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1199, индекс **ap 2180**; Отчет ПБ за 1899 г., стр. 9.

Листы подклеены бумагой, в начале и в конце добавлены чистые бумажные листы. Начало, конец и некоторые листы утрачены.

ПБ, греч. № 543.

572. Четвероевангелие. Середина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Колокол, см. Н. П. Лихачев. Указ. соч., №№ 102, 103, 108; 2) два круга, пересеченных чертой, см. там же, №№ 113, 114, 116, 287; 3) Самострел, см. там же, №№ 123, 305; 4) шестиконечный крест, см. там же, №№ 292—294, 299; 5) бык с длинным хвостом, см. там же, № 2155. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы бледной коричневой краской, а на некоторых листах подновлены киноварью. Тип разлиновки нечеткий. В папке.

323 лл. 19,4×14,5 и 13,8×9,3. 18 строк.

Начало и некоторые листы утрачены. Текст местами потускнел и не читается. Рукопись повреждена червями.

БАН, собр. РАИК, № 86 (старый шифр А.19).

573. Чтения из Евангелия и из Апостола. Конец XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Единорог, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 5984—5986; 2) Буква «Р» с крестом, см. ibid., №№ 5449—5450; 3) Крест, см. ibid., №№ 3618, 3620; 4) Лук, см. Н. П. Лихачев. Указ. соч., №№ 498—500; 5) На лл. 256—257, добавленных в конце XV в. или в начале XVI в., филигрань — три горы, см. там же, № 392. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заставки киноварные, а с л. 168 и до конца — рисованы тусклой красноватой краской. Заголовки и инициалы киноварные, в некоторых инициалах добавлена зеленая краска. Нумерация тетрадей обрезана при переплете, сохранились лишь следы цифр. На внутренней стороне верхней крышки переплета неразборчивые греческие и итальянские записи, среди которых можно прочитать дату и имя: „αὐγούστου 29 Nikolo Capsali". Переплет — доски в тисненой коже, XVI—XVII вв.

257 лл. 24,5×17,7 и 20,0×14,0. 2 столбца. 32 строки.

На лл. 256—257 помещен отрывок какой-то беседы, начало: „Εἰ τις εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος". Л. 257 об. — чистый. Конец утрачен. Рукопись повреждена червями и сыростью, текст местами потускнел.

БАН, собр. РАИК, № 87.

574. Евангелие от Иоанна VII_7 — $XVIII_{12}$. XIV в.

Пергамен. Беглый минускул. Инициалы киноварные. Заголовки и начала добавлены тусклой коричневой краской. Листы не разлинованы.

28 лл. 16,3×12,3 и 11,2×7,3. 20 строк.

Собр. Н. П. Лихачева.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР, Архив, Западноевропейская секция, № 34/669 (старый шифр III. М. 15).

575. Четвероевангелие (?). Отрывок. XIV в.

Пергамен. Текста нет, только миниатюра на золотом фоне: евангелист Лука.

1 л. 15,0×11,7. Размер миниатюры 12,0×8,5.

Миниатюра опубликована: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. 2. СПб., 1906, № 708 [6].

Оборот листа пустой.

Датирована по помете Порфирия Успенского. Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128.

ПБ, греч. № 316.

576. Минея на месяцы сентябрь — ноябрь. Последняя четверть XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Буква «R» с крестом, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№. 5511—5514, 5517; 2) Цветы, см. ibid., № 4123; 3) Ключи, см. ibid., №№ 2750—2751, 2753—2755; 4) Лук, см. ibid., №№ 365 и 370; 5) Лев (?), см. ibid., №№ 6099 — 6101. Минускул. Р-сь написана двумя или тремя писцами. Инициалы и заголовки киноварные. Имеются также немногочисленные киноварные заставки. В р-си имеется немало помет к тексту XV—XVII вв., а также пометы, не поддающиеся прочтению. На л. 102 имеется помета: „†Ετοῦτο το βηβλήν το ἐ/φιερο...(?) ὁ κῦρ Θεώδωρος/ τοῦ κυρ(?) Γεώργι τοῦ Πωγτά/του εἰς τοὺς ἁγιοὺς ἀναργήρους κ(αὶ) ἡ τοῖς τὸ ἐπα/ροι, ἔχοι το ἀνάθεμα". На основании этой пометы можно предполагать, что р-сь принадлежала храму свв. бессеребренников Косьмы и Дамиана. Переплет, вероятно, также XIV в., доски в тисненой коже, на верхней крышке переплета наклейка с пометой XIX в.: «XX. Mineo per mense Decembre. Scritto sopra carta, molto grossa, o piutosto bombacina».

123 лл. 27,3×20,5 и 21,5 x 16,0. 2 столбца. 35—37 строк.

Содержит службы с 23 сентября по 29 ноября.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 80.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Р-сь сильно повреждена сыростью, пострадал текст. Следов нумерации тетрадей и четкой разлиновки листов не найдено.

ПБ, греч. № 523.

577. Минея на декабрь. Конец XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Три горы, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 6268, 6352, 6361, 6363; 2) Вишни, см. ibid., №№ 4146—4147, 4149, 4152—4154; 3) Ножницы, см. ibid., №№ 2622—2625. Минускул. Рукопись написана тремя писцами. Имеются небольшие заставки, рисованные чернилами и киноварью. Заголовки и инициалы киноварные. На л. 1 об. и л. 6 об. рисунки пером. В переплете XIX в.

---

[6] На это мне указала А. В. Банк, которой приношу искреннюю благодарность. Ссылка на это издание в описании греческой рукописи ПБ № 305, следовательно, неверна. См. выше, вып. 4, описание № 362 (ВВ, XXIII, 1963, стр. 190).

98 лл. 28,8×21,5 и 20,0×13,0. 2 столбца. 36—37 строк.
Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 81.
Конец утрачен. Края листов заклеены прозрачной бумагой.

ПБ, греч. № 526

578. Минея на март. Конец XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Буква «R», см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 5574—5579, 5582—5584; 2) Круг со звездой наверху, см. ibid., №№ 1855—1856, 1858—1860; 3) Василиск или грифон, точнее знак этот определить не удалось; 4) Груша с листьями, см. ibid., №№ 4272—4276; 5) Филигрань неясного рисунка, которую определить не удалось. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки и инициалы писаны красной краской, местами выцветшей. Нумерация тетрадей не сохранилась. На л. 17 помета XV в.: „Παναγιώτ(ατος) ἀρχιεπίσκοπος τ(ῆς) τ(ῆς) πρώτ(ης) Ἰουστινηανν(ης) κ(αὶ) πάσ(ης) Σερβεί(ας) καὶ Βουλγα(ρίας) καὶ τῶν λοιπῶν", дальше строка не читается, имени архиепископа нет. В переплете XIX в.
220 лл. 22,5×14,5 и 16,5×10,0. 25 строк.
Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 81—82.
Начало, конец и некоторые листы утрачены. Все листы р-си в целях сохранности заклеены прозрачной бумагой.

ПБ, греч. № 527.

579. Минея на месяцы июнь, июль и август. Конец XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Охотничий рог, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 4907, 4997; 2) Голова быка, см. ibid., №№1412—1413, и рисунок, не зарегистрированный в справочниках; 3) Лук, см. ibid., № 437; 4) Арбалет, см. ibid., №№ 221—223. Минускул. Р-сь написана двумя писцами. Заголовки и инициалы киноварные. Имеются небольшие киноварные заставки. В верхнем правом углу листов сохранилась нумерация тетрадей, от $\overline{\beta}$ (л. 8) и до $\overline{\kappa}$ (л. 142). Переплет современный р-си, доски в тисненой коже с жуками. На л. 87 об. текст перечеркнут и покрыт записями, из которых удалось прочитать только имя: „Ἀκακίου ἱερομοναχου ἐκκλησιάρχου". На л. 90 помета XIV—XV вв.: „Ἐτουτον τω βιβλιον Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου", откуда следует, что р-сь эта принадлежала храму (или монастырю) Иоанна Продрома. На многих листах имеются пометы к тексту. На внутренней стороне верхней крышки переплета был наклеен пергаменный лист из триоди XIV в., написанный по смытому унциальному тексту VI в., см. выше описание № 28 (ВВ, XVI, 1959, стр. 225) и ниже описание № 594. На верхней крышке переплета имеется наклейка с пометой XIX в.: «IX. Mineo pei mensi di giugno, giuglio et agosto. Scritto sopra carta bombacina».
169 лл. 29,0×22,0 и 22,0×17,0. 36 строк.
Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 82.
Начало и некоторые листы утрачены, застежки переплета оборваны. На лл. 147—169 об. чернила поблекли, местами текст совсем не читается, а местами подновлен. Многие листы разорваны и выпадают.

ПБ, греч. № 528.

580. Минея на месяцы март — август. Вторая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Груша с двумя листьями, см. V. Mošin S.Traljić. Op. cit., №№ 4272—4273 и т. п.; 2) Голова быка, см. ibid., №№ 1117—1118, 1120, 1440—1441; 3) Кувшинчик, см. ibid., №№ 6880—6882; 4) Два круга, см. ibid., №№ 2022—2028; 5) буква «B», см. ibid.,

№№ 5154 и 5161; 6) Рыба, см. ibid., № 6819; 7) Арбалет, см. ibid., №№ 237, 240, 259 и т. п.; 8) Колокол в кругу — знак, не зарегистрированный в справочниках Мошина — Тралича, Брике и Н. П. Лихачева. Минускул. Рукопись написана тремя писцами. Заголовки и инициалы киноварные. Имеются небольшие заставки, рисованные красками. Сохранилась нумерация тетрадей, проставленная одним из писцов рукописи, от тетради $\overline{\alpha}$ (л. 4) до $\overline{\kappa\gamma}$ (л. 77); далее тетради помечены арабскими цифрами, кончая тетрадью 37-й (л. 273). На полях некоторых листов XV в. добавлены гимны, отрывки из гимнов и т. п. пометы к тексту. В начале на листе у переплета имеется экслибрис архим. Антонина Капустина. В тисненом переплете XIX в.

249 лл. 27,4×20,7 и 22,8×16,5. 2 столбца. Число строк различно.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 15.

Начало утрачено; листы повреждены червями, оборваны и подклеены по краям бумагой.

ПБ, греч. № 552.

581. Минея на месяцы октябрь — январь. Отрывки. Вторая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Голова быка, см. Briquet. Op. cit., №№ 14135 — 14136; 2) Груша, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 4219—4221. Минускул, переходящий в курсив. Заставки рисованы тусклыми красками. Заголовки и инициалы писаны сильно выцветшей киноварью. Нумерация тетрадей не сохранилась. Переплет старый, доски в тисненой коже.

41 л. 27,5×19,3 и 20,7×15,0. 2 столбца. 35 строк.

Листы рукописи сплетены неверно, правильный порядок листов следующий: 1—14, 23, 39—40, 15, 41, 16—22, 24—38. Рукопись повреждена сыростью и червями, от некоторых листов сохранились только обрывки. Реставрирована и заново переплетена в 1963 г.

Старый переплет хранится отдельно.

БАН, собр. РАИК, № 98.

582. Паремейник. Вторая половина XIV в.

Филигрань бумаги: 1) Буква «В», см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 5156—5164; 2) Буква «R», см. ibid., №№. 5496—5503. Литургический минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки и инициалы писаны киноварью и тусклой красной краской. Имеются небольшие заставки, рисованные чернилами и тусклой красной краской. Лл. 1—16 добавлены в XIX в. В начале, на листе у переплета, имеется экслибрис Антонина Капустина. В кожаном тисненом переплете XIX в.

279 лл., из них 28 лл. добавлены в XIX в. 21,2×13,5 и 16,5×10,5. 25—28 строк.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 15.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Рукопись повреждена червями.

ПБ, греч. № 550.

583. Паремейник. Отрывки. Вторая половина XIV в.

Филигрань бумаги — епископский посох, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., № 3642. Минускул. Инициалы писаны тусклой краской. Листы сплетены в одном переплете вместе с отрывками из других рукописей, см. описание лл. 1—3 под № 484 (ВВ, XXV, 1964, стр. 203).

5 лл. 28,5×19,0 и 22,5×16,0. 2 столбца. 32—33 строки.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 86—87.
Листы реставрированы прозрачной бумагой, заклеен текст.

ПБ, греч. № 534, лл. 5—7, 9—10.

584. Псалтирь. XIV в.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Между отдельными стихами имеются крупные красные точки. На л. 1 — киноварная заставка. Частично сохранилась нумерация тетрадей, от α (л. 14 об.) до κε (л. 147 об). Палимпсест. Описание смытого текста на лл. 1—6 об. см. выше, № 173 и №181 (ВВ, XVIII, 1959, стр. 271—273); на других листах смытые тексты содержат отрывки из евангелия и из богословского трактата, который отожествить не удалось. На л. 1 имеется запись полууставом XVI в.: «ПсалтырА Селиверстовская». На л. 224 вытертая запись 1390-х — 1440-х гг., которая читается только на снимке: „Ψαλτήρι(ον) τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ Μαλαχίου/ἱερομονάχου κ(αὶ) ναμεστνίκου τοῦ Βολοδιμίρ(ου) τῆς/ἀπάνω Ῥωσί(ας) τοῦ Μοσκοβίου. Καὶ οἱ ἀναγινόσ/κοντες, εὔχεσθέ μοι διὰ τὸν κ(ύριο)ν, ὅπως εὕρω ἔλεος ἐν τῇ φοβερᾷ ἡμέρα τῆς κρίσε(ως)†". См. мою статью: «Чернец Малахия Философ». — «Археографический Ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 69—71. Переплет старый, доски в коже с ременной застежкой.
224 лл. 13,5×10,0 и 9,0×7,0. 18 строк.
Собр. М. П. Погодина. R a h l f s. Verzeichnis d. griech. HSS. d. A. T., S. 223, 368, индекс **1760**; Отчет ПБ за 1852 г., стр. 35—36, примечание.

ПБ, греч. № 115.

585. Псалтирь, псалмы 1—VII$_{12}$. XIV в.

Пергамен. Небрежный минускул. На л. 1 — заставка, рисованная тусклой красной краской и чернилами. Заголовки и инициалы киноварные. Палимпсест. Смытый текст XI в., описание см. выше, № 281 (ВВ, XIX, 1961, стр. 233).
6 лл. 23,0 x 15,8 и 18,5 x 12,0. 19—24 строки.
Собр. К. Тишендорфа. E. M u r a l t. Catalogue..., p. 45.

ПБ, греч. № 75.

586. Псалтирь, псалом CXLVI$_6$ до конца. XIV в.

Пергамен. Литургический минускул. Заставка, заголовки и инициалы писаны золотом. Тип разлиновки I$_{20c}$. По предположению В. Н. Бенешевича, эти листы из рукописи Синайского монастыря № 38. В обложке с пометой Порфирия Успенского: «Из верхней библиотеки Лавры Саввы Освященного».
6 лл. 19,0×13,2 и 13,8×9,8. 17 строк.
Собр. Порфирия Успенского. R a h l f s. Verzeichnis. d. griech. HSS. d. A. T., S. 230, 398, без индекса; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 122.
См. следующее описание.

ПБ, греч. № 273.

587. Псалтирь. Отрывок. XIV в.

Пергамен. Текста нет. Только две миниатюры, краски которых сильно стерлись. На л. 1 на золотом фоне: в левом верхнем углу богоматерь с простертыми руками, коленопреклоненная фигура (сохранились только контуры), подносящая книгу (или икону?) фигуре в царском облачении; лицо этой последней фигуры не сохранилось. На л. 1 об. — на синем фоне: Давид и

Голиаф, под ними изображение битвы, сильно пострадавшее. Из р-си Синайского монастыря № 38. Лист наклеен на картон.

1 л. 18,6×12, 8. Размер миниатюр 14,0×9,8.

Собр. Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 230, 288, индекс 1814; Бенешевич. Описание, I, стр. 611; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I. М., 1947, стр. 370. См. предыдущее описание.

ПБ, греч. № 274.

588. Псалтирь. Отрывки. Третья четверть XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Три горы, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 6225—6228; 2) Груша с листьями, ibid., №№ 4353—4355; Буква «В» с крестом, см. ibid., № 5161. Минускул. Киноварные заголовки и инициалы. В картонном переплете XIX в.

28 лл. 27,6×21,0 и 19,0×15,5. 27—28 строк.

Содержит псалмы 70—72, 77, 80—83,88—90, 101—105, 107, 108, 129—131, 142, 146—148.

Собр. Сарафова. A. Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS. d. A. T., S. 230, 368, индекс 1762. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 77—78.

Листы подклеены прозрачной бумагой.

ПБ, греч. № 518.

589. Триодь постная. XIV в. (1360-е годы?).

Филиграни бумаги: 1) Ферула, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 3861, 3864—3865; 2) Голова быка, см. ibid., №№ 1233, 1257; 3) Крест. см. ibid., №№, 3587—3589; 4) Топор. см. ibid., № 4625; 5) Колокол, см. ibid., №№ 2795 и 2803; 6) Неопределенный предмет в виде волнистой линии, см. там же, № 7234 (в р-си только одна волнистая линия); 7) Цветок (только на л. 14) не найденного в справочниках рисунка. Курсив. Рукопись написана несколькими писцами. Заставки и инициалы рисованы киноварью разных оттенков и чернилами. Заголовки киноварные. Листы не разлинованы. Внизу листов буквенной цыфирью проставлен счет листов. Имеются незначительные пометы. Переплет, вероятно, также XIV в., доски в коже, сохранился шпенек от застежки.

172 лл. 28,3×20,5 и 23,0×17,0. На лл. 1—13 и 15—56 по 2 столбца. 23—24 строки.

Собр. Сарафова. И. А. Карабинов. Постная Триодь. СПб., 1910, стр. IV, 201, 247—49, 252—53, 255—57, 260, 262—64, 266—67, 269; Отчет ПБ за 1895 г., стр. 78.

Начало и конец утрачены. Листы обветшали, по краям подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 519.

590. Триодь постная. Вторая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Ключи (неясного рисунка), см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 2749—2766; 2) Арбалет, см. ibid., №№ 374—376; 3) Груша (?) с двумя листьями (очень неясный знак); 4) буква «Р», напоминает ibid., №№ 5448—5451. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заставки и инициалы рисованы красками и чернилами. Заголовки киноварные. На некоторых листах сохранилась нумерация тетрадей.

На л. 64—помета владельца (?), которая не читается. Имеются пометы незначительного содержания. В переплете XIX в.

264 лл. 28,2×21,2 и 20,5×15,5. На лл. 1—105 число строк различно, на лл. 105 об. — 264 по 28 строк.

Собр. Сарафова. И. А. Карабинов. Постная Триодь, стр. IV, 251, 256, 266, 272. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 78—89.

Начало и конец утрачены, листы оборваны и подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 520.

591. Триодь цветная. Середина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Два круга с крестом, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 2021—2029; 2) Два круга с крестом другого рисунка, чем предыдущий знак, см. ibid., №№ 2038—2039; 3) Груша с листьями, см. ibid., №№ 4274—4280. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заголовки и инициалы писаны красновато-коричневой краской. Сохранилась одна доска старого переплета с обрывками ткани. Имеются нотные знаки. Имеются незначительные пометы и грубые рисунки пером, добавленные позднее. На л. 257 — помета 1553 г., которая почти не читается. На л. 264 об. рукой XVI—XVII вв. написаны названия нескольких месяцев: „Σετεβη, οτωβρη, νωεβρη, δηκεβρη, γεναρη, βλεβαρη". На л. 265 — помета того же времени: „†Αρξου, χηρ μου αγαθε, γραφε γραματα καλα". На переплете имеется наклейка с пометой XIX в.: «XV. Una parte del Triodio di quaresima e tutto Pentecoste. Scritto sopra carta bombacea». На некоторых листах сохранилась нумерация тетрадей.

266 лл. 29,8 × 20,5 и 20,0 × 13,0. 30 строк.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 80.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Бумага ветхая, повреждена червями. Листы выпадают.

ПБ, греч. № 522.

592. Триодь постная. Вторая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Охотничий рог, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 4914—4937; 2) Груша с листьями, нечеткого рисунка. Беглый минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Нумерация тетрадей сохранилась частично от $\overline{\gamma}$ (л. 8) до $\overline{\mu\delta}$ (л. 337). На л. 279 помета XIV—XV вв., в которой читаются только следующие слова: „Ταῦτα τὰ βιβλήα ἔνε τοῦ..... τοῦ παπᾶ Κωνσταντήνου (?)". На л. 1 помета XIX в., не поддающаяся прочтению. Переплет XIX в., картон, обтянутый кожей с золотым тиснением.

363 лл., из них 19 лл. чистых, добавленных в XIX в. 20,5 × 13,5 и 17,0 × 11,5. 24—25 строк.

Собр. Антонина Капустина. И. А. Карабинов. Постная Триодь, стр. IV, 250—251, 264; Отчет ПБ за 1899, стр. 15.

Начало, конец и некоторые листы утрачены. Листы повреждены червями.

ПБ, греч. № 549.

593. Триодь постная. Отрывки. Середина XIV вв.

Филигрань бумаги — крест, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit., №№ 3582—3583, 3586—3588. Небрежный минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Без переплета.

12 лл. и два маленьких обрезка. Целиком ни один лист не сохранился, наибольший размер 23,0 × 17,0.

Листы были вложены в один переплет с Триодью постной 1275 г., описание см. ниже, в дополнении к каталогу. В 1964 г. листы были реставрированы. Текст читается плохо.

БАН, собр. иностранных рукописей, Q № 12а.

594. Триодь. Отрывок. XIV в.

Пергамен. Небрежный минускул. Инициалы писаны чернилами. Палимпсест. Описание смытого текста см. выше № 28 (ВВ, XVI, 1959, стр. 225).

Обрывок листа 22,0 × 16,0 и 21,0 × 15,5. 2 столбца. Сохранилось 35 строк.

Содержит отрывки службы в воскресенье пятой недели. Этот обрывок пергамена был наклеен на переплете Минеи XIV—XV вв., см. выше описание № 579.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 82.

ПБ, греч. № 847.

595. Октоих (?). Отрывки. Вторая половина XIV в.

Филигрань бумаги: груша с двумя листьями, см. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение водяных бумажных знаков, №№ 130, 312, 322—324, 334—335. Небрежный минускул. Заголовки и инициалы киноварные.

13 лл. 22,0 × 14,5 и 14,5 × 11,0. 24 строки.

Листы повреждены сыростью, оборваны по краям. Текст читается плохо. Рукопись была реставрирована в 1964 г.

БАН, собр. РАИК, № 13.

596. Октоих. Первая половина XIV в.

Филиграни бумаги: 1) Ключ, см. V. Mošin, S. Traljić. Op. cit. №№ 2641—2645; 2) Гвоздь, см. ibid., №№ 3059—3064; 3) Гербовый щит, см. ibid., №№ 557—558; 4) Груша, см. ibid., №№ 4211—4215. Литургический минускул. Имеются заставки и инициалы, рисованные тусклыми красками. Заголовки киноварные. На л. 292 об. помета XV—XVI вв.; „Ἡ παροῦσα βίβλος τῆς ἱερᾶς λαύρας τ(ῶν) κατ(ηχουμένων)". Имеются пометы к тексту. Частично сохранилась нумерация тетрадей, подновленная на многих листах в XIX в. Всего 38 тетрадей. В картонном переплете XIX в.

293 лл., из них л. 1 — XIX в. 29,0 × 21,5 и 24,0 × 18,5. 2 столбца. 40 строк.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 14—15; А. И. Пападопуло—Керамевс. Εἰς ὕμνος τοῦ πατριάρχου Φωτίου.— «Летопись Историко-Филологического Общества при имп. Новороссийском Университете», VIII, 1900, Византийско-Славянское отделение, V, стр. 527—538.

Многие листы подклеены бумагой.

ПБ, греч. № 548.

597. Богослужебный сборник. Отрывок. XIV в.

Пергамен. Минускул. Инициалы и заголовки киноварные. Нотные знаки написаны чернилами и киноварью. Палимпсест, описание смытого текста выше № 69 (ВВ, XVI, 1959, стр. 233) и № 260 (ВВ, XIX, 1961, стр. 228).

1 л. 21,4 × 14,5 и 17,5 × 12,5. 14—15 строк текста.

Собр. К. Тишендорфа. E. Muralt. Catalogue... pp. 22, 51, 70; C. Tischendorf. Anecdota, XIII, 6, p. 11.

Лист обрезан по краям; имеются темносиние пятна от химических веществ, применявшихся для выявления смытого текста. Текст читается плохо.

ПБ, греч. № 38.

598. Менологий на месяцы сентябрь — декабрь. Отрывок. XIV в.

Пергамен. Курсив, изобилующий сокращениями. Небольшие заставки, рисованные киноварью и чернилами. Киноварные инициалы. Омон

(H. O m o n t. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, III. Paris, 1888, p. 188) относит этот отрывок к р-си Coislin № 350. Девресс (R. D e v r e e s s e. Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Cataloque des manuscrits grecs, II. Le Fonds Coislin. Paris, 1945, p. 334) это указание не приводит.

1 л. 21,5 × 14,2 и 18,5 × 12,5. 27 и 30 строк.

Собр. П. П. Дубровского. E. M u r a l t. Catalogue... p. 68.

Лист загрязнен и оборван по краям.

ПБ, греч. № 117.

599. Служебник. Отрывок. XIV в.

Пергамен. Литургический минускул. Заголовки и инициалы писаны тусклой красной краской. Тип разлиновки I_{3a}. На л. 4 об. запись писца: „Μέμνησο θύτα καὶ Ἰωσὴφ ἀθλίου. Σεσηπται ἡ χείρ, τὸ δὲ ἔργον μένει εἰς τὸν αἰῶνα τὸν ἅπαντα". В картонном переплете XIX в.

4 лл. 17,3 × 12,3 и 12,0 × 8,0. 13 строк.

Содержит отрывок из литургии Василия Великого.

Собр. А. Ф. Гильфердинга. Отчет ПБ за 1873 г., стр. 12.

ПБ, греч. № 195.

600. Типик монастырский. Отрывок. Конец XIV в.

Филигрань бумаги — буква «R» с крестом, см. Н. П. Л и х а ч е в. Указ. соч., №№ 354 и 356. Заставки и инициалы рисованы тусклой желтой краской. Листы не разлинованы. Без переплета.

8 лл. 14,8 × 11,0 и 11,5 × 8,5. 17 строк.

Текст отожествить не удалось. Начало: „Περὶ τοῦ ἑσπερινοῦ καὶ ὄρθρου", конец: „Οὗτος γίνεται εἰς τὰς δεσποτικὰς ἑορτάς". Текст местами плохо читается.

БАН, собр. Дмитриевского, № 27.

601. Софокл. Трагедии «Аянт», «Электра» и «Эдип-Царь». Конец XIV — начало XV в.

Филигрань нечеткая, определить ее не удалось. Книжный курсив. Заголовки киноварные. Имеются схолии между строк и на полях. На л. 42 об. помета владельца (?), которую прочитать не удалось. На л. 50 — помета владельца (?): „Θεός, βοήθει τῷ δούλῳ Ματθαίῳ τῷ Γαβρᾶ (?)". В картонном переплете XIX в.

54 лл. 22,5 × 14,0. Размер текста и число строк различны.

Содержание: лл. 1—22 — Аянт, начиная со стиха 47 и до конца; лл. 22—50 — Электра; лл. 50—53 об. — Эдип царь. Текст обрывается на стихе 227-м; л. 54 — маленький обрывок с отрывочными словами текста.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 69—70.

ПБ, греч. № 698.

602. Псалтирь с толкованиями Никифора Влеммида. Конец XIV — начало XV в.

Бумага без филиграней. Курсив, толкования и текст написаны одним писцом. Заставки, заголовки и инициалы киноварные с примесью золота. Толкования связаны с текстом буквенной цыфирью, написанной киноварью. Тетради не нумерованы. На л. 217 об. — помета владельца (?), не поддающаяся прочтению. Переплет — доски в коже.

217 лл. 15,2 × 11,8 и 9,0 × 6,5 (указан размер текста, без толкований). Число строк текста от 6 до 16.

Содержание: лл. 1—165 об. Псалмы Давида с толкованиями Никифора Влеммида. Текст см. PG, t. 142, col. 1445_C — 1621_A, причем текст рукописи несколько отличается от печатного текста; лл. 165 об. — 185 об. Песни и молитвы ветхозаветных пророков; лл. 185 об. — 203 об. Молитвы и тропари, читаемые на кафизмах; лл. 204—215 об. Τοῦ Βλεμίδου κυροῦ Νικηφόρου... καὶ πρεσβυτέρου ἐκλογαὶ ἐκ τῆς βίβλου τῶν ψαλμῶν ἐν ταῖς ἑτησίοις ἑορταῖς, φημὶ δὴ ταῖς δεσποτικαῖς καὶ τῶν μεγάλων ἁγίων ἀποστόλων, μαρτύρων, ἱεραρχῶν καὶ ὁσίων. Об этом сочинении см. В. И. Б а р в и н о к. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, стр. 185—209; лл. 216—219. Εὐχὴ ἱκετήριος εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον и несколько других молитв; л. 219 об. пометы, настолько плохо сохранившиеся, что прочитать их невозможно.

Рукопись была куплена Русским Археологическим институтом в Константинополе в 1904 г. за 220 франков у некоего Керланджика, см. ИРАИК, XIII, 1904, стр. 319.

Начало утрачено. Рукопись повреждена червями, от некоторых листов остались только обрывки. Переплет оборван.

БАН, собр. РАИК, № 101
(старый шифр А. 24).

603. Трактат по церковной музыке. Отрывок. Конец XIV — начало XV в.

Филигрань бумаги — полумесяц, неясного рисунка. Текст и нотные знаки написаны чернилами и тусклой красноватой краской. В бумажной обложке.

7 лл. 22,0 × 13,5 и 15,5 × 10,5. Число строк различно.

Текст трактата отожествить не удалось; в нем содержатся сведения по теории музыки и гимны. В Отчете ПБ за 1883 г. (стр. 161) эта рукопись описана как отрывок из учебника нотного церковного пения. Происхождение рукописи установить не удалось.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 161.

Листы загрязнены.

ПБ, греч. № 494.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. Л. ЯКОБСОН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЫМ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Изд-во «Наука». М.—Л., 1964

Необходимость работы, в которой были бы систематизированы и обобщены имеющиеся в настоящее время довольно значительные сведения о крымском средневековье, ощущается давно. Хотя мы располагаем многими исследованиями советских ученых, освещающими те или иные вопросы истории средневекового Крыма, однако все эти работы посвящены отдельным проблемам крымского средневековья и еще не ставили своей задачей дать целостную картину истории Крыма в средние века. Очерки А. Л. Якобсона призваны восполнить этот пробел.

Книга «Средневековый Крым», объемом около 20 печатных листов, включает 150 страниц текста, обстоятельные примечания на 33 страницах, список сокращений и указатель памятников. Книга богато иллюстрирована: 48 рисунков в тексте, 41 таблица и 1 цветная вклейка. Главы книги — их шесть — последовательно освещают те периоды, на которые автор делит крымское средневековье — с V по XVIII в. Несмотря на то, что XVIII в. советская историография относит к периоду нового времени, нам представляется включение его вполне оправданным, так как Крымское ханство в последние десятилетия своего существования, приходящиеся на XVIII в., и экономически, и политически было тесно связано с предшествующим периодом. Резкий перелом в развитии Крыма, отделяющий его средневековую историю от новой, приходится на конец XVIII в., когда он был включен в состав России.

Главы начинаются характеристикой экономической и политической истории края. Будучи крупным специалистом-археологом, А. Л. Якобсон, естественно, основной акцент делает на истории материальной культуры. Обладая широкой эрудицией в рассматриваемом вопросе, автор привлек обширную русскую дореволюционную, советскую, а также отчасти иностранную историческую литературу, использовал богатейшие материалы археологических исследований, среди которых видное место принадлежит его собственным работам.

Автор ставит своей задачей осветить также вопросы, чрезвычайно важные для изучения средневекового периода истории нашей страны: о взаимоотношениях Византии с народами Северного Причерномо́рья, о нашествиях гуннов, хазар, печенегов, половцев, о связях Таврики с Русью.

Серьезным достоинством данной работы является стремление автора поднять вопрос о взаимоотношениях местного населения и Русского государства с Крымским ханством и Турцией — вопрос, который длительное время замалчивался в исторической литературе.

В исторических обзорах, предпосланных каждой главе, автор создает, пользуясь его словами, «историческую канву для всего последующего изложения». Трудность задачи состояла в том, что начальный период крымского средневековья (V—VII вв.) почти не освещен в письменных источниках, поздние же периоды (XIV—XVIII вв.) связаны с появлением такого обилия письменных свидетельств и почти необозримой в настоящее время литературы о них, которое трудно втиснуть в узкие рамки очерков. Это и объясняет неравномерность объема исторических обзоров: в первой главе он лаконичен, в последующих — занимает несколько более трети их, а в последней главе — почти весь ее объем. Написаны эти историко-обзорные части глав живо и увлекательно, отличаются образностью изложения.

Несмотря на их явно подсобное назначение, собственно исторические (экономические и политические) характеристики представляют собой весьма существенную и важную часть книги. В них автор создает довольно цельную картину истории Крыма в средние века, используя не только уже принятые исторической наукой положения (см. ссылки на работы Н. М. Карамзина, Ю. Кулаковского, Д. И. Иловайского, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, а также М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, М. Я. Сюзюмова и др.), но и выдвигает ряд собственных концепций, стремясь их в той или иной степени аргументировать и обосновать. К ним относятся, например, положения А. Л. Якобсона о том, что основу взаимоотношений Византии и Северного Причерноморья составляли «политические связи», которые лишь «сопровождались торговлей» (стр. 3), что со второй половины IX в. с Таврикой было тесно связано и «молодое Русское государство» (стр. 4). Скудость материалов и источников по истории земледельческих поселений Таврики VII—IX вв. автор стремится компенсировать глубоким анализом имеющихся в его распоряжении археологических данных, рисует экономический и культурный облик этих поселений и даже пытается воссоздать картину господствовавших в них социальных отношений (стр. 30). Автор выдвигает ряд весьма интересных положений. Например, он пишет (стр. 31), что «вряд ли и теперь — в конце VIII в.— народное движение в Юго-Западной Таврике было вызвано хазарами, экспансия которых к тому времени сократилась, ибо хазарский каганат начал клониться к упадку, а сила и влияние его в Таврике ослабели» (см. также прим. 34 на стр. 157—158). Принимая концепцию Ю. Кулаковского, что возникновение пещерных городов в Крыму было связано с иммиграцией сюда из Византии иконопочитателей и развивая далее эту мысль, автор делает вывод (стр. 33), что Херсон являлся «центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики». Узкие рамки «Очерков» не позволили автору шире аргументировать эти и другие подобные им положения.

К числу неоспоримых достоинств работы А. Л. Якобсона относится то, что он подытожил данные о средневековых поселениях Восточной Таврики, на которые до сих пор не обращалось должного внимания (стр. 34 сл.). В книге всесторонне рассмотрен вопрос о роли Руси в истории Таврики на различных этапах средневековья; большое внимание уделено Тмутараканскому княжеству. История средневекового Крыма показана в книге не изолированно, а в органической связи с историей сопредельных стран и особенно Византии. Автор правильно подчеркивает значение Крыма в международной торговле того времени и справедливо отмечает следы иноземных влияний, преимущественно малоазийских, в его ремесле, искусстве, идеологии.

Наряду с очевидными достоинствами в исторических обзорах встречаются досадные погрешности. Не всегда мысль автора выражена достаточно четко. Так, например, не совсем ясно выражение «печенеги, властители южно-русских степей...» (стр. 3). На стр. 6 автор пишет, что «вторжения варваров в северо-восточные провинции Римской империи и в Таврику... заставили римских правителей отвлечь свои силы от полуострова». Каким образом вторжения в Таврику заставили отвлечь силы от полуострова? И если, как пишет автор, «вследствие этого» Боспор «освободился» от римской опеки (стр. 6), то почему же он в результате этого «больше не оправился», «сошел со сцены» (там же)? Непонятно, о каких «гуннских дружинах» говорит автор на стр. 9. А. Л. Якобсон называет заселение готами горного Крыма «событием», вызванным распадом державы Аттилы, в то время как тут же он говорит, что готы «задолго до этого» (?!)... «уже вполне обжили этот район» (стр 9). На стр. 10 автор пишет: «Экономическое оживление Херсона» в VI в. сопровождается «определенной натурализацией хозяйства города». Помимо *неясности* этого выражения самого по себе, утверждение о натурализации хозяйства в VI в. автор не подкрепляет ни археологическими, ни какими-либо другими данными. Считая, что Таврика вновь оказалась в IX—X вв. «под пятой византийского владычества», автор этот же период считает временем «ее (Таврики.— *Рец.*) экономического возрождения» (стр. 57).

К числу неясных положений автора относятся также его слова: «В XIII в. Восточный Крым... стал экономически передовым районом края» (стр. 80). Прежде всего, что имел в виду автор под словами «экономически передовой»? Затем, на какой основе возникло здесь «экономическое преобладание»? Если на основе торговли, то этот экономический подъем имел место лишь в прибрежных портовых городах. Но сам же автор говорит о том, что это были лишь пункты приложения торгово-ростовщического итальянского капитала. С другой стороны, он утверждает, что владычество итальянских купцов и их безудержная эксплуатация «местных производительных сил» «отнюдь не способствовала их развитию» (стр. 80). Далее, на стр. 104 автор говорит об ордах Ногая, в 1299 г. «смерчем пронесшихся по Крыму». Следовало бы пояснить, что «орды Ногая» нельзя смешивать с Ногайской ордой, возникновение которой относится к 40-м годам XV в. Неясно также выражение «Солхату (Крыму) в конце XIII и в XIV в. перешла роль старой Сугдеи» (стр. 105). О какой роли идет речь? На стр. 139 из слов «...сюда (в Кафу.— *Рец.*) ежегодно заходило от 100 до 150 судов, груженных хлебом», делается вывод, что «основную часть хлеба, которым снабжался Константинополь, составляла пшеница, вывозившаяся из Кафы».

Не совсем удачны, на наш взгляд, и такие выражения А. Л. Якобсона, как «полицмейстер» и «полицейские» Кафы (стр. 112), «греческие помещики» (к стр. 123 прим. 138

на стр. 175), употребляющиеся применительно к XIV в. Автор пишет «грузины и мингрельцы» (стр. 110), «еврейско-караимское население» (стр. 127). В первом случае не следовало бы, пожалуй, разделять грузин и мингрельцев, тогда как во втором случае нельзя объединять две совершенно различные народности. Несколько необычен вводимый автором термин «кочевое земледелие» (стр. 131 сл.).

В исторических очерках встречаются некоторые неточности. Так, восстание Фомы Славянина было не в 822—824 (стр. 35), а в 820—823 гг. Солхат расположен не к востоку (прим. 59 на стр. 168), а к западу от Феодосии. На стр. 57 мы читаем: «Большие изменения произошли и в экономической жизни края. Конец IX в. открывает, можно сказать, новую страницу истории Таврики — начало ее экономического возрождения, продолжавшегося весь X в. Собственно, речь идет только (подчеркивает при этом автор.— *Рец.*) о западных (т. е. юго-западных, ибо западные — это районы Керкинитиды.— *Рец.*) районах Крыма...» И далее там же: «Чтобы понять причины экономического подъема Юго-Западной Таврики и самого Херсона, следует прежде всего иметь в виду, что это не было изолированным явлением, наоборот, было отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в....» Совершенно справедливо при этом автор ссылается на А. П. Каждана [1]. Безусловно, в X в. наблюдалось возрождение хозяйства Юго-Западного Крыма, которое, являясь также «отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в.», было связано в первую очередь с уходом отсюда хазар. Хотя, по словам автора, «крымскую деревню X в. мы почти не знаем» (стр. 74) из-за скудости источников, он, однако, делает вывод, что «Юго-Западная Таврика, несмотря на оживление ближайшего своего центра — Херсона, находилась в X в. в запустении» (там же). Этот вывод не вяжется ни с приведенными словами автора, ни с действительным положением вещей. На стр. 80 автор пишет: «Вскоре же, в самом конце XII или в начале XIII в., Крым вместе с Херсоном вообще отпал от Византии, захваченной крестоносцами (1204 г.)». Но, во-первых, крестоносцы захватили не всю Византию, а часть ее, во-вторых, Херсон сохранял связи с Трапезундской империей, от которой находился в зависимости. В Улус Джучи не следует включать Китай и Персию (стр. 104). Как известно, Улус Джучи или Золотая Орда, включал лишь земли до Иртыша.

Недоумение вызывают и некоторые другие заявления автора. Так, на стр. 4 он пишет: «Русско-византийская война конца X в. привела к важнейшим последствиям и в области культуры — принятию Русью христианства. Русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров...». Прежде всего, о какой «русско-византийской войне» идет речь? Если автор имеет в виду войну 970—971 гг., то она «не привела» к принятию христианства. Если автор имеет в виду чисто демонстративный поход Владимира Святославича на Корсунь, то этот поход нельзя назвать войной. Христианизация Руси была идеологическим выражением процесса феодализации Древнерусского государства и отвечала интересам класса феодалов, а отнюдь не свершилась в результате войны. Нельзя согласиться и с тем, что «русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров». Не говоря уже о том, что поток восточных товаров шел в Московскую Русь и до XIV в., и не только через Крым (а также через Итиль, Булгар, Сарай-Бату, Сарай-Берке и т. д.), автор сам говорит о торговле Руси с Крымом еще в XIII в. (стр. 79). Несколько странно, что А. Л. Якобсон неосуществленное сватовство дочери владетеля Феодоро Исаака «за сына московского царя (?) Ивана III» (стр. 126) приводит в качестве доказательства «насколько перед лицом турецкой угрозы велик был авторитет Москвы в глазах греческих правителей Крыма...» (там же). Инициатива этого сватовства принадлежала не правительству Феодоро, а великому князю московскому Ивану III, о чем свидетельствует тот самый источник, на который ссылается автор (прим. 160 на стр. 176).

Прежде чем коснуться исторической интерпретации, которую дает А. Л. Якобсон ряду памятников крымского средневековья, следует обратить внимание на некоторые географические неточности, проходящие через весь текст книги, ибо они влекут за собой искажение исторической топографии. Автор именует «горным Крымом» холмистые районы юго-западного предгорья между Бахчисараем и Севастополем, совершенно не учитывая подлинно горный Крым, т. е. Главную горную гряду, ее северные отроги и обширные южные склоны к морю [2]. Между тем, именно она и составляла Таврику в собственном смысле слова. Ничего не говорится в книге о многочисленных памятниках этого района, хотя они-то и обладают тем своеобразием, которое выражает специфические черты крымского средневековья, существование в горах и на побережье политически не зависевших от Византии сельских общин и др. Автор не точен, считая отдельные относительно высокие холмы и скалистые останцы типа Мангупа, Тепе-Кермена и др. неприступными горами, употребляя неправильно понятые термины «нагорье», «горные проходы» и т. п., делая Херсон «центром юго-западного нагорья» (стр. 33). Херсон лежит в стороне от юго-западного нагорья, а «горные проходы», о которых говорит автор — это широко открытые входы в долины рек

[1] См. стр. 57, примеч. 15 на стр. 162.
[2] Ср. Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964.

Черной, Бельбека, Качи, Альмы. Этими и им подобными ошибками в значительной мере объясняются неясности и противоречия в ряде концепций автора.

В представлении А. Л. Якобсона «длинные стены» Прокопия Кесарийского являются limes'ом, якобы созданным Византией для защиты Херсона от кочевников-степняков (стр. 11 сл.). По традиции (А. А. Васильев, Н. А. Репников, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон) он усматривал этот limes в ряде укреплений юго-западного предгорья. Поскольку же у Прокопия «длинные стены» ограждали страну Дори, А. Л. Якобсон помещает ее в том же районе. В действительности же все эти укрепления, большинство которых возникло, кстати говоря, на III—IV столетия позже Юстиниана I и Прокопия, расположены независимо друг от друга и каждое из них тяготеет к своему микрорайону, имеющему четкие естественные границы, внутри которых находился ряд поселений *того же* времени [3]. Эти разнохарактерные укрепления (города, замки, монастыри) выглядят «системой» только на схеме, подобной приложенной к книге. К сожалению, отсутствие сколько-нибудь сносной карты мешает читателю сразу разобраться в этом вопросе. Впрочем, в рецензируемой книге, как и в некоторых других трудах того же автора [4] отразилась нечеткость его воззрений на пресловутый limes. Относя к нему Каламиту, Эски-Кермен, ранний Мангуп, Сюйренскую крепость, Чуфут-Кале и др. укрепления (стр. 11, 25, 26), он в пространном примечании (прим. 41 на стр. 153—154) отказывается от отождествления их с «длинными стенами» Прокопия, в то время как выше именно это отождествление дает ему повод говорить о limes'е.

Это противоречие влечет за собой другое. А. Л. Якобсон искусственно разрывает на два разных вопроса единый вопрос о стране Дори и об ограждавших ее «длинных стенах». Отказавшись от положения, легшего в основу его локализации Дори, он, тем не менее, оставляет последнюю в том же районе. Получается, что страна Дори лежит вне «длинных стен», вопреки свидетельству Прокопия. Гиперкритика Прокопия, начатая еще А. А. Васильевым, перерастает в данном случае в противоречие, известное в логике как circulus in demonstratio.

Непонятно, почему автор, отстаивая свою точку зрения, не упоминает о существовании другой концепции по вопросу о локализации страны Дори, которая была выдвинута еще П. Кеппеном и поддержана В. Г. Васильевским. Кстати говоря, именно точка зрения Кеппена — Васильевского находит все новые подтверждения в результатах полевых исследований последних лет и анализа текста Прокопия [5].

Мы остановились на данном вопросе несколько подробнее, так как он является одним из краеугольных для истории раннесредневекового Крыма. От его правильного решения зависит все дальнейшее освещение крымского средневековья. Сам автор пишет об укреплениях юго-западного предгорья. «Будучи оторваны от области Дори, они как бы повисают в воздухе, теряют свою историческую почву» (стр. 153). По нашему мнению, как раз наоборот: названные укрепления имеют под собой вполне реальную почву, хотя и не ту, о которой говорит автор [6]. Дело в том, что локализация Дори в другом районе влечет за собой неизбежный пересмотр концепции, по которой Византия в период раннего средневековья якобы полновластно господствовала во всем Крыму и создала для своих нужд все его укрепления. Такой взгляд является спорным, ибо игнорирует местное своеобразие исторического процесса и порожденных им памятников. Так, например, автор, с нашей точки зрения, сильно преувеличивает значение византийских строительных приемов в архитектуре средневекового Крыма (стр. 11, 17, 154 и др.). В ряде случаев единственным доказательством византийской принадлежности сооружений является наличие квадровой кладки.

В книге А. Л. Якобсона довольно часто встречаются, на наш взгляд, слишком категоричные утверждения. Так, например, автор пишет, что «архитектурная система времен зрелого феодализма» создавала «небольшой замкнутый объем храма, предназначенного для ограниченного круга людей, объединенных социально» (стр. 74). По мнению автора, уже во второй половине IX и X в. эта система храмов сменила старую базиличную систему, которую он даже называет «отжившей» (там же). Но базиличная система продолжает жить как в Крыму, так и *во всей* христианской Европе не только в IX—X вв., но и значительно позднее; далее: именно зрелый феодализм создал также и огромные по объему храмы, предназначенные для масс верующих. На стр. 27 А. Л. Якобсон именует «северо-причерноморской культурой» ту широчайшую историко-культурную общность, в которую он включает разные варианты родственной по типу керамики — восточнокрымской, таманской, салтовской, саркельской, болгарской — и отмечает в Крыму «дальнейшее развитие этой культуры». Автор при этом не указывает, что этот термин был введен М. А. Фронжуло, который,

[3] См. Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований.— СА, № 1, 1958 г.

[4] См., например, А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.— Л., 1959, стр. 26.

[5] См. О. Домбровский, Э. Соломоник и П. Шохин. О местонахождении «длинных стен» и страны Дори Прокопия Кесарийского.—«Тезисы докладов на Всесоюзном археологическом пленуме в Москве». М., 1958.

[6] См. Е. В. Веймарн. Указ. соч.

однако, видит в Крыму не дальнейшее развитие, а один из истоков этой культуры. Изображая горы и южное побережье Крыма накануне присоединения его к России как пустой безлюдный край (стр. 150), автор забывает, что именно в это время и именно отсюда русское самодержавие для подрыва экономики Крымского ханства переселило в Приазовье огромную массу христианского населения.

В главе V при освещении истории итальянских колоний автор недостаточно, по нашему мнению, использует выводы советских историков, специально занимавшихся этим вопросом,— Е. Ч. Скржинской, М. К. Старокадомской, И. А. Гольдшмит, А. М. Чипериса — и почему-то игнорирует исследования и публикации некоторых зарубежных ученых — М. Маловиста, Г. Братиану, Р. Лопеца и др.

Наиболее сильной стороной книги А. Л. Якобсона является освещение археологического материала, хотя местами, как нам представляется, автор обходит данные, не укладывающиеся в его концепцию. Так, упоминая о весьма существенных разногласиях в датировке некоторых из основных памятников Херсона (базилик, мозаичных полов, фресок), он отсылает читателя к своей более ранней работе —«Раннесредневековый Херсонес». Но в этой работе на указанных автором страницах вместо аргументированной критики взглядов его научных противников мы находим лишь недостаточно обоснованное фактами отрицание их мнений. В другом случае он ссылается на статью Е. Н. Жеребцова «К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса» [7]. Однако в этой статье нет ни разрезов, ни стратиграфических данных, без чего в археологии, как известно, нельзя датировать памятник.

В других случаях, особенно когда автор описывает результаты своих собственных археологических исследований в Херсонесе и Байдарской долине, он глубоко аргументирует выводы и приводит массу свежего и первоклассного материала. Городская планировка и архитектура, ремесло и искусство Херсона, его торговые и культурные связи с Закавказьем и Средней Азией выпукло показаны на многочисленных и разнообразных памятниках, удачно подобранных и умело сгруппированных. Автор дает краткое, но полное, свободное от тяжеловесных перечислений изложение своих прежних трудов по средневековому Херсону. Местами его описания поднимаются до уровня литературно-художественного очерка.

В краткой рецензии на книгу А. Л. Якобсона невозможно подробнее рассмотреть все ее достоинства и недостатки. Большую часть последних можно было бы отнести в адрес не только автора, но и научного редактора книги и издательства. Но по совершенно непонятным причинам в «Очерках истории и истории материальной культуры средневекового Крыма» имя специалиста историка, редактировавшего эту книгу, не указано.

Тем не менее, при всех указанных выше недостатках, рецензируемая книга ценна обилием впервые суммированных археологических данных, обширным библиографическим аппаратом, хорошими и многочисленными иллюстрациями. При достаточно критическом отношении к исторической части этого труда и порою спорным выводам автора, книга принесет пользу всем, занимающимся изучением истории средневекового Крыма.

С. А. Секиринский, К. К. Когонашвили

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА. ЗА АГРАРНИТЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНОВЕКОВНА БЪЛГАРИЯ XI—XIII В.

София, 1964, 210 стр.

Книга болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой посвящена одной из важнейших проблем болгарской истории. Достаточно широки и хронологические рамки монографии — она охватывает почти четверть социально-экономической истории болгарского средневековья. Этой теме в послевоенный период уделялось значительное внимание как в болгарской историографии, так и в исторической науке других стран. Однако разработка поставленных в книге проблем еще далека от своего завершения, и автор с полным основанием говорит о необходимости вести «дальнейшие исследования в этом направлении» (стр. 6).

Книга Г. Цанковой-Петковой состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении автор дает суммарную характеристику историографии вопроса, кратко излагает экономическую и политическую историю Болгарии с начала XI до середины XIII в. и перечисляет основные типы своих источников. Здесь же исследовательница говорит о задачах своей работы. Признавая, что феодализм в Болгарии окончательно сложился в XI—XII вв. под непосредственным влиянием более развитой византийской экономики, Г. Цанкова-Петкова пишет, что «этот сложный вопрос не был до сих пор предметом специального исследования. Его изучение является

[7] ВВ, XXIII, 1963, стр. 205—213.

трудной задачей, заключающейся в том, чтобы, с одной стороны, выявить и разграничить внутреннее, закономерное развитие от внешнего (византийского) влияния, с другой стороны — установить, на какую болгарскую основу наслаивались византийские правовые нормы и формы» (стр. 5). Создание «синтезирующего исследования», посвященного изучению этой основной проблемы на конкретном документальном материале, Г. Цанкова-Петкова ставит своей задачей (стр. 6).

Таким образом, введение к книге в целом дает читателю представление о предмете исследования. Однако постановка вопроса нам представляется несколько слишком общей. На наш взгляд, следовало бы конкретнее определить задачи исследования, отметить удовлетворительно решенные проблемы, сказать об ошибочных или спорных положениях, выделить выдвигаемые автором новые, не исследованные вопросы и, наконец, не предвосхищать во введении своих последующих выводов.

Первая глава носит название «Крупное землевладение и феодальная собственность» и распадается на пять параграфов. Весьма важен и интересен первый из них, посвященный орудиям труда и сельскохозяйственной технике. Исследовательница привлекает не только письменные, но и археологические и этнографические материалы и сообщает много ценных данных. Касаясь существующего в историографии спора относительно использования в средневековой Болгарии подсечно-огневой системы обработки земли, автор заняла среднюю и в данном случае, по нашему мнению, верную позицию. Г. Цанкова-Петкова не считает эту систему широко распространенной, но убедительно доказывает, что она сохранялась как пережиток в некоторых горных и лесных районах Болгарии даже в позднее средневековье.

Второй параграф первой главы озаглавлен «Виды поселения и структура феодальной собственности»— название, не вполне отвечающее содержанию раздела. Изложение здесь довольно суммарно и кратко. В основном автор говорит о возникавшем с развитием феодализма новом типе поселения — об агридии (проастии, зевгилатии и т. п.). С одной стороны, Г. Цанкова-Петкова считает этот тип поселения специфически феодальным (как часть вотчины), с другой стороны, она полагает, что по своему виду и форме такие поселения все более приближались к селам — сельским общинам и не отличались от них.

Поставлена, таким образом, весьма важная проблема о различиях и сходстве между зависимыми и свободными поселениями и о составе феодальной вотчины. Однако автор оставила в стороне вопросы о структуре феодальной вотчины (не говоря уже о структуре феодальной собственности, о которой сказано в заголовке), о том, какой тип феодального поселения был основным типом, характерны ли для проастиев (агридиев) общинные отношения и т. д.

Важным разделом первой главы является третий параграф — о светском феодальном землевладении. Автор тщательно излагает, к сожалению, немногочисленные известия источников о крупном светском землевладении в Болгарии. Исследовательница указывает на его рост и укрепление, на тенденцию к превращению феодальной вотчины в конце XII — начале XIII в. и в Болгарии и в Византии в почти независимое от центральной власти феодальное княжество.

Вызывает сомнение однако тот путь доказательств, которым автор идет к указанным выводам. Она ставит в центре своего изложения развитие пронии, но не приводит ни одного бесспорного свидетельства источников о пронии. Оставлены без внимания и жаркие споры в современной историографии по этому вопросу. Как о бесспорных фактах Г. Цанкова-Петкова говорит о прониях Льва Кефалы, Григория и Абаси Бакуриани, хотя в источниках речь идет, напротив, об императорских пожалованиях не в условную, а в полную собственность. Автор полагает, что эти источники говорят о превращении пронии уже в конце XI в. в наследственную полную собственность, но для этого нужно было доказать, что пожалованные упомянутым лицам владения были первоначально прониями.

Четвертый параграф главы посвящен церковному и монастырскому землевладению и носит в значительной мере описательный характер. В конце этого раздела находятся два вывода, относящиеся не только к четвертому, но и к третьему параграфу.

В своем первом выводе Г. Цанкова-Петкова отмечает сложный состав феодального поместья, состоявшего из земель, права собственности землевладельца на которые были различны. Условная собственность имела тенденцию уже с конца XI в. к превращению в наследственное имущество. Владения светских и духовных феодалов были разбросаны в разных районах. С ростом феодального землевладения все больший удельный вес в поместье приобретали небольшие «внесельские и внегородские поселения» (агридии, проастии и т. д.).

Согласно второму выводу автора, развитие светского землевладения шло по линии либо превращения в монастырское, либо по пути политического сепаратизма (стр. 68). Г. Цанкова-Петкова говорит о переходе светских владений в монастырские и с полным основанием замечает, что помимо идеологических были чисто экономические причины этого явления: монастырское землевладение было устойчивее светского, оно пользовалось гораздо большими правами и привилегиями со стороны центральной власти — светский же ктитор зачастую сохранял право на значительную часть монастырских доходов.

Оба вывода нам представляются вполне правомерными. Они подкрепляются собственными изысканиями исследовательницы, но и не противоречат выводам ее предшественников. Мы хотели бы только усомниться в плодотворности выдвинутой автором дилеммы относительно светского землевладения: либо превращение в монастырскую вотчину, либо переход в независимое феодальное княжество.

Заключительный и один из самых маленьких параграфов первой главы посвящен крестьянству. Автор признает, что свободное крестьянство сохранялось в Болгарии в течение всего средневековья. Право собственности свободного крестьянина на свою землю и хозяйство находило ограничение лишь в верховной собственности государя, который путем дарения свободных частному лицу или духовенству мог превратить их в феодально-зависимых. Г. Цанкова-Петкова присоединяется к мнению, что налоги, повинности и отработки свободных в пользу государства носили в условиях феодализма характер феодальной ренты.

Феодально-зависимые крестьяне (парики) делились в основном на две группы: на крестьян, которые, став зависимыми, не потеряли права собственности, «хотя и неполной», на свой надел и хозяйство, и на безземельных и лишенных средств производства крестьян, которые, в свою очередь, делились на несколько подгрупп.

В этом параграфе нет анализа источников. По всей вероятности, исследовательница не хотела повторяться, так как годом ранее ею была опубликована специальная работа, посвященная этой проблеме [1]. Но это не является достаточным основанием к тому, чтобы лишать «синтезирующую работу» одного из главных ее разделов. Нельзя не высказать неудовлетворенность тем, что автор, приняв мнение об идентичности государственных налогов с феодальной рентой (стр. 71—72), не высказал своего отношения к тем возражениям против этой точки зрения, которые были сделаны М. Я. Сюзюмовым [2]. Без доказательств, к сожалению, оставляет автор и такой важный вывод, как прикрепление болгарских крестьян к земле в XI в. Факт наследования детьми и внуками земельных участков в имении феодала у своих родителей и дедов, вопреки мнению Г. Цанковой-Петковой (стр. 73), не является таким доказательством. Автор приводит слова Кекавмена, что нельзя силой удерживать свободного, хотя он и был облагодетельствован феодалом, так как такое удержание было бы несправедливостью.

Это свидетельство, действительно, можно толковать как доказательство определенной тенденции феодалов к закрепощению зависимых людей, но его недостаточно для столь ответственного вывода. К тому же слишком смелым представляется и перевод Г. Цанковой-Петковой этого места сочинения Кекавмена (стр. 73, прим. 214) слово εὐεργετηθέντες едва ли можно перевести «снабженные землей» («оземлени») — речь идет скорее о награде верного человека движимым имуществом.

Таково содержание и таковы выводы первой главы. Гораздо больший интерес, на наш взгляд, представляет вторая глава «Средства и формы феодальной эксплуатации». Эта глава также распадается на параграфы. В ней их шесть. Первый из них посвящен экскуссии и иммунитету, точнее говоря — историографии вопроса о общей постановке проблемы. Г. Цанкова-Петкова присоединяется к мнению тех историков, которые считают экскуссию в Византию XI—XIII вв. начальной стадией иммунитета, или финансовым иммунитетом. Нам это мнение представляется достаточно обоснованным. Тем не менее мы хотели бы сделать два замечания. Во-первых, мы не согласны с тем, что спор о сущности византийской экскуссии имеет «до известной степени терминологический характер» (стр. 81). Во-вторых, на наш взгляд, невозможно в одно и то же время и солидаризироваться с точкой зрения А. П. Каждана, который хотя и признает, что экскуссия содействовала «росту вотчинной системы эксплуатации» [3], но не связывает ее с развитием иммунитета [4], и называть экскуссию «одной из составных частей иммунитета, его начальной стадией» (стр. 90). Одним из своих главных аргументов А. П. Каждан считает противопоставление в источниках терминов «экскуссия» и «ателия» (первый означает будто бы только освобождение от чрезвычайных и нерегулярных сборов и повинностей, а второй — освобождение от регулярных налогов). Нам кажется невозможным принимать и этот вывод (стр. 80—81), а затем (на наш взгляд совершенно справедливо) доказывать, что экскуссия может означать и полное освобождение от налогов (стр. 94—100, 103—104). Автор недостаточно четко определила свою позицию по отношению к спорам о сущности византийской (и болгарской) экскуссии.

Во втором параграфе второй главы рассматривается вопрос о финансово-административной экскуссии в Болгарии. Изложение начинается с анализа грамот Василия II Охридской архиепископии, в которых содержится первое упоминание об экскуссии в Болгарии. Поставив перед собой задачу определить объем этой экскуссии, Г. Цан-

---

[1] Г. Цанкова-Петкова. Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства. — ВВ, XXIII, 1963.

[2] См. М. Я. Сюзюмов. Г. Г Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. — ВВ, XXII, 1963, стр. 301—302.

[3] А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 213.

[4] Там же, стр. 212.

кова-Петкова рассматривает вопрос о сущности икомодия (от уплаты «икомодия и остальных эпирий» освободил архиепископию Василий II) и приходит к выводу, что в этих грамотах он равнозначен основной поземельной подати, существовавшей в Болгарии еще при Самуиле (по сообщению Кедрина, она уплачивалась натурой). С последней четверти XI в. икомодий означал обыкновенно налог на домашний очаг (виз. капникон, слав. комод и дымнина). В понятие «икомодий» в разное время вкладывалось разное содержание. Поскольку же икомодий, по мнению автора, был основной податью, а «остальные эпирии» охватывали все прочие, регулярные и нерегулярные, подати и повинности, Г. Цанкова-Петкова считает, что «Василий дал полную экскуссию болгарским епископам» (стр. 97), отчислив определенное число крестьян и клириков и полностью передав их в феодальное хозяйство епископов с тем, чтобы эти зависимые люди выполняли в пользу феодала те повинности, которые они несли ранее по отношению к государству (стр. 95).

Далее автор исследует терминологию экскуссионных грамот и делает заключение, что наряду с частичной экскуссией с ходом времени все более развивается полная финансовая экскуссия (ἐξκουσσεία καθαρᾶ, ἐξκουσσεία παντελῆς или καθολικὴ ἐξκουσσεία), означающая освобождение не только от нерегулярных, но и от регулярных налогов и повинностей. Напротив, термин ἀτελεια означает освобождение только от регулярных налогов. В болгарских грамотах дарование полной экскуссии выражалось словами «свобода чиста».

Мы согласны с автором рецензируемой монографии, что значение термина ἐξκουσσεία отнюдь не всегда связывалось лишь с освобождением от эпирий (ἐπήρεια) как чрезвычайных повинностей, а также с тем, что слово ἐπήρεια, в свою очередь, могло иметь значение налога вообще. Убедительным нам представляется и вывод, что полная экскуссия подразумевала освобождение от обязательств не только к финансовому ведомству, но также и к ведомствам военному и государственной почты. Однако не все в этом параграфе нам представляется несомненным. Мы не считаем доказанным, что *икомодий был во время Василия II основным поземельным налогом и что экскуссия*, предоставленная императором Охридской архиепископии, была полной. Прежде всего, *нельзя говорить о том, что эту экскуссию* Василий II дал архиепископии. Император подчеркивает в грамотах, что он в налоговом отношении сохранил тот статус болгарской церкви, который она имела еще до завоевания Болгарии, при Самуиле («как были освобождены и при Самуиле»). Следовательно возникновение финансового иммунитета в Болгарии относится к периоду ее независимого существования.

Далее, автор не коснулся вопроса об ἀριθμός париков и клириков Болгарской архиепископии, постановка которого приводит к сомнению в правильности вывода о полной экскуссии. В грамотах Василия II идет речь, конечно, не о всех (а может быть даже о меньшинстве) зависимых крестьян архиепископии. Невозможно допустить, чтобы в ходе всего предшествующего развития 32 названных в грамотах епископских вотчин оказалось, что по числу зависимых крестьян они распадались лишь на четыре группы, имеющие по 40, 30, 15 и 12 париков. Слишком подозрительное единообразие. Мало того, следуя Г. Цанковой-Петковой, нужно считать, что все принадлежавшие архиепископии крестьяне были горожанами (см. стр. 67: «охридский архиепископ и епископы ряда других болгарских эпархий владели определенным числом зависимых хозяйств в соответствующих городах своей эпархии»), т. е. что болгарские иерархи накануне завоевания и в первое время после завоевания не имели поместий в сельской местности, зависимых сел и деревень. Такое заключение неизбежно, если считать экскуссию грамот Василия II полной, если думать, что помимо упомянутого в грамотах числа париков епископы не имели зависимых людей. Как же в таком случае расценить сообщение Козьмы Пресвитера от X в. о «стяжании нив и сел» болгарским духовенством?

Мы думаем, что удовлетворительное понимание грамот Василия II невозможно, *если не признать, что византийский термин* ἀριθμός (*во всяком случае в это время*) означал не всех зависимых людей феодала, а лишь число зависимых, освобожденных *в пользу феодала от государственных налогов*. Сама Г. Цанкова-Петкова признает дробность византийской экскуссии и приводит примеры об освобождении от налогов одних владений феодала и о взыскании налогов с других (стр. 99—100).

Мы считаем, что экскуссия париков Охридской архиепископии была неполной, потому что: 1. Она не охватывала всех зависимых крестьян; 2. Она, по-видимому, не освобождала ото всех налогов и повинностей в пользу государства даже тех париков, число которых определено в грамотах Василия II.

Третий параграф, озаглавленный «Судебная экскуссия», вызывает особый интерес, так как ранее было сказано, что в источниках XI—XII вв. «нет речи» о передаче судебных прав феодалам, что об этом говорится «лишь в официальных документах XIV в.» (стр. 81). Исследовательница начинает рассмотрение с документа XIII в.— «Виргинской грамоты» и приходит к заключению, что в ней говорится лишь о праве низшей юрисдикции. Такой же вывод делается и о Мрачской (1347 г.) и о Рилской (1378 г.) грамотах. Г. Цанкова-Петкова считает, что пользующийся экскуссией феодал, освободив свои земли и крестьян от вмешательства чиновников государственного аппарата, «негласно захватывал их функции, а вследствие этого — и право внеэкономического принуждения на крестьянина» (стр 118). Но независимо от того, узурпиро-

ванными или официально признанными были эти права, они касались в Болгарии лишь прав низшей юрисдикции не только в XI—XII, но и в XIII—XIV вв. «Наличие центральной власти» в Болгарии и отсутствие данных о «целостном и дифференцированном аппарате, подобном государственному, в феодальных владениях» также, по мнению Г. Цанковой-Петковой, не позволяет говорить о полном иммунитете даже для XIV в. (стр. 118—119).

Прежде всего, на наш взгляд, следовало бы отказаться от традиционного сведения проблемы внеэкономического принуждения (а именно ее имеет в виду заголовок главы — «Средства и формы феодальной эксплуатации») к вопросу об иммунитете как юридическом институте. Это особенно важно для историков Византии (а также Болгарии под византийским господством) в силу исторически сложившегося в империи гораздо более резкого, чем на Западе, несоответствия юридических официальных норм и реальных социально-экономических отношений. Действительные права феодальных собственников находили далеко не адекватное отражение в иммунитетных привилегиях. Не выходя за рамки проблемы иммунитета, мы не сможем объяснить факт существования уже в конце XII—XIII вв. на Балканах совершенно независимых феодальных княжеств (Льва Сгура, Хриза, Стреза и др.).

Мы не отрицаем, что чисто юридически развитие судебного иммунитета в Византии и Болгарии отставало сравнительно с Западом и в целом не достигло полного завершения. Но мы сомневаемся в том, что и в XIV в. дело всегда ограничивалось официальным признанием лишь права низшей юрисдикции, что и в Византии и в Болгарии даже в XIV в. не было иммунистов в подлинном значении этого слова. Г. Цанкова-Петкова проявляет в этом вопросе, по нашему мнению, излишний ригоризм.

Полный иммунитет отнюдь не исключает подданства и наличия центральной власти, хотя и эфемерной, но юридически признанной (если уж делать упор на юридическую сторону дела). Вотчина иммуниста отнюдь не обязательно выпадала из государственного организма. То же следует сказать и о частном аппарате принуждения феодала — структура аппарата и его численность зависели от конкретных обстоятельств, прежде всего — от размеров вотчины. Сходство аппарата вотчины с государственным вряд ли было важным. Иммунисты и на Западе, обладая равной суммой всяких прав, резко различались по своему могуществу и по отношениям с центральной властью.

Безусловно, вопрос об иммунитете в Византии и Болгарии все еще остается спорным, но нам представляется убедительным мнение Г. А. Острогорского, что для установления факта передачи феодалу государством судебных прав совсем не обязательно искать прямых и ясных указаний на этот счет в жалованых грамотах. «В Византии права на судебные сборы не отделялись от прав судопроизводства»,— говорит югославский византинист [5]. Следовательно, передача феодалу права сбора судебных пошлин автоматически предполагала приобретение им каких-то судебных прав. Данные грамот конца XI—XII вв. о передаче монастырям права на сбор аерикона Г. Цанкова-Петкова приводит сама. Нам кажется, что даже по отношению к этому времени можно говорить не только об узурпации и негласном присвоении судебных прав феодалом, но и о их частичном официальном оформлении.

Что касается XIII—XIV вв., то здесь следовало бы либо сказать о существенных особенностях аграрного развития Болгарии сравнительно с Византией, либо опровергнуть выводы Г. Острогорского, который, опираясь на факты, подобные тем, которые рассматривает Г. Цанкова-Петкова, считает возможным говорить о наличии у отдельных феодалов прав высшей юрисдикции. Мы имеем в виду Виргинскую грамоту, которая передавала монастырю право сбора судебных пошлин за убийство, девичий разбой (деворастление) и конскую кражу — преступления, за которые судил суд, обладавший правами высшей юрисдикции [6].

В 1327 г. Андроник II по просьбе болгарского царя Михаила Шишмана выдал Зографскому монастырю хрисовул, в котором Г. Острогорский усматривает передачу прав высшей юрисдикции [7]. На наш взгляд, следовало бы сказать, что либо Шишман просил о передаче еще не известных в Болгарии привилегий, либо югославский ученый ошибается в оценке документа от 1327 г.

Четвертый параграф главы посвящен вопросу о повинностях крестьян по отношению к феодалу. Основное внимание сконцентрировано здесь на налогах и повинностях в пользу государства, поскольку феодал, получив право их сбора в свою пользу, сохранял неизменными форму и размеры основных податей и повинностей (стр. 134). Поэтому и высота бывшего государственного налогового обложения была критерием уровня феодальной частновладельческой ренты. Критерий этот определялся вначале имущественным положением крестьянина. Впрочем, феодал имел возможность нарушать этот принцип и повышать ренту, как делало это нередко и государство в отношении налогов.

---

[5] Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. —ВВ, XIII, 1958, стр. 105.

[6] Там же, стр. 103.

[7] Там же, стр. 83, 104.

По мнению болгарской исследовательницы, не было существенных отличий в видах крестьянских повинностей в Болгарии в XI—XII и в XIII—XIV вв. (отработочных, натуральных и денежных) (стр. 124). Она устанавливает некоторые интересные параллели между византийскими (XI—XII вв.) и болгарскими (XIII—XIV вв.) податями и повинностями. В этот же раздел о крестьянских повинностях автор включает и рассмотрение материала об аппарате управления и принуждения феодала, поскольку указанные функции выполняли зависимые от землевладельца люди. Завершается параграф изложением данных об уплате населением каноникона.

Затронутые в четвертом параграфе вопросы чрезвычайно сложны и трудны. Мы еще далеки от их окончательного решения. Наблюдения Г. Цанковой-Петковой будут, несомненно, способствовать решению этой задачи. Наше основное замечание сводится к тому, что автор уклонилась от постановки проблемы движения феодальной ренты в XI—XIII вв. Если она считает материал недостаточным для этого, так об этом и следовало бы сказать. Вопрос о вестиаритах и проноитах теснее связан, на наш взгляд, не с повинностями крестьян, а с проблемой внеэкономического принуждения. Каноникон, наконец, вряд ли правильно рассматривать как частновладельческую ренту.

Пятый параграф второй главы трактует вопросы о налогах, уплачивавшихся феодалами и их париками государству. Автор показывает, что при неполной экскуссии сплошь и рядом феодал сам собирал со своих крестьян и вносил в казну государственные налоги. Переходя к их конкретному рассмотрению, Г. Цанкова-Петкова делает ряд интересных и оригинальных наблюдений. Она повторяет свой вывод об идентичности икомодия с комодом, считает его одним из главных налогов, а в грамотах Василия II — даже главным налогом, идентичным болгарской подати с дома и пахотного участка, которая взималась в Болгарии до ее завоевания. Икомодий часто упоминается рядом с другой основной податью — зевгологием, взимавшейся с обрабатываемой земли и тяглового скота. Этот налог соответствовал более позднему зевгаратикию, а также ситаркии, или синоне, и был тождествен болгарским волоберщине и житарству и сербскому основному налогу по названию «соч».

С утверждением в Болгарии византийской налоговой системы икомодий стал соответствовать капникону (дымнине) и вместе с зевгологием составлял две главные подати, которые с середины XI в. уплачивались деньгами. Эта византийская налоговая система в главных чертах сохранялась в Болгарии и в период Второго царства. Исследовательница приходит к выводу, что в средневековой Болгарии в отличие от Византии преобладала полная финансово-административная экскуссия. Это объяснялось тем, что болгарские цари в отличие от императоров Византии не принимали мер к ограничению крупного землевладения и особенно благоволили к церкви, игравшей исключительную роль в образовании Второго Болгарского царства и в первой половине XIII в.

Изложенные выше положения Г. Цанковой-Петковой заслуживают, несомненно, серьезного внимания. Мы не возражаем и против вывода об особенностях болгарской экскуссии сравнительно с византийской. Однако он, по нашему мнению, нуждается в дополнительном обосновании, так как сделан на основе сравнения не одновременных, а разновременных материалов: данные византийских документов XI—XII вв. сравнивались со сведениями болгарских грамот XIII и даже XIV вв. Несколько логически неправомерной представляется и ссылка на то, что болгарские цари не ограничивали крупного землевладения: в X в., когда императоры Македонской династии начали издавать свои новеллы, Болгария находилась на более низкой стадии развития феодализма и явления, вызвавшие к жизни македонское законодательство, не ощущались там с такой силой, как в империи; в XI и почти до конца XII в. не было самого Болгарского государства и «болгарских царей»; что же касается XIII—XIV вв., то и в самой Византии попытки ограничения крупного землевладения были довольно эпизодичны и касались в основном монастырей. Роль же византийской церкви в восстановлении Византийской империи была также весьма велика. По-видимому, причина различия в объеме болгарской и византийской экскуссии (если это различие действительно существовало) заключалась в чем-то другом.

Последний, шестой параграф главы посвящен вопросу об аренде, которая рассматривается как одна из форм феодальной эксплуатации. Вопреки этому тезису, однако, рассмотрение начинается с данных об арендаторах-феодалах. Затем автор переходит к сербским материалам XIV в. и, наконец, к «Земледельческому закону». При этом Г. Цанкова-Петкова высказывает интересную гипотезу, что мортитство является видом долгосрочной аренды, при которой арендатор разрабатывал невозделанные земли. Автор подкрепляет этот вывод рядом свидетельств XI—XIII вв., согласно которым морта соответствовала долгосрочной аренде. С ходом времени отличия между разными видами аренды стали стираться. Она развивалась в силу недостатка рабочих рук в имениях феодалов и служила рычагом вовлечения крестьян в феодальную зависимость.

По нашему мнению, этот раздел находится явно не на месте. Его материалы слишком скудны. Нам кажется, что вопрос об аренде лучше было связать с разделом о формировании феодальной вотчины либо с разделом о зависимом крестьянстве. Этот параграф разрывает изложение: вслед за ним следует материал, который являет-

ся в сущности выводами к четвертому и пятому параграфам. Здесь автор констатирует наличие в Болгарии в течение всего средневековья всех трех видов рент. Причем в эпоху Первого Болгарского царства и в первые десятилетия византийского господства преобладали, по мнению автора, отработочная и натуральная ренты, а с 1040 г. появилась денежная, которая обнаружила тенденцию к повышению.

После шестого параграфа следует заключение, в котором кратко повторены выводы всей книги. Кроме того, монография имеет два приложения: 1) Копия кадастровой описи села Радоливо от августа 1098 г.— весьма ценный источник, которому автор уделяет много внимания в своей работе. Греческий текст дан по изданию Ф. Дэльгера [8] и снабжен переводом на болгарский язык; 2) Два завещания (Симватия и Калы Бакуриани) конца XI в. в пользу Ивирского монастыря. Греческий текст, к которому автор делает ряд конъектур, взят из малодоступного журнала «Ὀρθοδοξία»[9] и также снабжен болгарским переводом.

Книга имеет довольно подробный предметный указатель и резюме на русском и французском языках.

Итак, монография болгарской исследовательницы касается многих важных проблем социально-экономической истории Болгарии за три столетия. Не все из этих проблем нашли одинаково удовлетворительное решение. В частности, работа Г. Цанковой-Петковой не исчерпала поставленной во введении проблемы «разграничения внутреннего закономерного развития» страны от «внешнего византийского влияния». Метод сравнения византийских источников XI—XII вв. с болгарскими и сербскими материалами XIII—XIV вв. помог исследовательнице определить, какие институты болгарского феодального общества эпохи Второго царства соответствовали тем, которые сложились в период византийского господства, а также поставить вопрос о различиях между ними. Но это сопоставление не могло дать ответа на вопрос, «на какую болгарскую основу наслаивались византийские правовые нормы и формы». Для этого нужно сравнить византийские свидетельства XI—XII вв. с болгарскими (славянскими) источниками не XIII—XIV вв., а IX—X столетий.

Не всегда последователен автор в проведении принципа историзма — не все явления рассмотрены в их развитии. Порой автор иллюстрирует свои выводы фактами, взятыми из источников, которые разделены тремя столетиями. Недостатком является и некоторая рыхлость композиции. Нечеткость постановки вопроса отразилась в недостаточно последовательном проведении основных идей работы.

Тем не менее монография Г. Цанковой-Петковой будет, несомненно, способствовать дальнейшему прогрессу в изучении социально-экономической истории средневековой Болгарии. В ряде случаев (особенно во второй главе) автор приходит к новым оригинальным выводам, которые заслуживают пристального внимания. Есть в монографии немало интересных частных наблюдений и гипотез. Без учета рецензируемой работы, разумеется, невозможно дальнейшее изучение проблем аграрной истории Болгарии XI—XIII вв.

Г. Г. Литаврин

Р. О. ШМЕРЛИНГ. МАЛЫЕ ФОРМЫ В АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ

Тбилиси, 1962, 281 стр., 113 табл. Тир. 1000 экз.

Средневековое искусство все больше привлекает к себе интерес исследователей. Старые взгляды на эту пору как время темноты и невежества, упадка и застоя сменяются интереснейшей картиной непрерывной и сложной творческой деятельности, полной борьбы старого и нового.

Тысячами путей народная мысль того времени пробивалась через «бронзовый щит», которым, по образному выражению В. Гюго, ее придавливал феодализм. Каждое, даже небольшое, произведение средневекового искусства доносит до нас дыхание страстной борьбы реального и отвлеченного, мирского и церковного. Сложные космогонические концепции, отразившие взгляды людей на мир, на мироустройство дошли до нас не только в богословских трактатах или поэмах, но и в изобразительном искусстве и архитектуре. Недаром средневековые соборы называли «зеркалом мира». Значение средневекового искусства увеличивается и тем, что оно представляет ценнейший источник для изучения начального процесса формирования национальных культур, позволяет проследить борьбу «универсального» и национального, в частности «панвизантийского» и местного.

В изучении средневековой культовой архитектуры восточного, связанного с Византией мира огромное значение имеет вопрос о членении интерьера храма на ег

[8] F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 65

[9] Ἰωακειμ Ἰβηριτης. Βυζαντιναὶ διαθῆκαι.—«Ὀρθοδοξία», V, τ. 60, 1930, σελ. 614—618 VI, τ. 66, 1931, σελ. 364—371.

алтарную часть и помещение для молящихся. Этот сюжет не менее важен, чем проблема характера и назначения, эволюции и исчезновения хоров. К тому же алтарная преграда средневекового храма не только отделяла мирян от алтаря, но и мыслилась как средостение между земным и небесным. Вопрос о том, в какой же форме представлялась средневековому человеку эта грань двух «миров», весьма существен для истории средневековой культуры, эстетики и даже философии. Поэтому не случайно изучение алтарных преград привлекает пристальное внимание медиевистов. Однако в сфере восточно-христианской культовой архитектуры эта тема крайне осложнена в силу плохой сохранности реальных остатков алтарных преград. Достаточно сказать, что, например, в русской архитектуре домонгольской поры не сохранилось ни одной древней алтарной преграды. Немногим лучше обстоит дело и в византийской архитектуре. Занимавшемуся этой проблемой В. Н. Лазареву пришлось проделать чрезвычайно сложную работу по воссозданию облика византийских алтарных преград на основе весьма отрывочных данных [1].

Храмы средневековой Грузии сохранили немало древних алтарных преград в целом виде и еще больше их фрагментов. Поэтому выдающийся научный интерес представляет капитальная монография об алтарных преградах Грузии одного из крупнейших исследователей грузинского искусства Ренэ Оскаровны Шмерлинг. Автор с полным основанием считает, что «историю алтарной преграды, историю иконостаса писать без знания памятников грузинской алтарной преграды невозможно» и что публикуемое ею исследование «своевременно» (стр. 7).

Выходу рецензируемой книги в свет предшествовала многолетняя работа ее автора по собиранию и анализу всего материала грузинских алтарных преград X—XVIII вв., находящегося в самых различных, подчас трудно доступных районах страны. Поскольку труд Р. О. Шмерлинг построен по принципу индивидуального рассмотрения каждой преграды, или их фрагментов, то он является очень нужным для историков средневекового искусства академическим каталогом или корпусом всех известных грузинских алтарных преград. Насущность создания и издания подобных «археологических» в широком смысле слова сводов ощущается наукой давно. Их отсутствие при накоплении материала и постановке новых углубленных исследовательских задач стало тормозом развития науки. И совершенно закономерно появление изданий и серий этого рода. Таковы предпринятый Институтом археологии АН СССР, по инициативе академика Б. А. Рыбакова, «Свод археологических источников СССР», капитальный «Каталог древнерусской живописи» собрания Гос. Третьяковской галереи, созданный В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой, каталог мелкой пластинки Загорского музея Т. В. Николаевой и др. Для Грузии — это превосходные атласы грузинского чекана Г. Н. Чубинашвили, древнейших памятников деревянной резьбы Н. Г. Чубинашвили и др. Рецензируемая книга Р. О. Шмерлинг по исчерпывающему охвату материала темы стоит в первых рядах советских изданий этого рода. Это, конечно, не значит, что в ней все бесспорно и нет ничего, подлежащего уточнению.

Посвященный в основном тончайшему искусству резьбы по камню труд Р. О. Шмерлинг сам является в своем роде произведением ювелирного искусства. И хотя автор, как бы перекликаясь со словами Шота Руставели.—«...пред совершенством наше слово безоружно» (XXXVI, 898) — скромно говорит, что «словами здесь много не передашь, здесь нужно смотреть и, мало того, осязать» (стр. 134), но свою задачу она выполнила прекрасно: книга доносит до читателя не только свежие и интересные мысли автора, но и ощущение той «радости свободного творчества» (стр. 91), с какой выполнена резьба большинства алтарных преград Грузии. Можно сказать, что книга написана в стиле самой каменной резьбы, «с той нежной внимательностью к завершенности каждой подробности» (стр. 152), которая делает эту вовсе не легко читаемую книгу чрезвычайно притягательной.

Во введении автор четко определяет смысл своего труда, говоря, что «... в подлинном искусстве всегда есть нечто, не умирающее вместе с эпохой, которая породила это искусство, нечто, сохраняющее значение для последующего прогрессивного развития» и что «изучение памятников искусства необходимо и для того, чтобы полностью выявить национальный, неповторимый характер искусства» (стр. 5—6). Достичь этого можно лишь в итоге «пристального и кропотливого исследования» (стр. 6), пресекающего пресловутую «теорию» влияний, которая как у дореволюционных, так и у некоторых современных исследователей являлась не только плодом априорной недооценки собственных национальных сил данного искусства, но часто и плодом плохого знания «наличного материала».

Нам кажется, что Р. О. Шмерлинг напрасно не отметила в предисловии или во введении теоретического значения изучаемых ею памятников. Ведь в характере оформления алтарных преград можно искать отражение средневековых представлений о мироустройстве, своего рода «народной философии». Поэтому не следует бояться научной оценки отразившихся в алтарных преградах религиозных концепций средне-

[1] В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский templon. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 162 сл.

вековья и видеть ценность этих памятников только в их «высоких художественных достоинствах» (стр. 6). Сам автор справедливо пишет, что «алтарная преграда не может рассматриваться только в плоскости ее структуры и художественного оформления» (стр. 16). Да и само конкретное исследование Р. О. Шмерлинг все время прорывается за этот искусственный барьер и много дает для понимания, мы бы сказали, стихийно-материалистических элементов в мировоззрении мастеров.

Традиционный историографический обзор (глава I) дан с исчерпывающим знанием литературы как грузинской, русской, так и зарубежной. Здесь лишь следовало бы сделать более конкретной критику взглядов И. Б. Константиновича (стр. 13—15).

Анализу алтарных преград Грузии автор предпосылает сначала очень существенный для темы «Обзор литературы по вопросу устройства алтарной части ранних христианских храмов» (глава II), а главу III посвящает устройству алтарной части в храмах Грузии.

Во II главе было бы полезно введение графических схем типа тех, какими автор снабдил главы, посвященные анализу орнамента. Здесь ценна характеристика роли алтарной преграды в литургии, причем выясняется важное обстоятельство, что устройство алтарной части определяется далеко не только литургией. Поскольку сведения о древней литургии вообще очень расплывчаты, то возрастает значение реальных «археологических» данных по устройству алтарных частей храмов. Р. О. Шмерлинг и рассматривает изучение алтарных преград Грузии как часть такой работы (стр. 24).

В III главе автор уделяет большое внимание выявлению своеобразных черт в интерьере храмов Грузии. Они становятся заметными с VIII в., когда развертывается борьба за независимость Грузии (стр. 31). Но поскольку в эту пору Грузия еще была политически раздробленной и не было единой «литургической установки» в самом грузинском богослужении, постольку и в устройстве алтарной части храмов не было единства (стр. 38). Здесь автор отмечает, что борьба с арабским владычеством за независимость Грузии содействовала выработке собственных форм устройства храма и что религия выступала в этой борьбе как «один из стимулов освободительного движения». Уже в это раннее время появляются такие преграды (например, церковь Сиони в Эрцо), устройство которых не было связано с литургическими требованиями (стр. 32) и, видимо, отражало какие-то местные условия. Далее Р. О. Шмерлинг отмечает усиление к концу X в. роли Картли в объединении страны и почти одновременный переход грузинского богослужения на Афоно-Константинопольский устав (стр. 38—39). Казалось бы, это должно было привести к усвоению Грузией византийской алтарной преграды — так называемого темплона [2]. Попытки в этом направлении были, о чем свидетельствует фрагмент преграды византийского типа, сохранившийся в кладке церкви Хобского монастыря в Мингрелии (стр. 62). Но показательно, что в том же X в. стабилизируется и собственно грузинский тип преграды, который затем сохраняется вплоть до проникновения в Грузию высоких иконостасов (стр. 39).

Этот вопрос ведет нас к IV главе, посвященной анализу структуры алтарных преград. Здесь автору пришлось возвращаться к устройству алтарных преград в храмах Переднего Востока и Византии (стр. 41—46), чего можно было бы избежать, если бы это было сделано во II главе. Главу же IV логичнее было начать с рассмотрения вопроса об алтарных завесах, после чего переход к ранним алтарным преградам был бы органичен.

Вопрос об алтарных завесах давно интересует медиевистов, но, пожалуй, только теперь, после тщательных наблюдений Р. О. Шмерлинг, он встал на прочную фактическую почву. Особенно интересен факт сочетания завесы с низкой алтарной преградой типа парапета в церкви Пусд (стр. 48—49; по-видимому, так же отделялся алтарь и в Атенском Сиони VII в., стр. 47, 60, а также в Джвари). Далее автор замечает, что хотя низких преград типа парапета раннего времени не сохранилось, но, по-видимому, они-то и были самыми ранними (стр. 55—56). К сожалению как-то затерялся между строк на стр. 52 вопрос о преграде Vв., так и оставшийся неясным для читателя.

Наиболее ранние из сохранившихся алтарных преград относятся, по данным Р. О. Шмерлинг, к VIII — началу X в. и принадлежат к двум типам: 1) с колоннами, стоящими на полу и несущими открытый арочками антаблемент и 2) с колонками, стоящими на парапете и также увенчанными арочным антаблементом. С X в. последний тип господствует (стр. 54). Характерным для грузинских преград автор считает: 1) только один центральный вход, 2) отсутствие навесных врат, 3) прорезанный арочками антаблемент. Вторая особенность встречается также в Сирии, Месопотамии и Каппадокии. Третья же — только в Каппадокии (стр. 59). Автор заключает, что грузинские преграды ближе к Востоку, нежели к Византии (стр. 59).

Приводя весь этот интереснейший материал по ранним грузинским алтарным преградам, Р. О. Шмерлинг недостаточно остановилась на их генезисе. Хотелось бы иметь более ясную характеристику того, что Грузия восприняла извне и что она выра-

---

[2] В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII — XIII вв. — КСИИМК, XIII, 1946, стр. 72.

ботала сама. В частности, нужно было более внимательно проследить происхождение арочной формы антаблемента, а также объяснить факт предпочтения в Грузии типа сквозной преграды. Пока вызывает сомнение, что Византия и Каппадокия не сыграли здесь никакой роли.

Очень интересны данные о преградах в виде низкой «полокотной» стенки с проходом в алтарь, развивающихся в Грузии, по словам автора, без перерыва (стр. 56). Дело в том, что изредка преграды такого типа отмечаются и в обиходе славянских стран. Говоря о возможности существования подобной алтарной преграды в одном из храмов Старой Рязани XII в., В. Н. Лазарев отмечает, что этот тип преграды мог быть занесен с Востока [3]. Применение такой преграды было, видимо, достаточно широким, и В. Н. Лазарев считает, что преграды этого типа могли предшествовать тем более поздним украшенным росписью алтарным стенкам, которые известны, например, из раннемосковской архитектуры [4]. Наиболее ранние из них датируются второй половиной XIV в. Примерно полстолетием старше подобные преграды в Сербии [5]. Далее сведения о них обрываются. Наблюдения Р. О. Шмерлинг над грузинскими алтарными преградами типа парапетов позволяют с большим основанием говорить о том, что именно в XIII — XIV вв. и происходило постепенное перерастание их в алтарные стенки и этот процесс был общим для «византийской периферии». Следовательно, при решении, например, вопроса о появлении раннемосковских алтарных стенок нет необходимости преувеличивать роль конструктивных особенностей деревянных храмов того времени. Сказанное является одним из примеров того, что работа Р. О. Шмерлинг представляет далеко не местное значение.

Далее Р. О. Шмерлинг переходит к главной теме своего исследования — художественному оформлению алтарной преграды. Естественно, что изложение становится здесь не только более конкретным и ярким, но и более сложным ввиду скрупулезной детальности описания и анализа материала.

Глава V посвящена резьбе преград V — X вв. Этот период Р. О. Шмерлинг называет «ранним временем», однако имеет в виду чаще всего VIII — IX вв. Здесь центральное место занимает анализ интереснейших плит из Цебелды, несущих, кроме орнамента, сюжетные рельефы весьма своеобразной иконографии (стр. 63—69). Поскольку этими плитами интересовались многие ученые, датировавшие их по-разному, Р. О. Шмерлинг критически анализирует всю литературу вопроса и после тщательного рассмотрения плит определяет их время рубежом VII и VIII вв. Правда, эта дата тоже как-то не закрепляется Р. О. Шмерлинг — она возвращается и к датам Д. В. Айналова (VI — VII вв.), в связи с чем ее возражение против такой же датировки Ш. Я. Амиранашвили (стр. 64) представляется необоснованным. Сама же оценка плит очень интересна. В их стиле автор выделяет как архаизирующие, так и прогрессивные черты, определяющие движение грузинского творчества вперед по пути преодоления различных внешних традиций. Также черты плоскости и схематизма, в которых Д. В. Айналов видел «полное отсутствие мастерства», оказались носителями как раз новых художественных стремлений, подготавливающих почву для расцвета грузинской пластики (стр. 67—69). Такое же историческое значение Р. О. Шмерлинг придает и не менее оригинальным плитам из Гвелдеси. К сожалению, автор не расшифровывает содержания сюжетов резьбы, отмечая «досадность этого обстоятельства» из-за неясности направления, принятого христианской иконографией на Кавказе» (стр. 67).

Некоторые подробности резьбы заслуживали бы пристального внимания и истолкования их семантики. Таков, например, характерный для ранних рельефов VII — начала X в. прием украшения одежд персонажей циркульными кружками с точкой в центре, распространенный также и в монументальной живописи, и в чеканке (стр. 81). Можно не сомневаться, что это не просто «прием украшения поверхности», но орнамент, может быть, связанный с пережитками солярного культа. Мотив этот не только грузинский — он широко известен и в славяно-русских художественных древностях. Недостаток в интерпретации семантики восполняется тонким стилистическим анализом резных плит, с помощью которого Р. О. Шмерлинг виртуозно выявляет не только формальные моменты, но и идейные и «психологические». Особенное мастерство автор проявляет в анализе орнамента, приходя к выводу, что «изменения в орнаменте столь же четки, как и в изображениях человеческой фигуры» (стр. 97). Р. О. Шмерлинг внимательно следит за характером и трактовкой каждого мельчайшего элемента орнамента, что позволяет, в частности, определить такие черты резьбы VIII в., которых не было до этого столетия и не будет после IX в. (стр. 85), а также выделить рядом со стабильными формами «недолговечные» мотивы, характерные для того или иного узкого отрезка времени (стр. 87). Все это чрезвычайно важно для точности датировок. Тонкий стилистический анализ материала позволяет Р. О. Шмерлинг точно констатировать и работу разных резчиков над одной группой плит (стр. 79—80), что для

[3] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы.— «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 121—122.

[4] Там же, стр. 120.

[5] A. Grabar. Deux iconostasis en magonnerie du XIV-e siècle.—«Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines», 7. Belgrade, 1961, p. 17.

рассматриваемого этапа, когда творческая индивидуальность мастеров его растворялась в «эпической стихии», является большим научным достижением. Мы уже не говорим о выделении автором различных направлений в грузинской пластике этого времени. Связывая их с феодальной раздробленностью страны, автор вместе с тем отмечает «беспокойные поиски новой формы» (стр. 93), в которых вырабатывались черты будущего национального стилевого единства (стр. 83—86, 89—91). Эти страницы являются одними из лучших в книге. Единственное замечание можно сделать в отношении терминологии. Р. О. Шмерлинг часто применяет к стилю резьбы VII — IX вв. термин «декоративный». При этом в понятие декоративности входят и диспропорция фигур (стр. 75), и схематическая условность орнамента (стр. 76), и строгая симметрия (стр. 81), и одноплановая плоскость рельефа (стр. 84). Все это не бесспорно. Нельзя также считать декоративность предшествующей пластичности (стр. 81). В эволюции мировых стилей декоративность как таковая является обычно последующей ступенью, поскольку с ней связана и проблема живописности. Думаем, что Р. О. Шмерлинг ближе к истине, когда характеризует переходный стиль VIII — IX вв. чертами идеограммности (стр. 76), повествовательности и т. п.

Вторая половина V главы посвящена анализу резьбы X в., подготавливающей пластический стиль XI в. Р. О. Шмерлинг, внимательно изучая памятник за памятником, отмечает «пробуждение объемных представлений» в сюжетных композициях, отличающихся большой самостоятельностью в иконографии. Последние черты Р. О. Шмерлинг могла бы усилить, если бы сравнивала, например, Благовещение не с ранними византийскими памятниками, а с восточно-христианскими (стр. 108). В орнаменте преград автор отмечает также нарастание «ковровости» (стр. 100) и постепенное сближение с архитектурной орнаментикой (стр. 99, 103).

Переходя в VI главе к резьбе преград XI в.—«времени блестящего расцвета культуры и искусства Грузии» (стр. 152), автор убедительно показывает, как в грузинской каменной пластике крепнут черты самобытности. Р. О. Шмерлинг вводит в науку ряд интереснейших сюжетов — конный Георгий с головой Диоклетиана на конце копья (стр. 151), пророк Даниил в необыкновенной для него одежде (стр. 156—157) и др., что, вместе с оригинальными сюжетами VIII — IX вв., свидетельствует об энергичном творчестве грузинских мастеров.

В XI в. резьба различных районов Грузии постепенно приобретает черты «стилистической однородности» (стр. 116), что требует от исследователя еще большей точности анализа. Р. О. Шмерлинг отмечает, как в сюжетной скульптуре мастера достигают все большей свободы в постановке фигур, в выявлении их движения и объемности, проявляя при этом индивидуальный творческий почерк. В рельефах появляются архитектурные фоны, элементы пространственности (стр. 127), индивидуальности и даже психологизма в трактовке лиц (стр. 130). Разнообразие приемов пластической передачи фигур автор объясняет уже не работой разных мастеров, а расширением средств художественной выразительности вообще (стр. 131). Р. О. Шмерлинг отмечает даже такие признаки, которые говорят о различной степени «увлеченности» мастера той или иной частью исполняемой им темы (стр. 127). Анализ замечательных плит из Сапары (стр. 123—135) является центром VI главы и принадлежит к лучшим страницам книги. Сапарские плиты считались византийской работой. Р. О. Шмерлинг убедительно доказывает их местное происхождение и органическую связь со всей предшествующей пластикой.

Исследование орнамента алтарных преград выявляет его яркую оригинальность, что особенно поразительно в условиях широкого распространения в это время форм и схем византийской орнаментики. Эта оригинальность позволяет четко отличать грузинский орнамент не только от византийского, но и от древнерусского, что очень важно ввиду еще до сих пор имеющих хождение утверждений о «грузинском влиянии» во владимиро-суздальской пластике. Отмечая все большее родство резного орнамента алтарных преград с архитектурным декором, Р. О. Шмерлинг сопоставляет это явление с искусством Ренессанса, «когда мастер-архитектор, мастер-резчик по камню сплошь и рядом выходят из мастерской ювелира» (стр. 135). В этом вносящем элемент модернизации сравнении нет необходимости, так как именно для средних веков характерно родство и сращивание разных отраслей искусства, равно как и реальный синтез искусств получил начало и широкое развитие именно в средневековье.

Достижения грузинской пластики XI в. Р. О. Шмерлинг рассматривает на фоне развития ремесла, появления новых социальных слоев, общей демократизации духовной культуры, ослабления церковности и т. д. (стр. 161). Она отмечает рост интереса резчиков к живому человеку, к конкретности его облика, в связи с чем можно говорить даже об элементах «портретности» в сюжетной резьбе (стр. 160). Рост чувства красоты форм живой природы захватывает и резчиков орнамента (162). Эта эпоха поистине полна радости открытия мира. Поэтому здесь было бы особенно важно задуматься над тем, какое же содержание крылось за сложившейся «концепцией преграды в целом» (стр. 177).

Резьбе алтарных преград XII — XV вв. отведена VII глава. Естественно наш интерес направляется прежде всего к «эпохе наивысшего могущества и процветания Грузии» (стр. 57), блестящему времени Руставели, и читатель ожидает увидеть здесь вершины мастерства каменной резьбы. Но автор очень объективен. Точность наблю-

дений и характеристик для него превыше всего. Исследование вскрывает парадоксальные явления. Оказывается, что в XII — XIII вв. в резьбе плит алтарных преград почти исчезают сюжетные мотивы (стр. 180), а орнаментация плит утрачивает свою ювелирную тонкость и индивидуальность. Растительные мотивы начинают вытесняться замысловатой ленточной плетенкой (стр. 180—182), а если и употребляются, то грубеют. Индивидуальное мастерство заменяется «артельной работой» (стр. 188). Правда, Р. О. Шмерлинг отмечает такие интересные новые черты, как сочетание сюжетных сцен с растительным фоном или применение окрашенного фона в резьбе орнамента (стр. 189). Но этого слишком мало, чтобы не возник вопрос: не упадок ли все это? При отсутствии чувства историзма было бы соблазнительно ответить на этот вопрос утвердительно, особенно если исходить из одной технической стороны дела. Но Р. О. Шмерлинг видит во всех этих новых явлениях отнюдь не падение. Она пишет: «Склонность к повествовательному началу, любовная до кропотливости передача сюжета и столь же тщательная разработка орнамента... уступают место восприятию более широкому, более общему ..» (стр. 191). Резьба алтарных преград растворяется в стиле архитектурной резьбы, становится декоративной. Вот где понятие декоративности применено автором совершенно точно. Жаль только, что для характеристики стиля резьбы грузинских алтарных преград XII — XIII вв. не привлечено орнаментальное искусство других стран, особенно Востока.

Объясняя новые черты резьбы «эпохи Руставели» характером этой эпохи, Р. О. Шмерлинг говорит не только о прогрессивности централистских тенденций этого «золотого века», но и об обратной стороне медали — о завинчивании пресса феодальной эксплуатации, об усилении классовых противоречий и т. п. (стр. 194—195). Однако заторможения развития архитектуры и скульптуры только этими причинами не объяснить. Нельзя объяснить уменьшение интереса к пластике и церковной реакцией (стр. 272). Здесь нужно искать более глубокие причины, и отмечаемый Р. О. Шмерлинг факт неравномерности развития разных отраслей искусств (стр. 194—195), видимо, указывает этот путь. Также, может быть, можно видеть связь новых явлений со все более широким развитием резного дела, с включением большего числа мастеров, вносивших в пластику, с одной стороны, свои, народные художественные взгляды, а с другой стороны — элементы ремесленности. Нам думается, что характеристика резьбы «эпохи Руставели» была бы точнее, если бы Р. О. Шмерлинг произвела более точное разграничение памятников XIII в. на домонгольские и послемонгольские. Поскольку этого членения не сделано, то общая характеристика резьбы XIII в. частично произведена за счет памятников середины и второй половины столетия, когда заторможенность развития скульптуры действительно стала явной. Впрочем, и в резьбе второй половины XIII в. автор еще находит признаки поступательного движения (стр. 196).

Исследование собственно грузинских алтарных преград по существу заканчивается VIII главой, охватывающей памятники XVI — XVIII вв. Этот поздний материал очень важен, поскольку он относится к эпохе, когда, как пишет автор, появилась потребность «более радикального, чем прежде, разобщения алтаря от пространства, в котором находятся верующие» (стр. 202). Новый тип алтарной преграды Р. О. Шмерлинг видит в ограждении типа стенки с пролетом для входа и небольшими боковыми проемами вроде окон. Она сравнивает этот тип преграды с каппадокийскими преградами, отмечая, однако, большой хронологический разрыв между ними (стр. 201—202). Если признать, что преграды-стенки действительно появляются в начале XVI или даже в конце XV в. (стр. 202), то связать их с каппадокийскими или апулийскими трудно. Р. О. Шмерлинг идет по другому пути. Она считает, что преграды-стенки образовались из грузинских преград обычного сквозного типа и даже намечает промежуточные формы (Чаажаш) в виде ограждения, в котором обычная аркатура заменена проемами. Однако, поскольку роста стенки в высоту при этом не наблюдается, то остается неясным, какую же роль в этом процессе сыграла обычная сквозная преграда. Ведь подобные преграды-стенки могли явиться и результатом развития тех глухих парапетов «полокотной» высоты, которые, по словам Р. О. Шмерлинг, применялись в Грузии без перерывов (стр. 56). Если автор допускает, что лакуны в развитии преград-парапетов объясняются утратой памятников, то может быть теми же причинами можно объяснить и столь позднее «появление» преград-стенок? Между прочим, алтарная преграда Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском 1230—1234 гг. реконструируется именно в виде преграды-стенки высотою не более 2,5—3,0 *м* [6]. Если такая преграда могла появиться в 30-х гг. XIII в. на Руси, то трудно допустить, что их не было до XV в. и в Грузии. Здесь нужны еще дополнительные изыскания. В частности, очень желательно проверить, действительно ли церковь с. Чаажаш не старше XV в. Как пишет сама Р. О. Шмерлинг, для датировки церкви нет «безапелляционных» данных (стр. 202).

Для вопроса о происхождении и развитии алтарных преград в виде глухих стенок очень важно, что они представляют особую монастырскую традицию. Следовательно, необходимо принимать во внимание и характер того храма, где такие преграды обнаруживаются. К монастырским постройкам близки храмы-усыпальницы, для которых,

[6] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 93.

очевидно, не требовалась сквозная колончатая преграда. В связи с этим большой интерес приобретает наличие алтарной преграды в виде глухой «полокотной» стенки в церкви Цинарехи XIII в., служившей усыпальницей местных феодалов Магаладзе (стр. 207). Устройство данной преграды Р. О. Шмерлинг относит к XVII в. на основании только структуры преграды (стр. 207—208). Но то, что само требует доказательства, не может служить аргументом. Точно так же требует уточнения вопрос о позднем происхождении глухих алтарных преград в храмах Георгия Сапариса близ Цинандали, Кинцвиси и др. (стр. 208).

Последние три главы: IX — об алтарных преградах Сванетии, X — о расписных преградах и XI — о деревянных преградах — представляют в высокой степени ценное дополнение к основной теме работы Р. О. Шмерлинг. Они интересны не только вводимым в науку новым материалом, но и возможностью проверить все изложенное в предыдущих главах книги под несколько иным углом зрения. Так, например, в связи с отмечаемой автором известной консервативностью Сванетии в усвоении новых форм (стр. 226) становится очень показательным наличие здесь, кроме обычных сквозных преград, вышеупомянутых «стенок» с дверным и «оконными» проемами (стр. 228). Между прочим преграда из Чаажаш тоже относится к Сванетии. Таким образом, как будто подтверждается мысль об исконном (а не заимствованном и не переработанном из сквозных преград) их характере. Повторяем, однако, что этот интересный вопрос нуждается в специальном исследовании.

В главе X в анализе росписей алтарных преград IX в. Р. О. Шмерлинг снова развивает мысль о прогрессивности, а не упадочности их несколько схематического стиля (стр. 245). Но трудно согласиться с этим, когда оказывается, что в стремлении к экспрессивности мастера не останавливались «перед нарочитым нарушением пропорций человеческой фигуры» (стр. 245). Можно подумать, что перед нами настоящие экспрессионисты XX в.! Надо, однако, подчеркнуть, что это единственный в книге случай модернизации. Обращаясь к оценке росписей алтарных преград, мы остановимся лишь на моментах, имеющих отношение к «концепции преграды», не касаясь живописных качеств росписи. В росписях XII в. очень интересны изображения в верхней части преграды, наряду с патронами храма, столпников и преподобных, что Р. О Шмерлинг вслед за Н. Д. Протасовым связывает не с византийской, а с восточнохристианской традицией (стр. 252—253). До сих пор считалось, что на Руси наиболее ранними памятниками подобного рода являются алтарные преграды раннемосковских храмов [7]. Между тем данные Р. О. Шмерлинг позволяют более определенно говорить о том, что такая же иконографическая система лежала в основе оформления рельефами алтарной преграды Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 30-х гг. XIII в. Правда, здесь изображены не преподобные, а «отцы церкви» (святители), но изображения святителей встречаются и на алтарных преградах Каппадокии [8]. Следовательно, мы снова получаем основание говорить о более раннем, чем до сих пор считалось, проникновении в интерьер храмов Восточной Европы алтарной преграды в виде украшенной изображениями святых глухой стенки. В будущем было бы интересно проследить, какую роль здесь сыграла Грузия. Что касается изображения Деисусов на антаблементах грузинских преград, то здесь сообщаемые Р. О. Шмерлинг данные не вносят ничего нового по сравнению с тем, что уже известно по византийскому материалу. Отметим здесь ошибочное утверждение, что на алтарной преграде Софии Константинопольской Деисуса не было (стр. 253). Он был и, по всей вероятности, даже не живописный, а чеканный [9]. Нельзя также согласиться с мнением автора, что изображение Деисусов вверху расписных алтарных преград было продиктовано условиями лучшей сохранности этой части росписи (стр. 255). Ведь и рельефные композиции сохранялись бы лучше в верхних частях преграды, однако все они, в том числе и Деисусы (Ховле, Сапара) неизменно располагались внизу преграды. Видимо, здесь речь идет о разных традициях, причем во втором случае (резьба) мы имеем дело с традицией местной. Поэтому было бы очень важно более глубоко разработать вопрос о семантической концепции грузинской алтарной преграды, о чем мы уже упоминали выше.

В Заключении автор останавливается на интересной проблеме — природе мастеров, резчиков алтарных преград. Следует целиком согласиться с Р. О. Шмерлинг в ее понимании народности средневекового творчества, отнюдь не прикрывавшегося «спецификой социального заказа» (стр 270—280). В результате пристального и кропотливого исследования своего материала Р. О. Шмерлинг приходит к выводу, что поскольку в византийской алтарной преграде совершенно отсутствовал сюжетный рельеф, то грузинская церковь проявила «более широкое» понимание идейной роли алтарной преграды, а успехи грузинских мастеров в области сюжетного рельефа могут быть сравнены только с работой их западноевропейских коллег (стр. 271—272).

---

[7] Н. Д. Протасов. Фрески на алтарных столпах Успенского собора в Звенигороде.—«Светильник», № 9—12. М., 1915.

[8] G. Jerphanion. Les église rupestres de Cappadoce. Planche, troisième album. Paris, 1925, pl. 189(4).

[9] В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон, стр. 169—171.

Однако Р. О. Шмерлинг не становится на путь тех ученых, которые под впечатлением материала своего исследования объявляют «к вящей славе отечества» грузинское искусство «источником» искусства европейского средневековья или же предпосылают европейскому Ренессансу «Ренессанс Востока».

Целью монографии Р. О. Шмерлинг было: «сделать доступным богатый материал, как сохранившийся до наших дней in situ в церквах разных районов Грузии, так и нашедший место в музеях» (стр. 7), т. е. дать исчерпывающий «свод» критически проработанных и детально описанных памятников. И создание такого свода — крупнейшая заслуга исследователя.

Однако в отношении «семантики» структуры алтарной преграды читателю хотелось бы получить конкретно *историческое* объяснение тому примечательному факту, что алтарная преграда в храмах Грузии остается преимущественно низкой, не разрастаясь в высокий иконостас, отрезающий алтарь от храма. Алтарная преграда и иконостас, как и членение феодального храма хорами — важнейшие вопросы истории его архитектуры. Как показывает развитие этих элементов в древнерусском зодчестве, оно прочнейшим образом связано с историей русского народа. Думаем, что и в Грузии дело не только в грузинском «стремлении к единству зрительного восприятия внутренних объемов храма» (стр. 3) или в «чуждости» высокого иконостаса «национальному восприятию» (стр. 50; оно ведь тоже не стабильно и меняется во времени), но в каких-то более серьезных особенностях исторического развития Грузии, которые и определили собственный путь страны, в частности, и «в области выработки форм алтарной преграды».

Точно так же заслуживал бы исторического объяснения факт «глубоко равнодушного отношения служителей грузинской церкви к сокрытию алтаря от глаз непосвященных с помощью завес и навесных дверей на алтарной преграде во время совершения таинства евхаристии» (стр. 50). Это существенное своеобразие грузинского ритуала конечно связано не столько с «равнодушием» клира или с «местными литургическими установками», а опять-таки с какими-то социально-историческими особенностями. Интересный материал по этим темам для позднего времени (XVI — XVIII вв.), собранный автором на стр. 199—207, мог бы быть ретроспективно использован и для объяснения особенностей грузинских алтарных преград более ранней поры. Думаем, говоря в самой общей форме, что они связаны с своеобразным патриархальным укладом быта феодальной Грузии. Об этом очень ярко говорят приведенные автором интереснейшие донесения русских послов в Грузии. Вероятно, можно было бы связать эти поздние свидетельства и оценки с материалом грузинской этнографии и дать очень интересный ответ на поставленный вопрос.

Описание и стилистический анализ резьбы алтарных преград составляет основное содержание труда Р. О. Шмерлинг. Эта задача, как мы видели, решена с исключительной подробностью и тщательностью вплоть до любовного обыгрывания даже малозначительных деталей. Этот скрупулезный труд позволил выявить эволюцию резьбы во всех ее оттенках и особенностях. Казалось бы, здесь-то и начинается самое интересное для историка искусства — определение исторических причин этого процесса, данное в исторической перспективе истории грузинской пластики в целом. Но в этом плане мы находим лишь некоторые частные или слишком общие высказывания (стр. 80, 84, 93 и др.). *Лишь в отношении резьбы периода XI и XII вв.* автор дает более развернутое историческое осмысление новых художественных явлений этой поры (стр. 159—162, 193—196), но и здесь история и искусство лишь как бы сопоставлены, не образуя картины закономерного развития искусства, связанного с историей народа. Дело обстояло бы иначе, если бы Р. О. Шмерлинг обратилась, например, к художественной литературе XII в. не в качестве примера высокого развития грузинской культуры, но как к зеркалу конкретных идей и чувств, определивших стиль всего искусства «эпохи Руставели», в том числе и резьбы. Правда, это значительно увеличило бы объем и без того большого исследования. Мы не сомневаемся, что эта историческая тема будет разработана учениками и последователями неожиданно скончавшейся исследовательницы.

Такова интереснейшая книга Р. О. Шмерлинг со всеми ее достоинствами и неизбежными в большой работе мелкими недостатками и также неизбежными пожеланиями читателя такой работы увидеть в ней и решение тех задач, которых сам автор перед собой и не ставил. Собрав и тщательно проанализировав громадный материал, разработав стилистические основы датировки резьбы чуть ли не по двадцатилетиям, Р. О. Шмерлинг представила ранее безликую массу резных камней в виде живых источников и свидетелей истории грузинского народа за 14 веков его развития. В этом отношении работа Р. О. Шмерлинг является крупным вкладом в историческую литературу, и мы с полным основанием можем вместе с автором сказать, что теперь наука, «рассматривающая пути развития средневекового грузинского искусства, может считаться твердо стоящей на ногах» (стр. 173).

Г. К. Вагнер, Н. Н. Воронин

Л. Р. АЗАРЯН. КИЛИКИЙСКАЯ МИНИАТЮРА XII—XIII вв.

Ереван, Изд-во Академии наук Арм. ССР, 1964, 150 стр., 134 табл.+16 цветн. Фотограф А. Кочар (на арм. яз.)[1]

Работа Л. Р. Азаряна является новым шагом в деле изучения армянской миниатюры. В ней делается попытка выявить различные школы киликийской миниатюрной живописи, которая в литературе до сих пор рассматривалась, чаще всего, как единое целое. Наряду с этим автор дает характеристику творчества отдельных художников. Особое значение имеет глава, посвященная крупнейшему мастеру Киликийской Армении Торосу Рослину.

К тексту приложен альбом иллюстраций, где собраны в значительном количестве (134 таблицы) миниатюры киликийских рукописей, хранящихся как в Матенадаране, так и в других собраниях — в ФГИ (Фрирская галерея искусства) в Вашингтоне, в Библиотеке армянского патриархата в Иерусалиме и др. Часть их публикуется впервые. К сожалению, иллюстрации не отличаются высоким качеством печати. Несколько лучше исполнены 16 цветных таблиц в тексте. Они дают известное представление о колорите этих замечательных памятников искусства.

Содержание книги: От автора. 1. Предисловие — краткая историческая характеристика Киликийского царства, его политическое и общественное устройство, исторические судьбы. 2. Истоки киликийской миниатюрной живописи. 3. Главные школы киликийской миниатюры: а) Школа Скевры; б) Школа царского брата Ованнеса; в) Школа Ромклы. 4. Торос Рослин и приписываемые ему рукописи. Послесловие. Иллюстрации. Библиография. Указатели личных имен и географических названий.

Книга издана на армянском языке. Большим ее недостатком является отсутствие резюме на русском или на одном из европейских языков, что крайне сужает возможность пользоваться этим исследованием. Даже подписи под иллюстрациями сделаны только на армянском языке. Таким образом, читатель, не знающий армянского языка, может ознакомиться лишь с №№ рукописей и годом, к которому они относятся.

А между тем книга представляет интерес как для специалистов, особенно медиевистов, так и для любителей искусства. Учитывая это обстоятельство, мы считаем своим долгом подойти к этому труду не только критически, но и передать в основных чертах его содержание.

Выделяя отдельные школы киликийской миниатюрной живописи, автор ссылается на Г. Овсепяна, который устанавливал три культурных центра (Дразарк, Ромклу и Скевру), хотя и не придавал каждому из них самостоятельного значения. Другие исследователи, занимаясь киликийской живописью, рассматривали ее как нечто цельное, не выявляя отдельных течений в одном художественном направлении, которое она, по их мнению, представляла.

Л. Р. Азарян отрицает целостность киликийской миниатюрной живописи, считая, что в ней имелось, по меньшей мере, три самостоятельные школы, которые не только отличались одна от другой, но и сменяли друг друга в различные хронологические периоды. Автор группирует киликийские иллюстрированные рукописи вокруг этих школ и определяет место последних не только в киликийской, но и в армянской миниатюрной живописи в целом.

Заметим, что достаточно близкие задачи были поставлены и С. Дер Нерсессян в ее последнем труде [2], где она, исходя из изучения рукописей этого собрания, ставит вопрос о принадлежности их к различным киликийским школам и скрипториям. Эта работа, изданная в 1963 г. и появившаяся в библиотеках СССР в 1964 г., не могла быть известна Л. Р. Азаряну. Его труд — в основе своей диссертация, защищенная в 1959 г., был представлен к печати в 1962 г. Параллелизм задач объясняется уровнем, достигнутым в научном исследовании армянской миниатюры, одной из насущных проблем которого является объединение кодексов по школам. Неудивительно, что в решении ряда вопросов вышеупомянутые авторы приходят к одинаковым выводам, хотя в некоторых случаях их мнения и не совпадают.

Древнейшим из центров, где иллюстрировались киликийские рукописи, Л. Р. Азарян считает Дразарк—первая четверть XII в. Позднее, во второй половине XII в., особое значение получает скрипторий Скевры. Автор рассматривает его как основной очаг формирования собственно киликийского стиля. Ромкла, Грнер, Акнер и Бардзрберд приобретают самостоятельное значение во второй половине XIII в. С последней четверти того же столетия киликийская миниатюрная живопись становится относительно монолитной и приобретает единый стиль.

Начиная свое исследование с Дразарка, автор приводит данные, почерпнутые им из армянских исторических источников. Они позволяют судить о времени (рубеж XI — XII вв.) возникновения и деятельности монастыря. Точное местонахождение его неизвестно. Ясно лишь, что Дразарк находился недалеко от Сиса. С ранним перио-

[1] См. также рецензию: S. Der. Nersissian, in: «Revue des Etudes arméniennes», N. S., t. II. Paris, 1965, p. 394—398.

[2] S. Der Nersessian. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington, 1963.

дом существования скриптория Л. Р. Азарян связывает три рукописи: так называемое Тюбингенское евангелие (рис. 5—7) и два евангелия Матенадарана — № 6763 (рис. 1) и № 7737 (табл. 1, рис. 2—4) (последнее — параллель Тюбингенскому).

По мнению автора, совпадающему с выводами ряда исследователей (С. Дер Нерсессян, Л. А. Дурново и др.), убранство этих рукописей во многом связано с предшествующим этапом развития миниатюрной живописи, известной по памятникам коренной Армении (IX — XI вв.). В Дразарке еще не оформился собственный стиль киликийской миниатюры, хотя и наметились некоторые своеобразные черты. В дальнейший период этот скрипторий утрачивает свое значение, группирующиеся вокруг него рукописи не имеют высокой художественной ценности и не всегда доступны для изучения. Некоторый подъем Дразаркского скриптория может быть отмечен в конце XIII в., когда там было украшено несколько интересных кодексов.

Особого внимания заслуживает евангелие 1290 г. (Матенадаран, № 5736); в убранстве его, исполненном Торосом священником, нашел свое выражение стиль, характерный для киликийской миниатюрной живописи периода ее наивысшего расцвета (рис. 11). Следовательно, Дразарк, хотя и отошел во второй половине XII в. на задний план, уступив место другим скрипториям, не остался в стороне от художественной жизни всей страны.

Автор не упомянул в связи с Дразарком известное ему евангелие 1290 г., хранящееся в Гос. Эрмитаже. Рукопись была украшена в этом скриптории Торосом Философом, которого мы склонны отождествлять с вышеупомянутым Торосом священником. Оба кодекса по своему убранству очень близки, хотя и не совпадают полностью [3]. В целом Л. Р. Азарян считает возможным рассматривать скрипторий Дразарка не как самостоятельную школу, а скорее как связующее звено между коренной Арменией и Армянской Киликией.

Следующая глава посвящена исследованию Скеврской школы. Монастырь Скевра, духовный и культурный центр ламбронских князей Ошенидов, второго по своему значению после Рубенидов княжеского дома Киликии, становится во второй половине XII в. одним из основных очагов киликийской миниатюрной живописи. Особое значение Скевра получает при Нерсесе Ламбронском (1153—1198), епископе Тарса. С его именем связаны лучшие, иллюстрированные после 70-х годов XII в. рукописи этого скриптория. Их убранство имело большое значение для развития нового стиля киликийской миниатюрной живописи. Выявляя, на основании памятных записей, мастеров, работавших в скриптории Скевры и Млича, автор относит их к двум поколениям. К старшему — Вардана, произведения которого не дошли до нас, и Константина, по прозвищу КОШИК [4]. С его именем связана рукопись 1193 г. (Венеция, 1635) (рис. 17) [5], написанная для Нерсеса Ламбронского и его брата Гетума в Скевре, возможно, последняя работа мастера.

Больше сведений имеется о представителе младшего поколения, Григории Млчеци, ученике Вардана и Константина. С ним автор связывает пять рукописей (период 1173—1215 гг.).

По мнению Л. Р. Азаряна, именно в Скевре и Мличе второй половины XII в. начали оформляться основные особенности киликийской живописи, хотя и здесь из-за недостаточности материала только в общих чертах можно проследить процесс перехода от приемов, унаследованных от коренной Армении, к новому стилю. В этом отношении исключительный интерес представляет Нарек 1173 г. (Матенадаран, № 1568) (табл. II, рис. 12—16) и происходящее из Ромклы евангелие 1166 г. (Матенадаран, № 7347) (рис. 40—49). Миниатюры этих двух рукописей дают яркую картину особенностей стиля переходного периода. Хотя рукопись 1166 г. написана и украшена в Ромкле, общность черт с евангелием 1193 г. (Венеция, № 1635), исполненным в Скевре, а также с Севастийским евангелием (Матенадаран, № 311) (о котором мы скажем несколько слов ниже) дают автору основание полагать, что в этот переходный период в Скевре и Ромкле имел место сходный процесс формирования киликийской миниатюрной живописи,— точка зрения, которую следует признать наиболее правильной.

Место написания Нарека 1173 г. является до сих пор спорным. Г. Овсепян считал рукопись написанной в Ромкле на том основании, что заказчиком ее был Нерсес Ламбронский, учившийся там в это время. Ромклайское происхождение приписывает рукописи и С. Дер Нерсессян, считая основным местом пребывания Григория Млчеци Ромклу, а Скевру — временным. Иного взгляда придерживается Л. Р. Азарян, который полагает, что в этот период Ромкла не являлась самостоятельным центром и художники приглашались туда из Скевры.

Вопрос о соотношении скрипториев Ромклы и Скевры, как видно, в настоящее время нельзя считать окончательно решенным. Мы полагаем, что Григория Млчеци едва ли следует отрывать от Скеврского скриптория, где им заведомо было написано

---

[3] Подробнее о рукописи Эрмитажа № V3-835 см. Т. Измайлова. Рукопись 1290 года и ее мастер Торос Философ.—«Сообщения Гос. Эрмитажа», XXIII. Л., 1962, стр. 45—49.

[4] Автор не рассматривает значения этих букв.

[5] Издана: S. Der Nersessian. Manuscrits arméniens illustrés des XII, XIII, XIV s. Venice, 1937, Album, pl. XVI — XXXIII.

три рукописи (не сохранившееся евангелие Тигранакерта 1173 г., закончено начатое в Мличе так наз. Львовское евангели 1197 г., начато евангелие 1215 г.). В Ромкле же он исполнил евангелие 1174 г. (находившееся в Токате) [6] и, возможно, Нарек 1173 г. [7]

Нам кажется, что независимо от того, где работал художник, убранство его рукописей отличает от ромклайских более тонкая манера исполнения орнаментальных композиций, особая их изысканность и изящество. В подтверждение этого положения сравним два заглавные листа, сохранившиеся от рукописи Токата, украшенной Григорием Млчеци в 1174 г. в Ромкле, с заглавными листами Ромклайского кодекса 1166 г.[8] Это сравнение тем более убедительно, что обе рукописи исполнены, несомненно, по одному образцу. Разделяющие их восемь лет (1166—1174) едва ли дают основание говорить о существенной эволюции стиля в одном и том же скриптории. Они свидетельствуют скорее об яркой индивидуальности мастера Григора, по своей ориентации несколько отличного от рамклайских мастеров. Заметим, в частности, что заглавие евангелия от Луки в евангелии Токата написано не только по-армянски, но и по-гречески. Интерпретация ромклайского образца получила здесь значительно большую изысканность и утонченную декоративность в противоположность монументальной трактовке его в рукописи 1166 г.

Вместе с тем, мы не можем согласиться с мнением Л. Р. Азаряна, который отрицает самостоятельное значение скриптория Ромклы для второй половины XII в. Это положение полностью опровергается данными хишатакарана недошедшей до нас рукописи 1141/49 г., сохранившегося на защитных листах Нарека XVII в. (Вена, № 659) [9]. Из него явствует, что для этой рукописи (1141/49 г.), происходящей из Эдессы, «бесценный жемчуг» и «наилучший образец», называемый именем Григория Мурганеци, был получен из монастыря Цовуц, который связывается с Цовуцдреаком в Цлуке, с 1125 г. [10] являвшимся местом пребывания католикоса Григория Пахлавуни [11]. Мы думаем, что после того, как престол был перенесен в Ромклу, собранные уже ранее рукописи продолжали служить образцами в пору дальнейшего укрепления власти католикоса и общего расцвета культуры Киликийского царства. Мурганский образец упоминается в хишатакаранах ряда рукописей, написанных в ареале Ромклы.

Окончательное оформление стиля киликийской миниатюрной живописи в конце XII в. автор связывает со Скеврой: рукописи Балтимора, Собрание Волтерс, № 538, 1193 г.; Венеция, № 1635, 1193 г.; Львовское евангелие 1197 г. Отмечая, что первая из них могла быть исполнена в Ромкле, Л. Р. Азарян повторяет, что вопрос этот не может иметь принципиального значения, так как процесс развития миниатюрной живописи в Скевре и в Ромкле протекал во второй половине XII в. также в общем направлении.

Наиболее отчетливо этот стиль, по словам автора, представлен Венецианским (1193 г.) и Львовским (1197 г.) евангелиями. Связывая и эти кодексы с традицией коренной Армении, Л. Р. Азарян считает, что самыми значительными рукописями, оказавшими влияние на формирование киликийской миниатюрной живописи, как это отмечала уже ранее С. Дер Нерсессян, являются так наз. Трапезундское (Венеция, № 1400),

---

[6] В хишатакаране этой рукописи сказано, что Нерсес Благодатный дал написать это евангелие с хороших и избранных образцов святого престола (Г. Овсепян. Указ. соч., § 209, стр. 454).

[7] С. Дер Нерсессян в своей рецензии (Revue des Études arméniennes, II, p. 396, 397) высказывает сомнение в том, что художником, украсившим Львовское евангелие, был тот же мастер Григор, с именем которого связаны Нарек 1173 г. и евангелие Токата 1174 г. Это положение, видимо, заставит пересмотреть решение ряда вопросов.

[8] Т. Измайлова. Мурганский образец в армянской миниатюрной живописи.—«Труды Гос. Эрмитажа», т. V. Л., 1961, стр. 76 сл., ср. рис. 8 и 13; 9 и 14. На стр. 67 в текст Л. Р. Азаряна вкралась ошибка — напечатано: «в рукописи Тигранакерта только единственная известная нам миниатюра» [с ссылкой на: Г. Овсепян. Хишатакараны рукописей. Антилия, 1951 (на арм. яз.), стр. 455, рис. 26 и на работу: Т. Измайлова. Мурганский образец..., рис. 13, 14]. Следует исправить: имеется в виду не Тигранакертская, а Токатская рукопись. В статье «Мурганский образец...» Т. Измайловой воспроизведены два заглавных листа этого евангелия (ссылка автора дана правильно). Первый взят из упомянутого выше труда Г. Овсепяна, второй обнаружен в его же архиве негативов.

[9] Г. Овсепян. Указ. соч., § 170, стр. 355—358.

[10] Этой даты придерживается М. Орманян (M. Ormanian. L'église arménienne, son Histoire, sa Doctrine, son Regime, sa Discipline, sa Liturgie, son Présent. Paris. 1910, p. 44). Там же год перенесения престола в Ромклу определяется как 1147. Тех же дат М. Орманян придерживается и в других своих работах на арм. языке.

[11] В интересном исследовании Х. Чевахирчяна («Престол католикоса в армянском Цове».—«Эчмиадзин», № 1, 1964, стр. 40.— На арм. языке) автор устанавливает иную дату перенесения престола в Цов, а именно 1116 г., и считает, что католикос пребывал там в течение 33 лет — до 1149 г., когда престол был окончательно перенесен в Ромклу. На стр. 88 Л. Р. Азарян дает дату 1150 г.

Карсское (Иерусалим, № 2556), а также Севастийское евангелия (Матенадаран, № 311) (рис. 8—10).

Из первоначального хишатакарана известно, что последнее было написано в 1066 г. в Севастии писцом Григором Акореци, который в памятной записи говорит о том, что он пришел в этот город со своим отцом вместе с Арцрунидами при их переселении из Васпуракана (XI в.).

Нам кажется, что давно уже следует поставить вопрос о разновременности рукописи и украшающих ее иллюстраций, стиль которых полностью отвечает нормам киликийской миниатюрной живописи конца XII в. Из хишатакарана этой рукописи, относящегося уже к 1193—1194 гг., мы знаем, что она принадлежала Нерсесу Шнорхали (†1173 г.), который подарил ее своему племяннику, впоследствии католикосу Григорию Тга (†1193 г.), а тот, в свою очередь, теру Ламброна и Паперона-Бакуриану. Не исключено, что тогда же, скорее всего в Скевре, находившейся недалеко от Ламброна, рукопись могла быть и украшена.

При внимательном рассмотрении оказывается, что евангелист Марк и декоративная страница к его евангелию, исполненные на одном сложенном пополам листе, и лист, на одной стороне которого находится декоративная страница к евангелию от Луки, вшиты в рукопись отдельно (других миниатюр в евангелии нет); отлично и качество пергамена. Создается впечатление, что начальные листы евангелий рукописи XI в. были вынуты и на их место вставлены новые — художественно оформленные. Утраченный текст был вписан на обратной стороне нового листа другими чернилами и несколько иным почерком, хотя писец и придерживался шрифта рукописи XI в. Отлично и исполнение начальных букв, написанных красными чернилами, чего нет в основном тексте. Приближающееся по стилю к Нареку 1173 г. и Токатскому евангелию 1174 г., сходное по своим декоративным композициям и орнаменту к евангелию Ромклы 1166 г., убранство Севастийской рукописи отличается от этой группы памятников иконографией евангелиста и некоторым своеобразием символов, помещенных на золотом фоне заглавных листов.

В первой половине XIII в. в Киликии наблюдается общий упадок художественной жизни, связанный с неблагоприятными историческими событиями. Улучшение политической обстановки и экономики страны приводит к высокому расцвету искусства во второй половине XIII в. В это время, как считает Л. Р. Азарян, школа Скевры не является уже ведущей, уступая место, с одной стороны, Ромкле, с другой — Акнеру, Грнеру, Бардзрберду. Последние три центра автор объединяет под понятием «школы царского брата», епископа Ованнеса, к которой мы теперь и переходим.

Впервые на существование скрипториев, которые возглавлял епископ Ованнес, как отмечает автор, указал А. Алишан. Значительная группа рукописей, написанных и иллюстрированных во второй половине XIII в. в скрипториях Акнера, Грнера и Бардзрберда, по своему стилю и художественным достоинствам отличаются от рукописей других киликийских школ, из чего следует, что в это время в Киликии возвышается новый самостоятельный центр. Исторические сведения о вышеупомянутых монастырях крайне ограниченны. Процветание их связано с именем епископа Ованнеса, который являлся не только заказчиком многих рукописей, но и сам был писцом, а вероятно, и художником. Мастера Григор Пицак и Степанос Вахакаци называют себя его учениками.

Самым ранним кодексом школы епископа Ованнеса является написанное для него в Грнере евангелие 1263 г. ФГИ 56.II, изданное и подробно комментированное С. Дер Нерсесян [12]. Центральным же памятником этой школы Л. Р. Азарян считает сборник Матенадарана № 4243, исполненный в 1266 г. около Бардзрберда также для епископа Ованнеса (рис. 22—27). Текст этой маленькой рукописи, написанной на тонком пергамене красивым болорогиром, украшен не только изящно исполненными заставками, маргиналами и инициалами. Особенностью ее являются многочисленные маленькие фигуры пророков, мудрецов и апостолов, помещенные на полях на фоне пергамена. Их отличают правильные пропорции, объемность, достигнутая светотеневыми приемами, одухотворенность лиц, разнообразие и точность передачи движений.

Эти миниатюры автор считает известным образом приближающимися к иллюстрациям византийских рукописей XI в., на что указывает, быть может, и присущий им нежный прозрачный колорит, хотя многие фигуры исполнены в чисто линейной манере и лишь слегка подцвечены.

Однако мастера не только следовали своим образцам, но и сочетали их с непосредственным наблюдением. Реалистическую тенденцию, которую Л. Р. Азарян считает характерной для рукописей, связанных с именем Ованнеса, он видит и в портретном изображении самого епископа (см. рис. 22).

Общность убранства рукописей Матенадарана № 4243 и № 345 (рис. 28—31а) приводит автора к выводу, что писцы (они же, возможно, и художники) работали под руководством Ованнеса; не исключено, что миниатюры этих рукописей были исполнены и самим епископом. Особенности его школы не получили широкого рас-

[12] S. Der Nersessian. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art, pl. 64—79.

пространения в других киликийских скрипториях. Причиной этого, по мнению автора, является возвышение, начиная со второй половины XIII в. Ромклайской школы, которая становится наиболее влиятельной.

Большой интерес представляет та часть главы, где Л. Р. Азарян, на основании различия стиля миниатюр в одном и том же кодексе, выявляет разные руки мастеров, одного — связанного со школой Ованнеса, другого — приглашенного, быть может, со стороны. С этой позиции автор разбирает хорошо известное, но еще мало изученное евангелие Смбата Гундестабля (Матенадаран, № 7644) (табл. III, рис. 32—37), точное время и место написания которого неизвестны. Стилистическая и иконографическая близость евангелистов этого кодекса и рукописей школы епископа Ованнеса не оставляет сомнения в принадлежности к ней евангелия Смбата Гундестабля (ср., например, рис. 32 и 30); не исключено, что они исполнены рукой одного художника. Следует отметить, что Л. Р. Азарян впервые связывает евангелие Смбата Гундестабля со школой епископа Ованнеса, относя его при этом к 60—70-м годам XIII в.

В той же рукописи находятся лицевые миниатюры (табл. 33—37), подписанные художником Аветиком, стилистически и по колориту отличные от евангелистов. Из этого автор делает вывод, что рукопись украшена двумя художниками (это отмечала еще Л. А. Дурново). Из них Аветик, по мнению Л. Р. Азаряна, не принадлежал к школе Ованнеса [13]. Это положение аргументируется тем, что мастера этой школы не украшали рукописи лицевыми миниатюрами. Заметим, что после полного издания кодекса ФГИ 56.11 от 1263 г., исполненного в Гнере, такое утверждение должно отпасть. Автор хочет видеть во введении лицевых миниатюр в скрипториях Ованнеса новшество, связанное с влиянием Ромклы, но оставляет по сути дела открытым вопрос о принадлежности Аветика к той или иной школе. Нам кажется, что творчество этого мастера, очень самостоятельного и оригинального (иконография, колорит, стиль), не имеет прямого сходства с Ромклайскими рукописями и нуждается в более глубоком изучении.

Интересны и дальнейшие изыскания Л. Р. Азаряна в отношении лицевых миниатюр других рукописей школы Ованнеса. Автор убедительно доказывает, что образцом для художников, работавших в этом скриптории, стал один из лучших памятников киликийской миниатюры периода ее расцвета, а именно евангелие царицы Керан 1272 г. (Иерусалим, № 2563) (рис. 107—115), которое было вложено в Акнер. Сопоставление миниатюр этого евангелия, евангелия князя Васака (Иерусалим, № 2568) (рис. 98—106) и евангелия 1287 г. (Матенадаран, № 197) (табл. IX, рис. 116—120) не оставляет в этом сомнения.

Отметим, что все три упомянутые выше кодекса ранее приписывались Торосу Рослину; Л. Р. Азарян, на основании памятных записей [14], устанавливает принадлежность двух последних к школе Ованнеса. Тем самым он вполне аргументированно дает им новую атрибуцию.

Стиль миниатюр этих рукописей позволяет говорить о том, что в 70-х гг. XIII столетия школа царского брата Ованнеса была связана с основным течением, которое становится главным в Киликийской миниатюрной живописи — характеристику его автор дает в главе, посвященной Торосу Рослину.

Теперь о школе Ромклы. Как уже указывалось выше, Л. Р. Азарян считает, что Ромкла начинает играть самостоятельную роль позже других киликийских школ и получает самостоятельное лицо лишь во второй половине XIII в.— точка зрения, которую мы не разделяем. По мнению Л. А. Дурново, Ромкла, по-видимому, играла в первое время (развития киликийской миниатюры.— *Т. И.*) ведущую роль [15]. Собранные С. Дер Нерсессян вокруг Ромклы рукописи XII в. [16] также не позволяют умалять ее значение в этот период, если даже престол католикоса и был перенесен в Ромклу лишь в 1150 г. (стр. 88).

Евангелие 1166 г., которое автор привлекал уже при изучении школы Скевры, в этой главе рассматривается как памятник, представляющий стиль раннего периода Ромклайской школы, что вполне правильно, так как рукопись исполнена в Ромкле.

Настойчиво проводя идею о приоритете Скеврской школы, Л. Р. Азарян не раз вынужден подчеркивать тесную связь ее с Ромклайской, вступая при этом в противоречие с самим собой. Так, на стр. 91 он пишет: «Однако не подлежит сомнению, что в изучаемый период (вторая половина XII в.— *Т. И.*) Скевра и Ромкла были тесно связаны между собой, почему отправной точкой для стиля этих школ, вероятно, следует признать ев. 1166 г. или другие рукописи подобного типа, так как те основные памятники, которые были украшены двумя десятилетиями позже и обусловили характер Скеврской школы, в основном группируются вокруг рукописи 1166 г.» И ниже, на той же стр.: «Работавшие в Ромкле художники в первые годы своей деятельности

---

[13] По мнению С. Дер Нерсессян (Revue des Études arméniennes, II, p. 395), эти миниатюры по стилю и колориту отличаются от киликийской живописи XIII в., и, возможно, относятся к более поздней эпохе.

[14] Евангелие князя Васака было проверено Ованнесом (см. подпись под семейным портретом получателя); евангелие 1287 г. написано рукой Ованнеса.

[15] Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, стр. 36.

[16] S. Der Nersessian. Armenian Manuscripts..., p. 9—17.

стремятся к самобытности и, что главное, вырабатывают определенные навыки, которые несколькими десятилетиями позже, подвергаясь окончательной переработке в Скеврской школе, стали основой для киликийской миниатюры XII в.» Эти положения мы полностью разделяем. Далее автор переходит к характеристике Ромклайской школы периода ее расцвета (вторая половина XIII в.), который был связан с именем католикоса Константина (1221—1267).

Список работавших при нем мастеров начинается Киракосом. Л. Р. Азарян, основываясь на мнении Б. Саргисяна, считает, что самая ранняя работа этого художника — евангелие 1244 г. (Венеция, № 151) в силу сходства хоранов (евангелисты не сохранились) с евангелием 1193 г. (Венеция, № 1635), украшенным в Скевре, базируется на принципах, выработанных в этой школе. Тот же мастер украсил и евангелие 1249 г. (Матенадаран, № 7690) (рис. 50—52) [17], в убранстве которого сохраняются приемы конца XII в., хотя иконография евангелистов и приближается к принятой в византийских рукописях. Наряду с тем, уже в этих работах появляются черты нового стиля киликийской живописи.

Л. Р. Азарян впервые выявляет ученика Киракоса, мастера Вардана, украсившего евангелие 1251 г. (Матенадаран, № 3033) (рис. 53—55), написанное Саргисом [18]. Евангелисты этой рукописи почти тождественны предыдущей. По мнению автора, большое значение для характеристики художественного оформления рукописей Ромклы имеет кодекс ФГИ № 44.17, украшенный Ованнесом в 1253 г. (рис. 56—57). Этого художника он, так же как и С. Дер Нерсессян [19], считает одним из самых значительных представителей Ромклайской школы середины XIII в. и приводит мнение Г. Овсепяна, в соответствии с которым Киракос и Ованнес оказали большое влияние на Тороса Рослина, хотя и неизвестно, были ли они его учителями. Именно в эти годы были заложены основы, на которых расцвели позднее такие выдающиеся произведения искусства, как манускрипт ФГИ 32.18 [20] (рис. 62—64) и Матенадарана № 7651 (рукопись восьми художников.— *Т. И.*) (рис. 58, 59 и 95—97, табл. V, VI, VII).

Укажем, что после исследования С. Дер Нерсессян первый из этих кодексов можно связать с Рослином. В убранстве его миниатюры во весь лист заменяются многочисленными сюжетными иллюстрациями, введенными в текст [21]. Некоторое воздействие на них византийских иконографических норм не исключает творческой самостоятельности армянских мастеров, что на основании детального анализа Фрирской рукописи 32.18 ярко показала С. Дер Нерсессян. Не имея возможности изучать Фрирский кодекс в оригинале, Л. Р. Азарян не только воспроизводит его миниатюры, но и отмечает стремление украсивших его художников приблизиться к действительности, трактовать некоторые евангельские сцены как жанровые, что подчеркивает новую светскую струю, появляющуюся в это время в киликийской живописи.

Замечательному художнику Торосу Рослину, деятельность которого была подготовлена всем предшествующим развитием киликийской миниатюры, Л. Р. Азарян посвящает последнюю главу своей книги.

Для наиболее правильного представления о творчестве Тороса Рослина особенно важна, по мнению Л. Р. Азаряна, полностью не решенная еще проблема анонимных, но приписываемых ему рукописей. Как указывает автор, этому мастеру принадлежит ряд подписных работ, которые охватывают период с 1256 по 1268 г. Позднее некоторые рукописи были ему приписаны ошибочно. Р. Г. Дрампян связывал с Торосом Рослином часть миниатюр евангелия восьми художников (Матенадаран, № 7651), Л. А. Дурново — рукописи Матенадарана № 979 (1286 г.), Чашоц № 9422 (второй половины XIII в.) и № 197 (1287 г.) и т. д.

Л. Р. Азарян приводит список подписных и приписываемых Торосу Рослину рукописей. Приведем и мы его здесь.

Подписные рукописи Тороса Рослина (рис. 66—94)

1. Евангелие 1256 г. (так наз. Зейтунское евангелие — теперь в Константинополе). Написано в Ромкле для католикоса Константина.
2. Евангелие 1260 г. (Иерусалим, № 251). Написано в Ромкле для католикоса Константина.
3. Евангелие 1262 г. (Иерусалим, № 2660). Написано в Ромкле; заказчик — наследник Левон.
4. Евангелие 1262 г. (Балтимор, Волтерское собрание, № 539). Написано в Ромкле. Заказчик — священник Торос, племянник католикоса Константина.
5. Евангелие 1265 г. (Иерусалим, № 1956).

---

[17] Помещенная на табл. IV миниатюра этой рукописи написана, как указывает автор, другим художником, быть может, Т. Рослином, и вшита позднее.

[18] По мнению С. Дер Нерсессян (Revue des Études arméniennes, II, p. 397), Вардан был не художником этой рукописи, а владельцем.

[19] S. Der Nersessian. Armenian Manuscripts .., p. 18—25, pl. 17—27.

[20] Ibid., p. 26—54, pl. 28—63.

[21] Едва ли можно сближать этот прием, как это делает Л. Р. Азарян, с фризовым построением лицевых миниатюр в малоазийских армянских рукописях XI в.

6. Маштоц 1266 г. (Иерусалим, № 2027) [22]. Написано в Сисе, украшено в Ромкле. Художник Торос, прозвище «Рослин» отсутствует.
7. Евангелие 1268 г. (Иерусалим, № 3627). Написано в Ромкле. Заказчик — католикос Константин, для наследника Гетума.

Рукописи, приписываемые Торосу Рослину

1. Евангелие князя Васака (Иерусалим, № 2568) (рис. 98—106).	Подпись под семейным портретом свидетельствует о том, что рукопись правил епископ Ованнес.
2. Евангелие восьми художников (Матенадаран, № 7651) (табл. V — VII, рис. 58, 59, 95—97)	Главный хишатакаран отсутствует. Писец Аветик. Закончено Саргисом Пицаком, который работал в Сисе
3. Евангелие царицы Керан 1272 г. (Иерусалим, № 2563) (рис. 107—115)	Писец Аветис. Место написания Сис. Вложено в Акнер.
4. Евангелие второй половины XIII в. (Матенадаран, № 9422) (табл. X — XII, рис. 121—129)	Главный хишатакаран отсутствует. Место, писец, художник неизвестны.
5. «Чашоц» 1286 г. (Матенадаран, № 979) для Гетума II (табл. XIII — XVI [23], рис. 130—134)	Главный хишатакаран отсутствует. Место, писец, художник неизвестны.
6. Евангелие 1287 г. (Матенадаран, № 197) (табл. IX, рис. 116—120)	Написано Ованнесом в Акнере, получатель епископ Ованнес.

При сравнении подписных и приписываемых Торосу Рослину рукописей нельзя не заметить их стилистического отличия, которое Л. А. Дурново считала результатом эволюции творчества самого мастера. Л. Р. Азарян противопоставляет этому взгляду свою точку зрения, опираясь на отдельные высказывания ряда других исследователей. Во время расцвета своей деятельности, как явствует из памятных записей, пишет он, Рослин работал с помощью других художников и учеников. По-видимому, последние настолько глубоко усвоили творческий метод своего учителя, что трудно бывает отличать их работы от работ самого Рослина. Под главными неподписными произведениями могут скрываться и современники Рослина — художники, своим мастерством и самостоятельностью стоявшие не ниже его. Не случайно поэтому отмеченное автором стилистическое сходство миниатюр в анонимных рукописях и отличие их от подписных. Творчество художников, украшавших неподписные кодексы, Л. Р. Азарян рассматривает как последнее звено расцвета киликийской миниатюры, в начале которого стоит Рослин. Автор характеризует стиль этой группы рукописей, как своеобразное «барокко». Он ставит его в связь со вкусом дворцовой аристократии, представители которой были зачастую получателями этих кодексов.

Л. Р. Азарян противопоставляет иллюстрациям подписных рукописей Рослина с характерными для них уравновешенными спокойными композициям, монументализмом, величавостью, глубоким внутренним психологизмом, наличием реалистической струи — особенности стиля неподписных рукописей: динамичные, полные движения многофигурные и многоплановые композиции, мелкие неспокойные складки одежд, развевающихся как от ветра. Живописность отступает на второй план, усиливается графичность, часто появляются кривые и изломанные линии. Колористическая гамма обогащается рефлексами и полутонами, благодаря чему фигуры становятся более рельефными. Техническое совершенство, свидетельствующее о высоком профессиональном уровне мастеров, не может скрыть некоторого академизма — повторения образов, ставших каноническими. Изменяется и характер орнаментации; композиции рамок становятся более динамичными. Растения и листья заканчиваются остриями, напоминающими растительные украшения готических рукописей. Все это придает убранству кодексов фантастический характер.

Для доказательства иконографических и стилистических отличий в анонимных и подписных рукописях Рослина автор производит убедительное сравнение одинаковых по сюжету миниатюр.

Примеры для сравнения

Подписные рукописи Тороса Рослина	Анонимные
1. «Снятие с креста» (Балтимор, № 539, рис. 82; Иерусалим, № 1956, рис. 84)	То же (Чашоц, № 979, рис. 132) (в тексте ошибка, указан № 192)
2. «Переход через Чермное море» (Иерусалим, № 2027, рис. 88)	То же (Чашоц, № 979, табл. XIV)
3. «Три отрока в пещи огненной» (Иерусалим, № 2027, рис. 89)	То же (Чашоц, № 979, табл. XV)

[22] В тексте — № 2027, под иллюстрациями той же рукописи — № 2077.
[23] Опечатка: под таблицей VIII напечатано XIII; под таблицей XIII — VIII.

Наиболее ясно, по мнению автора, особенности стиля Тороса Рослина видны в сцене:

4. «Распятие» (Балтимор, № 539, рис. 81; Иерусалим, № 1956, рис. 85; Иерусалим, № 3627, рис. 93) (в тексте ошибка, указан № 94) «Распятие» (Иерусалим, № 2568, рис. 103; Иерусалим, № 2563, рис. 113; Матенадаран, № 197, рис. 120)

Убедительно и сравнение последней подписной рукописи Рослина (1268 г.) с первой, точно датированной неподписной рукописью (евангелие царицы Керан 1272 г.), которые отделены друг от друга всего четырьмя годами. По словам Л. Р. Азаряна, как бы ни был гениален и многосторонен мастер, он не мог так быстро изменить свои творческие принципы.

Все вышесказанное приводит автора к заключению, что Рослин был не одинок, рядом с ним работали миниатюристы, мастерством и совершенством нередко превосходившие его. Их работы, по мнению Л. Р. Азаряна, которое мы разделяем, приписаны Рослину без всяких оснований. Эта группа рукописей занимает особое место среди других киликийских манускриптов, представляя собой новый этап по сравнению с творчеством Рослина.

Проведенное автором детальное исследование неподписных рукописей показывает, что и между ними имеются коренные отличия,— обстоятельство, которое заставляет предположить, что над украшением их работало несколько художников. Эти рукописи автор группирует следующим образом: наиболее ранним он считает евангелие восьми художников (Матенадаран, № 7651). Независимо от того, принадлежит ли часть миниатюр этой рукописи Рослину или нет, они всей своей сущностью отличаются от того, что было сделано киликийскими художниками.

Вторую группу составляют: Евангелие Васака (Иерусалим, № 2568), евангелие Керан 1272 г. (Иерусалим, № 2563), евангелие Матенадарана, № 197. Сохранившиеся хишатакараны дают основание группировать эти рукописи вокруг школы Ованнеса (см. список неподписных рукописей), в которой имя художника редко упоминается. В лучшем случае встречается имя писца и самого Ованнеса, который выступает как писец, заказчик или лицо, исправляющее рукопись.

Эту группу Л. Р. Азарян сближает с евангелием Матенадарана № 9422. Однако некоторые своеобразные черты заставляют рассматривать этот кодекс отдельно и не связывать его с именем епископа Ованнеса. Рукопись была украшена, без сомнения, в Киликии третьей четверти XIII в. Великолепные иллюстрации позволяют причислить ее к лучшим памятникам армянской миниатюрной живописи. Автор различает здесь работу двух мастеров (первый — табл. X—XII, рис. 124, 126, 128 — напечатано 24, 26, 28; второй — рис. 125, 127, 129); иллюстрации последнего он считает добавленными при обновлении, о чем нам без детального анализа трудно судить. Отдельно ставит Л. Р. Азарян и последнюю неподписную рукопись «Чашоц» царя Гетума II, замечательный памятник армянской миниатюрной живописи, отличающийся рядом особенностей в характере своего убранства и стиля миниатюр.

Все эти манускрипты, представляющие новый этап в развитии киликийской миниатюры, автор склонен группировать вокруг одной школы, которую, как он полагает, следует, может быть, назвать школой Сиса, что кажется нам вполне вероятным.

Последнюю главу книги Л. Р. Азаряна мы считаем наиболее значительной во всем его исследовании. В ней автор по-новому ставит вопрос о личности Тороса Рослина. Конечно, это не избавляет от необходимости дальнейшего углубленного монографического исследования превосходных по своему художественному достоинству киликийских кодексов, охарактеризованных автором порою беглыми штрихами.

В заключение отметим, что работа Л. Р. Азаряна имеет большое познавательное значение и знаменует серьезный шаг вперед в исследовании проблем, связанных с киликийской миниатюрной живописью. В общей композиции текста нам представлялось бы более рациональным рассматривать отдельные скриптории Киликии, получающие иногда значение школ, не по «вертикали», а по «горизонтали», т. е. в их взаимосвязях в течение одного и того же отрезка времени. Это позволило бы более четко показать как их различия, так и общность, что в равной мере характерно для киликийской миниатюрной живописи.

Наименее самостоятельной и далеко не решающей сложной проблемы кажется нам первая глава («Истоки киликийской миниатюрной живописи»). В основном автор суммирует в ней те положения, которые уже не раз высказывались в литературе. Считая главным источником, определившим развитие киликийской миниатюры, особенно в начальный период, живописную традицию, сложившуюся еще в коренной Армении, автор противопоставляет эту точку зрения мнению тех исследователей, которые хотят видеть в киликийской миниатюре лишь одну из ветвей византийского искусства,— взгляд, как нам кажется, давно устаревший.

По мнению Л. Р. Азаряна, традиции коренной Армении были перенесены в Киликию переселявшимися туда художниками. Привезенные рукописи служили образцами во вновь формирующихся скрипториях. Для подтверждения этого широко распространенного, но спорного положения используются мало убедительные доказательства, которые скорее могут опровергнуть эту точку зрения. Так, например, автор считает,

что если бы евангелие 1113 г. (Матенадаран, № 6763) не имело хишатакарана, в котором указано, что оно написано в Дразарке, его можно было бы свободно причислить к ряду рукописей, написанных и украшенных в коренной Армении. К сожалению, не указано конкретно, какие это рукописи? Мы затруднились бы привести аналогию к помещенной на рис. 1 миниатюре этого манускрипта. Крест, украшающий один из листов евангелия 1113 г. (рис. 1), насколько нам известно, в противоположность утверждению автора, в ранних рукописях (X — XI вв.) коренной Армении, как правило, не встречается. Он был распространен в малоазийских армянских кодексах того же периода. По своей форме (но не по стилю) крест евангелия Матенадарана 1113 г. приближается к изображению его в Иерусалимском евангелии № 2555 и Адрианопольском евангелии 1007 г. (Венеция, № 887). По линии «ограниченной красочной гаммы» и «графически акварельной манеры исполнения» (стр. 19) автор сближает эту рукопись с евангелием 1038 г. (Матенадаран, № 6201), что кажется нам лишенным какого-либо основания. Если даже в колорите и рисунке наблюдается известное сходство, нельзя откидывать все остальное — стиль, иконографию, характер орнаментации — разительно не сходное в этих двух рукописях.

Едва ли следует для доказательства связи с коренной Арменией столь непосредственно сопоставлять миниатюры Тюбингенского евангелия с евангелиями 1053 г. и Могни. Присущий иллюстрациям всех трех рукописей монументализм можно рассматривать не только как результат преемственности, но и как черту стиля, характерную для миниатюрной живописи на определенном этапе ее развития. Другие стилистические особенности в сравниваемых кодексах далеко не всегда совпадают. Сам же автор (на стр. 29), ссылаясь на И. Стржиговского, пишет, что иконографический тип евангелистов Тюбингенского евангелия и евангелия Матенадарана № 7737 «характерен вообще для Малой Азии, откуда был заимствован как византийцами, так и армянами». Этого нельзя сказать об евангелистах евангелия 1053 г. и Мугни, где образы Марка и Луки восходят скорее к сирийским истокам. Если даже в основе миниатюр сравниваемых кодексов можно будет наметить какие-то точки соприкосновения, то отнюдь не за счет столь прямолинейного их сопоставления.

Ссылка автора на сходство орнаментальных мотивов киликийских рукописей и армянских хачкаров принципиально не вызывает сомнения; хотелось бы, однако, подкрепить их конкретными примерами. Для доказательства связи киликийских памятников с общим культурным наследием армян Л. Р. Азарян ссылается на стелы и рельефы VI — VII вв., отмечая общность некоторых мотивов (например, аканф, виноградная лоза). Думаю, что такие сопоставления слишком общи и несколько механичны. Описания двинского рельефа со сценой сбора винограда, простое упоминание рельефов Ахтамара, Звартноца и даже Гарни едва ли что-нибудь дают для понимания особенностей киликийской миниатюрной живописи. Вызывает сомнение прямое сопоставление трактовки складок одежд евангелистов в рукописях XII в. с Одзунским (VI в.) и Мренским (VII в.) рельефами.

Акцентируя основное внимание на собственной традиции, автор не отрицает и влияний. Из них главным он считает византийское. Присоединяясь к С. Дер Нерсессян, Л. Р. Азарян полагает, что киликийская миниатюра воспринимает его первоначально через византинизирующие армянские рукописи XI в. (Трапезундское, Карсское евангелия) или подобные им кодексы, занесенные в Киликию лишь во второй половине XII в. В последующий период киликийская миниатюра обогащается новыми заимствованиями из византийского искусства, особенно в отношении технического совершенства.

Достигнув в XIII в. своего высочайшего расцвета, она сама начинает оказывать некоторое влияние на византийскую миниатюру.

Л. Р. Азарян уделяет место и связям Армении с Восточным миром, которые существовали уже с древности. При этом он считает, что некоторые образы и приемы восточного искусства проникали в Киликию через коренную Армению. Упоминается и воздействие некоторых образцов, сложившихся в Китае.

Влияние Запада прослеживается в ту пору, когда киликийская миниатюрная живопись уже окончательно сложилась. Интересны приведенные автором конкретные примеры, которые показывают новую, близкую к готическому стилю трактовку киликийскими мастерами некоторых орнаментальных и архитектурных мотивов, что не исключает и прямых заимствований с Запада.

В целом глава носит несколько схематический и механистический характер. Автор пытается разрешить проблему простым сложением традиции, связанной с коренной Арменией, и воздействующих на нее влияний. По нашему мнению, процесс формирования киликийской миниатюры был более сложным, в силу чего эта проблема должна стать предметом дальнейшего более углубленного изучения.

Надо надеяться, что из-под пера автора выйдут монографии, посвященные отдельным киликийским рукописям, замечательные миниатюры которых позволят продолжить начатое Л. Р. Азаряном интересное исследование.

* * *

В журнале «Сион» за октябрь — декабрь 1966 г. появилась еще одна рецензия на армянском языке, написанная А. Курдяном. Рецензия содержит ценное замечание; ее автор убедительно показывает неправильность общепринятого мнения о датировке и месте написания Тюбингенского евангелия. С легкой руки И. Стржиговского, опубликовавшего в 1907 г. якобы копию с несохранившегося оригинала памятной записи этой рукописи, в течение 60 лет никто из исследователей армянской миниатюры не подвергал сомнению ее принадлежность скрипторию Дразарка и дату 1113 г. А. Курдян опознал в приведенном И. Стржиговским колофоне хишатакаран, относящийся к рукописи Матенадарана № 6763. Это открытие, несомненно, позволит внести коррективы в изучение истории армянской миниатюры.

Нельзя не заметить вместе с тем, что в целом тон рецензии вызывает более чем недоумение, нарушая какие-либо этические нормы научного общения. Полностью опорачивая книгу Л. Р. Азаряна, А. Курдян не только считает, что автор не внес ничего нового в изучение киликийской миниатюры, но и не имел права заниматься ею, не изучив рукописей зарубежных собраний, особенно связанных с именем Тороса Рослина. А. Курдян берет на себя смелость даже рекомендовать Л. Р. Азаряну заняться рукописями Васпуракана, хорошо представленными в Матенадаране.

Из проведенного нами выше объективного разбора книги Л. Р. Азаряна читатель может сам сделать выводы о ее достоинствах и недостатках и полностью оценить ту большую и интересную работу, которая была проведена автором. Именно на основании изучения рукописей Матенадарана Л. Р. Азаряном была выявлена группа мастеров миниатюры, которые необоснованно связывались с именем Тороса Рослина. Не видя надобности повторять оценку книги, заметим лишь, что достаточно известный исследователь, каким является А. Курдян, скомпрометировал своим отзывом лишь самого себя. Случайно вырванные из контекста книги и недобросовестно интерпретированные фразы сочетаются в этом отзыве с прямыми оскорблениями в адрес Л. Р. Азаряна. Обобщения, сделанные автором книги, А. Курдян считает неопределенными и бессмысленными, затуманенными сором таких слов, как «конкретный», «монолитный», «этап», «динамика», «фигуры», «многофигурные композиции», «анфас», «профиль» и т. д. (?).

Заключая, заметим, что отдельные критические замечания А. Курдяна, которые могли бы принести пользу автору книги (для чего и пишутся рецензии), пропадают из-за ошеломляющей недопустимости принятого им тона, совершенно не сочетающегося с серьезной научной критикой.

Т. А. Измайлова

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСЦЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. II

Число работ, посвященных изучению деятельности переписчиков греческих рукописей в XV—XVI вв., непрерывно увеличивается. Это обстоятельство побуждает нас продолжить обзор новых исследований в названной области, начатый рецензией на труды Хр. Патринелиса и П. Канара [1].

В качестве необходимого условия изучения позднегреческой рукописной книги в настоящее время выдвигается задача определения имени переписчика, даже если он сам не сообщил его в колофоне рукописи; возможность этого обусловливается получившей свое дальнейшее развитие в эпоху Возрождения индивидуальностью почерков, позволяющей с большой уверенностью распознавать руку того или иного скриптора. Однако отождествление писцов по почерку — дело необычайно трудное, требующее от исследователя большой практики и исключительной осторожности. Избежать ошибок при сопоставлении рукописей помогают приемы, выработанные кодикологией. Формат бумаги, количество листов, составляющих тетрадь, сигнатуры, объем текста, число строк на странице, филиграни, украшения, переплет,— учет особенностей всех этих компонентов книги, или, как говорят кодикологи, «археологическое» изучение манускрипта в подавляющем большинстве случаев создает надежную опору для последующих отождествлений, для проверки результатов, добытых анализом почерка.

Инициатором создания методики определения писца XV—XVI вв. по почерку является Поль Канар, хранитель греческих рукописей Ватиканской библиотеки. Указав на трудности, которые ожидают палеографа, исследующего почерки греческих переписчиков XV—XVI вв. [2], он дал великолепную иллюстрацию высказанных им ранее общих положений, выпустив в свет новую работу [3].

---

[1] Б. Л. Фонкич. Греческие писцы эпохи Возрождения.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 266—271.

[2] P. Canart. Scribes grecs de la Renaissance.—«Scriptorium», XVII, I, 1963, p. 56—82.

[3] Idem. Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546—1570 environ). Essai d'étude codicologique. «Mélanges Eugène Tisserant», vol. VI (Studi e Testi, 236). Biblioteca Vaticana, 1964, p. 173—287.

Исследование посвящено деятельности критского грека, одного из самых плодовитых копиистов Ватиканской библиотеки в пору ее блестящего расцвета, Эммануила Проватариса [4]. Усилия автора сосредоточены на изучении «материального аспекта» работы знаменитого скриптора; выбор направления исследования представляется рациональным, ибо прежде, чем можно будет оценить вклад Проватариса в культуру Возрождения, нужно точно определить рукописи, вышедшие из-под его пера. Но именно эта задача необычайно сложна: работая в Риме на протяжении четверти столетия, Проватарис, вне всякого сомнения, должен был переписать большое количество рукописей (ведь он был каллиграфом-профессионалом); однако известны всего лишь два кодекса, содержащие в записи копииста его имя. Письмо этих рукописей не имеет каких-либо ярких оригинальных черт, которые позволяли бы с первого взгляда произвести отождествление по почерку. Поэтому необходимо изучать «технические» приемы писца, создающего книгу, выявить обычные для него способы «организации» кодекса.

Пройдем вслед за автором по тому сложному пути исследования, который привел его от двух рукописей к перечню 155 (!) автографов Эммануила Проватариса.

Всю работу, состоящую из восьми глав, можно разделить на две части: первая (гл. I — IV) посвящена изучению почерка, во второй (гл. V — VIII) анализируются приемы оформления рукописи и выясняется судьба написанных Проватарисом манускриптов.

Как уже упомянуто, Проватарис подписал лишь две свои рукописи: Vat. gr. 1184 и Vat. gr. 1949. Их, разумеется, недостаточно для бесспорных идентификаций, когда мы имеем дело с писцом, работавшим над копированием кодексов длительное время: приходится учитывать возможность значительной эволюции индивидуального почерка. На помощь пришли черновики писем ватиканского скриптора (Vat. gr. 2124). Из них П. Канар отобрал десять образцов, позволивших в сочетании с двумя подписанными рукописями выявить ряд черт, присущих письму всех копий Проватариса. Однако прежде, чем перечислить выявленные им характерные особенности почерка Проватариса, автор сформулировал те приемы изучения рукописей XV — XVI вв., которые позволяют установить совокупность «характеристик» данного писца, необходимых при отождествлении. Приемы эти таковы:

I. Особенности общего порядка.

1. Материал для письма: некоторые писцы, работавшие для богатых заказчиков, использовали пергамен; большинство же писали на бумаге, отдавая предпочтение определенному ее формату и определенному типу тетради; показательным может быть повторение одних и тех же групп филиграней.
2. «Организация» листа: количество строк, размеры полей, расположение заглавий и рубрик.
3. Орнаментация: заглавия, инициалы, соединительные линии, использованные цвета.
4. Чернила, употребляемые для написания текста: некоторые копиисты предпочитали чернила очень темного цвета.
5. Письмо: высота и ширина букв и их соотношения; расстояния между буквами и строками; «вес» письма [5]; заостренность или округлость букв; наклон вправо или влево; письмо «легкое», непринужденное или непривычное (критерий, к сожалению, очень субъективный) [6].

II. Особенности, свойственные отдельным буквам или группам букв.

1. Использование букв «унциального» или «минускульного» типа: определение процентных отношений этих типов для α, γ, δ, ε, η, ϰ, λ, ν, π, выявление различных форм β (β или b) и σ (σ, ς, C).
2. Специальные формы отдельных букв: у того или иного писца они могут быть разными; наиболее характерны буквы: ζ, θ, ξ, φ.
3. Частота и форма лигатур: почти все писцы эпохи Возрождения умели варьировать лигатуры; поэтому следует сочетать исследование формы с частотой ее употребления; нужно учитывать также отсутствие лигатур.
4. Частота и форма сокращений; следует иметь в виду характер рукописи (некоторые

---

[4] Его биографию см.: P. Canart. Un Crétois scriptor de la Bibliothèque Vaticane: Emmanuel Provataris.—Πεπραγμένα τοῦ Α'Διεθνοῦς Κρητολογικοῦ Συνεδρίου, τομ. 2. [=«Κρητικὰ Χρονικά», 15—16 (1961—1962), τεῦχος 2], σελ. 84—96.

[5] Об этом термине см.: А. Д. Люблинская. Новая теория развития позднеримского письма.— СВ, XI, 1958, стр. 147.

[6] Впечатление «легкого» (привычного) написания букв или, напротив, «тяжелого», неумелого владения пером, возникающее у каждого специалиста, достаточно длительное время изучавшего почерки, хотя и является (как это верно заметил П. Канар) субъективным критерием, однако часто помогает при работе с рукописями. Оно указывает не только на степень квалификации переписчика, но иногда даже на его «национальность»; так, например, в большинстве случаев бывает легко узнать руку европейца — не-грека, пишущего по-гречески; не больше труда требуется для того, чтобы распознать руку русских справщиков Московского Печатного двора, оставивших немало греческих помет в рукописях Синодальной библиотеки (ГИМ).

специальные тексты — грамматические, математические и т. п.— требуют сокращений); имеет также значение проблема экономии писчего материала [7].

Изучив в соответствии с этими приемами рукописи, бесспорно вышедшие из-под пера Проватариса, П. Канар получил большую группу сведений, характеризующих методы работы ватиканского скриптора, которые дают возможность почти безошибочно отождествлять по почерку написанные им манускрипты. Тщательные разыскания в архиве Ватиканской библиотеки и анализ переписки кардиналов-библиотекарей Марчелло Червини и Гульельмо Сирлето, под руководством и по заказу которых работал Эммануил Проватарис, подтвердили значительное число идентификаций и — что особенно существенно — позволили с большей или меньшей точностью определить даты написания 16-ти рукописей, довольно равномерно распределившихся между 1546 и 1567 гг. Результат этот необычайно важен для наблюдений над эволюцией письма нашего кописта.

Для анализа эволюции письма Проватариса были выделены 10 букв или сочетаний, особенно подвергавшихся в процессе многолетней работы переписчика изменениям. Это — соотношения между α унциального типа и α; ξ «левым» и ξ «правым»: ζ «правым» и «левым»; β и b; конечными σ и ς; Δ и δ, а также процент встречающихся в датированных кодексах ι subscriptum, ι и υ с точкой и σ в конце слов в сочетании с облеченным ударением. Расчет процентных отношений производился следующим образом: для часто встречающихся букв или сочетаний изучалось по крайней мере 100 случаев их употребления (от 1 до 10 листов рукописи), для более редких образцов (ξ, ζ) было достаточно 50 случаев. Вычисления, проведенные П. Канаром, показали, что изменения в написании отдельных букв поддаются строгой хронологической классификации и — подкрепленные анализом филиграней — выступают в качестве termini ante quos и post quos, позволяя тем самым не только отождествлять по почерку рукописи Проватариса, но и достаточно точно датировать их. Кроме того, цифры, характеризующие эволюцию письма ватиканского каллиграфа, сделали возможным отказаться от некоторых сомнительных атрибуций и выявить принадлежащие его ученикам и помощникам почерки, имитирующие письмо Проватариса.

Результатом этого исследования и явился перечень 155 автографов Эммануила Проватариса, представляющих собой великолепный источник для изучения деятельности критского переписчика, для характеристики научных и литературных интересов гуманистической Италии этого времени, для истории Ватиканской библиотеки. Кодикологический анализ этой большой группы рукописей (его выводы изложены в специальных главах: гл. V «Тетради и „организация" листа»; гл. VI «Филиграни»; гл. VII «Орнаментация»), точная картина графического творчества Проватариса и 18 фотоснимков, запечатлевших все стадии эволюции почерка знаменитого скриптора и представивших образцы письма его сотрудников, составляют прочный фундамент для последующих идентификаций.

На первых порах поражает количество рукописей, обязанных Проватарису своим появлением на свет: даже лучший каллиграф XV столетия Иоанн Росос, чье искусство более 50 лет служило интересам итальянских любителей греческой литературы, успел переписать за свою долгую жизнь немногим более 100 манускриптов. Ближайшее знакомство с продукцией Проватариса показывает, что подавляющее большинство рукописей, над созданием которых он трудился, было переписано им частично, в сообществе с другими копиистами. Среди сотрудников критского писца — Иоанн Мавроматис, Мануил Малаксос, Константин Ресинос, Матфей Деварис и другие известные каллиграфы XVI в. Их автографы также были выявлены и изучены П. Канаром. Результаты этого исследования нашли свое частичное отражение в упоминавшейся уже работе «Scribes grecs de la Renaissance», а также в вышедшей почти одновременно с рецензируемым здесь трудом статье, посвященной переводческой и копиистской деятельности Константина Ресиноса [8]. Однако это — лишь первые шаги к тому задуманному автором обобщающему исследованию, которое воссоздаст картину творчества переписчиков греческих рукописей в Риме в XVI столетии.

Таковы, вкратце, итоги и перспективы ставшей предметом нашего обзора работы Поля Канара.

В заключение мы приводим дополнения к списку сотрудничавших с Проватарисом копиистов по рукописям Москвы и Ленинграда.

1. Ленинград, ГПБ, греч. 591; написанный, как это верно отметил П. Канар [9], рукой К. Ресиноса перевод на новогреческий язык «слова» Иоанна Златоуста περὶ τῆς στενῆς πύλης καὶ τεθλιμμένης ὁδοῦ.
2. Москва, ГИМ, греч. 338; Акты флорентийского собора; лл. 3—10 об., 33—34, 73 об.— 149 об., 182—186, 242—242 об., 247—247 об., 248 об., 249 об., 250 об., 251 об., 252 об., 253 об., 254 об., 255 об., 256 об., 257—259 — автограф Мануила Малаксоса (отождествлено по почерку).

Б. Л. Фонкич

---

[7] P. Canart. Les manuscrits..., p. 177—178.

[8] P. Canart. Constantin Rhésinos, théologien populaire et copiste de manuscrits. («Studi di bibliografia e di storia in onore di Tammaro de Marinis»). Verona, 1964, p. 241—271.

[9] Ibid., p. 248.

АННОТАЦИИ

АННА КОМНИНА. АЛЕКСИАДА. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИЙ Я. Н. ЛЮБАРСКОГО

«Памятники средневековой истории Центральной и Восточной Европы». Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы. М., 1965, 668 стр.

Произведение византийской царевны Анны, дочери Алексея I Комнина, названное ею в честь отца «Алексиадой»,— один из первоклассных памятников средневековья. Сведения, содержащиеся в нем, охватывают различные стороны истории Византийской империи почти за четыре десятка лет столь богатого событиями правления этого василевса (1081—1118).

В молодости, при жизни отца, будущая писательница занимала высокое положение в окружении Алексея I. После его смерти она пыталась даже доставить трон своему супругу — Никифору Вриеннию, но потерпела неудачу, вслед за чем удалилась в монастырь, где и находилась до конца дней. Анна Комнина была человеком большого литературного таланта и многосторонней образованности. Составляя свой труд в конце жизни, она имела в распоряжении превосходные источники: сочинения предшественников (иные из которых ныне утрачены для историков), хранившиеся в ее памяти собственные наблюдения и рассказы высокопоставленных очевидцев и участников событий (таких, например, как военачальник Татикий), данные документов, к которым Анна некогда имела доступ, известия, извлеченные из писем современников. «Алексиада»— единственное историческое сочинение эпохи, в котором на основе столь обширного материала полно и последовательно передается история Византии конца XI — начала XII в. Насыщенность фактами, в особенности относящимися к событиям внешнеполитической истории империи (войны с норманнами и сельджуками, Первый крестовый поход и др.), достоверность и живость изложения делают «Алексиаду» поистине уникальным историческим источником.

Произведение Анны Комнины неоднократно служило предметом исследования и переводилось на европейские языки. Свыше столетия назад был осуществлен и русский перевод первых девяти книг «Алексиады», опубликованный в серии «Византийские историки» (под ред. Карпова) Санкт-Петербургской Духовной академией. Этот перевод, не говоря уже о его неполноте и о том, что само издание давно стало библиографической редкостью, был выполнен довольно небрежно, содержал множество ошибок по существу, был лишен сколько-нибудь серьезного комментария и оставлял желать много лучшего в стилистическом отношении.

Ныне советские византинисты и медиевисты получили прекрасный подарок: выпущенный в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» новый, комментированный перевод «Алексиады», на этот раз полный и, что весьма важно, сделанный квалифицированным историком-византинистом, прекрасным знатоком греческого языка и тонким стилистом Я. Н. Любарским (две книги — X и XI — переведены С. Г. Слуцкой) под редакцией А. П. Каждана. В основу перевода положено последнее трехтомное парижское двуязычное (греческо-французское) издание Б. Лейба (1937—1945).

Работа Я. Н. Любарского заслуживает самой высокой оценки во всех отношениях. Перевод текста отличается точностью, верностью оригиналу, и вместе с тем переводчик сумел удачно избежать нарочитой архаизации стиля, его искусственного утяжеления. «Алексиада» в новом переводе читается легко и с интересом.

Содержательна вводная статья к переводу, названная, видимо, по недоразумению, «Предисловием» (в нем около трех печатных листов!). Она написана отчасти на базе собственных исследований текста «Алексиады» Я. Н. Любарским, отчасти же на основе привлеченных им трудов других, советских и зарубежных, византинистов. Вступительная статья рисует историческую обстановку, в которой создавалось произведение Анны; здесь приводятся биографические сведения о ней, раскрывается зна-

чение ее труда, показывается широта охвата исторических фактов и степень их достоверности. В этой связи выясняются источники «Алексиады». Центральной частью «Предисловия» служит анализ «Алексиады» как памятника общественной и литературно-художественной мысли Византии конца XI — первой половины XII в., производимый автором на фоне широкой картины культурной жизни империи этой эпохи. Исторические, политические, литературные, религиозные, этические и эстетические воззрения писательницы, соотношение в ее сочинении традиционного, канонического и идущего от живой действительности — таковы поставленные здесь и во многом по-новому решенные проблемы.

Обстоятельный комментарий к тексту «Алексиады» содержит свыше полутора тысяч пояснений, уточнений, исторических и историографических экскурсов, вводящих читателя в события, о которых повествуется в «Алексиаде», и помогающих установить угол зрения писательницы, его соответствие или несоответствие истине, выправить допущенные ею хронологические и другие фактические погрешности. Этот комментарий — плод огромного труда переводчика-историка, хорошо знакомого с источниками (не только византийскими, но и латинскими, в частности с хрониками Первого крестового похода), а также свободно владеющего литературой как по истории Византии, так и относящейся непосредственно к комментируемому памятнику.

Издание завершается библиографией источников и литературы: она включает свыше двухсот наименований одних только исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, в том числе много новейших исследований.

Весьма полезны для читателя помещенные в конце книги Хронологическая таблица по истории Византии (с середины XI в. до времени смерти Анны Комнины) и два указателя (имен и географических названий).

В целом аннотируемое издание представляет собой ценный вклад в отечественное источниковедение Византии и, более того, в развитие советской медиевистики вообще. Выход в свет нового перевода «Алексиады»— по-своему значительное событие в нашей культурной жизни. Книга, прекрасно изданная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» (редактор — Р. Ф. Мажокина), повторяем,— хороший подарок всем, кто интересуется историей Византии, прошлым славянских народов, западноевропейским и мусульманским средневековьем.

М. Заборов

Г. В. АБГАРЯН. «ИСТОРИЯ СЕБЕОСА» И ПРОБЛЕМА АНОНИМА.

Изд-во АН Армянской ССР. Ереван, 1965, 253 стр.

«История», дошедшая до нас под именем Себеоса, является одним из уникальных источников, проливающим яркий свет на историю Армении VII в., а также на историю соседних стран — Ирана, государств Ближнего и Среднего Востока, Византии. Эта «История» тем ценнее, что не сохранились другие письменные памятники этой эпохи. Много ученых занимались изучением и изданием этого замечательного памятника; в их числе были как армянские, так и русские и западноевропейские исследователи. «История» полностью или частично переведена на русский, французский, немецкий, английский языки.

Г. Абгарян в своей работе ставит под сомнение авторство Себеоса. Проблеме авторства «Истории» Абгарян посвятил первую главу своего исследования, названную «Себеос или Хосров?», в которой приходит к выводу, что «История», приписываемая Себеосу, принадлежит перу армянского историка Хосрова, время жизни которого Абгарян относит к VII в.

Вторая глава работы озаглавлена «Отрывок Анонима и время его создания». Как известно, первая часть «Истории Себеоса» (первые четыре главы) названа исследователями «Начальной историей Армении» или «Историей Анонима». Она содержит ценнейшие данные о древней истории Армении. Эта часть органически не связана с «Историей Себеоса» и приобщена к ней случайно. На это уже давно обратили внимание многие ученые. Следы истоков «Начальной истории» были найдены у Фавстоса Бузанда, Прокопия Кесарийского и др. Исследователей занимал также вопрос о взаимоотношении «Начальной истории» с «Хроникой» Евсевия Кесарийского и «Историей Армении» Мовсеса Хоренаци.

Г. Абгарян приходит к выводу, что «Начальная история»— это извлечение из недошедшего до нас исторического произведения XI в., автором которого, по предположению Абгаряна, является историк Иоанн Таронаци.

Третья глава труда посвящена текстологическим вопросам «Истории Себеоса». Абгарян предлагает 46 конъектур к тексту. В связи с этим автор останавливается на одном месте из «Хронографии» Феофана (Theoph. I, p. 344.26), где говорится о том, как армянский патрикий, именуемый у Феофана Пасагнатесом, вопреки интересам Византии, в середине VII в. заключил мир и союз с арабами. Исследователи отождествляли Пасагнатеса с известным из армянских источников патрикием Теодоросом

Рштуни. Абгарян предполагает, что Пасагнатес — не имя, а искаженная транскрипция греческого слова παραβάτης — отступник, каким был для Византии перешедший на сторону арабов армянский князь. Вывод этот, однако, мало убедителен не только потому, что παραβάτης и Πασαγνάθης звучат довольно различно, но и потому, что греческий писец скорее мог грецизировать чужое слово, чем исказить, превратив в ничего ему не говорящее имя вполне понятное для него греческое слово.

Интересна, но мало вероятна 44-я конъектура Абгаряна. Речь идет о том, что на 12-м году своего царствования византийский император Констант II (641—668) обратился к армянскому патрикию Теодоросу Рштуни, обещав ему ругу (в «Истории Себеоса»—«hrogi»), если тот откажется от союза с арабами. Абгарян предлагает читать «hr ogi», что означает «70 тысяч человек», и считает, что речь идет о предложенной Теодоросу Рштуни императором Константом военной помощи в 70 тысяч человек.

Конъектура неубедительна, во-первых, потому, что вряд ли византийский император обещал противнику (особенно если принять вышеупомянутое толкование Абгаряна — отступнику) такое неимоверно большое войско, и во-вторых, в «Истории Себеоса» «рога» названа «даром», что никак не вяжется с «войском». Что византийские императоры давали армянским князьям ругу, не подлежит сомнению. Об этом есть упоминание у Константина Багрянородного. Ругу получал таронский князь магистр Григорий. Константин называет ее δωρεά (именно так, как и у Себеоса), сообщая даже ее размеры — 10 литр золота и 10 литр серебра. Такую ругу очень хотели получать даже Багратидский царь Армении, армянский царь Васпуракана из рода Арцруни и грузинский куропалат Адранасе (Const. Porph. De adm. imp., cap. 43. Император Констант просто предлагал Теодоросу Рштуни ругу, а не 70 тысяч воинов.

Р. Б.

«АРМЯНСКАЯ КНИГА КАНОНОВ», ТОМ I.

Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна.

Изд-во АН Армянской ССР. Ереван, 1964, LXXIX+742 стр.

В начале VIII в. армянский католикос Иоанн Одзнеци (719—728), один из образованнейших людей своего времени, собрал воедино разбросанные канонические материалы и составил так наз. «Книгу канонов» (по-армянски —«Канонагирк»), которая, к сожалению, не дошла до нас в своем первоначальном виде. В дальнейшем в разные времена различными, большей частью неизвестными людьми, в «Книгу» были внесены каноны IV—VII вв., которых не было в составленной Иоанном Одзнеци книге.

«Армянская книга канонов» дошла до нас в нескольких редакциях и в более чем 200 рукописях (где она содержится полностью или частично). В средние века официальное значение имела только «Армянская книга канонов», лишь она получила в Армении всеобщее признание. «Судебники» Мхитара Гоша и Смбата Спарапета не стали официальными документами.

«Армянская книга канонов» до сих пор не была опубликована. В разные времена были изданы лишь отдельные ее части или группы канонов. Составитель В. Акопян постарался восстановить «Книгу канонов» в том виде, в каком она была, как предполагается, во времена Иоанна Одзнеци. Из 200 рукописей полностью «Книгу канонов» содержали только 47 рукописей Матенадарана им. Маштоца, а также одна, принадлежащая монастырю Спасителя в Новой Джульфе (Иран), переписанная в 1098 г. Эта последняя, положительно отличающаяся от всех других содержащих «Книгу канонов» рукописей, и была положена в основу данного критического издания.

Составленная Иоанном Одзнеци «Книга канонов» содержит каноны, переведенные с греческого, сирийского, а также оригинальные армянские каноны. Переведены с сирийского «каноны апостолов», а с греческого — каноны Климента, постановления трех вселенских соборов — Никейского, Константинопольского (первый собор) и Эфесского, а также постановления шести поместных соборов — Анкирского, Неокесарийского, Антиохийского, Гангрского, Лаодикийского и собора в Сардике. С греческого переведены также каноны Кесарийского собора. Наконец, переводами являются 16 групп канонов отцов церкви — Афанасия Александрийского, Василия Кесарийского и Севанта. Оригинальными (армянскими) являются каноны Шаапиванского церковного собора 444/445 г., решения двух церковных соборов в городе Двине, а также каноны деятелей армянской церкви — Григория Просветителя, Саака Партева, Иоанна Мандакуни, Авраама Мамиконяна и Саака Дзорапореци.

В подробном и обстоятельном «Предисловии» издатель отмечает значение «Книги канонов» для изучения социально-экономических отношений в средневековой Армении, права и судопроизводства, семейных отношений, верований и обычаев и многих других вопросов. Он останавливается на эпохе создания «Армянской книги канонов» и на причинах, вызвавших ее появление; по мнению издателя, причиной появления сборника было стремление Иоанна Одзнеци к консолидации разных слоев армянского

общества для оказания сопротивления византийской и арабской агрессии, а также для борьбы с еретическими движениями.

Издатель подробно анализирует рукописи (числом 48), использованные им при составлении критического текста «Книги канонов», обстоятельно останавливаясь на каждой из них и подчеркивая их специфические черты, а также на рукописях, в которых текст «Книги канонов» сохранился неполностью.

Критический текст «Книги канонов» имеет следующее содержание:

1. Оглавление канонов
2. Номоканон
3. Каноны св. апостолов
4. Каноны Климента
5. Каноны «отцов, выступавших после апостолов»
6. Каноны Никейского собора
7. Каноны Анкирского собора
8. Каноны Кесарийского собора
9. Каноны Неокесарийского собора
10. Каноны Гангрского собора
11. Каноны Антиохийского собора
12. Каноны Лаодикийского собора
13. Каноны св. Григория Просветителя
14. Каноны собора в Сардике
15. Каноны Константинопольского собора
16. Каноны Эфесского собора
17. Каноны Афанасия Александрийского
18. Каноны Василия Кесарийского
19. Каноны Саака Партева
20. Каноны Шаапиванского собора
21. Каноны епископа Севанта
22. Каноны католикоса Нерсеса и Нершапуха
23. Каноны католикоса Иоанна Мандакуни
24. Каноны епископа Авраама
25. Каноны последнего Саака католикоса
26. Каноны Иоанна Одзнеци

Издатель снабдил свою публикацию подробными комментариями (стр. 540—647) и приложением: изданием древнейших фрагментов рукописей, содержащих каноны. В конце даются начальные слова канонов. Книга имеет предметный указатель и указатели личных имен и географических названий.

Армянские переводы канонов с греческого сделаны в V—VII вв., разумеется с греческих рукописей указанного или, вернее, более раннего времени. В этом смысле армянские переводы на 500—800 лет старше, чем дошедшие до нас древнейшие греческие списки, содержащие каноны; следовательно, армянские переводы могут быть полезными для правильного понимания разных спорных мест в греческом оригинале.

Издатель В. Акопян теперь работает над вторым томом, в который войдут каноны, не вошедшие в составленный Иоанном Одзнеци сборник.

Р. Б.

М. Н. АНДРЕЕВ. ВАТОПЕДСКАТА ГРАМОТА И ВЪПРОСИТЕ НА БЪЛГАРСКОТО ФЕОДАЛНО ПРАВО.

София, 1965, стр. 195, илл.

Текст Ватопедской грамоты болгарского царя Ивана Асеня II, изданной в 1230 г., занимает всего одну страницу (стр. 193), и тем не менее М. Андреев посвятил этому хрисовулу специальное исследование. Это неудивительно, поскольку число болгарских грамот весьма невелико, и историкам болгарского средневековья приходится обращаться крайне тщательно с каждой фразой документов такого рода.

Исследование Андреева распадается на две части: первая из них содержит дипломатическую характеристику Ватопедской грамоты и анализ политической ситуации на Балканах к моменту издания документа. По мысли автора, Ватопедская грамота явилась одним из этапов политики Ивана Асеня, искавшего поддержку греческого населения и греческой церкви (отмечу попутно, что на стр. 20 Андреев говорит о борьбе Болгарии с «Эпирским деспотатом»— более осторожно было бы избегать термина «деспотат», не засвидетельствованного источниками).

Вторая (и основная) часть книги представляет собой анализ болгарского феодального права. Разумеется, исследователь не ограничивается только Ватопедской грамотой, но привлекает и другие источники, подвергая их критическому анализу. Он, в частности, считает Виргинский хрисовул поздней компиляцией и на основании

этого отвергает возможность существования «волоберщины» и «димнины» в болгарском феодальном праве [1] (стр. 115—117).

Полученные им данные Андреев сопоставляет со сведениями двоякого рода: с материалом, относящимся к Болгарии IX—XII вв. (ср. особенно стр. 50—61), и с византийским материалом. Он затрагивает при этом ряд спорных проблем византийской аграрной истории. Так, на стр. 48 он определяет византийскую пронию как исполнение определенных служебных функций, сочетающееся с правом удерживать известную часть государственного налога, так наз. ποσότης; постепенно прония превращается в институт, связанный с управлением и владением определенным имуществом и с обязанностью поставлять определенное число воинов. На стр. 87—89 он разбирает вопрос о византийском иммунитете и, в частности, полемизирует (прим. 16) с Г. А. Острогорским относительно существования судебного иммунитета в XI в.: по словам Андреева, специальная подсудность, которой обладали в то время некоторые монастыри (Хиосский, Ивирский), не может быть отождествлена с судебным иммунитетом [2]. При этом Андреев отмечает не только влияние византийских норм на болгарское право, но и — в ряде случаев — отличие болгарских и византийских правоотношений: напр., на стр. 144 он обращает внимание на то, что болгарское средневековое право не восприняло теорию о государстве как юридической личности, элементы которой сложились в римско-византийском праве.

Анализ Ватопедской грамоты позволяет Андрееву сделать ряд конкретных наблюдений. Особое внимание он уделяет разного рода повинностям — таким, как арико (аэрикон) (стр. 92 и сл.), комодь (икомодий) (стр. 103—105), который он вслед за Ф. Дэльгером толкует как пошлину за взвешивание зерна, шедшую в пользу налогового сборщика [3], митат (стр. 105) и др. На стр. 102 Андреев анализирует фискальный термин Ватопедской грамоты «писати», что по его мнению означает «описывать подлежащие обложению объекты». К аналогичному выводу пришел в свое время и Т. Сатурник, анализировавший по преимуществу сербские документы, но привлекший и грамоту болгарского царя Ивана Александра от 1347 г., где формула аналогична Ватопедской: по мнению Сатурника, сербский термин «шись» соответствует греческому ἀπογραφή [4]. К сожалению, работа Сатурника осталась неиспользованной. Детально анализирует Андреев и терминологию болгарских должностных лиц: практоры, севасты, дуки и проч., отмечая при этом отличие болгарских терминов от соответствующих византийских. Особое внимание он уделяет термину «севаст»: полемизируя с П. Петровым, исследователь приходит к выводу, что в Болгарии «севаст» мог обозначать не только должность, но и титул (стр. 151). Попутно отмечу, что Андреев ошибается (стр. 149), полагая, будто титул «севаст» был введен Алексеем I — на самом деле он был известен уже при Никифоре III Вотаниате [5].

Не ограничиваясь конкретными наблюдениями, Андреев поднимает некоторые теоретические проблемы. Это прежде всего вопросы о феодальной собственности и о юридической природе царской власти в средневековой Болгарии. Андреев подчеркивает, что, несмотря на сохранение в хрисовулах римских формулировок, болгарское право имело дело с собственностью, отличной от римской. По его мнению, собственность римского типа сохранялась на домениальных землях, тогда как на terra indominicata сложились новые правоотношения, сутью которых было соединение в одно целое прав на землю и на крестьянина (стр. 71—83). Хотя самый поиск различий римской и средневековой собственности представляется весьма важным и плодотворным, болгарский материал, пожалуй, слишком скуден, чтобы на нем ставить и решать столь сложную проблему. Во всяком случае, градации феодальной собственности были, по-видимому, более многообразными, чем это намечает Андреев.

---

[1] В последнее время аутентичность Виргинской грамоты энергично отстаивает Л. В. Горина (К вопросу о подлинности Виргинской грамоты.— СС, 1965, № 5, стр. 60—68). Основываясь на Виргинской грамоте, Г. Цанкова-Петкова (За аграрните отношения в средновековна България XI—XIII в. София, 1964, стр. 143—145) продолжает считать волоберщину и димнину реально существовавшими повинностями.

[2] См. об этом также А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв.— «Византийские очерки». М., 1961, стр. 203.

[3] Более глубока постановка вопроса в книге Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (М., 1960, стр. 311—314), наблюдений которого Андреев не учитывает, хотя и ссылается на него в этой связи (прим. 13). Против представления, что икомодий — пошлина за взвешивание зерна, выступил также Ж. Бомпэр (J. Bompaire. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, p. 151 — со ссылкой на свою более раннюю работу, опубликованную в 1956 г.).

[4] Th. Saturnik. Пись. Příspěvek k dějinám srbských imunit.— BS, 6, 1935—1936, p. 186—190.

[5] Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 151. Основное исследование о византийских дукатах и фемах (H. Glykatzi — Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzanitin aux IX^{e} — XI^{e} siècles. —BCH, 84, 1960) Андреевым не привлечено.

Более оригинальна и интересна глава, посвященная юридической природе царской власти [6]. Андреев прослеживает существование в Болгарии теории божественного происхождения монаршей власти, которая в принципе считалась неограниченной Андреев считает, что неограниченность ее была только формально-юридической,— впрочем, ограниченность болгарской монархии показана им довольно неубедительно (стр. 125): развитие экономического базиса, соотношение классовых сил, интересы класса феодалов — все эти факторы вряд ли достаточны при анализе юридической природы этого института. Неубедительно, на мой взгляд, и выведение наследственности из принципа божественности царской власти (стр. 129): как известно, в Византии теория божественности прекрасно сочеталась с отсутствием наследственности. Зато очень интересен тезис Андреева о том, что полноправие государя всего отчетливее проступает в сфере установления наказаний (стр. 134) — точно так же и в Византии василевсу легче было осуществить наказание любого вельможи, чем добиться даже несущественных реформ.

Особенно детально рассматривает Андреев — и это естественно в данной связи — проблему прав государя на землю. По его мнению, царь самовластно распоряжался всей территорией Болгарии, как принадлежащей ему землей (стр. 139. Ср. стр. 145). Поскольку это представление вытекало из теории божественности царской власти, Андреев даже говорит о «патримониально-теологической концепции болгарского феодального права» (стр. 174). Остается лишь пожалеть, что автор не останавливается в этой связи на оживленной дискуссии о государственной собственности в Византии, развернувшейся в последнее время [7],— материалы этой дискуссии могли бы способствовать уточнению его постановки вопроса.

А. К

ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ АКТОВ

A. GUILLOU. LES ACTES GRECS DE S. MARIA DI MESSINA.
Palermo, 1963, pp. 260 + cartes et planches.
J. BOMPAIRE. ACTES DE XÉROPOTAMOU.
Paris, 1964, pp. 298.

Оба издания дают исследователю тщательно подготовленный новый материал. А. Гийу издал 24 греческие грамоты монастыря св. Марии в Мессине (Калабрия) от 1076—1306 гг. (и грамоту 1189 г.— в приложении). Это по преимуществу купчие, а также дарственные грамоты, завещания, арендный договор и пр. Они содержат данные о виноделии и хлебопашестве, о скотоводстве, о ценах на землю и, что особенно важно, о сохранении греческого населения в Южной Италии. Во введении Гийу (стр. 29 и сл.) поднимает чрезвычайно интересный вопрос: почему формулы феодального права не отразились в терминологии грамот, лишь однажды упоминающих лен (φιον), обычно же оформляющих сделку в понятиях полной римской собственности. Даже когда отношения явно носят феодальный характер (акт № 18, а. 1195), терминология этого не отражает. Можно поставить вопрос еще шире: не скрывались ли и за традиционной фразеологией собственно византийских документов отношения, значительно отличающиеся от норм собственности римско-византийского права?

Зато для отношений зависимости грамоты пользуются новой терминологией: ἄνθρωπος (№ 3), βελλάνος (№ 18), αὐθέντης (№№ 3,10). Община — ὠμώτης χωριου τῆς Μοναστηρίας — упоминается только в поздней грамоте 1264 г. (№ 21).

В публикации Ж. Бомпэра 30 актов из архива Ксиропотамского монастыря на Афоне от 956 до 1445 г. (а также несколько подлинных и поддельных грамот, опубликованных в Приложениях). Среди Ксиропотамских актов — императорские хрисовулы и простагмы, постановления афонских протов, купчие и, что особенно важно, описи. Во введении автор приводит список игуменов монастыря и сводку данных о монастырских владениях.

Опубликованные Бомпэром грамоты весьма важны для изучения аграрных отношений и податного обложения в Византии (в них встречаются такие повинности, как στόκριθον, каниский, аир), сельского ремесла (упоминаются мастерские кузнецов

---

[6] Византийское государственное право очень плохо разработано. Тем более обидно, что Андреев не использует основную монографию об императорской власти в Византии: O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956.

[7] См. разбор этой дискуссии: K. Watanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine.—«Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences», 6, 1965, № 1, p. 11—13. Тезис о государственной собственности на землю в Византии настойчиво отвергают в последнее время К. В. Хвостова [«Особенности аграрно-правовых отношений Поздней Византии (XIII—XV вв.)». М., 1964, стр. 8] и В. А. Сметанин («К вопросу о свободном крестьянстве в Поздней Византии».— УЗ Уральского университета, 41, 1965, стр. 52 и сл.).

и гончаров), этнического состава населения (названы влахи-присельники), монетной системы (часто встречаются цены в дукатах), административного управления, просопографии (упомянут Константин Арменопул). Детальный комментарий и указатель облегчает пользование публикацией.

К сожалению, в отличие от книги Гийу во введении к изданию Бомпэра отсутствует анализ исторических данных, содержащихся в актах.

А. К.

PROCOPII CAESARIENSIS OPERA OMNIA Recognovit Jacobus Haury, addenda et corrigenda adiecit Gerhard Wirth, vol. I—IV. Lipsiae, 1962—1964.

Критическое издание сочинений Прокопия Кесарийского, подготовленное Дж. Хаури, вышло в тейбнеровской серии в 1905—1913 гг. Оно встретило высокую оценку критики, и вряд ли в настоящее время можно думать о коренном пересмотре принципов, положенных Хаури в основу его издания. Тем не менее отдельные поправки и дополнения были сделаны рядом исследователей.

Этим и руководствовалась Германская Академия наук в Берлине, выпустив в 1962—1964 гг. переиздание тейбнеровского Прокопия: в основу его был положен текст, подготовленный Хаури, в который были Г. Виртом внесены некоторые изменения (см. т. I, стр. LXXIII — LXXV); кроме того, каждый том сопровождается addenda et corrigenda, основанными главным образом на базе исследований, появившихся после выхода в свет издания Хаури. Для этой цели Виртом был составлен обширный библиографический список работ, посвященных Прокопию (т. I, стр. LXXVII — LXXXVII, ср. стр. LXXI и сл.; к сожалению, кроме работы А. В. Мишулина 1941 г., ни одна советская публикация не учтена — даже русский перевод «Войн с готами» с предисловием З. В. Удальцовой). Таким образом, новое издание дает читателю несколько улучшенный текст Прокопиева корпуса.

Возможно ли дальнейшее улучшение текста? К этому вопросу Вирт возвращается в специальной статье «Размышления о тексте «Войны с готами» Прокопия» [1]. Если изучение рукописей, рассуждает Вирт, вряд ли может дать какие-либо серьезные поправки к тексту Хаури, то кое-чего можно ждать от привлечения эксцерптов из Прокопия, выполненных в IX—X вв. («Библиотека» Фотия, эксцерпты Константина Багрянородного, «Суда»). Дело в том, что до нашего времени сохранились лишь поздние манускрипты Прокопия, не ранее 1370 г. Отсутствие интереса к Прокопию Вирт объясняет тем, что он не был официальным историографом Юстиниана (эту позицию занимал Иоанн Лид), отражал интересы окружения Велисария и, между прочим, приписал Велисарию ту роль, которой тот в действительности не играл [2]. Возрождение интереса к Прокопию Вирт связывает с усилением внимания к итальянским делам в XIV—XV вв.— недаром сам Мануил II подарил флорентийскому дельцу Джованни Ауриспа как раз томик «Войны с готами».

Как бы то ни было, можно предполагать, что за те 800 лет, которые отделяют первые сохранившиеся рукописи Прокопия от времени его жизни, в его сочинения могло быть внесено много искажений. Вирт предполагает, что эксцерпты представлены в лучшей традиции, их составители в IX—X вв. пользовались более надежными оригиналами, чем писцы XIV столетия, и, следовательно, данные эксцерптов могут быть использованы для восстановления текста.

При этом Вирт стремится установить некоторые особенности стиля и орфографии автора «Готской войны», подвергшиеся «упрощению» под пером многочисленных переписчиков; употребление артикля перед этническими названиями, стремление избежать «зияния», ритмическое построение фразы. Эти особенности, свойственные Cod. Laurent. 69,8, роднят эту рукопись с эксцерптами и позволяют внести некоторые поправки в текст Хаури.

Особенно существенны в этой связи наблюдения Вирта за передачей латинских, германских и славянских собственных имен в пересказе Фотия и в Cod. Laurent. 69.8: латинские имена передаются в этой рукописи в максимально близкой форме к оригинальному написанию, германские и славянские — как трудно определимые, воспринятые на слух (тогда как в других рукописях они систематизированы и уже подвергаются склонениям).

---

[1] G. W i r t h. Mutmassungen zum Text von Prokops «Gotenkrieg».—«Helikon», IV, 1964, p. 153—210; V, 1965, p. 411—462.

[2] В этой связи следует вспомнить о попытке К. Гантара показать, что даже такое — внешне официозное — сочинение Прокопия, как «О постройках», пронизано в действительности иронией по адресу Юстиниана (см. K. G a n t a r. Der betrogene Justinian.— BZ, 56, 1963. Ср. i d e m. Prokops «Schaustellung der Tapferkeit».— «Živa Antika», 12, 1962, № 2).

В связи с тем значением, которое Вирт придает эксцерптам, он включает в новое издание парафразу Фотия (63 кодекс «Библиотеки») (т. IV, стр. 391—405),— к сожалению, не сличив свое издание с текстом «Библиотеки», изданным в 1959 г. Р. Анри [3].

Рецензируемое издание состоит из четырех томов: первые два охватывают «Войны», третий занимает «Тайная история», четвертый —«О постройках». Пагинация Хаури сохранена. В IV т. воспроизведен также индекс, составленный Хаури (стр. 187—390), хотя Вирт пишет в предисловии, что в этом индексе содержится немало погрешностей.

Из всего этого видно, что Вирт не собирается ограничиться поправками к изданию Хаури, но намеревается подготовить иное — отличное от тейбнеровского — издание сочинений Прокопия.

А. К.

НОВОЕ О ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ

H.-G. BECK. KONSTANTINOPEL. ZUR SOZIALGESCHICHTE EINER FRÜH-MITTELALTERLICHEN HAUPTSTADT.
«Byzantinische Zeitschrift», Bd. 58, 1965, S. 11—45.

A. KRIESIS. GREEK TOWN BILDING.
Athens, 1965, pp. VIII+226.

S. VRYONIS. BYZANTINE Δημοκρατία AND THE GUILDS IN THE ELEVENTH CENTURY. «Dumbarton Oaks Papers», XVII, 1963, pp. 287—314.

E. FRANCES. LA DISPARITION DES CORPORATIONS BYZANTINES. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, pp. 93—101.

О Константинополе писали много — преимущественно о его памятниках, топографии [1] и численности жителей [2]. Тема статьи Г.-Г. Бека — социальный состав населения и социальная психология — новая в византинистике. Проблема чрезвычайно широка и заслуживает специальной монографии: автор ограничивает себя лишь хронологически (временем до конца XI в., до прихода Комнинов к власти), и в ряде случаев интересные и многообещающие положения остаются нераскрытыми тезисами.

Население Константинополя Бек разделяет на три группы: господствующий класс, средние слои и народные массы. Внутри господствующего класса он в свою очередь выделяет несколько прослоек. Одна из них — родовитая знать (стр. 18 и сл.): впрочем, Бек подчеркивает, что родовитая аристократия была связана с провинцией и почти не участвовала в центральном административном аппарате [3]. Следовательно,

---

[3] Photius. Bibliothèque, vol. I. Paris, 1959, p. 64—76.

[1] Основная работа: R. Janin. Constantinople byzantine [2]. Paris, 1964. Ср. также idem. Les églises et les monastères de Constantionople. Paris. 1953. Проблемы топографии существенны и для выяснения социальной истории Константинополя: Бек, в частности, затрагивает, ссылаясь на работу А. П. Дьяконова, вопрос о локализации димов, поддерживавших «голубых» и «зеленых» (стр. 36, прим. 73; см., однако, критический разбор «квартальной» теории Дьяконова — М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века.— УЗ Уральского ун-та, 11, 1952, стр. 93—98). Другой важный для социологии топографический вопрос — о расположении ремесленных эргастириев: концентрировались ли они в загородных районах (М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов.— ВВ, XI, 1956, стр. 66 и сл.) или же в центре,— Бек не затрагивает. Большего внимания заслуживает еще один топографический вопрос — о расположении полей и садов в пределах Константинополя: согласно Беку (стр. 21), они были лишь в пределах «Феодосиева города», т. е. за стенами Константина,— однако поля и сады церкви св. апостолов, описанные Николаем Месаритом, находились, видимо, внутри этих стен.

[2] Бек (стр. 12 и сл.) принимает умеренные цифры Д. Якоби (D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine.—Byz., 31, 1961), считая, что население Константинополя не превышало полумиллиона. Думаю, что и эти цифры могут быть несколько снижены (см. мою рецензию на Якоби: ВИ, 1962, № 5, стр. 191 и сл.).

[3] Легко можно убедиться, например, что в X в. высшие командные посты в армии находились в руках провинциальной знати, тогда как флотом командовали по преимуществу выходцы из неаристократических фамилий.

она практически не относится к социальной истории Константинополя. Бек полагает, что византийская родовитая знать вела свое происхождение от магнатов III — IV вв.— это по меньшей мере спорно: знатные фамилии Склиров, Дук, Фок, Аргиров появляются лишь с конца IX в. и еще Василий II возмущался влиянием аристократов, чьи предки несколько десятков лет занимали господствующее положение [4] — о более длительном сроке ему не приходит в голову говорить.

Вопрос о существовании «наследственной сенаторской знати» (стр. 19 и сл.) представляется мне тоже не бесспорным — во всяком случае, для собственно византийского (не позднеримского) периода — сам Бек справедливо пишет, что сенат (синклит) совпадал с высшей чиновной знатью, которую он отнюдь не считает наследственной [5].

Анализ специфики положения византийской чиновной знати — ее социальной нестабильности, постоянного передвижения отдельных фамилий по «социальным вертикалям» (стр. 13 и сл.) — составляет одно из интереснейших положений статьи Бека. Нестабильности чиновной знати соответствовала и нестабильность императорской власти: за тысячу лет в Германской империи сменилось около 50 королей, происходивших из 5—10 фамилий,— в Византии же — около ста василевсов, принадлежавших к 30 фамилиям. Только после 1081 г. в Византии упрочивается династический принцип. (К этому следовало бы добавить, что Византия, строго говоря, не знала принципа наследственности императорской власти.)

Разграничение разных слоев господствующего класса остается у Бека недостаточно четким, поскольку он не ставит вопроса о различии экономического положения родовитой аристократии и чиновной знати. Вправе ли мы сказать, что первая жила главным образом за счет феодальной ренты [надо отметить, что Бек не боится термина «феодальное землевладение» (стр. 39, ср. стр. 21)], вторая же — питалась императорскими щедротами, вымогательствами (взятками и пр.) и доходами от ремесла и торговли? Положение это, если оно верно, существенно для социальной характеристики константинопольских верхов, которые Бек — по-моему, убедительно — считает невозможным называть «патрициатом» (стр. 20).

К средним слоям Бек причисляет землевладельцев — κτήτορες, верхушку торговцев и ремесленников, «литераторов» (т. е. ораторов, учителей, служащих императорских и церковных канцелярий) (стр. 21—24). В этой же связи Бек рассматривает положение клириков и монахов. В разделе о духовенстве особенно существенны два момента: Бек показывает, что мировоззрение византийских клириков отнюдь не было клерикальным (стр. 25 и сл.) и что византийское монашество ни в экономическом, ни в идейном плане не было столь влиятельным, как это обычно полагают (стр. 29 и сл.) [6]. Впрочем, византийское духовенство не составляло единой социальной группы [сам Бек очень интересно трактует вопрос о сохранении «крупным сеньором» в киновии привычных ему общественных порядков (стр. 30)] — поэтому, может быть, целесообразнее было бы рассматривать его как гетерогенную структуру, а не как единую прослойку.

Переходя к положению народных масс, Бек прежде всего подчеркивает ограниченные масштабы использования рабского труда [7]. Мелкие ремесленники и торговцы были по преимуществу свободными (стр. 34) — впрочем, мне кажется, что не следует недооценивать и значение принудительного труда в государственных мастерских: очень яркую картину работы на императорском монетном дворе, где люди трудились день и ночь под бичами надсмотрщиков, сохранил Месарит. Весьма интересны соображения Бека о роли государственного контроля над торговлей и ремеслом: сперва в условиях «городского хозяйства» он был прогрессивным, но в новых хозяйственных условиях XI в. привел к упадку производства [8].

Бек указывает на подвижность, возбудимость константинопольских масс как на характерную черту их социальной психологии (стр. 34) [9]. При этом он предполагает,

---

[4] Ср. А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии.— ВВ, V, 1952, стр. 84.

[5] Очень правильно подчеркивает Бек значение синклита (см. теперь подробнее: H.-G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966). Этот тезис можно еще усилить: в критические моменты (напр., в 963 г., в малолетство сыновей Романа II) синклит из совета при императоре превращается в самостоятельный политический орган.

[6] См. об этом специально: H.-G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz.— REB, 24, 1966.

[7] О византийском рабстве см. H. Köpstein. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966.

[8] Эта диалектически противоречивая роль государственного контроля за ремесленным производством была отмечена и мною: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 344 и сл.

[9] К тому же выводу независимо от Бека пришел и М. Я. Сюзюмов (О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.—«Античная древность и средние века», вып. 3. Свердловск, 1965, стр. 11).

что политическая активность их уменьшается после прихода Комнинов к власти (стр. 42), что связано, с одной стороны, с умелой политикой императоров XI в., вовлекавших «выдающихся демагогов» в ряды господствующего класса, с другой же — с экономическим спадом Константинополя (стр. 44 и сл.).

Таким образом, Бек считает, что в экономической и социальной жизни Константинополя в XI в. произошли серьезные перемены.

* * *

Работа греческого архитектора А. Криезиса посвящена эволюции города в античной Элладе и в Византии; к нашей тематике относится ее вторая часть (стр. 111—215). Книга эта довольно поверхностна, изобилует цитатами из авторитетов и общими фразами. Так, весь раздел о производстве (стр. 178—181) сводится к рассуждениям об искусстве умелых ремесленников и о тоталитарной организации византийской промышленности. Сопоставление с соответствующим разделом статьи Бека, видящего диалектически противоречивое воздействие Византийского государства на торговлю и ремесло, показывает, насколько далек Криезис от социально-экономической проблематики.

Однако то, что составляет его прямую специальность — планировка города, характер улиц, площадей, зданий — может оказаться небесполезным для византиниста. Подчеркивая сохранение античных традиций, Криезис не отрицает и появления новых черт в византийском градостроительстве: вместо античного города с его отчетливо выраженным центром создается город, распадающийся на мелкие районы — церковные приходы (стр. 148); рядом с сохраняющимся античным типом жилого дома появляется новый тип укрепленного жилища (стр. 185 и сл.). В книге много планов и фотографий.

* * *

Американский историк С. Врионис посвятил свою статью политической роли константинопольских корпораций, их участию в политической борьбе. По его мнению, после подавления к началу VIII в. активности цирковых партий корпорации оставались единственной (помимо церкви) организацией, способной выразить недовольство широких масс (стр. 302). Правда, в IX—X вв. их политическая роль оставалась сравнительно небольшой (стр. 314), хотя и в то время они располагали необходимыми возможностями для выражения своих требований (стр. 301) — в частности, благодаря тому, что располагались в административном и торговом сердце Константинополя (стр. 299). В XI в. Византия была охвачена ожесточенной борьбой двух группировок: «гражданских бюрократов» и «провинциальных феодальных генералов» (стр. 302) — говоря иными словами, служилой столичной знати и военной знати провинций. Обе эти группировки искали поддержки корпораций, признавая их важной политической силой (стр. 308, 312). Врионис подробно рассматривает выступление константинопольских корпораций в 1042 г., а также ряд выступлений в 1057—1081 гг. Он подчеркивает, что политическая активность торгово-ремесленных корпораций была свойственна Византии, так же как и средневековым государствам Западной Европы и мусульманского мира.

Вполне вероятно, что в XI в. городские движения действительно становятся более активными и что корпорации начинают играть бóльшую роль, чем прежде. Врионис склонен объяснять это напряженностью политической обстановки XI столетия (стр. 314). Бесспорно, политическая борьба в середине XI в. протекала весьма ожесточенно — но кто может поручиться, что она была менее ожесточенной во времена фотианских споров, или споров о четвертом браке Льва VI, или соперничества Вринги и Никифора Фоки? И если это соображение справедливо, не следует ли признать, что активизация политической роли корпораций в какой-то мере связана с упрочением позиций свободного ремесла и торговли в XI в.? Кстати сказать, Лев Диакон (Leo Diac., p. 146 sq.) приводит чрезвычайно любопытное свидетельство: во время дворцового заговора против Иоанна Цимисхия заговорщики стремились привлечь на свою сторону начальника *императорской* гкацкой мастерской вместе со всей его «корпорацией» [10]. По-видимому, в X в. именно императорские корпорации рассматривались как политическая сила, тогда как свободные коллегии еще только пробивали себе дорогу.

Далее, в изображении Вриониса константинопольские ремесленники и торговцы XI в. выступают как послушные пешки в руках двух борющихся за власть группировок: у них нет своей программы, и им безразлично, кого поддерживать — гражданскую знать или «милитаристов». Вряд ли так обстояло дело в действительности. Без-

[10] Весьма примечательно, что на рубеже XII и XIII вв. в константинопольских возмущениях снова активную роль играют работники государственных мастерских и в частности — монетного двора (A. Heisenberg. Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos. Würzburg, 1907, S. 25 f.).

жалостная расправа Алексея I Комнина с жителями Константинополя в 1081 г. достаточно отчетливо выразила отношение феодальной аристократии к столичным корпорациям. За этим последовало постановление Алексея о клятве, которое (правда, в иной связи) специально анализирует Врионис и которое, по сути дела, превращало членов корпорации в неполноправное сословие. Ограничение при Мануиле I прав торгово-ремесленных кругов на покупку земли (F. D ö l g e r. Regesten, II, № 1333, 1398)— еще один этап в формировании сословных привилегий дворянства. Феодальные круги провинций в конце XI в. не столько заигрывали с корпорациями, сколько стремились подчинить их и ограничить их влияние.

* * *

Это обстоятельство, ускользнувшее от внимания Вриониса, отметил в докладе на XII Международном конгрессе византинистов румынский исследователь Э. Франчес. Он полагает, что период процветания корпораций связан с господством «бюрократической аристократии» под властью Македонской династии, тогда как Комнины, действовавшие в интересах феодальной знати, опирались на иноземных купцов и провинциальные города (стр. 94—97). В этих условиях константинопольские цехи исчезают — в XII в. они больше не упоминаются (стр. 98).

В пользу гипотезы Франческа я хотел бы привести еще один аргумент. Николай Мефонский, писатель XII в., сказал как-то, что византийцы не прикрепляют человека, который владеет каким-то знанием или ремеслом (τέχνης εἰδήμονα), к определенному месту или делу (ἑνί τινι τοπῳ ἢ πράγματι), чтобы он занимался там своим ресмеслом [11], мне кажется, что тезис Николая Мефонского не совместим с принципами корпоративной организации ремесла.

А если Франчес прав и константинопольские коллегии, действительно, исчезли к середине XII в., то социальный смысл политики Комнинов, направленной против столичных торгово-ремесленных кругов, обнаруживается еще более ясно. Скорее всего и в XI в. «провинциальные феодальные генералы» Вриониса были противниками корпораций.

А. К.

P. LEMERLE. L'ORTHODOXIE BYZANTINE ET L'OECUMÉNISME MÉDIÉVAL: LES ORIGINES DU «SCHISME» DES ÉGLISES.—

«Bulletin de l'association Guillaume Budé»
(«Revue de culture générale»), IVme sér., 1965, № 2, p. 228—246.

Доклад П. Лемерля, прочитанный 10 марта 1965 г. в Парижском институте искусства и археологии, посвящен одному из центральных вопросов византийской истории — разделению церквей. Это — не исследование источников, не тщательное рассмотрение деталей, но общий очерк, общая характеристика событий, попытка пересмотреть и переоценить их. В этом и интерес статьи (не секрет, что в византинистике такой жанр не пользуется успехом и ведущие византиноведы редко к нему обращаются) и вместе с тем недостаток, ибо неминуемая краткость изложения вынуждает автора проходить мимо любопытных частностей, подтверждающих или уточняющих его главные тезисы.

Основные тенденции работы — две. Во-первых, Лемерль настоятельно подчеркивает политическое содержание церковного конфликта. Прослеживая взаимоотношения Константинополя и Рима, начиная с IV в., исследователь постоянно говорит о том, что истинным двигателем противоречий были политические столкновения. «Истинная причина была политической» (стр. 238), «для Константинополя вопрос был политическим» (стр. 239), «объяснение носит политический характер» (стр. 244),— не устает повторять он, и именно это обстоятельство выделяет он в первую очередь в заключение (стр. 245).

Во-вторых, он выступает против католической тенденции, склонной винить в расколе византийцев. Он защищает Фотия — следуя в этом отношении за Ф. Дворником — от фальсификаций римской церкви (стр. 239), он называет обвинения кардинала Гумберта «памятником ошибки» (стр. 240), он говорит о пренебрежении крестоносцев-завоевателей обычаями и верованиями греков (стр. 244).

Думаю, что обе эти тенденции обоснованны, хотя, может быть, в них следовало бы внести некоторые коррективы. Разумеется, вопрос о расколе — это прежде всего политический вопрос, и соперничество церквей — политическое соперничество. И все-таки можно ли, говоря об истории религии, начисто отказаться от идеологической стороны проблемы? Как известно, в ходе спора на первый план выдвигались

[11] A. D e m e t r a c o p u l u s. Bibliotheca ecclesiastica continens graecorum theologorum opera, t. I. Lipsiae, 1866, p. 279. 12—14.

догматические, литургические и церковно-организационные вопросы, не имеющие прямых точек соприкосновения с тем, что было «истинной причиной»,— с политической подоплекой. Некоторые пункты разноречий находят, правда, свое объяснение в социальных различиях восточной и западной церквей, в том, что Лемерль справедливо называет «демократической организацией» (стр. 231) византийской церкви (напомню в этой связи, что византийская церковь не обладала столь крупными земельными владениями, как западная, что она не взимала десятины, а до конца X в.— вообще никаких принудительных поборов, что в Византии были распространены крестьянские монастыри и т. п.). Требование целибата, запрещение мирянам причащаться чашей, думаю, даже учение о «сверхдолжных заслугах»— все это вытекало из свойственного западной церкви «аристократизма», из тенденции более резко противопоставить священнослужителей и церковь массе рядовых верующих.

Но многие пункты расхождений не сводимы непосредственно к политическим или социальным факторам, объясняются местными обычаями или идейной традицией. Хорошо известно, в частности, какое колоссальное влияние на западное богословие оказали традиции римского права, тогда как восточная теология испытала воздействие неоплатоновской философии. Лемерль говорит о языковых трудностях, порождавших непонимание (стр. 236),— но дело не только в языке, многое объясняется различиями национального характера, особенностями строя мышления. Укажу хотя бы на такой общеизвестный факт: церковные споры IV—V вв. на Востоке сосредоточились вокруг онтологических проблем (тринитарные споры), тогда как на Западе в центре дискуссии стояла проблема греха и наказания (пелагианские споры).

То же самое можно сказать и о второй тенденции рецензируемой статьи: Лемерль прав, выступая против конфессиональной прокатолической трактовки событий — и все-таки некоторые коррективы следовало бы внести. По мнению Лемерля, именно Запад был агрессивной стороной в этих спорах, Византия же не имела универсалистских тенденций и ограничивали свою «ойкумену» только территорией империи с греко-язычным населением (стр. 236). Верно, что Запад был более агрессивным, но Византийская империя и церковь отнюдь не ограничивали свои аппетиты областями, населенными греками. Достаточно указать в этой связи на церковную миссию в Эфиопии, на судьбы Болгарии, на попытки церковного воздействия в Моравии и в Венгрии, на создание Киевской митрополии и Аланской митрополии. Самый термин «ойкумена» в византийской риторике обозначал вселенную, и ее пределы ограничивались нередко Геракловыми столпами — Гибралтаром.

Одно из самых убедительных и плодотворных положений статьи — критический пересмотр традиционных представлений о схизме 1054 г. Думаю, что Лемерль прав, показывая, что события 1054 г. имели сравнительно частный характер и не привели к расколу церквей (стр. 242). Любопытно, что как раз в это время (после 1052 г.) написанное «Житие Симеона Богослова» ничего не знает о расколе — агиограф, Никита Стифат, рассказывает там о некоем западном епископе, который случайно убил своего племянника, отправился молить о покаянии в Рим, а затем поселился в одном из константинопольских монастырей [1]. История Анастасия Аламанна, который был участником Первого крестового похода, затем поселился на Кипре и сделался византийским святым[2],— также свидетельство о более тесной церковной близости Востока и Запада, чем это обычно предполагают. Исследования П. Классена выяснили, сколь непосредственно связанной была в XII в. богословская мысль в Византии и на Западе [3]; кстати говоря, пролатинские настроения были свойственны не одному только молодому Никите Хониату (стр. 243), но и ряду византийских писателей XII в.— от Никиты Маронейского до Евстафия Солунского (разумеется, до 1185 г.).

Настоящая схизма, полагает Лемерль, произошла лишь в 1204 г. (стр. 243). И это положение, в принципе правильное, нуждается лишь в частном разъяснении: даже после 1204 г. в некоторых областях Латинской империи (например, в Солунском государстве) создались условия для примирения интересов латинского и византийского духовенства [4]. Однако в дальнейшем своекорыстная политика папства, венецианцев и феодальной латинской знати привела к тому, что ненависть к латинянину-схизматику охватила широчайшие слои.

Лемерль вкратце касается и вопроса об унии (стр. 244 и сл.). В этой связи любопытно заметить, что политические интересы Византии, правительство которой стремилось к заключению церковного союза с Римом, натолкнулись на удивительно упорное сопротивление. Византийским василевсам — миф о всемогуществе которых так живуч! — не удалось преодолеть это сопротивление: политические интересы оказались слабее выработавшейся религиозной традиции.

А. К.

---

[1] J. Haushеrr. Vie de Syméon le Nouveau Théologien.—«Orientalia christiana», 12, 1928, §§ 52—55.

[2] K. P. Kyrres. Κυπριακὰ ἁγιολογικὰ καὶ μοναστηριακὰ μελετήματα.— «Κυπριακαὶ σπουδαί», 27, 1963 (ссылаюсь по аннотации: BZ. 57, 1964, S. 498).

[3] P. Classen. Das Konzil von Konstantinopel 1166 und die Lateiner.— BZ, 48, 1955.

[4] См. об этом R. L. Wolff. The Organization of the Latin Patriarchate of Constantinople.—«Traditio», 6, 1948, p. 39 ff.

G. KARLSSON. IDÉOLOGIE ET CÉRÉMONIAL DANS L'ÉPISTOLOGRAPHIE BYZANTINE.

Uppsala, 1962, p. 157.

H. HUNGER. PROOIMION. ELEMENTE DER BYZANTINISCHEN KAISERIDEE IN DEN ARENGEN DER URKUNDEN.

Wiener byzantinistische Studien, Bd. I. Wien, 1964, S. 260.

Казалось бы, только причуда рецензента могла объединить две эти книги, основанные на совершенно разнохарактерных источниках. Действительно, книга шведского филолога Густава Карлссона — публикация с переводом и обширным комментарием отдельных памятников византийской эпистолографии X в. на базе нескольких рукописей, главным образом известного Патмосского манускрипта № 706 [1]; используя эти новые тексты, Карлссон стремится дать общую характеристику византийского эпистолографического жанра. В книге австрийского ученого Герберта Хунгера анализируются преамбулы императорских указов — от государей эпохи принципата (Нерва, Адриан, Каракалла) до последнего правителя Византии — Константина XI (XII) [2]; новый рукописный материал — формулы преамбул по рукописи Palatinus gr. 356 — не составляет главного источника книги и приведен (с немецким переводом) в приложении (стр. 217—245). Разные хронологические рамки, разные источники, разная структура — что же общего между этими книгами?

В очень интересном введении к своей работе Хунгер пишет о том, что исследователи XIX в. с пренебрежением относились к императорским преамбулам, ставя им в упрек отсутствие реального содержания и трафаретность выражений. Напротив, люди XX столетия понимают, что трафаретные формулы канцелярского языка — не просто недостаток вкуса, но специфическая манера выражать свои идеи, особая форма пропаганды (стр. 15). Классификация этих формул, обычно не связанных с содержанием документа, приобретающих самостоятельное бытие (стр. 212), и должна, по мнению Хунгера, дать представление об официальной византийской идеологии императорской власти. Устойчивые штампы составляли, согласно его словам, «элементы идеи императорской власти», куда входило учение о божественности василевса [3], о его постоянной заботе о подданных, о его справедливости, человеколюбии и т. п. То, что казалось К. Крумбахеру и его современникам бессодержательным, на самом деле оказывается определенной системой взглядов, рассчитанной на то, чтобы внушать подданным соответствующие суждения,— я бы сказал, определенным элементом византийской общественной психологии.

И именно этот внутренний смысл книги Хунгера — стремление обнаружить общественный смысл трафаретных, повторяющихся формул — роднит ее с работой шведского исследователя. Карлссон также начинает с того, что констатирует «деконкретизацию» письма (стр. 14 сл.), освобождение эпистолографического жанра от реального, конкретного содержания; он прослеживает, как в абстрактных формулах посланий выражается целостная «теория дружбы» (стр. 21 сл.), понимаемой как мистическое единство корреспондентов (стр. 59 сл.), преодолевающее пространство и время. И подобно религиозной мистике, мистика византийской дружбы находит свою словесную реализацию в терминах, связанных с сексуальным влечением, с «любовной магией» (стр. 99 сл.).

Следовательно, опять-таки то, что на первый взгляд кажется бессодержательным набором повторяющихся формул, выражает общественную психологию, коллективные представления. «Деконкретизация» письма — не результат творческого бесплодия и даже не следствие того, что конкретные сведения надлежало сообщить посланцу, «одушевленному письму» (стр. 17); в этом обстоятельстве выражается общая тенден-

---

[1] Уже в 1960 г. письма X в. из Патмосского кодекса и Лаврской рукописи Ω 126 были изданы почти полностью: J. Darrouzès. Epistoliers byzantins du Xe siècle. Paris, 1960. Все письма, издаваемые Карлссоном заново,— кроме послания Феодора Дафнопата (стр. 117 сл.) — опубликованы Даррузесом (II, 111; V, 12, 14, 17, 21, 23; VIII, 17; IX, 19, 41, 44). Неизданное письмо Михаила Италика Продрому, о котором Карлссон говорит на стр. 66, ныне уже издано целиком: R. Browning. Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos.—«Byzantinobulgarica», 1, 1962, p. 283—286.

[2] Следуя за Б. Зиноговицем, Хунгер называет этого государя Константином XII (стр. 27) — однако правомерность гипотезы Зиноговица теперь ставится под сомнение: см. J. Пападрианос. Да ли је Константин Ласкарис био византијски цар? — ЗРВИ 9, 1966, 217—221.

[3] Очень интересно вместе с тем наблюдение Хунгера (стр. 154), что эпитет «спаситель» никогда в преамбулах не прилагается к императору. Однако, пересказывая грамоту Андроника I, Никита Хониат употребляет формулу «спаситель ромеев» (Nic. Chon., p. 437. 14. Ср. еще p. 299 7—8, 456. 21, 492. 14—15). Уже после завершения этой рецензии вышло в свет дополнение к книге Хунгера: R. Browning. Notes on Byzantine Prooimia. Wien, 1966.

ция эпохи — стремление к максимальному обобщению, к отсечению подвижного и изменчивого, к передаче самого главного — Идеи как отражения божества [4].

Таким образом, значение обеих книг состоит в приложении к византиноведческому материалу нового принципа исследования — принципа социальной психологии. При этом, однако, любопытно, что ни тот, ни другой автор не упоминают о социальной психологии, и не исключено, что они вступают на этот путь интуитивно, а не во всеоружии теоретической подготовки.

Социальная психология — сравнительно новая дисциплина, а ее приложение к византинистике еще только появляется на свет. Неудивительно, что обеим работам оказалась присуща одна погрешность, одинаковая односторонность. Дело заключается вот в чем. Социальная психология изучает действительность в разных аспектах. Традиционные коллективные представления, стойкие черты психического склада — один из существенных ее аспектов, и для византиноведения он является особенно важным. Иллюзия неизменности, создаваемая византийской пропагандой (если пользоваться термином Хунгера), была мощным средством общественного воздействия; она выражалась, кстати сказать, не только в формулах преамбул, но и в теории «избранного народа», в идее «ойкумены» как сферы власти василевса, в иллюзии применимости римского права к византийской действительности, в сохранении архаичных этникона и социальной терминологии. Именно эту сторону — традиционность общественных представлений — подчеркивают и Хунгер, и Карлссон. Формуляр императорских грамот — в изображении Хунгера неизменен, восходит к терминологии античной Греции; и Карлссон также свободно выходит за пределы X столетия, публикуя то письмо Игнатия Диакона (стр. 125 сл.), то даже папирус VI в. (стр. 85 сл.) и привлекая для сопоставлений совершенно разновременные памятники.

Но устойчивые представления — лишь одна сторона проблемы. Общественная психология людей и традиционна, и вместе с тем подвижна, изменчива, подвержена сдвигам. Консервативность византийского образа мышления, повторю еще раз,— не столько реальность, сколько элемент официальной пропаганды, имеющий особую социальную функцию. Обращая внимание только на традиционность общественной психики, Хунгер и Карлссон абсолютизируют одну сторону общественной психологии — в ущерб другой, более скрытой, менее явной.

Изменение общественной психики может протекать двояко. Во-первых, могут меняться в определенных общественных условиях сами устойчивые формулы. Любопытный пример представляет хотя бы термин τροπαιοῦχος, триумфатор, привлеченный Хунгером (стр. 73—75): как показал М. Бенеманский, этот эпитет был характерен для официальной терминологии начала царствования Василия I, но в конце его правления, после ряда внешнеполитических неудач, уступил место иным эпитетам, подчеркивающим миротворчество василевса [5]. Формулы, таким образом, менялись в зависимости от политической ситуации. Отказ Хунгера от учета функции времени в классификации огромного собранного им материала лишает исследователя возможности проследить *эволюцию* формул: в какую эпоху какие элементы идеи императорской власти преобладали? Тот ли самый набор элементов был свойствен Комнинам, что и императорам Македонской династии? Случайно ли то обстоятельство, что вечность империи подчеркивается в новеллах Юстиниана I (стр. 62 сл.), но более поздних примеров этой формулы Хунгер не приводит? Вопросы эти заслуживают изучения.

То же самое можно сказать и об эпистолографии. Дело не только в том, что понятие дружбы не было в Византии единообразным [6] и что некоторые писатели (Симеон Богослов, Кекавмен) относились к дружбе с настороженной враждебностью (это — особая тема) — но самая «деконкретизация» письма не оставалась абсолютом. Послания Феофилакта Эфеста, Михаила Хониата, Григория Антиоха подчас весьма содержательны, полны конкретных деталей. Изменение эпистолографии как жанра в XII в., по-видимому, было совершившимся фактом, и вполне возможно, что начало этого процесса мы должны относить к более раннему времени — к периоду деятельности Пселла и даже Николая Мистика (не странно ли, что этот крупнейший эпистолограф X в. даже не упомянут в книге Карлссона?).

Во-вторых, может изменяться функциональное значение традиционных формул. Однако, чтобы уловить это изменение, метод Хунгера и Карлссона, метод изучения формул как таковых, их материального (догматического) содержания, оказывается недейственным. Функциональное значение традиционных формул может быть обнаружено только при структурном анализе, т. е. при всестороннем анализе общественного организма на конкретном отрезке времени. Иными словами, одна из задач состоит в том, чтобы уловить, какими были общественные противоречия различных слоев населения империи в их собственном понимании. Какие формы пропаганды, какие

---

[4] Тот же принцип «деконкретизации» свойствен и византийскому роману (см. С. В. Полякова. Из истории византийской любовной прозы, в кн.: «Византийская любовная проза». М., 1965, стр. 126 сл.) и византийской живописи.

[5] М. Бенеманский. Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906, стр. 49 сл.

[6] См. K. Treu. Φιλια und ἀγαπη. Zur Terminologie der Freundschaft bei Basilius und Gregor von Nazianz.—«Studii clasice», 3, 1961, S. 421—427.

идеологические направления сталкивались между собой в конкретных исторических условиях? Что противостояло, скажем, идее дружбы или идее божественности василевса? Изучение функционального смысла устойчивых формул неминуемо подводит к вопросу об общественной борьбе.

Таковы одни из многих проблем, которые встают при чтении книг Хунгера и Карлссона — первых опытов исследования византийской общественной психологии.

А. К.

V. LAURENT. LE CORPUS DES SCEAUX DE L'ÉMPIRE BYZANTIN, t. V: L'ÉGLISE, 1: L'ÉGLISE DE CONSTANTINOPLE, A: HIÉRARCHIE. Paris, 1963 (1964), pp. LI+805.

Начал выходить свод византийских печатей. Первым появился том, посвященный Константинопольской патриархии.

Вряд ли нужно специально подчеркивать значение, какое имеют византийские моливдовулы (вислые свинцовые печати) как источник для изучения экономической, административной и даже политической истории. Сравнительно недавно, например, французская исследовательница Э. Антониади-Бибику привлекла печати для восстановления истории византийских таможен и, следовательно, торговли [1]; именно печати являются важнейшим источником для выяснения отношений Византии с Тмутараканью [2]; этот список легко можно продолжить.

В рассматриваемом томе описано 1013 типов печатей V—XV вв. Издатель, В. Лоран, разделяет их на следующие группы: печати константинопольских патриархов, печати чинов патриаршей канцелярии, печати патриарших придворных (кувуклисии, синкелы, ипертимы, экзархи), печати митрополитов, их суффраганов и чинов епископальных канцелярий, печати автокефальных архиепископий. В особом приложении собраны греческие печати епископата византийской Италии.

В конце тома опубликован проспект всего Свода печатей, который позволю себе воспроизвести здесь (в сокращенном виде):

т. I: Императорский дворец (с приложением: Трапезундская империя, Солунская империя и другие суверенные государства, возникшие на территории Византии);

т. II: Центральная администрация и столица;

т. III: Провинциальная администрация;

т. IV: Византийская Африка;

т. V: Византийская церковь [уже после сдачи рецензии в печать вышла вторая часть тома, которая охватывает: а) церкви и монастыри Константинопольской патриархии; б) автономные церкви Кипра и Болгарии; в) восточные патриархии: Александрия, Антиохия и Иерусалим];

т. VI: Разные печати.

Помимо описания отдельных типов печатей с комментарием (датировка, сведения о собственнике моливдовула, литература), книга содержит общую характеристику патриаршего и епископского моливдовула: рассматриваются вопросы иконографии (стр. XIX сл., XXXIV сл.), эволюция патриаршего титула (стр. XVI сл.), тесно связанная, надо сказать, с историей церкви, вопрос о соотношении титулов архиепископ и митрополит (стр. XXVIII сл.) и ряд других.

Значительное число печатей публикуется впервые: так, только среди патриарших печатей — №№ 3, 4, 10, 19 бис, 24, 25 бис, 30, 38, 39. Ряд печатей переатрибуирован: так, печать № 1, приписывавшаяся Евтихию Александрийскому (X в.), оказалась принадлежащей константинопольскому патриарху того же имени, жившему в VI в. (ср. №№ 21, 22, 775 и др.). Во многих случаях издатель исправляет старое чтение, в том числе имена и географические названия (напр. №№ 248, 255, 546, 639).

Ряд изданных в рецензируемом томе печатей принадлежал видным политическим

---

[1] H. Antoniadis Bibicou. Recherches sur les Douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 164 sq. П. Лемерль в рецензии на эту книгу («Rev. hist.», 232, 1964, p. 230) отмечает предварительный характер выводов Антониади-Бибику, поскольку она не использовала материал, собранный (но не опубликованный еще!) Лораном. Упрек этот справедлив лишь относительно: конечно, публикация Лорана заставит пересмотреть отдельные заключения Антониади-Бибику — но если бы мы вообще стали ждать завершения всех критических публикаций, разработка византиноведческих проблем приостановилась бы. Я постараюсь показать ниже, что, используй Лоран некоторые неопубликованные письменные источники, он избежал бы кое-каких неточностей в комментарии — но я вовсе не хотел бы, чтобы он ждал с комментарием, пока эти памятники будут изданы! Почему-то к исследователям, использующим археологические, нумизматические или сфрагистические материалы, часто прилагают требование такой полноты, которое не встает при изучении письменных памятников.

[2] См., напр., А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в.— «Проблемы общественно-политической истории России». М., 1963, стр. 54 и сл.

и культурным деятелям: Фотию (№№ 7—9), Николаю Мистику (№№ 11—12), Михаилу Кируларию (№№ 15—16), иперитиму и проэдру (протопроэдру) Сиды, т. е. Иоанну Сидскому, фавориту Михаила VII и Никифора III (№№ 407—408), Арефе Кесарийскому (№ 247), Василию Охридскому (№ 461), Феодору Вальсамону (№ 103), Константину Манасси (№ 322), Евфимию Малаки (№ 763), Евстафию Солунскому (№ 462), Михаилу Хониату (№ 607), Константину Керкирскому (№ 803), Георгию Вардану (№ 804). Некоторые печати содержат новые данные об этих людях: так, только из печати Евстафия Солунского мы узнаем, что он был сакеллием, прежде чем стал митрополитом.

Изданные в томе печати проливают некоторый свет на историческую географию Византии. В упомянутой уже (метрической) печати Евфимия Малаки фигурирует топоним «Эладики», вызывавший большие споры [3]; легенда моливдовула указывает, что Евфимий был пастырем Патр в Эладиках, а не в Пелопоннесе: τῶν Ἑλλαδικῶν, οὐχὶ τῶν Κατωτέρω. В печати XI в. (№ 656) упомянут Феодор, епископ Мореи (Μορέας), — как известно, этот топоним впоследствии послужил наименованием всего Пелопоннеса; до сих пор епископия Мореи не была известна — издатель, помимо печати, ссылается на две неизданные редакции Notitia episcopatuum конца XV в., также упоминающие морейского епископа. Очень интересны две печати XI в. (№№ 472—473), принадлежащие епископам турок (или Туркии): исправляя свой прежний вывод [4], Лоран присоединяется к тем ученым, которые считали, что епископия Туркия была создана для венгров, расселенных по Вардару.

В печатях встречаются сведения о неизвестных церковных должностях, в частности связанных с управлением имуществами. Так, печать IX в. принадлежала Георгию, ἐπὶ τῶν κτημάτων Великой церкви (св. Софии) (№ 62), печать XI в.— Константину ἐπὶ τῶν κτημάτων Коринфской митрополии (№ 567). Очень важно то обстоятельство, что в XI в. на должностях, связанных с управлением имуществом церкви св. Софии [παραδότης τῶν ἐπισκέψεων, эконом (?), хартуларий], постоянно оказываются светские лица: вестарх Иоанн (№ 63), спафарокандидат Николай Элеодорит (№ 64), протоспафарий Александр (№ 66), протоспафарий Василий (№ 68). Это обстоятельство, по-видимому, отражает борьбу императорской власти с патриархией, попытки экономического подчинения патриархии [5].

Ряд печатей имеет непосредственное отношение к отечественной истории. Таковы печать Стефана, архиепископа Васпуракана XI в. (№ 870); печати архиепископов (Крымской) Готии (№№ 859—861), среди которых две неизданные; печать митрополита Алании Евстратия (нач. XI в.), по другим источникам не известного (№ 797). Особенно интересны в этой связи печати русских митрополитов и их суффраганов: епископов Новгорода, Смоленска и Галича (№№ 781—796). Эти печати позволяют уточнить некоторые факты русской церковной истории. Так, Лоран считает установленным существование митрополита Иоанна I (около 1008—1020), которому принадлежала печать № 781. Показательно, что митрополит Кирилл, поставленный в 1224 г., называет себя архиепископом (№ 792); это, по-видимому, связано с исчезновением в 1204 г. Константинопольской православной патриархии и образованием независимых церквей в Болгарии и Сербии. Особенно любопытна печать Моисея, «монаха и митрополита Владимирского» (№ 793), датируемая второй половиной XII в. Если чтение Лорана верно, то в этом титуле отразилась та тенденция к созданию независимойцеркви, которую осуществлял Андрей Боголюбский: на какой-то момент ему удалось образовать Владимирскую митрополию, поставив во главе ее Моисея — судя по имени, возможно, болгарина [6].

---

[3] См. R. C h a r a n i s. The Term Helladikoi in Byzantine Texts of the VIth, VIIth and VIIIth Centuries.— ΕΕΒΣ, 23, 1953. Ср. Г. О с т р о г о р с к и й. Постанак тема Хелада и Пелопонез.— ЗРВИ, 1, 1952, стр. 66 и сл. Статья эта написана, конечно, не на русском, как утверждает Лоран (стр. 584), а на сербо-хорватском.

[4] V. L a u r e n t. Ὁ Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων. — «Сборник П. Ников». София, 1940, стр. 275—289. См. об этом Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 86 f. (там и литература вопроса).

[5] Как известно, финансовую самостоятельность Константинопольской патриархии энергично отстаивал Михаил Кируларий, добившийся в 1057 г. соответствующего хрисовула (см. H.-G. B e c k. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 107).

[6] Создание Владимирской митрополии в XII в.— сколь ни эфемерным оно оказалось — новый (и очень важный) аргумент в пользу точки зрения Н. Н. Воронина относительно создания при Андрее владимирских святынь, приурочения к Владимиру главных христианских культов (см. его работы: Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг.— ВВ, XXI, 1962; Сказание о победе над болгарами в 1164 г. и праздник Спаса.— «Проблемы общественно-политической истории России». М., 1963; Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.— ВВ, XXVI, 1965). Впрочем, И. Шевченко сомневается в правильности чтения Лорана и предлагает вместо ΒΛΑΔ Η... расшифровывать KATAN(HC)—см. I. Š e v č e n k o. Russo-Byzantine Relations after the Eleventh Century. —«The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 96, n. 3.

Позволю себе в заключение сделать несколько частных замечаний, преимущественно просопографического характера. Патриарха Михаила III ὁ τοῦ Ἀγχιάλου не следует называть d'Anchialos (№ 24) — в византийской терминологии, как показал еще В. Г. Васильевский, выражение ὁ τοῦ *X*. означало близкого человека к епископу города *X*; о Михаиле III Евстафий в неизданном слове (Escor. Y—II — 10, f. 157 v) прямо свидетельствует, что он был племянником анхиальского митрополита. Арефа Кесарийский был жив не только в 932 г. (№ 247), но и позднее, видимо еще в 944 г. [7] Дату смерти Николая Айофеодорита, принятую Ж. Даррузесом и вслед за ним Лораном (№№ 604—605), скорее всего, придется пересмотреть и отодвинуть к 1178 г.: об этом свидетельствует не только известное Лорану синодальное постановление патриарха Харитона (1178—1179), упоминающее Николая, но и неизданная монодия Евстафия Солунского на смерть Николая, написанная скорее всего после битвы при Мириокефале [8]. Не учитывая критических замечаний С. Кириакидиса [9], Лоран принимает гипотезу Ф. Кукулеса, предположившего, что Евстафий Солунский стал диаконом при Николае IV Музалоне (№ 462),— к сомнениям Кириакидиса я могу добавить, что из леммы к докладной записке Евстафия следует, что пост диакона, ведающего священными сокровищами, он занял только при Луке Хрисоверге, да и то не в начале его патриаршества [10]. Кстати сказать, мне непонятно, почему Лоран не считает «нормальным» продвижение Евстафия с поста магистра риторов на митрополичий престол: это было именно нормальным явлением в Византии XII в., примеров такой карьеры сколько угодно.

В очень аккуратно изданной книге тем более досадны технические погрешности. Зачем, например, понадобилось давать в двух местах характеристику одних и тех же епископий? При этом если Аморий, скажем, описан дважды (стр. 368 и сл., 570), но по-разному, то описание Патр (стр. 423, 471) совпадает почти дословно! При характеристике печати № 48 опущено указание на публикацию, и мы не узнаем, издан ли моливдовул или нет.

А. К.

E. SARGOLOGOS. LA VIE DE SAINT CYRILLE LE PHILÉOTE MOINE BYZANTIN. «Subsidia Hagiographica», № 39. Bruxelles, 1964, p. 507.

Написанное Николаем Катаскепином (перв. пол. XII в.) « Житие Кирилла Филеота» (Bibl. hagiogr. gr. № 468) было известно до сих пор лишь в извлечениях — книга Э. Саргологоса представляет собой первое полное издание этого памятника. Издатель основывается на рукописи афонского монастыря Каракаллы № 42, датируемой 1341 г., и привлекает также два более поздних манускрипта: Marcianus II, 104 и Lavra H 191. Греческий текст издается критически, причем особенно большого труда, несомненно, потребовало установление скрытых цитат, в большом количестве содержащихся в Житии, — не только библейских, но и патристических. Издатель предлагает ряд конъектур — в некоторых случаях, впрочем, довольно спорных: так, вряд ли оправдано в гл. 47,8 исправление рукописного ἐξκουσσίας на ἐξκουσσείας — оба чтения засвидетельствованы многими источниками. В гл. 42,2 Саргологос смело исправляет рукописное εὐγνωμονικὰ (читай: εὐγνωμονικὰ) на противоположное по смыслу ἀγνωμονικὰ, не замечая, что эта «поправка» нарушает суть фразы. Действительно, Катаскепин противопоставляет τὰ δουλικὰ ἢ καὶ εὐγνωμονικὰ δάκρυα, «рабские, хотя и благостные слезы», вызванные страхом перед побоями, иным слезам, порожденным воздействием демонов — ἃ καὶ δουλικὰ λέγω, οὐ μὴν εὐγνωμονικά: «я называю их рабскими, [но] не благостными». Конъектура здесь не нужна.

Греческий текст (стр. 43—264) сопровождается французским переводом (с подстрочными примечаниями, содержащими реальный комментарий), вводной статьей (сведения об авторе, о рукописях, характеристика языка, разбор хронологических свидетельств Жития, краткая заметка — на одну страницу! — о значении памятника) и указателями.

Издатель лишь намекнул на значение Жития как источника для истории византийского общества на рубеже XI—XII вв., когда жил Кирилл Филеот. Об этом стоило сказать больше. Дело не только в том, что Катаскепин упоминает различные политические события (мятеж Русселя, «скифские» набеги) или различных политических деятелей (Алексея I, Анну Далассину и ряд других [1]),— Житие содержит, несмо-

[7] H.-G. Beck. Kirche..., S. 591.

[8] A. Každan. Неизданные сочинения Евстафия Солунского в эскуриальской рукописи Y-II-10. — «Polychronion». Heidelberg, 1966, S. 337.

[9] Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961, p. XVL.

[10] P. Wirth. Zur Biographie des Eustathios von Thessalonike.— Byz., XXVI, 1966, S. 262 f.

[1] На стр. 41 Саргологос замечает, что среди других лиц в Житии упомянут и Иоанн Дука. Это — ошибка, результат случайной контаминации: в Житии названы севаст Иоанн (см. стр. 476, прим. 157) и Михаил Дука (см. стр. 437, прим. 129).

тря на общую тенденцию к абстрактизации изложения, немало деталей, весьма существенных для изучения спорных вопросов социально-экономической истории Византии. Приведу два-три примера.

В гл. 9,2 Катаскепин определяет мистия как свободного человека (ἐλεύθερος τῆς δουλειας). Он упоминает мистия также в гл. 24,4, где в довольно риторическом пассаже приводит некоторые византийские термины для обозначения зависимых людей — начиная от αἰχμάλωτος и ὑπόσπονδος и кончая δοῦλος и ὑπόχρεως; в числе этих терминов также μίσθιος, ὑποτελης, ὑπουργός, ἐργάτης и — что особенно любопытно — γεωργός.

В гл. 47,8 передан любопытный разговор Алексея I с Кириллом Филеотом. Кирилл рассказал императору, что он с братом унаследовали маленькую церквушку и затем своими трудами создали на ее месте монастырь. Тогда Алексей спросил: «Земля, которая принадлежит монастырю, была церковная или вы ее приобрели?» Вопрос, казалось бы, праздный, ибо Кирилл уже сказал, что сама церковь досталась братьям по наследству. Он, однако, отвечает: «[Земля приобретена] нашими трудами [в большой степени], чем из ничтожных стихов»— он хочет сказать, что лишь малую часть монастырского имущества составляют прежние церковные наделы (στίχοι), основная же масса приобретена монахами. Слова Кирилла император резюмирует неожиданным образом: «Видимо, ты [хочешь] сказать, что она казенная»,— и жалует ее монастырю, уничтожая все права казны на эту землю.

Итак, с точки зрения Алексея I земля могла быть только церковной или казенной: все, что приобрели монахи, помимо церковных стихов, рассматривается им как казенное имущество, казна обладает определенными правами на эту землю, и требуется формальное волеизъявление государя (ἀποχαρίζομαι) на передачу недвижимости в собственность монастыря.

Пожалование права собственности сопровождалось в данном случае другой милостью — Алексей распорядился даровать хрисовул об экскуссии, освободив монастырь от всяких эпирий.

Есть в Житии и сведения о ремесле и торговле. Особенно важно в этой связи сообщение в гл. 5,1 о том, что Кирилл нанялся матросом на три года. Эта любопытная параллель к известному месту из Жития Илии Нового, где рассказывается об ученикемистии, поступившем на несколько лет к мастеру. Видимо, вопреки «Книге эпарха», византийская действительность знала долгосрочные договора подмастерьев с мастерами.

Очень поучительно также перечисление в гл. 39,10 тех проступков, которые давали возможность для низложения игумена: Катаскепин приводит 13 пунктов — и только в одном случае ссылается на каноническое право. По-видимому, и в данном вопросе действующий обычай не совпадал с нормами канонов.

Житие Кирилла Филеота — весьма важный памятник и для изучения духовной жизни Византии. Мне кажется, что особенно плодотворным было бы сопоставление мировоззрения Катаскепина со взглядами Симеона Богослова [2]: многое роднит героя Катаскепина с известным мистиком — но многое и различает их. Не претендуя в краткой рецензии на исчерпывающее освещение проблемы, хочу тем не менее обратить внимание на несколько моментов. Так, в Житии несколько раз подчеркивается, что для достижения царства небесного нужно не только воздержание, но и самобичевание (см. гл. 5,7—8; 7,2; 26,1; 43,1—3),— эта идея, насколько я знаю, не свойственна Симеону. В отличие от Симеона Катаскепин с одобрением относится к дружбе между монахами; он гораздо деятельнее в отношении к миру, требует активной помощи страждущим: если для Симеона милостыня — средство разделаться с имуществом и облегчить себе достижение божества, то Катаскепин видит в ней средство помочь тем. кто терпит нужду.

Очень интересно было бы также остановиться на художественных средствах Жития, на его месте в истории византийской литературы.

Большие трудности порождает хронология Жития. Уже П. Карлин-Хейтер обратила внимание на гл. 51,2, где говорится о втором посещении Кирилла императором Алексеем. Император, замечает Катаскепин, готовил в это время поход на безбожных турок. Карлин-Хейтер считает, что речь идет об экспедиции 1116 г. и что встреча должна быть датирована 1115 г.[3] Но в Житии прямо и недвусмысленно сказано, что Кирилл умер 2 декабря 1110 г. (гл. 55,1), и Карлин-Хейтер ничего не остается, как предположить палеографическую ошибку и отнести кончину Кирилла к 1120 г.

Однако вряд ли следует исправлять эту дату. По самой своей специфике агиография — не тот жанр, от которого можно ждать точные датировки. В Житии есть и иные хронологические просчеты. В гл. 47,6 Катаскепин пишет о первой встрече Кирилла

---

[2] Сарголог (стр. 359, прим. 77) ставит вопрос о сходстве между Житием и «Центуриями» Симеона — но сопоставляемые им пассажи: гл. 29,8 и «Центурии» 1,49 обладают лишь чрезвычайно далеким сходством: Катаскепин говорит, что редки истинные пастыри и врачи душ — Симеон же заявляет, что много лжеучителей. Сходство состоит только в том, что оба имеют в виду свое время.

[3] P. Karlin-Hayter. L'édition de la Vie de S. Cyrille le Philéote par E. Sargologos.— Byz., 34, 1964, p. 608—610. Впрочем, и сам Сарголог (стр. 470, прим. 153) датирует поход 1116 г., не делая из этого никаких выводов.

с императором, которую Саргологос датирует 1091—1096 гг. (стр. 39)— но ведь агиограф уже упоминает здесь Орфанотрофион св. Павла, организация которого относится к самому концу правления Алексея! В гл. 41,1 говорится, что Кирилл свыше 50 лет не пил вина и не ел фруктов, кроме айвы,— поскольку он начал аскетический образ жизни в 30 лет, ему должно было быть в это время свыше 80. Так как он родился в 1015 г., то рассказанные события могут быть отнесены к 1095 или последующим годам. Несколько ниже (гл. 46,10) повествуется о том, что Кирилл провел в келье свыше 40 лет. Известно, что он постригся, имея 14-летнего сына, который мог родиться между 1035—1042 г. Значит, пострижение Кирилла относится к 1049—1056 гг., а действие гл. 46, когда прошло свыше 40 лет,— к 1089—1096 гг. Между гл. 41 и гл. 46 не оказывается никакого хронологического промежутка. К тому же за гл. 46 следует рассказ о первом визите Алексея I, где упоминается победа над печенегами в 1091 г., что было бы естественно, если бы действие гл. 47 происходило сразу после одержанного успеха, а не в разгар крестоносной опасности, как это вытекает из наших расчетов.

Хронология Жития требует более осторожного отношения.

А. К.

SANCTI ROMANI MELODI CANTICA. CANTICA GENUINA.

Ed. by P. Maas and C. A. Trypanis. Introd. by C. A. Trypanis. Oxford, Clarendon Press, 1963, 548 p.

ROMANOS LE MELODE. HYMNES.

Préface de P. Lemerle. Introd., texte critique, traduction et notes de J. Grosdidier de Matons. Tomes I—II. Paris, 1964—1965 («Sources chrétiennes», 99 et 119). 449 p., 394 p.

Романа Сладкопевца иногда называли «христианским Пиндаром». Это сравнение не слишком удачно (ведь никому не придет в голову назвать Айя-Софию «христианским»,— или, скажем, византийским — «Парфеноном»), но оно, во всяком случае, не обидно для великого беотийского лирика; творчество Романа в своем роде не менее «классично». По адекватности воплощения определенной картины мира, по зрелости и цельности художественной воли, по уверенному владению четко отобранным и строго организованным языком форм оно в самом деле не уступало шедеврам античной классики. К тому же эти литургические поэмы при всей неизбежной условности своей топики отличаются поразительным чувством жизни, народной цельностью эмоции и нравственной оценки, короче — той свежестью и естественностью, в которых так часто отказывали византийской культуре и которых в самом деле нередко недостает гиератически импозантным творениям церковной поэзии последующих поколений.

Кондаки Романа — не просто «текст», не просто «исторический памятник», содержащий сведения о распорядке церковного года или даже о мировоззрении византийцев VI в., но прежде всего — живая поэзия, настоятельно требующая, чтобы ее в этом качестве и изучали. Между тем сделано здесь мало. Если Роман — это «христианский Пиндар», то ведь над текстами его античного собрата классическая филология трудится уже четыре с половиной столетия, в то время как полное издание текстов Романа до последнего времени вообще не предпринималось (такое издание было запланировано в свое время Крумбахером, но выполнить этого он уже не успел). Правда, с 1876 г., когда кардинал Питра впервые опубликовал 29 кондаков Романа [1], был осуществлен ряд частичных изданий Крумбахера, а позднее — Дж. Камелли, Э. Миони, одного из авторов аннотируемого оксфордского издания П. Мааса и др. Но полное издание оставалось в числе desiderata.

Очевидно, полным должно стать многотомное издание Н. Томадакиса, начавшее выходить в 1952 г. [2] Судя по отзывам, это издание не претендует на дефинитивный характер [3]. Наконец, в последние годы параллельно с изданием Томадакиса выходят тома изданий Мааса — Трипаниса и Гродидье де Матона. Каждое из них имеет свои достоинства и недостатки, на которых мы и остановимся.

Прежде всего — о диспозиции материала. В том I оксфордского издания (пока единственный) вошли 59 кондаков, обозначенных как подлинные (из общего числа 85) Принимая во внимание, что сам Трипанис признает вопрос об автентичности подавляю-

---

[1] Analecta sacra, I. Paris, 1876, 1—241.

[2] N. Tomadakis. Ῥωμανοῦ τοῦ Μελῳδοῦ ὕμνοι ἐκδιδόμενοι ἐκ Πατμιακῶν κωδίκων. Ἀθῆναι, I — IV, 1952—1961.

[3] Это обусловлено уже тем, что Томадакис и его ученики используют лишь две рукописи (Patm. 212 и 213), хотя и перворазрядные. Ср. замечание П. Лемерля в предисловии к аннотируемому парижскому изданию, стр. 10.

щего большинства кондаков неясным[4], делать эту автентичность формальным структурным критерием издания достаточно неблагоразумно. В рамках самого тома кондаки разнесены по 5-ти тематическим рубрикам: жизнь Христа — прочие новозаветные темы — ветхозаветные темы —«различные сюжеты»— агиография. Это членение, само по себе усложненное (евангельские сюжеты попадают в первую, вторую и четвертую группы), проведено нечетко. Так, если гимн на сошествие св. духа, логически относящийся ко второй группе, вошел в первую, то евангельские притчи, очевидным образом представляющие часть новозаветной тематики, попали в загробную рубрику «Различные сюжеты», где с ними соседствуют дидактические кондаки-проповеди на общеморальные темы («О покаянии» и т. п.). Иногда распределение почти причудливо. Знаменитый гимн о Страшном Суде ("Οταν ἐλθῆς, ὦ θεός ...), почти совпадающий по своей топике с «Dies irae», искусственно оторван от родственных ему по тону кондаков «учительной» группы и попал в разряд гимнов, посвященных «личности Христа»,— на том основании, что он трактует о «втором пришествии» последнего. Итак, в этом случае составители сочли более важным критерием формальную прикрепленность к определенному моменту космической «биографии» второго лица троицы (хотя всякий согласится, что образ самого «судии» в гимне едва намечен и отнюдь не определяет собой характер его содержания); казалось бы, мы вправе ожидать приложения того же критерия к кондаку на вторую неделю поста (Σχόλασον, ἡ ψυχή μου ...), где весьма драматично изображен определенный эпизод из «священной истории», а именно — грехопадение прародителей. Но нет,— кондак попал не в ветхозаветную группу, которую ему столь естественно было бы открывать собой, а в группу «различных сюжетов», ибо на этот раз авторы сочли более важным критерием проповедническую интонацию гимна и вложенное в него превознесение спасительного действия поста. Но какой гимн Романа, будь его сюжет сколь угодно конкретным, повествовательным и драматичным, чужд общих рассуждений гомилетического свойства? Таковы законы жанра. Принятая Маасом — Трипанисом диспозиция не только затрудняет поиски нужного кондака (ибо читатель должен сначала выяснить, относят ли издатели этот кондак к подлинным или нет, а затем соображать, в какой группе он может находиться) [5], но и едва ли способствует особой наглядности в выявлении тематических интересов поэта.

В противоположность этому распределение текстов в издании Гродидье де Матона отличается практическим удобством и ясностью. Все повествовательные гимны на сюжеты обоих заветов идут в простейшем «хронологическом» порядке и должны составить ничем не перебиваемый цикл от грехопадения прародителей до сошествия св. духа (пока второй из аннотируемых томов замыкается кондаком «На исцеление прокаженного» и оба тома в совокупности содержат 20 гимнов) [6]. Затем должны следовать чисто дидактические и медитативные гимны с минимальным содержанием сюжетности, а после этого — кондаки с агиографической тематикой.

Подход французского издателя к вопросу автентичности отличается явным «лаксизмом», контрастирующим с «ригоризмом» Мааса — Трипаниса [подход последних подвергнут критике и в предисловии П. Лемерля (т. I, стр. 11)].

Вступительная статья к английскому изданию (составлена Трипанисом) по своей содержательности и поучительности, бесспорно, превосходит статью Гродидье де Матона. Заслуживает быть особо отмеченным тот раздел статьи Трипаниса, где излагаются сведения и соображения, касающиеся жанрового генезиса кондака (стр. XII — XIV); читатель должен быть особенно благодарен автору за информацию о родственных явлениях мало кому известной сироязычной литературы. Подробно останавливается Трипанис и на индивидуальных особенностях творчества Романа (грамматические семитизмы и т. п.).

Вступительная статья французского издателя сколько-нибудь подробно останавливается лишь на чисто текстологических вопросах. Перечисление изданий (на стр. 45—55 I тома) заведомо неполно. В частности, русскому читателю бросится в глаза отсутствие в этом перечне осуществленного М. Параникой издания кондака Τῇ Γαλιλαίᾳ τῶν ἐθνῶν [7]..., которое дает ряд конъектур сравнительно с предшествовавшим изданием Евморфопулиса,— впрочем, последнего Гродидье де Матон равным образом не упоминает. Самая обстоятельная часть статьи — раздел о рукописях (стр. 19—44). Напротив, более общая ее часть поражает своей односложностью. Автор скороговоркой сообщает

---

[4] Ср. стр. XV издания. Вообще говоря, тон Трипаниса создает впечатление, что отбор «подлинных» гимнов следует всецело отнести за счет П. Мааса, к журнальным статьям которого читатель и отсылается за аргументами в пользу именно такого, а не иного отбора.

[5] Впрочем, эти поиски существенно облегчены приложенной к тому таблицей, где номера издания даны параллельно с номерами издания Крумбахера (K. K r u m b a c h e r. Die Akrostichis in der griechischen Kirchenpoesie. München, 1903).

[6] Вместе с приложением к I тому, содержащим сомнительный кондак об Ионе,— 21. Когда эта рецензия уже была написана, вышли в свет III и IV тома (Paris, 1965—1967), завершающиеся 45-м гимном.

[7] См. ВВ, V, 1898, стр. 681—696.

(без единой ссылки на источники или на специальную литературу[1]), кто такой был Роман и что такое кондак, затратив на это полторы страницы. Не совсем ясен адресат такой справки: читатель-специалист, на которого очевидным образом рассчитана текстологическая часть статьи да и само издание, едва ли в ней нуждается. Если же предполагается более широкий читатель (в самом деле, как мы увидим, издание Гродидье де Матона носит более экзотерический характер, чем издание Мааса—Трипаниса), то для него эта справка при всей своей элементарности слишком невыразительна и отрывочна.

Правда, этот недостаток французского издания отчасти компенсируется тем, что в нем, в отличие от английского, каждому гимну предпослана отдельная вступительная статья объемом до 8—10 стр. Тематика этих статей неоднородна. Непременные компоненты каждой из них — геортологическая справка, устанавливающая место данного гимна в системе византийского литургического года, и довольно подробный анализ метрической стороны гимна, иллюстрируемый таблицей. Несравненно меньше внимания уделено прочим литературным аспектам текстов; здесь издатель, как правило, ограничивался оценочными замечаниями типа: «качество формы изобличает в поэте полное владение своим искусством», или: «этот гимн далек от драматической мощи, которая отличает предыдущий», и т. п. Принимая во внимание характер серии «Sources chrétiennes», довольно естественно, что интересы теологов и историков религии были учтены в этих вступительных статьях в гораздо большей степени, чем интересы литературоведов. Впрочем, и религиозно-философское содержание гимнов, нередко предоставляющее очень яркий материал для характеристики общественной мысли эпохи (назовем хотя бы гимн на богоявление, идущий в издании Гродидье де Матона под номером 17 и довольно пренебрежительно им третируемый), лишь случайно подвергается серьезному разбору, хотя отдельные замечания издателя на этот счет метки и убедительны.

Французское издание имеет еще одну отличительную черту: параллельно с текстом гимнов дается их прозаический французский перевод. Этот перевод, выполненный тем же Гродидье де Матоном, корректен, ясен, осторожен [8], но довольно бесцветен; это — неизбежное свойство прозаического и более или менее дословного переложения поэтического текста (хотя старый латинский перевод Питра, выполненный в том же жанре, был едва ли не выразительнее). Как бы то ни было, этот перевод имеет несомненную ценность научного истолкования текста; но прилагать к нему художественные критерии нет никаких оснований. А это жаль, ибо Роман — большой поэт.

Если том Мааса—Трипаниса не содержит вступительных статей к отдельным кондакам с их метрическим анализом, то он дает в особом приложении метрические схемы всех гимнов. Кроме того, уже первый том снабжен именным указателем (указателя к французскому изданию приходится ждать, очевидно, в его заключительном томе).

С. А.

---

[8] Порой даже, пожалуй, чрезмерно осторожен. Так, при истолковании слова ἐχωρεις в третьей строфе упоминавшегося кондака на богоявление (т. II, стр. 275) сознательно неопределенная интерпретация переводчика едва ли предпочтительнее толкования, предложенного в свое время Питра (Analecta sacra, I, Add., 680), где χωρεῖν с опорой на новозаветное словоупотребление понято как «постигать», «улавливать».

ХРОНИКА

НАУЧНЫЕ ИТОГИ XIII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ВИЗАНТИНИСТОВ

Международные конгрессы византинистов созываются периодически через 3—5 лет в различных странах мира и как бы подводят итоги научных исследований за истекший между конгрессами период. XIII Международный конгресс византинистов состоялся в Оксфорде 5—10 сентября 1966 г. Этот конгресс был на редкость представительным и многолюдным. В его работе приняли участие 720 делегатов из 28 стран Европы и Америки. На конгрессе присутствовали и выступали крупнейшие византинисты современности.

Наиболее представительными были делегации Великобритании (президент конгресса Стивен Ренсимен, председатель британского национального комитета византинистов Дисоан Хассей, генеральный секретарь конгресса Д. Оболенский, профессора Р. Браунинг, Д. Тальбот-Райс, К. Манго и др.), Франции (президент международной ассоциации византинистов проф. П. Лемерль, профессора А. Грабар, М. Ришар, Э. Арвейлер, А. Бон, Н. Эворонос и др.), Греции (генеральный секретарь ассоциации византинистов Д. Закитинос, П. Зепос, И. Караянноπулос и др.), Италии (профессора Б. Лаваньини, А. Пертузи, Дж. Чиро и др.), Австрии (Г. Хунгер, О. Демус и др.). Многочисленными делагации были из США и Западной Германии.

Значительно возрос на конгрессе научный авторитет ученых из социалистических стран Европы. В работе конгресса приняли участие весьма влиятельные и представительные делегации из Югославии (академик Г. Острогорский, профессор Дж. Бошкович, Ф. Баришич, Я. Ферлуга, Б. Ферянчич, Б. Крекич и др.), Венгрии (академик Д. Моравчик), Болгарии (профессора Д. Ангелов, И. Дуйчев, В. Бешевлиев и др.), ГДР (профессор И. Ирмшер, Х. Копштейн и др.), Чехословакии (профессор А. Досталь, Б. Застерова и др.), Польши (О. Юревич), Румынии (академик Е. Кондураки, Е. Станеску, И. Барнеа и др.). Советский Союз был представлен делегацией из 15 византинистов Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Еревана [чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев(глава делегации), чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, академик Армянской АН С. Т. Еремян, доктора наук А. П. Каждан, З. В. Удальцова, кандидаты наук А. В. Банк, О. А. Белоброва, Н. Н. Кечакмадзе, Г. Л. Курбатов, Г. Г. Литаврин, Н. Ю. Ломоури, Р. А. Наследова, К. А. Осипова, З. Г. Самодурова, К. Н. Юзбашян].

Тематика научных докладов на пленарных заседаниях конгресса группировалась вокруг 5 широких проблем: 1) взаимоотношения Византии с народами Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа; 2) Византия в XI в. (поскольку этот период истории Византийской империи еще мало изучен); 3) вспомогательные дисциплины (агиография, нумизматика, демография, историческая география) на службе византиноведения: 4) проблемы византийского искусства XI в.; 5) вопросы среднегреческого языка и филологии.

1. *Византия и страны Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа.*

Эта проблема стояла в центре внимания участников конгресса.

Значительный интерес вызвал *доклад акад. Дьюлы Моравчика* (*Будапешт*) «*Византийская миссия среди тюркских народов на северном побережье Черного моря*».

В докладе впервые прослеживаются этапы распространения христианства византийскими миссионерами в VI — XI вв. среди тюркских народов: протоболгар, печенегов, хазар, селившихся в разное время на территории между устьем Дуная и Кубанью. Особую ценность доклада Д. Моравчика составляет то, что автор не ограничился установлением основных этапов распространения христианства среди этих народов, а сделал попытку проанализировать методы христианизации, применяемые византийской миссией. Чрезвычайно важно стремление Д. Моравчика выяснить отличие методов миссий западной католической и восточной православной церквей.

По мнению Д. Моравчика, христианизация, проводимая восточной церковью, не сопровождалась установлением того *единообразия* культа, церковного ритуала

и т. п., которого настойчиво требовала католическая церковь на Западе. Это находило свое выражение в сохранении византийской миссией местных языков для богослужения, что придавало в известной мере «либеральный» характер деятельности византийских миссионеров.

Проблема различия методов церковных миссий католической и православной церквей оказалась затем в центре дискуссии, развернувшейся по докладу Д. Моравчика.

Содоклад Л. Мюллера (Тюбинген, ФРГ) был посвящен вопросу о характере византийской церковной миссии на Руси в IX—X вв. Л. Мюллер, как и Д. Моравчик, особое внимание в докладе уделил выяснению *основных принципов* деятельности византийских миссий. В отличие от Д. Моравчика, Л. Мюллер, однако, усматривал специфику византийской церковной миссии отнюдь не в ее относительной либеральности (сохранение племенных и языковых особенностей у христианизирующихся язычников), а в том, что на Западе деятельность католических миссионеров якобы носила индивидуальный характер, была результатом личной инициативы отдельных проповедников, между тем как в Византии, по утверждению Л. Мюллера, миссионеры выступали как представители государственной власти и христианизация была следствием и одновременно средством политической экспансии империи. Докладчик стремился одновременно отделить деятельность католических миссионеров от политической и военной экспансии германских феодалов.

В прениях по докладу Д. Моравчика и содокладу Л. Мюллера основное внимание выступавших было сконцентрировано на определении сходства и различия в характере и методах миссий православной и католической церквей. Тезис Л. Мюллера об индивидуальном характере католической миссии не получил поддержки ученых.

Советские ученые Н. В. Пигулевская и А. П. Каждан в своих выступлениях указали на необходимость изучения внутренних причин христианизации варварских народов и привлечения новейших археологических исследований в Северном Причерноморье, в частности памятников Салтово-Маяцкой культуры.

Основным проблемам византино-сербских отношений в XIV в. был посвящен *доклад академика Георгия Острогорского* (*Белград*). В центре внимания докладчика находился вопрос об исторических судьбах сербских княжеств, на которые распалась держава Стефана Душана. В частности, Г. Острогорский остановился на характеристике общественного и государственного строя и внешней политики Серрского княжества. В основу доклада была положена монография Г. Острогорского о Серрах, опубликованная в 1965 г.[1] Автор поставил задачей выяснение соотношения византийских и сербских национальных элементов в социально-экономической жизни, административном устройстве и церковной организации Серрского княжества. Г. Острогорский приходит к выводу, что на всей структуре Серрского княжества лежал византийский отпечаток. Несмотря на потерю Византией реальной власти на землях, перешедших под власть сербов, империя все же сохраняла здесь неприкосновенным свой престиж и свое влияние. Рядом с сербской властью всегда жили традиции и установления Византийской империи. Как по существу, так и по форме государственные институты Серр оставались византийскими, и византийское влияние на внутреннюю жизнь Серрского княжества было даже более сильным, чем в свое время на державу Стефана Душана. Знатные греки занимали видные посты при серрском дворе и одновременно являлись крупными земельными собственниками в Македонии. Лишь в сфере церковных отношений преобладание получили сербские элементы и митрополия Серр возглавлялась славянами, а Афонские монастыри управлялись сербскими протами. Таким образом, Г. Острогорский выступил как сторонник сохранения в Серрском княжестве сильного влияния византийской государственности.

Содоклад Дж. Сулиса (США), внезапно скончавшегося перед конгрессом, был прочитан югославским ученым Б. Крекичем. Дж. Сулис солидаризировался с Г. Острогорским по основному вопросу о византийском влиянии в сербских землях. Как и Г. Острогорский, Дж. Сулис признал византийское влияние доминирующим как в самой державе Стефана Душана, так и в сербских княжествах, на которые она распалась. Этот тезис Г. Острогорского и Дж. Сулиса был поддержан другими византинистами и славистами.

Та же проблема «византийского влияния» на сопредельные с империей страны дебатировалась при обсуждении коллективного *доклада советских ученых Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана и З. В. Удальцовой «Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в.»*.

В докладе были подведены итоги новейших исследований советских и зарубежных ученых по проблеме византино-русских связей в сфере экономической, политической и культурной жизни. Наибольший интерес специалистов вызвал вопрос о византийском влиянии на культуру Древней Руси. В докладе подчеркивалось, что влияние византийской цивилизации на Русь равным образом не следует как преувеличивать, так и преуменьшать. Византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой интенсивностью, что зависело от уровня развития дохристианской народной культуры и от степени соответствия или несоответствия культурных ценностей, получаемых из Византии, жизнен-

[1] Г. Острогорски. Серска област после Душанове смерти. Београд, 1965.

ным потребностям русского феодального общества. Этот тезис в докладе был подтвержден конкретно-историческими примерами из сферы истории права, языка, литературы, музыки, церковной организации Руси.

Содоклад И. Шевченко (Вашингтон) —«Русско-византийские отношения после XI в.», помимо некоторых интересных дополнений к докладу советских ученых, содержал дальнейшее развитие дискуссионного вопроса о византийском влиянии на Руси. Автор содоклада попытался в историографическом аспекте наметить «эволюцию» оценки византийского влияния на Русь в трудах русских и советских ученых от В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова до наших дней.

По мнению И. Шевченко, в историографии существовало три точки зрения по изучаемому вопросу: полное признание доминирующей роли византийского влияния в создании и развитии культуры Древней Руси; не менее решительное отрицание этого влияния и, наконец, некий «средний путь», по которому, как полагает Шевченко, пошли и докладчики. Сам И. Шевченко пытался перенести акцент в изложении спорных вопросов на усиление значения и масштабов византийского влияния на различные сферы политической, культурной и церковной жизни древнерусского общества.

В содокладе Ф. Лилиенфельд (Иена) «Русь и Византия в XIV — XV вв.» прослеживалось развитие русско-византийских церковных связей в последние два века существования империи.

Прения по докладу и содокладам, естественно, сконцентрировались вокруг самого животрепещущего вопроса о византийском влиянии на культуру Древней Руси. И. Дуйчев (София) подчеркнул значение культуры южнославянских народов как «культуры-посредника», способствовавшей передаче высоких образцов византийского литературного творчества (часто уже в переработанном виде) на Русь. Большой интерес вызвал поставленный в докладе советских ученых вопрос о континуитете античной культуры в византийской и русской средневековой идеологии. Б. Унбегаун (Нью-Йорк) пытался отрицать тезис, что культурный обмен между Византией и Русью был двусторонним процессом. Он придерживался старой, давно опровергнутой в нашей науке точки зрения, что на Руси якобы вплоть до XIX в. литературным языком являлся лишь церковно-славянский язык. В советской же лингвистической науке, как известно, убедительно показано, что процесс складывания русского литературного языка начался уже после XI в.: язык русских книжников, хотя и имел в своей основе церковно славянский, но постоянно обогащался из сокровищницы русского народного языка.

Доклад профессора Софийского университета Д. Ангелова «Болгарские земли и болгарский народ в границах Византийской империи в XI — XII вв.» подводил итоги многолетних исследований болгарских и советских ученых и византинистов других стран по внутренней истории Болгарии в период византийского господства. Основной вывод автора состоял в том, что включение Болгарии в XI в. в состав Византийской империи привело к ускорению развития феодальных отношений, к оформлению крупной феодальной вотчины и феодальной зависимости болгарских крестьян. Что касается вопроса о болгарских городах XI — XII вв., то докладчик подчеркивал значительный прогресс в социально-экономической жизни городов в период византийского владычества,— чему способствовало вхождение Болгарии в состав государства, имеющего высокий уровень развития товарно-денежных отношений.

В содокладе А. Достала (Прага) «Культурные связи между Византией и славянами (в особенности болгарами) в XI — XII вв.» трактовалась, преимущественно на лингвистическом материале, проблема славяно-византийских культурных связей изучаемой эпохи. Основной тезис А. Достала состоял в том, что византийское господство в Болгарии, хотя и привело к ухудшению социально-экономических условий жизни населения, в то же время способствовало укреплению культурных связей Болгарии и Византии и усилению литературной активности в болгарском обществе. Иными словами, византийское завоевание несло с собой значительное углубление византийского влияния на культуру феодальной Болгарии XI—XII вв.

Прения развернулись как по проблеме о характере византийского культурного наследия в Болгарии, так и по некоторым частным вопросам. Так, например, внимание ученых привлек вопрос, выдвинутый Д. Ангеловым, о славянских социально-правовых терминах, эквивалентных греческим (например, греческий термин «дулевты» — рабы, по мнению Д. Ангелова, соответствовал славянскому «отроки» и т. п.). А. Достал и другие ученые (И. Шевченко, Г. Г. Литаврин) высказали несколько замечаний к этой трактовке термина «отрок»; было признано, что пока нет достаточных оснований изменять общепринятое значение его как «дитя», «подросток», «домочадец», «слуга».

Коллективный доклад румынских ученых Э. Кондураки, И. Барнеа и П. Диакону (Бухарест) «Новые исследования о византийском limes'e на Нижнем Дунае в X—XI вв.» касался сложных международных отношений в бассейне Дуная, где в X—XI вв» сталкивались интересы Византии, Болгарии, Руси, печенегов.

На основании археологических открытий последних лет в Добрудже румынские ученые доказывали, что в X—XI вв. на Нижнем Дунае был воздвигнут новый пояс византийских пограничных укреплений, заменивший старый, разрушенный во время великого переселения народов. Строительство этого второго Дунайского limes'a Византийской империи было связано с болгаро-византийскими и русско-византий-

скими войнами (при князе Святославе), а также столкновениями Византии с кочевыми народами, узами и печенегами.

Докладчики выдвинули тезис о том, что в VII—XI вв. Добруджа находилась под властью Византии: в X в. империя возводила здесь пограничные оборонительные сооружения против опасности нового нападения русских войск, а в XI в.— против вторжения кочевников.

Содоклад А. Элиана (Бухарест) «Византия и Румыния в конце средних веков» не был органически связан с предшествовавшим докладом. Он был посвящен проблеме взаимоотношений Молдавии и Валахии с Византией в XIV — XV вв. В центре внимания А. Элиана находился опять-таки вопрос о влиянии византийской культуры на культуру народов, населявших Молдавию и Валахию в поздневизантийский период. А. Элиан пришел к выводу, что в XIV—XV вв. связи румын с Византией были слабы, а культурное воздействие византийской цивилизации осуществлялось опосредствованно: через синтез византийской и славянской культур. Культурное же наследие Византии прочно утвердилось в Румынии только после падения самой Византийской империи.

Видное место в работе конгресса заняла проблема взаимоотношений Византии с народами Кавказа. *С. Туманов* (*Вашингтон*) *в своем докладе «Предпосылки Манцикерта»* доказывал, что поражение Византии в 1071 г. при Манцикерте явилось результатом агрессивной политики империи в отношении Армении. Византийское завоевание Армении ослабило эту страну и тем самым открыло путь туркам-сельджукам в Малую Азию.

В содокладе С. Дер Нерсесян (Париж) «Армения в X—XI вв.» был дан интересный очерк внутреннего положения Армении накануне византийского завоевания. Экономический и культурный расцвет, переживаемый Арменией в этот период, сочетался однако с обострением классовой борьбы, ослаблявшей страну и облегчившей вторжение в Армению византийских войск. Несчастьем как для Армении, так и для Византии, по мнению докладчицы, было то, что наступление на Армению Византия начала в период своего могущества, а завершила завоевание этой страны уже в годы своего ослабления. Ошибка византийского правительства состояла в том, что оно переоценило свои силы: византийцы надеялись, удалив местных армянских владетелей и распустив туземное войско, сами защитить завоеванные территории. На деле же подобная близорукая политика погубила Армению и подготовила разгром самой византийской армии при Манцикерте.

В содокладе Ф. Сюмера (Анкара) «Турки в восточной Малой Азии в XI в.» была выдвинута диаметрально противоположная концепция. Автор содоклада пытался доказать благодетельные последствия сельджукского завоевания для населения восточных областей Малой Азии, которое якобы положило конец неустроенности, царящей при византийцах, «установило мир и порядок». По мнению турецкого ученого, господство сельджуков было одним из самых «счастливых» периодов истории Малой Азии.

Концепция Ф. Сюмера получила отпор от большинства участников дискуссии — особенно резкой критике такая оценка сельджукского завоевания была подвергнута в выступлениях Дж. Бошковича (Югославия), С. Врониса (США) и советских кавказоведов—академика Армянской АН С. Т. Еремяна, К. Н. Юзбашяна и Н. Ю. Ломоури.

Проблеме взаимоотношений Византии и Армении был также посвящен *доклад академика С. Т. Еремяна* (*Ереван*) *«Карсское царство в XI в.»*. Докладчик расценивает период существования Карсского царства как время наивысшего экономического и культурного расцвета государства армян, а его разгром — как прелюдию к разгрому империи при Манцикерте, знаменовавшему начало заката Византии.

Подводя итоги рассмотрению на конгрессе проблемы взаимосвязей Византии с народами Юго-Восточной, Восточной Европы и Кавказа, необходимо отметить, что за последние годы разработка этой проблемы значительно обогатилась благодаря разносторонним исследованиям преимущественно византинистов европейских социалистических стран и Советского Союза. Вкладом в науку бесспорно является открытие новых данных источников, свидетельствующих о взаимном влиянии и взаимопроникновении византийской культуры и культуры сопредельных с империей стран. Вопрос о византийском влиянии, стоявший в центре исследуемой проблемы, трактуется в новейших исследованиях объективнее, смелее, без каких-либо крайностей, как в сторону преувеличения этого влияния, так и его отрицания. И это, безусловно,— весьма отрадное явление в византиноведческой науке. Впрочем, проблема византийского влияния, конечно, еще долго останется острой и будет привлекать внимание исследователей.

Несколько более скромное место в работе XIII конгресса в Оксфорде в отличие от XII конгресса в Охриде (1961 г.) заняла тематика по социально-экономической истории Византии. На пленарных заседаниях фактически этой проблематике был посвящен лишь *доклад Н. Звороноса* (*Париж*) *«Общество и внутренняя структура Византийской империи: основные проблемы»*.

В докладе Н. Звороноса чувствовались некоторые отзвуки споров между «феодалистами» и «антифеодалистами», развернувшихся на предшествующем конгрессе, причем сам Н. Зворонос склонялся скорее к позиции «антифеодалистов».

Выясняя причины ослабления Византии в XI в., Н. Зворонос выступил против традиционной трактовки этого вопроса. Обычно в научной литературе упадок империи в XI в. объяснялся ростом крупного землевладения динатов и прекращением политики в защиту крестьянской общины, проводимой ранее императорами Македонской династии. Опровергая эту концепцию, Н. Зворонос отметил, что рост крупной земельной собственности наблюдался уже в X в., а меры в защиту крестьянского землевладения оказались малоэффективными. Причины ослабления Византии в XI в. Н. Зворонос усматривает в усилении гнета византийского государственного аппарата и в росте централизации империи, которая привела к ослаблению армии и внешним неудачам.

Вместе с тем, докладчик подчеркивает, что в этот период все же продолжается экономическое развитие городов и начинается процесс складывания «среднего класса» горожан, который мало-помалу оттесняет на задний план военную аристократию, безраздельно господствовавшую в X в. Большое значение Н. Зворонос придает также внешнеполитическим факторам, усугубившим кризис империи в X в.

Воззрения Н. Звороноса подверглись критике в содокладе Г. Эверт-Капессовой (Лодзь), которая подчеркнула, что феодализация была хотя не единственной, но важной причиной ослабления Византии в XI в. В прениях выдвигалась гипотеза о том, что в XI в. империя вступила в период феодальной раздробленности, связанной с подъемом провинциальных городов и утратой Константинополем своего монопольного положения в транзитной торговле, что в конечном счете приводило к экономическому разобщению Византийского государства.

Содоклады А. Гийу (Рим) и Э. Станеску (Бухарест) не были связаны со спорными вопросами, поднятыми в докладе Н. Звороноса. А. Гийу посвятил свой содоклад рассмотрению общественного устройства и административной системы в византийских владениях в Италии в XI в. Э. Станеску дал анализ политических реформ и контрреформ третьей четверти XI в., которые, по его мнению, подготовили стабилизацию империи при Комнинах.

Обсуждение проблем внутренней истории Византии XI в. еще раз убедительно показало необходимость дальнейшего углубленного изучения многих остающихся еще спорными вопросов социально-экономического развития империи этого времени.

Важным показателем растущего интереса византинистов к новой методике использования вспомогательных дисциплин для дальнейшего развития византиноведения явились доклады на пленарных заседаниях, посвященные вопросам византийской нумизматики, агиографии, демографии и исторической географии.

В докладе Ф. Грирсона (Кембридж) «Византийская монета как исторический источник» явственно прозвучали гиперкритические нотки — автор доклада подчеркивал преимущественно наличие многочисленных трудностей, которые подстерегают исследователя при использовании монет в качестве исторического источника. Этот тезис Ф. Грирсона вызвал резкий отпор со стороны видного английского нумизмата Д. М. Меткалфа, который отстаивал право византинистов использовать нумизматический материал в качестве весьма ценного исторического источника.

Иным было отношение исследователей к агиографическим памятникам как историческому источнику. В этом вопросе все византинисты были единодушны, подчеркнув огромную ценность агиографических памятников для изучения многообразных сторон реальной жизни византийского общества.

Ф. Алькен (Брюссель) в докладе «Византийская агиография на службе истории» показал обилие самых различных бытовых деталей, содержащихся в агиографических источниках и помогающих воссоздать живую действительность минувших веков. В содокладе Э. Фальери (Италия) «Отношения между Византией и Западом в сфере агиографии» было показано значение для византинистов агиографических памятников Южной Италии и латинских переводов греческих житий. В содокладе И. Дуйчева (София) «Связи Византии и славян в области агиографии» на большом материале агиографических источников прослеживались византино-славянские литературные связи. Особо подчеркивалось то обстоятельство, что зачастую славянские версии житий помогают восстановить утраченные греческие оригиналы ценных агиографических памятников.

В докладе и в содокладах перед византинистами всех стран была поставлена задача первостепенной важности: создание полного сводного каталога византийских агиографических памятников с обязательным привлечением рукописей, хранящихся в СССР и США, а также с использованием славянских и латинских рукописей житий, помогающих полнее изучить византийское агиографическое рукописное наследие. Долг советских палеографов принять участие в этом важном международном научном начинании.

За последние годы среди ученых различных специальностей, в частности и византинистов, значительно оживился интерес к вопросам демографии. Впрочем в *докладе П. Караниса (США) «Заметки по демографии Византийской империи»*, как и в докладе Ф. Грирсона о византийской нумизматике, наметились некоторые гиперкритические тенденции. Докладчик утверждал, что в настоящее время представляется невозможным определить численность населения византийских городов (в частности, и Константинополя), ибо цифры, приводимые в источниках, крайне недостоверны и, как правило, преувеличены. Вместе с тем, несмотря на шаткость данных источников, сам П. Каранис

пытается создать схему демографической эволюции Византии на разных этапах существования империи.

Гиперкритические построения П. Караниса подверглись остроумной критике в содокладе Г.-Г. Бека (Мюнхен) и в прениях, где указывалось на возможность достаточно точной проверки демографических данных различных источников.

В содокладе Э. Арвейлер (Париж) был поставлен важный вопрос о значении новой отрасли византиноведческой науки — исторической географии Византийской империи. Докладчица предложила очень интересную методику использования различных источников для создания исторической географии Византии. Она указала на особенности византийской географической номенклатуры, в частности на сохранение архаических топонимов и этнонимов, а также на необходимость изучения различных аспектов исторической географии империи: административной, фискальной, церковной и т. п.

В связи с тем, что византиноведение по своей сущности является комплексной наукой, заметное место на конгрессе заняли доклады по среднегреческой лингвистике и филологии, и особенно по истории византийского искусства.

В докладе Е. Криараса (Фессалоника) «Диглоссия (двуязычие) последних веков Византии; возникновение новогреческой литературы» прослеживается раздельное существование в Византии языка разговорного, народного и языка ученого, древнегреческого, которым пользовались писатели и философы, искусственно архаизируя свой стиль. В поздневизантийский период при наличии двуязычия более интенсивно развертывается процесс обновления архаизирующей тенденции за счет народного языка, что послужило важным стимулом возникновения новогреческой литературы.

В содокладе И. Ирмшера (Берлин) был поднят малоизученный вопрос о социальном значении проблемы диглоссии в Византии. А. Мирамбель (Париж) в своем содокладе рассмотрел причины двуязычия в Византии, которые он усматривает в сочетании античной традиции с христианством, в консервативном характере греческого языка, в его медленной эволюции.

В центре внимания историков византийского искусства находилось искусство XI в. Этой проблеме были посвящены *доклад К. Вейцмана (США) «Византийская миниатюра и иконография в XI в.»* и содоклады Ш. Дельвуа (Брюссель) «Византийская архитектура XI в.» и А. В. Банк (Ленинград) «Некоторые проблемы прикладного искусства Византии в XI веке».

С детальным критическим анализом доклада К. Вейцмана выступил глава советской делегации член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, противопоставивший точке зрения докладчика свою концепцию развития византийского искусства в XI в.

Помимо докладов на пленарных заседаниях, на конгрессе было прочитано огромное число докладов по частным вопросам на заседаниях секций: истории, искусства и археологии, музыкологии, вспомогательных дисциплин, права, литературы и математики, истории церкви и теологии. Проблематика секционных докладов была крайне разнообразна. В краткой статье невозможно охватить все эти выступления, и мы ограничимся лишь характеристикой докладов советских делегатов.

Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская (Ленинград) в *докладе «Хронограф Феофана и сирийские хроники»* на основании тщательного сравнительного анализа греческих и сирийских хроник пришла к выводу о тесной органической взаимосвязи византийской и сирийской хронографии. По мнению докладчицы, византийская литература — понятие несравненно более широкое, чем *греко*-византийская литература, она должна включать также и иноязычные, в частности сирийские, памятники. Лишь такой новый, широкий охват византийской литературы может с большей полнотой показать ее вклад в сокровищницу мировой литературы.

Доклад члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева (Ленинград), прочитанный на конгрессе, был посвящен сложной проблеме византийского влияния на древнерусскую литературу. Впервые в науке с большой глубиной и на основании великолепного знания источников было дано теоретическое осмысление *типа и характера* византийского влияния в древнерусской литературе. Д. С. Лихачев полагает, что византийское влияние (в отличие от скандинавского) представляло собой такой тип влияния, которое осуществлялось в высших проявлениях культуры: в сфере философских представлений о мире, политических идей, религии, во всех формах искусства (зодчество, живопись, прикладное искусство, литература). Вместе с тем, византийское влияние, распространяясь на Руси, порождало сопротивление, было связано с борьбой местной, самобытной и византийской культуры.

По-новому, свежо был поставлен в докладе Д. С. Лихачева и вопрос о так наз. «культуре-посреднике». Докладчик убедительно показал, что византийское влияние на Русь проникало преимущественно через посредство южно-славянской письменности, и именно культура южных славян сыграла в данном случае важную роль.

Проблемы социально-экономической истории ранней Византии были затронуты в *докладе Г. Л. Курбатова (Ленинград) «Термин «ктиторы» у Малалы и некоторые вопросы развития социальных отношений в Византии IV—VI вв.»*. Г. Л. Курбатов пришел к выводу, что ктиторы представляли особый социальный слой зажиточных провинциальных землевладельцев в ранней Византии. Этот социальный слой явился как бы предшественником будущей провинциальной феодальной знати в империи.

Доклады советских делегатов касались также взаимоотношений Византии с соседними народами. Так, в *докладе Р. А. Наследовой* (*Москва*) «*К хронологии первой войны Симеона с Византией*» была выдвинута новая, убедительная датировка первой войны болгарского царя Симеона с Византией. Отказавшись от традиционной датировки (начало войны — 894 г., заключение мира — 896), Р. А. Наследова, на основании анализа источников, доказала, что первая война Симеона с Византией продолжалась до 904 г.

Взаимоотношениям Византии со странами Кавказа были посвящены доклады советских кавказоведов К. Н. Юзбашяна и Н. Ю. Ломоури. В *докладе К. Н. Юзбашяна* (*Ленинград*) было показано большое значение для изучения истории Византии XI в. исторического «Повествования» армянского писателя Аристакэса Ластиверци. *В докладе Н. Ю. Ломоури* (*Тбилиси*) был дан историографический очерк изучения проблемы взаимоотношений Грузии и Византии в советской исторической науке.

Заметное место в тематике докладов советских делегатов заняли вопросы идеологической борьбы в Византийской империи. *К. А. Осипова* (*Москва*) *в докладе* «*Социально-политическая борьба в Византии вокруг заключения Лионской унии*» впервые в научной литературе сделала попытку выяснить социально-политическую направленность Лионской унии и установить, какие социальные круги были за и против ее заключения. По мнению докладчицы, партию сторонников унии составляли придворная знать и высшее духовенство, противники же унии опирались на монашество, часть провинциальной знати и на народные массы империи.

Н. Н. Кечакмадзе (*Тбилиси*) в своем докладе дала анализ 64-го трактата византийского философа XI в. Иоанна Итала. Она показала, что, хотя этот трактат был посвящен лингвистическим проблемам, он был связан с общей философской концепцией Итала и определил его рационалистический подход к развитию языка, его оценку с точки зрения разума. Этот трактат-письмо был адресован Италом знаменитому грузинскому философу Иоанну Петрици, что указывает на тесные культурные связи Византии и Грузии в XI в.

В докладе З. Г. Самодуровой (*Москва*) «*Хроника Петра Александрийского в греческой рукописи Московского университета*» была дана характеристика этого изданного ею памятника и выявлены источники Петра Александрийского путем сопоставления его труда с другими краткими византийскими хрониками.

Во время работы конгресса в Оксфорде происходили заседания Международной ассоциации византинистов, на которых были рассмотрены важные организационные вопросы. Был вновь переизбран и пополнен состав руководящих органов ассоциации. Глава советской делегации член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев единодушно был избран одним из почетных президентов этой международной организации византинистов. Ассоциация приняла решение об издании силами ученых всех стран «Корпуса византийских источников» и избрала международную комиссию для осуществления этого грандиозного начинания.

XIV конгресс византинистов состоится в 1971 г. в Бухаресте. В 1970 г., по решению Международной ассоциации византинистов, на конгрессе историков в Москве будут поставлены также доклады византинистов. Для определения тематики конгресса в Бухаресте и секции византинистики в Москве, в 1968 г. намечается провести заседание Международной ассоциации византиноведов. К этому же времени приурочивается организация международного симпозиума по проблеме «Византийское общество и его искусство в XIV в.».

XIII Международный конгресс византинистов в Оксфорде достаточно отчетливо показал современное состояние византиноведческой науки в различных странах и в известной мере наметил перспективы ее дальнейшего развития. Была выявлена необходимость дальнейшей углубленной разработки социально-экономических и идеологических проблем, генерального пересмотра и переиздания византийских источников, выработки новой методики использования вспомогательных дисциплин для развития византинистики. Научные итоги конгресса, естественно, должны быть учтены советскими византинистами при определении перспективного плана развития советского византиноведения.

З. В. Удальцова

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ — «ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ»

(текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.).

29—31 мая 1967 г. в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР (далее: ИРЛИ) состоялась конференция молодых специалистов, организованная Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР (далее: ЛО ИНА) и ИРЛИ.

В работе конференции приняли участие молодые ученые Воронежа, Еревана, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Тбилиси, Тирасполя. Были представлены следующие учреждения: Московский гос. университет, Ленинградский гос. университет, Институт истории АН СССР, ЛО ИНА, ИРЛИ, Сибирское отделение АН СССР, Институт рукописей им. Кекелидзе Грузинской АН, Институт русского и иностранных языков им. Брюсова в Ереване, педагогические институты Ленинабада, Петрозаводска и Тирасполя, Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее ГПБ), Библиотека АН СССР в Ленинграде (далее БАН), Ленинградская школа № 27 и др.

Конференция открылась вступительным словом одного из ее инициаторов и организаторов, члена-корреспондента АН СССР профессора Н. В. Пигулевской, которая отметила своевременность избранной участниками конференции тематики.

На первом совещании было прослушано 4 доклада, из которых 3 были посвящены лингвистике. С докладом «Рукопись БАН СССР „Финляндские отрывки № 38“ как памятник письменности XIII в.» выступила *О. П. Лихачева*, которая установила, что рукопись представляет собой отрывок из полемического сборника. Этот вывод можно сделать, судя по составу отрывка, содержащего фрагменты из трех памятников «учительной» литературы: 1) Слово о воскресении, 2) Слово о твари и о дне рекомем неделя, 3) Слово о законе и благодати митрополита Илариона.

Выступивший по докладу Д. С. Лихачев указал на то, что в Финляндии имеется еще довольно много фрагментов русских рукописей, которыми в настоящее время усиленно занимаются финские ученые (напр., М. Виднэс). Д. С. Лихачев отметил также, что при датировке уставных и отчасти полууставных рукописей следует основываться прежде всего на наличии поздних начертаний, поздних палеографических признаков, так как ранние начертания могут быть следствием традиции. Н. Н. Розов указал, что предположение докладчицы о полемическом характере сборника, фрагменты которого были исследованы, весьма любопытно и нуждается в дальнейшей разработке.

В докладе «Неизвестный отрывок из „Хроники“ Иоанна Малалы (по Еллинскому летописцу)» *Э. М. Шусторович* сообщила о найденном ею в составе Еллинского летописца первой редакции (по двум спискам XVI в.) отрывке из первой книги древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. Принадлежность этого отрывка к названной «Хронике» устанавливается на основании его содержания, особенностей литературных приемов и стилистики, а также языковых данных, которые позволяют отнести текст к XI—XII вв.

В ходе обсуждения этого доклада всеми выступавшими было отмечено правильное направление методологических установок автора доклада (Л. С. Дмитриев, Е. Э. Гранстрем и др.). Д. С. Лихачев сказал, насколько важно и своевременно было бы издание «Хроники» Малалы, как произведения, сыгравшего огромную роль в развитии древнерусской литературы. З. Г. Самодурова обратила внимание на возможную связь исследованного Э. М. Шусторович фрагмента с так наз. «малыми византийскими хрониками». А. И. Зайцев поддержал в своем выступлении правильность определения исследуемого фрагмента как отрывка из Малалы и указал на то, что разобранный в докладе рассказ о правлении Зевса и передаче ему царства Кроном можно найти во многих позднеантичных и ранних римских сочинениях.

В докладе «Греческие слова в лексике древнерусской рукописи XII в. „Устав Студийский“» *Д. С. Ищенко* сообщил о проделанном им исследовании «Устава», греческий оригинал которого не сохранился. В этом памятнике встречается много слов греческого происхождения; некоторые из них сопровождаются глоссами. Есть случаи параллельного употребления греческого слова и кальки (или полукальки) с него. Д. С. Ищенко делает следующий вывод из своих наблюдений: «Тщательное лингвистическое изучение древнерусских рукописей, особенно неопубликованных (как „Устав Студийский“), может пролить дополнительный свет на наши сведения о древнерусской лексике и, в частности, на сведения о степени распространенности и освоенности слов греческого происхождения в древнерусском языке».

Часть докладов была посвящена вопросам русского летописания. *М. Х. Алешковский* в докладе «Предисловие к Новгородской первой летописи младшего извода и его дата» остановился на разборе спорных положений в схеме начального летописания, предложенной А. А. Шахматовым. Докладчик отметил, что единственное прямое обоснование даты предисловия (1095 г.) строится на неверном отождествлении визан-

тийских императоров-соправителей Алексея и Исаака Ангелов с Комнинами. Спорным является и косвенное обоснование датировки, так как обвинение князей в алчности и неправом суде звучало особенно сильно после восстания 1113 г. Основной вывод доклада: в Новгородской первой летописи сохранился не гипотетический Начальный свод 1095 г., а реально существующий памятник — первая редакция Повести временных лет.

Доклад М. Х. Алешковского вызвал большой интерес и оживленные прения. Выступавшие по докладу Я. С. Лурье, О. В. Творогов, Д. С. Лихачев высоко оценили результаты исследования, отметив в то же время, что конечный вывод докладчика требует дополнительной аргументации.

В докладе *Л. А. Вольской* «Рассказ о „стоянии на Угре"— памятник публицистики XV в.» затрагивались вопросы летописания конца XV — начала XVI в. Летописные своды этого времени донесли до нас разные варианты рассказа об Угре. Наиболее ранние редакции рассказа содержат Типографская летопись и Московский летописный свод конца XV в. Как убедительно доказала Л. А. Вольская, Типографская летопись ближе к источнику, чем Московский летописный свод. Первоначальным источником был нелетописный рассказ ростовского происхождения. Попав в Ростовский владычный свод и оттуда в Типографскую летопись, рассказ этот третью свою редакцию нашел в Московском своде. Затем Л. А. Вольская показала дальнейшую судьбу летописного рассказа об Угре, отметив, что в ней нашла отражение сложная внутриполитическая обстановка того времени.

И. А. Жарков в сообщении «Продолжения Нового летописца» кратко рассказал о возникновении и продолжениях этого важнейшего памятника позднего летописания. Изучение списков показывает, что текст так называемого Кутузовского списка восходит к более раннему изводу, чем Никоновский список. Составитель Нового летописца использовал известия, записанные в более раннее время: «о вихре на Москве» (до 1598 г.); о постройке городов Воронежа и Кром (до 1605 г.); о казни Семена Вяземского и «об измене городов» (до 1611 г.), а также устные рассказы современников событий и многочисленные записи разрядов. Возможно, что основа Нового летописца была составлена между 1613—1616 гг. Редакция 1630 г. написана была, по-видимому, в Новоспасском монастыре. Далее докладчик рассказал о продолжениях Нового летописца, возникших на протяжении второй половины XVII в.

Областному летописанию был посвящен доклад *Н. А. Дворецкой* «К изучению городских летописей Сибири». Докладчица остановилась на распространенном, но малоизученном памятнике — «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея». Известно большое количество списков его, они разделяются на несколько редакций. Записи на рукописях, содержащих текст ранней по времени Головинской редакции и Игнатьевской редакции, имеющей томское происхождение, раскрывают участие в сибирском летописании тобольского воеводы А. П. Головина и товарища томского воеводы Л. Петрово-Соловово. Состав сборников, в которых встречается «Описание» Головинской редакции, позволяет говорить о связях Посольского приказа и Тобольской приказной избы. Об участии выходцев с Украины в сибирском летописании свидетельствует Шлецеровский список, составленный, возможно, П. Ф. Мировичем.

По докладу Н. А. Дворецкой выступила Е. К. Ромодановская, отметившая, что наблюдения над поздними сибирскими летописями представляют интерес для истории сибирского летописания в целом. Предположение же о П. Ф. Мировиче может быть подтверждено только нахождением его автографа.

М. В. Рождественская посвятила свой доклад «К литературной истории текста „Слова о Лазаревом воскресении" (пинежские списки „Слова" 1533 г.)» анализу замечательного памятника ораторского искусства Киевской Руси, известного до сих пор лишь по трем спискам. Для настоящего исследования привлечено было девять списков, среди которых большой интерес представляют списки из Пинежского сборника 1533 г. Далее докладчица остановилась на текстологическом анализе списков и привела схему взаимоотношений списков двух редакций «Слова».

Д. С. Лихачев отметил, что на основе проделанной работы автору следует подготовить научное издание памятника, которое явится большим событием в науке.

Произведениям литературы конца XVII и начала XVIII в. было посвящено три доклада. *М. Д. Каган-Тарковская* выступила с докладом «Использование официального документа в литературной деятельности приказно-деловой среды XVII в.». Подложные дипломатические и разрядные документы XVII в. имеют самостоятельную публицистическую и литературную значимость. Они идут от традиций публицистики XVI в., но не имеют делового назначения; их деловая форма оказывается литературным приемом. Эти памятники создавались в Посольском приказе. Жанр «посольских повестей» связан с интересом читательских кругов к политическому документу, со стремлением превратить этот документ в занимательное чтение. Жанр демократической сатиры также использует форму деловой письменности, но в использовании ее есть элементы пародийности, в то время как жанр посольских повестей опирается на авторитет официального документа. В сатирических произведениях выражается протест низов городского посада — посольские повести служат государственной идеологии в ее внешнеполитическом аспекте.

Доклад *З. П. Власовой-Семякиной* «Повесть об ангеле, ослушавшемся бога», касался малоисследованной повести конца XVII в., разрабатывающей один из сюжетов мировой литературы и фольклора. Пять списков повести разделяются на две редакции. История списков показывает, как изменялся текст произведения под влиянием интересов и вкусов среды. Повесть пополняет собой ряд повестей XVII в., в которых перерабатывался исторический греческий сюжет с использованием средств фольклора. Автор повести хорошо знаком с древнерусской литературной традицией. Все части повести объединяет авторская концепция «добра и зла», отличная от ортодоксальной христианской. Обличение духовенства, поиски решения вопроса о справедливости «судов господних» говорят о возникновении повести в демократической части русского общества.

Памятнику переходного периода от древнерусской литературы к литературе нового времени был посвящен доклад *Е. К. Ромодановской* «Новые материалы к „Повести о Димитрии Римском"». Для исследования было привлечено три списка. Один из них — неизвестный ранее список из коллекции рукописей ИРЛИ. Списки содержат разные варианты повести с рядом отличий. Как установила Е. К. Ромодановская, повесть связана с циклом сказаний о гордом царе и по-своему разрабатывает тему его наказания. Для повести характерно сочетание книжных и фольклорных традиций, что позволяет сделать вывод о возникновении ее в демократической среде. Занимательность сюжета сближает повесть с новеллами. Анализ языка говорит о возможности появления ее в западнорусских областях на рубеже XVII и XVIII вв. В заключение докладчица высказала мысль о необходимости изучения всего цикла повестей о гордом царе.

Выступая по докладу Е. К. Ромодановской, Д. С. Лихачев обратил внимание докладчицы на связь «Повести о Димитрии Римском» с народными легендами о самозванце и возразил против определения повести как западнорусской.

Г. Н. Моисеева, также высоко оценившая доклад, высказала мнение о северной традиции вновь найденного списка.

Несколько докладов было посвящено отдельным рукописным собраниям Советского Союза.

В. И. Апряткин сообщил о Пинежском собрании рукописей, хранящемся в ИРЛИ. Четыре археографических экспедиции 1962—1966 гг. собрали в районе реки Пинеги 305 рукописных книг XIV—XIX вв.; собрание содержит обширный разнообразный материал для изучения «местной рукописной книжной традиции, носителем которой в основном было крестьянское население края». Докладчик рассказал о составе собрания, в котором представлены все виды древнерусских текстов, и остановился на анализе записей, приписок и прочих помет в Пинежских рукописях; эти записи дают возможность изучить пути проникновения книги на Пинегу, установить сферу обращения книги и т. д. Необходимо продолжить, сказал В. И. Апряткин, собирание рукописей на Пинеге, а также подготовить описание собранных материалов. В прениях об этом докладе выступавшие (Д. С. Лихачев, Г. Н. Моисеева, Ю. К. Бегунов) единодушно отметили важность *комплексного* изучения книжности целого края. Р. П. Дмитриева указала на своеобразие Пинежского собрания, заключающееся в том, что это собрание не монастырское, рукописи этого собрания принадлежали частным владельцам.

Старообрядческой письменности посвятил свой доклад *В. В. Кибардин*, рассказавший о неизвестном стихотворении выговцев. Докладчик напомнил, что характерной чертой продукции выговских писателей было большое число стихотворных произведений, и сообщил о найденном им среди рукописей ИРЛИ неизвестном стихотворении. Сочинение это было написано в конце XVIII в., в годы, когда будущий император Павел был еще цесаревичем и старообрядцы возлагали на него большие надежды.

В прениях выступили Д. С. Лихачев, Л. С. Дмитриев и Г. Н. Моисеева, которые отметили, что В. В. Кибардин убедительно показал связь исследуемого им выговского стихотворения с местной стихотворной традицией.

Об уникальном собрании хорватских глаголических рукописей и печатных книг, принадлежавшем хорватскому ученому И. Берчичу (1824—1870) и находящемся в ГПБ, рассказала *О. И. Трофимкина*. Собрание это состоит из 280 фрагментов XIII — XVI вв. и нескольких книг; в свое время эти рукописи были изучены И. В. Ягичем. Хорватская глаголица рассматривалась хорватским народом как свидетельство независимости хорватов в лоне католической церкви. По мнению О. И. Трофимкиной, подготавливающей описание этого собрания, собрание Берчича имеет огромное значение для истории сербо-хорватского языка, литературы, культуры, особенно если учесть, что сохранилось очень мало глаголических памятников.

По этому докладу выступил проф. М. И. Мулич (Югославия), который выразил надежду, что результаты этих исследований будут скоро опубликованы.

О четырех греческих рукописях БАН рассказала в своем сообщении «Греческие рукописи Афонского происхождения в БАН» *И. Н. Лебедева*; все четыре рукописи были привезены в XVII в. в Москву из разных монастырей Афонской Горы.

Последний доклад на тему о рукописных собраниях принадлежал *М. Ф. Тонберг*, которая сообщила о собрании греческих рукописей в ЛГУ, состоящем из 18 единиц; древнейшей рукописью является пергаменное четвероевангелие XIII в. В мировой литературе, посвященной греческим рукописям, это собрание неизвестно.

Четыре доклада были посвящены культурным связям Армении и Грузии с Древней Русью и Византией.

И. А. Атаджанян рассказала об армянском сказании о Борисе и Глебе, которое было обнаружено Н. О. Эминым, а затем исследовано В. Н. Бенешевичем. По мнению докладчицы, составитель армянского сказания использовал русское анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» и «Сказание о чудесах Бориса и Глеба, присоединяемое к анонимному Сказанию в Успенской редакции»; армянский переводчик работал в первой половине XIII в., в то время, когда в Армении создавалась сводная редакция житий святых.

Выступая по этому докладу, Д. С. Лихачев отметил, что хотя докладчица работала над «Сказанием» после того, как его подверг тщательному анализу В. Н. Бенешевич, ей, однако, удалось сделать важное открытие касательно источника этого сказания.

Л. Р. Каджаия посвятила свой доклад малоизученному вопросу об условных знаках в древнегрузинских рукописях IX—XII вв. Были рассмотрены знаки, употреблявшиеся для обозначения конца и начала разделов текста и для цитат; особое внимание было посвящено знакам, связывавшим комментарии с текстом. Большая часть этих знаков была воспринята грузинской письменностью из средневековых греческих рукописей. Докладчица рассказала о замеченном ею графическом сходстве некоторых знаков с глаголическими буквами; всего в грузинских рукописях употребляется в качестве условных знаков 13 глаголических букв.

Выступавшие в прениях (Д. С. Лихачев, Т. Б. Ухова, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Гранстрем, Б. Л. Фонкич) отметили важность исследования Л. Р. Каджаия, раскрывающего до сих пор неизвестные связи между грузинской, византийской и славянской письменностью. Д. С. Лихачев указал, что открытие молодой грузинской исследовательницы подтверждает теорию Е. Э. Гранстрем об искусственном, ученом характере глаголической азбуки.

С. С. Какабадзе посвятил свой доклад распространению христианства в Грузии, отметив при этом, что тесные связи Грузии и Византии в раннехристианский период (IV—V вв.) обычно игнорируются. На основании сведений источников о строительстве церквей в Грузии в указанный период докладчик делает вывод о достаточно широком распространении христианства среди грузинского народа. Однако в глухих районах, особенно в горах, язычество сохранялось. Поэтому, как предполагает С. С. Какабадзе, в XI в., при католикосе Мелкиседеке, была проведена некоторая реорганизация грузинской церкви, в ходе которой новые церкви строили прежде всего в глухих сельских областях страны, куда посылали представителей просвещенного духовенства с целью дальнейшего утверждения христианства среди грузин.

Четвертый доклад этой группы был сделан *Н. В. Елисеевой* и носил название «Фрагмент из Шах-наме (последние Сасаниды и Византия)». Разбираемый фрагмент касается взаимоотношений Ирана с Византией в конце VI в. Докладчица сопоставила данные этого фрагмента с персидским текстом «Истории Табари», сохранившимся в одной из рукописей в Рукописном отделе ИНА.

З. Г. Самодурова рассказала о хронике XV в., хранящейся в Гос. историческом музее в Москве и относящейся к числу так называемых малых византийских хроник, служивших учебными пособиями. Изученная хроника охватывает период от Авраама до царствований Михаила VIII Палеолога (1259—1282) и выделяется среди прочих малых хроник своим светским содержанием. В хронике имеются сведения по истории Персии, Македонии и Рима, отсутствующие в других малых хрониках и извлеченные составителем из сочинений Геродота и Плутарха. Докладчица пришла к выводу, что «светский характер хроники и столь пристальное внимание к событиям античной истории объясняются тем, что эта хроника была написана в XIV—XV вв., когда в Византии формально восстанавливалась античная образованность».

Выступая по этому докладу, Д. С. Лихачев подчеркнул важность работы З. Г. Самодуровой над малыми византийскими хрониками и особенно — важность применения «шахматовской методики» к византийской хронографии, т. е. к тому виду источников, к которому эта методика еще не применялась. Далее выступавший отметил недопустимость примитивного, потребительского отношения к источнику, когда он расценивается только с точки зрения заключающихся в нем сведений. Каждый источник не только сообщает те или иные исторические данные, но и сам является осколком той эпохи, когда он был создан. Поэтому изучение истории текста малых хроник есть также изучение истории византийской общественной мысли.

Деятельности Максима Грека как переписчика греческих и русских текстов посвятил свой доклад под названием «Новый автограф Максима Грека» *Б. Л. Фонкич*. На основании анализа написанных рукой Максима Грека кодексов Б. Л. Фонкич определил некоторые характерные особенности переписанных им рукописей и установил, что Апостол (Кирилло-Белозерское собрание в ГПБ № 120/125) написан также Максимом Греком.

Доклад этот вызвал живой интерес присутствовавших. По докладу выступили Н. В. Пигулевская, Н. Н. Розов, Я. С. Лурье, А. И. Иванов.

Чрезвычайно важной и малоизученной области средневекового славянского рукописного наследия, лежащей на стыке искусствоведения и палеографии, был посвящен доклад *Т. Б. Уховой* «Методика систематизации и исследования орнамента балканского

и неовизантийского стиля древнерусской рукописной книги». Докладчица познакомила присутствующих с разработанной ею методикой систематизации орнаментов двух стилей, которую можно применить при определении других стилей и внестилевых композиций. Принцип этого метода заключается в разложении главного декоративного оформления рукописи-заставки на схемы и малые орнаментальные формы. Раскрыв свое понимание этих двух элементов, Т. Б. Ухова далее отметила, что систематизация орнамента по признаку единства формы и «почерка» деталей схем позволяет выделить группы рукописей «родственного» орнамента. Дальнейшее исследование требует искусствоведческого подхода к материалу. Подробно остановившись на этом этапе изучения орнамента, Т. Б. Ухова в заключение сделала вывод о том, что осмысление данных исследования орнамента на широком историко-культурном фоне позволит создать историю рукописной книжной орнаментики.

По докладу Т. Б. Уховой выступили Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, О. В. Творогов и др. Было отмечено, что работа Т. Б. Уховой является началом подлинно научного изучения орнамента, поскольку до сих пор в исследовании орнамента преобладала «методика впечатления» и отсутствовала строгая научная терминология.

О. В. Звегинцева продемонстрировала фототипические издания византийских, славянских и древнерусских иллюминованных рукописей с воспроизведением рукописей V—XVIII вв. Докладчица разобрала разные виды этих изданий, которые значительно расширяют возможности знакомства с рукописями.

Итоги конференции были подведены на заключительном заседании Д. С. Лихачевым и Н. В. Пигулевской. Член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев подчеркнул, что на конференции было продемонстрировано единство всех ее участников в подходе к изучению рукописных источников, единство в понимании важности рукописных богатств нашей страны, единство в «зараженности романтикой источниковедения». Рукописи, заявил Д. С. Лихачев, занимают важное место в деле борьбы за точность и объективность выводов в гуманитарных науках, что является в настоящее время не только научной, но и общественной задачей. Участники совещания выступили с докладами, основанными на передовых, современных методах источниковедческого анализа, стремились комплексно рассматривать источники и рукописи, видеть за каждым памятником его конкретных творцов, людей, окруженных определенной социальной средой.

В конце своего заключительного слова Д. С. Лихачев внес следующие практические предложения:

1) Издать прочитанные доклады.

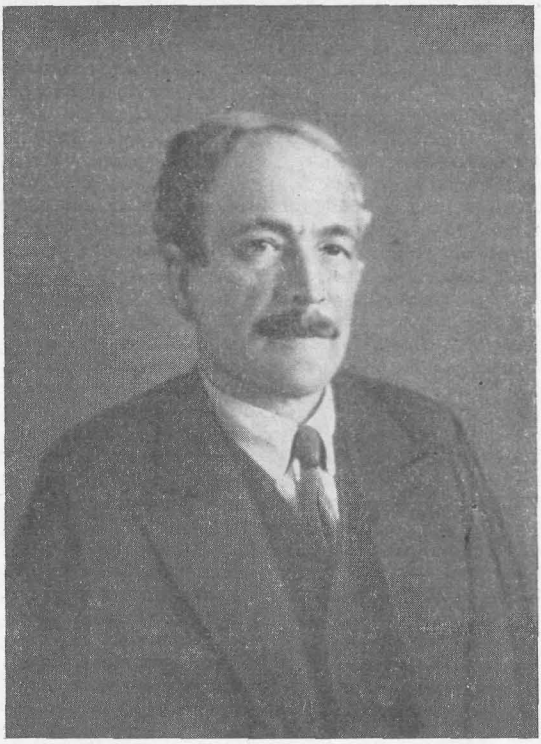
2) Сделать наши источниковедческие конференции постоянными, т. е. организовывать их каждые 2 года.

Д. С. Лихачев обратился ко всем присутствующим с просьбой о помощи в подготовке следующей конференции и в расширении состава ее участников.

Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, выступая с заключительным словом, поддержала эти практические предложения. Она отметила значимость конференции, как в смысле ее тематики, посвященной изучению рукописных богатств Советского Союза, так и в смысле участия в ней молодых научных сил, которые проявили умение работать и увлеченность наукой. Далее Н. В. Пигулевская отметила значительную роль Д. С. Лихачева в деле воспитания молодых ученых и в организации нынешней конференции. В своем выступлении Н. В. Пигулевская пожелала успеха также и другим ученым, с готовностью отдающим свои силы воспитанию кадров (Н. Н. Розову, Я. С. Лурье, Р. Р. Орбели, Е. Э. Липшиц, Е. Э. Гранстрем и др.).

С ответными словами благодарности учителям выступили на заключительном заседании И. А. Жарков, И. Н. Поздеева, З. Г. Самодурова, Б. Л. Фонкич, Э. М. Шусторович и др., подчеркнувшие роль Н. В. Пигулевской и Д. С. Лихачева в организации конференции, которая стала настоящим праздником для всех присутствующих. Участники конференции благодарили также О. А. Белоброву, на плечи которой легла вся организационно-техническая подготовка конференции.

Е. Гранстрем, Н. Дворецкая



ПЕТР ВИКТОРОВИЧ ЕРНШТЕДТ

Светлой памяти нашего учителя

25 декабря 1966 г. в Ленинграде, после длительной болезни, скончался известный ученый-византинист, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор филологических наук Петр Викторович Ернштедт.

Петр Викторович Ернштедт родился 21 июня 1890 г. в семье академика Виктора Карловича Ернштедта, принадлежавшего к числу тех русских эллинистов, интересы которых не ограничивались классической филологией. Виктор Карлович был также одним из видных русских византинистов конца XIX в. Однако научные интересы Петра Викторовича складывались не под влиянием отца, который умер, когда мальчику было всего 12 лет. В формировании П. В. как ученого участвовали лучшие ученики его отца — Г. Ф. Церетели и С. А. Жебелев. Развитию интереса к новогреческому языку способствовали занятия Петра Викторовича в годы студенчества с А. И. Пападопуло-Керамевсом, который вел в Петербургском университете курс среднегреческого и новогреческого языков.

Сразу же по окончании классического отделения филологического факультета Университета П. В. Ернштедт, которого больше всего интересовала история новогреческого языка, избирает в качестве диссертационной темы описание цаконского наречия. Для собирания материала по этой теме молодой ученый был отправлен в командировку в Грецию, однако поездку пришлось прервать из-за начавшейся войны 1914 г.

Кроме классических языков, П. В. в университетские годы изучал также восточные языки — древнееврейский, арамейский, ассирийский, сирийский, санскрит, древнеперсидский, осетинский, арабский. Эти знания в последующие годы послужили базой для разносторонних штудий ученого.

Работа в области новогреческого языка и новогреческой филологии оказалась для Петра Викторовича практически невозможной, поэтому, как он пишет в своей

автобиографии [1], он «перенес центр тяжести своих занятий историей греческого языка на средневековый его период, часть памятников которого сохранилась на папирусах византийского и арабского периодов».

В последующие годы издание греческих и коптских папирусов заняло в научной деятельности П. В. Ернштедта ведущее место. Греческие папирусы были изданы им в предпринятой Г. Ф. Церетели серии, посвященной папирусам русских и грузинских собраний (см. список трудов, №№ 24, 35, 37). В 1959 г. вышли в свет две большие работы, содержащие описания коптских текстов Государственного Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Как можно судить по этим изданиям, ученого интересовал не только папирологический материал, но также тексты на пергамене и бумаге, на черепках и камне. Его комментарии к издаваемым им текстам содержат ценные сведения по социально-экономической терминологии, по истории права и пр.

Исследования Петра Викторовича по коптологии нашли также свое отражение в составленном им учебнике коптского языка для начального курса в высших учебных заведениях и в серии этюдов по грамматике и синтаксису коптского языка.

Большое внимание уделял Петр Викторович вопросам заимствований в греческом языке, результатом чего явилась его ценная монография «Египетские заимствования в греческом языке», вышедшая в свет в 1953 г. Об этой работе, получившей высокую оценку в советской и зарубежной научной литературе, сам ученый, отличавшийся большой скромностью в оценке своих трудов, писал так: «Исследования в области выявления и изучения словарных заимствований в греческом языке из языков египетских и семитских (в частности арамейского и финикийского) заключались не только в научном обосновании устанавливаемых этимологий отдельных слов, но и в выявлении отдельных семантических групп, дающих новые материалы для изучения истории Греции и по-новому освещающих вопрос о взаимоотношениях Египта со странами средиземноморского бассейна». В этой области П. В. Ернштедт основал новую отрасль греческой филологии — исследование влияния древнеегипетского языка на древнегреческий язык.

Изыскания П. В. Ернштедта по истории греческого языка и по коптологии признаются образцовыми по тщательности и глубине исследования.

Вся многолетняя научная деятельность покойного была тесно связана с русским и советским византиноведением. На страницах дореволюционных периодических изданий по византиноведению появляются его первые публикации; в «Византийском временнике» в течение нескольких лет он вел библиографический раздел, посвященный филологии и истории литературы. В конце 1940-х годов Петр Викторович был избран в редакционную коллегию «Византийского временника», членом которой оставался до последнего времени.

Хорошо известна педагогическая деятельность Петра Викторовича. В предреволюционные и 1920-е годы он преподавал латынь и греческий язык в средней школе. Позднее, с конца 1920-х годов и до середины 1950-х годов он вел занятия по греческому языку (на всем протяжении его истории) и по коптологии со студентами и аспирантами Ленинградского университета, Гос. Эрмитажа, институтов Академии наук СССР и других научных учреждений Ленинграда и Ташкента (во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны). Строгий к самому себе, он был строгим критиком чужих работ, но всегда был готов прийти на помощь товарищам по работе, особенно молодым и начинающим.

Советские византинисты на долгие годы сохранят благодарную и почтительную память к имени Петра Викторовича Ернштедта.

* * *

Публикуемый ниже список трудов покойного состоит из двух частей — опубликованные работы и работы, оставшиеся в рукописях. Этот список наилучшим образом раскрывает широту научных интересов и познаний П. В. Ернштедта.

Е. Гранстрем, В. Шандровская

Труды П. В. Ернштедта

I. Опубликованные

1. Отдел IV. Библиография. Б. Филология и история литературы.— ВВ, XVIII, 1911, стр. 19—40 (совместно с неизвестным автором).
2. Заметки к тексту тюремных стихов Михаила Гликаса.— ЖМНП, н. с., 1912, май. Отдел классической филологии, стр. 219—232.

[1] Составлена П. В. Ернштедтом в 1950-е гг. Пользуемся случаем поблагодарить вдову покойного, его верного друга и помощника Ольгу Карловну Ернштедт за предоставленные нам материалы и сведения.

3. Рецензия на книгу: K. Wolf. Studien zur Sprache des Malalas. I — II. München, 1911—1912.— ВВ, XXI, 1913, Отдел II, стр. 23—26.
4. Hellenica Oxyrhynchia XI_2.— ЖМНП, н. с., 1914, декабрь. Отдел классической филологии, стр. 524.
5. Отдел IV. Библиография. Б. Филология и история литературы,— ВВ, XXI, 1914. Отдел II, стр. 20—30.
6. О тексте и языке письма Феона.— ЖМНП, н. с., 1915, июнь. Отдел классической филологии, стр. 289—294.
7. Среднегреческое διδω θάνατον «умираю».— ВО, I, 1915, Отдел I, стр. 77—82.
8. Еще о ковше с греческой надписью 1586 года.— Христианский Восток, V, 1916, № 2, стр. 144—146 (совместно с А. Марковым).
9. О субстантивном ἄπαξ .— ВО, II, 1916, Отдел I, стр. 77—82, 97—105.
10. Папирусные памятники среднегреческого языка. I. Письмо Схоластикия к его матери Филосторгии.— ЖМНП, н. с., 1917, сентябрь. Отдел классической филологии, стр. 287—298.
11. Ngr. ἀλέτρι «Pflug», zak. ératse, id.— В сб.: Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay. Krakow, 1921, pp. 92—94 (на нем. яз.).
12. Памятники греческой речи Египта, I — II.— Известия Российской Академии наук, серия VI, т. 15, 1921, стр. 677—724.
13. Mittelgriechisches und Zakonisches, 1—5,— BNJb; Bd. III, 1922, S.81—89, 263—272 (на нем. яз.).
14. Aus den Coptica der Sammlung Lichačov.—«Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 99—100 (на нем. яз.).
15. Ein kirchenpoetisches Papyrusfragment.— «Aegyptus», V, № 3, 1924, p. 183—184 (на нем. яз.).
16. Ein koptisches Ineditum der Eremitage.—«Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso (1884—1925)». Milano, 1925, pp. 282—286 (Publicazioni di «Aegyptus»— Serie Scientifica: vol. III) (на нем. яз.).
17. Koptisches měšě «du (Frau) weisst nicht».— «Доклады Академии наук СССР», 1925, стр. 23—26 (на нем. яз.).
18. Zum Gebrauch des koptischen Qualitativs.—«Доклады Академии наук СССР», 1925, стр. 74—77 (на нем. яз.).
19. Σκατζύ. — В сб.: «Recueil Gébelev». Л., 1926, стр. 473—476 (сборник не вышел в свет; имеются 4 машинописных экземпляра, один из которых находится в Библиотеке Ленинградского отделения Академии наук СССР).
20. Zum Strategikon des Kekaumenes.— BNJb., Bd. V, 1926. S, 42—43 (на нем. яз.).
21. Das koptische Praesens und die Anknüpfungsarten des näheren Objekts.—«Доклады Академии наук СССР», 1927, стр. 69—74 (на нем. яз.).
22. Der koptische Brief.—«Ancient Egypt», VIII, 1927, p. 97 (на нем. яз.).
23. Die grammatische und lexikalische Stellung des koptischen Verbums na «gehen».— «Доклады Академии наук СССР», 1927, стр. 33—35. (на нем. яз.).
24. Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen, hrsgb. von Gr. Zereteli, IV. Die Kome-Aphrodito Papyri der Sammlung Lichačov, bearb. von P. Jernstedt. Tiflis, 1927 (на нем. яз.).
25. Zu den koptischen Briefen an den Meletianer Païēū.—«Доклады Академии наук СССР», 1927, стр. 65—68 (на нем. яз.).
26. Der koptische Brief.—«Orientalistische Literaturzeitung», 31. Jg., 1928, № 12, S. 1037—1038 (реферат статьи, указанной выше под № 22,— на нем. яз.).
27. К толкованию гомеровских слов ῥήσσοντες (Σ 571) и ῥηξήνορι (N 323).—«Доклады Академии наук СССР», 1928, стр. 109—114.
28. То же.— В сб.: «'Ασπασμός». Ивану Ивановичу Толстому ученики и друзья. Л., 1928, стр. 40—45 (на нем. яз.).
29. Frage: ĕkbēk ĕtōn, Antwort: ĕinabōk ĕ.— В сб.: «Сборник египтологического кружка при Ленинградском гос. университете», 2, 1929, стр. 4—5 (на нем. яз., литография).
30. Graeco-Coptica, I — II.—«Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Bd. 64, 1929, S. 122—135 (на нем. яз.).
31. Kritisch-lexikalisches.—«Aegyptus», X, 1929, № 1, p. 73—79 (на нем. яз.).
32. Zwei neue Bruchstücke der koptischen ἐρωταποκρίσεις. —«Aegyptus», X, 1929, № 1, p. 80—86 (на нем. яз.).
33. Die koptischen Papyri des Asiatischen Museums.— В сб.: «Сборник Египтологического кружка при Ленинградском гос. университете», 6, 1930, стр. 21—44 (на нем. яз., литография).
34. ŏuēhnaf.— В сб.: «Сборник Египтологического кружка при Ленинградском гос. университете», 4, 1930, стр. 1—2 (на нем. яз., литография).
35. Papyri Russischer und Georgicher Sammlungen, hrsgb. von Gr. Zereteli. III. Spätrömische und byzantinische Texte, bearb. von. Gr. Zereteli und P. Jernstedt. Tiflis, 1930 (на нем. яз.).
36. Zur lexikalischen Neuschöpfung im Koptischen.—«Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Bd. 65, Heft 2, 1930, S. 127—128 (на нем. яз.).

37. Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen, hrsgb. von Gr. Zereteli. V. Varia, bearb. von Gr. Zereteli und P. Jernstedt. Tiflis, 1935. (на нем. яз.). (Вся серия Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen переиздана фототипическим путем в Амстердаме в 1966 г.).
38. Русский перевод фрагментов из грамматических трактатов Секста Эмпирика и Присциана.— В сб.: «Античные теории языки и стиля». М.—Л., 1936, стр. 69—70, 83—94, 112—115, 117, 123—126, 129—133.
39. Zu einem koptischen Papyrus der Eremitage.— В сб.: «Кружок по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже». Сборник 2 (9). Л., 1935, стр. 54—57 (на нем. яз., резюме — по-русски).
40. Техника изготовления папируса.— В сб.: «Эллинистическая техника». М.—Л., 1948, стр. 252—256.
41. К детерминации в коптском языке.—«Советское востоковедение», вып. VI, 1949, стр. 52—62.
42. Этимология новогреческого глагола μαγαρίζω. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1, 1951, стр. 120—131.
43. Два греческих папируса византийского периода из советских собраний.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215.
44. Египетские заимствования в греческом языке. М.—Л., 1953.
45. Коптская литература.— Большая Советская Энциклопедия, т. 22, изд. 2-е, М., 1953, стр. 544.
46. Коптский язык.— Большая Советская Энциклопедия, т. 22, изд. 2-е. М., 1953, стр. 544—545.
47. Из области финикийских заимствований в греческом языке.— «Труды Института языкознания», серия восточных языков, I. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1954, стр. 73—98.
48. «Обильноорошаемый Египет» у Гомера.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 149—151.
49. Греческие египтизмы времени существования греческих факторий в Египте.— ВДИ, 1956, № 2, стр. 153—160.
50. К коптскому тексту романа об Александре.— ВВ, X, 1956, стр. 178—180.
51 О греческом предшественнике слова «гайтанъ».— В сб.: «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию»., М., 1956, стр. 131—136.
52. Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка.— «Палестинский сборник», вып. 2 (64—65), 1956, стр. 12—30.
53. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе.— ВВ, IX, 1956, стр. 154—158.
54. К филологии финикийских заимствований в греческом языке.—«Труды Института языкознания», серия восточных языков, II. АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1957, стр. 31—34.
55. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах.— ВВ, т. XII, 1957, стр. 218—231.
56. Из области древнейших египтизмов греческого языка.—«Палестинский сборник», вып. 3(66), 1958, стр. 29—40.
57. Автореферат двух статей, указанных выше под №№ 49 и 52.— Bibliotheca Classica Orientalis, 4. Jg., 1959, Heft 3, S. 170 (на нем. яз.)
58. Два административных коптских письма арабского времени.—«Палестинский сборник», № 4 (67), 1959, стр. 5—11.
59. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959.
60. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959.
61. Ошибочное разделение слов в тексте Гомера.— В сб.: «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели». М.—Л., 1960, стр. 334—336.
62. Aus dem Gebiet der ältesten Aegyptizismen der griechischen Sprache.—«Bibliotheca Classica Orientalis», 6. Jg., 1961, Heft 2, Sp. 105—112 (автореферат статьи, указанной выше под № 56, на нем. яз.).
63. «Море» и «мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи.— В сб.: «Древний мир» в честь акад. В. В. Струве. М.—Л., 1962, стр. 513—519.
64. Коптская литература.— В кн.: «Африка. Энциклопедический справочник», т. 1. М., 1963, стр. 443 (совместно с А. И. Еланской).
65. Египетские привативные прилагательные — источник греческих словарных новшеств.— В сб.: «История и филология стран Ближнего Востока», М., 1967 (*в печати*).

II. Рукописи

1. Αἴμων, «знающий, сведущий».
2. Гилуды.
3. Греко-египетская шутка.
4. Два коптских сельскохозяйственных термина.
5. Египетская личная глагольная форма в греческом эпосе

6. Египтизмы греческого языка в области сельскохозяйственной семантики.
7. Ἐγρήσσεις «ты бодрствуешь»— ⲉϩⲣⲏⲥ «ты бодрствуешь» (по-коптски).
8. Закономерности образования женского рода в египетском языке.
9. К категории согласования — несогласования в коптском языке.
10. Материалы для словаря среднегреческого и новогреческого языка (на карточках).
11. Менандр Протиктор. История. Перевод на русский язык.
12. Монография по грамматике коптского языка. (Фонетика. Морфология. Глагольные безличные обороты. Морфология и синтаксис глаголов «иметь» и «не иметь». Типология коптского предложения. Семантические виды придаточных предложений. Предложение адвербиального типа и его смешанная разновидность). 30 печ. листов.
13. Незамеченная историко-звуковая аналогия названия Αἴγυπτος —«Египет».
14. Новогреческий словник. 216 стр. (машинопись).
15. Ὀρφή «слышимое божественное слово».
16. О происхождении греческого и италийского обозначений письма и писчего материала διφθέρα и littera из языков Двуречья.
17. О происхождении некоторых гомеровских слов неясного значения.
18. Семитские заимствования в греческом языке.
19. «Стратегикон» Кекавмена. Перевод (незаконченный).
20. Tsakonia и Tsakones. К этимологии обозначения территории и носителей лаконского языка.
21. Учебник коптского языка для начального курса высших учебных заведений. Около 10 печ. листов.
22. Этюды по среднегреческому и новогреческому языку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийское обозрение
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГСУ — Годишник на Софийския университет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ — Зборник Радова. Византолошки институт
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИИБИ — Известия на Института за българска история
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
СВ — Средние века
СС — Советское славяноведение
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ — Ученые записки
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BNJb — Byzantinisch-Neugriechishe Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz.— Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi, v. 1—6. Vindobonae, 1870—1890
OrChrPer — Orientalia Christiana Periodica
PG — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
REB — Revue des études byzantines
SK — Seminarium Kondakovianum

ГОСУД ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1963

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Пятидесятилетие Великой Октябрьской революции и советское византиноведение 3

М. Я. Сюзюмов (Свердловск). К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. 15

З. В. Удальцова (Москва). Мировоззрения Аммиана Марцеллина. . . 38

А. П. Каждан (Москва). Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский 60

А. В. Поппэ (Лодзь). Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии. 85

Н. А. Казакова (Ленинград). Вопрос о причинах осуждения Максима Грека 109

В. Г. Брюсова (Москва). К вопросу о происхождении Владимира Мономаха 127

Г. Цанкова-Петкова (София). Восстановление Болгарского патриаршества в 1235 г. и международное положение Болгарского государства 136

Г. Г. Литаврин (Москва). Ὁ πάππος τοῦ Κελαυμένου — ὁ ἐχθρὸς τῆς Ῥωμανίας (Реплика) 151

Н. И. Брунов (Москва). К вопросу о средневизантийской архитектуре Константинополя 159

А. Н. Попов (Москва). Являются ли остатки каменных балок в стене Северной церкви Фенари-Исса в Стамбуле остатками опор балкона?. . . . 192

А. Л. Якобсон (Ленинград). К изучению раннесредневековой болгарской архитектуры (армянские параллели). 195

Е. С. Овчинникова (Москва). Миниатюрная мозаика из собрания Государственного исторического музея. 207

П. П. Закарая, В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Шухутская баня. . 225

Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Выпуск 6. Рукописи XIV в. 238

Критика и библиография

Рецензии

С. А. Секиринский, К. К. Когонашвили (Симферополь). А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. Изд-во «Наука». М.—Л., 1964. 256

Г. Г. Литаврин (Москва). Геновева Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България XI—XIII в. София, 1964, 210 стр. 260

Г. К. Вагнер, Н. Н. Воронин (Москва). Р. О. Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, 281 стр., 113 табл. Тир. 1000 экз. 266

Т. А. Измайлова (Ленинград). Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII — XIII вв. Ереван. Изд-во АН Арм. ССР, 1964, 150 стр., 134 табл. + + 16 цветн. Фотограф А. Кочар (на арм. яз.). 274

Б. Л. Фонкич (Москва). Греческие писцы эпохи Возрождения. II . . . 285

Аннотации

Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965. 286

Г. В. Абгарян. «История Себеоса» и проблема Анонима. Ереван, 1965. . 287

«Армянская книга канонов», т. 1. Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна. Ереван, 1964. 288

М. Н. Андреев. Ватопедската грамота и въпросите на българското феодално право. София, 1965 289

Две новые публикации греческих актов. A. Guillou. Les actes grecs de S. Maria di Messina. Palermo, 1963; J. Bompaire. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964 291

Procopii Caesariensis opera omnia recognovit Jacobus Haury, addenda et corrigenda adiecit G. Wirth. v. I — IV. Lipsiae, 1962—1964. 292

Новое о византийском городе. H.-G. Beck. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer früh-mittelalterlichen Hauptstadt.— BZ, 58, 1965. 293

A. Kriesis. Greek Town Bilding. Athens, 1965. 293

S. Vryonis. Byzantine Δημοκρατία and the Guilds in the Eleventh Century.— DOP, 17, 1963 293

E. Frančes. La disparition des corporations byzantines.— «Actes du XII^e Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964. 293

P. Lemerle. L'Orthodoxie byzantine et l'oecuménisme médiéval: les origines du «schisme» des Églises.—«Bulletin de l'association Guillaume Budé», IV^me sér., 1965, № 2 296

G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1962 298

H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.—«Wiener byzantinistische Studien», Bd. I. Wien, 1964. . . 298

V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin, t. V: L'Église, I: L'Église de Constantinople, A: Hiérarchie. Paris, 1963. 300

E. Sargologos. La vie de saint Cyrille le Philéote moine byzantin.—«Subsidia hagiographica», № 39. Bruxelles, 1964 302

Sancti Romani melodi cantica. Cantica genuina. Oxford, 1963 304

Romanos le Melode. Hymnes, t. I — II. Paris, 1964—1965. 304

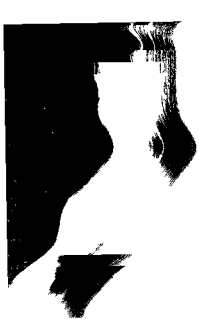
Хроника

З. В. Удальцова (Москва). Научные итоги XIII Международного конгресса византинистов 307

Е. Э. Гранстрем, Н. А. Дворецкая (Ленинград). Конференция молодых специалистов — «Вопросы изучения славянского и греческого рукописного наследия» (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.) 314

Петр Викторович Ернштедт 319

Список сокращений 324



Византийский временник
Том XXVIII

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор *М. А. Заборов*
Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Технический редактор *В. В. Тарасова*

Сдано в набор 28/XI—67 г. Подписано к печати 26/III 1968 г.
Бумага № 1. Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 28,7.
Уч.-изд. л. 31,4. Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3697. Т-04632.
Цена 1 р. 98 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Стра-
ница

101

222
231

занти

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
01	23 сн	Bestnmerver zeichnisse	Bestumerver zeichnisse
22	16 св	техникьи	техника
31	Подпись под рис 4	*Б*	*Т*
		II — топка	*С* (верхнее) — топка